

АГАТА КРИСТИ

К 100-летию со дня рождения

АГАТА КРИСТИ

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2000

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ХЛЕБ ВЕЛИКАНОВ

РОМАН

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

РОМАН

ВДАЛИ ВЕСНОЙ

РОМАН

Перевод с английского

Москва

«АРТИКУЛ-ПРИНТ»

2000

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)
К82

AGATHA CHRISTIE

1891—1976

Составление
А. ТИТОВА

Художественное оформление
Г. КЛОДТА, И. ПЧЕЛКО

ISBN 5-93776-002-6 (т.22)
ISBN 5-93776-001-8

© Составление, художественное
оформление, редакция произ-
ведений. Издательство «Арти-
кул-принт», 2000

ХЛЕБ ВЕЛИКАНОВ

РОМАН

Перевод под редакцией
Е. ЧЕВКИНОЙ

Giants' Bread

1930

Пролог

На открытие нового театра — Национальной Оперы — собрался весь лондонский бомонд. Там была королевская семья. Там была пресса. Там был высший свет. Туда всеми правдами и неправдами удалось пробиться даже музыкантам — в основном в задние ряды галерки.

Давали «Гиганта», новое произведение доселе неизвестного композитора Бориса Груина. В антракте после первого действия внимательный слушатель мог бы уловить примерно такие обрывки разговоров:

«Дорогой, это божественно...», «Говорят, это... это... ну, в общем, это самое новейшее! Все специально не в лад... Чтобы это понять, надо начитаться Эйнштейна...»¹, «Да, дорогая, я всем буду говорить, что это великолепно. Но, между нами говоря, от такой музыки только болит голова».

— Неужели нельзя было открыть Британскую Оперу произведением приличного британского композитора? Нет, им понадобилась эта русская белиберда, — замечает желчный полковник.

— Совершенно с вами согласен, — лениво отзывается его собеседник. — Но, видите ли, у нас нет британских композиторов. Печально, но факт!

¹ Эйнштейн Альберт (1879—1955) — великий немецкий физик, лауреат Нобелевской премии, создатель общей теории относительности, основатель квантовой теории и др.

— Вздор! Не говорите чепуху, сэр. Им не дают ходу, в этом все дело. Что за тип этот Левин? Просто заезжий грязный еврей, вот и все!

Человек, прислонившийся к стене, полускрытый занавеской, позволил себе чуть улыбнуться — потому что он и был Себастьян Левин, единоличный владелец Национальной Оперы, попросту именуемый «Величайший в мире шоумен».

Это был крупный мужчина, пожалуй, несколько полноватый. Лицо у него было желтое и невыразительное, черные глазки — маленькие и блестящие, а огромные оттопыренные уши — вообще подарок для карикатуристов.

Мимо него катились волны разноголосого хора.

«Декадент...»¹, «Упадочничество...», «Неврастеник...», «Ребячество...»

Это были критики.

«Потрясающе...», «Божественно...», «Грандиозно, дорогой».

Это женщины.

«Эта вещь — не больше, чем помпезное шоу», «Во второй части, пожалуй, были занятные эффекты — я имею в виду технические. Первая часть, «Камни», — нечто вроде вступления. Говорят, старина Левин вне себя от восторга. Ничего подобного еще не бывало», «В этой музыке нечто роковое, ты не находишь?», «Большевистские идеи, я думаю. Шумовой оркестр — так это у них, кажется, так называется?»

Это молодые мужчины — более интеллигентные, чем женщины, и менее предубежденные, чем критики.

«Это не приживется. Трюк, ничего больше. Хотя как сказать... чувствуется что-то от кубизма»², «Левин — пройдоха», «Вкладывает деньги не жалея — и всегда возвращает с лихвой». «Сколько стоит?...» Голоса падают до шепота — как всегда, когда речь заходит о денежных суммах.

Это представители его собственной расы. Себастьян Левин улыбнулся.

¹ Декадент — представитель антиреалистических направлений в литературе и искусстве конца XIX — начала XX века, отличавшийся духом безнадежности и ярким индивидуализмом.

² Кубизм — течение в изобразительном искусстве первой четверти XX века, главной задачей которого было конструирование объемных форм на плоскости посредством комбинаций геометрических тел или фигур.

Раздался звонок, толпа заколыхалась и не спеша двинулась на свои места.

Наступило ожидание, наполненное говором и смехом; свет затрепетал и стал гаснуть. Дирижер прошел на свое место. Перед ним был оркестр в шесть раз больше любого из оркестров Ковент-Гардена¹, к тому же совершенно необычного состава. Сверкали металлом странные инструменты, похожие на уродливых чудовищ; в углу мерцал непривычный в данной обстановке хрусталь. Дирижерская палочка взлетела, потом упала, и тут же раздались гулкие ритмичные удары, будто били молотом по наковальне. Иногда очередной удар исчезал, пропадал совсем... а затем внезапно обнаруживался и втискивался без очереди, расталкивая другие.

Занавес поднялся...

В глубине ложи второго яруса стоял Себастьян Левин и смотрел.

Это нельзя было назвать оперой в ее обычном понимании. Не было ни сюжета, ни персонажей. Скорее это был гигантский русский балет. В нем были захватывающие эффекты — необычные, причудливые световые эффекты, изобретение самого Левина. Уже долгое время каждое его шоу становилось сенсацией, абсолютно новым словом в театральном искусстве. В этом же спектакле он выступал не только как продюсер, но и как художник и вложил в него всю силу своего воображения и опыта.

Пролог — Каменный век — показывал детство Человека.

Теперь же — квинэссенция спектакля — на сцене было царство машин, фантастичное, почти ужасающее. Силовые подстанции, механизмы, фабричные трубы, краны — все это переходило одно в другое. И люди — целые армии людей в шаблонной одежде — в пятнистой, будто нарочно испачканной, с кубическими головами, как у роботов, марширующих один за другим.

Музыка нарастала, вихрилась — новые инструменты необычной формы вопили низкими звучными голосами, а поверх них порхали высокие ноты, словно звон бесчисленных стаканов.

Сцена «Небоскребы» изображала Нью-Йорк — как бы увиденный из окна самолета, облетающего его ранним утром. А странный рваный ритм неведомого ударного инструмента звучал все громче, с нарастающей угрозой. Он проходил сквозь все сцены вплоть до самой кульминации — это

¹ Ковент-Гарден — Королевский оперный театр в Лондоне, современное здание которого было построено в 1858 году

было что-то вроде апофеоза стали, когда тысячи людей со стальными лицами слились, сплывались в единого Гигантского Коллективного Человека.

Эпилог последовал без перерыва, без зажигания света в зале.

В оркестре звучит только одна группа инструментов — на новом жаргоне ее называют «Стекло».

Звуки рожка.

Занавес растворяется, превращается в туман... туман рассеивается... от неожиданного сверкания хочется зажмуриться.

Лед... ничего кроме льда... айсберги, глетчеры...¹ сияние.

И на вершине этого великолепия, на самом пике маленькая фигурка — спиной к зрителям, лицом к нестерпимому сиянию, символизирующему восход солнца...

Фигурка человека кажется до смешного ничтожной.

Сияние дошло до яркости вспышки магия. Руки сами потянулись к глазам, под вскрики боли.

Стекло зазвенело — высоким нежным звоном — затем хрустнуло... разбилось... — разбилось буквально — на звенящие осколки.

Упал занавес, и зажегся свет.

Себастьян Левин невозмутимо принимал поздравления и хлопки по плечу.

— На этот раз ты превзошел себя, Левин. Никаких полумер, а?

— Ну, старина, чертовски здорово! Хотя убей меня Бог, если я что-то понял.

— Значит, Гигант? Это верно, мы живем в век машин.

— О! Мистер Левин, как вы меня напугали, нет слов! Этот ужасный стальной Гигант будет мне сниться по ночам.

— Машины как Гигант, пожирающий людей? Недалеко от истины, Левин. Пора нам возвращаться к природе. А кто этот Груин? Русский?

— Да, кто такой Груин? Но кем бы он ни был, он гений. Большевики могут похвастаться хотя бы тем, что наконец-то создали одного композитора.

¹ Глетчер — ледник, часто масса движущегося льда, плотная и прозрачно-голубая.

— Скверно, Левин, ты продался большевикам. Коллективный Человек. Музыка тоже коллективная?

— Что ж, Левин, желаю удачи. Не могу сказать, что мне нравится кошачий концерт, который теперь называется музыкой, но шоу хорошее.

Одним из последних подошел старичок, слегка согбенный, одно плечо выше другого. Отчетливо разделяя слова, он сказал:

— Может, нальешь мне выпить, Себастьян?

Левин кивнул. Старичок был Карл Боуэрман, самый выдающийся музыкальный критик Лондона. Они прошли в собственное святилище Левина, уселись в кресла, и Левин налил гостю виски с содовой. Вопросающе взглянул на него. Вердикт этого человека его тревожил.

— Ну?

Минуту-другую Боуэрман не отвечал. Наконец медленно сказал:

— Я старик. Есть вещи, от которых я получаю удовольствие; есть и другие, вроде сегодняшней музыки, которые удовольствия не доставляют. Но в любом случае я могу распознать гений, когда встречаю его. Существует сто шарлатанов, сто ниспровергателей традиций, которые думают, что создают что-то значительное. И только сто первый — творец, человек, смело шагнувший в будущее.

Он помолчал, потом продолжил:

— Да, я распознаю гений, когда его встречаю. Он может мне не нравиться, но я его узнаю. Груин, кто бы он ни был, — гениален. Музыка завтрашнего дня...

Он опять замолчал, и Левин снова ждал, не прерывая паузу.

— Не знаю, удастся ли твоя авантюра или провалится. Скорее всего удастся — но лишь благодаря тебе самому. Ты владеешь искусством заставлять публику принять то, что ты ей даешь. У тебя талант к успеху. Ты окружил Груина загадкой — как я полагаю, это часть твоей кампании в прессе?

Он пронзил Себастьяна взглядом.

— Я не стану вмешиваться в эту кампанию, но скажи мне одно: Груин — англичанин?

— Да. Как вы узнали, Боуэрман?

— В музыке национальность угадывается безошибочно. Да, это русская революционная школа, но... но как я сказал, национальность определяется безошибочно. И до него были пионеры — люди, которые пытались сделать то,

что совершил он. У нас есть английская школа музыки:¹ Хольст, Воан-Уильямс, Арнольд Бакс. По всему миру музыканты ринулись к новому идеалу — ищут Абсолют в Музыке. Этот человек — прямой наследник того паренька, которого убили на войне,— как его звали? Дейр, Вернон Дейр. Многообещающий был мальчик.— Он вздохнул.— Интересно, Левин, скольких мы потеряли в этой войне?²

— Трудно сказать, сэр.

— Не смею подумать. Да, не смею подумать.— Он поднялся.— Я тебя задерживаю. Понимаю, у тебя куча дел.— Слабая улыбка осветила его лицо.— «Гигант»! Полагаю, вы с Груиным сыграли небольшую шутку. Все приняли как должное, что Гигант — это Молох³ Индустрии. Они не видят, что настоящий Гигант — та крошечная фигурка, Человек. Личность. Человек, который преодолел каменный век и железный. После того как рухнет и умрет цивилизация, он проложит путь сквозь еще одну эру, Ледяную⁴, и поднимется к новой цивилизации, какая нам и не снилась.

Он широко улыбнулся.

— Чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что нет на свете ничего более смешного, более жалкого, более абсурдного и притом совершенно изумительного, чем Человек.

И уже в дверях, держась за ручку, добавил:

— Удивляет одно — что приводит к появлению существ вроде этого Гиганта? Что его порождает? Наследственность формирует его... окружение его отшлифовывает и доводит до завершения... секс его пробуждает... Но есть кое-что поважнее. Это то, что его питает.

¹ Английская школа музыки — группа музыкантов и композиторов конца XIX — начала XX века, начинавших с увлечения музыкальным фольклором и пришедших к поискам новых путей в музыке, к новаторству в инструментовке. Главой школы был Ральф Воан-Уильямс (1872—?), а также Густав Хольст (1874—1934), Арнольд Бакс (1883—1935) и др.

² Имеется в виду Первая мировая война 1914—1919 годов.

³ Молох — имя ряда древнесемитских божеств, которым приносились человеческие жертвы; в переносном смысле символ грубой жестокой силы, требующей жертв.

⁴ Имеется в виду ледниковый период — эпоха в истории земли, характеризовавшаяся громадным распространением ледников. Чередование холодных и теплых эпох в этот период оказалось губительным для многих млекопитающих, но благоприятным для человека, сумевшего приспособиться к резким изменениям природы.

Фу-у, фу-у, фу-у!
Человечьим духом пахнет.
Я ему кости истолку,
На завтрак хлеба испеку¹.

Гигант жесток, Левин! Монстр, поедающий плоть и кровь. Ничего не знаю о Груине, но, ручаюсь, он кормит своего Гиганта собственной кровью и плотью, а может, еще и чужой... Их кости перемалываются на хлеб Гиганту...

Я старик, Левин. У меня свои причуды. Сегодня мы видели конец, а я хочу знать начало.

— Наследственность — окружение — секс,— медленно проговорил Левин.

— Да. Именно так. Но я надеюсь, ты расскажешь мне не только это.

— Думаете, я знаю?

— Уверен, что знаешь.

Наступила тишина.

— Да,— сказал наконец Левин.— Знаю. Я бы рассказал вам всю историю, но не могу... Тому есть причины.

Он медленно повторил:

— Есть причины.

— Жаль. Было бы интересно.

— Как сказать...

Книга первая

ЭББОТС-ПЬЮИСЕНТС

Глава 1

1

В мире Вернона существовало только три действительно важных человека: Няня, Бог и мистер Грин.

Были, конечно, горничные. Первым делом Винни, потом Джейн, и Анни, и Сара, и Глэдис — это те, кого Вернон мог вспомнить, но было множество других. Горничные подолгу не задерживались, потому что не могли

¹ Несколько измененная приговорка великана-людосда из английской детской сказки о «Джеке и бобовом стебле».

поладить с Няней. В мире Вернона их можно было не брать в расчет.

Было также некое двуединое божество Мама-Папа, которое Вернон упоминал в молитвах, а также связывал с ними переход к десерту. Они представлялись Вернону смутными фигурами, пожалуй, красивыми, особенно Мама, но опять-таки они не принадлежали к реальному миру — миру Вернона.

В мире Вернона существовали только очень реальные вещи. Коврик в детской, например. В зелено-белую полосу, довольно кусачий для голых коленок, с дыркой в углу — эту дырку Вернон исподтишка расковыривал пальцем. Или стены детской, на которых лиловые ирисы бесконечной чередой оплетали что-то такое, что иногда было ромбиками, а иногда, если очень долго смотреть, — крестами. Вернону это казалось очень интересно и немного загадочно.

Возле одной стены стояла лошадка-качалка, но Вернон редко на ней качался. Он больше играл с плетеным из прутьев паровозиком и плетеными грузовиками. Был у него низкий шкаф, набитый довольно потрепанными игрушками. На верхней полке лежали более хрупкие вещи, с которыми разрешалось играть в дождливую погоду или когда Няня бывала в особенно хорошем расположении духа. Там была Коробка с Красками и Кисточки из Настоящего Верблюжьего Волоса и кипа листов с картинками для Вырезания. Там же были все те вещи, про которые Няня говорила, что от них только грязь и она их терпеть не может. Одним словом, самые лучшие вещи.

А в центре этой Няниной вселенной, возвышаясь над всем остальным, находилась сама Няня. Персона номер один в верноновской Троице. Вся такая большая и широкая, накрахмаленная и шуршащая. Всезнающая, всемогущая. Нет ничего лучше Няни. «Мне лучше знать, чем маленькому мальчику» — так она часто говорила. Всю свою жизнь она провела в присмотре за мальчиками (за девочками тоже, но они Вернона не интересовали), а те один за другим вырастали и создавали ей Хорошую Репутацию. Она так говорила, и Вернон ей верил. Он не сомневался в том, что тоже вырастет и сделает Няне хорошую репутацию, хотя временами казалось, что едва ли. В Няне было нечто внушавшее благоговение, но одновременно бесконечно уютное. Она знала ответы на все вопросы. Например, Вернон поставил перед ней загадку ромбиков и крестов на обоях.

— А-а. Что тут такого? — сказала Няня. — Всегда есть два взгляда на вещи, неужели никогда не слышал?

И поскольку однажды она буквально те же слова говорила Винни, Вернон был вполне удовлетворен. Он даже стал зрительно представлять себе эту задачу в виде буквы А: по одной стороне на нее заползают кресты, а по другой спускаются ромбы.

После Няни шел Бог. Бог тоже был для Вернона исключительно реальным, в основном из-за того, что он так плотно заполнял разговоры Няни. Няня знала, что ты делаешь, почти всегда, но Бог знал все, и Бог был даже еще более удивительным существом, чем Няня, если это только возможно. Например, ты не можешь видеть Бога, что несправедливо, потому что это дает ему преимущество: он-то тебя видит. Даже в темноте. Иногда, лежа ночью в кровати, Вернон думал, что вот Бог сейчас смотрит на него из темноты, и от этой мысли по спине пробегали мурашки.

Но вообще-то по сравнению с Няней Бог не очень досаждал Вернону. О нем можно было просто не вспоминать — пока Няня не заведет о нем разговор.

Однажды Вернон взбунтовался.

— Няня, знаешь, что я сделаю, когда умру?

Няня в это время вязала носок. Она сказала:

— Один, два, три, четыре — ну вот, упустила петлю. Нет, мистер Вернон, не знаю, конечно.

— Я пойду в рай... я пойду в рай... и прямо к Богу, прямо к нему пойду и скажу: ты ужасный человек, я тебя ненавижу!

Тишина. Ну вот. Он сказал. Немыслимая, неопишуемая дерзость! Что-то теперь будет? Какая страшная кара, земная или небесная, падет на его голову? Он ждал, затаив дыхание.

Няня подхватила петлю. Посмотрела на Вернона поверх очков. Невозмутимая, безмятежная.

— Вряд ли Всемогуший обратит внимание на то, что болтает гадкий мальчишка. Винни, подай, пожалуйста, вон те ножницы.

Вернон удрученно ретировался. Не получилось. Няню не сокрушить. Мог бы и сам догадаться.

2

А еще был мистер Грин. Он был вроде Бога в том смысле, что его тоже нельзя было увидеть, но он был совершенно реальным, Вернон это знал. Он точно знал, например, как мистер Грин выглядит: среднего роста, довольно полный, слегка похож на зеленщика из их деревни, который пел в церковном хоре дребезжащим баритоном; у него крас-

ные щеки и усы щеточкой. Глаза у него голубые, ярко-голубые. Самое замечательное в мистере Грине было то, что он любил играть. Про какую бы игру Вернон ни подумал, всегда оказывалось, что мистер Грин любит в нее играть. Вернон и еще про него кое-что знал. Например, у него было сто детей. И еще трое. По мнению Вернона, те сто держались кучей; они веселой толпой ходили за Верноном и мистером Грином по тисовым аллеям. А трое были особенные. У них были имена, самые прекрасные имена, какие знал Вернон: Пудель, Белка и Кустик.

Пожалуй, Вернон был одиноким мальчиком, но сам этого не знал. Потому что, как видите, он мог играть с мистером Грином, Пуделем, Белкой и Кустиком.

3

Долгое время Вернон не мог решить, где же у мистера Грина дом. Неожиданно ему пришло в голову, что мистер Грин конечно же живет в Лесу. Лес для Вернона заключал в себе особую притягательность. Одной стороной к нему примыкал Парк, и Вернон часто крался вдоль высокой зеленой изгороди в надежде найти трещинку, чтобы сквозь нее посмотреть на Лес. Оттуда доносился шепот, вздохи, похрустывание, будто деревья разговаривали друг с другом. В середине ограды была дверь, но она, увы, всегда была заперта, и Вернону так и не удалось узнать, что же находится там, внутри Леса.

Няня, конечно, его туда не водила. Как все няни, она предпочитала прогулку по хорошей твердой дороге, чтобы никакие мерзкие мокрые листья не пачкали обувь. Так что Вернону не разрешалось ходить в Лес. От этого он думал о нем еще больше. Он думал о том, что наступит день, и он будет пить чай с мистером Грином. Для такого случая Пуделю, Белке и Кустiku понадобятся новые костюмчики.

4

Детская надоедала Вернону. Она была слишком маленькая. Он знал в ней все, что можно было знать. Другое дело сад. Сад был действительно великолепен. В нем было много разнообразных частей. Были длинные дорожки между подстриженными тисовыми кустами, выложенные орнаментом в виде птиц, пруд с жирными золотыми рыбками, фруктовый сад, окруженный стеной, и дикий сад, где по весне цвел миндаль и между белых стволов берез

распускались голубые подснежники, но лучше всего был огороженный участок с развалинами старого Аббатства. Это было место, где Вернону хотелось бы побыть одному, чтобы заняться настоящим делом — лазить и исследовать. Но не удавалось. Зато остальным садом он распоряжался как хотел. Гулять его отправляли вместе с Винни, но по странному совпадению они всегда натыкались на младшего садовника, и Вернон мог предаваться играм, не обремененный излишним вниманием Винни.

5

Постепенно мир Вернона расширялся. Двойная звезда Мама-Папа распалась, превратилась в двух отдельных людей. Папа оставался чем-то туманным, зато Мама — вполне определенным персонажем. Она стала часто посещать детскую — «поиграть с моим дорогим мальчиком». Вернон переносил ее визиты со степенной вежливостью, хотя для него это чаще всего означало прекратить игру, которой он был поглощен, и переключиться на другую, несколько не интересную, по его мнению. Иногда с ней приходили дамы, и тогда она крепко прижимала к себе Вернона (чего он терпеть не мог) и восклицала:

— Как замечательно быть матерью! Я никак не могу к этому привыкнуть! Иметь своего собственного чудного крошку-мальчика!

Весь красный, Вернон вырывался из ее объятий. Потому что он был вовсе не крошка. Ему было уже три года.

Однажды сразу после подобной сцены он увидел, что в дверях стоит отец и саркастически смотрит на него. Их глаза встретились. Казалось, между ними что-то пробежало: понимание... родственное чувство.

Мамины подруги переговаривались:

— Как жалко, что он не в тебя, Майра. Если бы ему твои волосы!

А Вернона охватило неожиданное чувство гордости. Значит, он похож на отца.

6

Вернон навсегда запомнил день, когда та американская леди пришла к ним на обед. Начать с того, что об Америке он знал только со слов Няни, а та, как выяснилось позже, пугала ее с Австралией.

К десерту он спулся в столовую в благоговейном

трепете. Если бы эта леди была у себя дома, она ходила бы вверх ногами. Одного этого было достаточно, чтобы смотреть на нее во все глаза. Но она к тому же как-то странно называла самые простые вещи!

— Какой же он милый! Пойди сюда, голубчик, я принесла тебе коробочку сладостей. Бери, угощайся!

Вернон робко подошел, взял подарок. Эта леди явно не знает, о чем говорит. Никакие это не сладости, а «Эдинбургская скала»¹.

С ней были два джентльмена, один из них — ее муж. Он сказал:

— Ты узнаешь полкроны², если увидишь?

Тут же выяснилось, что монетка в полкроны предназначалась ему. Словом, день выдался замечательный.

Вернон никогда особенно не задумывался про свой дом. Знал, что он больше, чем дом викария³, куда однажды он ходил пить чай, но ему редко доводилось играть с другими детьми или бывать у них дома. Так что в тот день он был просто потрясен.

— Господи, это поразительно! Вам приходилось видеть что-либо подобное? Пятьсот лет, говорите? Фрэнк, ты только послушай. Генрих Восьмой⁴! Как будто слушаешь историю Англии. Говорите, Аббатство еще старше?

Они повсюду ходили, осмотрели длинную картинную галерею, где мужчины на портретах были удивительным образом похожи на Вернона, они глядели с холстов надменно либо с ледяной снисходительностью, а женщины были кроткие, в высоких плоеных⁵ воротниках или с жемчугами в волосах — жены Дейров изо всех сил старались быть кроткими, ведь они выходили замуж за неистовых лордов, которые не знали ни страха, ни жалости, — они теперь одобрительно смотрели на Майру Дейр, последнюю в их ряду.

Из картинной галереи все вышли в квадратный зал, а оттуда в «Нору Священника»⁶.

¹ «Эдинбургская скала» — сорт твердой помадки.

² Полкроны — монета в два шиллинга шесть пенсов, имевшая хождение до 1971 года

³ Викарий — приходский священник в Англиканской церкви.

⁴ Генрих Восьмой (1491—1547) — английский король, представитель английского абсолютизма.

⁵ Плоеный (*устар.*) — сделанный ровными складками при помощи особых шипцов.

⁶ «Нора Священника» — убежище священника, потайная комната, обычно в церкви или замке, где укрывались католические священники во времена преследования католиков в Англии.

Задолго до этого Няня увела Вернона. Но они снова нашли его в саду, он кормил рыбок. Отец ушел в дом за ключами от Аббатства. Гости остались одни.

— Господи, Фрэнк,— сказала американская леди,— это просто замечательно! Столько лет! Передается от отца к сыну. Романтично, сказала бы я, но уж слишком романтично. Столько лет. Фантастика! Как это может быть?

Тут заговорил другой джентльмен. Он был молчун, и Вернону еще не приходилось его слышать. Но тут он разжал губы и произнес одно слово — такое чарующее, такое загадочное, такое великолепное, что Вернон запомнил его на всю жизнь.

— Брамаджем¹,— сказал джентльмен.

Вернон хотел было спросить, что означает это загадочное слово, но его отвлекли.

Из дома вышла мать. За ее спиной пылал закат — яркая декорация в золотых и красных тонах. На этом фоне Вернон и увидел мать, увидел впервые: восхитительная женщина, с белой кожей и волосами цвета червонного золота, похожая на картинку в книге сказок; вдруг увидел ее как нечто удивительное, удивительное и прекрасное.

Он навсегда запомнил этот момент. Она — его мать, она прекрасна, и он ее любит. Что-то похожее на боль пронзило его грудь, но это была не боль. В голове возник дурманящий гул, как будто гром, и все закончилось на высокой, сладкой ноте, похожей на пение птицы. Удивительный момент.

И с ним связалось магическое слово Брамаджем.

Глава 2

1

Горничная Винни уезжала. Это произошло совершенно неожиданно. Остальные слуги перешептывались. Винни плакала. Она все плакала и плакала. Няня отправилась к ней, как она это называла, «беседовать», и после этого Винни стала плакать еще сильнее. С Няней творилось что-то ужасное; она казалась еще больше и шире, чем обычно, и еще сильнее шуршала. Вернон знал, что Винни уходит из-

¹ Брамаджем — диалектное название города Бирмингем, а также «дешевая подделка» (в городе Бирмингеме в XVII—XVIII веках чеканились фальшивые монеты и изготовлялись фальшивые драгоценности).

за Отца, и воспринял этот факт без особого интереса или любопытства — горничные и раньше уходили из-за Отца.

Мать заперлась у себя в комнате. Она тоже плакала, Вернон слышал из-за двери. Она за ним не посылала, а ему и в голову не пришло зайти к ней. Он даже испытывал некоторое облегчение. Он терпеть не мог звуков плача — всех этих сглатываний, всхлипов, долгого сопения, и все тебе в ухо. Плачущие всегда обнимают тебя. Вернон терпеть не мог этих звуков над ухом. Больше всего в мире он ненавидел неправильные звуки. От них все внутри тебя съезживается, как сухой листок. Вот отчего мистер Грин такой славный — он никогда не издает неправильных звуков.

Винни упаковывала свои коробки. С ней была Няня — уже не столь ужасная, почти обычный человек.

— Пусть это послужит тебе предостережением, моя девочка,— говорила Няня.— На новом месте не позволяй себе ничего такого.

Винни, шмыгнув носом, пробормотала, что ничего такого и не было.

— И больше не будет, смею надеяться, пока я здесь служу,— сказала Няня.— Должна сказать, больше всего тут виноваты твои рыжие волосы. Рыжие — всегда ветреницы, так говорила моя дорогая мамочка. Не скажу, что ты непутевая, но то, что ты сделала,— неприлично. Неприлично — больше я ничего не могу сказать.

И как обычно, после этой фразы у нее нашлось еще многое что сказать. Но Вернон уже не слушал. «Неприлично?» Он знал, что «приличная» говорят про шляпу. Но при чем здесь шляпа?

— Няня, что значит «неприлично»? — спросил он ее в тот же день.

Няня с полным ртом булавок — она кроила Вернону полотняный костюмчик — ответила:

— Непристойно.

— Что значит «непристойно»?

— Это когда маленькие мальчики задают глупые вопросы,— не задумываясь ответила Няня. Долгая профессиональная практика развивает в людях находчивость.

2

В этот день отец Вернона зашел в детскую. Бросил на него быстрый вороватый взгляд, несчастный и вызывающий. Слегка поморщился, встретившись с округлившимися от любопытства глазами сына.

— Привет, Вернон.

— Привет, папа.

— Я уезжаю в Лондон. Пока, старина.

— Ты уезжаешь в Лондон, потому что целовал Винни? — с интересом спросил Вернон.

Отец пробормотал слово, которого, как Вернон знал, дети не должны слышать — тем более повторять. Этим словом пользуются джентльмены, а не мальчики. Подобное обстоятельство заключало в себе особое очарование, так что Вернон завел привычку перед сном повторять его самому себе вместе с другим запрещенным словом. Другое слово было Корсет.

— Кто, к дьяволу, тебе это сказал?

— Никто не говорил, — поколебавшись с минуту, ответил Вернон.

— Тогда откуда ты узнал?

— Так ты целовал ее, правда? — допытывался Вернон.

Отец, не отвечая, подошел к нему.

— Винни меня иногда целует, — сообщил Вернон, — но мне это не очень нравится. Приходится ее тоже целовать. Вот садовник ее целует много. Ему это вроде нравится. По-моему, поцелуи — это глупость. Может быть, мне больше понравится целовать Винни, когда я вырасту?

— Да, — осторожно сказал отец, — вероятно. Ты же знаешь, что сыновья иногда становятся очень похожи на отцов.

— А я хочу быть похожим на тебя. Ты замечательный наездник, так Сэм говорит. Он говорит, равных тебе нет во всей округе, и еще не было лучшего знатока лошадей. — И быстро-быстро Вернон добавил: — Я хочу стать похожим на тебя, а не на Маму. От Мамы у лошадей спина саднит — так Сэм говорит.

Последовала долгая пауза.

— У Мамы ужасно голова болит, — сообщил Вернон скороговоркой.

— Знаю.

— Ты сказал ей «до свидания»?

— Нет.

— А скажешь? Тогда тебе надо побыстрее. Вон уже коляска подъезжает.

— Боюсь, уже нет времени.

Вернон с мудрым видом кивнул.

— Ну и правильно. Я не люблю, когда приходится целовать плачущих людей. Вообще не люблю, когда Мама

меня изо всех сил целует. Она меня так сильно сжимает и говорит в самое ухо. По-моему, лучше целовать Винни. А по-твоему, папа?

Тут отец почему-то резко повернулся и вышел из комнаты. Мгновением раньше вошла Няня. Она почтительно посторонилась, пропуская хозяина, и у Вернона возникла смутная мысль, что она как-то ухитрилась сделать так, что отцу стало неловко.

Вошла младшая горничная Кети и стала накрывать на стол к чаю. Вернон в углу строил башню из кубиков. Вокруг него снова сомкнулась атмосфера мирной старой детской.

3

И вот — внезапное вторжение. В дверях стояла мать. Глаза ее опухли от слез. Она промокала их платочком, всем своим видом показывая, какая она несчастная.

— Он ушел, — воскликнула она. — Не сказав мне ни слова. Ни единого слова. О, мой сыночек. Сыночек мой!

Она метнулась через комнату к Вернону и сгребла его в объятия, разрушив башню, в которой было на один этаж больше, чем ему удавалось построить раньше. Громкий, отчаянный голос матери забивался в уши:

— Дитя мое... сыночек... поклянись, что ты никогда не предашь меня. Клянись... клянись.

Няня решительно подошла к ним.

— Довольно, мадам, довольно, остановитесь. Вам лучше вернуться в постель. Эдит принесет вам чашечку хорошенького чайку.

Тон у нее был властный и суровый.

Мать всхлипывала и еще сильнее прижимала его к себе. Все тело Вернона напряглось, сопротивляясь. Еще немного, еще совсем немного — и он сделает все, что Мама пожелает, лишь бы она отпустила его.

— Вернон, ты должен возместить... возместить мне те страдания, которые причинил мне твой отец. О Господи, что мне делать?

Краешком сознания Вернон отметил, что Кети молча стоит и наслаждается зрелищем.

— Идите, мадам, — сказала Няня. — Вы только расстраиваете ребенка.

На этот раз в ее голосе было столько решительности, что мать подчинилась. Слегка опершись на руку Няни, она дала себя увести.

Через несколько минут Няня вернулась с покрасневшим лицом.

— Ну дела,— сказала Кети,— никак не успокоится! Вечные с ней истерики. Вы не думаете, что она этим только себя убивает? А Хозяин — что ему остается? Приходится мириться с Ней. Все эти сцены, и дурное настроение...

— Хватит, детка,— сказала Няня.— Займись-ка своим делом; в доме джентльмена слуги не судачат о таких вещах. Твоей матери следовало бы получше тебя воспитать.

Кивнув, Кети скрылась. Няня обошла вокруг стола, с непривычной резкостью передвигая чашки и тарелки. Губы ее шевелились, она ворчала под нос:

— Вбивают ребенку в голову всякие глупости. Терпеть этого не могу...

Глава 3

1

Появилась новая горничная, худенькая, беленькая, с глазами навывкате. Ее звали Изабел, но в доме ей дали имя Сьюзен, как Более Подходящее. У Вернона это вызвало недоумение. Он попросил Няню объяснить.

— Мастер¹ Вернон, есть такие имена, которые подходят дворянам, а есть имена для прислуги. Вот и все.

— Тогда почему же ее настоящее имя — Изабел?

— Некоторые люди любят обезьянничать и, когда крестят своих детей, дают им дворянские имена.

Слово «обезьянничать» сильно смутило Вернона. Обезьяны, мартышки... Что, некоторые люди носят детей крестить в зоопарк?

— Я думал, что детей крестят в церкви.

— Так оно и есть, мастер Вернон.

Загадочная история. Почему все крутом так загадочно? Почему простые вещи вдруг становятся загадочными? Почему один человек говорит тебе одно, а другой совсем другое?

— Няня, откуда берутся дети?

— Вы меня уже спрашивали, мастер Вернон. Ангелочки приносят их, влетая ночью в окно.

— Та ам... ам...

— Не заикайтесь, мастер Вернон.

¹ Мастер (*устар.*) — почтительное именование слугой сына хозяина.

— Американская леди, которая сюда приходила,— она сказала, что меня нашли под кустом крыжовника.

— Так бывает только в Америке,— безмятежно откликнулась Няня.

Вернон с облегчением вздохнул. Ну конечно же! В нем колыхнулась волна благодарности к Няне. Она все знает. Пошатнувшуюся вселенную она твердо поставила на место. И она никогда не смеется. Мама — та смеется. Он слышал, как она говорила другим дамам: «Он задает мне такие занятные вопросы. Вы только послушайте. Дети так забавны, так восхитительны».

Но Вернон вовсе не считал, что он забавный или восхитительный. Он просто хотел знать. Ты должен все узнавать. Иначе не повзрослеешь. А когда ты взрослый, ты все знаешь, и у тебя в кошельке есть золотые соверены¹.

2

Мир продолжал расширяться.

Появились, например, дяди и тети.

Дядя Сидни — мамин брат. Он низенький, толстый, с красным носом. У него привычка напевать — тянуть одну ноту — и звенеть монетами в брючном кармане. Он обожает шутить, но Вернон считает, что его шутки не всегда забавны.

Например, дядя Сидни говорит:

— Допустим, я надену твою шапку. А? На что я буду похож? Скажи!

Интересно: взрослый, а задает вопросы! Интересно,— но как быть: если Няня что и внушила Вернону, так это то, что мальчикам не следует высказывать свое мнение о других.

— Ну же,— настаивал дядя Сидни.— На что я буду похож? Вот,— он схватил полотняный предмет обсуждения и водрузил его на макушку,— как я выгляжу, а?

Что ж, раз надо отвечать, значит, надо. Вернон сказал вежливо и еле слышно:

— Мне кажется, вы выглядите довольно глупо.

— Майра, у твоего парня совсем нет чувства юмора,— сказал дядя Сидни.— Совершенно нет чувства юмора. Жаль.

¹ Соверен — золотая монета в один фунт стерлингов, которая чеканилась до 1917 года

Сестра Отца тетя Нина — совсем другое дело. От нее приятно пахнет, как летом в саду, и у нее нежный голос, что особенно нравится Вернону. У нее есть и другие достоинства: она не целует тебя, если ты не хочешь, и не пристает с шуточками. Но она нечасто приезжает в Эбботс-Пьюисентс.

Она, должно быть, очень храбрая, думал Вернон, ведь это она первая показала ему, что Чудовищем можно поведовать.

Чудовище живет в большой гостиной. У него четыре ноги и блестящее коричневое тело. И длинный ряд того, что Вернон, будучи совсем маленьким, считал зубами. Великолепные желтые сверкающие зубы. Сколько Вернон себя помнил, Чудовище завораживало и пугало его. Поэтому что, если его тронуть, оно издает странные шумы — сердитое рычание или злобный пронзительный вой. Почему-то эти шумы ранят тебя, как ничто другое. Ранят в самое сердце. Ты дрожишь, тебя охватывает слабость, жжет глаза, но из-за какого-то странного очарования ты не можешь уйти.

Когда Вернону читали сказки про драконов, он всегда представлял их в виде этого Чудовища. А самые лучшие игры с мистером Грином были те, где они убивали Чудовище: Вернон вонзал копье в его коричневое блестящее тело, а сотня детишек мистера Грина улюлюкала и пела за его спиной.

Конечно, теперь, когда Вернон большой, он больше понимает. Он знает, что Чудовище называется Рояль, что, когда его обдуманно бьют по зубам, это называется «игратьнарояле»! И леди это делают для джентльменов после обеда. Но в глубине невинной души он продолжал бояться; иногда ему снилось, что Чудовище гонится за ним по лестнице, ведущей в детскую, и он с криком просыпался.

В его снах Чудовище жило в Лесу, оно было дикое и свирепое и производило такой ужасный шум, что невозможно терпеть.

Иногда «игратьнарояле» принималась Мама, и Вернон переносил это с большим трудом, хотя чувствовал, что из-за маминых действий Чудовище конечно же не проснется. Но когда однажды за это взялась тетя Нина, все было совсем иначе.

Вернон в углу играл в одну из своих воображаемых игр. Они с Пуделем и Белкой устроили пикник: ели омаров и шоколадные эклеры.

Тетя Нина не заметила его; она села на табурет и стала наигрывать.

Захваченный обаянием музыки, Вернон подползал все ближе и ближе. Нина наконец увидела, что он смотрит на нее во все глаза, и лицо его залито слезами, а тело сотрясается от рыданий. Она остановилась.

— Что случилось, Вернон?

— Терпеть не могу,— всхлипнул Вернон.— Ненавижу. Ненавижу. Мне больно вот тут.— Он сдвинул руками живот.

В это время в комнату вошла Майра. Она засмеялась.

— Представляешь, какая нелепость? Этот ребенок просто ненавидит музыку. Такой чудак.

— Почему же он не уходит, если ненавидит? — спросила Нина.

— Я не могу,— рыдал Вернон.

— До чего смешно! — сказала Майра.

— Я думаю, скорее, это интересно.

— Почти все дети любят брэнчать на пианино. Я как-то попыталась показать Вернону некоторые штучки, но он совсем не заинтересовался.

Нина продолжала задумчиво смотреть на маленького племянника.

— Мне просто не верится, что мой ребенок может быть немзыкальным,— обиженно говорила Майра.— Я в восемь лет уже играла трудные пьесы.

— О,— неопределенно протянула Нина.— Музыкальность проявляется по-разному.

Майра подумала, что эта глупость вполне в духе Дейров. Либо человек музыкальный, и тогда он играет пьесы, либо нет. Вернон, определенно, нет.

3

Заболела Нянина мама. Беспрецедентная катастрофа обрушилась на детскую. Няня с красным и зловещим лицом укладывала вещи, ей помогала Сьюзен-Изабел. Вернон — растроганный, полный сочувствия, а еще больше интереса, стоял рядом и расспрашивал:

— Няня, у тебя мама очень старая? Ей сто лет?

— Конечно нет, мастер Вернон. Скажете тоже, сто лет!

— Как ты думаешь, она умрет? — продолжал Вернон, стараясь выказать доброту и понимание.

У кухарки мать заболела и умерла. Няня не ответила на вопрос. Вместо этого сердито сказала:

— Сьюзен, достань из нижнего ящика пакеты для обуви. На этот раз поосторожнее, детка.

— Няня, а твоя мама...

— Мастер Вернон, у меня нет времени на разговоры.

Вернон сел в углу обтянутой ситцем оттоманки и погружился в размышления. Няня сказала, что ее маме не сто лет. Но все равно она должна быть очень старой. Он и Няню всегда считал ужасно старой. Голова кружилась от мысли, что кто-то может быть еще старше и мудрее. От этого Няня почему-то уменьшалась до размеров простого человеческого существа. Она больше не была фигурой, следующей по рангу за самим Господом Богом.

Вселенная пошатнулась — ценности поменялись местами. Няня, Бог и мистер Грин — все трое отступили в тень, затуманились. Мама, Отец и даже тетя Нина — те стали значительнее. Особенно Мама. Мама была похожа на принцессу с длинными золотыми волосами. Он был готов сражаться за нее с драконом — с блестящим коричневым драконом вроде Чудовища. Какое там было волшебное слово? Бруамаджем — вот оно, Бруамаджем. Чарующее слово! Принцесса Бруамаджем! Это слово надо будет тихо и тайно повторять на ночь вместе с «Черт возьми» и «Корсет».

Но его ни за что, ни за что не должна слышать Мама! Потому что он прекрасно знает, что она станет смеяться — она всегда так смеется, что у тебя внутри все съеживается, так что ты чуть не корчишься... А еще она скажет что-нибудь такое — она всегда говорит такое, что ты терпеть не можешь: «До чего же забавные эти дети!»

А Вернон знает, что он совсем не забавный. Он не любит ничего забавного, так сказал дядя Сидни. Если бы Мама была не...

Он ошеломленно застыл на скользком сиденье. Ему вдруг представилось, что Мамы две. Одна — прекрасная принцесса, о которой он мечтает, с ней он связывает закат солнца, волшебство и победу над драконом, и другая — та, что смеется и говорит: «До чего же забавные эти дети!» Только, конечно, это одна и та же мама...

Он заерзал, вздохнул. Няня, раскрасневшаяся от напряжения — она пыталась закрыть чемодан, участливо повернулась к нему.

— Что такое, мастер Вернон?

— Ничего,— ответил Вернон.

Надо всегда говорить: «Ничего». Потому что, если станешь объяснять, никто не поймет, что у тебя на уме.

4

Бразды правления взяла Сьюзен, и обстановка в детской переменилась. Можно было не слушаться! Сьюзен велит не делать — а ты делаешь! Сьюзен говорит, что пожалуется Маме — но ни за что ей не скажет!

Поначалу Сьюзен наслаждалась положением и властью, которые получила в отсутствие Няни. Вернон думал, что так будет и дальше, а она доверительно говорила Кети, младшей горничной:

— Не знаю, что на него нашло. Временами это просто чертенок. А с миссис Пэскел он был такой хороший, воспитанный.

На что Кети отвечала:

— У, она такая. Хватка у нее — будь здоров, правда?

И они все шептались и хихикали.

Однажды Вернон спросил:

— Кто это миссис Пэскел?

— Ну вы даете, мастер Вернон! Не знаете имени собственной няни?

Значит, Няня — миссис Пэскел. Новое потрясение. Она всегда была просто Няня. Как будто тебе сообщили, что Бога зовут — мистер Робинсон.

Миссис Пэскел! Няня! Чем больше об этом думаешь, тем чуднее это кажется. Миссис Пэскел; как Мама миссис Дейр, а Папа — мистер Дейр. Странно, но Вернону не пришла в голову мысль о мистере Пэскеле. (Такого человека и не было. Миссис — это было молчаливое признание положения и авторитета Няни.) Няня стояла в одиночестве своего величия, как и мистер Грин: хотя у него было сто детей (а также Пудель, Белка и Кустик), Вернон и не думал, что у него есть еще миссис Грин!

Пытливая мысль Вернона двинулась в другом направлении.

— Сьюзен, а тебе нравится, что тебя зовут Сьюзен? Ты не хотела бы лучше зваться Изабел?

Сьюзен (или Изабел), как обычно, хихикнула.

— Чего бы я хотела, мастер Вернон,— это никого не волнует.

— Почему?

— В этом мире людям приходится делать то, что им велят.

Вернон промолчал. Еще несколько дней назад он сам думал так же. Но теперь он стал понимать, что это не так. Необязательно делать то, что тебе велят. Все зависит от того, кто велит.

И дело не в наказании. Сюзен последовательно сажала его на стул, ставила в угол, лишала сладостей. Няне было достаточно строго посмотреть поверх очков с таким выражением, что речь могла идти только о немедленной капитуляции.

У Сюзен в натуре не было властности, и Вернон это понял. Он открыл для себя восторг непослушания. И еще ему нравилось мучить Сюзен. Чем больше бедная Сюзен волновалась и суежилась, тем больше он радовался. В соответствии со своим возрастом, он все еще жил в каменном веке — получал наслаждение от жестокости.

Сюзен завела привычку отпускать Вернона в сад одного. Девушке некрасивой, ей в отличие от Винни, в саду было нечего делать. Да и вообще — что может с ним там случиться плохого?

— Только не подходите к прудам, мастер Вернон, хорошо?

— Хорошо,— пообещал Вернон, тут же вознамерившись непременно это сделать.

— Вы будете, как хороший мальчик, играть с обручем?

— Да.

В детской воцарилось спокойствие. Сюзен с облегчением вздыхала и доставала из ящика книгу в бумажной обложке под названием «Герцог и молочница».

Подгоняя обруч, Вернон бежал к огороженному фруктовому саду. Вырвавшись из-под контроля, обруч скакнул на узкую полоску вскопанной земли, что сразу же привлекло внимание придиры Хопкинса, старшего садовника. Хопкинс твердо и властно прогнал Вернона, и Вернон ушел. Он уважал Хопкинса.

Забросив обруч, Вернон влез на дерево, потом на другое. Точнее сказать, со всеми предосторожностями поднялся футов на шесть от земли. Утомленный столь рискованным спортом, он оседлал скамейку и стал размышлять, чем бы еще заняться.

Вообще-то он думал о прудах. Раз Сюзен запретила туда ходить, они сразу стали манить к себе. Да, он пойдет

на пруды. Он встал — и увидел такое, что сразу изменило его планы. Дверь в Лес была открыта!

5

Такого на памяти Вернона еще не случалось. Он не раз тайком пытался толкнуть эту дверь — она всегда была заперта. Он осторожно подкрался к ней. Лес! Он стоял в нескольких шагах по ту сторону двери. Можно было окунуться в его прохладную зеленую глубину. Сердце Вернона забилось быстрее.

Ему всегда хотелось пойти в Лес. Вот он, шанс! Когда Няня вернется, об этом и речи быть не может.

И все же он медлил. Его удерживала не опасность наказания. Строго говоря, ему никогда не запрещали ходить в Лес. Детская хитрость с готовностью предоставила ему это оправдание.

Нет, тут было нечто другое: страх перед неизвестным, эти темные лиственные глубины... Его удерживала память первобытных предков.

Идти или не идти? Там может оказаться Нечто — Нечто вроде Чудовища. Нечто возникнет за спиной, оно с воплем погонится за тобой...

Он переминался с ноги на ногу.

Но Нечто не гоняется за людьми среди бела дня. И в Лесу живет мистер Грин. Конечно, не такой настоящий, как раньше, но как славно будет все облазить и найти место, где мог бы жить тот мистер Грин. И маленькие, укрытые листьями домики для Пуделя, Белки и Кустика.

— Пошли, Пудель,— сказал Вернон невидимому товарищу.— Лук и стрелы с тобой? Отлично. Белка будет ждать нас там.

Он бойко зашагал вперед. Внутренним оком он видел, как рядом шагает Пудель, одетый, как Робинзон Крузо¹ на картинке в книжке.

В Лесу было замечательно: влажно, темно и зелено. Птицы пели, перелетая с ветки на ветку. Вернон продолжал разговаривать с другом — роскошь, которую он позволял себе нечасто, потому что кто-то мог подслушать и ска-

¹ Робинзон Крузо — главный персонаж одноименного романа английского писателя Даниэля Дефо (1660[?]—1731), моряк, после кораблекрушения оказавшийся на необитаемом острове.

зять: «Ну разве это не забавно? Он воображает, что рядом с ним идет еще один мальчик». Дома приходится осторожничать.

— Мы придем в Замок к обеду, Пудель. На обед у нас будут жареные леопарды. О, вот и Белка! Привет, Белка, как дела? А где Кустик?

— Вот что я вам скажу. Мне надоело идти пешком. Поехали верхом.

Кони были привязаны у ближайшего дерева. Вернон взял себе молочно-белого, Пудель — черного как уголь; масть Белкиного коня осталась неопределенной.

Они галопом поскакали через Лес. Им попадались смертельно опасные места, болота. Змеи шипели на них, их подстерегали львы. Но надежные кони делали все, что от них требовали всадники.

Как глупо играть в саду! Как глупо играть где бы то ни было, кроме Леса! Он забыл, что значит играть с мистром Грином, Пуделем, Белкой и Кустиком. Да и как не забыть, если тебе все время напоминают, что ты забавный мальчик, который верит в свои выдумки?

Вернон то прыгал и дурачился, то вышагивал торжественно и с достоинством. Он был великим, замечательным! Единственное, чего ему не хватало, когда он возносил хвалу себе, — это боя тамтамов, о которых он пока еще не знал.

Лес! Он всегда знал, что Лес именно такой, и он таким оказался! Неожиданно перед ним возникла осыпающаяся, покрытая мхом стена. Стена Замка! Что может быть лучше? Он немедленно полез на нее.

Подъем оказался нетрудным, хотя исполненным трепетного ожидания возможных опасностей. Кто там живет, мистер Грин или страшный людоед, Вернон еще не решил. Он склонялся к последнему, потому что в этот момент был охвачен боевым духом. С пылающим лицом он забрался на вершину стены и заглянул через нее.

Здесь нам придется прерваться на небольшое пояснение. Миссис Сомерс Вест обожала романтическое одиночество (временами) и купила себе «Лесной Коттедж», потому что он «такой уединенный, и ты действительно находишься в самой глубине Леса, если вы понимаете, что я имею в виду, наедине с Природой». А поскольку миссис Сомерс Вест была натурой не только художественной, но и музыкальной, она убрала стенку в доме, две комнаты превратила в одну, и получилось место, достаточное для рояля.

И в тот самый момент, когда Вернон достиг вершины стены, несколько потных мужчин, пошатываясь, волокли вышеупомянутый рояль к окну, потому что в дверь он не пролезал. Садом вокруг «Лесного Коттеджа» служил обычный подлесок — дикая Природа, как это называла миссис Сомерс Вест. Так что все, что Вернон мог увидеть,— это было Чудовище! Чудовище, живое, целеустремленное, надвигалось на него злобно и мстительно...

На мгновение он прирос к месту. Затем с диким криком кинулся бежать по узкому верху стены. Чудовище преследовало его, настигало, он чувствовал это. И он бежал, бежал так быстро, как никогда. Ногой зацепился за стельку плюща, рухнул лицом вниз... он падает... падает...

Глава 4

1

Много времени спустя Вернон проснулся и увидел, что лежит в кровати. Конечно, проснуться в кровати — дело вполне естественное, неестественно было то, что прямо перед ним поставили огромный горб. Он уставился на него, и в это время кто-то с ним заговорил. Этот кто-то был доктор Коулз, Вернон его прекрасно знал.

— Ну-ну,— сказал доктор Коулз,— и как же мы себя чувствуем?

Вернон не знал, как чувствует себя доктор Коулз, но сам он чувствовал себя плохо и так и сказал.

— И еще у меня что-то болит,— сказал Вернон.— По-моему, очень сильно болит.

— Еще бы, еще бы,— сказал доктор Коулз.

«Не слишком обнадеживающе»,— подумал Вернон.

— Может, будет лучше, если я встану,— сказал Вернон.— Можно мне встать?

— Боюсь, пока нельзя,— сказал врач.— Видишь ли, ты упал.

— Да,— сказал Вернон.— За мной гналось Чудовище.

— А? Что? Чудовище? Какое Чудовище?

— Никакое,— сказал Вернон.

— Наверное, собака,— догадался врач.— Прыгала на стену и лаяла. Не надо бояться собак, мой мальчик.

— Я не боюсь.

— А почему ты оказался так далеко от дома, а? Не дело уходить так далеко.

— Никто мне этого не говорил,— сказал Вернон.

— Хм, хм, странно. Что ж, боюсь, ты получил по заслугам. Ты знаешь, что у тебя перелом ноги?

— Да ну?! — Вернон был вознагражден. Как здорово. У него перелом ноги. Он почувствовал себя очень важным.

— Да, придется тебе полежать, а потом некоторое время походить на костылях. Знаешь, что такое костыли?

Да, Вернон знал. Мистер Джоббер, отец кузнеца, ходит на костылях. А теперь и у него будут костыли! Как здорово!

— Можно мне сейчас попробовать?

Доктор Коулз засмеялся.

— Так тебе понравилась эта идея? Нет, боюсь, придется немного подождать. Ты должен постараться и быть мужественным мальчиком. И тогда быстро начнешь поправляться.

— Спасибо,— вежливо сказал Вернон.— Пока я не очень хорошо себя чувствую. Нельзя ли убрать с кровати эту странную штуку? Тогда мне будет удобнее.

Оказалось, что «эта штука» называется рама, и убрать ее нельзя. Оказалось также, что Вернон не может двигаться на кровати, потому что его нога привязана к деревяшке. И сразу стало ясно, что иметь перелом ноги не так уж здорово.

У Вернона задрожали губы. Он не собирался плакать, нет,— он большой мальчик, а большие мальчики не плачут. Так Няня говорила. И тут он понял, что хочет, чтобы рядом была Няня, ужасно хочет. Спокойная, всеведущая, во всем своем шуршащем, хрустящем величии.

— Она скоро приедет,— сказал доктор Коулз.— Да, скоро. А пока за тобой будет ухаживать сестра Френсис. Няня Френсис.

Няня Френсис появилась в обозримом пространстве, и Вернон молча рассматривал ее. Она тоже шуршала и хрустела, это хорошо. Но она не была такая большая, как Няня. Она была тоньше Мамы — тонкая, как тетя Нина. Он не был уверен...

Но тут он встретился с ней глазами; спокойные глаза, скорее зеленые, чем серые; он, как и большинство людей, почувствовал, что с няней Френсис они поладят.

Она улыбнулась, но не так, как улыбаются мамыны гости. Улыбка была серьезная, дружеская, но сдержанная.

— Мне очень жаль, что тебе плохо,— сказала она.— Хочешь апельсинового соку?

Вернон обдумал этот вопрос и сказал, что, пожалуй, хочет. Доктор Коулз вышел, а няня Френсис подала ему сок в ужасно смешной чашке с длинным носиком. Вдобавок оказалось, что пить надо из этого носика.

Он засмеялся, и от смеха ему стало больно, он перестал. Няня предложила ему поспать, но он сказал, что спать не хочет.

— Тогда и мне придется не спать,— сказала няня Френсис — Хотела бы я знать, сумеешь ли ты сосчитать ирисы на стене? Ты начинай справа, а я слева. Ты ведь умеешь считать?

Вернон с гордостью сказал, что умеет считать до ста.

— Это очень много,— сказала няня Френсис.— Тут нет ста ирисов. Я думаю, их семьдесят пять. А как по-твоему?

Вернон предположил, что их пятьдесят. Он был уверен, что не больше. Он начал считать, но как-то получилось, что веки его закрылись, и он уснул ..

2

Шум... шум и боль. Он рывком проснулся. Было очень жарко, одна сторона тела болела сверху донизу. Шум приближался. Такой шум всегда связан с появлением Мамы...

Она вихрем ворвалась в комнату — часть ее одежды развевалась сзади. Она была похожа на птицу, большую птицу, и как птица она спикировала на него.

— Вернон, дорогой, мамина крошка! Что с тобой сделали! Какой ужас! Кошмар! Дитя мое!

Она плакала. Вернон тоже заплакал. Он испугался. Майра стонала и заливалась слезами.

— Мое маленькое дитя! Все, что я имею в мире. Боже, не отнимай его у меня! Не отнимай его у меня! Если он умрет, я тоже умру!

— Миссис Дейр...

— Вернон... Вернон... дитя мое ..

— Миссис Дейр, пожалуйста.

В ее голосе было не обращение с просьбой, а приказ:

— Пожалуйста, не трогайте его. Вы делаете ему больно.

— Я делаю ему больно? Я? Мать?

— Кажется, вы не понимаете, что у него сломана нога, миссис Дейр. Я вынуждена просить вас покинуть комнату.

— Вы что-то скрываете! Скажите мне, скажите — ему ампутуют ногу?

В голове у Вернона помутилось. Он не знал, что такое «ампутировать», но звучало это ужасно — больно и страшно. Он завизжал.

— Он умирает! — воскликнула Майра. — Он умрет, а мне не хотят говорить. Но он должен умереть у меня на руках.

— Миссис Дейр...

Няня Френсис как-то ухитрилась встать между ней и кроватью. Она держала мать за плечо и говорила таким тоном, которым Няня разговаривает с Кети, младшей горничной.

— Миссис Дейр, послушайте меня. Вы должны взять себя в руки. Должны!

Она подняла глаза. В дверях стоял отец Вернона.

— Мистер Дейр, пожалуйста, уведите свою жену. Я не могу позволить, чтобы моего пациента возбуждали и расстраивали.

Отец понимающе кивнул. Он бросил взгляд на Вернона и сказал:

— Не повезло, старик. А я вот однажды руку сломал.

Неожиданно все стало не так страшно. Другие тоже ломают руки и ноги. Отец взял мать за плечи и повел к двери, что-то тихо говоря. Она протестовала, спорила, ее голос звенел от эмоций.

— Где тебе понять? Ты не заботился о ребенке так, как я. Тут нужна мать. Как я оставлю ребенка чужому человеку? Ему нужна мать.

— ...Ты не понимаешь. Я люблю его. Ничто не сравнится с материнской заботой, это тебе каждый скажет.

— Вернон, дорогой, — она вырвалась из хватки мужа и подбежала к кровати, — ты ведь хочешь, чтобы я осталась, правда? Ты хочешь мамочку?

— Я хочу Няню, — всхлипнул Вернон. — Хочу Няню.

Он имел в виду свою Няню, а не няню Френсис.

— О, — сказала Мама. Она задрожала.

— Пойдем, дорогая, — мягко сказал отец. — Пошли.

Она оперлась на него, и они вышли. В комнату донеслись слова:

— Мой собственный ребенок отворачивается от меня, идет к чужому человеку...

Няня Френсис разгладила одеяло и предложила ему попить.

— Няня скоро вернется,— сказала она.— Давай ей напишем? Ты будешь говорить мне, что надо написать.

Вернона охватило пронзительное чувство благодарности. Нашелся человек, который его по-настоящему понял...

3

Когда позже Вернон оглядывался на свое детство, этот период он всегда выделял. Так это и называлось: «Когда я сломал ногу».

Конечно, приходилось признать, что в то время случались также мелкие инциденты. Например, между матерью и доктором Коули произошел бурный обмен мнениями. Естественно, это было не в его комнате, но Майра так повысила голос, что он прорывался через закрытую дверь. Вернон слышал негодующие восклицания: «Что значит я его расстраиваю?! Я считаю, что я обязана ухаживать за своим ребенком... Естественно, я была расстроена, я не из тех, у кого нет сердца. Посмотрите на Уолтера — ему хоть бы что».

Было также много стычек, если не сказать баталий, между Майрой и няней Френсис. Побеждала всегда Френсис, но дорогой ценой. Майра Дейр яростно ревновала к той, кого она называла «платной сиделкой». Ей приходилось подчиняться требованиям доктора Коулза, но она делала это неохотно и с откровенной грубостью, которую сестра Френсис, кажется, не замечала.

По прошествии нескольких лет Вернон уже не помнил боль и скуку, которые тогда испытывал. Он вспоминал только счастливые деньки, когда он мог играть и разговаривать, как никогда раньше. Потому что в лице няни Френсис он нашел взрослого, который не считает, что «это забавно» или «занятно». Человека, который слушает с пониманием и делает серьезные, разумные предложения. Няне Френсис он рассказал о Пуделе, Белке и Кустике, о мистере Грине и его сотне детишек. И вместо «Какая забавная игра!» няня Френсис просто спросила, эти сто детей — мальчики или девочки? Вернон никогда об этом не задумывался, и они с няней Френсис решили, что там пятьдесят мальчиков и пятьдесят девочек, что казалось справедливым.

Временами, расслабившись, он вслух играл в свои игры, и няня Френсис не обращала на это внимания и не считала чем-то необычным. С ней было так же уютно, как

с Няней, но у нее было нечто более важное: дар отвечать на вопросы, и он инстинктивно чувствовал, что ответы ее правдивы. Иногда она говорила: «Я и сама не знаю», или «Спроси кого-нибудь еще. Я не так умна, чтобы объяснить». На всеведение она не претендовала.

Иногда после чая она рассказывала Вернону сказки. Сказки никогда не повторялись два дня подряд: первый день — про скверных девчонок и мальчишек, второй — про прекрасную принцессу, эти Вернону нравились больше. Особенно ему полюбилась сказка про принцессу с золотыми волосами, сидящую в башне, и про принца-бродягу в рваной зеленой шляпе. История заканчивалась в лесу — возможно, поэтому Вернон ее так любил.

Иногда у них появлялся дополнительный слушатель. Мама приходила посидеть с Верноном в первой половине дня, когда сестра Френсис отдыхала, но отец заходил после чая, как раз во время рассказа. Понемногу это вошло в привычку. Уолтер Дейр садился позади стула няни Френсис и смотрел — нет, не на сына, а на рассказчицу. Однажды Вернон увидел, как рука отца прокралась и нежно пожала запястье няни Френсис.

И тут случилось нечто удивительное. Няня Френсис встала со стула.

— Боюсь, сегодня вечером мы должны попросить вас уйти, мистер Дейр,— спокойно сказала она.— Мы с Верноном будем кое-чем заняты.

Вернон очень удивился, он не мог даже представить, что же они будут делать. Еще больше он изумился, когда отец встал и сказал тихим голосом:

— Простите.

Няня Френсис слегка кивнула, но продолжала стоять. Она упорно смотрела в глаза Уолтеру Дейру. Он тихо сказал:

— Поверьте, я действительно очень сожалею. Вы позволите мне прийти завтра?

После этого незаметно для Вернона отец сменил свои привычки. Он уже не садился так близко к няне Френсис. Он больше разговаривал с Верноном и, случалось, они втроем играли в «старую деву»¹, Вернон обожал эту игру. Эти вечера были счастливыми для всех троих.

¹ «Старая дева» — карточная игра, при которой игроки сбрасывают парные карты

Однажды, когда няня Френсис вышла, Уолтер Дейр отрывисто спросил:

— Тебе нравится няня, Вернон?

— Няня Френсис? Да, очень. А тебе, папа?

— Да,— сказал Уолтер Дейр,— мне тоже.

Вернон расслышал грусть в его голосе.

— Что-то случилось, папа?

— То, чего не поправишь. Если лошадь перед финишем сворачивает влево, вряд ли у нее будет хорошая жизнь, и ничуть не легче оттого, что лошадь сама виновата. Но это для тебя китайская грамота, старина. Радуйся, пока няня Френсис с тобой. Такие, как она, на дороге не валяются.

Тут пришла няня Френсис, и они стали играть в энимал грэб¹.

Но слова Уолтера Дейра засели в голове Вернона. На следующий день он прицепился к няне Френсис.

— Ты у нас всегда будешь?

— Нет. Только пока ты не поправишься.

— Почему бы тебе не остаться навсегда? Я бы хотел.

— Видишь ли, это не моя работа. Моя работа — выхаживать больных.

— Тебе это нравится?

— Да, очень.

— Почему?

— Ну, знаешь, у каждого есть такое особое дело, которое он любит делать и оно у него получается.

— У Мама нет.

— Ошибаешься, есть. Ее работа — следить за всем этим большим домом, чтобы все шло как надо, и заботиться о тебе и твоём отце.

— Папа однажды был солдатом. Он сказал, что, если снова будет война, он опять пойдет воевать.

— Ты гордишься своим отцом, Вернон?

— Я, конечно, больше люблю Мама. Мама говорит, что мальчики всегда больше всего любят маму. Мне нравится бывать с папой, но это другое дело. Я думаю, это потому, что он мужчина. Как ты думаешь, кем я стану, когда вырасту? Я хочу стать моряком.

— Может быть, ты будешь писать книги.

— О чем?

Няня Френсис чуть улыбнулась.

¹ Энимал грэб — разновидность карточной игры.

— Хотя бы про мистера Грина, Пуделя, Белку и Кустик.

— Все скажут, что это глупо.

— Мальчики так не скажут. К тому же, когда ты вырастешь, у тебя в голове возникнут другие люди, как мистер Грин и его дети, но только взрослые. И ты сможешь о них написать.

Вернон долго думал, затем покачал головой.

— Нет, лучше я буду солдатом, как папа. Мама сказала, что Дейры почти все были солдатами. Конечно, чтобы стать солдатом, надо быть храбрым, но я думаю, я буду достаточно храбрым.

Няня Френсис помолчала. Она вспомнила, что говорил Уолтер Дейр о своем маленьком сыне:

— Отважный парень, совершенно бесстрашный. Он просто не знает, что такое страх! Видели бы вы его верхом на пони.

Да, в этом отношении Вернон бесстрашный. К тому же он стойкий, он переносит боль и неудобства сломанной ноги с необычайным для ребенка терпением.

Но есть другой вид страха. Она медленно проговорила:

— Расскажи мне еще раз, как ты упал со стены.

Она знала про Чудовище и следила за тем, чтобы не проявить насмешки. Когда Вернон закончил, она сказала:

— Но ты же давно знаешь, что это не настоящее Чудовище, правда? Это предмет, сделанный из дерева и проволоки.

— Я, конечно, знаю,— сказал Вернон.— Но мне он представляется совсем другим. И когда в саду оно стало ко мне приближаться...

— Ты убежал, а напрасно, не так ли? Гораздо лучше было бы подождать и посмотреть. Тогда ты увидел бы людей и понял, что это такое. Смотреть вообще полезно. Потом можешь убежать, если захочешь,— но обычно уже не убегаешь. Скажу тебе кое-что еще, Вернон...

— Что?

— Не так страшно то, что у тебя перед глазами, как то, что сзади. Запомни это. Если что-то есть у тебя за спиной, ты его не видишь и пугаешься. Вот почему лучше повернуться к нему лицом; при этом часто оказывается, что там ничего и нет.

Вернон задумчиво сказал:

— Если бы я тогда повернулся, я бы не сломал ногу?

— Да.

Вернон вздохнул.

— Я не жалею, что сломал ногу. Зато ты играешь со мной.

Ему показалось, что няня Френсис тихонько выдохнула: «Бедный ребенок!» — но это, конечно, чепуха. Она с улыбкой сказала:

— Мне тоже это очень нравится. А то некоторые больные не любят играть.

— А ты любишь, да? Как мистер Грин.— И добавил через силу, смущаясь: — Пожалуйста, не уезжай подольше, ладно?

4

Но случилось так, что няня Френсис уехала гораздо раньше, чем должна была. Это случилось, как и все в жизни Вернона, внезапно.

Началось с пустяка: он уже понемногу ходил на костылях, это было больно, но ново и интересно. Однако он быстро уставал и готов был снова лечь в кровать. В тот день Мама предложила помочь ему. Но Вернон уже знал, как она помогает. Эти белые руки были очень неуклюжими,— желая помочь, они делали больно. Он уклонился от ее помощи, сказал, что подождет няню Френсис, которая никогда не делает больно.

Слова вырвались с детской бестактностью, и Майра вмиг дошла до белого каления.

Через пару минут пришла няня Френсис, и на нее обрушился поток упреков.

Отвращать ребенка от родной матери — жестоко, порочно. Все они заодно, все против нее. У нее в мире нет ничего, кроме Вернона, и вот он от нее отворачивается.

Обвинения лились нескончаемым потоком. Сестра Френсис переносила их терпеливо, без удивления и гнева. Она знала такой тип женщин, как миссис Дейр,— им подобные сцены приносят облегчение. Про себя сестра Френсис с мрачной усмешкой подумала, что грубые слова задевают тогда, когда их произносит дорогой тебе человек. Она жалела Майру Дейр, понимая, что за взрывами истерики кроется подлинное несчастье.

Угораздило же Уолтера Дейра прийти в детскую именно в этот момент! Он секунду-другую послушал и покраснел от злости.

— Майра, мне стыдно за тебя! Ты сама не знаешь, что говоришь.

Она свирепо обернулась.

— Я прекрасно знаю, что говорю! И знаю, чем ты занимаешься. Каждый день сюда пробираешься, я видела. Всегда найдешь, с кем заняться любовью. Горничные, сиделки — тебе все равно.

— Майра, успокойся!

На этот раз он разозлился. Майра на миг испугалась, но тут же выдала последний заряд:

— А вы, сиделки,— все вы одинаковы. Флиртуете с чужими мужьями! Постыдились бы! На глазах у невинного ребенка! Убирайтесь из моего дома! Убирайтесь сейчас же! Я позвоню доктору Коулзу и скажу ему все, что я о вас думаю.

— Не могла бы ты продолжить эту назидательную сцену где-нибудь еще? — Голос мужа был такой, который она больше всего ненавидела: холодный и насмешливый.— А не на глазах у невинного ребенка. Сестра, я извиняюсь за то, что наговорила моя жена. Пойдем, Майра.

Она пошла, заливаясь слезами, в ужасе от того, что натворила.

— Ты жестокий,— рыдала она.— Жестокий. Ты хотел бы, чтобы я умерла. Ты меня ненавидишь.

Няня Френсис уложила Вернона в кровать. Он хотел ее расспросить, но она заговорила о собаке, большущем сен-бернаре, который у нее был в детстве, и он так заинтересовался, что обо всем забыл.

Поздно вечером отец пришел в детскую. Он выглядел бледным и больным. Он остановился в дверях; няня Френсис встала и подошла к нему.

— Не знаю, что сказать. Как просить прощения за все, что наговорила жена...

Няня Френсис ответила спокойным, уверенным голосом:

— О, все нормально. Я понимаю. Все же я думаю, что мне лучше уйти, как только удастся это устроить. Мое присутствие делает миссис Дейр несчастной, она изводит себя.

— Знала бы она, как несправедлива в своих обвинениях. Она оскорбила вас...

Сестра Френсис рассмеялась — пожалуй, не слишком убедительно.

— Я всегда считала нелепым жаловаться, что тебя

оскорбили,— беспечно сказала она.— Какое напыщенное слово, вы не находите? Не волнуйтесь, меня это не задело. Знаете, мистер Дейр, ваша жена...

— Да?

Ее голос изменился. Он стал серьезным и печальным.

— Очень несчастная и одинокая женщина.

— Вы считаете, это полностью моя вина?

— Да, считаю,— сказала она.

Он глубоко вздохнул.

— Никто мне такого не говорил. Вы... возможно, я восхищаюсь именно вашим мужеством... бесстрашной честностью. Мне жаль Вернона, он теряет вас, когда вы ему нужны.

Она серьезно сказала:

— Не кляните себя понапрасну. Вы в этом не виноваты.

— Няня Френсис,— это Вернон с кровати подал голос с жаркой мольбой,— я не хочу, чтобы вы уходили. Не уходите, пожалуйста,— хотя бы не сегодня.

— Нет, конечно,— сказала няня Френсис.— Надо еще поговорить с доктором Коулзом.

Она ушла через три дня. Вернон горько плакал. Он потерял первого настоящего друга в своей жизни.

Глава 5

1

Годы жизни с пяти до девяти лет Вернон помнил смутно. Что-то менялось, но так медленно, словно ничего не происходило. Няня не вернулась к руководству детской: у ее матери произошел инфаркт, и Няне пришлось остаться ухаживать за ней.

Вместо нее этот высокий пост заняла мисс Робинс — создание столь замечательно бесцветное, что Вернон позже не мог вспомнить, как она выглядела. Должно быть, под ее началом он совсем отбился от рук, потому что его отправили в школу, едва ему стукнуло восемь. Когда он впервые приехал на каникулы, в доме обитала его кухня Джозефина.

Прежде, приезжая в Эбботс-Пьюисентс, Нина не брала с собой дочку. Вообще-то она приезжала все реже и реже. Вернон, как многие дети, умел понимать, не размышляя. Он осознавал две вещи: первое — отец не любит дядю Сидни и бывает с ним чрезвычайно вежлив; второе —

мать не любит тетю Нину и не скрывает этого. Иногда, когда Нина с Уолтером сидели в саду и разговаривали, Майра на миг присоединялась к ним и, дождавшись первой же паузы в разговоре, говорила:

— Я, пожалуй, пойду. Вижу, что я тут лишняя. Нет, спасибо, Уолтер (это ответ на вялый протест), я всегда понимаю, когда мое присутствие нежелательно.

Она уходила, кусая губы, ломая руки, со слезами на глазах. Уолтер Дейр молча поднимал брови.

Однажды Нина не выдержала:

— Она невыносима! Я не могу и десяти минут поговорить с тобой без сцен. Уолтер, зачем ты это сделал? Зачем?

Вернон помнил, как отец оглянулся по сторонам, на дом, на руины старого Аббатства, видневшиеся вдалеке.

— Я люблю это место,— проговорил он.— Видимо, это у меня в крови. Я не хотел его потерять.

Наступило короткое молчание, потом Нина засмеялась — нервный короткий смешок.

— Мы с тобой не слишком счастливая семейка. Оба совсем запутались.

Снова пауза, потом отец:

— Неужели все так плохо?

Нина, глубоко вздохнув, кивнула.

— Вот именно. Уолтер, мне кажется, я больше не могу. Фред вида моего не выносит. О, на людях мы чудная пара, никто не догадается, но наедине...

— Да, но...

Некоторое время Вернон ничего не слышал, они понизили голос, но отец явно спорил с тетей. Потом голоса снова повысились.

— Это безумие. Ты не можешь так поступить. Ведь это даже не из любви к Энсти. Ты ничего к нему не испытываешь.

— Нет — но он от меня без ума.

Отец упомянул какой-то «социальный страус». Нина снова засмеялась.

— Какое нам до этого дело?

— Со временем для Энсти это будет важно.

— Фред разведется со мной, он будет только рад поводу. И мы сможем пожениться.

— Даже в этом случае...

— Уолтер требует соблюдать условности! Не смешно ли?

— Мужчины и женщины по-разному смотрят на вещи,— сухо сказал Уолтер.

— О, конечно, конечно! Но все лучше, чем этот безысходный мрак. Конечно, в душе я по-прежнему привязана к Фреду — всегда была привязана, а он ко мне — нет.

— А ребенок? Ты же не можешь уйти и бросить девочку?

— Разве? Не такая уж я хорошая мать, как ты знаешь. Вообще-то я хочу взять ее с собой. Фред возражать не станет, он ее ненавидит так же, как меня.

На этот раз пауза затянулась. Потом Нина задумчиво сказала:

— В какую жуткую неразбериху могут угодить люди. В нашем с тобой случае, Уолтер, мы сами виноваты. Что мы за семейка! Приносим несчастье себе и всем, с кем сталкиваемся в жизни.

Уолтер Дейр встал, с отсутствующим видом набил трубку и молча ушел. Только тут Нина заметила Вернона.

— Привет, малыш. Я не знала, что ты здесь. Интересно, что ты понял из всего этого?

— Не знаю,— неуверенно сказал Вернон, переминаясь с ноги на ногу.

Нина открыла сумочку, достала черепаховый портсигар, вынула сигарету и щелкнула зажигалкой. Вернон завороченно смотрел. Он никогда не видел, чтобы женщины курили.

— В чем дело? — спросила Нина.

— Мама говорит, что приятные женщины никогда не курят. Это она мисс Робинс так говорила.

— О, вот оно что! — Нина выпустила клубок дыма.— Думаю, она права. Но, видишь ли, Вернон, я вовсе не приятная женщина.

Вернон в смущении смотрел на нее.

— По-моему, вы очень красивая,— пробормотал он.

— Это не одно и то же.— Улыбка Нины стала шире.— Пойди сюда, Вернон.

Он послушно подошел. Нина положила руки ему на плечи и испытующе посмотрела. Он спокойно подчинился. Руки у тети Нины были легкие — не вцеплялись в тебя, как мамины.

— Да,— сказала Нина,— ты Дейр, настоящий Дейр. Не повезло Майре, но это так.

— Что это значит?

— Это значит, что ты пошел в отцовскую родню, а не в мать, и это плохо для тебя.

— Почему плохо?

— Потому, Вернон, что к Дейрам не приходит ни счастье, ни успех. И никто от них не ждет ничего хорошего.

Чудные вещи говорит тетя Нина. Она посмеивается, значит, говорит несерьезно. И все-таки было в этом что-то непонятное, пугающее. Вдруг он спросил:

— А что, лучше быть таким, как дядя Сидни?

— Гораздо лучше. Гораздо, гораздо лучше.

Вернон что-то прикинул в уме.

— Но если бы я был похож на дядю Сидни...

Он запнулся, стараясь точнее выразить свои мысли.

— Да, что тогда?

— Если бы я был дядя Сидни, я должен был бы жить в Ларч-Херст, а не здесь.

Ларч-Херст — это массивный дом из красного кирпича под Бирмингемом, Вернон однажды был там с дядей Сидни и тетей Кэри. Вокруг дома было три акра¹ земли — розовый сад, беседка, бассейн с золотыми рыбками; были две роскошные ванные комнаты.

— А тебе это не нравится? — спросила Нина, продолжая его разглядывать.

— Нет! — сказал Вернон. Он глубоко вздохнул, во всю свою грудную клетку. — Я хочу жить здесь, всегда, всегда, всегда!

2

Вскоре после этого с тетей Ниной случилось что-то неладное. Мать было заговорила об этом, но отец заставил ее замолчать, покосившись в сторону Вернона. Он успел уловить всего две фразы: «Мне только жалко бедного ребенка. Достаточно взглянуть на Нину — и всем ясно, что она пропащая и всегда такой останется».

Бедный ребенок, как понял Вернон, — это его кузина Джозефина, которую он никогда не видел, но посылал ей подарки на Рождество и исправно получал то же самое в ответ. Он удивился, почему Джозефина «бедная» и почему мать ее жалеет, а также почему тетя Нина пропащая — и что это вообще значит. Он спросил мисс Робинс, та зарделась и сказала, что ему не следует говорить «о таких вещах». «О каких вещах?» — удивился Вернон.

¹ Акр — мера земельной площади, равная 4046,86 м².

Но он не слишком задумывался до тех пор, пока четыре месяца спустя об этом деле не заговорили снова. На этот раз на его присутствие не обращали внимания, так высок был накал страстей. Между отцом и матерью разгорелся спор. Мать, как обычно, от возбуждения кричала, отец был очень спокоен.

— Позор! — кипятилась Майра. — Сбежать с одним мужчиной, а через три месяца бежать к другому! Показала себя в истинном свете. Я всегда знала, что она такая. Мужчины, мужчины, ничего, кроме мужчин!

— Можешь говорить что угодно, Майра. Это не важно. Я прекрасно знал, что ты будешь потрясена.

— Как и все! Не могу тебя понять, Уолтер. Ты говоришь, у вас старинная семья и все такое...

— У нас старинная семья, — тихо вставил он.

— До сих пор я думала, что тебя хоть немного заботит честь семьи. Нина ее опозорила, и, будь ты настоящим мужчиной, ты бы начисто порвал с ней, как она и заслуживает.

— Традиционная сцена из мелодрамы?

— Тебе все шуточки! Мораль для тебя ничего не значит, абсолютно ничего.

— Как я пытался тебе объяснить, сейчас дело не в морали. Дело в том, что моя сестра в бедственном положении. Я должен ехать в Монте-Карло¹ и посмотреть, чем можно помочь. По-моему, это ясно каждому нормальному человеку.

— Благодарю. Ты не слишком-то вежлив. А чья вина в том, что она в бедственном положении, хотела бы я знать? У нее был хороший муж...

— Нет, не было.

— Во всяком случае, он на ней женился.

На этот раз вспыхнул отец. Он сказал очень тихим голосом:

— Майра, я не понимаю тебя. Ты хорошая женщина — добрая, честная, прямая; как ты можешь унижать себя подобными отвратительными высказываниями?

— Правильно! Оскорбляй меня! Я привыкла к такому обращению!

¹ Монте-Карло — город в княжестве Монако на Лазурном берегу на Средиземном побережье, курорт, известный своим игорным домом (казино).

— Неправда. Я стараюсь быть вежливым, насколько могу.

— Да. Вот за что я тебя ненавижу: ты никогда не скажешь прямо. Всегда вежливый, — а на самом деле издеваешься. Приличия блюдешь! А зачем, хотела бы я знать? Зачем, если все в доме знают, что я чувствую?

— Несомненно — ведь у тебя очень зычный голос.

— Вот весь ты такой, опять насмехаешься. Во всяком случае я счастлива сообщить тебе, что я думаю о твоей драгоценнейшей сестрице. Сбежала с одним, переметнулась к другому — и почему же этот второй не может ее содержать, хотела бы я знать? Или она ему уже надоела?

— Я уже говорила тебе, но ты не слушала. У него скоротечная чахотка, ему пришлось бросить работу. Личных средств у него нет.

— А! На этот раз Нина промахнулась.

— Что касается Нины, она никогда не руководствуется выгодой. Она дура, круглая дура, иначе она не попала бы в эту передрыгу. Но у нее всегда чувства опережают здравый смысл. Дьявольская неразбериха. Она не взяла ни гроша от Фреда. Энсти хотел выделить ей содержание — она и слышать об этом не хочет. Заметь, тут я с ней согласен. Некоторых вещей делать нельзя. Но мне придется поехать и разобраться. Извини, если это тебя раздражает, но так уж получилось.

— Ты никогда не делаешь, как я хочу! Ты меня ненавидишь! Ты нарочно так поступаешь, чтобы унижить меня. Но вот что я скажу. Пока я здесь, ты не приведешь свою драгоценную сестрицу под крышу этого дома. Я не привыкла общаться с женщинами подобного сорта. Понял?

— Ты выразила свою мысль предельно ясно.

— Если ты ее привезешь сюда, я возвращаюсь в Бирмингем.

В глазах Уолтера Дейра что-то блеснуло, и Вернон вдруг понял то, чего не поняла мама. Он не слишком хорошо понимал, о чем они говорили, но он ухватил суть: тетя Нина где-то далеко, она или больна или несчастна, и мама из-за этого злится. И говорит, что если тетя Нина появится в Эбботс-Пюисентс, она уедет к дяде Сидни в Бирмингем. Она думает, что это угроза, но Вернон понял: отец будет очень доволен, если она уедет в Бирмингем. Он знал это точно и определенно. Это как наказание у мисс Робинс: «Полчаса не разговаривать». Она ду-

маст, что ты огорчен так же, как если бы тебя лишили джема к чаю, и не догадывается, что ты вовсе не против, даже рад.

Уолтер Дейр ходил взад-вперед по комнате. Вернон наблюдал. Он видел, что отец борется с собой, но не понимал, из-за чего.

— Ну? — сказала Майра.

В этот момент она была очень красива: большая, величественная, великолепно сложенная, с откинутой головой, в золотисто-рыжих волосах ее играло солнце. Подходящая спутница для мореплавателя-викинга¹.

— Я сделал тебя хозяйкой этого дома, Майра, — сказал Уолтер Дейр. — Если ты возражаешь против приезда моей сестры, она, естественно, не придет.

Он двинулся к двери. Остановился, обернулся.

— Если Ллевелин умрет, а скорее всего так и случится, Нина должна будет устроиться на работу. Тогда встанет вопрос о ребенке. Твои возражения распространяются также и на нее?

— Думаешь, мне очень хочется держать в доме девочку, которая станет такой же, как ее мать?

Отец спокойно сказал:

— Вполне достаточно ответа «да или нет».

Он вышел. Майра глядела ему вслед. В глазах ее стояли слезы, они потекли по щекам. Вернон не любил слез. Он бочком двинулся к выходу, но опоздал.

— Миленький мой, подойди ко мне.

Пришлось подойти. Его тискали, обнимали. Обрывки фраз влетали в ухо:

— Ты моя единственная отрада, ты, мой дорогой мальчик. Ты не будешь, как они, — насмешливые, ужасные. Ты не покинешь меня, ты никогда не покинешь меня, правда? Полянись, мой мальчик, мое дорогое дитя!

Все это он знал. Он отвечал так, как она хотела — правильно расставляя «да и нет». Как он это ненавидел! К глазам подступали слезы.

В тот вечер после чая Майра была уже совсем в другом настроении. Когда Вернон вошел, она писала письмо, сидя за письменным столом, и встретила его веселой улыбкой.

¹ Викинги — скандинавские мореплаватели и морские пираты, опустошавшие в VIII-X веках берега Северной Европы

— Я пишу папе. Возможно, скоро к нам придет жить тетя Нина с Джозефиной. Правда, чудесно?

Но они не приехали. Майра сказала себе, что Уолтера понять невозможно. Подумаешь, она сгоряча что-то сказала, она же не имела в виду ничего плохого...

Вернон не слишком удивился. Он и не думал, что они придут.

Тетя Нина говорила, что она вовсе не была приятная женщина — но она была очень красивая.

Глава 6

1

Если бы Вернону потребовалось описать события последующих нескольких лет, он бы выразил их в одном слове: сцены! Нескончаемые, однообразные сцены.

Он заметил любопытный феномен: после каждой такой сцены мать становилась больше, а отец — меньше. Шквалы упреков и брани оживляли Майру, она выходила из них посвежевшей, ласковой, полной доброй воли, расположенной ко всему миру.

Уолтер Дейр — наоборот. Он уходил в себя, трепеща всеми фибрами души. Его оружие защиты — вежливый сарказм — приводил жену в ярость. Ничто другое не раздражало ее так, как его тихая, усталая вежливость.

Реальных оснований жаловаться у нее не было. Уолтер Дейр все меньше времени проводил в Эбботс-Пюисентс. Когда он возвращался, у него под глазами темнели мешки и дрожали руки. Он мало уделял внимания Вернону, хотя мальчик всегда ощущал его глубокую симпатию. Подразумевалось, что Уолтер не должен «вмешиваться», когда речь идет о ребенке; право решающего голоса принадлежало матери. Уолтер учил мальчика верховой езде, в остальном держался в стороне, чтобы не давать свежую пищу спорам и упрекам. Он готов был признать, что Майра — средоточие всех добродетелей и заботливая, внимательная мать.

Временами он понимал, что мог бы дать мальчику то, чего не дает она. Беда была в том, что оба стеснялись друг друга. Обоим нелегко было выразить свои чувства — Майра этого не поняла бы. Их разговор всегда оставался уныло-вежливым.

Но во время сцен Вернон был полон молчаливой симпатии к отцу. Он знал, что тот чувствует, знал, как ранит его уши злобный громкий голос. Конечно, Мама была права, она всегда права, этот догмат не подлежал обсуждению — но все равно он был душой на стороне отца.

Дела шли все хуже и наконец дошли до кризиса. Мама заперлась в своей комнате — слуги восторженно шептались по углам, — и через два дня приехал дядя Сидни, чтобы посмотреть, чем он может помочь.

На Майру дядя Сидни действовал успокаивающе. Он ходил взад-вперед по комнате, позванивал монетами в кармане и выглядел толще и румянее прежнего.

Майра излила на него поток своих горестей.

— Да-да, я знаю. — Дядя Сидни забренчал монетами. — Я понимаю, тебе приходится многое терпеть. Кому же знать, как не мне. Но, видишь ли, есть такое правило: давать и брать. К этому, собственно, и сводится семейная жизнь — если сказать в двух словах: давать и брать.

Последовал очередной взрыв со стороны Майры.

— Я не оправдываю Дейра, вовсе нет. Я просто смотрю на вещи как мужчина. Женщины проводят жизнь под защитой мужчин, и они видят все не так, как мужчины, — и это правильно. Ты хорошая женщина, Майра, а хорошим женщинам это бывает трудно понять. Кэри такая же.

— А с чем Кэри приходится мириться, хотела бы я знать? — закричала Майра. — Ты же не развлекаешься с отвратительными женщинами. Ты не спишь со служанками.

— Н-нет, конечно, — сказал брат. — Я рассуждаю в принципе. Заметь, мы с Кэри не на все смотрим одинаково. У нас бывают свои стычки — иногда мы не разговариваем по два дня. Но, Боже мой, в конце концов мы все улаживаем, и становится даже лучше, чем было. Хороший скандал очищает воздух, я так скажу. Но надо брать и давать. И не придирайтесь. Даже самый лучший в мире мужчина не вынесет придинок.

— Я никогда не придираюсь, — заявила Майра с полной уверенностью в том, что говорит правду. — С чего ты взял?

— Не заводишь. Я этого и не говорю. Я излагаю общие принципы. И помни, Дейр — птица не нашего полета, он недотрога, чувствительная штучка. Любой пустяк — и он готов.

— А то я не знаю! — с горечью сказала Майра. — Он просто невозможный человек. Зачем только я вышла за него?

— Ну знаешь, сестричка, так не бывает, чтобы получить все сразу: и то и другое. Это была хорошая партия. Признаю, хорошая. Теперь ты живешь в шикарном месте, знаешь всех в графстве, как какая-нибудь королева. Даю слово, будь папаша жив, он бы гордился! К чему я это клоню: в каждом деле есть обратная сторона. Даже полпенса не получишь без пары тычков. Надо смотреть в лицо фактам: все эти древние роды пришли в упадок. Ты подводи итог по-деловому: преимущества такие-то, потери такие-то. Только так. Ей-богу, иначе и нельзя.

— Я выходила за него замуж не ради «преимуществ», как ты это называешь. Я всегда терпеть не могла это поместье. Не я, а он женился на мне ради Эбботс-Пюисентс.

— Брось, Майра, просто ты была веселая и красивая девушка. Ты и сейчас такая, — галантно добавил он.

— Уолтер женился на мне только ради Эбботс-Пюисентс, — упрямо повторила Майра. — Я это знаю.

— Ладно, ладно, оставим прошлое в покое.

— Ты не был бы так спокоен и хладнокровен на моем месте, — с горечью сказала Майра. — Попробовал бы ты жить вместе с ним. Я изо всех сил стараюсь ему угодить, а он только насмехается и третирует меня.

— Ты к нему придираешься. Да, да! Не можешь удержаться.

— Если бы он отвечал тем же! Сказал бы что-нибудь, а то сидит тут...

— Такой уж он человек. Ты же не можешь менять людей по своему усмотрению. Не скажу, что парень мне самому нравится, пижон. Пусти такого в бизнес — через две недели банкрот. Но должен сказать, со мной он всегда вежлив. Истинный джентльмен. Когда я в Лондоне наткнулся на него, он пригласил меня на ленч в свой шикарный клуб, а если я там чувствовал себя не в своей тарелке, так это не его вина. У него есть свои хорошие качества.

— Ты говоришь как мужчина. Вот Кэри меня бы поняла! Говорю тебе, он мне изменяет, понимаешь? Изменяет!

— Мужчина есть мужчина. — Сидни позвенел монетами, глядя в потолок.

— Но, Сид, ты же никогда...

— Конечно нет,— торопливо сказал Сидни.— Конечно, конечно нет. Майра, пойми, я говорю вообще — вообще.

— Все кончено,— сказала Майра.— Ни одна женщина не выдержит столько, сколько я. Но теперь конец. Я больше не хочу его видеть.

— А-а,— сказал Сидни. Он придвинул стул к столу с таким видом, как будто приступал к деловому разговору.— Тогда меняем курс корабля. Ты решила? Что ты собираешься делать?

— Говорю тебе — я больше не желаю видеть Уолтера!

— Да-да,— терпеливо сказал Сидни.— С этим все ясно. Чего же ты хочешь? Развода?

— О! — Майра отпрянула.— Я не думала...

— Надо поставить вопрос на деловую основу. Я сомневаюсь, что тебе дадут развод. Надо доказать жестокое обращение, а я сомневаюсь, что это тебе удастся.

— Знал бы ты, как я страдаю...

— Конечно. Я не спору. Но для суда этого недостаточно. Нужно что-то более убедительное. И уже не отступать! Если ты напишешь ему, чтобы он вернулся, я думаю, он вернется, а?

— Я же сказала тебе: не желаю его больше видеть!

— Да-да-да. Все вы, женщины, твердите одно и то же. Мы же смотрим на вещи по-деловому. Думаю, развод не пройдет.

— Я не хочу развода.

— А чего ты хочешь, отдельного проживания?

— Чтобы он жил в Лондоне с этой распутницей? Вместе? А со мной что будет, позвольте спросить?

— Вокруг нас с Кэри полно свободных домов. Будешь жить с мальчиком, я полагаю.

— А Уолтер пускай приводит в дом отвратительных женщин? Нет уж, я не буду ему подыгрывать!

— Но тогда чего же ты хочешь, Майра?

Она опять заплакала.

— Я так несчастна, Сид, так несчастна! Если бы Уолтер был другим!

— Но он такой, и другим не будет. Смирись с этим, Майра. Ты замужем за парнем, который немного донжуан, постарайся шире смотреть на вещи. Ты его обожаешь, вот что я тебе скажу. Поцелуй его, помирись. Все мы не без греха. Брать и давать, вот что надо помнить: брать и давать.

Его сестра продолжала тихо плакать.

— Брак — дело щекотливое, — задумчиво продолжал дядя Сидни. — Женщины для нас слишком хороши, это точно.

Голосом, полным слез, Майра сказала:

— Получается, кто-то один должен прощать и прощать, снова и снова.

— Вот это правильное настроение. Женщины — ангелы, а мужчины — нет, и женщинам приходится с этим мириться. Так было и так будет.

Рыдания Майра стали потише. Она уже представляла себя в роли прощающего ангела.

— Я ли не делала все, что могла, — всхлипнула она. — И хозяйство вела, и матерью была самой преданной.

— Ну конечно, — подтвердил Сидни. — Вон какого парня вырастила! Жаль, что у нас с Кэри нет мальчика. Четыре девочки — это плохо. Но я ей всегда говорил: «Не горюй, в следующий раз получится». На этот раз мы уверены, что будет мальчик.

Майра оживилась.

— А я и не знала. Когда?

— В июне.

— Как Кэри?

— Ноги замучили, опухают. Но у нее уже живот такой. Ба, да здесь этот плутишка! Давно ты здесь, парень?

— Давно! — сказал Вернон. — Когда вы вошли, я уже был здесь.

— Какой ты тихоня, — посетовал Сидни. — Не то что твои кухни. Они такой шум поднимают, кого хочешь из терпения выведут. Что это у тебя?

— Паровоз.

— Нет, не паровоз. Это молочная тележка?

Вернон промолчал.

— Эй, — сказал дядя Сидни, — скажи, это разве не молочная тележка?

— Нет, это паровоз.

— Ни капельки не похож. Это тележка молочника. Смешно, правда? Ты говоришь — паровоз, а я говорю — молочная тележка. Кто прав?

Вернон знал, и потому отвечать не было необходимости.

— Какой серьезный ребенок. — Дядя Сидни повернулся к сестре. — Совсем шуток не понимает. Знаешь ли, мой мальчик, тебя в школе будут дразнить.

— Да? — Вернон не знал, при чем тут это.
— Те мальчишки, которые со смехом принимают дразнилки, те и продвинулись в жизни.— Дядя Сидни позвенел монетами, иллюстрирую свою мысль.
Вернон задумчиво смотрел на него.
— О чем ты думаешь?
— Ни о чем.
— Дорогой, ступай со своим паровозом на террасу,— сказала Майра.
Вернон подчинился.
— Интересно, много ли парнишка понял из нашего разговора? — сказал Сидни.
— О, ничего не понял. Он еще мал.
— Не знаю, не знаю. Некоторые дети все так и впитывают — как моя Этель. Но она такая бойкая девица.
— По-моему, Вернон ничего не замечает,— повторила Майра.— В каком-то смысле это просто благословение.

2

— Мама, а что будет в июне? — спросил Вернон.
— В июне, дорогой?
— Да, вы с дядей Сидни говорили.
— О, это...— Майра смутилась.— Это большой секрет.
— Расскажи,— настаивал Вернон.
— Дядя Сидни и тетя Кэри надеются, что в июне у них появится маленький ребенок, мальчик. Тебе он будет двоюродным братом.
— А-а,— разочарованно протянул Вернон.— И все?
Через пару минут он спросил:
— А почему у нее ноги опухли?
— О! Видишь ли... ну... она в последнее время переутомилась.
Майра со страхом ждала следующих вопросов, пытаясь вспомнить, о чем они с Сидни еще говорили.
— Мама!
— Да, дорогой?
— А дядя Сидни и тетя Кэри хотят иметь мальчика?
— Да, конечно.
— Тогда зачем им ждать до июня? Почему не взять его сейчас?
— Потому что Господь лучше знает. Господь хочет, чтобы ребеночек был в июне.

— Как долго ждать. Если бы я был Богом, я бы сразу же давал людям то, что они попросят.

— Вернон, не богохульствуй,— мягко сказала Майра.

Вернон промолчал. Но он был озадачен. Что такое богохульство? Кажется, это слово произнесла кухарка, когда говорила о своем брате. Она сказала, что он самый... ну, вот это слово, такой человек, и что он мухи не обидит! Было понятно, что она его очень хвалит, но Мама, кажется, думала иначе.

В этот вечер Вернон добавил еще одну молитву к своей обычной: «Боже, благослови Маму и Папу вырастить меня хорошим мальчиком, аминь». Она звучала так:

— Дорогой Бог! Пошли мне щенка в июне или в июле, если ты очень занят.

— Почему это в июне? — удивилась мисс Робинсон.— Какой ты забавный! Я думала, ты хочешь щенка сейчас.

— Это было бы богохульство,— сказал Вернон.

Глаза у нее округлились.

3

Неожиданно все в мире круто изменилось. Началась война!¹ в Южной Африке! и Папа туда отправлялся!

Все вокруг были возбуждены и взвинчены. Вернон услышал о каких-то Бурах² — с ними Папа собирался сражаться.

На несколько дней отец заехал домой. Он выглядел помолодевшим, оживленным и гораздо более жизнерадостным. Они с Мамой были милы друг с другом, и не было ни одной сцены.

Пару раз Вернон замечал, что отец кривится от того, что говорит мать. Однажды он сказал:

— Ради Бога, Майра, перестань твердить о бесстрашных героях, которые отдают свою жизнь за Родину. Я не выношу подобной дешевки.

Но мать не рассердилась. Она только сказала:

— Я знаю, что тебе это не нравится. Но ведь это правда, дорогой!

¹ Имеется в виду англо-бурская война 1899—1902 годов, в результате которой Великобритания аннексировала бурские республики Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство.

² Буры — потомки голландских переселенцев в Южную Африку в XVII веке.

В последний вечер перед отъездом отец позвал сына на прогулку. Сначала они молча шагали по дорожкам, потом Вернон осмелился задать вопрос:

— Папа, ты рад, что идешь на войну?

— Очень рад.

— Там интересно?

— Не то чтобы интересно. Хотя — в некотором роде да. Это возбуждает и к тому же позволяет уйти от некоторых вещей.

Вернон задумчиво спросил:

— А на войне совсем не бывает женщин?

Уолтер Дейр стрельнул в него глазами, и легкая улыбка тронула его губы. Бесхитростный мальчик неумышленно попадал иногда в самую точку.

— К счастью, да,— серьезно ответил отец.

— Как ты думаешь, ты убьешь много людей? — поинтересовался Вернон.

Отец ответил, что заранее сказать невозможно. Вернону очень хотелось, чтобы отец прославился.

— Я думаю, ты убьешь сто человек.

— Спасибо, старина.

— Но ведь иногда... — начал Вернон и остановился.

— Да? — поощрил его Дейр.

— Иногда... я думаю... ведь на войне некоторых убивают?

Уолтер понял эту сомнительную фразу.

— Бывает,— ответил он.

— Как ты думаешь, тебя убьют?

— Могут. Дело случая.

Вернон подумал, и до него смутно дошло чувство, скрытое в этой фразе.

— Но ты был бы не против, да, папа?

— Может быть, так было бы лучше всего,— сказал Дейр скорее не сыну, а себе.

— Я надеюсь, что тебя не убьют,— сказал Вернон.

— Спасибо.

Отец слегка улыбнулся. Пожелание Вернона звучало как вежливая светская фраза, но Уолтер не сделал той ошибки, что Майра, он не подумал, что ребенок бесчувственный.

Они дошли до руин Аббатства. Солнце садилось. Отец и сын обошли вокруг, и Уолтер Дейр глубоко вздохнул, почувствовав укол боли. Возможно, ему уже больше не придется здесь стоять.

«Как же я запутался»,— подумал он.

— Вернон!

— Да, папа?

— Если меня убьют, Эбботс-Пьюисентс будут принадлежать тебе, знаешь это?

— Да, папа.

Снова наступило молчание. Он так много хотел бы сказать — но он не привык говорить. Есть вещи, которые не выразишь словами. Как странно он чувствует себя рядом с этим маленьким человеком — своим сыном. Наверное, напрасно он не узнал его получше. Им было бы хорошо вместе. А сейчас он как будто стесняется мальчика, и тот стесняется его. И все-таки любопытным образом они находятся в гармонии друг с другом. Оба не любят говорить о подобных вещах.

— Как я люблю это древнее место,— сказал Уолтер Дейр.— Надеюсь, ты тоже будешь любить.

— Да, папа.

— Чудно думать о монахах, что жили здесь... как они ловили рыбу... Такие толстяки. Я всегда думаю, что они неплохо устроились. Уютно.

Они тянули время. Наконец Уолтер Дейр сказал:

— Что ж, пора домой. Уже поздно.

Они повернули к дому. Уолтер Дейр расправил плечи. Ему предстояло пройти процедуру прощания с Майрой, и она его страшила. Ничего, скоро все это будет позади. Прощание — штука болезненная, лучше спустить все на тормозах,— но Майра, конечно, так не считает.

Бедная Майра. Ей досталась скверная участь. Она — необычайно красивое создание, но он женился на ней ради Эбботс-Пьюисентс — а она вышла за него по любви. В этом был корень всех бед.

— Заботься о матери, Вернон,— вдруг сказал он.— Ты же знаешь, как она к тебе привязана.

Он все же надеялся, что не вернется. Так было бы лучше всего. У Вернона есть мать. И тут же он почувствовал себя предателем: будто он бросает мальчика...

4

— Уолтер, — закричала Майра,— ты не попрощался с Верноном!

Уолтер посмотрел на сына, стоявшего с широко раскрытыми глазами.

— Прощай, старина. Не скучай.

— Прощай, папа.

И все. Майра была шокирована. Да он не любит сына! Он его ни разу не поцеловал! Все Дейры — чудаки, такие ненадежные люди. Как они кивнули друг другу через комнату! Что один, что другой...

«Но Вернон вырастет не таким, как его отец», — сказала себе Майра.

Со стен на нее смотрели Дейры и язвительно усмехались.

Глава 7

1

Спустя два месяца после того, как отец отплыл в Южную Африку, Вернон пошел в школу. Таково было желание Уолтера Дейра, а в этот момент для Майры его воля была закон. Он был ее солдат, ее герой, все прочее было забыто. Она была невероятно счастлива. Она вязала носки для солдат, принимала бурное участие во всяких кампаниях, сочувственно разговаривала с другими женщинами, чьи мужья ушли воевать со злыми, неблагодарными бурами.

Она испытывала острые угрызения совести, расставаясь с Верноном. Ее дорогой сыночек должен уехать так далеко от нее. На какие только жертвы не приходится идти матерям! Но такова воля его отца.

Бедная крошка, как он будет тосковать по дому! Эта мысль терзала ее.

Но Вернон не тосковал. У него не было пылкой привязанности к матери. Всю жизнь ему было суждено нежно любить мать, только находясь вдали от нее. Он с облегчением сбежал из насыщенной эмоциями атмосферы родного дома.

Школьная жизнь пришлась ему по душе. Его отличала природная склонность к играм, уравновешенность и необычайное физическое мужество. После унылой монотонной жизни под присмотром мисс Робинс школа явилась праздничной новинкой. Как все Дейры, он умел ладить с людьми и легко заводил друзей.

Но детская скрытность, заставлявшая его отвечать «Ничего» на большую часть вопросов, въелась в него. Она сопровождала его всю жизнь. Школьные друзья — это те, с

кем он «что-то делал». Но мысли свои он держал при себе и поделился ими только с одним человеком. Этот человек очень скоро войдет в его жизнь.

В первые же свои каникулы он встретился с Джозефиной.

2

Мать встретила Вернона бурными излияниями любви. Он уже почти забыл о таких вещах, но стойко их выдержал. Когда у Майры миновал первый приступ восторга, она сказала:

— А для тебя есть новость, дорогой. Как ты думаешь, кто у нас появился? Твоя кузина Джозефина, дочка тети Нины. Она теперь живет у нас. Правда, чудесно?

Вернон не был в этом уверен. Надо было обдумать. Чтобы выиграть время, он спросил:

— А почему она живет у нас?

— Потому что ее мама умерла. Это для нее ужасное горе, и мы должны к ней быть очень, очень добры, чтобы возместить ей утрату.

— Тетя Нина умерла?

— Да. Ты ее, конечно, не помнишь, дорогой.

Он не стал говорить, что отлично помнит. Зачем?

— Она в классной комнате, дорогой. Пойди отыщи ее и подружись.

Вернон побрел, не зная, доволен он или нет. Девчонка! Он был в том возрасте, когда девчонок презирают. Девчонка в доме — значит, нянчиться с ней. С другой стороны, веселее, если в доме есть еще кто-нибудь. Смотря что за девчонка. Раз она осталась без матери, надо проявлять к ней любезность.

Он открыл дверь школьной комнаты и вошел. Джозефина сидела на подоконнике, свесив ноги. Она устала на него, и настроение снисходительной доброты у Вернона мигом улетучилось.

Это была хорошо сложенная девочка его возраста. Черные волосы ложились на лоб ровной челкой. Подбородок упрямо выдавался вперед. У нее была очень белая кожа и длинные-предлинные ресницы. Хотя она была на два месяца младше Вернона, но держалась с явным превосходством — скукаяще и в то же время с вызовом.

— Привет,— бросила она.

— Привет,— чуть растерянно ответил Вернон.

Они с подозрением рассматривали друг друга, как это делают дети и собаки.

— Предполагаю, что ты моя кузина Джозефина.

— Да, но только зови меня Джо, как все.

— Ладно. Джо.

Чтобы заполнить паузу, Вернон принялся насвистывать.

— Довольно приятно вернуться домой, — сказал он наконец.

— Здесь ужасно приятное место, — сказала Джозефина.

— А, тебе нравится? — Вернон потеплел.

— Ужасно нравится. Лучше любого места, где я жила.

— А ты жила в разных местах?

— О да! Сначала в Кумбисе — это когда мы с папой жили. Потом в Монте-Карло с полковником Энсти. А потом в Тулоне¹ с Артуром, а потом повсюду в Швейцарии из-за легких Артура. Когда Артур умер, меня отдали в монастырь, тогда маме некогда было со мной возиться. Мне там не понравилось — монашки такие глупые. Заставляли принимать ванну прямо в сорочке. А когда мама умерла, приехала тетя Майра и забрала меня сюда.

— Мне ужасно жалко... я про твою маму, — неловко выговорил Вернон.

— Да, это скверно — но для нее это было самое лучшее.

— О! — Вернон отшатнулся.

— Только не говори тете Майре, — сказала Джо. — Потому что я думаю, ее такие вещи шокируют — как монашек. С ней надо быть осторожной, знать, что говоришь. Мама не слишком обо мне заботилась, знаешь ли. Она была страшно добрая и все такое, но всегда сохла по какому-нибудь мужчине. Я слышала, как в отеле об этом говорили какие-то люди, и это правда. Она ничего не могла с этим поделать, но это никуда не годится. Я не буду иметь ничего общего с мужчинами, когда вырасту.

— О! — сказал Вернон. Он все еще чувствовал себя маленьким рядом с этой забавной девчонкой, и это было ужасно.

— Больше всех я любила полковника Энсти, — вспоминала Джо. — Но мама сбежала с ним только для того, чтобы убежать от папы. С полковником Энсти мы жили в са-

¹ Тулон — крупный город и порт во Франции на побережье Средиземного моря.

мых хороших отелях. А Артур был очень бедный. Если я буду сохнуть по какому-нибудь мужчине, когда вырасту, я сначала проверю, чтобы он был богатый. Тогда все будет проще.

— Разве у тебя был плохой папа?

— О, папа — дьявол, так мама говорила. Он ненавидел нас обеих.

— Но почему?

Джо озадаченно сдвинула прямые черные брови.

— Я точно не знаю. Это как-то было связано с моим рождением. По-моему, он был вынужден жениться на маме из-за того, что она должна была родить меня, что-то в этом духе, и он разозлился.

Они растерянно смотрели друг на друга.

— Дядя Уолтер в Южной Африке, да? — продолжила Джо.

— Да. Я в школе получил от него три письма. Ужасно веселые письма.

— Дядя Уолтер душечка. Я его люблю. Знаешь, он приезжал к нам в Монте-Карло.

Что-то шевельнулось в памяти Вернона. Ну да, вспомнил. Отец тогда хотел, чтобы Джо приехала в Эбботс-Пьюисентс.

— Он устроил так, чтобы меня взяли в монастырь. Преподобная матушка считала, что он чудесный, что он истинный тип высокородного английского джентльмена — так она выражалась.

Оба посмеялись.

— Давай пойдем в сад, — предложил Вернон.

— Пойдем. Знаешь, я нашла четыре гнезда, но птицы оттуда уже улетели.

Они вышли, увлеченно болтая о птичьих яйцах.

3

По мнению Майры, Джо была непостижимым ребенком. У нее были приятные манеры; когда к ней обращались, она отвечала вежливо и по существу; принимала ласки, не отвечая на них. Она была очень независима; горничной сказала, что ей нечего у нее делать, она сама может развесить одежду в шкафу и поддерживать порядок и чистоту в комнате. Словом, это был искушенный гостиничный ребенок, Майра таких еще не встречала. Глубина ее познаний ужасала.

Но Джо была проникательной, находчивой и умела ладить с людьми. Она тщательно избегала всего, что может «шокировать тетю Майру». Она испытывала к ней что-то вроде добродушного презрения. Как-то она сказала Вернону:

— Твоя мама очень хорошая, но она немножко глупая, правда?

— Она очень красивая,— горячо ответил Вернон.

— Да, очень,— согласилась Джо.— Какие у нее руки! А волосы! Я хотела бы иметь такие золотые волосы.

— Они у нее ниже пояса,— сообщил Вернон.

Он нашел в Джо отличного товарища, она никак не укладывалась в его представления о «девчонках»: она не любила играть в куклы, никогда не плакала, была сильной, как он сам, и всегда готова к опасным спортивным развлечениям. Они лазили по деревьям, катались на велосипедах, падали, получали ссадины и шишки, они даже утащили осиное гнездо — благодаря не столько уменью, сколько везению.

С Джо Вернон мог говорить и много говорил. Она открыла ему новый мир — мир, где люди сбегают с чужими женами и мужьями, мир танцев, карточных игр и цинизма. Она любила свою мать с такой неистовой и заботливой нежностью, как будто они поменялись ролями.

— Она была слишком мягкой,— сказала Джо.— Я не буду мягкой. С такими люди плохо обращаются. Мужчины — звери, но если первой начать с ними по-зверски, то все будет нормально. Все мужчины — звери.

— Ты говоришь глупости, и я думаю, что это неправда.

— Потому что сам будешь мужчиной.

— Нет, не потому. И все равно — я не зверь.

— Сейчас нет, но станешь, когда вырастешь.

— Послушай, Джо, тебе со временем придется выйти замуж, ты же не думаешь, что твой муж будет зверем?

— А зачем мне выходить замуж?

— Ну... все девчонки выходят. Ты же не хочешь стать как мисс Кребтри.

Джо заколебалась. Мисс Кребтри была старой девой, которая развивала бурную деятельность в деревне и обожала «милых деток».

— Необязательно становиться как мисс Кребтри,— слабо возразила она.— Я должна... о! Я должна что-то делать —

играть на скрипке, или писать книги, или рисовать великолепные картины!

— Надеюсь, что ты не будешь играть на скрипке.

— Этого мне хочется больше всего. Почему ты так ненавидишь музыку, Вернон?

— Не знаю. Просто это так. У меня от нее слабость и внутри противно.

— Ну надо же! А у меня самое приятное чувство. Что ты собираешься делать, когда вырастешь?

— Не знаю. Женюсь на какой-нибудь красавице и буду жить в Эбботс-Пьюисентс с кучей лошадей и собак.

— Вот скука! — сказала Джо. — Никаких развлечений.

— Я и не хочу, чтобы были развлечения.

— А я хочу. Я хочу, чтобы все всегда меня развлекало.

4

Других детей, с кем бы Вернон и Джо могли играть, почти не было. Викарий, с детьми которого Вернон играл раньше, уехал, его преемник был холост. Семьи с детьми того же возраста, что Дейры, жили далеко и наезжали лишь изредка.

Исключением была Нелл Верикер. Ее отец капитан Верикер был доверенным лицом лорда Кумберли. Это был высокий сутулый человек с блекло-голубыми глазами и медлительными манерами. Имея хорошие связи, он был совершенно бездеятелен. Недостаток деятельности восполняла жена, высокая, все еще красивая женщина, с золотистыми волосами и голубыми глазами. Она в свое время протолкнула мужа на тот пост, который он занимал, а сама пробилась в лучшие дома в округе. У нее было знатное происхождение, но не было денег, как и у мужа. Но она решила добиться успеха в жизни.

Вернон и Джо смертельно скучали в обществе Нелл Верикер. Тонкая бледная девочка с прямыми волосами, с розовыми веками и розовым кончиком носа, она ничего не умела: ни бегать, ни лазать по деревьям. Она всегда одинаково одевалась в белый муслин, а любимой игрой ее было чаепитие кукол.

Майра обожала Нелл. «Чистокровная маленькая леди», — твердила она. Когда миссис Верикер привозила Нелл на чай, Вернон и Джо держались приветливо и вежливо, старались придумать игры, которые бы ей понравились, и

издавали восторженный вопль, когда она наконец уезжала, сидя очень прямо рядом с мамой в наемном экипаже.

В следующие каникулы Вернона, сразу после знаменитой истории с осиным гнездом, стали появляться первые слухи о Дирфилдсе.

Дирфилдс — это имение, примыкающее к Эбботс-Пьюисентс, оно принадлежало старому сэру Чарльзу Элингтону. На ленч к миссис Дейр пришли приятельницы, и сразу же возник предмет для беседы:

— Это чистая правда! Я слышала из самого достоверного источника. Его продают этим... евреям! О, конечно, они неимоверно богаты... За фантастическую цену, я уверена. Его фамилия Левин. Нет, я слышала, он из русских евреев... О, это невозможно. Бедняга сэр Чарльз... Ну, остается йоркширское имение... Говорят, он потерял недавно столько денег... Нет, никто его не будет приглашать. Само собой.

Джо и Вернон восторженно собирали все обрывки сплетен насчет Дирфилдса. Наконец новые соседи приехали. Разговоров стало еще больше.

— О, миссис Дейр, это просто невысказанно! Мы так и знали... О чем они только думают... Чего же ожидать?.. Я думаю, они все продадут и уедут отсюда... Да, семья. Мальчик. Кажется, ровесник Вернону.

— Интересно, какие они, евреи, — сказал Вернон Джо. — Почему все их не любят? Мы в школе думали про одного мальчика, что он еврей, а он ест бекон за завтраком — значит, не еврей.

Евреи Левины оказались ревностными христианами. В воскресенье они появились в церкви и заняли всю скамью. Весь приход, затаив дыхание, рассматривал их. Первым вошел мистер Левин, в высоком сюртуке, толстый, круглый, с огромным носом и блестящим лицом. Потом миссис — ну и потеха! Колоссальные рукава! Фигура как песочные часы! Ожерелье из бриллиантов! Необъятная шляпа с перьями, а из-под нее свисают тугие локоны черных волос! С ними шел мальчик — повыше Вернона, с длинным желтым лицом и выпуклыми глазами.

У церкви их ждала карета, запряженная парой; когда служба закончилась, они сели и уехали.

— Ну и ну! — сказала мисс Кребтри.

Люди собрались кучками и оживленно переговаривались.

— По-моему, это подло,— сказала Джо. Они были одни в саду.

— Что подло?

— Эти люди.

— Ты про Левиных?

— Да. Почему все к ним так паршиво относятся?

— Ну, знаешь,— сказал Вернон, пытаясь быть беспристрастным,— они как-то чудно выглядят.

— А по-моему, люди — звери.

Вернон промолчал. Джо, ставшая бунтаркой, в силу обстоятельств, всегда предлагала новый взгляд на вещи.

— Этот мальчик,— продолжала Джо,— я думаю, он очень интересный, хотя у него уши торчат.

— А что, здорово будет с кем-нибудь еще подружиться,— сказал Вернон.— Кейт говорит, они строят в Дирфилдсе плавательный бассейн.

— Значит, они ужасно, ужасно богатые.

Вернону это ничего не говорило. Он не знал, что это такое — богатство.

Некоторое время Левины оставались в центре всех разговоров. Какие переделки они затеяли в Дирфилдсе! Они привезли рабочих из Лондона!

Однажды миссис Верикер приехала с Нелл на чай. Едва оказавшись в саду с детьми, она сообщила волнующую новость:

— У них есть машина!

— Машина?!

Что-то неслыханное! В Лесу еще не видали машин. Вернон дрогнул от зависти. Машина!

— Машина да еще плавательный бассейн,— пробормотал он.

Это уж было слишком.

— Не плавательный бассейн, а подводный сад,— сказала Нелл.

— Кейт говорит, что бассейн.

— А наш садовник сказал — подводный сад.

— Что это значит — подводный сад?

— Не знаю,— призналась Нелл.

— Я не верю,— сказала Джо.— Кому понадобится такая глупость, если можно иметь плавательный бассейн?

— Ну, так говорит наш садовник.

— Понятно — В глазах Джо мелькнул проказливый огонек. — Пойдем и посмотрим.

— Что?

— Пойдем и сами посмотрим.

— Ой! Нельзя, — сказала Нелл.

— Почему нельзя? Мы подкроемся по лесу.

— Здорово! Хорошая идея, — сказал Вернон. — Пошли!

— Не хочу, — сказала Нелл. — Маме это не понравится.

— Ох! Не будь занудой, пошли.

— Маме не понравится, — повторила Нелл.

— Как хочешь. Тогда жди здесь. Мы скоро.

Глаза Нелл наполнились слезами. Она не хотела оставаться одна. Она стояла, молча теребя платье.

— Мы скоро, — повторил Вернон.

И они с Джо побежали. Этого Нелл не могла вынести.

— Вернон! — крикнула она.

— Ну?

— Подожди. Я с вами.

Она почувствовала, что совершает подвиг, — но на Вернона и Джо, кажется, это не произвело никакого впечатления. Они нетерпеливо ждали, когда она их догонит.

— Теперь так. Командовать буду я, — сказал Вернон. — Всем делать то, что я скажу.

Они перелезли через забор, окружавший Парк, и скрылись под покровом леса. Шепотом переговариваясь, они раздвигали кусты, подбираясь все ближе и ближе к дому. Вот он вырос перед ними, впереди и несколько справа.

— Идем дальше, возьмем немного в гору.

Девочки послушно последовали за ним. Неожиданно сзади и слева раздался голос, ударивший в уши:

— Нарушители границ.

Девочки обернулись — там стоял желтолицый мальчик с большими ушами. Засунув руки в карманы, он смотрел на них с видом превосходства. Вернон хотел сказать: «Извините», — но вместо этого воскликнул: «О!»

Оба мальчика оглядывали друг друга оценивающими взглядами дуэлянтов.

— Мы живем рядом, — сказала Джо.

— Да? — сказал мальчик. — Вот и идите домой. Мама и папа не хотят, чтобы вы сюда ходили.

Он постарался сказать это как можно обиднее. Вернон, хоть и сознавал, что они виноваты, вспыхнул от злости.

— Мог бы говорить повежливей.

— С какой стати?

Послышались шаги, кто-то продирался через кустарник, мальчик обернулся и сказал:

— Это ты, Сэм? Выкинь отсюда этих малолетних нарушителей границ, ладно?

Сторож, стоя у него за спиной, усмехнулся и почесал затылок. Мальчик зашагал прочь, словно потеряв интерес. Сторож повернулся к детям и грозно нахмурился.

— Прочь отсюда, шалопаи! Если сейчас же не уберетесь, я спущу на вас собак.

— Мы собак не боимся,— высокомерно заявил Вернон.

— Ха, не боитесь! А вот я приведу сюда Носорога и выпущу на вас.

Сторож ушел. Нелл дернула Вернона за руку.

— Он пошел за носорогом! Бежим скорее!

Ее испуг был заразителен. О Левиных столько говорили, что они поверили угрозе сторожа и дружно ринулись к дому, продираясь сквозь подлесок. Вернон и Джо бежали впереди. Послышался жалобный крик Нелл:

— Вернон! Вернон! Ой! Подожди, я зацепилась.

Ну и рохля эта Нелл! Ничего она не может, даже бежать. Вернон вернулся, рывком сдернул платье с ветки, за которую оно зацепилось (с большим уроном для платья), и поднял ее на ноги.

— Давай, вперед.

— Я задыхнулась, не могу больше бежать. Ой, Вернон, я боюсь.

— Вперед!

Он за руку поволок ее за собой. К Парку они добрались бледные, исцарапанные...

6

— Ну и приключение,— сказала Джо, отряхиваясь испачканной панамкой.

— Платье порвалось,— сказала Нелл.— Что мне делать?

— Ненавижу этого парня,— сказал Вернон.— Зверь.

— Зверский зверь,— согласилась Джо.— Давай объявим ему войну.

— Давай!

— Что мне делать с платьем? — хныкала Нелл.

— Скверно, что они держат носорога,— задумчиво сказа-

ла Джо — Как ты думаешь, Том-Бой справится с ним, если его научить?

— Я не хочу, чтобы он ранил Том-Боя,— сказал Вернон.

Том-Бой жил в конюшне, он был его любимцем. Мать запрещала держать собак в доме, так что ближайшая собака, которую Вернон считал своей, был Том-Бой.

— Что мама скажет про платье?

— Ой, надоела ты со своим платьем, Нелл! В таких платьях не играют в саду.

— Я скажу твоей маме, что это я виноват,— нетерпеливо сказал Вернон.— Не будь как девчонка.

— А я и есть девчонка.

— Ну и что, Джо тоже девчонка, но она не хнычет, как ты. Она во всем как мальчик.

Нелл готова была заплакать, но тут их позвали в дом.

— Извините, миссис Верикер,— сказал Вернон,— боюсь, я порвал Нелл платье.

Последовали сожаления Майры, разуверения миссис Верикер. Когда Нелл с матерью уехали, Майра сказала:

— Не надо быть таким грубым, Вернон дорогой. Когда к тебе на чай приходит подружка, ты должен быть к ней очень внимателен.

— А почему она должна приходить к нам на чай? Мы ее не любим. Она только все нам портит.

— Вернон! Нелл такая милая девочка.

— Нет, мама, она ужасная.

— Вернон!

— Да, да. И маму ее я не люблю.

— Я тоже не слишком люблю миссис Верикер,— сказала Майра.— Она тяжелый человек. Но я не понимаю, почему вы, дети, не любите Нелл. Миссис Верикер говорила мне, что она к тебе очень хорошо относится.

— Никто ее не просит.

И он убежал с Джо.

— Война,— сказал он.— Только война! По-моему, левинский мальчишка — это переодетый бур. Разработаем план боевых действий. Почему это он должен жить рядом и все нам портить?

И началось что-то вроде партизанской войны, доставлявшей массу удовольствия Вернону и Джо. Они изобретали разные способы изматывать врага. Спрятавшись в ветвях, обрушивали на него град каштанов, обстреливали горо-

хом из трубочек. Однажды они подкрались к вражескому дому вечером, когда стемнело, и положили на порог лист бумаги, на котором красной краской нарисовали руку и под ней слово «Мечь».

Иногда враг предпринимал ответные действия. У него тоже была трубка для стрельбы горохом, а однажды он подстерег их со шлангом для поливки.

Военные действия продолжались уже дней десять, когда Вернон однажды наткнулся на Джо, с подавленным видом сидящую на дереве.

— Привет! Ты что? Я думал, ты пошла обстрелять врага гнилыми помидорами, которые дала кухарка.

— Да, я хотела.

— Что случилось, Джо?

— Я залезла на дерево, он прошел прямо подо мной. Мне ничего не стоило попасть в него.

— То есть ты не стала бросать в него помидоры?

— Да.

— Но почему?

Джо покраснела и заговорила очень быстро.

— Не смогла. Он не знал, что я там, и у него был такой вид — о, Вернон, он казался ужасно одиноким, и как будто ему все это противно. Я понимаю, как должно быть ужасно, когда не с кем водиться.

— Да, но...— Вернону нужно было привыкнуть к новой мыслию.

— Помнишь, мы говорили, как это подло? — продолжала Джо.— Что люди по-зверски относятся к Левиным. А теперь и мы так же.

— Но ведь он первый начал!

— Может быть, он не хотел.

— Что за чепуха!

— Ничего не чепуха! Знаешь, как собаки кусаются, когда бояться? Может быть, он ждал, что мы тоже отнесемся к нему по-зверски, и начал первым. Давай с ним подружимся?

— Нельзя же в разгар войны.

— Можно. Мы сделаем белый флаг, ты с ним выйдешь, потребуешь вести переговоры и согласишься, нельзя ли заключить почетный мир.

— А что, я не против,— сказал Вернон.— По крайней мере, что-то новое. Из чего сделаем флаг — из моего носового платка или твоего фартука?

Они отправились в волнующий поход с белым флагом.

Вскоре они встретили врага. Он уставился на них с видом полного изумления.

— Что еще? — сказал он.

— Мы предлагаем переговоры,— сказал Вернон.

— Согласен,— сказал другой мальчик после короткой паузы.

— Собственно, дело вот в чем,— вмешалась Джо.— Если ты согласен, давай будем дружить.

Все трое переглядывались.

— Почему вы решили дружить? — с подозрением спросил он.

— Довольно глупо жить бок о бок и не дружить, согласен?

— Кто из вас это первый придумал?

— Я,— сказала Джо.

Она чувствовала, как его маленькие черные глазки буравят ее. Какой он все-таки чудной. И уши торчат больше прежнего.

— Ладно,— сказал мальчик.— Мне это нравится.

Наступило неловкое молчание.

— Как тебя зовут? — спросила Джо.

— Себастьян.— Он слегка шепелявил, чуть заметно.

— Какое забавное имя. Я Джо, а это Вернон. Он учится в школе. А ты учишься в школе?

— Да. А потом поступлю в Итон¹.

— И я,— сказал Вернон.

Новый прилив враждебности, но совсем малюсенький; он тут же отступил — и больше никогда к ним не возвращался.

— Пойдемте посмотрим плавательный бассейн,— сказал Себастьян.— Замечательная штука.

Глава 8

1

Дружба с Себастьяном Левиным быстро развивалась и расцветала, частично из-за того, что приходилось соблюдать секретность. Мать Вернона пришла бы в ужас, услышав об этом. Левины, конечно, в ужас бы не пришли, но

¹ Итон — одна из самых старых и привилегированных мужских средних школ, расположенная в городе Итон недалеко от Лондона

их благодарность могла привести к столь же плачевным последствиям.

Время учебы тянулось для бедной Джо медленнее улитки. Она общалась только с гувернанткой, которая приходила по утрам и не слишком жаловала прямолинейную, склонную к бунтарству ученицу. Джо жила по-настоящему только во время каникул. Приезжал Вернон, и они пробирались к месту тайных встреч, возле дыры в заборе. Они придумали систему условного свиста и множество других не слишком необходимых сигналов. Иногда Себастьян приходил раньше них; тогда он лежал в зарослях чертополоха, и его желтое лицо и торчащие уши странно контрастировали с нью-йоркским костюмчиком.

Конечно, они не только играли, но и разговаривали, да еще как! Себастьян рассказывал о России. Они узнали про погромы. Сам Себастьян не бывал в России, но жил среди русских евреев, и отец его чудом спасся во время погрома. Иногда Себастьян произносил что-нибудь порусски — это приводило Вернона и Джо в полный восторг.

— Нас тут терпеть не могут,— говорил Себастьян.— Ну и что! Все равно им без нас не обойтись, потому что мой отец очень богат. А за деньги можно купить все!

Вид у него при этом был страшно вызывающий.

— Не все можно купить за деньги,— возражал ему Вернон.— Сын старой Николь пришел с войны без ноги. Ни за какие деньги у него не вырастет новая нога.

— Не вырастет, я и не говорю. Но за деньги ты купишь хорошую деревянную ногу и самые лучшие костыли.

— Я однажды ходил на костылях,— сказал Вернон.— Это было интересно. У меня тогда была ужасно хорошая няня.

— А если бы ты не был богатым, ничего этого у тебя бы не было.

Он богат? Наверное. Он об этом не задумывался.

— Хотела бы я быть богатой,— сказала Джо.

— Можешь выйти за меня замуж, когда вырастешь,— сказал Себастьян,— и станешь богатой.

— Боюсь Джо не понравится, если к ней никто не будет ходить,— предположил Вернон.

— Это меня не волнует,— сказала Джо.— Мне дела нет до того, что скажет тетя Майра и другие. Если захочу, то выйду за Себастьяна.

— И люди будут к ней приходить,— сказал Себастьян.— Ты не понимаешь. Евреи такие могущественные! Папа говорит, что без них никто не сможет обойтись. Вот ведь сэру Чарльзу пришлось продать нам Дирфилдс.

Вернон, похолодев, безотчетно ощутил, что говорит с представителем враждебной расы. К Себастьяну он не испытывал вражды — она давно исчезла. С Себастьяном они всегда будут друзьями, он не сомневался.

— Деньги,— говорил Себастьян,— это не просто чтобы покупать вещи, это гораздо больше. И не только власть над людьми. Это... это возможность собрать вместе много красоты.

Руки его взметнулись в каком-то пылком неанглийском жесте.

— Что ты имеешь в виду? Как это — собрать вместе?

Себастьян не смог объяснить. Слова вырвались у него сами собой.

— Все равно, вещи — это еще не красота,— сказал Вернон.

— Красота. Дирфилдс красивый; а Эбботс-Пьюисентс еще красивее.

— Когда Эбботс-Пьюисентс будут принадлежать мне,— сказал Вернон,— ты можешь приходить и жить там, сколько захочешь. Мы всегда будем друзьями, что бы там люди ни говорили, правда?

— Мы всегда будем друзьями,— сказал Себастьян.

2

Мало-помалу Левины пробивали себе дорогу. Церкви был нужен орган — мистер Левин презентовал его. По случаю загородной вылазки хора мальчиков Дирфилдс распахнул свои двери и угощал клубникой со сливками. В Лигу Подснежника¹ поступил крупный взнос. Куда ни повернись, везде ты натыкался на богатство и щедрость Левиных.

Люди стали говорить так:

— Конечно, они совершенно невозможны, но они такие добрые.

¹ Лига Подснежника — организация консерваторов, выступающая в защиту Англиканской церкви и монархии и проповедующая классовый мир. Была создана в 1883 году

Было слышно и другое:

— Ах! Конечно, они евреи, но глупо иметь какие-то предубеждения на этот счет. Многие хорошие люди были евреями.

Говорят, викарий к этому добавил: «В том числе Иисус Христос»,— но этому не очень верили. Викарий холост, что весьма необычно, он носится со странными идеями о Святом Причастии¹, иногда произносит непонятные проповеди, но, чтобы он мог произнести что-то кощунственное, в это никто не верил.

Именно викарий привел миссис Левин в кружок кройки и шитья, который собирался два раза в неделю, чтобы снабдить необходимыми вещами наших храбрых солдат в Южной Африке. Встречаться с ней дважды в неделю было как-то неловко, но в конце концов леди Кумберли, тронутая огромным взносом в Лигу Подснежника, сделала решительный шаг и пригласила их к себе. А куда леди Кумберли, туда и все.

Не то чтобы с Левиными очень сблизилась, но их официально признали. Люди стали говорить:

— Она очень добрая женщина, хотя одевается она просто немисливо.

Но и это уладилось. Миссис Левин была очень восприимчива, как и вся ее раса. Вскоре она стала появляться в костюмах еще более грубошерстных твидовых², чем у соседей.

Джо и Вернон получили торжественное приглашение на чай к Себастьяну Левину.

— Я думаю, надо разок сходить,— вздохнула Майра.— Никто не требует от нас сближаться с ними. Этот мальчик такой чудной. Ты не будешь ему грубить, Вернон, дорогой?

Детей торжественно познакомили с Себастьяном. Это их очень позабавило.

Но быстроглазая Джо уловила, что миссис Левин знает об их дружбе гораздо больше, чем Майра. Миссис Левин была не дура. Она была как Себастьян.

¹ Святое Причастие — один из христианских обрядов, во время которого верующих потчуют хлебом и вином (в них воплощены «тело и кровь» Христа)

² Твид — грубая шерстяная ткань с особым диагональным плетением нитей двух или более разных цветов. Костюм из твида — типичная одежда английского поместного дворянства.

Уолтер Дейр был убит за несколько недель до конца войны. Погиб он вполне геройски: его застрелили, когда он вытаскивал из-под огня раненого товарища. Его наградили посмертно, а письмо от полковника, которое он написал Майре, она хранила, как величайшее сокровище.

«Я не знал (писал полковник) человека более бесстрашного. Солдаты обожали его и были готовы идти за ним куда угодно. Раз за разом он рисковал жизнью, проявляя поразительное бесстрашие. Вы можете гордиться им».

Майра снова и снова перечитывала это письмо, читала его всем своим друзьям. Она отбросила легкий укол обиды оттого, что муж не прислал ей ни прощального слова, ни письма.

— Как истинный Дейр, — сказала она себе.

Вообще-то Уолтер Дейр оставил письмо «на тот случай, если меня убьют», но не к Майре, и она о нем так и не узнала. Она была разбита горем, но счастлива. После смерти муж стал принадлежать ей так, как никогда при жизни, и, с легкостью представляя вещи такими, какими она хотела их видеть, Майра сочинила убедительный роман о своем счастливом замужестве.

Трудно было сказать, как смерть отца воспринял Вернон. Горя он не испытывал; он казался еще более бесчувственным из-за явного желания матери, чтобы он проявлял чувства. Он гордился отцом, так гордился, что ему было больно, и понимал, что имела в виду Джо, когда сказала, что для матери было лучше, что она умерла. Он отчетливо помнил последнюю вечернюю прогулку с отцом... что тот говорил ему... чувство, соединявшее их.

Он понимал, что отец не хотел возвращаться. Он жалел отца — так было всегда, он не знал почему.

Он испытывал не горе, а что-то вроде одиночества, охватившего душу. Отец умер, тетя Нина умерла. Есть, конечно, Мама, но это совсем другое.

Он не мог утешить мать — никогда этого не мог. Она его тискала, обнимала, плакала, говорила, что теперь они должны стать всем друг для друга. А он не мог ответить ей тем же. Не мог даже обнять ее.

Хоть бы скорее кончились каникулы. Мать с красными глазами и вдовьим крепом — она все подавляла собою.

Из Лондона приехал нотариус мистер Флеминг, из

Бирмингема — дядя Сидни. Они прожили два дня, и под конец Вернона пригласили в библиотеку.

За длинным столом сидели двое мужчин. Майра расположилась в кресле у камина, прижимая к глазам платочек.

— Ну, мой мальчик, у нас к тебе есть разговор. Как ты смотришь на то, чтобы переехать в Бирмингем, поближе ко мне и тете Кэри?

— Спасибо,— сказал Вернон,— но я лучше буду жить здесь.

— Ты не думаешь, что здесь мрачно, а? Я подобрал веселый домик — не слишком большой, ужасно удобный. Рядом будут кузины, вы будете играть на каникулах. По моему, хорошая мысль.

— Да, конечно,— вежливо ответил Вернон.— Спасибо, но я предпочел бы жить здесь.

— А-а! Хм,— сказал дядя Сидни. Он высморкался и вопросительно посмотрел на нотариуса, тот слегка кивнул.

— Это не так просто, старина,— сказал дядя Сидни.— Я думаю, ты достаточно взрослый и поймешь, что я тебе объясню. Теперь, когда отец умер... э, ушел от нас, Эбботс-Пьюисентс принадлежит тебе.

— Я знаю,— сказал Вернон.

— А? Откуда ты знаешь? Слуги проболтались?

— Папа сказал мне перед отъездом.

— О! — Дядя Сидни слегка отшатнулся.— О! Понятно. Так вот, Эбботс-Пьюисентс принадлежит тебе, но чтобы содержать такое место, надо кучу денег — платить жалованье слугам и все в таком роде, понимаешь? Есть еще так называемый налог на наследство. Когда кто-то умирает, приходится платить правительству много денег. Так вот, твой отец не был богатым человеком. Когда умер его отец и он приехал сюда, у него было так мало денег, что он собирался его продать.

— Продать? — недоверчиво вскинулся Вернон.

— Да.

— Но... но вы... вы не собираетесь сейчас его продавать? — Вернон с мольбой уставился на него.

— Нет, конечно,— сказал мистер Флеминг.— Имение завещано тебе, и с ним ничего нельзя делать, пока тебе не исполнится двадцать один год.

Вернон облегченно вздохнул.

— Но видишь ли,— продолжал дядя Сидни,— жить в нем очень дорого. Как я говорил, твоему отцу пришлось бы его продать. Но он встретил маму, женился, а у неа, по счастью, были деньги, чтобы содержать имение. Но со смертью твоего отца все изменилось. Во-первых, у него остались .. э, долги, которые твоя мать непременно хочет заплатить.

Майра всхлипнула, и дядя Сидни заговорил торопливо, успокоительным тоном:

— Здравый смысл подсказывает, что надо сдать Эбботс-Пьюисентс внаем до тех пор, пока тебе не исполнится двадцать один год. А там кто знает? Дела могут измениться к лучшему. Маме твоей, естественно, лучше жить рядом с родственниками. Ты должен подумать о матери, мой мальчик.

— Да, папа мне это сказал.

— Ну что, договорились?

Какие же они жестокие, думал Вернон. Спрашивают у него — когда и спрашивать не о чем. Они могут сделать все, что захотят. Они так и собирались. Зачем же было звать его сюда и притворяться?

Придут чужие люди, будут жить в Эбботс-Пьюисентс.

Ничего! Когда-нибудь ему исполнится двадцать один год.

— Дорогой,— сказала Майра,— я все делаю ради тебя. Здесь будет так грустно без папочки, правда?

Она протянула к нему руки, но Вернон сделал вид, что не замечает. Он вышел из комнаты, с трудом выговорив:

— Большое спасибо, что сказали мне, дядя Сидни.

4

Он вышел в сад и побрел к старому Аббатству. Сел, упершись кулаками в подбородок.

«Мама могла бы,— подумал он.— Если бы захотела, то могла бы! Она хочет уехать и жить в таком же ужасном краснокирпичном доме, как у дяди Сидни. Она не любит Эбботс-Пьюисентс, никогда не любила. И нечего ей притворяться, что все это ради меня. Она говорит неправду. Она всегда...»

Он задышался от возмущения.

— Вернон! Вернон! Я всюду ищу тебя. Не могла понять, куда ты подевался. В чем дело?

Это Джо. Он рассказал. Есть хоть один человек, который может понять и посочувствовать. Но Джо устала на него.

— Ну и что? Почему тетя Майра не может уехать в Бирмингем, если она так хочет? Ты рассуждаешь по-дурацки. Почему она должна жить здесь, дожидаясь, когда ты приедешь на каникулы? Деньги ее. Почему она не может тратить их так, как хочет?

— Но, Джо, Эбботс-Пьюисентс...

— Ну что такое Эбботс-Пьюисентс тете Майре? В душе она относится к ним так же, как ты к дому дяди Сидни в Бирмингеме. Почему она должна мучиться и жить здесь, если не хочет? Если бы твой папа сделал ее здешнюю жизнь счастливее, может, было бы иначе, но он не сделал этого, так мама однажды сказала. Я не очень люблю тетю Майру — я понимаю, что она добрая и все такое, но не люблю,— но я могу быть справедливой. Деньги ее, и никуда ты от этого не денешься!

Вернон враждебно посмотрел на нее. У них были разные точки зрения, и ни один не хотел принимать чужую. Оба пылали от возмущения.

— Сейчас вообще для женщин скверные времена, и я на стороне тети Майры,— заявила Джо.

— Ну и ладно, будь на ее стороне! Мне какое дело!

Джо ушла. Он остался сидеть на руинах старого Аббатства. Впервые он задумался о жизни... Ни в чем нельзя быть уверенным. Как можно знать, что будет потом?

Когда ему будет двадцать один год...

Да, но ни в чем нельзя быть уверенным! Все так ненадежно!

Если посмотреть на то время, когда он был маленький. Няня, Бог, мистер Грин! Они казались незыблемыми — а где они теперь? Бог, правда, остался — но это уже совсем не тот Бог. Что же произойдет к тому времени, как ему исполнится двадцать один год? Что произойдет с ним самим?

Он чувствовал себя страшно одиноким. Отец, тетя Нина — они умерли. Только дядя Сидни и Мама — но они... они не то... Он смущенно остановился. Есть Джо, понял он! Но Джо иногда такая чудная.

Он стиснул руки. Нет, все будет хорошо.

Когда ему будет двадцать один год...

Книга вторая

НЕЛЛ

Глава 1

1

Комната была наполнена сигаретным дымом. Он зависал, колыбался, образуя тонкую голубую дымку. Из него вырывались голоса трех человек, озабоченных улучшением человеческой расы и поощрением искусства, особенно такого, которое отрицает все условности.

Себастьян Левин, прислонившись к мраморному камину — они собрались в городском доме его матери, — наизидательно говорил, жестикулируя рукой с сигаретой. Он слегка шепелявил. Желтое монголоидное лицо и удивленные глаза остались такими же, какими были в одиннадцать лет. В двадцать два года он оставался столь же самоуверенным, с той же любовью к красоте и с тем же неэмоциональным и безошибочным пониманием истинных ценностей.

Перед ним в больших кожаных креслах сидели Вернон и Джо. Они были очень похожи, одинаково делили все на черное и белое, но, как и раньше, Джо была более агрессивной, энергичной и страстной бунтаркой. Долговязый Вернон лениво развалился, положив ноги на спинку другого кресла. Он выпускал кольца дыма и задумчиво чему-то улыбался. Изредка он вносил свой вклад в беседу, делая ленивые замечания.

— Это не окупится, — решительно заключил Себастьян.

Как он и ожидал, Джо тут же вскипела.

— При чем тут «окупится»? Какая... мерзкая точка зрения! На все смотреть с позиции коммерции. Терпеть не могу.

Себастьян спокойно сказал:

— У тебя неизлечимо романтический взгляд на жизнь. Ты хочешь, чтобы поэты голодали и жили на чердаках, чтобы творения художников оставались непризнанными всю их жизнь, а скульпторам доставались аплодисменты после смерти.

— Так всегда и бывает! Всегда!

— Нет, не всегда. Возможно, очень часто. Но так не должно быть, такова моя точка зрения. Мир не любит ничего нового, но его можно заставить, если найти пра-

вильный подход. Только надо точно знать, что потонет, а что нет.

— Это компромисс,— буркнул Вернон.

— Это здравый смысл. С какой стати мне терять деньги, я же знаю, как надо поступить.

— Себастьян! — закричала Джо.— Ты... ты...

— Еврей, ты это хотела сказать? Да, мы, евреи, имеем вкус, знаем, какая вещь прекрасна, а какая нет. Мы не идем за модой, у нас есть собственное суждение, и оно правильное! Люди обычно видят денежную сторону вопроса, но есть и другая.

Вернон что-то пробурчал, Себастьян продолжал:

— То, о чем мы говорим, имеет две стороны. Есть люди, которые придумывают новое, новые способы обращения со старым, вообще новые идеи,— и они не могут пробиться, потому что все боятся нового. Есть другие — люди, которые знают, чего публика хочет, и продолжают ей давать одно и то же, потому что так спокойнее и гарантирована прибыль. Но есть и третий путь: найти новое и прекрасное и помочь ему пробиться. Вот что я и собираюсь делать. У меня будет картинная галерея, вчера подписал документы, и пара театров, и в будущем я намерен выпускать еженедельник совершенно нового направления. Более того, я рассчитываю, что все это окупится. Есть вещи, которыми я восхищаюсь и которые приведут в восторг нескольких ценителей — ими заниматься я не собираюсь. То, что буду делать я, будет иметь общий успех. Брось, Джо, неужели ты не видишь, что половина удовольствия состоит в том, чтобы сделать вещь окупаемой?

Джо помотала головой. Вернон спросил:

— Ты в самом деле хочешь все это осуществить?

Оба посмотрели на Себастьяна с оттенком зависти. Оказаться в положении Себастьяна — странно, но замечательно. Его отец умер несколько лет назад, и Себастьян в двадцать два года стал хозяином стольких миллионов, что дух захватывало.

Дружба, начавшаяся в Эбботс-Пьюисентс, продолжалась и крепла. Они вместе с Верноном учились в Итоне, затем в Кембридже¹. На каникулах все трое много времени проводили вместе.

¹ Кембридж — один из старейших и крупнейших в Англии университетов. Основан в начале XIII века и находится в городе Кембридж.

— А скульптура? — вдруг спросила Джо.— У тебя она будет?

— Конечно. Ты все еще не остыла к лепке?

— Да, это единственное, что меня привлекает.

Взрыв смеха раздался со стороны Вернона.

— Да, а что будет через год? Ты будешь неистовым по-этом или еще чем-нибудь.

— Чтобы найти свое призвание, требуется время,— с достоинством сказала Джо.— Но на этот раз я говорю совершенно серьезно.

— Как всегда. Слава Богу, ты забросила эту чертову скрипку.

— Почему ты так ненавидишь музыку, Вернон?

— Не знаю. Так было всегда.

Джо обернулась к Себастьяну. Тон ее голоса изменился — он невольно стал сдержанным.

— Что ты думаешь о работах Поля Ламарра? Мы с Верноном в воскресенье были у него в студии.

— Ерунда,— коротко отозвался Себастьян.

Джо слегка покраснела.

— Ты просто его не понял. По-моему, он великолепен.

— Убожество,— невозмутимо сказал Себастьян.

— Себастьян, временами ты бываешь препротивный. Из-за того, что Ламарр осмелился порвать с традицией...

— Вовсе не из-за этого. Человек может порвать с традицией, сформовав стилтон¹ и назвав его купанием нимфы². Но если при этом он не сумеет убедить тебя и произвести впечатление, это провал. Сделать не так, как другие,— не значит быть гением. Девять из десяти делают это для того, чтобы их заметили. Дешевка.

В дверь заглянула миссис Левин.

— Чай готов, дорогие мои,— сказала она, сияя улыбкой.

На ее могучем бюсте позвякивали и поблескивали украшения из гагата³. Поверх искусной прически сидела большая черная шляпа с перьями. Она являла собой закончен-

¹ Стилтон — полутвердый жирный белый сыр с синими прожилками плесени, продававшийся первоначально в местечке Стилтон (графство Хантингдоншир).

² Нимфа — в античной мифологии женское божество, олицетворявшее различные силы природы.

³ Гагат — черный янтарь.

ный символ процветания. Глаза ее с обожанием устремились на Себастьяна.

Они встали и собрались идти за ней. Себастьян тихо сказал:

— Джо, ты не сердишься?

Голос его вдруг стал юным и жалобным, и прозвучавшая в нем мольба показала, какой же он еще незрелый и ранимый. Мгновенье назад это был голос хозяина, самоуверенно попирающего закон.

— Почему я должна сердиться? — холодно возразила Джо.

И, не глянув на него, пошла к двери. Себастьян провожал ее тоскующим взглядом. Она была красива той магнетической красотой, которая рано созревает, — почти мертво-белая кожа, а ресницы такие густые и темные, что на фоне щек казались гагатовыми. В самих ее движениях была какая-то магия, темная и страстная. Хотя она была младшей из них троих, ей только что стукнуло двадцать, она чувствовала себя самой старшей. Вернон и Себастьян были для нее мальчиками, а она презирала мальчиков. Собачья преданность Себастьяна ее раздражала. Ей нравились мужчины с опытом, мужчины, которые говорят волнующие, не совсем понятные вещи. Она опустила глаза, вспомнив Поля Ламарра.

2

Гостиную миссис Левин отличала странная смесь кричащей роскоши и превосходного, граничащего с аскетизмом, вкуса. Богатство шло от нее: она любила бархатные портьеры и подушки, мрамор и позолоту, а вкус — это был Себастьян. Он посрывал со стен пестрые разнотильные картины и повесил две по своему выбору. Мать примирилась с их простотой, как она это называла, когда услышала, какая огромная сумма за них уплачена. В числе подарков сына были странный кожаный испанский экран для камина и изысканная, перегородчатой эмали, ваза.

Усевшись возле массивного серебряного чайного подноса, миссис Левин двумя руками подняла чайник и приступила к расспросам, тоже слегка шепелявя.

— Как поживает ваша матушка? Она совсем не бывает в городе. Передайте ей, что так она заржавеет. — Она издала добродушный хриплый смешок. — Я никогда не жалела, что мы в придачу к имению купили дом в городе. Дир-

филдс — это очень хорошо, но хочется иметь немножко жизни. Себастьян скоро вернется домой — он переполнен планами! Да-да, и отец его был такой же. Поступал вопреки всем советам, и каждый раз не терял деньги, а удваивал или утраивал. Мой бедный Якоб был такой умный.

Себастьян думал: «Хоть бы она этого не говорила. Джо терпеть не может такие разговоры. Она и так сейчас настроена против меня...»

А миссис Левин продолжала:

— Я взяла ложу на среду на «Королей в Аркадии». Вы пойдете, мои дорогие?

— Я ужасно сожалею, миссис Левин, — сказал Вернон. — Хотелось бы, но мы уезжаем в Бирмингем.

— О, так вы едете домой?

— Да.

Почему он не сказал «едем домой»? Почему это звучит для него так неестественно? Конечно, потому, что его дом, его единственный дом — это Эбботс-Пьюисентс. Дом. Чуждое слово, но как много оно может означать. Он вспомнил слова песни одного из приятелей Джо, из тех, что вечно толкутся вокруг нее (что за отвратительная была музыка!). Теребя воротник и умильно глядя на Джо, он пропел: «Дом — это там, где сердце, где сердце может быть».

В его случае дом должен быть в Бирмингеме, там, где его мать.

Как всегда, при мысли о матери его охватило беспокойное чувство. Он ее, конечно, любит. Матерям, к сожалению, ничего не объяснишь, они не понимают. Но он ее очень любит — как же иначе. Она часто повторяет: он — это все, что у нее есть.

Но какой-то бесенок в душе Вернона неожиданно ухмыльнулся. «Что за чушь ты несешь! У нее есть дом, есть слуги, чтобы ими командовать и их третировать, есть подруги, чтобы посплетничать, она окружена своими. Во всем этом она нуждается гораздо больше, чем в тебе. Она тебя любит, но чувствует облегчение, когда ты уезжаешь в Кембридж; а ты — еще большее!»

— Вернон! — резко прозвучал раздраженный голос Джо. — О чем ты задумался? Миссис Левин спрашивает тебя про Эбботс-Пьюисентс. Усадьба еще сдается?

Когда люди спрашивают: «О чем ты задумался?» — они вовсе не хотят этого знать. Зато им можно ответить: «Да ни о чем», как в детстве отвечал: «Ничего».

Он ответил на вопросы миссис Левин, пообещал пере-

дать матери различные пожелания. Себастьян проводил их до двери, они попрощались и вышли на улицу. Джо с восторгом втянула в себя воздух.

— Как я люблю Лондон! Знаешь, Вернон, я придумала. Я буду учиться в Лондоне. Сейчас приедем, и я вцеплюсь в тетю Майру. Но жить у тети Этель я все равно не буду. Хочу жить одна.

— Нельзя, Джо. Девушкам не полагается.

— Можно! Я могу жить вместе с другими девушками. Но жить с тетей Этель, которая вечно спрашивает, куда я иду и с кем,— этого я не выношу. Да и она меня терпеть не может за то, что я суфражистка¹.

Тетя Этель была сестрой тети Кэри, и тетей называлась только из вежливости. В настоящий момент они жили у нее.

— Ой, что я вспомнила! Вернон, ты должен для меня кое-что сделать.

— Что?

— Завтра днем мисс Картрайт в виде особого развлечения пригласила меня на концерт в «Титаник».

— Ну?

— А я не хочу, вот и все.

— Придумай извинение и откажись.

— Это не так просто. Видишь ли, тетя Этель будет думать, что я пошла на концерт. Я не хочу, чтобы она выноживала, куда я иду.

Вернон присвистнул.

— Вот оно что! А куда ты идешь? Кто на этот раз?

— Ламарр, если тебе так уж надо знать.

— А, попрыгунчик.

— Он не попрыгунчик. Он замечательный человек, ты даже не знаешь, какой он замечательный.

Вернон ухмыльнулся.

— Действительно не знаю. Не люблю французов.

— Ты типичный островитянин. Не имеет значения, любишь ты его или нет. Он собирается повезти меня за город, в дом своего друга, там у него лучшие вещи! Я ужасно хочу поехать, но ты прекрасно знаешь, что тетя Этель меня не пустит.

— Нечего тебе шататься по деревням с таким типом.

¹ Суфражизм — движение за предоставление женщинам избирательных прав, распространившееся во второй половине XIX — начале XX века в Великобритании, США и других странах.

— Не будь ослом, Вернон. Я могу сама о себе позаботиться.

— О, не сомневаюсь.

— Я не глупая девчонка, которая ничего не смыслит в жизни.

— Не вижу, однако, при чем тут я.

— Послушай,— Джо стала проявлять признаки беспокойства,— тебе придется пойти на концерт.

— Нет. Ничего подобного я делать не буду. Я ненавижу музыку.

— О, но ты должен, Вернон, это единственный выход. Если я скажу, что не могу пойти, она позвонит тете Этель и предложит билет другим девочкам, тогда все пропало. Если же ты придешь вместо меня, я потом встречусь с ней в Альберт-Холле¹, что-нибудь наболтаю, и все будет в порядке. Она тебя очень любит — куда больше, чем меня.

— Ну, не хочу я музыки!

— Я знаю, но можешь ты потерпеть разочек? Полтора часа, и все.

— О, черт возьми, Джо, я не хочу.

У него дрожали руки, Джо в изумлении уставилась на него.

— До чего забавно! Вернон, я таких людей еще не встречала — чтобы ненавидели музыку. Большинство людей просто безразличны. Но все-таки я думаю, что ты мог бы пойти — я же делаю для тебя кое-что.

— Хорошо,— отрывисто сказал Вернон.

Ничего хорошего. Но придется. Они с Джо всегда выручали друг друга. В конце концов, полтора часа, так она сказала. Но почему он чувствует себя так, как будто принял роковое решение? Он не хочет идти, не хочет идти!

Это как визит к зубному врачу — лучше не думать заранее. Вернон постарался переключиться на другое. Джо удивленно посмотрела, когда он хихикнул.

— Что такое?

— Вспомнил, как ты в детстве с важностью рассуждала, что не будешь иметь дел с мужчинами. А теперь у тебя все время мужчины, один за другим. Влюбляешься ежемесячно.

¹ Альберт-Холл — большой концертный зал в Лондоне, построенный в 1867—1871 годах и названный в честь супруга королевы Виктории.

— Какой ты противный, Вернон. То были фантазии глупой девчонки. Ламарр говорит, так всегда бывает, если у человека темперамент, но, когда приходит настоящая страсть,— это совсем другое.

— Только не предавайся настоящей страсти к Ламарру.

Джо не ответила. Потом сказала:

— Я не как мама. Мама с мужчинами была мягкой. Она растворялась в них, шла на все, когда влюблялась. Я не такая.

— Да,— сказал Вернон, подумав.— Похоже, ты не такая. Ты не калечишь свою жизнь так, как она. Но ты можешь это сделать другим образом.

— Каким же?

— Не знаю. Например, выйдешь замуж за кого-нибудь, вообразив великую страсть, просто потому, что все другие его не любят, а потом будешь всю жизнь маяться. Или станешь с кем-нибудь жить, лишь бы показать, как прекрасна Свободная Любовь.

— Так оно и есть.

— О, я не спорю, хотя, по-моему, это антиобщественно. Но ты такая: если тебе что-то запрещают, ты обязательно должна это сделать, независимо от того, хочешь ли ты этого в действительности. Может, я неудачно выразился, но ты меня понимаешь.

— Чего я действительно хочу — это что-нибудь делать! Стать великим скульптором.

— Потому что втюрилась в Ламарра.

— Нет! Вернон, зачем ты испытываешь мое терпение? Я всегда говорила, что хочу что-то делать, еще в Эбботс-Пьюисентс!

— Как странно,— задумчиво сказал Вернон.— Вот и Себастьян продолжает говорить почти те же самые вещи. Похоже, люди меняются меньше, чем это принято думать.

— Ты собирался жениться на красавице и вечно жить в Эбботс-Пьюисентс,— поддела его Джо.— У тебя и сейчас это главная цель в жизни?

— Некоторые делают вещи и похуже.

— Лентяй! Отявленый лентяй!

Джо смотрела на него с нескрываемым раздражением. Они с Верноном так похожи в каком-то отношении, а кое в чем совершенно разные.

А Вернон думал: «Эбботс-Пьюисентс. Через год мне будет двадцать один».

Они проходили мимо митинга Армии спасения¹. Джо остановилась. На ящике стоял худой бледный человек и хриплым голосом выкрикивал:

— Почему вы не хотите спасения? Почему? Иисус этого хочет! Иисус хочет вас! — с мощным ударением на «вас». — Да, братья и сестры, я скажу вам больше. Вы хотите Иисуса. Вы не признаетесь в этом себе, вы отворачиваетесь от него, вы боитесь — вот в чем дело, вы боитесь, потому что хотите его так отчаянно, вы хотите, но не знаете его! — Он взмахнул руками, и лицо его засветилось в экстазе. — Но вы узнаете! Есть вещи, от которых нельзя убежать. — Он заговорил медленно, почти с ненавистью: — «Говорю тебе, в эту ночь душа твоя будет призвана от тебя»².

Вернон отвернулся с легким содроганием. Какая-то женщина истерически зарыдала.

— Отвратительно, — сказала Джо, вздернув нос. — Неприличная истерия. Я не понимаю, как разумное существо может верить в Бога.

Вернон улыбнулся и ничего не сказал. Год назад Джо каждое утро вставала к утренней службе, по пятницам демонстративно ела вареное яйцо и как зачарованная слушала в церкви Святого Варфоломея³ проповеди, скучные догматические проповеди красавчика отца Кутберта, который стоял так «высоко»⁴, что даже Рим не мог быть выше.

Вслух он сказал:

— Интересно, каково это — чувствовать себя «спасенным»?

3

На следующий день в половине седьмого Джо вернулась после своего тайного развлечения. Тетя Этель встретила ее в холле.

¹ Армия спасения — религиозная благотворительная организация, основанная в Лондоне в 1865 году. Имеет офицеров и рядовых, которые носят форму

² Цитата из Библии Евангелие от Луки, гл 12, ст. 20.

³ Церковь Святого Варфоломея — древнейший храм в Лондоне, основанный в XII веке

⁴ Имеется в виду, что проповеди были близки к высокой церкви, направлению в Англиканской церкви, тяготеющему к католицизму, придающему большое значение авторитету духовенства, обрядам и т.п.

— Где Вернон? — спросила она, чтобы ее не успели спросить, как ей понравился концерт.

— Он пришел полчаса назад. Говорит, что ничего не случилось, но я вижу, что он плохо себя чувствует.

— О! — изумилась Джо.— Где он? У себя в комнате? Пойду посмотрю.

— Сходи, дорогая. Он очень плохо выглядел.

Джо взбежала по лестнице, небрежно стукнула в дверь и вошла. Вернон сидел на кровати, и было в его лице что-то такое, что Джо поразила. Таким она его еще никогда не видела.

— Вернон, что случилось?

Он не ответил. У него был затуманенный взгляд человека, получившего страшный шок. Казалось, он был где-то далеко, куда обычные слова не достигают.

— Вернон.— Она потрясла его за плечо.— Что с тобой? На этот раз он услышал.

— Ничего.

— Я вижу, что-то случилось. У тебя такой вид...

Слова были бессильны выразить, какой у него вид.

— Ничего,— тупо повторил он.

Она села рядом с ним на кровать.

— Расскажи мне,— сказала она нежно, но властно.

Вернон издал долгий прерывистый вздох.

— Джо, помнишь того человека, вчера?

— Какого человека?

— Из Армии спасения.... он еще произносил какие-то ханжеские фразы. И одну прекрасную, из Библии. «В эту ночь душа твоя будет призвана от тебя». Я еще потом сказал — интересно, каково это — быть спасенным. Так вот, я знаю!

Джо уставилась на него. Вернон?! Не может быть.

— Ты хочешь сказать...— Трудно было выразить это в словах.— Вернон, ты хочешь сказать, что вдруг «уверовал», как это говорится?

Сказав, она почувствовала, как смешно это звучит, и с облегчением услышала, что он приснул со смеху.

— Уверовал? Боже мой, конечно нет, хотя кое-кто, может, и понял бы это так. Интересно... Нет, я имел в виду...— Он помедлил и потом выговорил одно слово так тихо, как будто не смел его произнести: — Музыку.

— Музыку? — Она была огорошена.

— Да. Джо, помнишь няню Френсис?

— Няню Френсис? Нет. Кто это?

— Конечно, ты не можешь помнить, это было до тебя — когда я сломал ногу. Я хорошо помню, что она мне сказала. Что не надо торопиться убегать, сначала надо хорошенько посмотреть. Это сегодня со мной и случилось. Я больше не мог убегать, я должен был посмотреть. Джо, музыка — это самая замечательная вещь в мире.

— Но... но ты... ты всегда говорил...

— Знаю. Вот почему это и был такой ужасный шок. Я не говорю, что музыка прекрасна сейчас — но она могла бы быть прекрасна, если бы мы услышали ее такой, какой она должна быть! Отдельные куски в ней безобразны, это как на картине: видишь мазок серой краски, но отойди подальше, и увидишь, что это прелестная тень. Надо видеть в целом. Я по-прежнему считаю, что одна скрипка — безобразно, и пианино — это гадость, но в некотором роде может быть полезно. Но, Джо! О! Музыка могла бы быть так чудесна, я знаю!

Джо ошеломленно молчала. Теперь она понимала смысл его первых слов. На лице у него было странное отрешенное выражение, как у человека, охваченного религиозным экстазом. И ей было немного страшно. Обычно его лицо почти ничего не выражало — теперь оно выражало слишком многое. Пугающее и в то же время восхитительное — все зависит от угла зрения.

А он продолжал говорить не столько ей, сколько себе:

— Представляешь, было девять оркестров. В полном составе. Звук может быть великолепным, если он полный. Я не имею в виду громкость; тихий звук дает тебе еще больше. Но его должно быть достаточно. Не знаю, что они играли — наверное, ничего стоящего. Но это показало, что... что...

Взгляд ярких сверкающих глаз устремился на нее.

— Нужно так много всего знать, выучить. Я не хочу играть пьесы — только не это. Но я хочу все знать о каждом инструменте. Что он умеет, какие у него возможности, какие ограничения. И еще ноты. Есть ноты, которыми не пользуются, а надо бы. Я знаю, что они есть. Знаешь, Джо, на что сейчас похожа музыка? На крепкие нормандские¹

¹ Имеется в виду так называемый нормандский архитектурный стиль — английский вариант романского стиля, получивший распространение в Англии в XI—XII веках, его отличает тяжеловесность, приземистость, скупость декора.

опоры в склепе Глостерского собора¹. Она в самом своем начале.

Он замолчал, мечтательно подавшись вперед.

— Послушай, а ты не свихнулся? — спросила Джо.

Она постаралась произнести это буднично, как бы между прочим, но на самом деле невольно оказалась захвачена его горячностью. А она-то всегда считала, что Вернон — этакий копуша, консервативный, полный предрассудков, лишенный воображения.

— Надо начинать учиться. Как можно скорее. О, это ужасно! Потеряно двадцать лет!

— Чушь, — сказала Джо. — Ты не мог заниматься музыкой в колыбели.

Он улыбнулся. Он постепенно выходил из транса.

— Думаешь, я свихнулся? Наверное, так может показаться. Но нет! О Джо, какое страшное облегчение! Как будто годами притворялся, а теперь притворяться не надо. Я ужасно боялся музыки. Всегда! А теперь...

Он распрямил плечи.

— Я буду работать — работать как негр! Изучу досконально: — снаружи, изнутри все инструменты. Кстати, в мире должно быть больше инструментов. Гораздо больше. Должны быть такие, которые могут выть и рыдать, я где-то слышал. Этих одних нужно штук десять — пятнадцать. И полсотни арф.

Он сидел, планируя и komponуя детали. Джо казалось это чистой ерундой, но ей было ясно, что Вернон все отчетливо видит внутренним зрением.

— Через десять минут ужин, — робко напомнила Джо.

— Да ну? Вот досада! Я хочу побыть один, подумать, послушать то, что у меня в голове. Скажи тете Этель, что у меня голова болит или что я захворал. Я в самом деле думаю, что заболеваю.

Это убедило Джо сильнее всего. Знакомая домашняя хитрость: если что-то тебя выбило из колеи, не важно, хорошее или плохое, то всегда хочется заболеть! Она сама такое частенько испытывала.

Она в нерешительности стояла в дверях. Какой странный у него вид! Совсем на себя не похож. Как будто... как будто... Джо нашла подходящее слово: как будто он вдруг ожил.

Она даже слегка испугалась.

¹ Глостерский собор — знаменитый собор в городе Глостер (графство Глостершир), в архитектуре которого сочетаются элементы более раннего, нормандского, стиля и более позднего — английской готики конца XIV — начала XVI века

Дом Майры назывался Кейри-Лодж. Он находился в восьми милях¹ от Бирмингема.

Каждый раз, когда Вернон подъезжал к Кейри-Лоджу, он ощущал подавленность. Он терпеть не мог этот дом, его солидный комфорт, его толстые ярко-красные ковры, располагающий к праздности холл, старательно подобранные гравюры на спортивную тему в столовой, изобилие безделушек в гостиной. Но так ли уж важны вещи, которые он терпеть не может, по сравнению с тем, что за ними стоит?

Он задал себе вопрос и впервые попытался на него честно ответить. Разве не правда, что ему невыносимо оттого, что матери здесь хорошо? Вспоминая Эбботс-Пьюисентс, он воображал, будто мать, как и он сам, находится тут в изгнании.

Но это было не так! Эбботс-Пьюисентс были для нее словно чужое королевство — супруге короля. Там она чувствовала себя важной персоной и наслаждалась. Это было ново, это волновало — но это не был ее дом.

Как всегда, Майра приветствовала сына с нарочитой пылкостью. Лучше бы она этого не делала. Сейчас ему, как никогда, трудно ей отвечать. В мечтах он рисовал себе собственную привязанность к матери. Но при встрече с ней эта иллюзия сразу исчезала.

Майра Дейр сильно изменилась со времен Эбботс-Пьюисентс. Она изрядно располнела, прекрасные золотые волосы тронула седина. Изменилось и выражение лица, оно стало мирным и удовлетворенным. В ней проявилось сильное сходство с братом Сидни.

— Хорошо провели время в Лондоне? Я так рада вам. Как замечательно, что мой прекрасный взрослый сын снова со мной, — я всем рассказываю, в каком я восторге. Матери — глупые создания, верно?

Вернон подумал, что верно, — и устыдился этой мысли. Джо сказала:

— Вы отлично выглядите, тетя Майра.

— Я неважно себя чувствую, дорогая. Доктор Грей не очень понимает, что со мной. Я слышала, появился новый врач, доктор Литлворт, он купил практику у доктора

¹ Милья — английская мера длины, равная 1,609 км.

Армстронга. Говорят, удивительно умный. Я уверена, что это сердце, а не плохое пищеварение, как говорит доктор Грей.

Майра воодушевилась. Тема собственного здоровья всегда была для нее одной из самых любимых.

— А Мери ушла — знаешь, горничная? Я совершенно разочаровалась в этой девушке.

Она говорила и говорила. Джо и Вернон слушали ее вполуха. Они были исполнены чувства превосходства. Слава создателю, они принадлежат к другому, просвещенному, поколению, они выше этих надоедливых деталей быта! Перед ними открыт новый, великолепный мир. Они глубоко и остро жалели всем довольное создание, которое сидело перед ними и трещало без умолку.

Джо думала: «Бедная, бедная тетя Майра! Одно слово — женщина. Кошмар! Конечно, дяде Уолтеру она надоедала. Это не ее вина. Дрянное образование, воспитана в вере, что дом — это все. И вот — сравнительно молодая, по крайней мере нестарая, женщина, а все, что она может,— это сидеть и болтать, думать о служанках, суетиться из-за своего здоровья. Если бы она родилась на двадцать лет позже, она могла бы стать свободной, счастливой и независимой».

И несмотря на острую жалость к ничего не подозревающей тетке, Джо отвечала ей ласково и делала вид, что ей интересно.

А Вернон думал: «Неужели мама всегда была такая? В Эбботс-Пьюисентс мне так не казалось. Может, я был слишком мал, чтобы что-то замечать? Скверно, что я критикую ее, когда она так хорошо ко мне относится. Но лучше бы она перестала держать меня за шестилетнего ребенка. Наверное, она ничего не может с собой поделать. Не думаю, что я когда-нибудь женюсь».

Неожиданно он дернулся, подстегнутый внутренней нервозностью.

— Послушай, мама. Я решил учиться музыке в Кембридже.

Вот и сказал!

Майра, прерванная на рассказе о поварихе Армстронгов, тупо возразила:

— Но, дорогой, ты же такой немзыкальный! Ты никогда не понимал музыки.

— Знаю,— отрезал Вернон.— Но люди меняются.

— Что ж, дорогой, я очень рада. В детстве я сама игра-

ла очень красивые пьески, но, когда выходишь замуж, такие вещи приходится забросить

— Я вас понимаю. Но это просто безобразие! — горячо вмешалась Джо — Я не собираюсь выходить замуж, но если бы вышла, то не бросила бы карьеру. Кстати, тетя Майра, я решила поехать учиться в Лондон, раз я собираюсь чего-то добиться в скульптуре.

— Мистер Брэдфорд...

— К черту мистера Брэдфорда! Простите, тетя Майра, но вы не понимаете. Я должна учиться — упорно учиться. И жить одна. Я могла бы делить жилье с какой-нибудь девушкой...

— Джо, дорогая, не глупи. — Майра засмеялась. — Моя маленькая Джо нужна мне здесь. Ты же знаешь, я всегда смотрела на тебя как на дочь, Джо, дорогая.

Джо передернуло.

— Тетя Майра, я серьезно. В этом вся моя жизнь.

Трагическая нота в ее голосе еще больше развеселила Майру.

— Девушки часто такое говорят. Давай не будем портить ссорой такой счастливый вечер.

— Но вы обдумаете это серьезно?

— Посмотрим, что скажет дядя Сидни.

— Это его не касается! Он мне не дядя. Если придется, я могу взять свои собственные деньги.

— Они не совсем твои, Джо. Твой отец посылает их мне на твое содержание — хотя я охотно взяла бы тебя и без этих денег, — и он уверен, что со мной тебе хорошо и что ты под присмотром.

— Тогда я напишу прямо папе.

Заявила она это храбро, но сердце ее упало. За десять лет она встречалась с отцом дважды, и бывшая враждебность между ними никуда не делась. Существующее положение, конечно, устраивало майора Уэйта — сбывать дочь с рук за несколько сот фунтов в год. Но своих денег у Джо не было, и она сильно сомневалась, сохранит ли отец ей хоть какое-то содержание, если она уйдет от тети Майры и станет жить самостоятельно.

Вернон буркнул:

— Джо, не будь так дьявольски нетерпелива. Подожди, когда мне исполнится двадцать один.

Это ее слегка приободрило. На Вернона всегда можно положиться.

Майра спросила Вернона про Левиных. Как астма мис-

сис Левин? Правда ли, что они теперь постоянно живут в Лондоне?

— Не сказал бы. Конечно, зимой они в Дирфилдс не ездили, но всю осень провели там. Как прекрасно будет жить с ними бок о бок, когда мы вернемся в Эбботс-Пьюисентс, правда?

Мать вытаращила глаза и несколько суетливо ответила:

— О да! — Очень-очень мило. — И почти тут же добавила: — Сегодня к чаю придет дядя Сидни. Он приведет Энид. Кстати, я теперь не делаю позднего ужина. Меня больше устраивает сесть и как следует поесть в шесть часов.

— О! — ошеломленно сказал Вернон.

Ему это совсем не улыбалось — он не любил сочетание чая с омлетом и кексом с изюмом. Почему мать не хочет есть, как другие люди? Наверняка это дядя Сидни и тетя Кэри устраивают такое чаепитие. Провались этот дядя Сидни! Это он во всем виноват.

Вернон одернул себя. В чем виноват? Ответа не было. Но все равно — когда они с матерью вернутся в Эбботс-Пьюисентс, все станет иначе.

2

Вскоре появился дядя Сидни — грубовато-добродушный, сердечный, еще толще, чем раньше. С ним пришла его третья дочь Энид. Две старшие были замужем, две младшие ходили в школу.

Дядя Сидни был переполнен шутками и забавами. Майра смотрела на него с восхищением. Честное слово, таких, как Сидни, поискать надо! При нем все оживает.

Вернон вежливо смеялся, думая про себя, что шутки его тупые и нудные.

— Интересно, где ты в своем Кембридже покупаешь табак? Наверняка у хорошенькой табачницы. Ха! Ха! Майра, мальчик покраснел, точно покраснел!

«Старый дурак», — с отвращением подумал Вернон.

— А где вы покупаете табак, дядя Сидни? — Джо важно выступила на арену борьбы.

— Ха! Ха! — возвестил дядя Сидни. — Неплохо! Ты шустрая девушка, Джо. Мы не скажем тете Кэри, как она нас срезала, а?

Энид хихикнула.

— Ты должна написать своему кузену в школу. Он не прочь получить письмо, а, Вернон?

— Да,— сказал Вернон.

— Ну вот. Что я вам говорил, мисс? Девочка хотела написать, но постеснялась. Она очень часто думает о тебе, Вернон. Но в школу мы об этом сообщать не будем, а, Энид?

После того как закончился обильный, нелепый обед, Сидни заговорил с Верноном о процветании фирмы «Бент».

— Это бум, мой мальчик, это бум.

Он пустился в пространные рассуждения на финансовую тему: прибыль удвоилась, он расширяет дом, и т.д. и т.п.

Такой стиль беседы Вернона устраивал. Все это его не интересовало, и можно было отвлечься. От него требовались только односложные возгласы одобрения.

Дядя Сидни продолжал развивать волнующую тему Славы и Могущества «Бента», во веки веков, аминь.

Вернон думал про книгу о музыкальных инструментах, которую он купил утром и начал читать в поезде. Так много предстояло узнать. Гобой. Он чувствовал, что у него возникнут какие-то идеи насчет гобоя. И скрипки — конечно же скрипки. Разговор дяди Сидни создавал приятный басовый аккомпанемент.

Наконец дядя Сидни сказал, что им пора идти. Он выдал еще одну шутку: должен или не должен Вернон поцеловать Энид на прощанье?

Какие же люди идиоты! Слава Богу, скоро можно будет уйти в свою комнату!

Майра закрыла за ними дверь со счастливым вздохом.

— Как бы мне хотелось, чтобы твой отец был с нами. Мы провели такой чудный вечер. Он был бы счастлив.

— Как ни смешно, но не был бы. Не помню, чтобы они с дядей Сидни хоть в чем-нибудь сходились.

— Ты был тогда маленький. Они были самыми большими друзьями, и отец всегда был счастлив, когда мне было хорошо. О Боже, как мы были счастливы!

Она приложила к глазам платочек. Вернон уставился на нее. Он подумал: «Поразительная преданность». А затем вдруг: «Нет, она в это сама верит».

Майра продолжала свои воспоминания:

— Ты никогда особенно не любил отца, Вернон. Думаю, иногда это его огорчало. Но ты так обожал меня, даже смешно.

Неожиданно Вернон сказал с яростью и странным ощущением, что этим защищает отца:

— Отец был жесток с тобой.

— Вернон, как ты смеешь такое говорить? Отец был лучший в мире человек.

Майра с вызовом смотрела на сына. Он подумал: «Она кажется себе героиней. Странная какая любовь — лелеять свою преданность покойному мужу. О, как я все это ненавижу. Ненавижу».

Он что-то пробормотал, поцеловал ее и пошел спать.

3

Поздно вечером Джо постучалась к нему. Вернон сидел, откинувшись в кресле, рядом на полу лежала книга о музыкальных инструментах.

— Привет, Джо. Господи, какой паршивый вечер!

— Тебя так это раздражает?

— А тебя нет? Все неправильно. Этот осел дядя Сидни с его идиотскими шуточками!

— Хм.— Джо присела на кровать и закурила.

— Разве ты не согласна?

— Да, но только отчасти.

— Поясни, пожалуйста.

— Ну, я хочу сказать — они вполне счастливы.

— Кто?

— Тетя Майра, дядя Сидни, Энид. Им вместе хорошо, они очень довольны друг другом. Это мы с тобой неправильные. Живем здесь столько лет, а так и не стали своими. Вот почему мы должны выбраться отсюда.

Вернон задумчиво кивнул.

— Да, Джо, ты права. Мы должны выбраться отсюда.

Он светло улыбнулся, потому что путь был так ясен: двадцать один год, Эбботс-Пьюисентс, музыка.

Глава 3

1

— Не могли бы вы повторить еще раз, мистер Флеминг?

— Охотно.

Четко, сухо, гладко, одно за другим слова слетали с губ старого нотариуса. Смысл их был безошибочно ясен. Слишком ясен! Не оставалось ни щелочки для сомнений.

Вернон слушал с побелевшим лицом, вцепившись в ручки кресла.

Не может, не может быть! Но разве не то же самое Флеминг говорил много лет назад? Да, но тогда все заслонили собой магические слова «двадцать один год». Двадцать один год — чудо, которое все расставит по местам. А теперь вместо этого:

— Напоминаю вам, что положение заметно улучшилось с тех пор, как умер ваш отец, но не будем делать вид, что мы вышли из затруднений. Закладная...

Конечно, конечно, но почему они никогда не упоминали про закладную? Пожалуй, бессмысленно было говорить о ней девятилетнему мальчику. Не стоит на этом заикливаться. Голая правда состоит в том, что у него нет средств, чтобы жить в Эбботс-Пьюисентс.

Он подождал, пока Флеминг закончит, и сказал:

— Но если мама...

— О, конечно! Если бы миссис Дейр согласилась...— Он не закончил фразу, помолчал и сказал:— Но если мне будет позволено сказать, каждый раз, когда я имел удовольствие встречаться с миссис Дейр, я видел, что она уже все решила. Полагаю, вы знаете, что два года назад она купила Кейри-Лодж?

Вернон не знал. Кейри понимал, что это означает. Почему мать не сказала ему? Не хватило смелости? Он всегда считал само собой разумеющимся, что она вернется в Пьюисентс — не потому, что он жаждал ее там видеть, а потому, что это ее дом — вполне естественно.

Пьюисентс не были ее домом. И не могли быть; ее дом Кейри-Лодж.

Можно обратиться к ней. Просить, умолять ради его спасения, ведь он так хочет этого. Нет, тысячу раз нет! Нельзя просить об одолжении человека, которого не любишь. А он на самом деле не любит мать. И едва ли любил хоть когда-нибудь. Странно, печально, даже страшновато, но это так. Может, он не возражал бы против того, чтобы вообще никогда ее не видеть? Не совсем так. Ему хотелось бы знать, что она жива-здорова, что о ней заботятся. Но скучать по ней он не станет, не захочет видеть ее рядом. Потому что странным образом она ему неприятна. Неприятно прикосновение ее рук — она всегда долго держит его в объятиях перед тем, как он ее поцелует и пожелает спокойной ночи. Ей ничего нельзя рассказать — она не

понимает. Она всегда была доброй, любящей матерью, а ему она даже не нравится! Большинство людей сказала бы, что это ужасно...

Он тихо сказал Флемингу:

— Вы совершенно правы. Я уверен, что мать не захочет уезжать из Кейри-Лоджа.

— У вас есть две возможности, мистер Дейр. Как вы знаете, все эти годы майор Салмон арендовал у вас именно вместе с обстановкой, и он хочет купить...

— Нет! — вырвалось у Вернона, как выстрел из пистолета.

Флеминг улыбнулся.

— Я был уверен, что вы так скажете. Должен признаться, я рад. Дейры жили в Пьюисентс, дайте подумать, лет пятьсот. Тем не менее я бы не выполнил свой долг, если бы не указал вам, что предложенная цена очень хорошая, и если позже вы все-таки решите продать, будет нелегко найти подобного покупателя.

— Вопрос не подлежит обсуждению.

— Очень хорошо. Тогда лучше всего, я думаю, сдать его снова. Мирор Салмон определенно решил его покупать, так что нужно будет найти новых жильцов. Смею сказать, с этим трудностей не будет. Вопрос в том, на какое время вы его сдадите? Вновь на длительный срок я бы не советовал. Жизнь — вещь неопределенная. Кто знает, может, пройдет немного лет, и ваше состояние, э... значительно изменится, и вы сможете сами занять именно.

«Так я и сделаю, но не потому, о чем ты думаешь, дурья башка,— подумал Вернон.— Потому что я сделаю себе имя в музыке, а не потому, что мать умрет. Я надеюсь, что она доживет до девяноста лет».

Он обменялся еще несколькими словами с мистером Флемингом, затем поднялся.

— Боюсь, что это был для вас шок,— сказал старый нотариус, пожимая ему руку.

— Да, немного. Я настроил себе воздушных замков.

— Я полагаю, день рождения вы будете справлять у матери?

— Да.

— Вы могли бы обсудить вопрос с мистером Бентом, вашим дядей. Очень деловой человек. Кажется, у него есть дочь примерно вашего возраста?

— Да, Энид. Две старшие замужем, две младшие в школе. Энид на год моложе меня.

— Ах вот как! Очень приятно иметь кузину своих лет. Думаю, вы будете часто с ней видаться.

— О, вряд ли,— уклонился Вернон.

Почему это он должен будет часто с ней видаться? Она скучная. Но Флеминг этого, конечно, не знает. Смешной чудака. Зачем было делать такое хитрое, понимающее выражение лица?

2

— Значит, мама, папино наследство мне, похоже, не светит!

— О! Ну ладно, дорогой, не стоит волноваться. Все уладится. Тебе надо хорошенько поговорить с дядей Сидни.

Глупость какая! Что хорошего принесет ему разговор с дядей Сидни?

По счастью, к этой теме они не возвращались. Величайшим сюрпризом для него оказалась новость, что Джо было позволено идти своим путем. Она уже была в Лондоне — правда, со свирепым стражем, с компаньонкой,— но она получила право самой выбирать себе дорогу.

Мать шепотом вела загадочные переговоры с подружками. «Да... они просто неразлучны... Я думаю, так будет разумнее... было бы жаль...» А та, которую Вернон называл «другой сплетницей», говорила что-то вроде: «Двоюродная сестра... неразумно...», и мать в полный голос отвечала: «О, я думаю, не во всех случаях».

— Кто там двоюродная сестра? — позже спросил Вернон.— О чем вообще эти загадочные речи?

— Загадочные, дорогой? Не знаю, о чем ты.

— Как только я вошел, вы замолчали. Интересно, что за секреты?

— О, ничего интересного! Ты этих людей не знаешь.

Вид, однако, у нее был смущенный.

Но Вернон был не любопытен. Он не стал расспрашивать.

Он страшно скучал без Джо. Без нее в Кейри-Лодже стало невыносимо. К тому же он теперь слишком часто виделся с Энид. Она приходила навестить тетю Майру, и всегда оказывалось так, что Вернон непременно должен сопровождать ее на новый каток кататься на роликах, или на смертельно скучную вечеринку, или еще куда-нибудь.

Майра сказала Вернону, что хорошо бы пригласить Энид в Кембридж на Майскую неделю¹. Она так настаивала, что Вернон сдался. В конце концов, какая разница. Джо будет с Себастьяном, так что ему все равно. Танцы — гадость, как и все, что связано с музыкой.

В вечер перед отъездом дядя Сидни пришел в Кейри-Лодж, и Майра впихнула Вернона к нему в кабинет со словами:

— Дядя Сидни пришел немного поговорить с тобой, Вернон.

Минуто-другую мистер Бент мялся и мямлил, а потом вдруг перешел сразу к сути дела. Вернон никогда его особенно не жаловал, но на этот раз Сидни отставил в сторону свои шуточные манеры.

— Приступаю сразу к тому, что я хотел сказать, мой мальчик. Только не перебивай меня, пока я не закончу. Хорошо?

— Да, дядя Сидни.

— Коротко дело вот в чем. Я хочу, чтобы ты поступил в «Бент». Вспомни, что я сказал — не перебивать! Я знаю, что ты об этом и не помышлял, и догадываюсь, что идея не кажется тебе удачной. Я человек прямой и смотрю фактам в лицо. Если бы у тебя был приличный доход и ты мог бы жить в Эбботс-Пьюисентс как джентльмен, такой вопрос бы не возникал. Это я признаю. Ты из той же породы людей, что и твой отец. Но в тебе течет и кровь Бентов, мой мальчик, а это не шутка.

У меня нет сына. Я хотел бы — если ты захочешь — посмотреть на тебя как на сына. Девочки у меня обеспечены, и прекрасно обеспечены. Заметь, тебе не придется надрываться, я многого не требую. Я не меньше тебя понимаю, что для тебя означает это место. Ты парень молодой. Вступишь в бизнес, когда закончишь Кембридж, — заметь, начнешь с самого низу. Сначала зарплата будет средней, потом пойдет вверх. Захочешь уволиться к сорока годам — пожалуйста. К тому времени ты будешь богатым человеком и сможешь распоряжаться своим имением так, как оно того заслуживает.

¹ Майская неделя — майские гонки, состязания по гребле со столкновениями между колледжами Кембриджского университета, первоначально проводились в мае и продолжались одну неделю.

Надеюсь, ты женишься молодым — отличная штука жениться молодым! Твой старший сын унаследует имение, а младшие сыновья вступят в первоклассный бизнес, где смогут показать, из какого теста они сделаны. Я горжусь фирмой «Бент», как ты — Эбботс-Пьюисентс, вот почему я понимаю тебя. Я не хочу, чтобы тебе пришлось его продавать. Чтобы твой род лишился его после стольких столетий — это позор. Ну вот, таково мое предложение.

— Дядя Сидни, вы очень добры...

Дядя выбросил вперед прямую руку.

— Давай на этом остановимся, если не возражаешь. Сейчас мне ответ не нужен. Я его не приму. Когда вернешься из Кембриджа — вот тогда.

Он встал.

— Очень любезно, что ты пригласил Энид на Майскую неделю. Она в таком восторге! Если бы ты знал, что эта девушка о тебе думает, ты бы задрал нос. А, девушки есть девушки!

Он хохотнул и захлопнул за собой дверь.

Вернон, нахмурившись, остался стоять в холле. Дядя Сидни поступает очень порядочно — исключительно порядочно.

Только он не собирается принимать его предложение. Никакие в мире деньги не оторвут его от музыки.

А Эбботс-Пьюисентс все равно получит, пока не знает как, но получит.

3

Майская неделя!

Вернон и Энид в Кембридже. Вернон выступает также в качестве сопровождающего ее сестры Этель. Так что Бенты окружают его чуть ли не со всех сторон.

Джо сразу же взорвалась:

— Какого черта ты пригласил Энид?

— О, мама так приставала; да ладно, какое это имеет значение.

Для Вернона имело значение только одно. Джо поговорила об этом с Себастьяном с глазу на глаз.

— Неужели у Вернона это настоящее, — насчет музыки? Получится ли у него что-нибудь? Или это безумие скоро пройдет?

Но Себастьян был неожиданно серьезен.

— Знаешь, это необычайно интересно, — сказал он. —

Насколько я понимаю, то, что собирается сделать Вернон, будет революцией. Сейчас он, так сказать, овладевает основами, и овладевает с необычайной быстротой. Это признает старик Кодингтон, хотя и фыркает насчет идей Вернона, а также и насчет их осуществимости. Заинтересовался старик Джеффри, математик. Он говорит, что вероновские музыкальные идеи — это четвертое измерение.

Я не знаю, пробьется Вернон или его сочтут безобидным сумасшедшим. Грань очень тонка. Джеффри в восторге, но не обольщается. Он вполне справедливо указывает, что открыть нечто новое и протолкнуть его в мир — задача неблагодарная, и не исключено, что открытия Вернона будут признаны через двести лет. Старый чудак. Сидит и строит воображаемые кривые в пространстве.

Но я его понимаю. Вернон не создает новое, он открывает уже существующее. Как ученый. Джеффри говорит, что ему понятна нелюбовь Вернона к музыке в детстве: для его уха незавершенная музыка — то же, что недорисованная картина. Получается искаженная перспектива. Для Вернона она звучит так же, как для нас — примитивная музыка дикарей. Нестерпимый диссонанс.

Джеффри полон странных идей. Заговори с ним про кубы, квадраты, другие геометрические фигуры и скорость света — и он прямо с ума сходит. Он переписывается с одним немецким парнем по имени Эйнштейн. Самое поразительное — он ни чуточки не музыкален, но видит — или говорит, что видит, — все, чего добивается Вернон.

Джо погрузилась в глубокое раздумье.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — я не поняла ни слова, но, похоже, Вернон может добиться успеха во всем этом.

Себастьян был сдержан.

— Я этого не говорил. Возможно, Вернон — гений, тогда совсем другое дело. Гениев обычно не признают. А может быть, он слегка помешался. Когда он говорит о музыке, то временами кажется сумасшедшим. Но у меня такое чувство, что он прав, что, как ни странно, он знает, что говорит.

— Ты слышал о предложении дяди Сидни?

— Да. Вернон легкомысленно отвергает его, а это хорошее дело.

— Ты хочешь, чтобы он его принял? — ошетинилась Джо.

Себастьян остался раздражающе-спокойным.

— Не знаю. Надо подумать. У Вернона могут быть замечательные теории музыки, но еще не факт, что ему удастся осуществить их на практике.

— Ты выводил меня из себя.— Джо отвернулась.

В последнее время Себастьян ее раздражал — слишком уж он холоден и расчетлив. Если у него и был энтузиазм, он его тщательно скрывал. Для Джо энтузиазм сейчас был самой необходимой вещью в мире. Нравнодушная к проигравшим, к меньшинству, она была пылким защитником слабых и угнетенных. А Себастьяна интересовал только успех! Она винила его в том, что он ко всему подходит с денежной меркой. Время, которое они проводили вместе, уходило на непрерывную перебранку и борьбу.

Вернон тоже отдалился от нее. Музыка была единственным, о чем он хотел говорить, причем о тех ее сторонах, которые Джо были совершенно незнакомы. Его занимали инструменты — пределы их возможностей, сила звука, — однако скрипка, на которой Джо умела играть, интересовала его меньше всего. Джо была не подготовлена к разговору о кларнетах, гобоях, фаготах. А для Вернона, казалось, нет в жизни ничего важнее, чем сблизиться с музыкантами, играющими на этих инструментах, чтобы хоть сколько-нибудь дополнить теоретические знания практикой.

— У тебя нет знакомого фаготиста?

Джо ответила, что нет.

Вернон сказал, что она бы тоже могла быть ему полезной и подыскать себе приятелей-музыкантов.

— Даже английский рожок подойдет,— снисходительно сказал он.

Он провел пальцем по ободку полоскательной чашки. Джо передернулась и заткнула уши. Звук усилился. Вернон мечтательно улыбался, с наслаждением прислушиваясь.

Себастьян отобрал у него чашку, и Вернон стал слоняться по комнате и на пробу позванивать в разные бокалы. Одобрительно сказал:

— В этой комнате полно стекла.

— Тебя бы на корабль — склянки отбивать,— сказала Джо.

— Может, удовлетворишься колокольчиками и треугольником? Добавь еще небольшой гонг,— сказал Себастьян.

— Нет,— сказал Вернон.— Мне нужно стекло. Соеди-

ним венецианское¹ и ватерфордское...² Я рад, что у тебя такие прекрасные вещи, Себастьян, но нет ли у тебя про-
стых стаканов, чтобы их можно было разбить? Вдребезги.
Замечательная штука — стекло!

— Симфония бокалов,— фыркнула Джо.

— Почему бы и нет? Человек дернул туго натянутую
жилу и услышал жалобный звук; другой подул в тростин-
ку, и ему это понравилось. Интересно, когда впервые при-
думали делать вещи из меди и металла? В каких-нибудь
книгах это есть.

— Колумб и яйцо³. Ты и Себастьяновы бокалы. По-
чему не грифель и не грифельная доска?

— Ну, если найдешь...

— До чего забавно! — хихикнула Энид. На этом разго-
вор прекратился — по крайней мере, на время.

Вернону не мешало ее присутствие. Он был слишком
захвачен своими идеями, чтобы замечать остальное. Энид
и Этель могут смеяться сколько угодно.

Но его тревожила утрата гармонии с Джо и Себастья-
ном. Они трое всегда были заодно.

— Не вяжется с обликом Джо эта выдумка — «жить
своей собственной жизнью», — сказал Вернон другу. — Она
все время шипит, как рассерженная кошка. Не понимаю,
почему мама согласилась. Полгода назад она и слышать
об этом не хотела. Почему она передумала, как по-тво-
ему?

Длинное желтое лицо Себастьяна смяла улыбка.

— Догадываюсь.

— Почему?

— Не скажу. Во-первых, я могу ошибаться, а во-вто-
рых, терпеть не могу вмешиваться в естественный ход со-
бытий.

— Извращенный русский ум,— сказал Вернон.

— Вполне возможно.

Вернон не настаивал. Не говорит — и не надо.

¹ Венецианское стекло — художественные изделия, глав-
ным образом выдувные сосуды, а также бусы, вазы, зеркала и т.д.,
производимые с XIII века в Венеции на северо-востоке Италии.

² Ватерфордское стекло — изделия из стекла, произве-
денного в ирландском городе Ватерфорд в первой половине XIX
века.

³ Устойчивое выражение, характеризующее легкость решения ка-
кой-либо задачи. Произошло от исторической легенды о Колумбе,
который на спор сумел поставить яйцо на стол, тайком надбив его.

День шел за днем. Они танцевали, обедали, катались по окрестностям, сидели, курили и разговаривали в комнате Вернона, опять танцевали. Не спать ночь было делом чести. В пять утра они пошли на речку.

У Вернона устала правая рука. На нем повисла Энид, а она была тяжеловата. Ну да ладно. Дядя Сидни доволен, а он неплохой парень. Чертовски здорово с его стороны сделать такое предложение. Жаль, что он, Вернон, очень мало Бент, гораздо больше Дейр.

В памяти что-то заворшилось; кто-то говорит ему: «К Дейрам не приходит ни счастье, ни успех. И никто от них не ждет ничего хорошего». Кто это сказал? Голос был женский, дело было в саду, еще вился дымок от сигареты...

Прозвучал голос Себастьяна:

— Он засыпает. Проснись, зануда! Швырни в него конфеткой, Энид.

Конфета пролетела возле головы. Голос Энид со смешком сказал:

— Никогда не попадаю в цель.— Она опять хихикнула, словно это было очень смешно.

«Надоедливая девица, вечно хихикает. К тому же у нее зубы торчат».

Вернон повернулся набок. Обычно довольно равнодушный к красотам природы, в это утро он был потрясен красотой мира. Бледный блеск реки, на берегах тут и там цветущие деревья.

Лодка медленно плыла вниз по течению... странный молчаливый замороженный мир. Это потому, что нет людей. Если хорошенько подумать, именно вторжение людей портит мир. Они сразу начинают болтать, хихикать, спрашивать, о чем ты думаешь, когда ты хочешь только одного — чтобы тебя оставили в покое.

Это чувство он помнил с детства. Хоть бы оставили его в покое! Он улыбнулся, вспомнив, какие смешные игры он себе выдумывал. Мистер Грин! Он отлично помнил мистера Грина. Были еще три приятеля — как же их звали?

Забавный детский мир, мир драконов и принцесс, и с ними смешивается странно-конкретная реальность. Кто-то рассказывал ему про оборванного принца в зеленой шляпе и сидящую в башне принцессу с такими золотыми волосами, что их было видно в четырех королевствах.

Он приподнял голову и посмотрел на берег. В стороне

под группой деревьев была привязана плоскодонка, там было четыре человека. Но Вернон видел только одну девушку.

В вечернем розовом платье, она стояла под деревом, усыпанным розовыми цветами; у нее были золотые волосы.

Он смотрел и смотрел.

— Вернон.— Джо толкнула его в бок.— Ты не спишь, потому что глаза открыты. К тебе обращаются уже четвертый раз.

— Извини. Я гляжу на этот экспонат под деревом. Правда, хорошенькая?

Он постарался сказать это небрежно, как бы между прочим. Но внутренний голос бушевал: «Хорошенькая? Да она очаровательна! Самая очаровательная в мире девушка! Я собираюсь с ней познакомиться. Я познакомлюсь с ней. Я женюсь на ней...»

Джо приподнялась на локтях, взглядела и воскликнула:

— Пойдите! Кажется... Нет, я уверена — это Нелл Верикер!

4

Немыслимо! Не может быть! Нелл Верикер? Кожа да кости, бледная, с розовым носиком, в дурацких накрахмаленных платьях? Нет, не может быть. Ну и шутки устраивает Время! Раз так, ни в чем нельзя быть уверенным. Та прежняя Нелл и эта Нелл — два совершенно различных человека.

Все было как во сне.

Джо сказала:

— Если это Нелл, надо подойти к ней, поздороваться.

И пошли приветствия, восклицания, удивление.

— Ну конечно, Джо Уэйт! И Вернон! Сколько лет, сколько зим!

У нее был очень нежный голос. Глаза улыбались чуть застенчиво. Очаровательна. Очаровательна! Еще очаровательней, чем он думал. Онемевший дурак, почему он ничего не скажет? Что-нибудь остренькое, с блеском. Какие у нее голубые глаза, длинные, золотисто-коричневые ресницы. Она — как цветущая ветка над ее головой: нетронутая, весенняя.

Вернона охватило уныние. Она ни за что не пойдет за него замуж. Разве это возможно? Нескладный немой дылда. Она к нему обращается. Господи! Он должен расслышать, что она говорит, и умно ответить.

— Мы уехали вскоре после вас. Папа потерял работу.

До него долетело эхо давних пересудов:

«Верикера выгнали. Он безнадежно некомпетентен. Этого следовало ожидать».

Ее голос лился, хотелось слушать его, не вникая в слова.

— Мы теперь живем в Лондоне. Папа умер пять лет назад.

Чувствуя себя идиотом, он сказал:

— О, мне очень жаль, я ужасно сожалею.

— Я дам тебе наш адрес, ты должен нас навестить.

Он ляпнул про надежду встретиться вечером. Куда она ходит на танцы? Она ответила; там нет ничего хорошего. Слава Богу, на следующий вечер! Они тоже придут. Он торопливо заговорил:

— Слушай, оставь мне один-другой танец. Ты должна, мы столько лет не виделись.

— О, разве можно? — Она колебалась.

— Предоставь это мне. Я как-нибудь устрою.

Все закончилось слишком скоро. Они попрощались и поплыли обратно, вверх по течению.

Джо сказала будничным тоном:

— Вот чудеса! Кто бы мог подумать, что Нелл Верикер станет такой красоткой! Интересно, осталась ли она такой же ослицей, как раньше?

Какое святотатство! Джо ничего не понимает. Выйдет ли Нелл за него замуж? Или даже не посмотрит на него? В нее, наверное, все парни влюблены.

Вернон совсем упал духом. Черная меланхолия накрыла его с головой.

5

Он танцевал с ней. Он и вообразить не мог такого счастья. Она была как перышко, как лепесток розы. На ней снова было розовое платье, уже другое. Оно трепетало.

Вот бы всю жизнь так... всю жизнь...

Но, конечно, так не бывает. Музыка прекратилась — Вернону казалось, что пролетела одна секунда. Они сидели рядом на стульях. Он хотел сказать ей тысячу вещей, но не знал, как начать. Он слышал, как говорит что-то про хороший паркет и про музыку.

Дурак, круглый дурак! Через несколько минут начнется следующий танец, и ее уведут. Надо что-то придумать, устроить новую встречу.

Она что-то говорила — ничего не значащий разговор

между танцами. Лондон... сезон. Страшно подумать: она собирается танцевать вечер за вечером, иногда три серии танцев подряд! А у него как будто ноги связаны. Она выйдет замуж за какого-нибудь богатого, умного, занимательного парня, который выхватит ее у него из-под носа.

Он промямлил, что он сейчас в городе; она дала адрес. Мама будет очень рада снова увидеться. Он записал.

Грянула музыка. Он с отчаянием сказал:

— Нелл... Нелл, я позвоню тебе, ладно?

— Конечно, звони.— Она засмеялась.— Помнишь, как ты перетаскивал меня через забор, когда мы думали, что за нами гонится носорог?

Он тогда еще подумал, что Нелл — рохля. Нелл,— рохля!

— Ты мне казался таким замечательным.

Неужели?! Но теперь-то она так не считает. Он снова упал духом.

— Я... я был, кажется, ужасным паршивцем,— пробормотал он. Ну почему он не может быть сообразительным, умным, как-нибудь удачно сострить?

— О, ты был душечка. А Себастьян не слишком изменился, правда?

Себастьян. Она называет его Себастьяном. Ну и что, зовет же она его Верноном. Какая удача, что Себастьян не замечает никого, кроме Джо. Себастьян с его деньгами и его умом. Нелл нравится Себастьян?

— Его уши везде узнаешь,— засмеялась Нелл.

Вернон успокоился. Он и забыл про Себастьяновы уши. Ни одна девушка, увидев уши Себастьяна, не влюбится в него. Бедняга! Не повезло ему с ушами.

Он увидал, что к ним приближается партнер Нелл. Он вспыхнул и быстро заговорил:

— Слушай, Нелл, здорово было тебя встретить. Не забывай меня, ладно? Ужасно здорово было тебя встретить. (О черт! Я уже это говорил!) Ну, я хотел сказать, это превосходно. Но ты не забудешь меня, нет?

Она ушла. Он смотрел, как она кружится в руках Бернарда. Но не может же ей нравиться Бернард? Он совершенный осел.

Их глаза встретились поверх плеча Бернарда. Она улыбнулась.

Он опять был на седьмом небе. Он ей нравится, это ясно. Она ему улыбнулась...

Майская неделя закончилась. Вернон сидел за столом и писал.

«Дорогой дядя Сидни.

Я обдумал ваше предложение, я бы хотел поступить в «Бент», если вы не передумали. Боюсь, от меня будет не много пользы, но я буду стараться. А еще я думаю, что с вашей стороны это было ужасно любезно».

Он остановился. Себастьян ходил взад-вперед, и Вернону мешали его шаги.

— Сядь, ради Бога,— раздраженно сказал он.— Что с тобой?

— Ничего.

Себастьян сел с необычной уступчивостью. Он набил трубку и закурил. Из-за дымовой завесы сказал:

— Знаешь, Вернон, вчера я просил Джо выйти за меня замуж, и она меня прогнала.

— О, какая неудача,— сказал Вернон, стараясь перестроиться на сочувствие.— Может, она еще передумает, с девушками это бывает.

— Все проклятые деньги,— со злостью сказал Себастьян.

— Какие проклятые деньги?

— Мои. Джо сказала, что была не прочь выйти за меня, когда мы были детьми. Тогда я ей нравился, я и сам знаю. А теперь, что бы ни сделал, что бы ни сказал — все не так. Если бы я был гонимым или отверженным, она бы выскочила за меня как из пушки. Но ей всегда надо быть на стороне проигравших. Это свойство в некотором роде великолепно, но в нем можно дойти до абсурда. Джо нелогична.

Вернон неопределенно хмыкнул.

Эгоистично сосредоточенному на собственных делах, ему казалось смешным, что Себастьяну так важно жениться на Джо. Есть много других девушек, которые ему тоже подошли бы. Он перечитал письмо и добавил:

«Я буду работать как вол».

Глава 4

1

— Нам нужен другой мужчина,— сказала миссис Верикер. Ее слегка подведенные брови сдвинулись в одну линию.— Какая досада, что молодой Уэдерил нас так подвел,— добавила она.

Нелл апатично кивнула. Она, полуодетая, сидела на ручке кресла. Золотые волосы потоком струились по розовому кимоно. Она выглядела прелестной, юной и беззащитной.

Миссис Верикер, сидя за письменным столом, хмурилась и задумчиво покусывала ручку. Ее жесткость, заметная и раньше, теперь усилилась и откристаллизовалась. Этой женщине всю жизнь приходилось выдерживать нескончаемые битвы, и теперь она вступала в решающую схватку. Она жила в доме, платить за который была не в состоянии, ее дочь носила платья, которые она не могла себе позволить купить. Она все брала в кредит, и в отличие от других не выпрашивала, а добывала в бою. В результате Нелл всюду ездила, имела все, что положено девушкам их круга, и при этом была одета лучше всех.

«Мадемуазель прелестна», — говорили портнихи и при этом обменивались с миссис Верикер понимающими взглядами.

Такая красивая и прекрасно одетая девушка должна выйти замуж в первом же сезоне, в крайнем случае, во втором, и затем снимать богатый урожай. Они шли на риск: мадемуазель прелестна, мадам, ее мать, — светская женщина и, как они видели, привыкла добиваться успеха в своих начинаниях. Вот увидите, ее дочь сделает хорошую партию, а не выйдет за кого попало.

Никто, кроме миссис Верикер, не знал, сколько трудностей, неудач и горьких поражений сулила ей предпринятая кампания.

— Есть еще Эрнесклиф, — размышляла она. — Но он аутсайдер, и тоже без денег.

Нелл рассматривала полированные ногти.

— А как насчет Вернона Дейра? — предложила она. — Он написал, что приедет в город на эти выходные.

— Он бы подошел, — сказала миссис Верикер и бросила острый взгляд на дочь. — Нелл, не позволяй этому молодому человеку вскружить тебе голову, поняла? В последнее время мы слишком часто его видим.

— Он хорошо танцует, — сказала Нелл. — С ним ужасно удобно.

— Да. Да. Очень жаль.

— Что жаль?

— Что у него маловато земных благ. Ему придется жениться на деньгах, если он собирается вернуть себе Эбботс-

Пьюисентс. Они сдаются, как ты знаешь. Я выяснила. Конечно, когда мать умрет... Но она из тех, кто доживает до восьмидесяти, девяноста лет. Да еще и может замуж выйти. Нет, Вернон безнадежен как партия. Бедняга, он очень любит тебя.

— Ты думаешь? — неуверенно спросила Нелл.

— Это всем видно. Для него это удар; так всегда бывает в его возрасте. Что ж, телячья любовь у юнцов проходит, я полагаю. Только не давай вскружить себе голову, Нелл.

— О мама, он всего лишь мальчик — милый, но мальчик.

— Он красивый мальчик, — сухо сказала мать. — Я просто тебя предупреждаю. Влюбиться в мужчину, которого не можешь получить, — весьма болезненно. Еще хуже...

Она запнулась. Нелл знала, куда устремились ее мысли. Капитан Верикер был когда-то красивый, голубоглазый, но бедный младший офицер. Мать была виновата в том, что безрассудно вышла за него замуж по любви. Она горько пожалела об этом. Слабый человек, неудачник, пьяница. Достаточно разочарованный, чтобы развеять все иллюзии.

— Полезно иметь преданного человека, — сказала миссис Верикер, возвращаясь на землю. — Но он не должен мешать твоим отношениям с другими мужчинами. Ты разумная, ты не дашь ему монополизировать тебя до такой степени. Напиши ему, предложи съездить в Рейнло¹, и пригласи к нам на обед в воскресенье.

Нелл кивнула. Она встала, ушла в свою комнату, сняла кимоно и стала одеваться. Расчесала длинные волосы и уложила их вокруг своей прелестной маленькой головки.

Окно было открыто. Закопченный и грязный лондонский воробей распевал и чирикал с присущей ему дерзостью.

Сердце Нелл сжалось. О, почему все так... так...

Как — она не знала, не могла выразить словами переполнявшее ее чувство. Почему нельзя, чтобы все было хорошо, а не так скверно? Богу это было бы нетрудно.

Нелл никогда не задумывалась о Боге — знала, конечно, что он существует. Так или иначе, Бог мог бы все для нее устроить.

В это летнее утро в Нелл ожило что-то детское.

¹ Рейнло — особняк и парк в лондонском районе Челси, место развлечения аристократии.

Вернон был на седьмом небе. Сегодня утром — такое счастье! — он встретился с Нелл в парке, а теперь предстоит провести с ней восхитительный вечер! Он был в таком восторге, что даже к миссис Верикер испытывал нежность. Вместо обычного определения «мегера» он думал: «Может, она не так уж плоха. Во всяком случае, Нелл она обожает».

За обедом он изучал остальных. Была какая-то жалкая девушка в зеленом, которую даже сравнить нельзя с Нелл, и высокий чернявый майор Такой-то в безупречном фраке, который много говорил об Индии. Нестерпимый незнайка! Вернон его возненавидел. Хвастается, воображает, ведет себя развязно! Холодная рука сжала сердце: Нелл выйдет за него и уедет в Индию. Он это знает. Он отказался от блюда, которое передал ему майор, и обижал девушку в зеленом, отвечая односложными репликами на все ее попытки заговорить.

Второй мужчина был старше — на взгляд Вернона, совсем старик. Очень прямой, с седыми волосами, голубыми глазами и решительным квадратным лицом. Оказалось, что он американец, хотя ни малейшего акцента в его речи не чувствовалось. Разговаривал он скованно и излишне правильно. Похоже, богатый. Подходящая компания для миссис Верикер, подумал Вернон. Вот и пусть сама выходит за него замуж, а Нелл оставит в покое, чтобы ей не приходилось вести такую ненормальную жизнь.

Мистер Четвинд восхищался Нелл, что было вполне естественно, высказал ей пару старомодных комплиментов. Он сидел между Нелл и ее матерью.

— Миссис Верикер, вы с Нелл должны летом приехать в Динар¹, просто обязаны. Туда многие наши едут. Замечательное место.

— Звучит заманчиво, мистер Четвинд, но не знаю, удастся ли. Мы уже многим обещали поехать и туда, и сюда.

— Я понимаю, на вас такой спрос, что претендовать трудно. Надеюсь, дочь не услышит, если я скажу вам, что вы — мать первой красавицы сезона.

— И тут я говорю груму²...

Это майор Дакр.

¹ Динар — курортный город на северо-западе Франции.

² Грум — человек, ухаживающий за лошадьми, конюх.

Все Дейры были солдатами, почему бы ему не стать солдатом, вместо того чтобы заниматься бизнесом в Бирмингеме? Но Вернон тут же себя высмеял. Нелепая ревность. Что может быть хуже, чем младший офицер без гроша за душой? О Нелл тогда нечего было бы и мечтать.

До чего же американцы речистые, он уже устал от голоса этого Четвинда. Хоть бы скорее кончился обед. Можно будет погулять с Нелл под деревьями.

Но погулять с Нелл оказалось не так-то просто. Верноном завладела миссис Верикер, задавала вопросы про мать, про Джо, держала его возле себя. Он не мог бороться с ее тактикой, пришлось делать вид, что ему это приятно. Одно утешало: Нелл шла не с Дакром, а с этим стариком.

Вдруг они наткнулись на друзей миссис Верикер и остановились поговорить. Вот его шанс. Он подошел к Нелл:

— Пошли со мной. Быстро. Бежим.

Получилось! Он увел ее от остальных! Он так спешил, что она почти бежала, чтобы держаться рядом, но не протестовала и не насмехалась. Голоса все отдалялись. Ему стало слышно частое дыхание Нелл. Это оттого, что они так быстро бегут? Почему-то он подумал: нет не поэтому! Он пошел медленнее. Они оказались одни, одни в целом мире. Как на пустынном острове.

Надо что-то сказать, простое, обыкновенное. А то она повернется и уйдет, а этого он не перенесет. Хорошо, что она не знает, как бьется его сердце — мощными толчками ударяет под самое горло.

Он отрывисто сказал:

— Я вступил в бизнес дяди.

— Да, я знаю. Тебе нравится?

Прелестный холодноватый голос, никакого возбуждения.

— Не слишком. Но думаю, что привыкну.

— Наверное, станет интереснее, когда ты будешь больше понимать.

— Сомневаюсь. Знаешь, делать дырки в пуговицах...

— О! Да, не слишком вдохновляет.

Наступила пауза, и она сказала:

— Ты терпеть не можешь эту работу?

— Боюсь, что да.

— Мне очень жаль. Я тебя понимаю.

Весь мир меняется, если кто-то тебя понимает! Нелл великолепна! Он запинаясь сказал:

— Знаешь, с твоей стороны это так славно...

Еще пауза — насыщенная эмоциями, пугающая. Она торопливо заговорила:

— Ты... мне казалось, ты начал заниматься музыкой?

— Да. Но бросил.

— Почему? Как жаль!

— Больше всего на свете я хотел бы этим заниматься. Но мне надо зарабатывать деньги. «Сказать ей? Момент был подходящий. Нет, он не осмелится». И тут же брякнул.— Видишь ли, Эбботс-Пьюисентс — ты их помнишь?

— Конечно. Вернон, мы же говорили о них на днях.

— Извини. Я сегодня глуповат. Понимаешь, я ужасно хочу снова там жить.

— Я думаю, ты поступил замечательно.

— Правда?

— Да. Бросить то, что любишь, и делать то, что должен делать. Это великолепно!

— Превосходно. Хорошо, что ты так сказала. Ты даже не представляешь себе, как это все меняет!

— Правда? Я очень рада.

Про себя она думала: «Надо возвращаться. О! Надо возвращаться. Мама очень рассердится. Что я делаю? Я должна вернуться и слушать, что говорит этот Джордж Четвинд, но он такой скучный. О, Боже мой, сделай, чтобы мама не очень рассердилась!»

И она шла рядом с Верноном. Странно, что с ней такое? Хоть бы Вернон что-нибудь сказал! О чем он думает?

Она спросила отстраненным голосом:

— А как поживает Джо?

— Сейчас — с головой ушла в искусство! Я думал, вы с ней встречались, когда она была в городе.

— Я ее один раз видела, и все.— Она робко добавила:— Кажется, я ей не нравлюсь.

— Что за чушь! Нравишься, конечно.

— Нет, она думает, что я вертихвостка, что меня интересуют только танцы и вечеринки.

— Кто тебя знает, ни за что так не скажет.

— Не уверена. Иногда я чувствую себя... ужасно глупой.

— Ты? Глупой?

Невыразимо теплый голос. Дорогой Вернон! Он так хорошо о ней думает! Мама была права.

Они вышли на какой-то мостик, встали, опершись о

перила, и стали смотреть на воду. Вернон хрипло произнес:

— Как здесь хорошо.

— Да.

Оно приближалось... приближалось. Нелл не могла бы сказать, что именно, но она его чувствовала. Мир зас-
тыл, изготовившись к прыжку.

— Нелл...

Почему у нее так дрожат колени? Почему ее голос звучит словно издалека?

— Да?

Неужели это она сказала такое странное и короткое «да»?

— О! Нелл... — Он должен сказать. Должен. — Я люблю тебя. Я так тебя люблю...

— Любишь?

Не может быть, чтобы это она сказала. Так по-идиотски!

— Любишь? — Голос был напряженный, неестественный.

Он взял ее за руку. Его рука была горячей, ее — холодной.

— Как ты думаешь, ты могла бы... полюбить меня?

Она ответила, не понимая, что говорит:

— Не знаю.

Они продолжали стоять, как ошеломленные дети, рука в руке, захваченные таким счастьем, что было даже страшно.

Что-то должно было вот-вот случиться, они не знали что.

Из темноты возникли две фигуры, раздался грубый смех и девичье хихиканье.

— Так вот вы где! Романтическое местечко!

Зеленая девица и этот осел Дакр. Нелл что-то сказала — с полным самообладанием. Женщины — удивительные существа! Она вышла на лунный свет — спокойная, собранная. Все вместе они шли и разговаривали, подшучивая друг над другом. Джорджа Четвинда и миссис Верикер они увидели на газоне. «У него хмурый вид», — подумал Вернон.

Миссис Верикер была очень сурова. Она попрощалась с ним даже в какой-то оскорбительной манере. Его это не беспокоило. Ему очень хотелось уйти и предаться пиршеству воспоминаний.

Он сказал ей! Он спросил, любит ли она его, — да, он осмелился! — и она его не высмеяла, она сказала: «Не знаю».

Но это значит... О, не может быть! Нелл, волшебница Нелл, прекрасная, недостижимая — любит его или по крайней мере хочет любить.

Ему хотелось бродить всю ночь. Но вместо этого пришлось сесть на полночный поезд и ехать в Бирмингем. Проклятье! Лучше было бы бродить — всю ночь напролет!

В зеленой шляпе и с волшебной флейтой в руках — как принц из сказки.

Вдруг вся картина представилась ему в музыке — высокий замок, каскад золотых волос, волнуемый колдовской голос флейты, который вызывает принцессу из башни.

Непонятно как, но эта музыка оказалась в большем согласии с признанными канонами, чем ранее разработанная Верноном концепция. Музыка укладывалась в пространственные рамки, не разрушая образа увиденного внутренним оком. Он слышал музыку башни, круглую, шаровидную музыку драгоценностей принцессы и веселую, неистовую мелодию бродячего принца: «Выйди, любимая, выйди ко мне...»

Он шел по унылым пустынным улицам Лондона, как по зачарованной стране, откуда перед ним не выросла черная громада Паддингтонского вокзала¹.

В поезде он не спал. На обороте конверта он делал микроскопические заметки. «*Трубы. Английский рожок*» — и рядом какие-то линии и завитушки обозначали то, что ему слышалось.

Он был счастлив.

3

— Стыдись! О чем ты только думаешь?

Миссис Верикер очень сердилась. Нелл стояла перед ней безгласная и прелестная.

Мать добавила несколько колких и оскорбительных слов и вышла из комнаты. Десять минут спустя, уже отходя ко сну, она засмеялась — коротким мрачным смешком.

«Не стоит сердиться на ребенка. В сущности, Джорджу Четвинду это пойдет на пользу. Пора его подстегнуть».

Она выключила свет и заснула, вполне удовлетворенная.

¹ Паддингтонский вокзал — вокзал в Лондоне, конечная станция западного района, а также пересадочный узел метрополитена.

Нелл не спала. Снова и снова она вспоминала события вечера, стараясь не пропустить ни слова, ни чувства.

Что сказал Вернон? Что она ответила? Странно, но она не могла вспомнить. Он спросил, любит ли она его. Что же она ему сказала? Вся сцена вставала перед ней в темноте, она чувствовала руку Вернона, слышала голос, хриплый и неуверенный... Она зажмурилась и погрузилась в смутные и восхитительные мечты.

Жизнь прекрасна. Так прекрасна.

Глава 5

1

— Значит, ты меня не любишь!

— О Вернон, не говори так! Постарайся меня понять.

Они в отчаянии смотрели друг на друга, пораженные этой внезапной трещиной в отношениях, неожиданной причудой судьбы. Только что они были так близки, что, казалось, каждую мысль разделяли, и вот... Разошлись на два полюса, сердитые и обиженные друг на друга.

Нелл в отчаянии отвернулась и забилась в угол кресла.

Ну почему? Почему все не может оставаться так же, как было раньше? После того вечера она долго не могла заснуть, охваченная счастливыми мечтами. Даже мамины злые слова не расстроили ее — они доносились как бы издалека и не могли проникнуть сквозь сверкающий флер мечтаний.

Наутро она проснулась счастливой. Мать была приветлива и больше не ругалась. Захваченная тайными мыслями, Нелл делала все, что ей было положено. Болтовня с друзьями, прогулка в парке, обед, чай, танцы — Нелл была уверена, что никто не замечает перемен, но где-то глубоко внутри затаилось сознание, что все изменилось. Временами она теряла нить разговора, она вспоминала. «О Нелл, я так люблю тебя!..» Лунная дорожка на темной воде. Рука в его руке... Но, вздрогнув, она приходила в себя и начинала торопливо болтать и смеяться. О, как она была счастлива!

Она гадала, напишет ли он ей письмо; ждала почтальона — сердце обрывалось, когда он стучал в дверь. Письмо пришло на следующий день. Она спрятала его среди других бумаг, дождалась, когда пришла пора спать, и с бьющимся сердцем распечатала.

«О Нелл, дорогая Нелл!

Неужели это правда? Я написал и порвал уже три письма. Боюсь рассердить тебя. Но, может быть, ты вовсе не то хотела сказать? Нет, ты так очаровательна, Нелл, и я смертельно люблю тебя. Я все время о тебе думаю. На работе я все время делаю ужасные ошибки, потому что думаю о тебе. Но, Нелл, о, я буду упорно трудиться! Смертельно хочу тебя видеть. Когда мне можно приехать в город? Я должен тебя увидеть. Дорогая, дорогая Нелл, я хочу сказать тебе так много, что в письме не скажешь, я и так уж тебя утомил. Напиши, когда мы увидимся. Поскорее, пожалуйста, а то я сойду с ума.

*Навеки твой,
Вернон».*

Она перечитала письмо много раз, положила под подушку и наутро снова прочла. Она была так счастлива. Еще не наступил день, а она уже села писать ему. Взяла ручку — и застыла. Она не знала, что сказать.

«Дорогой Вернон».

Кажется, это глупо? Надо сказать «Милый»? О нет, нет!

«Дорогой Вернон, спасибо за письмо».

Пауза. Она кусала ручку и мучительно разглядывала стену.

«Наша компания в пятницу идет на танцы к Ховардам. Приходи к нам обедать, и пойдем вместе, хорошо? В восемь часов».

Пауза. Надо что-то еще сказать. Она склонилась и торопливо приписала:

«Я очень хочу тебя видеть.

Твоя Нелл».

Он написал в ответ:

«Дорогая Нелл, я буду рад прийти в пятницу. Большое спасибо.

Твой Вернон».

Когда она прочла, ее охватила легкая паника. Не обидела ли она его? Может, надо было сказать больше? Счастье куда-то ушло. Она лежала без сна и корила себя за возможную ошибку.

Наступила пятница. Едва она увидела его, как поняла, что все хорошо. Их глаза встретились, и счастье вернулось в мир.

За столом они сидели не рядом, и у Говардов смогли поговорить только на третьем танце. Они кружили под звуки медленного сентиментального вальса, и он прошептал:

— Я не слишком много танцев у тебя попросил?

— Нет.

Странно, что рядом с Верноном она словно немеет. Когда музыка кончилась, он какое-то мгновение еще удерживал ее. Пальцы сжали ее руку. Она улыбнулась. Оба были безумно счастливы. И вот уже несколько минут он танцует с другой девушкой и непринужденно говорит ей что-то на ухо. Нелл танцевала с Джорджем Четвиндом. Пару раз они с Верноном встретились глазами, и оба чуть улыбнулись. У них общая тайна — такая чудесная!

Когда они сошлись во втором танце, настроение у него изменилось.

— Нелл, дорогая, нет ли здесь места, где можно поговорить? Я хочу сказать тебе массу вещей. Какой нелепый дом, некуда уйти.

Они вышли на лестницу, но, сколько ни поднимались, от людей было не скрыться. Потом они заметили небольшую железную лестницу, ведущую на крышу.

— Нелл, пойдем туда? Сможешь? Платье не испортишь?

— Ничего с ним не случится.

Вернон поднялся первым, открыл дверной засов, вылез и, встав на колени, помог Нелл взобраться.

Они оказались одни. Под ними лежал Лондон. Невольно они приблизились друг к другу, и ее рука оказалась в его руке.

— Нелл, дорогая...

— Вернон...— У нее получился только шепот.

— Так это правда? Ты меня любишь?

— Я люблю тебя.

— Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Нелл, я хочу тебя поцеловать.

Она повернула к нему лицо. Они поцеловались, робея и дрожа.

— Какое у тебя нежное и милое лицо,— сказал Вернон.

Не думая про пыль и грязь, они сели на небольшой выступ, он обвинил ее рукой, она подставила лицо его поцелуям.

— Я так люблю тебя, Нелл, так люблю, что мне страшно дотрагиваться до тебя.

Это ей было непонятно и странно. Она теснее прижалась к нему. Их поцелуи довершили волшебство ночи.

2

Они очнулись от грез.

— О Вернон, я думаю, мы здесь целую вечность.

Они торопливо выбрались через чердачную дверь на лестничную площадку, и Вернон с беспокойством оглядел Нелл.

— Боюсь, что ты села на какую-то грязь.

— О, какой ужас!

— Это я виноват, дорогая. Но, Боже мой, Нелл, неужели оно того не стоило?

Она улыбнулась нежной счастливой улыбкой.

— Стоило.

Они стали спускаться, и она вдруг засмеялась.

— А как же масса вещей, которые ты хотел мне сказать?

Оба рассмеялись. Когда они вошли в танцевальный зал, вид у них был глуповатый. Они пропустили шесть танцев.

Чудный был вечер. Нелл легла спать, и ей снились поцелуи.

Утром в субботу Вернон позвонил.

— Я хочу поговорить. Можно я заскочу?

— Ох, Вернон, дорогой, нельзя. Сегодня я должна встречаться с людьми, я не могу этого избежать.

— Почему?

— Ну... я не знаю, что сказать маме.

— А разве ты ей ничего не сказала?

— О нет!

Горячее «О нет!» все объяснило Вернону. Бедняжка. Конечно, не сказала. И предложил:

— Может, лучше это сделать мне? Я сейчас забегу.

— Ох! Нет, Вернон,— пока мы с тобой не поговорим.

— Когда же?

— Не знаю. Я сегодня приглашена на ленч, дневной спектакль и вечером в театр. Если бы ты заранее сказал, что будешь здесь все выходные, я бы что-нибудь придумала.

— А утром?

— Утром в церковь...

— Вот! Не ходи в церковь. Скажи, что голова болит или что еще. Я заеду. Мы поговорим, а когда твоя мать вернется из церкви, я ей все объясню.

— Вернон, я не могу...

— Можешь. Я кончаю разговор, чтобы ты не придумала каких-нибудь новых отговорок. До завтра.

Он повесил трубку. Он даже не сказал, где остановился. Она восхищалась его мужской решительностью, хотя беспокоилась, как бы он все не испортил.

И вот сейчас у них в разгаре спор, Нелл умоляет его ничего не говорить матери.

— Ты все испортишь. Нам не дадут встречаться.

— Но, Нелл, дорогая, я хочу на тебе жениться. А ты хочешь за меня замуж. Я хочу жениться на тебе как можно скорее.

Впервые он вызвал в ней раздражение. Он говорил, как мальчик. Он что, не понимает положение вещей?

— Вернон, но у нас нет денег.

— Знаю. Но я буду работать. Ты ведь не боишься бедности?

Она ответила «нет», потому что этого от нее ждали, но сознавала, что говорит не от чистого сердца. Быть бедной ужасно. Вернон этого не знает. Несет романтическую чушь.

— Вернон, почему нельзя продолжать, как сейчас? Мы так счастливы.

— Конечно, но можем стать еще счастливее. Я хочу открытой помолвки, чтобы все знали, что ты принадлежишь мне.

— Какая разница...

— Разницы нет, но я хочу иметь право видеть тебя, а не переживать, что ты гуляешь с этим ослом Дакром.

— О Вернон, ты же не ревнуешь?

— Я знаю, что не должен, но ты сама не понимаешь, как ты хороша, Нелл! В тебя каждый может влюбиться. Даже этот старый высокопарный американец.

Нелл слегка порозовела.

— Я боюсь, ты все испортишь,— пробормотала она.

— Думаешь, мама разозлится? Мне ужасно жаль. Я скажу, что это только моя вина. В конце концов, должна же она знать. Она будет разочарована, потому что хочет выдать тебя за богатого. Вполне естественно. Но не в богатстве счастье, верно?

Неожиданно Нелл сказала с тихим отчаянием:

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, что такое бедность.

Вернон удивился.

— Но я беден.

— Нет. Ты учился в школе и в университете, на каникулах жил у матери, а она богата. Ты ничего про это не знаешь. Не знаешь, как...

Она в отчаянии замолчала. Она не находила слов. Как нарисовать столь знакомую ей картину? Увертки, уловки, отчаянная борьба за то, чтобы достойно выглядеть, легкость, с которой друзья бросают тебя, если это тебе не удастся, пренебрежение, попреки или еще хуже — обидное покровительство! Как при жизни капитана Верикера, так и после его смерти. Можно, конечно, жить в деревенском доме, никого не видеть, не ходить на танцы, не наряжаться, как другие девушки, жить по средствам и гнить заживо! И то, и другое — ужасно. Это несправедливо; у человека должны быть деньги. Замужество — свыше данный путь к спасению. Тогда не будет ни борьбы, ни попреков, ни уверток.

При этом Нелл не думала о браке по расчету — с безграничным оптимизмом юности она представляла себе, как влюбится в богатого красавца. И вот влюбилась в Вернона Дейра. При этом она вовсе не думала о замужестве. Она просто была счастлива!

Она почти ненавидела Вернона за то, что он стаскивает ее с облаков на землю. Ее задевала эта уверенность — будто она готова ради него терпеть бедность. Вот если бы он преподнес это как-то иначе. Например: «Я не имею права просить тебя, — но, может, ты могла бы сделать это ради меня?» Что-нибудь в таком роде.

Чтобы он чувствовал, какую жертву она приносит. Потому что это жертва! Она не хочет быть бедной, она ненавидит бедность! И боится ее. Хорошо не думать о деньгах, когда у тебя их много. Вернон не беспокоится, потому что никогда не испытывал недостатка в деньгах. Жил в комфорте и достатке. А теперь удивляется:

— О Нелл, разве ты не согласна жить в бедности?!

— Я уже жила в бедности, Вернон. Я знаю, что это такое.

Она чувствовала себя много старше Вернона. Он просто мальчик, дитя! Что он знает о кредитах, о долгах, которых у них с матерью так много? Она вдруг почувствовала себя страшно одинокой и несчастной. Что толку в мужчинах? Говорят красивые слова, любят, но хоть бы попыта-

лись понять! Вот и Вернон не пытается. Он выносит ей обвинение, показывает, как она упала в его глазах.

— Сказала бы просто, что не любишь меня

Она беспомощно ответила:

— Ты не понимаешь.

Они горестно смотрели друг на друга — что случилось? Почему между ними все стало так нескладно?

— Ты меня не любишь,— сердито повторил Вернон.

— О Вернон, люблю...

Внезапно на них снова нахлынула любовь, они слились в поцелуй, ими овладело извечное заблуждение любящих, что все будет хорошо, раз они любят друг друга. Это была победа Вернона. Нелл больше не возражает. Его руки обнимают ее, его губы на ее губах, она не в силах спорить. Лучше отдаться радости быть любимой, сказать:

«Да, дорогой, если хочешь... все, что хочешь...»

Так незаметно для нее самой под ее любовью угнездилась обида.

3

Миссис Верикер была умной женщиной. Она очень удивилась, но не подала виду. Она избрала совсем иную тактику, нежели ожидал Вернон. Она стала подтрунивать:

— Так вы, детки, считаете, что любите друг друга? Так-так.

Она слушала Вернона с такой добродушной иронией, что у него стал заплетаться язык, и он наконец замолчал. Она издала легкий вздох.

— Что значит молодость! Я вам даже завидую. А теперь, мой мальчик, послушайте меня. Я не собираюсь запрягать вас помолвку или делать что-то столь же мелодраматичное. Если Нелл хочет выйти за вас замуж, она выйдет. Не скажу, что буду в восторге, она у меня единственный ребенок, и я надеялась, что она выйдет за того, кто сможет дать ей все самое лучшее, окружить роскошью и комфортом. Это вполне естественно, как мне кажется.

Вернон вынужден был согласиться. Разумная речь миссис Верикер обезоружила его своей неожиданностью.

— Но, как я сказала, запрещать не буду. На чем я настаиваю, так это на том, что Нелл должна убедиться, что она хорошо разобралась в своих чувствах. Надеюсь, с этим вы согласны?

Вернон согласился и с этим — но с тревогой почувствовал, что его затягивают в ловушку, из которой ему не выбраться.

— Нелл очень молода. Это ее первый сезон. Я хочу, чтобы у нее были все возможности убедиться, что вы нравитесь ей больше всех. Одно дело — договориться между собой, и совсем другое — публичное объявление о помолвке. На это я не согласна. Вы должны держать свою договоренность в тайне. Я думаю, вы поймете, что это справедливо. Нелл нужно дать возможность изменить свое решение, если она захочет.

— Она не захочет!

— Тем более у вас нет оснований возражать. Вы как джентльмен не можете поступить иначе. Если вы согласны с этими требованиями, я не буду препятствовать вашим встречам с Нелл.

— Но, миссис Верикер, я хочу жениться на Нелл как можно скорее.

— И что ж вы можете предложить для женитьбы?

Вернон сказал, какое жалованье получает у дяди, и объяснил ситуацию с поместьем.

Когда он закончил, заговорила она. Она подвела итог: плата за дом, жалованье слугам, затраты на одежду; деликатно намекнула на возможность детских колясок, а затем по контрасту обрисовала сегодняшнее положение Нелл.

Вернон стал похож на мокрую курицу — весь его запал выдохся. Он был разбит безжалостной логикой фактов. Мать Нелл — ужасная женщина, неумолимая. Но он понял ее позицию: им с Нелл придется подождать. Он должен дать ей возможность изменить свое решение, как сказала миссис Верикер. Но она этого не сделает, благослови Бог ее дивное сердце!

Он рискнул сделать последнюю попытку:

— Дядя может увеличить мне жалованье. Он уже несколько раз говорил о преимуществах раннего брака. Он на этом даже настаивает.

— О! — Миссис Верикер на минуту задумалась. — У него есть дочь?

— Да, пятеро, две старшие уже замужем.

Миссис Верикер улыбнулась. Святая простота. Он даже не понял смысла ее вопроса. Но она узнала то, что хотела.

— На этом пока остановимся, — сказала она.

Умная женщина!

Вернон ушел в смятении. Ему позарез нужно было поговорить с отзывчивым человеком. Джо не подойдет — он с ней постоянно ссорится из-за Нелл. Джо считает ее «обычной пустоголовой светской девицей». Она предубеждена. Чтобы добиться расположения Джо, девушке надо ходить коротко стриженной, носить блузу художника и жить в Челси¹.

Лучше всего подойдет Себастьян. Он всегда старается понять твою точку зрения, и его трезвый взгляд на жизнь бывает чрезвычайно полезен. Надежный парень этот Себастьян.

И богатый. Как странно устроен свет! Будь у него деньги Себастьяна, он мог бы жениться на Нелл хоть завтра. А Себастьян со всеми своими деньгами не может жениться на той, которую любит. Лучше бы Джо вышла за Себастьяна, чем за какого-нибудь прошельгу, мнящего себя художником.

Себастьяна, увы, не оказалось дома. Вернона встретила миссис Левин. Странно, но с ней ему было уютно. Толстая старая миссис Левин, с ее гагатами, брильянтами и жирными черными волосами понимала его лучше, чем собственная мать.

— Не надо так убиваться, дорогой,— сказала она.— Я же вижу. Это из-за девушки, так? Ну, ну, у Себастьяна то же самое с Джо. Я говорю ему: наберись терпения. Сейчас у Джо пятки горят. Пройдет время, она успокоится и задумается, чего же она на самом деле хочет.

— Ужасно здорово было бы, если б Джо вышла за Себастьяна. Тогда наша троица сохранилась бы.

— Да, я сама очень люблю Джо. Хотя и не думаю, чтобы она была бы хорошей женой Себастьяну — они плохо понимают друг друга. Я ведь старомодна, дружочек. Я бы хотела, чтобы он женился на одной из наших. Это всегда оказывается лучше. Общие интересы, одинаковые инстинкты; еврейки — отличные матери. Что ж, может, так и будет, если Джо и в самом деле не захочет замуж за Себастьяна. То же будет с тобой. Жениться на кузине — не самый плохой выход.

¹ Челси — излюбленный район художников и писателей, расположен в западной части Лондона.

— Мне? Жениться на Джо?

Вернон в изумлении уставился на нее. Миссис Левин добродушно засмеялась, и все ожерелья на ней затряслись.

— Джо? Да ты что, я говорю об Энид. Ведь в Бирмингеме на это рассчитывают?

— О нет... не знаю... нет, конечно.

Миссис Левин опять засмеялась.

— Во всяком случае, я вижу, что до этой минуты тебе такая мысль и в голову не приходила. А знаешь, расчет неплох — это на тот случай, если та, другая, девушка откажется. Все деньги остаются в семье.

Вернон ушел. В голове у него шумело. Все выстроилось в один ряд. Шуточки и намеки дяди Сидни; то, что мать постоянно навязывает ему Энид. Вот, оказывается, на что намекала миссис Верикер. Его хотят женить на Энид.

Он вспомнил, как мать шепталась с подругой — что-то насчет кузины. Он все понял. Так вот почему Джо отпустили в Лондон. Мать думала, что он с Джо...

Он даже засмеялся. Он и Джо! Вот и видно, как мало мать понимает. И вообразить невозможно, чтобы он влюбился в Джо — они всегда будут как брат и сестра. У них взаимная симпатия и резкие расхождения во взглядах. Они слеплены из одного теста, и между ними не может быть романа.

Энид! Так вот что задумал дядя Сидни. Бедняга, его ждет разочарование. Но нечего ему быть таким ослом.

Но, возможно, это не он, а только мать. Женщины вообще все время хотят тебя на ком-то женить. Что ж, скоро дядя Сидни узнает правду.

5

Беседа Вернона с дядей не удовлетворила ни одну из сторон. Сидни был огорчен и раздражен, старался скрыть это, не мог выбрать линию поведения и предпринял две попытки атаковать в разных направлениях.

— Чушь, полная чушь, рано еще тебе жениться.

Вернон напомнил дяде его же слова.

— Пф! Я имел в виду не такую женитьбу. Светская девушка — я знаю, каковы они.

Вернон вспыхнул.

— Извини, мой мальчик, я не хотел тебя обидеть. Но так ты неинтересен ей, бесполезен для нее. Подобные девушки стремятся выйти замуж за богачей.

— Но я думал, что, может быть...

Вернон замялся.

— Что я повышу твои доходы, а? Это твоя юная леди предложила? Разве это дело, мой мальчик? Сам знаешь, что не дело.

— Я не стою даже тех денег, что вы мне выдаете, дядя Сидни.

— Пф, пф, я этого не говорил. Для начинающего ты очень хорошо справляешься. Я очень сожалею об этой истории, только расстроил тебя. Мой тебе совет — брось ты все это. Так будет лучше всего.

— Этого я сделать не могу, дядя Сидни.

— Ну, это не мое дело. Кстати, ты говорил с матерью? Нет? А стоило бы. Увидишь, она скажет то же, что и я. Помнишь старую поговорку: лучший друг парню — его мать, а?

Почему дядя Сидни говорит такие дурацкие вещи? Как всегда. И при этом он толковый, изворотливый бизнесмен.

Ничего не поделаешь. Придется покориться — и ждать. Первое призрачное обаяние любви разрушено. Любовь — не только рай, но и ад. Ему отчаянно нужна была Нелл.

Он ей написал:

«Дорогая, это ничего, мы должны набраться терпения и подождать. Во всяком случае, мы будем часто видеться. Твоя мать поступила очень прилично — лучше, чем я ожидал. Я всей душой признаю весомость ее слов. Ты должна быть свободна, посмотреть, не полюбишь ли кого-нибудь сильнее, чем меня. Но ведь такого не случится, правда? Я знаю, что нет. Мы будем любить друг друга вечно. Не беда, если мы будем бедны... С тобой рай — хоть в шалаше...»

Глава 6

1

Реакция матери принесла Нелл большое облегчение. Она опасалась упреков, наказания. От грубых слов или от сцен она вся сжималась. Иногда с горечью думала о себе: «Какая же я трусиха. Не могу выстоять».

Матери она боялась — та подавляла ее всю жизнь, сколько она себя помнила. У миссис Верикер был властный характер, и она легко управлялась с теми, кто послабее. Подавлять Нелл было совсем легко, потому что та понима-

ла, что мать ее любит и только из любви к Нелл добивается для нее счастья, которого была лишена сама.

Так что Нелл с облегчением вздохнула, когда мать вместо упреков сказала:

— Если решила остаться в дураках — пожалуйста. Любовные увлечения бывают у большинства девушек, и они благополучно проходят. Не терплю сентиментальную чепуху. Пройдут годы, прежде чем этот мальчик сможет позволить себе жениться, и ты только сделаешь себя несчастной. Но поступай так, как тебе нравится.

Презрение, прозвучавшее в словах матери, все же произвело на Нелл впечатление. Сама себе не веря, она надеялась, что дядя Вернона что-нибудь сделает для них. Письмо Вернона разрушило и эти надежды.

Им придется ждать — и, возможно, очень долго.

2

Тем временем миссис Верикер действовала своими методами. Однажды она предложила Нелл навестить ее подругу детства, которая несколько лет назад вышла замуж. Амелия Кинг была блестящей напористой красавицей. В школе Нелл ею восхищалась. Она могла выйти замуж очень удачно, но, ко всеобщему удивлению, вышла за молодого человека, который сам зарабатывал себе на жизнь, и после этого исчезла из виду.

— Нехорошо бросать старых друзей, — сказала миссис Верикер. — Я уверена, она будет рада тебя видеть, а тебе все равно с утра нечего делать.

И Нелл послушно пошла звонить миссис Хортон в Илинг, Гленстен Гарденс, 35.

Был жаркий день. Нелл поездом доехала до Илинг-Бродвей-Стейшен и спросила дорогу.

До Гленстен-Гарденс нужно было идти целую милю по унылой улице, составленной из одинаковых маленьких домов. Дверь дома № 35 открыла неряшливая горничная в грязном фартуке, она проводила Нелл в гостиную. Там было два-три предмета хорошей старой мебели, шторы и занавески красивого рисунка, хотя и линялые, но все было забросано детскими игрушками и какими-то обломками. Когда вошла Амелия, из раскрытой двери донесся яростный детский рев.

— Нелл, как это мило! Мы столько лет не виделись.

При виде ее Нелл испытала шок. Неужели это та самая

привлекательная, всегда прекрасно одетая Амелия? Бесформенная фигура, неряшливая, явно самодельная блузка, лицо усталое и беспокойное,— ни былого огня ни задора.

Они сели и стали разговаривать. Нелл показали двух детей, мальчика и девочку, еще в колыбели.

— Утром мне пришлось взять их с собой, и я ужасно устала. Ты не представляешь, как утомительно толкать коляску от магазина к магазину.

Мальчик был симпатичный, девочка выглядела болезненной и капризной.

— Зубки режутся,— сказала Амелия.— И плохое пищеварение, как говорит врач. Хотя бы она не плакала по ночам. Джека это раздражает, ему надо отдыхать после рабочего дня.

— У вас нет няни?

— Не можем себе этого позволить, дорогая. У нас только эта придурочная, что открыла тебе дверь. Полная идиотка, но дешевая и делает то, чего не соглашаются делать другие. Обычно служанки не любят наниматься в дом, где есть дети.

Она крикнула в дверь:

— Мери, принеси чай,— и вернулась на место.

— О, Нелл, дорогая, я почти жалею, что ты приехала — ты такая изящная, эффектная, ты напомнила мне о том, как раньше было весело. Теннис, танцы, гольф, вечеринки.

Нелл робко сказала:

— Но вы счастливы...

— О! Конечно. Мне просто нравится поворчать. Джек очень мил, и дети тоже, но иногда — ну, слишком устаете, чтобы кого-нибудь еще и любить. Кажется, все бы отдала за кафельную ванную, соль для ванны, горничную, которая расчесала бы мне волосы, и чудную шелковую скользящую ночную рубашку. А потом слушаешь, как богатый идиот держит речь о том, что не в деньгах счастье. Дураки!

Она засмеялась.

— Расскажи мне что-нибудь, Нелл. Я так ото всего отошла! Когда нет денег, не удается держаться на уровне. Я никого из наших не вижу.

Они немного поболтали. Тот и Этот женились, Та и Эта ругаются с мужьями, Тот и Эта обзавелись ребенком, а Тот и Эта замешаны в ужасном скандале.

Подали чай: нечищенное серебро, толстые ломти хлеба с маслом. Когда они заканчивали, кто-то открыл своим ключом входную дверь, и из холла донесся раздраженный мужской голос:

— Амелия, ну куда это годится?! Я просил сделать всего одну вещь, а ты забыла. Посылку так и не отнесла Джонсам, а ведь обещала.

Амелия выскочила в холл, оттуда послышалось быстрое перешептывание. Она ввела мужа в гостиную, и он поздоровался с Нелл. Из детской опять донесся рев.

— Придется сходить, посмотреть, что с ней,— сказала Амелия и торопливо вышла.

— Что за жизнь! — сказал Джек Хортон. Он все еще был красив, хотя и в поношенном костюме и с брюзгливыми складками возле рта. Он засмеялся.— Вы застали нас в неудачный момент, мисс Верикер, но у нас всегда так. В эту погоду мотаться в поезде туда-сюда очень утомительно, придешь домой — и тут покоя нет!

Он снова засмеялся, будто шутил, и Нелл из вежливости тоже. Вошла Амелия с ребенком на руках. Нелл собралась уходить, они проводили ее до двери. Амелия просила передать привет миссис Верикер и помахала рукой.

У калитки Нелл обернулась и поймала выражение лица Амелии — голодный завистливый взгляд.

Сердце у Нелл упало. Неужели таков неизбежный конец? Неужели бедность убивает любовь?

Она шла по дороге к станции и вдруг услышала голос, которого не ожидала:

— Мисс Нелл, вот чудеса!

К обочине подкатил «роллс-ройс»¹, за рулем сидел Джордж Четвинд и улыбался.

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой! Я увидел девушку, со спины похожую на вас, решил притормозить, чтобы увидеть лицо — а это вы собственной персоной! Вы в город? Тогда садитесь.

Нелл послушалась и села рядом с водителем. Машина плавно заскользила, набирая скорость. «Божественное ощущение,— подумала Нелл,— ленивая роскошь!»

— И что же вы делали в Илинге?

— Навещала друзей.

¹ «Роллс-ройс» — марка дорогого легкового автомобиля, производимого одноименной компанией.

Движимая неясным побуждением, Нелл описала визит. Четвинд слушал с сочувствием, покачивал головой, продолжая мастерски вести машину.

— Да, неважно,— сочувственно сказал он.— Знаете, мне больно думать об этой бедной девушке. Женщины заслуживают того, чтобы о них заботились, окружали вещами, которые им нравятся.

Он взглянул на Нелл и сказал:

— Я вижу, вы расстроены. У вас доброе сердце.

Нелл посмотрела на него, и теплое чувство шевельнулось в ее груди. Ей нравился Джордж Четвинд. В нем было что-то доброе, надежное, сильное. Ей нравилось его лицо — словно вырубленное из дерева, и седеющие виски. Нравилось, как прямо он сидит и твердо держит руль. Вот человек, который справится с любыми неожиданностями, на которого можно положиться. Всю тяжесть он примет на свои плечи. О да, ей нравился Джордж. Хорошо встретить такого человека в конце утомительного дня.

— У меня что, галстук сбился набок? — вдруг спросил он.

Нелл засмеялась.

— Я устала на вас? Извините.

— Я почувствовал ваш взгляд. Что вы делали — измеряли меня?

— Вроде того.

— И нашли страшно неподходящим?

— Нет, совсем наоборот.

— Не надо говорить любезности, вы этого не думаете. Я так взволновался, что чуть не столкнулся с трамваем.

— Я всегда говорю то, что думаю.

— Вот как? Странно.— Голос его изменился.— Тогда я вас кое о чем спрошу, давно собираюсь. Здесь не совсем подходящее место, но я хочу сделать решительный шаг здесь и сейчас. Вы выйдете за меня замуж, Нелл? Я этого очень хочу.

— О! — вздрогнула Нелл.— О нет, я не могла бы...

Он бросил на нее короткий взгляд и слегка притормозил.

— Вы в этом уверены? Конечно, я стар для вас.

— Нет, что вы, не в этом дело.

Улыбка скривила его рот.

Я лет на двадцать старше вас, Нелл. Даже больше.

Это много. Но я честно верю, что мог бы сделать вас счастливой. Как ни странно, я в этом уверен.

Нелл молчала минуты две. Потом слабым голосом сказала:

— О, но я в самом деле не могу.

— Отлично! На этот раз вы говорите не так решительно!

— Но я правда...

— Пока больше не стану вам надоедать. Будем считать, что на этот раз вы сказали «нет». Но вы не всегда будете говорить «нет», Нелл. Я могу долго добиваться того, чего хочу. Придет день, и вы ответите «да».

— Нет, не придет.

— Придет, дорогая, придет. Ведь у вас никого нет, да? А, я знаю, что нет.

Нелл не ответила. Она не знала, что отвечать. Мама не велела рассказывать о помолвке.

Но в глубине души ей было стыдно.

Джордж Четвинд весело говорил на отвлеченные темы.

Глава 7

1

Для Вернона август сложился совсем иначе. Нелл с матерью были в Динаре. Он писал ей, она ему, но ее письма почти ничего не говорили о том, о чем ему хотелось узнать. Она весело проводит время, решил он, и наслаждается без него, хотя она и скучает по нему.

Работа, которую выполнял Вернон, была чисто рутинной, она не требовала умственных усилий, нужна была только аккуратность и методичность. И его мысль, которую ничто не отвлекало, обратилась к тому, что составляло тайную любовь Вернона, — к музыке.

У него появилась идея написать оперу, и сюжетом он взял полузабытую сказку юности. Для него она теперь была связана с Нелл — вся сила его любви устремилась в это русло.

Работал он неистово. Слова Нелл о его безбедном житье с матерью терзали его, и он настоял на отдельном проживании. Комнаты, которые он себе нашел, были совсем дешевыми, но они дали ему неожиданное чувство свободы. В Кейр-Лодже он не мог сосредоточиться; мать стала бы вкочтать над ним, отправляя вовремя спать. Здесь же, на Артур-стрит, он нередко засиживался до пяти часов утра.

Он очень похудел и выглядел измученным. Майра беспокоилась, стала настойчиво предлагать патентованные средства для укрепления сил, но он холодно заверил ее, что с ним все в порядке. Он не говорил ей о том, чем занимается. Временами работа приводила его в отчаяние, а иногда его охватывало чувство своей силы, когда он видел, что какой-то малюсенький фрагмент у него получился.

Как-то он съездил в город и провел выходные с Себастьяном; дважды Себастьян приезжал в Бирмингем. Сейчас для Вернона Себастьян был наивысшим авторитетом. Его привязанность была искренней, не напускной, и питали ее два корня: Левин был дорог ему как друг и интересен с профессиональной точки зрения. Вернон высоко ценил суждения Себастьяна по всем вопросам искусства. Он играл ему отрывки своих сочинений на взятом напрокат пианино и попутно разъяснял оркестровку. Себастьян слушал, спокойно кивал, больше молчал. Под конец он обычно говорил:

— У тебя неплохо получается, Вернон. Продолжай.

Он не произносил ни единого слова критики — по его мнению, это могло быть губительно. Вернону требовалось одобрение и только одобрение.

Однажды он спросил:

— Этим ты и собирався заниматься в Кембридже?

— Нет,— сказал Вернон.— Это не то, что я задумал первоначально. Ну, после того концерта — ты знаешь. Оно потом ушло, возможно, еще когда-нибудь вернется. Я думаю, тут у меня получится обычная вещь — каноническая, что ли. Но я то и дело нахожу то, что хотел в нее вложить.

— Понимаю.

Все свои соображения Себастьян выложил Джо.

— Вернон называет ее «обычной вещью», но она совершенно необычна. Оркестровка решена своеобразно; довольно незрелая. Блестящая, но незрелая.

— Ты ему это сказал?

— Боже упаси! Одно пренебрежительное слово — и он съезится и все выбросит в корзину. Я знаю таких, как он. Сейчас я кормлю его с ложечки, хвалю; окулировочный нож и шланг для полива будут позднее. Метафора не последовательная, но, думаю, ты поняла.

В начале сентября Себастьян устраивал прием в честь господина Радмогера, знаменитого композитора. Он пригласил Вернона и Джо.

— Нас будет всего человек десять — двенадцать, — сказал Себастьян. — Анита Кворл, меня очень интересуют ее танцы, хотя она негодный чертенок; Джейн Хардинг — вам она понравится. Она поет в опере. Это не ее призвание, она актриса, а не певица. Потом вы с Верноном, Радмогер и еще двое-трое. Вернон непременно заинтересует Радмогера — он очень расположен к молодому поколению.

Джо и Вернон пришли в восторг.

— Джо, как ты думаешь, я сделаю когда-нибудь что-то стоящее? Я имею в виду действительно стоящее, — робко спросил Вернон.

— Почему бы и нет! — храбро заверила его Джо.

— Не знаю. Все, что я сделал за последнее время, — такая дрянь. Начал я неплохо. Но сейчас засох, как сухарь. Устал, не начавши.

— Наверное, это потому, что ты целый день на работе.

— Наверно. — Минуту-другую он молчал, потом снова заговорил: — Как замечательно будет познакомиться с Радмогером. Он один из немногих, кто пишет то, что я называю музыкой. Хотелось бы высказать ему все, что я думаю, но это было бы ужасно нахально.

Вечер проходил в неформальной обстановке. У Себастьяна была просторная студия, где размещалось возвышение наподобие сцены, рояль и множество подушек, разбросанных по полу. В углу был наскоро установлен на козлах стол, а на нем — неопишуемые яства.

Набираешь на тарелку все, что хочешь, а потом усаживаешься на подушку. Когда Джо с Верноном пришли, танцевала девушка — рыжая, с гибким мускулистым телом. Танец ее был безобразный, но соблазнительный. Она закончила под громкие аплодисменты и спустилась с возвышения.

— Bravo, Анита, — сказал Себастьян. — Вернон, Джо, вы набрали, что хотели? Тогда усаживайтесь рядом с Джейн. Это Джейн.

Они сели, как им было предложено. Джейн была высокая, с прекрасным телом и копной темных кудрей, закрывающих шею; лицо слишком широкое, чтобы считаться красивым, подбородок слишком острый; глубоко посаженные глаза — зеленого цвета. Ей лет тридцать, подумал Вернон. Она смущает, но и привлекает.

Джо накинулась на нее. Ее энтузиазм по поводу заня-

тий скульптурой отошел в прошлое. Теперь она носилась с идеей стать оперной певицей — у нее было высокое сопрано.

Джейн Хардинг слушала сочувственно, время от времени вставляя чуть насмешливые реплики. Под конец она сказала:

— Если вы заскочите ко мне домой, я могу вас послушать и через две минуты скажу, на что годится ваш голос.

— В самом деле? Вы ужасно любезны.

— О, ничуть! Можете мне доверять.

Подошел Себастьян:

— Ну как, Джейн?

Она гибким движением поднялась с полу, оглянулась и тоном, каким подзывают собаку, окликнула:

— Мистер Хилл!

Маленький человечек, похожий на белого червяка, неуклюже рванулся за ней к возвышению.

Она спела французскую песню, Вернон никогда ее раньше не слышал.

J'ai perdu mon amie — elle est morte,
Tout s'en va cette fois à jamais,
A jamais, pour toujours elle emporte
Le dernier des amours que j'aimais.

Pauvre nous! Rien ne m'a crié l'heure
Où là-bas se nouait son linceul
On m'a dit, «Elle est morte!» Et tout seul
Je répète, «Elle est morte!» Et je pleure...¹

Как и все, кто слушал пение Джейн Хардинг, Вернон был не в состоянии оценить ее голос. Она создавала такую эмоциональную атмосферу, что голос казался только инструментом. Чувство всеохватывающей потери, ошеломляющего горя и, наконец, облегчение в слезах.

¹ Я потерял подругу — она мертва,
Все ушло на этот раз навсегда,
Навегда, навеки она унесла
Последнюю мою любовь.

Бедные мы! Ничто мне не крикнуло в час,
Когда ее завернули в саван.
Мне сказали «Она мертва!» И совсем один
Я повторяю: «Она мертва!» И я плачу...

Аплодисменты. Себастьян пробормотал:

— Необычайная эмоциональная мощь, — вот что это такое.

Она снова запела. На этот раз она пела норвежскую песню про падающий снег. В голосе не было вообще никакого чувства — он был монотонный, чистый как хлопья снега, и на последней строчке умирал, переходя в молчание.

В ответ на аплодисменты она запела третью песню. Вернон насторожился и выпрямился.

Мне фею видеть довелось —
Сиянье рук, в волне волос
Мерцающий волшебный лик
Так дивен был и дик,
чарующий и странный...

Казалось, она пропела заклинание — волшебства, пугающих чар. Лицо Джейн было обращено к зрителям, но глаза отрешенно глядели мимо них — и словно видели нечто пугающее и вместе с тем завораживающее.

Она кончила; раздался вздох. Дородный мужчина с седыми волосами, подстриженными ежиком, ринулся к Себастьяну.

— Ах, дружище Себастьян, я приехал. Мне надо поговорить с этой молодой леди. Сейчас же, немедленно.

Себастьян вместе с ним подошел к Джейн. Герр Радмогер обеими руками потряс ей руку и серьезно осмотрел ее.

— Так, — сказал он наконец. — Внешность хорошая, пищеварение и кровь отличные. Дайте адрес, я к вам заеду.

«Эти люди психи», — подумал Вернон.

Но Джейн Хардинг приняла это как должное, записала адрес, несколько минут поговорила с Радмогером, а затем подошла к Джо и Вернону.

— Себастьян — настоящий друг. Знал, что Радмогер ищет Сольвейг¹ для постановки «Пер Гюнта», вот и пригласил меня сегодня.

Джо отошла к Себастьяну, Вернон и Джейн остались одни.

¹ Сольвейг — главный женский персонаж пьесы в стихах «Пер Гюнт» норвежского поэта и драматурга Хенрика Ибсена (1828—1906), на сюжет которой норвежским композитором Эдвардом Григом (1843—1907) написана одноименная музыкальная драма (1867).

— Скажите.— Вернон замялся.— Вот эта песня...

— «Морозный снег»?

— Нет, последняя. Я... я слышал ее много лет назад, еще ребенком.

— Любопытно. Я считала, что это наше семейное достояние.

— Ее пела мне сиделка, когда я сломал ногу. Я любил ее и не надеялся когда-нибудь услышать еще.

— Вот оно что.— Джейн Хардинг задумчиво сказала: — Может быть, это была моя тетя Френсис?

— Да, ее звали няня Френсис, то есть сестра Френсис. Она ваша тетя? Что с ней стало?

— Она умерла несколько лет назад от дифтерии. Заразилась от пациента.

— О, как жаль.— Он колебался и вдруг выпалил: — Я все время вспоминаю ее. Она... она ко мне, ребенку, отнеслась как к другу.

Он увидел, что зеленые глаза Джейн смотрят спокойно и доброжелательно, и понял, кого она напоминала ему с той самой минуты, как он ее увидел. Она похожа на няню Френсис.

Она сказала:

— Вы пишете музыку? Мне Себастьян говорил.

— Да... пытаюсь.— Он остановился. «Она ужасно привлекательна. Она мне нравится! Почему же я боюсь ее?» — думал он. Неожиданно его охватило возбуждение. Он может, он знает, что может сделать что-то настоящее...

— Вернон! — позвал Себастьян.

Он встал. Себастьян представил его Радмогеру. Великий человек излучал добродушие.

— Меня очень заинтересовало то, что рассказал мой юный друг.— Он положил руку на плечо Себастьяну.— Он очень проницателен и редко ошибается, несмотря на молодость. Давайте устроим встречу, и вы покажете мне свою работу.

Радмогер отошел, оставив Вернона в страшном возбуждении. Неужели он так и сказал? Он вернулся к Джейн. Она улыбнулась. Он опустился рядом. Волна уныния вдруг накатила на него и унесла все возбуждение. Ничего не выйдет. Он по рукам и ногам связан работой у дяди в Бирмин-

геме. Музыкае нужно отдавать все время, все мысли и всю душу. Он почувствовал себя несправедливо обиженным, все в нем взывало к сочувствию. Была бы здесь Нелл! Она всегда его понимает.

Он поднял глаза и увидел, что Джейн Хардинг наблюдает за ним.

— Что случилось? — спросила она.

— Я хотел бы умереть, — с горечью сказал Вернон.

Джейн приподняла бровь.

— Можно подняться на крышу этого здания и спрыгнуть вниз. Думаю, у вас получится.

Не такого ответа ожидал Вернон. Он возмущенно посмотрел на нее, но прохладно-приветливый взгляд обезоруживал. Он пылко заговорил:

— В целом мире есть только одно, что меня заботит. Я хочу писать музыку. Я мог бы писать музыку. А вместо этого я привязан к бизнесу, который терпеть не могу. Изодня в день толочь одно и то же! Меня уже тошнит.

— Зачем же вы это делаете, если не любите?

— Потому что должен.

— Думаю, на самом деле вы этого хотите, потому что иначе давно бы отказались, — равнодушно сказала Джейн.

— Я уже сказал вам, что больше всего на свете хочу писать музыку.

— Тогда почему же вы этого не делаете?

— Говорю вам, не могу.

Она его раздражала. Совсем не понимает. Думает, что жизнь устроена так: если хочешь что-то делать — иди и делай.

Он стал объяснять. Эбботс-Пьюисентс, концерт, предложение дяди и, наконец, Нелл.

Когда он закончил, она сказала:

— Вы ждете, что в жизни все будет как в сказке, да?

— Что вы хотите сказать?

— А вот что. Вы хотите жить в доме ваших прадедов, жениться на девушке, которую любите, разбогатеть и стать великим композитором. Осмелюсь заметить, что вам удастся осуществить только одно из этих четырех желаний, и то если вы отдадитесь ему целиком. Нельзя иметь все, знаете ли. В жизни все не так, как в дешевых романах.

В этот миг он ее ненавидел. И все равно она его привлекала. Он вновь почувствовал эмоционально насыщенную атмосферу, которая была в комнате, когда она пела.

Подумал про себя: «Она излучает какую-то магию. Она мне не нравится. Я боюсь ее».

К ним подошел длинноволосый юноша. Он был швед, но отлично говорил по-английски.

— Себастьян говорит, что вы будете писать музыку будущего,— обратился он к Вернону.— У меня есть теория насчет будущего. Время — это еще одно измерение пространства. По нему можно передвигаться туда и сюда. Половина того, о чем вы мечтаете,— это воспоминания о будущем. И так же как в пространстве вы можете быть разлучены с дорогими вам людьми, так вы можете разлучиться с ними и во времени, а это величайшая трагедия.

Поскольку юноша был явный псих, Вернон не стал слушать. Теория пространства и времени его не интересовала. Но Джейн Хардинг потянулась к нему.

— Оказаться разлученными во времени — я никогда об этом не думала.

Вдохновленный, швед продолжал. Он говорил о времени, о конечности пространства, о времени первом и времени втором. Вернон не знал, интересно ли это Джейн — она смотрела прямо перед собой и, казалось, не слушала. Швед перешел к времени третьему, и Вернон улизнул.

Он подошел к Джо и Себастьяну. Джо с энтузиазмом говорила о Джейн Хардинг.

— По-моему, она чудо, правда, Вернон? Она пригласила меня зайти к ней. Вот бы я умела петь, как она!

— Она не певица, а актриса, причем хорошая,— сказал Себастьян.— У нее довольно трагическая судьба. Пять лет она прожила с Борисом Андровым, скульптором.

Джо посмотрела на Джейн с новым интересом. Вернон вдруг почувствовал себя юным и незрелым. Он все еще видел загадочные, чуть насмешливые зеленые глаза, слышал иронический голос: «Вы ожидаете, что в жизни все будет как в сказке?» Стоп — не надо растравлять себя!

Но в нем вспыхнуло желание снова ее увидеть. Можно ли попросить ее об этом? Нет, неудобно.

К тому же он редко бывает в городе.

Он услышал за спиной ее голос, глубокий голос певицы:

— До свиданья, Себастьян. Спасибо.

Она пошла к двери и через плечо посмотрела на Вернона.

— Заглядывайте ко мне,— беззаботно сказала она.— У вашей кухни есть мой адрес.

Книга третья

ДЖЕЙН

Глава 1

1

Квартира Джейн Хардинг находилась на самом верху большого дома в Челси и смотрела окнами на реку.

Сюда и пришел Себастьян на другой день после приезда.

— Я все организовал, Джейн,— сказал он.— Завтра к тебе придет Радмогер. Похоже, он предпочитает прийти сам.

— «Ну, давайте же, рассказывайте, как вы живете?» — передразнила Джейн.— Живу мило и респектабельно, и совершенно одна! Есть хочешь, Себастьян?

— А у тебя что-нибудь найдется?

— Омлет с грибами, тосты с анчоусами и черный кофе, если ты смиренно посидишь, пока я приготовлю.

Она положила перед ним пачку сигарет и спички и ушла на кухню. Через четверть часа еда была готова.

— Чем мне нравится приходить к тебе, Джейн, так это тем, что ты не держишь меня за разжиревшего еврея, которого устраивает только мясо в горшочках из «Савойя»¹.

Джейн молча улыбнулась, потом сказала:

— Себастьян, мне понравилась твоя девушка.

— Джо?

— Да, Джо.

Себастьян хмуро спросил:

— И что же ты о ней думаешь?

Джейн опять ответила не сразу.

— Такая молодая. Ужасно молодая.

Себастьян ухмыльнулся.

— Если бы она тебя слышала, она бы разозлилась.

— Вероятно... — Она минуту помолчала. Потом сказала: — Ты любишь ее, Себастьян, ведь так?

— Да. Странно, Джейн, не правда ли, как мало значат вещи, которые у тебя есть? Я могу иметь практически все, что захочу, кроме Джо, а только Джо и имеет для меня значение. Я понимаю, что я дурак, но это ничего не

¹ «Савой» — одна из самых дорогих лондонских гостиниц с рестораном в центральной части города.

меняет! Какая разница между Джо и сотней других девушек? Почти никакой, но все равно для меня в целом мире имеет значение только Джо.

— Частично из-за того, что не можешь ее получить.

— Возможно. Но не думаю, что только из-за этого.

— Я тоже так думаю.

— А что ты думаешь о Верноне? — спросил Себастьян.

Джейн сменила позу, отвернувшись от огня.

— Он интересный человек, — медленно сказала она, — отчасти потому, что совершенно лишен честолюбия.

— Ты думаешь, он не честолюбив?

— Нисколько. Он хочет, чтобы все было просто.

— Если так, он ничего не добьется в музыке. Для этого нужна движущая сила.

— Это тебе нужна движущая сила. Но музыка сама будет двигать его вперед!

Себастьян просветлел.

— Знаешь, Джейн, а ведь ты права!

Она только улыбнулась.

— Хотел бы я знать, как быть с той девушкой, с которой Вернон помолвлен.

— Какая она?

— Хорошенькая. Некоторые назовут ее очаровательной, но я — только хорошенькой. Делает то же, что другие, но делает очень мило. На кошечку не похожа. Боюсь, что она тоже любит Вернона.

— Зачем же бояться? Твоего гениального ребенка ничто не собьет с пути и не сможет подавить. Этого не случится. Я более чем уверена, ничего такого не случится.

— Это тебя ничто не собьет с пути, у тебя-то есть эта самая движущая сила.

— Представь, Себастьян, что меня легче было бы, как ты выражаешься, сбить с пути, чем твоего Вернона? Я знаю, чего хочу, и туда иду, а он не знает, чего хочет, или вообще ничего не хочет, но оно само идет к нему... И чем бы оно ни было, ему нужно служить — жертвовать всем, не постояв за ценой.

— Жертвовать — чем же?

— Ах, если бы знать...

Себастьян поднялся.

— Мне надо идти. Спасибо, что накормила.

— Тебе спасибо за Радмогера. Ты настоящий друг, Себастьян. Я думаю, никакой успех тебя не испортит.

— О, успех... — Он протянул ей руку.

Она положила руки ему на плечи и поцеловала.

— Дорогой мой, я желаю тебе получить Джо. А если нет, то я уверена, что ты получишь все остальное!

2

Герр Радмогер не приходил к Джейн почти две недели. Он явился без предупреждения в половине десятого утра, вошел в квартиру не извиняясь и осмотрел стены гостиной.

— Это вы занимались мебелью и обоями?

— Да.

— Вы живете одна?

— Да.

— Но вы не всегда жили одна?

— Нет.

— Это хорошо,— неожиданно сказал Радмогер. Потом, властным тоном приказал: — Подойдите сюда.

Обеими руками он подтащил ее к окну и осмотрел с головы до ног; ущипнул за руку, открыл ей рот и заглянул в горло и под конец своими крупными руками обхватил за талию.

— Вдох — выдох! Вдох — выдох!

Он вынул из кармана портновский метр, замерил объем при вдохе и выдохе, потом свернул его и засунул в карман. Ни он, ни Джейн не видели в этих процедурах ничего курьезного.

— Хорошо,— сказал Радмогер.— Отличная грудная клетка, сильное горло. Вы умны — поскольку не прервали меня. Я могу найти много певиц с голосом лучше вашего — у вас прекрасный голос, но в нем нет чистой, серебряной нити. Если вы вздумаете его форсировать, он пропадет — и что тогда с вами будет, спрашиваю я вас? То, что вы сейчас поете,— абсурд; если бы вы не были такой упрямой, вы вообще не брались бы за эти роли. Но я вас уважаю за то, что вы актриса.

Он помолчал.

— А теперь слушайте меня. Моя музыка прекрасна, и она не испортит ваш голос. Когда Ибсен создал Сольвейг, он создал самый удивительный женский тип, который когда-либо создавался. Моя опера вся держится на Сольвейг, и мне мало иметь хорошую певицу. Все эти Каваросси, Мери Мортнер, Жанна Дорта — все надеются петь Сольвейг. Но я их не возьму. Кто они такие? Самки без

интеллекта с грандиозными вокальными данными. Для моей Сольвейг нужен совершенный инструмент, соединенный с интеллектом. Вы певица молодая и пока не известная. На следующий год вы будете петь в Ковент-Гардене в моем «Пер Гюнте», если мне подойдете. Вот послушайте...

Он сел к пианино и стал играть — ритмичные и монотонные пассажи.

— Это, как вы понимаете, снег — норвежский снег. Вот таким должен быть ваш голос — снег. Белый, как полотно, и сквозь него пробегают узоры. Но узоры в музыке, а не в вашем голосе.

Он продолжал играть — бесконечно монотонно, с бесконечными повторениями, но иногда вдруг как будто что-то очень легкое вплеталось в эту ткань — то, что он называл узорами.

Он остановился.

— Ну как?

— Это будет очень трудно спеть.

— Вот именно. Но у вас отличный слух. Вы хотите петь Сольвейг?

— Естественно. Такой шанс выпадает раз в жизни. Если только я вам подойду.

— Думаю, подойдете.— Он встал, положил руки ей на плечи.— Сколько вам лет?

— Тридцать три.

— Вы были очень несчастны, да?

— Да.

— Сколько у вас было мужчин?

— Один.

— И он не был хорошим человеком?

Джейн ровно ответила:

— Он был очень плохим человеком.

— Понятно. Да, это написано у вас на лице. А теперь послушайте. Все, что вы выстрадали, все, чем наслаждались, вы вложите в мою музыку — без надрыва, без сума-тохи, а с контролируемой, дисциплинированной силой. В вас есть интеллигентность и мужество. Человек, не имеющий мужества, отворачивается от жизни. Вы никогда не отвернетесь. Что бы ни выпало на вашу долю, вы встретите это с поднятой головой и твердым взглядом... Но я надеюсь, дитя мое, что вам не слишком много доведется страдать.

Он повернулся.

— Я пришлю партитуру¹, — бросил он через плечо. —
Учите.

Он вышел и захлопнул за собой дверь.

Джейн присела к столу, невидящими глазами глядя в стену. Пришел ее шанс. Она тихо прошептала: «Боюсь».

3

Всю неделю Вернон обдумывал вопрос, надо или нет ловить Джейн на слове. Он мог бы подъехать в город в конце недели — а вдруг ее не будет дома? Он испытывал неуверенность и смущение. Может, она уже забыла, что приглашала его?

Эти выходные он пропустил. Убедил себя, что она уже забыла о нем. А потом получил письмо от Джо, где та упоминала, что дважды виделась с Джейн. Это решило вопрос. В следующую субботу в шесть часов Вернон позвонил в дверь квартиры Джейн.

Джейн открыла сама. Когда она разглядела, кто перед ней, глаза ее округлились, но она не высказала удивления.

— Заходите, — сказала она. — Я заканчиваю занятие, но вы мне не помешаете.

Он прошел за ней в длинную комнату с видом на реку. Она была пустой — только рояль, диван и два кресла да на стенах бушующий вихрь колокольчиков и желтых нарциссов. Одна стена имела особые обои — ровного темно-зеленого цвета, и на ней висела единственная картина — странноватая группа голых древесных стволов. Чем-то она напомнила Вернону его детские приключения в Лесу.

На табурете у рояля сидел человечек, похожий на белого червя.

Джейн сунула Вернону пачку сигарет и жестким командирским голосом сказала: «Мистер Хилл, начали», — и стала расхаживать по комнате.

Мистер Хилл накинудся на рояль, его пальцы забегали с невероятной скоростью и проворством. Джейн пела, большей частью *sotto voce*², почти неслышно, изредка что-то в полный голос. Раз-другой она оборвала себя яростным, нетерпеливым возгласом, и мистеру Хиллу приходилось возвращаться на несколько тактов назад.

¹ Партитура — совокупная нотная запись всех партий многоголосного музыкального произведения.

² Тихим голосом (*ит.*).

Прекратила она неожиданно, хлопнув в ладоши. Потом прошла к камину, позвонила в колокольчик и впервые обратилась к мистеру Хиллу как к человеческому существу:

— Мистер Хилл, выпьете с нами чаю?

Мистер Хилл извинился и сказал, что никак не может. Несколько раз вильнув всем телом, он бочком выскользнул из комнаты. Горничная внесла черный кофе и горячие гренки.— Джейн, похоже, именно так себе представляла послеобеденный чай.

— Что вы пели?

— «Электру» Рихарда Штрауса¹.

— О! Мне понравилось. Будто дерутся две собаки.

— Штраус был бы польщен. Но я вас поняла. Драчливая музыка.

Она подвинула к нему гренки и сказала:

— Ваша кухня дважды была у меня.

— Я знаю. Она мне написала.

Он чувствовал себя скованно. Так хотел прийти — а теперь не знает, что сказать. Было в Джейн что-то такое, из-за чего он чувствовал себя неуютно. Вдруг он выпалил:

— Скажите честно, вы советуете мне бросить к черту работу и насесть на музыку?

— Как я могу такое сказать? Я же не знаю, чего вы хотите.

— Но вы же говорили это в тот вечер. Что каждый волен делать то, что ему нравится.

— Да. Не всегда, конечно, но почти всегда. Если вы хотите кого-то убить, ничто вас не остановит. Но потом вас повесят.

— Я никого не собираюсь убивать.

— Нет, вы хотите, чтобы у сказки был счастливый конец. Дядя умирает и оставляет вам все деньги, вы женитесь на своей возлюбленной и живете в Эбботс — или как там оно называется — спокойно и счастливо всю жизнь.

Вернон рассердился:

— Я бы не хотел, чтобы вы смеялись надо мной.

Джейн замолчала и совсем другим голосом сказала:

— Я не смеялась. Я пыталась вмешаться в то, что меня совершенно не касается.

¹ Штраус Рихард (1864—1949) — немецкий композитор и дирижер, автор мифологической оперы «Электра» (1908) на сюжет древнегреческого мифа о всепоглощающей жажде мести, которую испытывает Электра к матери — убийце ее отца.

— Что значит пытались вмешаться?

— Пыталась повернуть вас лицом к реальности, забыв, что вы... вы лет на восемь моложе меня? — и что для вас эта пора еще не пришла.

Он вдруг подумал: «Ей можно сказать что угодно — все. Хотя она не всегда будет отвечать так, как мне хочется».

Вслух он произнес:

— Продолжайте, пожалуйста. С моей стороны очень эгоистично говорить все время о себе, но я так беспокоюсь... мне так тревожно. Я хочу знать, что вы имели в виду, когда в тот раз сказали, что из четырех вещей я могу получить что-то одно, а не все сразу.

Джейн сосредоточилась.

— Что я имела в виду? А, вот что. Чтобы получить желаемое, приходится платить или идти на риск, иногда — и то и другое. Например, я люблю определенную музыку. Мой голос годится для совсем другой музыки. У меня хороший концертный голос — но не оперный, разве что для оперетты. Но я пою Вагнера¹ и Штрауса — то, что люблю. Я пока еще не расплачиваюсь за это, но риск огромный. В любую минуту я могу потерять голос. Я это знаю. Я посмотрела фактам в лицо и решила, что игра стоит свеч.

В вашем случае вы перечислили четыре вещи. Во-первых, я полагаю, что за несколько лет работы у дяди вы станете богаты без дополнительных усилий. Но это не слишком интересно. Во-вторых, вы хотите жить в Эбботс-Пьюисентс. Вы можете сделать это завтра же, если женитесь на девушке с деньгами. А что касается девушки, которую вы любите и хотите жениться...

— Да, могу я получить ее завтра же? — со злой иронией спросил Вернон.

— Я бы сказала — да, запросто.

— Как?

— Продав имение. Ведь оно ваше, не так ли?

— Да, но я не могу... Не могу...

Джейн улыбалась, откинувшись в кресле.

— Вам приятнее верить в сказки?

— Должен быть какой-то другой выход.

¹ Вагнер Рихард (1813—1883) — немецкий композитор, теоретик искусства, автор музыкальных драм на сюжеты средневековых сказаний о Нибелунгах.

— Конечно, он есть. Простейший. Пойдите с ней в ближайшую контору и зарегистрируйте брак. Вы оба совершеннолетние.

— Вы не понимаете. На таком пути сотни трудностей. Я не могу предложить Нелл жить в нищете. Она не хочет быть бедной.

— Или не может.

— Как это?

— Просто не может. Есть люди, которые не могут быть бедными, знаете ли.

Вернон встал и прошелся по комнате. Вернувшись, он упал на коврик перед камином возле кресла Джейн и, глядя на нее снизу вверх, спросил:

— А четвертое? Музыка? Вы думаете, я смогу что-нибудь там сделать?

— Не знаю. Одного желания недостаточно. Но если так случится, то она поглотит все остальное, так мне кажется. Все уйдет — Эбботс-Пьюисентс, деньги, девушка. Боже мой, я чувствую, вас ждет нелегкая жизнь! Ух! Аж мурашки по коже. Лучше расскажите мне про оперу, которую вы пишете,— мне Себастьян говорил.

Когда он закончил рассказ, пробило девять. Оба удивленно вскрикнули — и отправились в ближайший ресторанчик. Когда они стали прощаться, к нему вернулась прежняя робость.

— По-моему, вы самый-самый милый человек, какого мне приходилось встречать. Вы разрешите зайти к вам еще раз? Если сегодня я вам не слишком надоел.

— В любое время. До свиданья.

4

Майра написала Джо:

«Дорогая, дорогая Джозефина!

Я так беспокоюсь насчет Вернона и той женщины, к которой он ездит в город, она оперная певица или что-то такое. Гораздо старше его. Просто страшно, как женщины такого сорта могут окрутить мальчика. Я ужасно волнуюсь и не знаю, что делать. Я говорила с дядей Сидни, но он ничем не помог мне, сказал, что парень есть парень. Но я не хочу, чтобы мой мальчик был таким. Как ты думаешь, Джо, может, мне встретиться с этой женщиной и уговорить ее оставить моего мальчика в покое? Я думаю, даже дурная женщина слушает мать. Вернон слишком молод, чтобы

губить свою жизнь: Я не знаю, как быть. В последнее время я совсем потеряла влияние на Вернона.

*С любовью, признательная тебе
тетя Майра».*

Джо показала письмо Себастьяну.

— Она имеет в виду Джейн,— сказал он.— Вот бы посмотреть на их встречу! Честно говоря, Джейн бы позабавилась.

— Ну и глупо! Я желаю Вернону добра, так что лучше бы он влюбился в Джейн, чем в эту глупую куклу.

— Тебе она не нравится?

— Тебе тоже.

— Ну нет, не скажи. Она не слишком интересна, но я вижу, как она привлекательна. В своем роде прелестна.

— Ага, в шоколадно-конфетном роде.

— Меня она не привлекает, потому что, на мой взгляд, в ней нет ничего что бы тронуло меня. Нелл еще не стала настоящей. Может, так и не станет. А кого-то такой вариант привлекает, поскольку открывает массу возможностей.

— Пожалуй, Джейн стоит десятка таких, как Нелл! Чем скорее Вернон избавится от своей телячьей любви к Нелл и влюбится в Джейн, тем лучше.

Себастьян закурил и неторопливо сказал:

— Пожалуй, я с тобой не согласен.

— Почему?

— Это трудно объяснить. Но Джейн — настоящий человек. Любить Джейн — это повседневная работа. Мы с тобой согласились, что Вернон, видимо, гений, так? Не думаю, чтобы гений мог жениться на настоящей женщине. Он хочет жениться на ком-нибудь ничтожном, чья личность не была бы ему помехой. Может, это цинично, но, если он женится на Нелл, так и будет. Она сейчас похожа, как бы это выразить, на «золотую яблоньку в цвету». То же будет, когда он женится. Она останется хорошенькой, покладистой девушкой, он будет ее любить, но она не будет помехой, не встанет между ним и его работой, личности для этого у нее не хватит. А Джейн могла бы. Сама того не желая. В Джейн привлекает не красота, а она сама. Для Вернона она может стать роковой женой.

— Ну а я не согласна! По-моему, Нелл — просто дуручка, мне будет противно, если Вернон женится на ней. Надеюсь, этого не случится.

— Что было бы лучше всего,— сказал Себастьян.

Глава 2

1

Нелл вернулась в Лондон. На следующий день Вернон зашел к ней. Она сразу же заметила перемену в нем: он выглядел измученным и возбужденным. Он коротко сказал:

— Нелл, я собираюсь завязывать с Бирмингемом.

— Что-о?

— погоди, сейчас расскажу.

Он заговорил напористо и возбужденно. Музыка! Он отдастся ей целиком. Рассказал про оперу.

— Слушай, Нелл. Это ты — в башне — принцесса с золотыми волосами, которые сияют на солнце.— Он подошел к пианино и заиграл, попутно объясняя.— Здесь скрипки — а это для арфы... а это круглые бриллиантовые подвески...

То, что он играл, Нелл казалось набором негармоничных обрывков. Про себя она думала, что это ужасно. Может, в исполнении оркестра будет звучать иначе. Но она любит его, и потому все, что он делает, должно быть правильно. Она улыбнулась:

— Чудесно, Вернон.

— Тебе в самом деле понравилось? О, любимая моя, моя прелесть! Ты все понимаешь, ты просто чудо!

Он подошел, упал перед ней и уткнулся лицом ей в колени.

— Я так люблю тебя! Так люблю!

Она погладила его темноволосую голову.

— Расскажи мне, про что это.

— Ты хочешь? Так вот, в башне сидит принцесса с золотыми волосами, и короли и рыцари со всего света съезжаются, чтобы добиться ее руки. Но она так надменна, что ни на кого не смотрит — настоящая сказочная недотрога. И вот появляется один парень, вроде цыгана, оборванный, в зеленой шляпе и с дудочкой. Он играет, поет и говорит, что у него самое большое королевство — весь мир и самые лучшие брильянты — капли росы. Все считают его сумасшедшим и гонят прочь. Но в эту ночь принцесса, лежа в постели, слушает, как он играет на дудочке в саду ее замка.

В этом же городе живет старый еврей-торговец, он приходит к парню и предлагает ему золото для того, чтобы тот

мог завоевать принцессу, но цыган смеется и спрашивает, что же тот попросит взамен? А старик говорит — зеленую шляпу и дудочку; но цыган не желает с ними расставаться.

Каждую ночь он играет в дворцовом саду. Старый скальд во дворце рассказывает сказку о том, как сто лет назад цыганка заколдовала одного принца, превратила в бродягу, и с тех пор его никто не видел. Принцесса слушает и наконец ночью встает и подходит к окну. Цыган предлагает ей бросить все наряды и драгоценности и уйти с ним в одной этой белой рубашке. Но она на всякий случай тайком зашивает жемчужину в подол, выходит к нему, и они идут под луну, и он поет. Но жемчужина в подоле так тяжела, что принцесса не успевает за ним. И цыган уходит, не замечая, что девушка остается, вся в слезах.

— Я плохо рассказываю, но здесь конец первого акта — он уходит в лунном свете, оставляя плачущую принцессу. Всего будет три декорации — замок, рынок и сад у нее под окном.

— Но это, наверное, очень дорого — такие декорации? — поинтересовалась Нелл.

— Не знаю... не думал... о! Как-нибудь устроится.— Прозаические детали раздражали Вернона.

— Второе действие — на рыночной площади. Девушка с черными волосами чинит кукол. Цыган приходит один, спрашивает, что она делает, и девушка отвечает, что чинит детские игрушки, у нее есть волшебная иголка и нитка. Он рассказывает ей, как потерял принцессу, и говорит, что пойдет к старому еврей-торговцу и продаст ему свою зеленую шляпу и дудочку. Она предостерегает, чтобы не делал этого, но он говорит, что должен.

Жаль, я плохо рассказываю. Просто передаю сюжет, а не как я разбил его, потому что сам пока не уверен. У меня есть музыка, а это великое дело: тяжелая музыка пустого дворца, шумная, болтливая музыка рынка, и принцесса — как строчка стиха: «журчащий ручеек в тиши долины», и девушка-кукольница, и деревья шумят так, как они шумели в Лесу в Эбботс-Пьюисентс,— помнишь? Загадочно, чарующе, жутковато... Я думаю, придется некоторые инструменты настроить особым образом... Ну, я не буду вдаваться в технические детали, это тебе не интересно.

На чем я остановился? Ах да, юноша возвращается во дворец, на этот раз это могущественный король, весь сверкает и звенит бриллиантами, принцесса в восторге, они собираются пожениться, и все как будто хорошо. Но принц

бледнеет и слабеет, с каждым днем ему становится все хуже, а когда его спрашивают, что случилось, он отвечает: «Ничего».

— Как ты в детстве, в Эбботс-Пьюисентс,— улыбнулась Нелл.

— Разве я так говорил? Не помню. Так вот, в ночь перед свадьбой он не выдерживает, тайком убегает из дворца, приходит на рыночную площадь, будит старого еврея и говорит, что ему нужна его шляпа и дудочка и что он отдаст все, что брал. Старик со смехом швыряет разорванную пополам шляпу и сломанную дудочку принцу под ноги.

Он подбирает их и с разбитым сердцем бредет, пока не наткнется на кукольную мастерицу, которая сидит, поджав под себя ноги, и чинит кукол. Он рассказывает ей, что произошло, и она велит ему ложиться спать. А когда он наутро просыпается, то видит свою зеленую шляпу и дудочку — они выглядят так, что даже не догадаешься, что их починили.

Он смеется от радости, а она достает из шкафа такую же зеленую шляпу и дудочку, и они вдвоем идут через лес, и как только солнце поднимается над кромкой леса, он смотрит на нее и вспоминает: «Слушай, сто лет назад я бросил свой дворец и трон ради любви к тебе». А она говорит: «Да, но ты побоялся и на всякий случай спрятал слиток золота за подкладку камзола, его сверкание ослепило тебя, и мы потеряли друг друга. Но теперь нам принадлежит весь мир, и мы вечно будем вместе шагать по нему».

Вернон остановился, повернув к Нелл вдохновенное лицо.

— Здесь должен быть чудный, чудный конец! Как бы передать в музыке то, что я вижу и слышу? Они вдвоем в зеленых шляпах и с дудочками, и лес, и восход солнца...— Он мечтал, забыв о Нелл.

Нелл не могла бы выразить словами нахлынувшие чувства. Этот чудной, охваченный восторгом Вернон пугал ее. Она знала мнение Себастьяна,— что настанет день, и Вернон сделает нечто выдающееся, но она читала о том, как живут гении музыки. Она вдруг от всей души пожелала, чтобы у Вернона не было этого дара. Пусть бы все оставалось как прежде — влюбленный в нее мальчишка и одна на двоих мечта.

Жены музыкантов всегда несчастны, она читала об этом. Она не хочет, чтобы Вернон стал великим музыкантом. Она хочет, чтобы он быстренько заработал деньги, и

они стали бы жить в Эбботс-Пьюисентс. Она хочет нормальной, здоровой будничной жизни. Любви — и Вернона.

А эта штука, эта одержимость — опасна, очень опасна.

Но она не может разочаровать Вернона, для этого она слишком его любит. Она сказала, стараясь говорить заинтересованно и сочувственно:

— Необыкновенная, сказочная история! Неужели ты запомнил ее с детских лет?

— Более или менее. Она мне припомнилась утром на берегу реки в Кембридже, как раз перед тем, как я увидел тебя под деревом. Дорогая, ты была так прелестна... Ты всегда будешь прелестна, правда? А то я не вынесу! Боже, что за вздор я болтаю! А потом в тот восхитительный вечер, когда я признался тебе в любви, на меня нахлынула музыка. Я тогда еще не все вспомнил, только про башню. Но мне грандиозно повезло. Я встретил племянницу той сиделки, которая рассказывала мне эту сказку. Она все очень хорошо помнит и помогла мне восстановить ее в памяти. Представляешь, какие бывают совпадения?

— Кто она, эта женщина?

— Знаешь, она замечательная личность. Ужасно милая и умная. Она певица. Джейн Хардинг. Она поет Электру, и Брунгильду¹, и Изольду² в «Английской оперной группе»³. Может быть, на будущий год она будет петь в Ковент-Гардене. Я познакомился с ней у Себастьяна. Я хочу, чтобы ты тоже с ней познакомилась. Она тебе ужасно понравится.

— Сколько ей лет? Она молодая?

— Довольно моложавая, лет тридцати. Она производит очень странное впечатление. Вроде бы она тебе даже неприятна, и в то же время она заставляет тебя почувствовать, что ты способен многое сделать. Она очень хорошо отнеслась ко мне.

— Не сомневаюсь.

Почему она так сказала? С чего бы Нелл испытывать

¹ Брунгильда — одна из главных героинь средневековых немецких преданий о Нибелунгах, валькирия, освобожденная от чар Зигфридом. Героиня оперы Рихарда Вагнера «Валькирия».

² Изольда — главный персонаж оперы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда».

³ Имеется в виду известная оперная группа, известная своими постановками камерных опер.

предубеждение против этой женщины, Джейн Хардинг? Вернон озадаченно смотрел на возлюбленную.

— В чем дело, дорогая? Ты так странно это сказала.

— Не знаю.— Она постаралась засмеяться.— Мурашки по коже.

— Забавно, но кто-то недавно сказал то же самое.— Вернон нахмурился.

— Многие так говорят,— засмеялась Нелл.— Я бы очень хотела познакомиться с твоей подругой.

— Она тоже хочет. Я столько ей наговорил о тебе.

— Лучше бы не говорил. Мы же обещали маме, что никто не будет знать.

— Никто и не знает, только Себастьян и Джо.

— Это другое дело, вы знакомы всю жизнь.

— Да, конечно. Извини, я не подумал. Но я не говорил, что мы помолвлены, и не называл твоего имени. Ты не сердись, дорогая?

— Конечно нет.

Она сама слышала, как ненатурально у нее это прозвучало. Почему в жизни все так трудно? Нелл боялась этой музыки. Из-за нее Вернон бросает хорошую работу. Что такое эта его музыка? И что такое Джейн Хардинг? Лучше бы я никогда не встречала Вернона,— с отчаянием думала она.— Лучше бы я не любила его. Хоть бы мне поменьше его любить! Я боюсь... Боюсь...»

2

Победа! Свершилось! Конечно, было нелегко. Дядя Сидни был в ярости, и не без оснований, вынужден был признать Вернон. Мать закатывала сцены — слезы, упреки. Десятки раз Вернон готов был отступить. И все же он устоял.

Все это время он ощущал странное одиночество. Он остался один на один со своим решением. Нелл соглашалась со всем, что он говорил, но он чувствовал, что его поступок огорчает и подрывает ее веру в будущее. Себастьян считал такой шаг преждевременным, хотя этого и не говорил,— он никогда и никому не давал советов. Даже непоколебимая Джо сомневалась. Она понимала, насколько серьезен для Вернона разрыв с Бентами, и не настолько верила в музыкальную будущность Вернона, чтобы приветствовать такой поступок.

Впервые в жизни Вернон набрался смелости решительно кому-либо противостоять. Когда все закончилось и он

поселился в самых дешевых комнатах, какие удалось найти в Лондоне, он чувствовал себя так, словно преодолел неодолимое препятствие. Только после этого он отправился к Джейн Хардинг.

В своем воображении он разыграл беседу с ней.

«Я сделал так, как вы мне сказали».

«Великолепно! Я знала, что у вас хватит мужества».

Он скромнен; она аплодирует. Ее похвалы поддерживают его и поднимают его дух.

На деле вышло все наоборот. С Джейн всегда так. Заранее воображаешь, как пойдет разговор, а получается совсем наоборот.

В данном случае, когда он с примерной скромностью объявил, что уволился, она приняла это как должное и не нашла в его поступке ничего героического. Только сказала:

— Что ж, значит, вы этого действительно хотите, иначе бы так не поступили.

Он разозлился. Почему в присутствии Джейн он всегда чувствует себя так неловко? Не может вести себя естественно. Ему столько хотелось ей сказать — но он не мог, смущался. Потом вдруг без всяких причин, словно облако рассеивалось, он говорил легко и весело все, что приходило в голову.

Почему так получается? С того момента, как он впервые увидел Джейн, он ощущал какую-то тревогу, будто боялся ее. Это его раздражало.

Попытка подружить их с Нелл провалилась. Вернон видел, что за внешней вежливостью и сердечностью нет решительно никаких чувств.

Он спросил Нелл, что она думает о Джейн, и услышал:

— Она мне очень понравилась. По-моему, она очень интересный человек.

Спрашивать Джейн ему было неловко, но та сама пришла ему на помощь:

— Вы хотите знать, что я думаю о Нелл? Она прелестна и очень славная.

— И вы думаете, вы могли бы подружиться?

— Нет, конечно. Зачем?

— Да, но... — Он смешался.

— Дружба — это не равнобедренный треугольник. Если А любит В и А любит С, то В и С — и т. д. У нас нет ничего общего — у меня с вашей Нелл. Она тоже считает, что жизнь должна быть сказкой, и как раз сейчас начинает понимать, что это не обязательно. Бедное дитя. Как Спящая Красави-

ца, которая проснулась в лесу. Любовь для нее — это нечто прекрасное и удивительное.

— А для вас разве нет?

Он должен был спросить. Он жадно ждал ответа. Как часто он гадал о тех ее пяти годах с Борисом Андровым!

Она посмотрела на него; в лице ее погасло всякое выражение.

— Как-нибудь я вам расскажу.

Он хотел сказать: «Расскажите сейчас», — но вместо этого спросил:

— Скажите, Джейн, а для вас — что такое жизнь?

Она помолчала. Потом ответила:

— Трудное, опасное, но бесконечно увлекательное приключение.

3

Наконец-то он может работать. Он стал постигать радость свободы. Ничто не действует на нервы, ничто не отбирает энергию — все вливается в один поток, в любимую работу. Кое-что отвлекало — в настоящий момент он едва сводил концы с концами. Эбботс-Пьюисентс все еще не был сдан в аренду...

Прошла осень и большая часть зимы. С Нелл он виделся один-два раза в неделю, и встречи не приносили удовлетворения. Оба сознавали, что первые восторги погасли. Она допытывалась — как продвигается опера? Когда он закончит? Каковы шансы ее поставить?

Практическую сторону дела Вернон представлял себе смутно, сейчас его занимало только творчество. Опера рождалась медленно, с бесчисленными трудностями, с отступлениями, вызванными недостатком опыта и техники. Говорил Вернон в основном о возможностях или недостатках инструментов. Он общался с некоторыми оркестрантами. Нелл часто ходила на концерты, она любила музыку, но едва ли могла отличить гобой от кларнета и считала, что горн и английский рожок — одно и то же. Ее приводил в ужас объем знаний, необходимый для написания партитуры, и тревожило безразличие Вернона к продвижению оперы на сцену. Он вряд ли сознавал, как угнетают Нелл его неопределенные ответы. Однажды она чуть не напугала Вернона, когда сказала — даже не сказала, а взвыла:

— Вернон, не мучай меня! Это так тяжело, так тяжело! У меня должна быть какая-то надежда, как ты не понимаешь?

Он с удивлением посмотрел на нее.

— Но, Нелл, все идет хорошо. Надо только набраться терпения.

— Я знаю, Вернон. Мне не следовало говорить, но видишь ли...

Она замолчала.

— Дорогая, мне будет еще труднее, если я буду чувствовать, что ты несчастна.

— О, это не так... Я не буду...

Но в глубине души снова подняла голову бывшая обида. Вернон не понимает, как для нее все сложно. Никогда не понимал. Ее затруднения он назвал бы глупыми и примитивными. В каком-то смысле это верно, но, с другой стороны, ведь из них состоит ее жизнь! Вернон не видит, не понимает, что она живет в постоянной борьбе, она никогда не может расслабиться. Если бы он это понял, сказал бы хоть слово ободрения, проявил понимание ее трудного положения! Но он ничего не видит.

Нелл охватило тоскливое чувство одиночества. Таковы мужчины — не понимают, не заботятся. Им кажется, раз любовь — значит, все проблемы решены. Ничто не решено. Она почти ненавидела Вернона. Он эгоистично погружен в свою работу и не хочет, чтобы она чувствовала себя несчастной — потому что это его огорчает...

Она подумала: «Только женщина меня поймет».

И, движимая каким-то неясным чувством, отправилась к Джейн Хардинг.

Джейн была дома. Если она удивилась, увидав Нелл, то ничем этого не показала. Они немного поговорили о пустяках; Нелл видела, что Джейн смотрит на нее и ждет, жалея свое время.

Почему она пришла? Она сама не знала. Она боялась Джейн и не доверяла ей — может, именно поэтому. Джейн ее враг. Но она боялась, что враг мудрее ее. Нелл признавала, что Джейн умная женщина — возможно, дурная — даже скорее всего, — но все же у нее есть чему поучиться.

Она начала довольно грубо, напролом. Как Джейн считает, будет ли музыка Вернона иметь успех — быстрый успех? Она тщетно старалась сдержать дрожь в голосе.

Она ощущала на себе взгляд холодных зеленых глаз Джейн.

— Трудно приходится?

— Да...

Из нее так и посыпалось: необходимость изворачиваться, молчаливое, но сильное давление матери, слегка завуалированное упоминание, что есть Некто, имя не называлось, который все понимает, он добрый, и он богатый.

Как легко говорить это женщине, даже Джейн, которая ничего не знает. Женщины понимают — они не фыркают и не говорят, что все это не важно.

Когда она кончила, Джейн сказала:

— Да, вам нелегко. Когда вы впервые встретили Вернона, вы понятия не имели обо всех этих делах насчет музыки, так ведь?

— Так. — Нелл начал раздражать ее тон. — О! Вы, конечно, считаете, что все должно быть подчинено его музыке, что он гений, что я должна с радостью отдать себя в жертву.

— Нет, ничего подобного я не думаю. Я не знаю, что такое гений или творчество. Просто некоторые рождаются с чувством, что они значат больше других. Невозможно сказать, кто прав. Для вас лучше всего было бы уговорить Вернона бросить музыку, продать имение и жить с вами на проценты. Но я знаю, что у вас нет ни малейшего шанса заставить Вернона бросить музыку. Гений, а может искусство, назовите как хотите, сильнее вас. Вы будете как король Канут¹ на берегу моря. Вы не можете отвернуть Вернона от музыки.

— Что же мне делать? — беспомощно сказала Нелл.

— Ну, вы можете выйти замуж за того, другого мужчину, о котором говорили, и быть с ним разумно счастливы, или же вы можете выйти за Вернона и быть несчастной с отдельными периодами блаженства.

— А вы бы что выбрали? — прошептала Нелл.

— О, я бы вышла за Вернона и была несчастна, но которым нравится получать удовольствие с горем пополам.

Нелл встала. В дверях она обернулась — Джейн не пошевелилась. Она полулежала, откинувшись к стене, и ку-

¹ Король Канут (Кнут Великий) (995—1035) — король Англии, Норвегии и Дании, с именем которого связана легенда, рассказанная Чарльзом Диккенсом в книге «История Англии для детей». Устав от лстивых речей придворных, превозносивших всемогущество короля, Кнут приказал поставить трон на берегу моря и, обращаясь к прибою, повелел ему откатиться назад. Однако волны его, естественно, не послушались, продемонстрировав придворным ничтожество власти земного владыки по сравнению с властью Творца, повелевающего миром

рила, полузакрыв глаза. Она была похожа одновременно на кошку и на китайского идола. Нелл охватила волна ярости.

— Я вас ненавижу! — вскричала она. — Вы отняли у меня Вернона! Да, вы! Вы плохая.. вы — злая! Я знаю, я чувствую. Вы дурная женщина.

— Ревнуете, — спокойно сказала Джейн.

— Значит, признаете, что есть за что? Это не Вернон вас любит — он не любит и никогда не будет вас любить. Это вы хотите захватить его.

Наступила напряженная тишина. Потом Джейн, не меняя позы, засмеялась. Нелл выбежала прочь из ее квартиры, не сознавая, что делает.

4

Себастьян часто бывал у Джейн. Обычно он заходил после обеда, предварительно позвонив. Оба находили странное удовольствие в обществе друг друга. Джейн поверяла Себастьяну, как она сражается с ролью Сольвейг: трудная музыка, трудно угодить Радмогеру, еще труднее — себе. Себастьян делился с Джейн своими честолюбивыми мечтами, ближайшими планами, смутными идеалами будущего.

Как-то вечером, когда они, наговорившись, замолчали, он сказал:

— Легче всего мне бывает разговаривать с тобой, почему — не знаю.

— Ну, в некотором роде мы с тобой одной породы, верно?

— Разве?

— Я так думаю. Не внешне, а по существу. Оба любим правду. Оба принимаем вещи такими, как они есть.

— А другие нет?

— Конечно нет. Нелл Верикер, например. Она все видит так, как ей показали, или так, как хочет видеть.

— Раба условностей?

— Да, но есть и другая крайность. Джо, например, гордится тем, что не считается с условностями, а это приводит к узости и предубежденности.

— Да, ей лишь бы быть «против» — не важно, против чего именно. Она такая. Ей нужен бунт. Она никогда не пытается как следует разобраться и оценить по достоинству предмет, против которого бунтует. Вот почему мое дело безнадежно. Я преуспеваю, а она обожает неудачников. Я богат — значит, от брака она ничего не потеряет, а выиграет. Даже то, что я еврей, в наше время не так уж плохо.

— Даже модно,— засмеялась Джейн.
— И все равно, Джейн, у меня такое чувство, что я ей нравлюсь.

— Вполне возможно. У нее неподходящий для тебя возраст, Себастьян. На твоей вечеринке тот швед сказал удивительно верно, что разделенность во времени страшнее разделенности в пространстве. Если кого-то не устраивает твой возраст, это безнадежно. Может быть, вы созданы друг для друга, но родились в разное время. Звучит нелепо? Если бы ей было тридцать пять, она бы тебя любила до безумия — такого, как ты есть. Любить тебя суждено женщинам, а не девочкам.

Себастьян смотрел на камин. Был холодный февральский день, и на углях были сложены дрова — Джейн не признавала газовые камины.

— Джейн, ты не задумывалась, почему мы с тобой так и не влюбились друг в друга? Платоническая дружба — большая редкость. Ты очень привлекательна. В тебе есть нечто от сирены¹ — оно проявляется бессознательно, но оно есть.

— В нормальных условиях могли бы.

— А разве мы не в нормальных условиях? О, минутку! Я понял. Ты хочешь сказать, что эта роль уже занята.

— Да. Если бы ты не любил Джо...

— И если бы ты... — Он замер.

— Ну? — сказала Джейн. — Ты знаешь, не так ли?

— Да, пожалуй. Хочешь об этом поговорить?

— Ни в малейшей степени. Какой смысл?

— Джейн, ты согласна с теми, кто считает, что, если чего-то сильно захотеть, оно придет?

Джейн призадумалась.

— Нет, вряд ли. Случается столько всего, ждешь ты его или не ждешь. Если тебе что-то предлагают, хочешь не хочешь, приходится решать, брать или не брать. Это судьба. Ну, а приняв решение, иди и не оглядывайся.

— Чую дух греческой трагедии. Электра у тебя в крови. — Он взял со стола книгу. — «Пер Гюнт»? Вижу, ты врастаешь в Сольвейг.

— Да, опера скорее про нее, чем про Пера. Знаешь, Сольвейг — девушка удивительного обаяния: такая бесстрастная, такая спокойная — и в то же время убеждена, что ее

¹ Сирена — в античной мифологии одна из морских нимф, своим чарующим пением завлекавшая моряков в опасные места, где они гибли.

любовь к Перу — единственное, что есть в небесах и на земле. Она знает, что нужна ему, хотя он ей этого никогда не говорил. Она отвергнута и покинута, но ухитрится его дезертирство сделать решающим доказательством его любви. Музыка Радмогера потрясающая. «Благословен будь тот, кто сделал мою жизнь благословенной!» Показать, что любовь мужчины может превратить женщину в такую бесстрастную монашку — трудно, но прекрасно.

— Радмогер тобой доволен?

— Временами. Вчера он послал меня к черту и тряс так, что зубы стучали. Он был прав, я пела неверно, мелодраматично. Сольвейг должна быть мягкой, нежной и ужасно сильной, как Радмогер и говорил в первый день. Снег, ровный снег, с пробегающими по нему чистыми узорами.

Она перевела разговор на оперу Вернона.

— Она уже закончена. Я хочу, чтобы он показал ее Радмогеру.

— А он?

— Думаю, хочет. Ты ее видел?

— Только в отрывках.

— Что ты о ней думаешь?

— Сначала ты, Джейн. В том, что касается музыки, ты разбираешься не хуже моего.

— Опера довольно сырая. Перегружена. Он пока не научился управляться с материалом, но материала — прорва. Ты согласен?

Себастьян кивнул.

— Полностью. Я больше прежнего уверен, что Вернон сделает революцию в музыке. Но сейчас скверные времена. Ему придется столкнуться с тем фактом, что все им написанное — это, как говорится, не коммерческое предприятие.

— Ты хочешь сказать, ее никто не захочет ставить?

— Вот именно.

— Ты мог бы поставить.

— По дружбе, хочешь сказать?

— Вот именно.

Себастьян встал и стал рассказывать по комнате.

— На мой взгляд, это неэтично, — сказал он наконец.

— А кроме того, ты не хочешь терять деньги.

— Правильно.

— Но ведь ты можешь позволить себе лишиться какой-то суммы так, что этого и не заметишь?

— Я всегда замечаю потерю денег. Это... задевает мою гордость, что ли.

Джейн кивнула.

— Понятно. Но, Себастьян, я не думаю, что тебе придется терять

— Моя дорогая Джейн...

— Не спорь со мной, пока не знаешь, о чем спор. Ты поставишь нечто такое, что называется «для высоколобых», в маленьком театре Холборна, понимаешь? Этим летом, скажем, в начале июля, в течение, ну, двух недель будет идти «Принцесса в башне». Ставь ее не как оперу, а как музыкальный спектакль — только Вернону этого не говори; ну, ты же не дурак, не скажешь. Диковинные декорации, таинственные световые эффекты — я знаю, ты помешан на свете. Имей на прицеле русский балет, он должен задавать тон. Певцы не только хорошие, но и красивые. А теперь, отбросив скромность, скажу вот что: я создам тебе успех.

— Ты — в роли принцессы?

— Нет, дитя мое, в роли кукольной мастерицы. Персонаж роковой, фатальный, он захватывает и привлекает. Партия кукольницы — лучшая в музыке Вернона. Себастьян, ты же всегда говорил, что я актриса. В этом сезоне меня собираются взять в Ковент-Гарден, потому что я умею играть. Я произведу фурор. Я знаю, что умею играть, и со мной эта опера наберет много очков. Я могу. . я могу править людьми, заставлять их чувствовать. Вернонову оперу надо подправить с точки зрения драматургии. Предоставь это мне. В отношении музыки предложения подаете вы с Радмогером — если Вернон их примет. С музыкантами чертовски трудно поладить. Мы с тобой это знаем. Но это можно сделать, Себастьян.

Она подалась к нему с оживленным, разгоревшимся лицом. Лицо Себастьяна стало еще более бесстрастным, как всегда бывало, когда он напряженно думал. Он оценивающе посмотрел на Джейн, стараясь отвлечься от личного отношения к ней. Он верил в ее внутреннюю силу, магнетизм, в умение создавать эмоциональное поле в лучах рамп.

— Я обдумую твою идею. В ней что-то есть.

Джейн вдруг засмеялась.

— Я обойдусь тебе очень дешево, Себастьян,— сказала она.

— Надеюсь,— мрачным голосом сказал он.— Надо же как-то умиротворить мои еврейские инстинкты. Ты меня опутала — не думай, что я этого не понимаю!

Глава 3

1

«Принцесса в башне» была закончена. У Вернона наступила мучительная реакция: вещь казалась ему безнадежно скверной. Лучше выбросить ее в огонь.

В это время ласка и ободрение Нелл были для него манной небесной. Она инстинктивно чувствовала, какие слова нужно говорить.

В течение зимы он редко виделся с Джейн. Какое-то время она была на гастролях с Английской оперной группой. Когда она выступала в Бирмингеме в «Электре», он пошел посмотреть и был потрясен и музыкой, и исполнением Джейн. Безжалостная воля, решительное: «Молчи и продолжай плясать!» Он сознавал, что голос ее слабоват для этой партии, но почему-то это казалось не важным. Она была сама Электра — фанатичный, свирепый дух безжалостной судьбы.

Несколько дней он прожил у матери, и это оказалось непросто. Он навестил дядю Сидни — тот принял его холодно. Энид была помолвлена с нотариусом, и это дядюшке не очень нравилось.

На Пасху Нелл с матерью уезжали. Только они вернулись, Вернон позвонил и сказал, что должен немедленно с ней увидеться. Он пришел бледный, с горящими глазами.

— Нелл, что я слышу?! Говорят, ты собираешься замуж за Джорджа Четвинда?

— Кто это сказал?

— Все. Говорят, ты с ним всюду появляешься.

Нелл смотрела испуганно и жалобно.

— Жаль, что ты этому поверил. Вернон, не смотри так... обличительно. Он действительно делал мне предложение, даже два раза.

— Этот старикан?

— О! Вернон, не смейся меня. Ему сорок два года.

— Вдвое старше тебя. Я думал, что он нацелился жениться на твоей матери.

Нелл невольно рассмеялась.

— О, дорогой! Хорошо бы. Мама все еще ужасно красива.

— Но я так и думал тогда, в Рейнло. И не предполагал, и помыслить не мог, что он добивался тебя! Неужели это уже тогда началось?

— О да. Потому мама так и рассердилась, когда мы с тобой ушли вдвоем.

— Я и подумать не мог! Могла бы мне сказать.

— Сказать что? Тогда нечего было рассказывать.

— Конечно, конечно. Какой я дурак. Но я знаю, что он ужасно богат. О, Нелл, дорогая, как это чудовищно, что я усомнился в тебе хоть на миг! Как будто тебя хоть когда-нибудь интересовало богатство.

Нелл раздраженно сказала:

— Богатство, богатство. Больше ты ничего не видишь. А он еще и очень добрый и милый человек.

— О, не сомневаюсь.

— Да, так оно и есть!

— Дорогая, он очень мил, пока хочет привлечь тебя, но станет бесчувственным и жестоким, после того как ты дважды отказала ему.

Нелл не ответила. Она смотрела на него как-то непонятно — в ее глазах была и жалоба, и вопрос, и вызов; она смотрела как будто издалека, из другого мира.

Он почувствовал себя виноватым.

— Мне стыдно за себя, Нелл. Но ты так прелестна, каждый захочет такую жену!

Ее прорвало — она разрыдалась. Он вытирает глаза. Сквозь плач она твердила:

— Я не знаю, как мне быть. Я не знаю, как мне быть. Если бы можно было с тобой поговорить.

— Но ты можешь поговорить, дорогая. Я слушаю.

— Нет, нет, нет. С тобой невозможно говорить. Ты не понимаешь. Все впустую.

Она плакала. Он целовал ее, гладил, изливал всю свою любовь...

Когда он ушел, в комнату вошла мать с письмом в руке. Она сделала вид, что не замечает заплаканного лица Нелл.

— Джордж Четвинд отплывает в Америку тринадцатого мая, — сказала она.

— Мне все равно, когда он отплывает, — с вызовом сказала Нелл.

Миссис Верикер не ответила.

В эту ночь Нелл дольше обычного стояла на коленях возле своей узкой белой кровати.

— Господи, помоги мне выйти замуж за Вернона. Я так этого хочу. Я так его люблю. Пожалуйста, сделай так, чтобы мы поженились. Пусть что-нибудь произойдет... Пожалуйста, Господи...

В конце апреля Эбботс-Пьюисентс наконец был сдан в аренду. Вернон пришел к Нелл в некотором возбуждении.

— Нелл, теперь ты выйдешь за меня замуж? Это можно быстро устроить. Цена предложена очень низкая, но я вынужден ее принять. Надо платить налог на недвижимость. Мне все время приходилось занимать, а теперь надо возвращать долги. Год-два нам придется туго, а потом станет не так уж плохо.

Он разговорился, пустился в финансовые детали:

— Нелл, я все продумал. Правда. Нам с тобой хватит крошечной квартирki и одной служанки, и еще немного останется побаловаться. О Нелл! Ты же согласна жить со мной в бедности? Как-то ты сказала, что я не знаю, что такое быть бедным, но теперь ты так не можешь сказать. После переезда в Лондон я жил на ничтожную сумму и ничуть об этом не жалел.

Да, Нелл знала. Это было ей в некотором роде упреком. И все же она чувствовала, что это не одно и то же. Для женщины все иначе. Быть веселой, красивой, вызывать восхищение — все это мужчинам не понять. У них нет этой вечной проблемы нарядов — никто их не осудит, если они ходят обтрепанные. Но как объяснить это Вернону? Невозможно. Джордж Четвинд — другое дело. Он понимает.

— Нелл!

Он обнимал ее одной рукой, и она сидела, не зная, на что решиться. Перед глазами встала Амелия... душный маленький домик, орущие дети... Джордж Четвинд со своей машиной... тесная квартирка, грязная неумеха-служанка... танцы... наряды... долги портнихам... рента за лондонский дом не плачена... а вот она сама в Аскоте¹, смеется, болтает, на ней чудесное платье... и вдруг снова вспомнилось: Рейнло, они с Верноном стоят на мосту над водой...

Почти тем же голосом, что и тогда, она сказала:

— Я не знаю. О Вернон, я не знаю.

— О! Нелл, дорогая, соглашайся!

Она высвободилась и встала.

— Пожалуйста, Вернон,— я должна подумать. Я не могу, когда ты со мной.

В этот вечер она написала ему письмо.

¹ Аскот — ипподром близ Виндзора, место проведения ежегодных скачек, куда собирается вся английская знать.

Дорогой, дорогой Вернон!

Давай подождем еще шесть месяцев. Я не хочу сейчас выходить замуж. За это время что-то произойдет с твоей оперой. Ты думаешь, я боюсь быть бедной, но это не совсем так. Вернон, я видела людей, которые любили друг друга, а теперь не любят, из-за семейных драг и нужды. Если мы подождем и потерпим, все будет хорошо. О Вернон, я знаю, так и будет; все будет чудесно. Надо только подождать и потерпеть.

Вернон разозлился. Он не показал Джейн письмо, но разразился речью, из которой все стало ясно. Она в своей обескураживающей манере сказала:

— Ты считаешь, что ты сам по себе достаточный приз для девушки?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты думаешь, что девушка, которая танцевала, ходила в гости, развлекалась, была в центре внимания, с восторгом залезет в убогую дыру и откажется от всех развлечений?

— У нее буду я. А у меня — она.

— Ты не сможешь двадцать четыре часа заниматься с ней любовью. Когда ты будешь работать, что делать ей?

— Думаешь, женщина не может быть бедной и счастливой?

— Может — при наличии необходимых качеств.

— Каких? Любовь и доверие?

— Нет же, маленький дурачок. Чувство юмора, толстая кожа и ценнейшее качество — самодостаточность. Ты будешь упираться, твердить, что с милым рай в шалаше, что все зависит от силы любви. Нет, это в гораздо большей степени проблема умонастроения. Тебе везде будет хорошо — в Букингемском дворце¹ и в пустыне Сахара, потому что у тебя есть занятие для ума — музыка. Но Нелл зависит от внешних обстоятельств. Став твоей женой, она будет отрезана от всех своих друзей.

— Почему это?

— Потому что труднее всего на свете оставаться друзьями людям с разными доходами. У них разные потребности, разные интересы.

— Ты всегда тычешь меня носом,— жестко сказал Вернон.— Во всяком случае, стараешься.

¹ Букингемский дворец — главная королевская резиденция в Лондоне, построенная в 1703 году

— Да, меня раздражает, что ты залезаешь на пьедестал и стоишь, восхищаясь собой,— холодно сказала Джейн.— Ты ждешь, чтобы Нелл пожертвовала ради тебя друзьями и жизнью, а сам не жертвуешь ничем.

— Чем пожертвовать, скажи? Я все сделаю.

— Только не продашь Эбботс-Пьюисентс.

— Ты не понимаешь.

Джейн посмотрела на него с нежностью.

— Понимаю. Очень хорошо понимаю, дорогой. Не будь благородным. Меня всегда раздражают благородные. Лучше поговорим о «Принцессе в башне». Я хочу, чтобы ты показал ее Радмогеру.

— О, она омерзительна. Я даже не представлял себе, как она омерзительна, пока не закончил.

— Ничего подобного. Покажи ее Радмогеру. Интересно же, что он скажет.

Вернон нехотя ответил:

— Скажет, что это ужасное нахальство.

— Нет же! Он высоко ценит мнение Себастьяна, а Себастьян всегда верил в тебя. Радмогер говорит: для такого молодого человека Себастьян судит изумительно верно.

— Добрый старина Себастьян! — В голосе Вернона послышалась теплота.— Почти все, за что он берется, приносит успех. Деньги так и сыплются. Боже, как я ему временами завидую!

— Не завидуй. Его не назовешь счастливым.

— Ты про Джо? О, у них все утрясется.

— Вряд ли. Вернон, ты часто видишься с Джо?

— Очень часто. Но реже, чем раньше. Я не выношу артистическую братию, с которой она связалась,— лохматые, немытые, несут околесицу. Полная противоположность тем, кто окружает тебя,— твои люди делают что-то стоящее.

— Да уж, мы, как выражается Себастьян, коммерческое предприятие! Но Джо меня тревожит. Как бы она не выкинула какую-нибудь штуку.

— Ты имеешь в виду этого проходимца Ламарра?

— Да, я имею в виду этого проходимца Ламарра. Он ведь дока насчет женщин — сам знаешь, Вернон.

— Думаешь, она убежит с ним? Да, в некоторых отношениях Джо — полная дура.— Он с любопытством посмотрел на Джейн.— Но я думал, что ты...— Он покраснел.

Джейн слегка усмехнулась.

— Не стоит опасаться за мою нравственность.

— Я нет. Я всегда хотел узнать...— Он совсем смелся.

Наступило молчание. Джейн сидела выпрямившись и не смотрела на Вернона. Потом заговорила очень спокойным голосом, без эмоций, как будто вспоминала о ком-то другом. Это было холодное, четкое изложение ужаса, и страшнее всего Вернону казалось ее спокойствие. Так мог бы говорить ученый — ровным, равнодушным голосом.

Он закрыл лицо руками.

Джейн довела свое повествование до конца. Спокойный голос затих.

Голос Вернона дрожал:

— И ты все это вынесла? Я не знал, что такое бывает.

— Он был русский. И ненормальный. Англосаксу трудно понять столь утонченную жестокость. Грубость понятнее.

Чувствуя, как неловко, по-детски это прозвучит, Вернон все же спросил:

— Ты его очень любила?

Она медленно покачала головой, хотела ответить — и запнулась:

— К чему ворошить прошлое? Он создал несколько прекрасных вещей. В Южном Кенсингтоне¹ есть его работа. Жутковатая, но добротная.— И она перевела разговор на «Принцессу в башне».

Через день Вернон отправился в Кенсингтон. Он без труда нашел место, где была выставлена одинокая скульптура Бориса Андрова «Утопленница». Лицо ужасное, распухшее, разложившееся, но тело — прекрасное... любимое тело. Что-то подсказало Вернону, что это тело Джейн.

Он смотрел на обнаженную бронзовую фигуру с раскинутыми руками и длинными гладкими волосами, печально откинутыми.

Какое прекрасное тело... Андров лепил его с Джейн.

Впервые за долгие годы нахлынуло воспоминание о Чудовище. Ему стало страшно. Он быстро отвернулся от прекрасной бронзовой скульптуры и почти бегом покинул здание.

3

Давали первое представление новой оперы Радмахера «Пер Гюнт». Вернон шел его смотреть, имея приглашение Радмогера на ужин после спектакля. Обедать он должен был у Нелл. В оперу она не пойдет.

¹ Кенсингтон — фешенебельный район, юго-западная часть центра Лондона.

К удивлению Нелл, Вернон не пришел. Его подождали и начали без него. Он появился, когда подали десерт.

— Я очень извиняюсь, миссис Верикер. Сказать не могу, как сожалею. Произошло нечто неожиданное. Я потом расскажу.

Он был бледен и так явно расстроен, что раздражение миссис Верикер быстро улеглось. Она была тактичной светской дамой и повела себя с обычным благоразумием.

— Ну что ж, раз уж вы здесь, поболтайте с Нелл. До начала оперы у вас осталось мало времени.— И она вышла.

Нелл вопросительно посмотрела на Вернона. Он ответил:

— Джо уехала с Ламарром.

— О Вернон, не может быть!

— Однако это так.

— Ты хочешь сказать, она сбежала? Они сбежали, чтобы пожениться?

Вернон хмуро сказал:

— Он не может жениться. У него уже есть жена.

— Какой ужас! Вернон, как она могла?!

— У Джо всегда были мозги набекрень. Она еще об этом похалест. Я не верю, что она его так уж любит.

— А как же Себастьян? Он, наверное, ужасно расстроен.

— Да, бедняга. Я сейчас от него. Он совсем убит. Я и не представлял себе, как он любит Джо.

— Да, я знаю.

— Понимаешь, мы всегда были втроем — Джо, Себастьян и я. Мы принадлежали друг другу.

Нелл почувствовала укол ревности. Вернон повторил:

— Мы всегда были втроем. О, в чем-то и я виноват. Позволил себе отдалиться от Джо. Милая старушка Джо всегда была такой преданной — лучше сестры. Больно вспоминать, как в детстве она твердила, что никогда не свяжется с мужчинами. А теперь вляпалась в такую грязную историю.

Потрясенная Нелл сказала:

— Женат, вот что самое ужасное. А дети у него есть?

— Откуда мне знать про его чертовых детей?!

— Вернон, не злись.

— Извини. Я ужасно расстроен.

— Как же она могла так поступить? — сказала Нелл. Она всегда ощущала невысказанное презрение, которое питала к ней Джо. Теперь она почувствовала некое превосходство.— Сбежать с женатым мужчиной! Ужасно!

— По крайней мере, у нее хватило мужества,— возразил Вернон.

В нем вспыхнуло страстное желание защитить Джо — ту Джо из Эбботс-Пьюисентс и их прежней жизни.

— Мужество? — растерялась Нелл.

— Ну да, мужество! Она не стала рассчитывать и рассуждать. Она отбросила все на свете ради любви. Это больше, чем делают некоторые другие.

— Вернон! — Она порывисто встала.

— Да, это правда! — Тлевшее в нем чувство обиды вспыхнуло огнем.— Ты не соглашаешься на малейший дискомфорт ради меня. Ты все время говоришь «подождем», «будем осмотрительны». Ты не способна все швырнуть на ветер ради любви.

— О Вернон, как это жестоко!.. как жестоко!

Он увидел, что глаза ее наполнились слезами, и тут же сдался.

— О Нелл, я не хотел... Я не хотел, голубушка.— Он обнял ее, и ее рыдания затихли. Он взглянул на часы.— Черт! Мне надо идти. До свиданья, Нелл. Ты любишь меня?

— Да, конечно — конечно, люблю.

Он поцеловал ее и убежал. А она села за неубранный стол и глубоко задумалась.

4

Он пришел в Ковент-Гарден с опозданием, «Пер Гюнт» уже начался. Шла сцена свадьбы Ингрид. Вернон вошел как раз в тот момент, когда Пер впервые встречается с Сольвейг. Интересно, волновалась ли Джейн? Русые косы и манеры невинной девушки делали ее совсем юной — не старше девятнадцати лет. Действие кончалось тем, что Пер похищает Ингрид.

Вернон поймал себя на том, что его интересует не столько музыка, сколько Джейн. Этот день был для нее тяжелым испытанием. Вернон знал, как она боится не оправдать надежды Радмогера.

Он видел, что все идет хорошо. Джейн была превосходной Сольвейг. Чистый голос — Радмогер назвал его «хрустальной ниточкой» — звучал безупречно, а игра ее была воспитательна. Стоическая Сольвейг доминировала в опере.

Впервые Вернона заинтересовала история слабого, побитого штормами Пера — труса, бежавшего от реальности при любой возможности. Музыка, рисующая конфликт

Пера с Великой Кривой, взволновала Вернона, напомнив ему детский страх перед Чудовищем. Невидимым образом чистый голос Сольвейг избавил его от этого страха. Сцена в лесу, когда Сольвейг приходит к Перу, была прекрасна; в конце ее Пер просит Сольвейг подождать, пока он сходит за своей поклажей. Она отвечает: «Если это так тяжело, то лучше нести вдвоем». Пер уходит, найдя уловку: «Взвалить на нее свои печали? Нет. Ступай, Пер, ступай».

Музыка была прекрасна, но очень уж в духе Радмогера, отметил Вернон. Она готовила к очень эффектной сцене финала: утомленный Пер спит, положив голову на колени Сольвейг, у нее серебряные волосы и голубой плащ Мадонны и силуэт ее головы на фоне восходящего солнца.

Дуэт был потрясающий: Пуговичник — знаменитый русский бас Караванов, и Джейн, ее серебряный голос тянул тонкую нить, все выше и выше, к немыслимой высоте и чистоте. И вот восходит солнце...

Вернон, по-мальчишески гордый, пошел за кулисы. Опера имела потрясающий успех. Хлопали восторженно и долго. Он застал Радмогера, когда тот страстно целовал Джейн руки.

— Вы ангел, вы грандиозны. Да, да! Вы настоящая актриса! Ах! — Он разразился тирадой на родном языке. — Я вас награжу. Я знаю как. Уговорю длинного Себастьяна. Вместе мы...

— Чш-ш,— сказала Джейн.

Вернон неловко шагнул вперед и смущаясь сказал:

— Это было великолепно.

Он сжал Джейн руку, и она ответила короткой улыбкой.

— Где Себастьян? Разве он не здесь?

Себастьяна нигде не было видно. Вернон вызвался найти его и привести на ужин. Он намекнул, что, кажется, знает, где его искать. Джейн еще не слышала новость про Джо, и он не видел возможности сообщить ей это.

На такси он подъехал к дому Себастьяна, но его там не было. Вернон подумал — может, он все еще у него в комнате, и поехал к себе.

Он испытывал праздничный подъем. Сейчас даже неприятность с Джо не имела значения. Он вдруг почувство-

¹ Великая Кривая — персонаж драмы Ибсена «Пер Гюнт», чудовище, символизирующее ложь и трусость и советующее Перу во всех житейских ситуациях «идти стороной». (Пер А. Ганзен)

вал уверенность, что его собственная работа хороша. С Нелл дела тоже наладятся, так или иначе. Сегодня она прижалась к нему теснее, чем допускала раньше... Да, все в порядке, он уверен.

Он взбежал по лестнице в свою комнату. Там было темно. Себастьяна не было. Он включил свет и увидел записку на столе. Взял ее. Адресована ему, почерк Нелл. Он развернул.

Долго он стоял. Потом осторожно подвинул к столу стул, поставил его очень точно, как будто это было важно, и сел, держа записку в руке. Он прочел ее в десятый раз.

«Дорогой Вернон, прости меня — прости, пожалуйста. Я выхожу замуж за Джорджа Четвинда. Я не люблю его так, как тебя, но с ним мне будет спокойно и надежно. Еще раз — прости.

С любовью, всегда твоя
Нелл».

С ним ей будет спокойно и надежно. Что это значит? Ей было бы спокойно и надежно со мной. С ним — спокойно? Это удар... Как больно...

Он сел. Шли минуты... часы... Он сидел без движения, не в силах думать. В голове шевельнулось: Себастьян чувствовал то же самое? Я не знал...

Он услышал стук в дверь, но не поднял глаз. Джейн он заметил только тогда, когда она, обойдя стол, опустилась перед ним на колени.

— Вернон, дорогой мой, что такое? Я поняла, что что-то произошло, раз ты не пришел на ужин.

Он машинально протянул ей записку. Она прочла и положила на стол.

— О Вернон, дорогой мой...

Ее руки обняли его. Он сжал ее — так испуганный ребенок хватается за мать. Из груди его вырвалось рыдание. Он уткнулся лицом в сияющую белизной шею.

— О Джейн... Джейн...

Она крепче прижала его к себе, погладила по голове. Он пробормотал:

— Останься со мной. Останься со мной. Не уходи.

Она ответила:

— Хорошо, я не уйду.

Голос звучал мягко, по-матерински. В Верноне что-то сломалось — как плотину прорвало. Образы вихрем пронесли в голове: отец целует Винни в Эбботс-Пьюис-

сентс... скульптура в Южном Кенсингтоне... тело Джейн, прекрасное тело.

Сдавленным голосом он повторил:

— Останься со мной.

Обняв, она поцеловала его в лоб и сказала:

— Я останусь, дорогой.

Как мать ребенку.

Он вырвался.

— Не так. Не так. Вот как.

Он впился губами в ее рот, рука обхватила округлость груди. Он всегда хотел ее, всегда. Сейчас он это понял. Это ее тела он хотел, прекрасное, грациозное тело, которое так хорошо знал Борис Андров.

Он опять сказал:

— Останься со мной.

Наступила долгая пауза — ему казалось, прошли часы, прежде чем она ответила. Она сказала:

— Я останусь...

Глава 4

1

Июльским днем Себастьян шел по набережной по направлению к дому Джейн. Погода напоминала скорее раннюю весну, хотя дело было в разгаре лета. Он моргал от холодного пыльного ветра, дующего в лицо.

Себастьян заметно изменился, он казался намного старше. Очень мало осталось от мальчишки, хотя никогда особенно много и не было. У него всегда был удивительно взрослый вид, присущий всем семитам. Когда он вот так шел, нахмурившись и что-то обдумывая, ему можно было дать тридцать с лишним.

Джейн сама открыла дверь. Она говорила тихим, совсем охрипшим голосом:

— Вернона нет. Он тебя не дождался. Ты обещал к трем, а сейчас уже полпятого.

— Меня задержали. Обычное дело. Никогда не знаешь, как лучше подойти к Вернону с его нервами.

— Не хочешь ли сказать про еще один кризис? Я этого не вынесу.

— О, ты к ним привыкла. И мне приходится. Что у тебя с голосом, Джейн?

— Простуда. Горло. Все в порядке, я лечусь.

— Боже мой! Завтра «Принцесса в башне»! Ты не сможешь петь?

— О, я буду петь. Не бойся. Только не возражай, если сейчас буду разговаривать шепотом. Надо сберечь все, что можно.

— Конечно. У врача была?

— У моего лечащего врача на Харли-стрит¹.

— Что он сказал?

— Как всегда.

— Он запретил тебе завтра петь?

— О нет!

— Ну какая же ты врушка, Джейн!

— Да, было бы неплохо отложить, но это повредит тебе. Буду честной. Он предупредил меня, что я годами перетруждала свой голос. Сказал, что петь завтра — безумие. Но мне наплевать.

— Дорогая моя Джейн, я не собираюсь рисковать твоим голосом.

— Занимайся своим делом, Себастьян. Мой голос — это мое дело. Я не вмешиваюсь в твои заботы, а ты не вмешивайся в мои.

Себастьян ухмыльнулся.

— Тигрица, — восхитился он. — Но все равно, Джейн, так нельзя. Вернон знает?

— Как ты думаешь? Нет, конечно. И ты не говори ему, Себастьян.

— Обычно я никогда не вмешиваюсь. Но, Джейн, дорогая, ты десять тысяч раз пожалеешь. Опера того не стоит. И Вернон не стоит. Можешь сердиться за то, что я это говорю.

— Зачем же сердиться? Это правда, я знаю. Но все равно буду петь. Можешь называть меня тщеславной или эгоисткой, но без меня «Принцесса» не будет иметь успеха. В роли Изольды у меня был успех, а моя Сольвейг произвела фурор. Это мой звездный час. И Вернона тоже. Я сделаю это хотя бы для него.

Он расслышал подтекст — ее невольно выдало это «хотя бы», но ни одним мускулом лица он не показал, что понял. Он только повторил с мягкой настойчивостью:

— Он этого не стоит, Джейн. Подумай о себе. Ты уже достигла вершины. А у Вернона все впереди.

¹ Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей-консультантов.

— Я знаю, знаю. Этого стоит только один человек — ты, Себастьян. И все же я делаю это не ради тебя.

Себастьян был удивлен и тронут. Глаза его заволокло туманом. Он взял Джейн за руку. Минуту они сидели молча.

— Очень мило с твоей стороны,— сказал он наконец.

— Это правда. Ты стоишь десятка Вернонов. У тебя есть ум, инициатива, характер...— Хрипловатый голос умолк.

Еще через минуту Себастьян спросил:

— А вообще как дела? Как обычно?

— Да, пожалуй. Знаешь, что ко мне приходила миссис Дейр?

— Нет. Что ей надо?

— Она пришла умолять меня отдать ей ее сыночка. Сказала, что я разрушаю его жизнь. Только дурная женщина может поступать так, как я. И прочее. В общем, можешь себе представить.

— А ты что? — полюбопытствовал Себастьян.

Джейн пожала плечами.

— Что я могла сказать? Что Вернону все равно — та шлюха или другая.

— О, дорогая, неужели до такого дошло?

Джейн встала, закурила и принялась ходить по комнате. Себастьян увидел, что у нее измученное лицо. Он отважился спросить:

— Как он?

— Слишком много пьет,— резко сказала Джейн.

— Ты не можешь его удержать?

— Нет.

— Странно, я считал, что ты имеешь на него большое влияние.

— Сейчас нет.— Она помолчала.— Нелл выходит замуж осенью, кажется?

— Да. Думаешь, тогда станет легче?

— Понятия не имею.

— Молю Бога, чтобы он выстоял,— сказал Себастьян.— Если не ты, то никто его не удержит. Это у него в крови.

Она подошла и снова села рядом.

— Расскажи мне все, что знаешь. Про его отца, мать.

Себастьян кратко описал Дейров.

— Мать его ты видела. Не правда ли, странно, что Вернон не унаследовал от нее ни единой черточки? Он Дейр с головы до пят. Все они артистичны, музыкальны, слабовольны, самонадеянны и гроза для женщин. Странная штука наследственность.

— Я с тобой не совсем согласна. Вернон не похож на мать, но кое-что он от нее унаследовал.

— Что же?

— Жизненная сила. Она — необыкновенно живучая, как животное. Ты никогда не думал о ней с этой точки зрения? В Верноне есть что-то от нее. Иначе он не стал бы композитором. Будь он только Дейром, он бы баловался музыкой. Кровь Бентов дала ему силу для творчества. Ты говоришь, его дед построил свой бизнес голыми руками — то же сделал Вернон.

— Не уверен, что ты права.

— А я уверена.

Себастьян некоторое время думал. Потом спросил:

— Дело только в пьянстве? Или есть — ну, я хочу сказать, есть другие женщины?

— О! Есть, есть и другие женщины.

— И ты не возражаешь?

— Не возражаю? Конечно, возражаю. Из чего, по-твоему, я сделана? Возражаю до того, что убить готова. Но что я могу? Разбушеваться, устроить сцену и выгнать его отсюда?

Ее прекрасный голос вырвался из шепота — Себастьян быстро сделал знак, и она остановилась.

— Ты прав. Надо быть осторожнее.

— Я не могу понять, — проворчал Себастьян. — Сейчас Вернону, кажется, и музыка не важна. Он соглашается со всем, что Радмогер ему предлагает, прямо ягненок. Это ненормально.

— Нужно подождать. Все вернется. Это реакция. К тому же Нелл. У меня такое чувство, что, если «Принцесса» будет иметь успех, Вернон придет в себя. У него появится гордость, чувство свершения.

— Надеюсь, — тяжело вздохнул Себастьян. — Но будущее меня очень тревожит.

— В каком смысле? Чего ты боишься?

— Войны.

Джейн удивилась. Она не поверила своим ушам, подумала, что ослышалась.

— Войны?

— Да. Из-за того дела в Сараево¹.

¹ Сараево — главный город Боснии, где летом 1914 года сербским националистом Г.Принципом был убит наследник австрийского престола Франц-Фердинанд. Это убийство развязало Первую мировую войну.

Джейн это казалось смешно и нелепо.

— С кем же будет война?

— Вообще-то, с Германией.

— О Себастьян, но это же так далеко. Сараево!

— Предлог может быть любой! — раздраженно бросил Себастьян. — Все дело в деньгах. Деньги скажут свое слово. Я сам имею дело с деньгами, наши родственники в России имеют дело с деньгами. Мы знаем. По тому, как ведут себя деньги, можно догадаться, что носится в воздухе. Приближается война, Джейн.

Джейн посмотрела на него и перестала улыбаться. Себастьян был серьезен, а он всегда знает, что говорит. Если он говорит, что приближается война, то, как бы фантастично это ни звучало, война приближается.

Себастьян сидел молча, погрузившись в размышления. Деньги, инвестиции, разнообразные займы, финансовая ответственность, которую он на себя принял, будущее его театров, позиция принадлежащих ему газет. Затем, конечно, будут сражения. Он — сын натурализовавшегося англичанина. Он ничуть не хочет идти воевать, но, видимо, придется. Как и всем, кроме самых пожилых. Его тревожила не опасность, а необходимость оставлять свои взлелеянные проекты в чужих руках. «Они все испортят», — с горечью думал он. Войну он оценивал как долгую кампанию — года на два, не меньше. Он не удивится, если под конец в нее ввяжется Америка.

Правительство выпустит заем — военные займы могут быть хорошим вложением. В театрах — ничего для высококолых, только комедии, красотки, ножки, танцы — для солдат в увольнении. Он внимательно все обдумывал. С Джейн всегда легко — она понимает, когда неохота разговаривать. Он посмотрел на нее. Она тоже задумалась. Интересно, о чем? С Джейн никогда этого не знаешь. Они с Верноном похожи — не говорят, о чем думают. Может, она задумалась о Верноне. Что он пойдет на войну и его убьют. Нет, такого не должно быть! Вся артистическая натура Себастьяна взбунтовалась. Вернон не должен быть убит.

2

Через три недели представление «Принцессы в башне» было забыто, потому что разразилась война.

До этого оперу, что называется, «хорошо принимали». Часть критиков бушевала и язвила по поводу «новой шко-

лы молодых музыкантов», которые считают, что опрокидывают все устои. Другие искренне хвалили ее как многообещающую работу, хотя и несколько сырую. И все с энтузиазмом говорили о красоте постановки в целом. Все ехали в Холборн — «это так далеко, милочка, но стоит того», — чтобы посмотреть фантастический спектакль и «эту чудную новую певицу Джейн Хардинг. У нее просто удивительное лицо, дорогая, — настоящее средневековье. Без нее все смотрелось бы иначе».

Это был триумф Джейн, хотя и кратковременный. На пятый день ей пришлось покинуть состав исполнителей.

Себастьян был вызван по телефону, когда Вернона не было дома. Джейн встретила его с такой сияющей улыбкой, что он было подумал, что его страхи напрасны.

— Плохо дело, Себастьян. Роль перейдет к Мери Ллойд. Она в общем-то неплоха; голос у нее лучше моего, и она хорошенькая.

— Хм, я боялся, что Хершел тебе запретит. Надо бы мне самому с ним повидаться.

— Да, он хотел тебя видеть. Хотя ничего тут не поделаешь.

— Что значит — ничего не поделаешь?

— Голос пропал, мой мальчик. Пропал навсегда. Хершел честно сказал, что надежды нет. Он, конечно, говорит, что никогда не бывает полной уверенности, что после отдыха он может вернуться и т.д. Он все это говорил, потом посмотрел на меня и смутился. Кажется, он с облегчением увидел, как я приняла приговор.

— Джейн, дорогая, милая Джейн...

— О, не канючь, Себастьян. Пожалуйста, не надо. Гораздо легче, когда тебя не жалеют. Ты сам знаешь, это была рискованная затея, голос у меня несильный, я все время рисковала. Сначала выигрыш, потом проигрыш. Азартный игрок должен уметь проигрывать. Так говорят в Монте-Карло?

— Вернон знает?

— Да. Он ужасно расстроен. Он любил мой голос. У него прямо сердце разрывается.

— А знает ли он...

— Что, если бы я тогда подождала два дня и не пела бы на открытии его оперы, все было бы нормально? Нет, не знает. И если ты мне друг, Себастьян, никогда и не узнает.

— Не могу обещать. Думаю, он должен знать.

— Нет, потому что я сделала непозволительную вещь! Без его ведома возложила на него ответственность за меня. Нельзя так делать. Это несправедливо. Если бы я тогда пошла и сказала Вернону, что говорит Хершел, думаешь, он позволил бы мне петь? Ни за что. А теперь я приду и скажу: «Смотри, на что я пошла ради тебя!» Стану хныкать, просить сочувствия и благодарности? — Себастьян молчал. — Ну же, дорогой, согласись, что я права!

— Да,— сказал наконец Себастьян.— Ты права. Ты поступила незрительно, что не сказала Вернону. Так пусть он и не знает. Но, Джейн, дорогая, зачем ты это сделала! Неужели музыка Вернона того стоила?

— Когда-нибудь окажется, что стоила.

— А я думаю — нет.

Наступила пауза. Себастьян спросил:

— Что ты теперь будешь делать?

— Наверное, преподавать. Может, вернусь в театр. Не знаю. Если беды посыплются одна за другой, я могу быть и кухаркой.

Оба засмеялись, Джейн — сквозь слезы.

Она вдруг встала, подошла к Себастьяну и опустилась на колени, положив голову ему на плечо. Он обнял ее.

— О Себастьян, Себастьян...

— Бедняжка Джейн!

— Как бы я хотела отнестись к этому легко, но не могу... Я любила петь, любила... Чудная музыка Радмогера. Никогда мне больше ее не петь.

— Джейн, ну почему ты такая дура?

— Не знаю. Чистый идиотизм.

— Если бы у тебя был шанс...

— Я сделала бы то же самое.

Тишина. Потом Джейн подняла голову и спросила:

— Себастьян, помнишь, ты говорил, что во мне есть «движущая сила»? Что никому не удастся сбить меня с пути? А я сказала, что это сделать легче, чем ты думаешь. Оказавшись на одной дорожке с Верноном, в сторону отступаю я.

Себастьян сказал:

— Да, странно устроена жизнь.

Джейн села на пол, не выпуская его руки.

— Ты можешь быть умным,— размышлял Себастьян,— можешь предвидеть, планировать, добьешься успеха, но, будь ты самым умным в мире, тебе не избежать страданий. Это так нелепо. Я знаю, что я умен, что добьюсь вершин во всем, за что возьмусь, не то что Вернон. Вернон то

гений, вздымающийся к небесам, то беспутный лентяй. Если что у него есть, так это его дар. А у меня лишь способности, но, будь я самым способным в мире, я все равно не могу не пораниться.

— Никто не может.

— Не знаю. Если посвятить этому всю жизнь. Думать только о своей безопасности... Опалил крылышки — это еще не конец. Надо построить крепкую стену и укрыться за ней.

— Ты имеешь в виду кого-то конкретного? Кого?

— Просто размышляю. Если быть точным, то о будущей миссис Джордж Четвинд.

— Нелл? Думаешь, она сумеет укрыться от жизни?

— О, у Нелл великолепная приспособляемость.— Он помолчал, потом спросил:— Джейн, Джо тебе писала?

— Да, дорогой, два раза.

— Что она говорит?

— Очень мало. Как она веселится, как довольна собой, как великолепно чувствует себя человек, который имел мужество отвергнуть условности.— Она помолчала и добавила:— Она несчастлива, Себастьян.

— Ты думаешь?

— Уверена.

Они долго молчали. Два лица были обращены к холодному камину. За стеной по набережной мчались такси, жизнь продолжалась...

3

Девятого августа Нелл Верикер сошла на станции Паддингтон и медленно направилась в сторону парка. Мимо нее в открытых машинах проезжали старые дамы, увешанные драгоценностями. На каждом углу красовались афиши. В каждом магазине толпились люди, спеша купить что-нибудь из предметов первой необходимости.

Нелл повторяла себе: «Началась война»,— и не могла в это поверить. Сегодня война впервые дала о себе знать. Об этом свидетельствовал случай на вокзале: в кассе отказались разменять пятифунтовую банкноту. Смешно, но так и было.

Мимо проезжало такси, Нелл остановила его, села и дала адрес Джейн в Челси. Взглянула на часы — полодинадцатого. Так рано Джейн еще не могла уйти из дому.

Нелл вышла из лифта и встала перед дверью, дожидаясь ответа на звонок. Сердце стучало. Сейчас дверь откроется; она побледнела. Открывается! Вот они с Джейн лицом к лицу.

Ей показалось, что Джейн чуть вздрогнула, и только.

— А, это ты.

— Да,— сказала Нелл.— Можно войти?

Ей показалось, что Джейн заколебалась, но потом отступила и пропустила ее. Сразу прошла через холл и закрыла дверь в дальнем конце, а перед Нелл открыла комнату, вошла следом и плотно прикрыла дверь.

— Ну?

— Джейн, я пришла спросить, не знаешь ли ты, где Вернон.

— Вернон?

— Да. Я вчера приезжала к нему — он съехал, и хозяйка не знает куда. Она сказала, что его письма пересылает тебе. Я вернулась домой, написала тебе письмо, но потом подумала, что ты не ответишь, и пришла сама.

— Вижу.

В ее тоне не слышалось ни малейшего желания помочь.

— Я была уверена, что ты знаешь, где он.

— Знаю.

«Неоправданно замедленный ответ,— подумала Нелл,— то ли знает, то ли нет».

Снова пауза. Джейн спросила:

— Зачем ты хочешь видеть Вернона?

Нелл подняла побледневшее лицо.

— Я поступила чудовищно, просто чудовищно! Теперь я это вижу — когда война. Я повела себя как жалкая трусиха. Я себя ненавижу. Просто из-за того, что Джордж добрый, хороший и — богатый, да! Джейн, ты должна презирать меня, я знаю! Ты права. Война все прояснила, верно?

— Не совсем. Войны бывали раньше, будут и впредь. Они ничего по существу не меняют.

Нелл словно и не слышала ее.

— Жениться надо только по любви, все остальное — порочно. Я люблю Вернона. Я всегда его любила, но мне не хватало смелости... О Джейн! Неужели уже поздно? Возможно, он не захочет меня видеть. Но я должна с ним поговорить. Я должна ему сказать.

Она жалобно глядела на Джейн. Захочет ли та помочь? Если нет, она попросит Себастьяна — но Себастьяна она боялась. Он может просто отказать ей, и все.

Через минуту-другую Джейн медленно произнесла:

— Я могу его тебе предоставить.

— О, спасибо, Джейн. Скажи еще — а война?..

— Он собирается пойти на войну, если ты об этом спрашиваешь.

— Да... О! Какой ужас, если его убьют. Но война долго не продлится. Все говорят, до Рождества.

— Себастьян говорит, она продлится два года.

— О, Себастьян не может знать. Он не англичанин, он русский.

Джейн покачала головой:

— Я пойду и... позвоню ему. Жди здесь.

Она вышла, закрыла дверь, прошла в спальню. Вернон поднял с подушки взлохмаченную черную голову.

— Вставай,— резко сказала Джейн.— Умойся, побрейся и постарайся привести себя в божеский вид. Пришла Нелл и хочет тебя видеть.

— Нелл! Но...

— Она думает, что я звоню тебе по телефону. Когда будешь готов, выйди на улицу черным ходом и позвони в парадном — и пусть Господь будет милостив к нам.

— Но, Джейн, Нелл... чего она хочет?

— Если ты хочешь на ней жениться, сейчас твой шанс.

— Но я должен ей сказать...

— Что? Что ты вел «веселую жизнь», «сумасбродствовал» и прочие эвфемизмы¹. Как раз этого она и ожидает; она будет благодарна тебе за то, что ты свел стресс к минимуму. Но стоит тебе заикнуться про нас с тобой — перейти от общего к частному — и ты убьешь ее. Так что заткнись со своим благородством и подумай о ней.

Вернон с трудом поднялся с кровати.

— Я тебя не понимаю, Джейн.

— И никогда не поймешь.

— Она что, порвала с Джорджем Четвиндом?

— Я не спрашивала подробности. Я возвращаюсь к ней.

Поторопись.

Она вышла.

«Я никогда не понимал Джейн,— думал Вернон.— И не пойму. Она все время меня смущает. Я был для нее лишь временной забавой. Нет, это неблагодарно. Она чертовски порядочно обошлась со мной. Порядочнее и быть не может. Но Нелл не поймет. Она считает, что Джейн ужасна».

Он торопливо брился, умывался и думал: «Все это не имеет значения. Мы с Нелл никогда не будем вместе. О,

¹ Эвфемизм — слово или выражение, используемое для более мягкого, вежливого или уклончивого обозначения чего-либо.

об этом и речи нет, она пришла, чтобы перед моей отправкой на эту чертову войну попросить прощения на случай, если я буду убит. Девушки всегда так делают. Все равно, меня это не очень волнует».

Внутренний голос ехидно сказал: «Не волнует? Почему же у тебя так бьется сердце и дрожат руки? Еще как волнуется, дубина несчастная!»

Он был готов. Вышел, нажал звонок. Примитивная хитрость, ему было стыдно. Джейн открыла дверь и сказала тоном горничной: «Сюда, пожалуйста», — и показала рукой. Он вошел в комнату и закрыл дверь.

При его появлении Нелл встала. Она стиснула руки. Голос у нее был тихий и слабый, как у виноватого ребенка.

— О Вернон...

Время унеслось назад. Он был на лодке в Кембридже... на мосту в Рейнло. Он забыл Джейн, забыл все. Он и Нелл были единственными на земле.

— Нелл!

Они бросились в объятия друг друга, задыхаясь, как после долгого бега. Слова беспорядочно срывались с губ Нелл:

— Вернон, если хочешь... я люблю тебя. О! люблю. Я выйду за тебя замуж в любое время, сейчас, сегодня. Пусть мы будем бедные или что угодно — мне все равно.

Он подхватил ее на руки, целовал глаза, волосы, губы.

— Дорогая, о, дорогая! Не будем терять ни минуты. Я не знаю, как это делается, пойдем и спросим. Наверное, надо пойти к архиепископу Кентерберийскому?¹ (Почти то же, что к Папе Римскому.) Получить разрешение? Как же к чертям люди женятся?!

— Может, спросим у священника?

— Или в отделе регистрации.

— Мне не хочется выходить замуж в отделе регистрации. Как какая-нибудь горничная или кухарка.

— Я так не думаю, дорогая, но если ты хочешь венчаться в церкви, давай поженимся в церкви. В Лондоне тысячи церквей, всем им нечего делать... Я уверен, там нас с радостью обвенчают.

Они вышли, весело смеясь. Вернон забыл все — угрозы совести, раскаяние, Джейн...

В тот же день в половине второго Вернон Дейр и Элинор Верикер обвенчались в церкви Святого Этельреза в Челси.

¹ Архиепископ Кентерберийский — глава (примас) Англиканской церкви Англии.

Книга четвертая

ВОЙНА

Глава 1

1

Шесть месяцев спустя Себастьян получил записку от Джо.

«Отель «Сент-Джордж», Сохо

*Дорогой Себастьян, я в Англии проездом на несколько дней.
Очень хотелось бы повидаться.*

Твоя Джо».

Себастьян читал и перечитывал коротенькую записку. Он находился в краткосрочном отпуске в доме матери, так что получил ее без задержки. Он чувствовал, как глаза матери наблюдают за ним через стол, и в очередной раз восхитился ее материнской интуицией. Она читает в его непроницаемом лице так же легко, как он читает эту записку.

Она заговорила самым обычным тоном:

— Еще мармеладу, дорогой?

— Нет, спасибо, мама.— Он сначала ответил на высказанный, а потом на невысказанный вопрос.— Это от Джо.

— Джо,— повторила миссис Левин. Ее голос ничего не выражал.

— Она в Лондоне.

Пауза.

— Понятно,— сказала миссис Левин. Опять ее голос ничего не выражал. Но Себастьян понял всю бурю ее чувств. Как будто бы она прокричала: «Сыночек, сыночек! Только ты начал ее забывать! Зачем она вернулась? Почему не оставит тебя в покое? Эта девушка, которой нечего делать среди нас и нашей расы! Которая никогда не станет тебе хорошей женой!»

Себастьян поднялся.

— Думаю, мне следует зайти к ней.

Мать ответила тем же голосом:

— Зайди, конечно.

Больше они не говорили. Они понимали друг друга и уважали чужое мнение.

Вышагивая по улице, Себастьян вдруг сообразил, что Джо не дала никакой подсказки, звать ли ее мисс Уэйт или мадам Ламарр. Не важно, конечно, но из-за таких глупых мелочей чувствуешь себя ужасно неловко. Придется спрашивать либо так, либо этак. До чего это похоже на Джо — пренебречь таким важным пунктом!

Однако никакой неловкости не случилось, потому что первой, кого он увидел во вращающихся дверях отеля, была Джо. Она приветствовала его возгласом удивления:

— Себастьян! Я и подумать не могла, что ты так скоро получишь мое письмо!

И она повела его в дальний угол вестибюля.

Первым его впечатлением было то, что она изменилась, — так сильно, что стала почти чужой. Отчасти из-за одежды, решил Себастьян. Ультрафранцузский наряд. Спокойный, темный, неброский, но явно не английский. На лице косметика. Его молочная бледность искусно подправлена, губы накрашены, что-то она сделала с уголками глаз.

Он подумал: «Незнакомая — и все же это она! Та же самая Джо, только она проделала большой путь — ушла так далеко, что до нее не дотянуться».

Но разговор шел довольно легко, хотя каждый словно выставил вперед невидимые щупальца, проверяя разделяющее их пространство. И вдруг это расстояние само собой исчезло, элегантная парижанка превратилась в Джо.

Они заговорили о Верноне. Он не писал никому из них.

— Он на Солсберийской равнине¹, под Уилтсбери. В любую минуту их могут отправить во Францию.

— Так Нелл все-таки вышла за него замуж! Себастьян, я довольно свирепо относилась к Нелл. Я не думала, что у нее хватит духу. Если бы не война, это и не проявилось бы. Не правда ли, эта война — замечательная вещь? Я имею в виду то, что она делает с людьми.

Себастьян сухо ответил, что эта война — как любая другая война.

— Нет, нет, вот тут ты не прав. После нее мир станет другим. Люди увидят то, чего не замечали раньше. Всю жестокость и бессмысленность войны. И они постановят, что такое никогда не должно повториться.

¹ Солсберийская равнина — равнина в графстве Уилтшир на юге Англии.

Лицо ее горело экстазом. Себастьян почувствовал, что война, что называется, «заразила» ее. Война всех заразила, они с Джейн уже обсуждали и немало сожалели об этом. Его тошнит от газетной трескотни: «Война делает героев», «Война до победного конца», «Битва за демократию». На деле война как была, так и осталась кровавым бизнесом. Не пора ли об этом сказать открыто?

Джо с ним не соглашалась. Она утверждала, что трескучие фразы неизбежны, что это неотъемлемая принадлежность войны. Так Мать-Природа дает людям возможность укрыться от суровых фактов за стеной лжи и иллюзий.

Себастьян сказал:

— Я не настаиваю, но, по-моему, война обернется дьявольским уроном для нации.

Он был слегка подавлен яростным энтузиазмом Джо. Но для нее это характерно. Она всегда раскаляется докрасна. Никогда нельзя было предугадать, в каком лагере она окажется. С таким же успехом она могла быть пацифисткой и с жаром приняла бы мученичество. Она накинулась на Себастьяна с обвинениями.

— Ты не согласен! Ты считаешь, что все повторяется!

— Войны были всегда, и они ничего не меняли.

— Да, но сейчас совсем другая война.

Он не мог сдержать улыбки.

— Дорогая моя Джо, когда дело касается лично нас, то всегда все другое.

— О! Ты меня выводешь из себя! Такие, как ты...— Она остановилась.

— Да? — подбодрил ее Себастьян.— Такие, как я...

— Раньше ты таким не был. У тебя были идеи. А теперь...

— А теперь я погряз в деньгах. Я капиталист. Всем известно, какие капиталисты жадины.

— Не дури. Но все равно деньги душат людей.

— Да, отчасти это верно. Но все зависит от человека. Я согласен, что нищета благословенна. Выражаясь литературно, она — как навоз для сада. Но глупо говорить, что из-за своих денег я не могу прогнозировать будущее, тем более в том аспекте, как война отразится на государстве. Именно то, что у меня есть деньги, и дает мне возможность судить. Деньги и война накрепко связаны.

— Да, ты все меряешь деньгами, потому и говоришь, что войны будут всегда.

— Ничего подобного я не говорил. Я думаю, что войны будут упразднены. Лет через двести.

— Ага, признаешь, что наши идеалы чище твоих?

— С идеалами это никак не связано. Это скорее вопрос транспорта. Развитие коммерческих перелетов свяжет все страны воедино. Например, воздушный караван через Сахару по средам и субботам— как тебе? Это будет революция в торговле. Мир станет меньше. Со временем он превратится в единый народ, включающий отдельные страны. По времени пути он сократится до масштабов одной страны. Так называемое Всемирное Братство будет достигнуто не благодаря прекрасным идеям, а просто из соображений здравого смысла.

— О, Себастьян!

— Я тебя раздражаю, Джо дорогая. Извини.

— Ты ни во что не веришь.

— Ну нет, это ты у нас атеистка. Хотя это слово вышло из моды. Мы теперь говорим, что верим в Нечто! Лично меня вполне устраивает Иегова¹. Но я тебя понял, и ты неправа. Я верю в красоту, в творчество, в музыку Вернона. Я не вижу, как можно защитить их экономически, но я уверен, что это самое важное, что есть на свете. Иногда я даже готов потратить на них деньги. Представляешь, что это значит для еврея!

Джо невольно засмеялась.

— Себастьян, скажи честно, что такое «Принцесса в башне»?

— О, это что-то вроде разминки для гиганта: спектакль неубедительный, но масштаб грандиозный, не похожий ни на что.

— Думаешь, со временем...

— Уверен. Абсолютно уверен. Если только его не убьют на этой проклятой войне.

Джо поежилась.

— Это ужасно. Я работала в госпитале в Париже. Это надо видеть.

— Могу понять. Если его покалечат, это не конец, не то, что скрипач без руки. Нет, тело его они могут изуродовать, лишь бы он сохранил голову. Может, звучит жестоко, но ты меня понимаешь.

— Да. Но иногда... даже тогда...— Она оборвала себя

¹ Иегова (Яхве) — древнееврейское именование Бога.

и совсем другим голосом сказала:— Себастьян, я вышла замуж.

Если в нем что-то дрогнуло, этого нельзя было заметить.

— Вот как? Ламарр развелся?

— Нет. Я ушла от него. Он чудовище.

— Могу себе представить.

— Я ни о чем не жалею. Каждый должен жить своей жизнью, обретать опыт. Нечего шарахаться от жизни. Этого не могут понять такие, как тетя Майра. Я не поеду к ним в Бирмингем. Я ни о чем не жалею и не раскаиваюсь.

Она с вызовом посмотрела на него, и он мыслями унесся в лес в Эбботс-Пьюисентс. Она все такая же. Заблуждается, бунтует, восхищается. Следовало ожидать от нее чего-нибудь в этом роде. Он мягко сказал:

— Мне только жаль, что тебе пришлось страдать. Ведь ты страдала?

— Ужасно. Но теперь я нашла настоящую жизнь. В госпитале был один парень, тяжелораненый. Ему давали морфий. Он вылезился, хотя работать, конечно, не может. Но морфий — он к нему пристрастился. Вот почему мы поженились. Две недели назад. Будем бороться вместе.

Себастьян лишился дара речи. Джо верна себе. Но почему, во имя всего святого, она не может довольствоваться хотя бы физической немощью?! Морфинист. Кошмар!

Его пронзила острая боль. Последняя надежда рухнула. Их пути идут в разных направлениях: Джо со своими заблудшими созданиями — и он на крутом подъеме. Его, правда, могут убить на войне, но он почему-то думал, что не убьют. Даже не ранят серьезно. В нем жила странная убежденность, что все это его благополучно минует, возможно, он получит медаль; вернется к своим спектаклям, переделает их и возродит; станет знаменитым в том мире, где не прощают неудач. И чем выше он будет подниматься, тем больше отдалится от Джо.

«Всегда найдется женщина, готовая вытащить тебя из пропасти,— с горечью подумал он,— но никто не составит тебе компанию на вершине горы. Так и останешься там в гордом одиночестве».

Он не знал, что сказать Джо. Не стоит огорчать бедного ребенка. Упавшим голосом он спросил:

— Как теперь твоя фамилия?

— Вальньер. Надо будет тебе как-нибудь встретиться с

Франсуа. Я приехала уладить здесь кое-какие формальности. Мой отец умер месяц назад.

Себастьян кивнул. Он слышал о смерти майора Уэйта. Джо продолжала:

— Я хочу повидать Джейн. И еще Вернона с Нелл. Договорились, что завтра он отвезет ее в Уилтсбери.

2

Нелл и Вернон снимали комнаты в маленьком домике в километре от Уилтсбери. Вернон, загорелый и оживленный, кинулся обнимать Джо.

Они зашли в комнату, где стол был накрыт для ленча — отварная баранина и соус с каперсами¹.

— Вернон, ты отлично выглядишь, правда, Нелл?

— Ему идет форма,— застенчиво сказала Нелл.

Как она изменилась, подумал Себастьян. Он не видел ее после замужества. Для него она всегда была представительницей класса хорошеньких девушек определенного склада. Сейчас он увидел ее индивидуально — настоящую Нелл, освободившуюся от кокона.

Она как будто светилась. Стала спокойнее и одновременно живее. Молодые были счастливы, это было видно каждому. Они редко переглядывались, но когда это случилось, то вы это чувствовали — будто что-то пролетало между ними, еле уловимое, но несомненное.

Ленч проходил весело. Вспоминали Эбботс-Пьюисентс.

— И вот мы опять собрались вместе, все четверо,— сказала Джо.

Теплая волна окатила Нелл. Джо включила и ее, она сказала «четверо». Нелл помнила, как Вернон говорил: «Нас было трое», — и как ее ранили эти слова. Но все прошло. Теперь она — одна из них. Вот еще одна награда. Жизнь, казалось, была полна наград.

Нелл была невероятно счастлива. А ведь могло случиться так, что она не знала бы такого счастья — если бы вышла замуж за Джорджа. Как она могла быть такой глупой, не понимать, что ей нужен только Вернон, все остальное не важно? Они необыкновенно счастливы. Как прав был Вернон, когда говорил, что бедность не имеет значения!

¹ Каперсы — зеленые бутоны южного каперсового кустарника, употребляемые в маринованном виде для приготовления соусов и как приправа к пище.

Она не одна такая — множество девушек, бросив все, выходят замуж за любимого, даже если он очень беден. После войны этого уже не будет. В глубине души таится страх, который глушишь в себе, единственное, что позволяешь сказать — это: «Что бы впредь ни случилось, у нас было время, когда мы были счастливы».

Она думала: «Мир меняется. Все теперь становится иным. И таким останется. Назад ничего не вернуть...»

Она бросила взгляд на Джо. Джо тоже странно изменилась. Что у нее там было с этим ужасным Ламарром? Нет, лучше не думать об этом. Теперь все это не имеет значения.

Джо была с ней очень мила, в отличие от прошлого, когда Нелл становилось неуютно от чувства, что Джо ее презирает. Может быть, у нее были к тому основания. Она ведь всегда была трусихой.

Война — это, конечно, ужасно, но она все упрощает. Например, ее мама почти сразу же к ним примчалась. Она, конечно, была разочарована, что не удался брак с Джорджем (бедняжка Джордж, он действительно душка, а она так скверно с ним обошлась), но у миссис Верикер хватило здравого ума вести себя вполне благожелательно.

— Уж эти военные свадьбы! — говорила она, слегка пожимая плечами. — Бедные дети, их нельзя винить. Неразумно, конечно, — но что разумно в наше время? — Миссис Вернон понадобилось все ее мастерство и изворотливость, чтобы ладить с кредиторами, и ей это удавалось. Некоторые из них даже сочувствовали ей.

Если они с Верноном недолюбливали друг друга, то весьма похвально это скрывали. Да и виделись они только раз — сразу после венчания. Так что все вышло очень просто. Да и вообще — если у тебя есть мужество, все просто. В этом и состоит главный секрет жизни. Так размышляла Нелл, но потом, словно проснувшись, подключилась к беседе.

Говорил Себастьян.

— Когда мы вернемся в город, то поедem навестить Джейн. Я сто лет ее не видел. А ты, Вернон?

Вернон покачал головой.

— Я тоже.

Он старался говорить непринужденно, но ему это не очень удавалось.

Нелл сказала:

— Она очень мила, но с ней трудно, вы согласны? Никогда не знаешь, что она думает.

— Она умеет приводить в замешательство,— допустил Себастьян.

— Она ангел! — с горячностью возразила Джо.

Нелл смотрела на Вернона и думала: «Скажи хоть что-нибудь... Я боюсь Джейн. Она дьявол».

— Может, она уехала,— сказал Себастьян,— в Россию, или в Тимбукту¹, или в Мозамбик². Джейн приучила нас ничему не удивляться.

— Когда ты ее последний раз видел? — спросила Джо.

— Недели три назад.

— Всего-то? Я уж и вправду подумала — сто лет.

— Мне так показалось,— сказал Себастьян.

Они поговорили о госпитале в Париже, где работала Джо, потом о Майре и дяде Сидни. Майра чувствует себя хорошо, два раза в неделю орудует шваброй и вообще дежурит в воинской столовой. Дядя Сидни преуспевает на новом поприще — производстве взрывчатых веществ.

— Он своевременно переключился,— одобрительно заметил Себастьян.— Война протянется года три, а то и больше.

Все заспорили. Хотя пора оптимизма — «какие-то полгода» — прошла, но три года казались слишком мрачной перспективой. Себастьян говорил про взрывчатые вещества, про положение в России, снабжение, подлодки. Он был настолько убежден в своей правоте, что впадал в излишнюю категоричность.

В пять часов Себастьян и Джо уселись в машину и уехали в Лондон. Вернон и Нелл, стоя на дороге, махали им вслед.

— Вот и все.— Нелл взяла Вернона под руку.— Я рада, что сегодня тебе удалось освободиться. Было бы очень жаль, если бы Джо тебя не застала.

— Как тебе показалось, она изменилась?

— Немного. А ты как думаешь?

Они шли вдоль дороги, потом свернули в переулок.

— Да,— вздохнул Вернон.— Это было неизбежно.

— Я рада, что она вышла замуж. Прекрасный поступок, правда?

¹ Тимбукту — город в западноафриканской стране Мали, основанный в XI веке на перекрестке торговых путей

² Мозамбик — бывшая колония Португалии на юго-восточном побережье Африки, в настоящее время независимое государство.

— У Джо всегда было доброе сердце, благослови ее Бог. Он говорил как-то отстраненно. Она взглянула на него и вдруг поняла, что он сегодня вообще был молчалив. Говорили в основном другие.

— Как я рада, что они приехали,— повторила она.

Вернон не ответил. Она сжала ему руку и ощутила ответное пожатие. Но он молчал.

Стемнело, в воздухе похолодало, но они все бродили и бродили не разговаривая. Они и раньше так гуляли — молча счастливые. Но сейчас молчание было другим. В нем чувствовалась тяжесть и угроза. И Нелл поняла.

— Вернон! Вас отправляют...

Он крепче сжал ее руку и не ответил.

— Вернон... когда?

— В следующий четверг.

— О! — Она остановилась. Ее охватила слабость. Началось. Она знала, что их отправят, но не думала о том, как это переживет.

— Нелл, Нелл. Ну пожалуйста. Все будет хорошо. Я знаю. Меня не убьют. Не могут, раз ты меня так любишь и мы так счастливы. Некоторые ребята чувствуют, что там им придет конец,— но я уверен, что выживу. Я хочу, чтобы и ты так чувствовала.

Она замерла. Вот что такое война. Она вынимает у тебя сердце из груди, высасывает кровь из вен. Нелл с рыданием повисла на нем. Он ее обнял.

— Все будет хорошо. Нелл. Мы же знали, что скоро отправка. И я очень хочу пойти, мне только жаль покидать тебя. Ты же не хочешь, чтобы я всю войну просидел в Англии и стерег какой-нибудь мост? У меня будут увольнения, мы будем их очень весело проводить. У нас будет много денег, мы будем сорить ими. Нелл дорогая, я знаю, что со мной ничего не случится, раз ты меня любишь.

— Не случится, Бог не может быть так жесток.

Но у нее мелькнула мысль, что Бог допускает много жестокостей.

И сдержав слезы, она храбро сказала:

— Все будет хорошо, дорогой. Я тоже в этом уверена.

— А даже... даже если что-то случится, ты будешь помнить, как у нас было прекрасно. Ведь ты была счастлива, дорогая?

Она потянулась к нему губами. Обнявшись, они стояли в полузабытьи. Над ними нависла тень первой разлуки.

Домой они вернулись, весело болтая. Только раз Вернон коснулся темы будущего:

— Нелл, когда я уеду, ты вернешься к матери или как?

— Нет, останусь здесь. В Уилтсбери есть чем заняться: госпиталь, воинская столовая.

— Да, но я не хочу, чтобы ты работала. Может, тебе лучше перебраться в Лондон? Там театры и все такое.

— Нет, Вернон, я должна что-то делать — работать.

— Ну, если хочешь работать, свяжи мне носки. Терпеть не могу этих сиделок в госпиталях. Понимаю, что они необходимы, но мне это не по душе. Может, все-таки поедешь в Бирмингем?

Нелл решительно сказала, что не хочет ехать в Бирмингем.

А настоящее прощание прошло куда легче. Вернон поцеловал ее почти небрежно.

— Ну что ж, пока. Не унывай. Все будет хорошо. Я буду писать как можно чаще, хотя военным мало что разрешается рассказывать. Береги себя, Нелл дорогая.

Одно неудержимое объятие — и он почти оттолкнул ее от себя.

Он ушел.

Она подумала: «Сегодня мне ни за что не заснуть..»

Но она заснула. Тяжелым, глубоким сном. Как в яму провалилась. Настороженный сон, полный страшных предчувствий, постепенно перешел в забытие.

Проснувшись с острой болью в груди. Вернон ушел на войну. Надо найти себе работу.

Глава 2

1

Нелл пошла к начальнице Красного Креста миссис Кертис. Та была приветлива и любезна. Она наслаждалась своей значительностью и считала себя прирожденным организатором — а зря. Зато все в один голос говорили, какие у нее прекрасные манеры. Она милостиво посмотрела на Нелл.

— Значит, вы миссис... посмотрим... Дейр! У вас есть карточка добровольца и свидетельство сиделки?

— Да.

— Но вы не приписаны ни к какому отделу?

Они обсудили статус Нелл.

— Посмотрим, что мы можем для вас сделать,— сказала миссис Кертис — В госпитале штат сейчас заполнен, но у них люди то и дело выбывают. Когда пришел первый конвой, через день уволились семнадцать человек, женщин определенного возраста. Им не нравилось, как медсестры с ними разговаривают. Я тоже считаю, что сестры бывают грубоваты. Не любят они Красный Крест. Чувство соперничества. А те женщины были о себе высокого мнения и не любили, чтобы им указывали. Вы не так чувствительны, миссис Дейр?

Нелл сказала, что она не возражает против указаний.

— Вот это правильный настрой,— одобрила миссис Кертис.— Лично я смотрю на это с точки зрения дисциплины. Где бы мы были без дисциплины?

У Нелл мелькнула мысль, что сама-то миссис Кертис не подчиняется никакой дисциплине, ей проще. Но Нелл продолжала стоять, глядя на нее и почтительно внимая.

— Я внесу ваше имя в список резерва,— продолжала миссис Кертис.— А пока ходите в амбулаторию при городской больнице два раза в неделю, получите некоторый опыт. Там не хватает рабочих рук, и они охотно принимают нашу помощь. Будете ходить с участковой медсестрой вместе с... кажется, мисс Карднер, минутку,— она заглянула в список,— да, мисс Карднер, по четвергам и пятницам. Форму получили? Ну тогда все.

Мери Карднер оказалась приятной пухленькой девчушкой, дочерью мясника на пенсии. Она была очень приветлива, объяснила Нелл, что их дни — среда и суббота, а не четверг и пятница, но «старуха Кертис вечно все путает», что участковая медсестра душечка и никогда на тебя не наускаивает, а вот старшая сестра Маргарет в больнице — просто кошмар!

В ближайшую среду Нелл делала свой первый обход с участковой сестрой — маленькой суетливой женщиной, перегруженной работой. В конце дня она хлопала Нелл по плечу.

— У вас есть голова на плечах, я очень рада. А то иногда приходят такие девицы, просто придурочные. А корчат из себя таких важных дам, не поверите — я не о происхождении говорю. Простые полуграмотные девахи, которые считают, что наша работа — это взбивать подушки да кормить больных виноградом. Вы мигом сами все поймете.

Подбодренная этими словами, Нелл без особого трепета пришла в назначенное время в амбулаторию. Высо-

кая, мужеподобная старшая сестра встретила ее недобрым взглядом.

— Еще одна начинающая явилась,— буркнула она.— Вас прислала миссис Кертис? Меня уже тошнит от этой особы. Легче самой сделать, чем научить ее глупых девиц, которые уверены, что все знают.

— Извините,— кротко сказала Нелл.

— Получат пару свидетельств, прослушают десяток лекций и думают, что все в порядке,— желчно сказала сестра Маргарет.— Ко мне обращайтесь только когда неспособны.

Состав пациентов был обычный: у юноши ноги открыты язвами; ребенок ошпарил ногу кипятком; у девушки в пальце обломок иглы; пациенты с «больными ушами», «больными ногами», «больными руками».

Сестра Маргарет резко сказала:

— Умеете спринцевать ухо? Нет, конечно. Смотрите. Нелл посмотрела.

— В следующий раз будете делать сами. Снимите повязку с пальца у того паренька, и пусть парит в горячем растворе борной кислоты, пока я подготовлюсь.

Нелл действовала нервно и неуклюже, присутствие сестры Маргарет парализовало ее. Минуты не прошло, как та уже стояла рядом.

— Мы не можем возиться с этим целый день. Пустите, я сама. У вас руки не тем концом вставлены. Отмочите бинты на ногах у ребенка. Теплой водой.

Нелл принесла таз с теплой водой и поставила на пол. Крошке было не больше трех лет. Ожог был серьезный, бинты прилипли к тонким ножкам. Нелл отмывала и снимала бинты очень осторожно, но ребенок закричал от страха и боли, и Нелл потерпела полное поражение.

Она вдруг почувствовала слабость и тошноту. Ей не справиться с этой задачей, она просто не в силах. Она отодвинулась и тут поймала на себе взгляд сестры Маргарет — та светилась злорадством.

«Я знала, что ты не выдержишь»,— говорил ее взгляд.

Это заставило Нелл собраться. Она наклонила голову, сжала зубы и продолжила работу, стараясь не слушать воплей ребенка. Закончила и встала — бледная и дрожащая.

Сестра Маргарет была разочарована.

— А, сделали,— сказала она и обратилась к матери девочки: — В другой раз будьте внимательнее, миссис Сомерс, не давайте ребенку опрокидывать чайник.

Миссис Сомерс пожаловалась, что не может сразу за всем уследить.

Потом Нелл было приказано наложить повязку на нарывающий палец, потом помочь, когда сестра делала укол в изъязвленную ногу, потом она стояла возле молодого врача, который извлекал иголку из пальца девушки. Девушка дернулась, и он прикрикнул на нее:

— Сиди тихо, неужели не можешь?!

«Эту сторону жизни никто не видит,— подумала Нелл.— Мы привыкли к тактичным, внимательным докторам».

— Боюсь, будет немного больно. Потерпите, пожалуйста.

Молодой врач выдернул пару зубов, бросив их прямо на пол, потом взялся лечить руку, раздавленную в аварии.

Не то чтобы ему не хватало профессионализма. Не хватало такта, которого Нелл ожидала от врача. Но что бы он ни делал, за ним по пятам ходила сестра Маргарет, лстиво щебетала, смеялась шуточкам, которые он соизволил отпускать. Нелл он не замечал.

Наконец час прошел — слава Богу. Нелл робко попрощалась с сестрой Маргарет.

— Понравилось? — с дьявольской ухмылкой спросила та.

— Боюсь, я очень тупая,— сказала Нелл.

— Разве могло быть иначе? Любительницы лезут в Красный Крест и думают, что все на свете знают. Может, в следующий раз будете порасторопнее!

Таков был многообещающий дебют Нелл в амбулатории. Однако со временем дела пошли лучше. Сестра Маргарет смягчилась и перестала яростно огрызаться. Снисходила даже до ответов на вопросы.

— Вы не такая зазнайка, как другие,— сказала она.

Нелл, в свою очередь, восхищалась тем, как много квалифицированной работы сестра Маргарет ухитряется сделать за короткое время. И поняла, почему ее раздражают любители.

Нелл потрясло огромное количество пациентов с «больными ногами», большинство — успевшие перезнакомиться и подружиться — завсегдатаи амбулатории. Нелл, набравшись смелости, спросила про них у Маргарет.

— Им особо не поможешь,— ответила та.— Наследственность, по большей части. Дурная кровь. Они не излечимы.

Что еще поражало Нелл,— как героически бедный люд, не жалуясь, терпит боль. Приходят, подвергаются болезненному лечению и уходят, иногда за несколько миль пешком.

То же она видела у них дома. Нелл и Мери Карднер обошли много домов вместе с участковой медсестрой. Они мыли лежачих больных, лечили «больные ноги», иногда купали малышей, если мать была тяжело больна. Домишки обычно маленькие, окна чаще всего закупорены, кругом баракло, дорогое сердцу хозяев, поэтому духота там стояла невыносимая.

Но самый страшный шок Нелл получила две недели спустя, когда они нашли лежачего больного мертвым и им пришлось выносить его. Если бы не Мери Карднер с ее бодрой деловитостью, Нелл не выдержала бы.

Сестра их похвалила.

— Молодцы, девочки, вы мне по-настоящему помогаете.

Они разошлись по домам с чувством исполненного долга. Но никогда в жизни Нелл так не радовалась горячей ванне с ароматической солью.

Она получила от Вернона две открытки. В обеих было нацарапано, что у него все хорошо и замечательно. Она писала ему каждый день, стараясь рассказывать о событиях дня так, чтобы это было интересно. Он отвечал:

Франция

«Дорогая Нелл,

У меня все хорошо. Чувствую себя прекрасно. Только скучаю по тебе. Я хочу, чтобы ты перестала ходить по домам, где грязь и зараза. Еще подцепишь что-нибудь. Не понимаю, зачем это тебе. Я уверен, что нет никакой необходимости. Кончай. Мы здесь думаем только о еде, а все Томми¹ — ни о чем другом, только о своем чае. За чашку чая они дадут разорвать себя на куски. Мне по долгу службы приходится читать их письма, так вот, один тип заканчивает все письма так: «Твой до адских заморозков». Вот и я говорю то же самое.

Твой Вернон».

Однажды утром позвонила миссис Кертис и сказала Нелл:

— Есть вакансия санитарки в госпитале. На вторую смену. Приходите в два тридцать.

Городской магистрат Уилтсбери был превращен в госпиталь. Это было большое новое здание на соборной пло-

¹ Томми (разг.) — прозвище английского солдата, уменьшительное сокращение от Томас Актинс, условного именования солдата в английском военном уставе.

щади; высокий шпиль собора отбрасывал на него свою тень. Красавчик в форме, с медалями, на деревянной ноге, приветствовал ее при входе:

— Не в эту дверь, мисс. Персонал проходит через отдел снабжения. Туда, скаут¹ вас проводит.

Малыш-скаут провел ее вниз по лестнице, сквозь мрачное подобие sklepa, где восседала пожилая дама из Красного Креста посреди кип больничного белья, затем по каменным коридорам и наконец привел в мрачное подземелье, где ее встретила мисс Кертен, начальница санитарок, и высокая дама с лицом мечтательной герцогини и с оборотистыми манерами.

Нелл объяснили, в чем заключаются ее обязанности. Они были несложными, хотя включали тяжелую работу — мытье каменных коридоров и лестниц. После этого нужно было накрыть чай для медсестер, подождать, убрать, и потом санитарки сами пили чай. За ужином — тот же порядок.

Вскоре Нелл освоилась. В ее новой жизни было два камня преткновения: первое — война с кухней, второе — угодить медсестрам с чаем.

Нянечки-добровольцы из Красного Креста вваливались толпой, рассаживались за длинным столом бешено голодные, и всегда оказывалось, что еда заканчивалась перед тремя последними. Надо было кричать в трубу на кухню и получать едкий отказ. Хлеб с маслом присылали по счету, по три куса на каждого. Кто-то непременно съедал вторую порцию. Нянечки из Добровольческого отряда громко возмущались. Они дружно и громко болтали, называя друг друга по фамилии.

«Я не ела твой кусок хлеба, Джонс! Это не в моих правилах». «Вечно они обсчитывают». «Послушайте, дайте Кэтфорд поесть! У нее через полчаса операция». «Пышка, (ласковое прозвище), поторопись, нам еще клеенки отскребать».

В другом конце комнаты сидели медсестры, и там манеры были совсем иные. Беседа велась изысканно, холодным шепотком. Перед каждой сестрой стоял коричневый чайничек. Обязанностью Нелл было помнить, какой

¹ Скауты — добровольческая ассоциация, объединяющая подростков и проповедующая здоровый образ жизни, христианские ценности, патриотизм. Была создана в 1908 году.

крепости чай кто любит. Принести сестре «чай как вода» — значило навсегда лишиться ее благосклонности.

Шепот шел непрерывно.

«Я ей сказала: «Естественно, в первую очередь внимание уделяется хирургии». «Я только передала это замечание, так сказать». «Проталкивается вперед. Всегда одно и то же». «Я передала это замечание старшей сестре».

То и дело повторялась фраза: «Я передала это замечание». Нелл стала прислушиваться. Стоило ей приблизиться к столу, шепот стихал, и сестры с подозрением косились на нее. С преувеличенной любезностью предлагали друг другу чай.

Беседовали только между собой, с важным видом.

«Попробуйте моего, сестра Вестхейвен. В чайнике еще много чаю». «Сестра Карр, вы очень обяжете меня, если одолжите сахару». «Прошу прощения».

Только-только Нелл начинала понимать атмосферу госпиталя — вражда, ревность, интриги, сто одно подводное течение, как ее перевели в палату на место заболевшей нянечки.

Она обслуживала ряд из двенадцати коек; в основном это были хирургические больные. С ней на пару работала Глэдис Потс, маленькое смешливое создание, умница, но лентяйка. Начальницей над ними была сестра Вестхейвен — тощая, высокая, ядовитая особа с вечно недовольным лицом. У Нелл сердце упало, когда она ее увидела, но позднее она поняла: под началом Вестхейвен работать было куда приятнее, чем с другими сестрами.

Сестер было пятеро. Сестра Карр, кругленькая и добродушная; мужчины ее любили, она с ними шутила и смеялась, а потом опаздывала с перевязками и делала их наспех. К добровольцам она обращалась: «Дорогуша», — любовно их похлопывала, но характер у нее был неровный. Вообще она была растрепана, и все у нее шло кувырком, а виновата оказывалась «дорогуша». Работать под ее началом — это можно было с ума сойти.

Сестра Барнес была просто невыносима, все это говорили: она ругалась с утра до ночи, ненавидела добровольцев и всячески это демонстрировала. «Я научу их, как корчить из себя всезнайку», — заявляла она. Но если не считать едкого сарказма, она была хорошей сестрой, и некоторые девушки любили у нее работать, несмотря на ее язык.

Сестра Данлоп была сущий клад — спокойная, тихая, только ужасно ленивая. Она то и дело пила чай, а работать старалась как можно меньше.

Норис была операционной сестрой вполне квалифицированной, она красила губы и изводила подчиненных.

Получалось так, что сестра Вестхейвен лучшая в госпитале. Она рьяно работала и была справедлива к нижестоящим. Способным и старательным она выказывала дружелюбие. Если же она решала, что это дуры, то им доставалась жалкая участь.

На четвертый день она сказала Нелл:

— Поначалу я думала, что толку от вас будет чуть, но вы работаете много и хорошо.

Нелл летела домой как на крыльях.

Мало-помалу она втянулась в больничную рутину. У нее больше не сжималось сердце при виде раненых, не пугали перевязки. Кровь, раны, страдания — все это стало обычным.

У мужчин Нелл была популярна. В часы затишья после чая она писала за них письма, приносила с полок в углу палаты книги, которые, по ее мнению, им могли понравиться, выслушивала истории про семью и про возлюбленных. Как и другие санитарки, она стремилась защитить их от возможных жестокостей или глупостей.

В дни посещений в госпиталь потоками стекались пожилые дамы. Они усаживались у коек и изо всех сил старались «поддержать дух наших храбрых солдат». И на неизменный вопрос: «Я полагаю, вы рветесь обратно на фронт?» — следовал неизменный ответ: «Да, мэм».

Случались и концерты. Некоторые были хорошо организованы и доставляли массу удовольствия, но другие!.. Няня Филис Дикон, сидящая рядом с Нелл, пыталась:

— Каждый, кто считает, что умеет петь, но дома ему не позволяли драть глотку, теперь получил шанс!

Бывали также священники — никогда Нелл не видела столько священников сразу. Двоих она высоко ценила, они умели выразить сочувствие и понимание, находили нужные слова и не педалировали религиозную сторону дела. Но встречались и совсем другие.

— Няня.— Нелл резко окликнула сестра, и та прервала свой торопливый проход по палате.— Няня, ваш ряд коек сдвинулся. Седьмая выступает.

— Да, сейчас поправлю.

— Няня, вы меня не помоеете?

Необычная просьба.

— Но еще нет и половины восьмого.

— Ко мне придет пастор исповедовать. Он уже идет.

Нелл пожалела его, и преподобный каноник Эджертон застал своего новообращенного за оградой из ширм и та-зов.

— Спасибо, няня,— прохрипел пациент.— Трудновато выносить пристаивания парня, который от вас никак не отцепится, а?

Мытье, постоянное мытье. Мыть больных, мыть полы, и в любой час дня отмывать клеенки — прорезиненные подстилки. И бесконечное наведение порядка.

— Няня, кровати. На девятой свешивается простыня. Вторая сдвинута. Что подумает доктор?

И доктор, доктор, доктор. Утром, днем и ночью. Доктор! Доктор был богом. Для простой няни из добровольцев обратиться к доктору считалось непростительной дерзостью и значило навлечь на себя ярость сестры. Некоторые няни невольно совершали подобное кощунство: они жили в Уилтсбери, знали этих врачей и жизнерадостно здоровались с ними. Тут же оказывалось, что они «проталкиваются вперед». Мери Карднер «протолкнулась». Доктор попросил ножницы, и она ему подала не задумываясь, она в этот момент шила. Сестра долго выговаривала ей за это преступление. Закончила она так:

— Я не говорю, что вам не следовало этого делать. Видя, что у вас есть требуемая вещь, вы должны были шепотом меня спросить: «Сестра, это то, что ему нужно?» Я бы их взяла и подала доктору. Никто бы не стал возражать.

От слова «доктор» Нелл уставала. Сестра сопровождала им каждую фразу. «Да, доктор... Не думаю, доктор... Простите, доктор? Я не уловила... Няня, поддержите полотенце для доктора».

И ты стоишь, как вешалка, и держишь полотенце. А доктор, вытерев свои священные руки, швыряет полотенце на пол, ты его смиренно поднимаешь. Поливаешь доктору на руки, подаешь мыло доктору и наконец слышишь команду:

— Няня, откройте дверь доктору!

— Боюсь, нам теперь от этого не избавиться,— свирепо сказала Филис Дикон.— Я никогда больше не буду относиться к врачам по-прежнему. Я теперь всю жизнь буду прислуживать самому последнему докторишке: он придет к нам на обед, а я брошусь ему дверь открывать. Так и будет, я знаю.

В госпитале царил дух франкмасонства: сословные различия были забыты. Дочь дьякона, дочь мясника, миссис Манфред — жена обойщика, Филис Дикон — дочь баронета — все называли друг друга по фамилиям и сообща интересовались, что будет на ужин и хватит ли на всех. Случалось и жульничество. Хохотушка Глэдис Потс была поймана на том, что пораньше спускалась на кухню урвать лишний кусок хлеба с маслом и порцию риса.

— Знаете, я теперь сочувствую слугам, — сказала Филис. — Мы всегда думали, что они слишком хлопочут о еде, а здесь мы сами такие же. Кто бы мог предугадать? Вчера я чуть не заплакала, когда мне не хватило омлета.

— Они не должны взбивать яйца, — сердито вмешалась Мери. — Надо варить или жарить яйца по одному. Когда взбивают, легко обмануть людей.

И она выразительно посмотрела на Глэдис Потс. Та нервно хихикнула и отошла.

— Лентяйка. Вечно отлынивает, — сказала Филис Дикон. — И ябедничает. С Вестхойвен это не проходит, она справедливая, но к малышке Карр она подлизывалась до тех пор, пока не заполучила всю непыльную работу.

Маленькую Потс не любили. Иногда предпринимались попытки заставить ее делать самую грязную работу, но Потс была хитрее. С ней могла сравниться только изобретательная Филис Дикон.

Среди самих врачей тоже процветало соперничество. Каждый хирург хотел получить интересный случай. Распределение больных по палатам вызывало всплеск эмоций.

Вскоре Нелл знала всех врачей и их особенности. Доктор Лэнг был высокий, неопрятный, сутулый, с длинными нервными пальцами. Среди хирургов он был самый способный. Он был неводержан на язык и безжалостен в обращении с больными, но он был умный, и сестры его обожали.

Потом был доктор Уилбрехем, у него в Уилтсбери была модная практика. Цветущий толстяк, добродушный, если дела шли хорошо, и похожий на обиженного ребенка, если плохо. Когда уставал, то раздражался и грубил, и Нелл его не любила.

Был доктор Медоуз, спокойный и деловой — он был врач общей практики. Он бывал доволен, когда не надо делать операцию, и внимательно относился к каждому пациенту. С нянями держался вежливо и полотенце на пол не бросал.

Еще был доктор Бери, про которого говорили, что он не слишком хороший врач, но сам он был уверен, что знает все на свете. Он вечно стремился испробовать новые методы и дольше двух дней пациентом не занимался. Когда его больной умирал, говорили: «Чему тут удивляться, это же доктор Бери!»

Самым молодым был доктор Кин, он вернулся с фронта после ранения. Он знал меньше студента, но был исполнен важности. Снисходил до того, чтобы поболтать с волонтерками, объяснить им значение только что законченной операции. Нелл сказала Вестхейвен:

— Я не знала, что оперировал доктор Кин, я думала — доктор Лэнг.

На что сестра мрачно ответила:

— Доктор Кин держал ногу. Вот и все.

Поначалу операции были для Нелл сплошным кошмаром. В первый раз она грохнулась на пол, и няня ее вывела. Она не смела поднять глаз на сестру, но та неожиданно подобрела.

— Это бывает от духоты и эфира,— сказала она.— В следующий раз не заходите надолго. Понемногу привыкнете.

В следующий раз Нелл почувствовала слабость, но выходить не понадобилось, в другой раз ее только слегка тошнило, а потом и тошнить перестало.

Пару раз ее посылали помогать убирать после операции. Комната напоминала бойню — всюду кровь. Операционной няне было восемнадцать лет. Она сообщила Нелл, что сначала ненавидела свою работу.

— В первый раз я была на ампутации ноги,— сказала она.— Сестра ушла первой, велела мне убрать, и мне пришлось самой унести ногу в печь. Это было ужасно.

По выходным дням Нелл ходила на чай к друзьям, некоторые из них, сентиментальные пожилые дамы, кудахтали вокруг нее и восхищались.

— Но по воскресеньям вы не работаете, дорогая? Да что вы! Это неправильно, в воскресенье надо отдыхать.

Нелл мягко указывала, что по воскресеньям солдат тоже надо кормить и мыть, старые дамы соглашались, но говорили, что все должно быть лучше организовано. Их также очень огорчало, что Нелл приходилось одной возвращаться по ночам домой.

С другими дамами приходилось тяжелее.

— Я слышала, что все эти госпитальные сиделки задрали нос и всеми командуют. Я бы такого не стерпела. Проклятая война! Я готова делать все, что потребуется, но унижения не потерплю. Я так и сказала миссис Кертис, и она согласилась, что работа в госпитале мне не подходит.

Этим дамам Нелл вообще не отвечала.

В это время в Англию просочились слухи о «русских». Многие говорили, что видели их, — ну, если не сама, то троюродная сестра кухарки видела, а это практически одно и то же. Слух упорно держался — такой приятный и возбуждающий. Как-то в госпитале Нелл отозвала в сторону очень старая дама и сказала:

— Дорогая, не верьте этим сказкам. Это правда, но все не совсем так, как мы думаем.

Нелл вопросительно смотрела на нее.

— Яйца! — сказала старуха пронзительным шепотом. — Русские яйца! Несколько миллионов яиц, чтобы мы не голодали.

Все это Нелл рассказывала в письмах к Вернону. Она остро переживала свою оторванность от него. Его письма бывали сжаты и выразительны, он повторял, что ему не нравится ее работа в госпитале, и настаивал, чтобы она уехала в Лондон к матери.

Странные люди, эти мужчины, размышляла Нелл. Они не понимают. Ни за что не станет она одной из тех, кто старается «сохранить себя привлекательной для своего парня». Как же быстро люди перестают понимать друг друга, когда они заняты разными делами! Она не может жить его жизнью. Вернон не может разделить ее жизнь.

Первое потрясение от разлуки, когда она боялась, что его убьют, прошло. Она стала такой же, как все жены. Прошло четыре месяца, а он даже не ранен. И не будет. Все будет хорошо.

На пятый месяц он прислал телеграмму, что приезжает в увольнение. У Нелл сердце замерло. Она пошла к старшей сестре, получила разрешение на отпуск и поехала в Лондон, чувствуя себя странно и непривычно в обычной одежде. Их первый отпуск!

2

Это правда, это действительно так! Подошел поезд с отпускниками, из него высыпала толпа, и она увидела его. Он приехал. Они встретились. Он отчаянно сжал ее руки. И она поняла, как же она все это время боялась.

Пять дней промелькнули как вспышка. Как бредовый сон. Она обожала Вернона, Вернон обожал ее, но они были словно чужие. Когда она заговаривала о Франции, он бесцеремонно обрывал ее. Все хорошо, все отлично. Не надо принимать это всерьез. Бога ради, Нелл, не будь сентиментальной. Как ужасно приехать и видеть вытянутые лица. И не распускай нюни о «храбрых солдатах, отдающих свою жизнь» и так далее. Меня тошнит от этого. Пойдем купим билеты на еще одно шоу.

Ее задевала его бессердечность — как можно так легко относиться к войне? Когда он расспрашивал ее, она могла говорить только о событиях в госпитале, а ему это не нравилось. Он умолял ее бросить работу.

— Такая грязь. Мне противно думать, что ты этим занимаешься.

Сначала она обиделась, но потом одернула себя. Они снова вместе, что еще может иметь значение?

Они восхитительно проводили время. Каждый вечер — шоу и танцы. Днем они ходили по магазинам. Вернон покупал все, что привлекало его взгляд. Они зашли в салон парижской портнихи и смотрели, как перед ними проплывают юные воздушные принцессы в облаках шифона. Вернон купил самое дорогое платье, Нелл вечером его надела, они чувствовали себя ужасно порочными и ужасно счастливыми.

Потом Нелл сказала, что ему следует навестить мать. Вернон взбунтовался.

— Не хочу! Дорогая, у нас так мало времени, оно драгоценно, я не хочу терять ни минуты.

Нелл уговаривала его: Майра будет так расстроена и обижена.

— Тогда ты поедешь со мной.

— Нет, так не годится.

В конце концов он поехал в Бирмингем с коротким визитом. Мать устроила грандиозное представление, пролила потоки слез — «это слезы радости и гордости» и уговорила зайти к Бентам.

Вернулся Вернон, переполненный сознанием собственной добродетели.

— Нелл, ты просто бессердечная чертовка! Мы потеряли целый день. Господи, меня всего обслюнявили!

Но ему тут же стало стыдно. Почему он так мало любит мать? Как она ухитряется раздражать его не взирая на самые его добрые намерения? Он обнял Нелл.

— Я не должен был так говорить. Я рад, что съездил. Ты такая славная, Нелл, никогда не думаешь о себе. Как чудесно снова быть с тобой. Ты даже не знаешь...

И она опять надела новое платье, и они пошли в ресторан, чувствуя себя как примерные дети, получившие награду.

К концу обеда она увидела, что Вернон вдруг переменялся в лице — оно стало тревожным и напряженным.

— Что такое?

— Ничего, — поспешил он ее заверить.

Но она оглянулась и увидела Джейн, сидящую за столиком у стены. На миг она похолодела, но потом беспечно сказала:

— Это же Джейн! Подойдем к ней и поговорим.

— Нет. Не стоит. — Ее удивило, с какой горячностью он это сказал. Он заметил и продолжал спокойнее: — Дорогая, я такой дурак, я хочу быть с тобой и только с тобой, и пусть к нам никто не лезет. Ты доела? Пошли. Я не хочу пропустить начало пьесы.

Они расплатились и ушли. Джейн беззаботно кивнула им, Нелл помахала ей рукой. В театр они пришли за десять минут до начала.

Позже, когда Нелл спускала с плеч свое бальное платье, Вернон вдруг спросил:

— Нелл, как ты думаешь, я еще смогу писать музыку?

— Конечно. Почему же нет?

— Не знаю. Кажется, мне не хочется.

Она удивленно посмотрела на него. Он сидел, хмуро глядя перед собой.

— Я думала, только это ты и любишь.

— Любишь, не любишь... Такое нельзя выразить словами. Это не то, что ты любишь. Это то, от чего не можешь избавиться, что тебя преследует. Как лицо, которое то и дело представляется, даже если ты не хочешь его видеть.

— Вернон, дорогой, не надо.

Она подошла и опустилась на колени. Он порывисто прижал ее к себе.

— Нелл, дорогая Нелл, все пустяки, кроме тебя. Поцелуй меня...

Но он тут же возвратился к начатой теме.

— Знаешь, пушки создают образ, музыкальный образ. Не звук выстрелов, а звуковой образ в пространстве. Это,

наверное, вздор, но я так чувствую.— И через минуту: — Как бы ухватить его?

Она осторожно отодвинулась. У нее словно появилась соперница. Открыто она никогда этого не признавала, но втайне боялась музыки Вернона. Если бы это не так его занимало!

Но, по крайней мере в эту ночь, победила она. Он опрокинул ее, прижимал к себе, покрывал поцелуями.

Однако, после того как Нелл уснула, Вернон еще долго лежал без сна, глядя в темноту, видел лицо Джейн и очертания тела в узком платье тускло-зеленого атласа на фоне малинового драпри — такой, какой он увидал ее в ресторане.

Он беззвучно сказал себе: «К черту Джейн!» Но знал, что так легко ему от нее не избавиться.

В Джейн было что-то чертовски тревожащее.

Если бы никогда ее не знать!

На следующий день он ее забыл. Это было прошлое, и оно летело со страшной быстротой. И очень скоро закончилось.

3

Все было как во сне, но сон кончился, и Нелл вернулась в госпиталь, как будто и не уходила. Она отчаянно ждала первого письма от Вернона. Оно пришло — более пылкое и безудержное, чем обычно, он как будто забыл о цензуре. Нелл носила его, приложив к сердцу, и на коже отпечатались следы несмываемого карандаша. Нелл ему об этом написала.

Жизнь продолжалась своим чередом. Доктор Лэнг ушел на фронт, его заменил престарелый врач, с бородой, с привычкой повторять: «Благодарствую, сестра», — когда ему подавали полотенце и помогали надеть халат. Большинство коек опустело, и Нелл предавалась вынужденному безделью.

К ее удивлению и радости, однажды ее навестил Себастьян. Он был в увольнении и по просьбе Вернона зашел к ней.

— Так ты его видел?

Себастьян сказал — да, они получали боеприпасы от части Вернона.

— Ну и как он, в порядке?

— О, он в полном порядке!

Что-то в его голосе вызвало тревогу Нелл. Она поднажала на Себастьяна, и тот хмуро сказал:

— Ну, это трудно объяснить, но Вернон всегда был странный малый. Не хочет смотреть фактам в лицо.

Он опередил свирепую отповедь, готовую сорваться с ее губ.

— Я ни в коей мере не хотел сказать то, что ты подумала. Он не боится. Он как будто совсем не знает страха — хотел бы я быть таким же. Я говорю про другое — про жизнь в целом. Грязь, и кровь, и шум — главное, шум! Непрекращающийся грохот с короткими промежутками. Мне это действует на нервы, что же говорить о Верноне?

— Да, но что означают твои слова — не хочет смотреть в лицо фактам?

— Он попросту их не признает. Он боится думать и потому говорит, что здесь не о чем думать. Если бы он, как я, признал, что война — это грязное, презренное дело, с ним вообще все было бы в порядке. Но он не хочет смотреть на вещи честно и прямо. Какой смысл говорить, что «ничего такого нет», если оно есть! А Вернон говорит. Он в хорошем расположении духа, всему радуется, и это неестественно. Я боюсь... о, я сам не знаю, чего боюсь. Но я понимаю, что мне не следует приукрашивать тебе состояние дел. Вернон музыкант, у него нервы музыканта. Хуже всего, что он сам себя не понимает.

Нелл с тревогой спросила:

— Себастьян, как ты думаешь, что с ним будет?

— О! Скорее всего, ничего. Я пожелал бы Вернону оказаться в самом безопасном месте и благополучно вернуться к тебе.

— Как бы я этого хотела!

— Бедненькая Нелл! Для всех вас это так скверно. Хорошо, что у меня нет жены.

— А если бы была... ты хотел бы, чтобы она работала в госпитале, или пусть лучше ничего не делает?

— Со временем все будут работать. Так что лучше начать пораньше, так я думаю.

— Вернону это не нравится.

— Опять его страусиная позиция, да плюс к ней — консерватизм, которого он никогда, кажется, не преодолеет. Ему придется смириться с тем, что женщины работают, — но он не будет с этим соглашаться до последней минуты.

Нелл вздохнула.

— Как все тревожно.

— Понимаю. А я тебе добавил тревог. Но я очень люблю Вернона. Он мой единственный друг. Я надеялся, что, если расскажу тебе, ты сумеешь — ну, успокоить его, что ли. Или тебе это уже удалось?

Нелл покачала головой.

— Нет, по поводу войны он только шутит.

Себастьян присвистнул.

— В следующий раз постарайся, ладно?

Вдруг Нелл резко спросила:

— Может быть, он скорее разговорился бы с Джейн?

— С Джейн? — Себастьян смутился. — Не знаю. Может быть. Смотря по обстоятельствам.

— Значит, ты так думаешь! Но почему? Скажи мне, почему? Она лучше умеет посочувствовать или что?

— О Господи, нет, конечно. Джейн не то чтобы сочувствует. Скорее провоцирует. Ты разозлишься, и оглянуться не успел, как правда — тут как тут. Она заставляет понимать самого себя, даже против твоей воли. Никто лучше Джейн не умеет сбросить тебя с постамента.

— Думаешь, она имеет влияние на Вернона?

— Ну, я не сказал бы. И потом, это не имеет значения. Она две недели назад отплыла в Сербию. Будет там работать.

— О,— сказала Нелл и улыбнулась, с трудом сдержав вздох облегчения. На душе у нее полегчало.

4

«Дорогая Нелл, знаешь ли ты, что я каждую ночь вижу тебя во сне? Обычно ты очень мила со мной, но иногда — как маленькое чудовище. Холодная, жесткая, отстраненная. Но ведь ты не такая, правда? Ну как, дорогая, смылся несмываемый карандаш?»

Нелл, милая, я не верю, что буду убит, но даже если так — это не важно. Мы получили от жизни очень много. Вспоминай обо мне весело и с любовью, хорошо, дорогая? Я знаю, что буду любить тебя и после смерти — какая-то маленькая частичка меня не умрет и будет тебя любить. Я люблю тебя, люблю, люблю...»

Никогда раньше он так не писал. Она положила письмо на обычное место. В этот день в госпитале она ходила с отсутствующим видом, и мужчины это заметили.

— Нянечка замечталась,— поддразнивали они ее, отпуская шуточки, и она смеялась.

Как чудесно быть любимой. Сестра Вестхейвен была не в духе, Глэдис Потс отлынивала больше обычного. Но все было не важно. Даже Дженкинс, заступившая на ночное дежурство, с присущим ей пессимизмом, не смогла нагнать на нее тоску.

Поправив манжеты и поелозив двойным подбородком по воротничку, чтобы не очень подпирал, она заговорила в обычной манере:

— Так-с. Третий номер еще жив? Удивительно. Я не думала, что он протянет еще день. Значит, завтра отойдет, бедняга. (Сестра Дженкинс всегда пророчила, что больной умрет завтра, и ошибки в предсказаниях ничуть не уменьшали ее пессимизма.) На восемнадцатого я даже смотреть не хочу — та последняя операция была более чем бесполезна. Номеру восемь должно стать хуже, если я не ошибаюсь. Я говорила доктору, но он не послушал.— Вдруг она оборвала себя: — А вам, няня, нечего здесь болтаться. Выходной есть выходной.

Нелл воспользовалась милостивым позволением удалиться, уверенная в том, что, если бы она не замешкалась, Дженкинс спросила бы: «Чего это она так торопится? Ни минуты не даст себе переработать».

Идти до дому ей было двадцать минут. Ночь выдалась звездная, и Нелл наслаждалась прогулкой. Вот бы Вернон шел рядом с ней!

Она тихо вошла в дом, открыв дверь своим ключом. Хозяйка всегда рано ложилась спать. На подносе лежала телеграмма.

Она все поняла.

Она говорила себе, что не может быть, что он только ранен,— но она уже знала.

Вспомнилась строчка из его письма, которое она получила утром:

«Нелл, милая, я не верю, что буду убит, но даже если так — это не важно. Мы получили от жизни очень много».

Никогда он не писал такого. Значит, он чувствовал, он уже знал. Иногда чувствительные люди знают заранее.

Она стояла с телеграммой в руке. Вернон, ее возлюбленный, ее муж... Она долго стояла.

Наконец, распечатала телеграмму, в которой с глубо-

ким сожалением ее извещали, что лейтенант Дейр убит в ходе военных действий.

Глава 3

1

Заупокойная служба по Вернону состоялась в той же маленькой старой церкви, что и по его отцу, — в Эбботсфорде, рядом с Эбботс-Пьюисентс. Двум последним Дейрам не суждено было лежать в семейном склепе. Один остался в Южной Африке, другой — во Франции.

Позже в памяти Нелл все происходившее заслонила огромная фигура миссис Левин, как древняя богиня из эпохи матриархата, своим величием низведшая остальных до размера карликов. Временами Нелл кусала губы, чтобы не расхохотаться истерически, так все было смешно, так не похоже на Вернона.

Была ее мать, она выглядела элегантно и держалась в сторонке. Был дядя Сидни в черном костюме, он с трудом удерживался от того, чтобы не бренчать мелочью в кармане и сохранять похоронное выражение лица. На Майре была густая вуаль, она непрерывно плакала. Но миссис Левин господствовала надо всем. Она вместе с ними вернулась в гостиницу, подтверждая свою принадлежность к семье погибшего.

— Бедный мальчик, такой милый, такой храбрый. Я всегда думала о нем как о сыне.

Она искренне горевала. Слезы капали на черный лиф. Она похлопала Майру по плечу.

— Ну, ну, дорогая, крепитесь. Не надо так. Это наш долг — все вытерпеть. Вы отдали его на благо отечества. Большого вы сделать не могли. Посмотрите, как стойко держится Нелл.

— Все, что у меня было в мире, — всхлипнула Майра. — Сначала муж, потом сын. Никого не осталось.

Она устремила залитые слезами глаза куда-то ввысь в страдальческом экстазе.

— Он был самый лучший сын, мы были всем друг для друга. — Она схватила миссис Левин за руки. — Вы поймете, что я чувствую, если Себастьян...

Ужас исказил лицо миссис Левин, она вырвала руки. Сидни сказал:

— Я вижу, принесли сандвичи и портвейн. Очень ра-

зумно. Майра дорогая, капельку вина. Для тебя это такое испытание.

Майра в ужасе отодвинула вино. Сидни дали понять, что он бесчувственный.

— Мы должны держаться,— сказал он.— Это наш долг. Рука его скользнула в карман, и он зазвенел монетами.

— Сид!

— Извини, Майра.

Нелл опять охватило неистовое желание хихикнуть. Она не хотела плакать. Она хотела смеяться, смеяться, смеяться. Ужас, что такое!

— Мне показалось, все идет хорошо,— говорил дядя Сидни.— Просто очень хорошо. Столько народу пришло. Не хотите ли прогуляться по Эбботс-Пьюисентс? Мы получили очень милое письмо, на сегодня его отдают в наше распоряжение.

— Я его ненавижу,— страстно сказала Майра.— Всегда ненавидела.

— Нелл, ты была у нотариуса? Помнится, Вернон перед уходом на фронт сделал очень простое завещание — все оставил тебе. В таком случае, Эбботс-Пьюисентс теперь твоя. Имя не числится как родовое, да и Дейров больше нет.

— Спасибо, дядя Сидни,— сказала Нелл.— Я виделась с нотариусом, он объяснил, что все принадлежит мне.

— Это больше, чем обычно могут сделать нотариусы. У них даже простые вещи выглядят страшно сложными. Не мое дело тебе советовать, но, как я понимаю, в твоей семье нет мужчин, кто бы мог дать тебе совет. Лучше всего тебе его продать. На его содержание нет денег, понимаешь?

Нелл понимала. Ей дали понять, что деньги Бентов ей не достанутся. Майра оставит деньги своей собственной семье. Естественно; на другое Нелл и не рассчитывала.

Вообще-то дядя Сидни заранее поговорил с Майрой — узнать, не ожидается ли у молодых ребенок. Майра сказала — как ей кажется, нет. Дядя Сидни велел уточнить.

— Я точно не знаю, но, кажется, если ты завтра сыграешь в ящик, завещав деньги Вернону, они достанутся ей. Без вариантов.

Майра слезливо заговорила о том, как жестоко с его стороны говорить, что она умрет.

— Ничего подобного я не сказал. Все вы, женщины, одинаковы. Кэри дулась на меня целую неделю, когда я

заставил ее оформить завещание. Мы не хотим, чтобы денюжки уходили из семьи.

Сверх того, он не хотел, чтобы денюжки уходили к Нелл. Он не любил ее, считая, что она перебежала дорожку Энид. И с отвращением смотрел на миссис Верикер: в ее присутствии он чувствовал себя неуклюжим, потным и не знал, куда девать руки.

— Нелл обязательно посоветуется со специалистом,— сладким голосом прошептала миссис Верикер.

— Не подумайте, что я хочу встречать,— сказал дядя Сидни.

В Нелл вспыхнуло болезненное чувство сожаления. Ах, если бы она была беременна! Вернон так берег ее. «Дорогая, будет ужасно, если меня убьют, а ты останешься с ребенком на руках,— куча забот и мало денег... к тому же... ты можешь умереть, я не могу рисковать».

Тогда действительно казалось, что можно подождать. А теперь ей было очень жаль. Утешения матери показались ей жестокими.

— Нелл, ты случайно не ждешь ребенка? Слава Богу. Ты выйдешь замуж еще раз, и лучше, чтобы не было обузы.

В ответ на ее пылкий протест миссис Верикер улыбнулась.

— Я не должна была говорить это сейчас, но ты еще дитя. Вернон и сам хотел бы, чтобы ты была счастлива.

«Никогда не буду. Она не понимает»,— думала Нелл.

— Ну, ну, мы живем в печальном мире,— сказал мистер Бент, вгрызаясь в бутерброд.— Погибает цвет человечества. Но я горжусь Англией, горжусь, что я англичанин. Мне радостно чувствовать, что и я вношу свой вклад, как эти ребята. В следующем месяце мы удвоим производство взрывчатых веществ. Работаем день и ночь. Могу сказать, я горжусь фирмой «Бент».

— Это должно быть очень прибыльно,— сказала миссис Верикер.

— Я предпочитаю смотреть на это иначе. Я считаю, что служу своей стране,— сказал мистер Бент.

— Надеюсь, все мы делаем, что можем,— сказала миссис Левин.— Я работаю по два дня в неделю, забочусь о бедных девушках, у которых появляются дети войны.

— Слишком много легкомыслия,— сказал мистер Бент.— Мы не должны распускаться. Англия никогда не была распущенной.

— В любом случае надо позаботиться о детях,— сказала миссис Левин и добавила: — А как там Джо? Я думала, что встречу ее здесь.

И Сидни, и Майра смутились. Стало ясно, что Джо — это, что называется, деликатная тема, и они быстро ее обошли. Работает на войну во Франции... очень занята... Не смогла получить увольнение.

Мистер Бент посмотрел на часы.

— Майра, у нас осталось мало времени до поезда. Надо вернуться засветло. Кэри — вы знаете мою жену — нездорова, поэтому не смогла приехать.— Он вздохнул.— Странно, как все оборачивается к лучшему. Мы жалели, что у нас нет сына, а теперь оказалось, что судьба нас пощадила. Вот бы мы сейчас переживали! Пути Господни неисповедимы.

Миссис Верикер сказала, после того как они расстались с миссис Левин, подвезшей их на машине:

— Я очень надеюсь, Нелл, что ты не считаешь своим долгом часто видаться с этой семьей. Сказать не могу, до чего мне не нравится, как эта женщина купается в своей горе. Она прямо-таки упивается им, хотя вряд ли предпочла бы лечь в гроб вместо сына.

— О, мама! Она действительно несчастна. Она обожала Вернона. Как она сказала, он — все, что у нее было в мире.

— Женщины любят эту фразу. Она ничего не значит. И не делай вид, что Вернон любил мать. Он ее только терпел. Между ними не было ничего общего. Он насквозь Дейр.

Этого Нелл не могла отрицать.

Она прожила у матери три недели. Миссис Верикер была к ней очень добра — в пределах собственных принципов. Она была не из тех, кто вечно готов сочувствовать, но уважала горе Нелл и не вмешивалась. Ее практические суждения были, как всегда, безупречны. Она говорила с нотариусом и осталась очень довольна.

Эбботс-Пьюисентс все еще сдавался. Жильцы занимали его до будущего года, и нотариус настоятельно советовал продать его, а не сдавать еще раз. К удивлению Нелл, миссис Верикер эту позицию не поддержала. Она предложила подождать с продажей.

— Мало ли что может случиться,— сказала она.

Мистер Флеминг встретил ее упорный взгляд и, ка-

жется, понял. Он задержал взор на Нелл, которая в трауре выглядела прекрасной и юной. Он заметил:

— Как вы сказали, многое еще может случиться. Во всяком случае, в течение года можно ничего не решать.

Уладив дела, Нелл вернулась в госпиталь Уилтсбери. Только здесь для нее была возможна жизнь. Миссис Верикер не спорила. Она была разумная женщина, и у нее были свои планы.

Через месяц после смерти Вернона Нелл снова была в госпитальной палате. Никто не заговаривал с ней об ее утрате, и она была благодарна. Девизом момента было — держаться.

2

— Сиделка Дейр, вас кто-то спрашивает.

— Меня? — удивилась Нелл.

Должно быть, Себастьян. Только он мог приехать навестить ее. Она не была уверена, что хочет его видеть.

Но, к ее величайшему изумлению, это был Джордж Четвинд. Он объяснил, что, проезжая через Уилтсбери, остановился узнать, нельзя ли с ней повидаться. Он приглашал ее на ленч.

— Я подумал, что сегодня вы дежурите во вторую смену.

— Вчера меня передвинули на утро. Я спрошу у старшей сестры. Мы сейчас не очень загружены.

Разрешение было дано, и через полчаса она сидела в отеле «Кантри», перед ней стояла тарелка с ростбифом, а официант склонился к ней с блюдом капусты.

— Единственный овощ, который в «Кантри» признают,— отметил Четвинд.

Он говорил занимательно и не касался ее утраты. Он только сказал, что ее возвращение на работу в госпитале — самый мужественный поступок, о каком ему приходилось слышать.

— Не могу выразить, как меня восхищают женщины. Они все терпят, они работают. Без шума, без героизма — принимают это как должное. По-моему, англичанки прекрасны.

— Надо же чем-то заниматься.

— Я понимаю. Все лучше, чем сидеть сложа руки.

— Да.

Она была благодарна ему. Джордж всегда все понимал. Он рассказал, что через день-два поедет в Сербию для организации помощи.

— Честно говоря, мне стыдно, что моя страна не вступает в войну. Но вступит, я убежден в этом. Это только вопрос времени. Пока мы делаем что можем, чтобы облегчить людям тяжесть войны.

— Вы хорошо выглядите.

Он выглядел моложе, чем ей помнилось, — хорошо сложенный, загорелый, только седина в волосах выдавала возраст.

— Хорошо себя чувствую, потому что много работаю. Организация помощи требует много энергии.

— Когда вы уезжаете?

— Послезавтра.— Совсем другим голосом он сказал:— Послушайте... вы не сердитесь, что я вот так заглянул к вам? Не считаете, что я суюсь не в свое дело?

— Нет, что вы. Это очень любезно. Особенно после того, как я... я...

— Вы знаете, что я не держу на вас зла. Я восхищаюсь тем, что вы послушались зова сердца. Вы любили его и не любили меня. Но нет причин не оставаться друзьями, верно?

У него был такой дружеский, такой несентиментальный взгляд, что Нелл легко сказала да.

— Вот и прекрасно. Вы позволите мне делать то, что дозволяется друзьям? Я имею в виду — советовать в сложных случаях?

Нелл ответила, что будет только благодарна.

На том и порешили. Вскоре он уехал в своей машине, пожав ей руку и сказав, что надеется увидеться через шесть месяцев. Он просил ее в любое время обращаться к нему в затруднительных случаях.

Нелл обещала.

3

Зима выдалась для Нелл тяжелой. Она простудилась, не позаботилась принять необходимые меры и проболела больше недели. Когда стало ясно, что она не сможет возобновить работу в госпитале, мать увезла ее в Лондон. Там она медленно восстанавливала силы.

Утомляли бесконечные хлопоты. Оказалось, в Эбботс-Пьюисентс нужно полностью заменить крышу, проложить новые трубы, и ограда была в плачевном состоянии.

Впервые Нелл оценила, какой прорвой может быть ответственность. Затраты на ремонт многократно покрывали рен-

ту, миссис Верикер то и дело приходила Нелл на выручку, чтобы та не наделала слишком много долгов. Они жили так скудно, как только возможно. Миновали деньки кредитов и внешнего блеска. Миссис Верикер еле сводила концы с концами, ей это удавалось только благодаря карточным выигрышам. Она была первоклассным игроком в бридж¹ и целыми днями пропадала в еще уцелевшем бридж-клубе.

Жизнь Нелл была скучной и тоскливой. Она тревожилась о деньгах, но недостаточно окрепла, чтобы работать, и ей не оставалось ничего другого, как сидеть и размышлять. Бедность вкупе с любовью — это одно, бедность без любви — совсем другое. Иногда Нелл удивлялась, как она вообще будет дальше жить, когда впереди такие унылые и мрачные перспективы. Это было невыносимо, просто невыносимо.

Мистер Флеминг опять пристаёт, что пора принимать решение по Эбботс-Пьюисентс. Через месяц жильцы уезжают. Надо что-то предпринимать. Надежды на более высокую ренту нет никакой. Никто не хочет снимать дом без центрального отопления и современных удобств. Он усиленно советует продавать. Он знает, какие чувства к этому дому испытывал ее муж. Но поскольку она, скорее всего, никогда не сможет там жить...

Нелл соглашалась, что все это разумно, но умоляла подождать. Она колебалась, но не могла справиться с чувством, что если она избавится от хлопот с имением, то сбросит с себя тяжелую ношу. Однажды мистер Флеминг позвонил и сказал, что он получил очень хорошее предложение насчет Эбботс-Пьюисентс. Он назвал сумму, которая заметно превышала ее, да и его, ожидания. Он настойчиво советовал не тянуть с решением.

Нелл помедлила и сказала «да».

4

Как ей сразу стало легко — просто необыкновенно! Она свободна от этого кошмарного монстра! Имение совсем не напоминало о Верноне. Дома и строения становятся просто досадной обузой, если нет денег, чтобы их поддерживать.

Даже такое письмо от Джо из Парижа ее не огорчило:

¹ Бридж — разновидность коммерческой карточной игры, в которой принимают участие две пары партнеров.

Как ты могла продать Эбботс-Пьюисентс, если знаешь, как к ним относился Вернон? Я думала, что ты ни за что этого не сделаешь.

Она подумала: «Джо не понимает». Она ей написала в ответ:

А что мне было делать? Я не знала, где взять денег. Крыша, трубы, вода, и так без конца. Не могу я поддерживать дом в долг. Я так от всего устала, что лучше бы умереть...

Три дня спустя она получила письмо от Джорджа Четвинда, он спрашивал, нельзя ли к ней зайти, он должен кое в чем покаяться.

Миссис Верикер не было дома, Нелл приняла его одна. Он обрушил на ее голову новость: это он купил имение.

Она отпрянула. Только не Джордж! Джордж в Эбботс-Пьюисентс?! Он отстоял свою точку зрения блестяще. Конечно, лучше, чтобы имение попало в его руки, а не к незнакомому человеку. Он надеется, что Нелл и ее мать будут заезжать к нему и жить там.

— Мне приятно думать, что дом вашего мужа открыт для вас в любой момент. Изменения я сделаю минимальные, буду с вами обо всем советоваться. Ведь вы предпочтете, чтобы им владел я, а не какой-нибудь вульгарный пошляк, который набьет дом позолотой и сомнительными картинами старых мастеров?

Она даже удивилась, почему сначала была против. Конечно, лучше Джордж, чем кто-то другой. Он добрый, он все понимает. Она так устала. Она вдруг не выдержала и расплакалась у него на плече, он обнял ее совершенно по-братски и сказал, что все хорошо, просто она еще не совсем здорова.

Когда она рассказала матери, та объяснила:

— Я знала, что Джордж ищет себе дом. Повезло, что он выбрал Эбботс-Пьюисентс. Наверное, он потому дал хорошую цену, что когда-то любил тебя.

Безразличие, с каким было сказано «когда-то любил», успокоило Нелл. Она опасалась, что мать может иметь «идеи» насчет Джорджа Четвинда.

5

Лето они провели в Эбботс-Пьюисентс. Они были единственными гостями. Нелл не была здесь с детства. Глубокое сожаление охватило от мысли, что она не смогла жить здесь с Верноном. Дом был прекрасен, как и сады, как и

развалины Аббатства. Ремонт дома был в разгаре, и Джордж советовался с ней по каждому поводу. Нелл наконец не на шутку заинтересовалась. Она была почти счастлива, наслаждалась покоем, роскошью и свободой от забот.

Разумеется, получив деньги за Эбботс-Пьюисентс, она положила их в банк и будет иметь небольшой доход; но она с ужасом понимала, что надо решать, где жить и что делать. Ей не очень нравилось жить с матерью, друзья поразьехались. Она не знала, что ей делать со своей жизнью. Эбботс-Пьюисентс давал мир и покой, здесь она была как бы под защитой. Возвращаться в город смертельно не хотелось.

Был последний вечер. Джордж уговаривал остаться подольше, но миссис Верикер заявила, что они больше не могут злоупотреблять его гостеприимством. Нелл и Джордж шли по длинной дорожке. Вечер был тихий и спокойный.

— Здесь было чудесно,— с легким вздохом сказала Нелл.— Не хочется возвращаться.

— Мне тоже не хочется, чтобы вы возвращались.— Он помолчал и тихо спросил: — У меня нет никаких шансов?

— Не понимаю, о чем вы.

Но она знала — она сразу же поняла.

— Я купил этот дом, потому что надеялся, что когда-нибудь вы будете в нем жить. Я хочу, чтобы у вас был дом, принадлежащий вам по праву. Нелл, неужели вы хотите всю жизнь прожить воспоминаниями? Разве этого хотел бы он — Вернон? Я так не думаю о мертвых, не думаю, что они завидуют счастью живых. Думаю, он хотел бы, чтобы о вас заботились, вас берегли, когда его нет и когда он сам не может этого делать.

Она тихо сказала:

— Я не могу... не могу...

— Забыть его? Я знаю. Но я буду беречь вас, Нелл. Вы будете окружены заботой и любовью. Я думаю, что могу сделать вас счастливой — счастливее, чем вы были бы одна. Я верю, что Вернон хотел бы этого.

Хотел бы? Пожалуй, Джордж прав. Другие скажут, что это неверность, но это неправда. Ее жизнь с Верноном была нечто совсем особое, и никто не смеет ее касаться.

О! О ней будут заботиться, беречь ее, лелеять, понимать. Она всегда за это любила Джорджа.

Она очень тихо сказала. «Да».

Больше всех разозлилась Майра. Она написала Нелл письмо, полное обвинений.

Ты слишком скоро забываешь. У Вернона есть только один дом — он живет в моем сердце. А ты никогда его не любила.

Дядя Сидни покрутил большими пальцами и сказал: «Эта леди знает, с какой стороны хлеб намазан маслом», — и послал ей формальное поздравление.

Неожиданным союзником оказалась Джо; она прилетела в Лондон с коротким визитом и навестила Нелл.

— Я очень рада, — сказала она, целуя ее. — И Вернон был бы рад. Ты не можешь бороться с жизнью одна. Не обращай внимания на тетю Майру. Я с ней поговорю. Жизнь беспощадна к женщинам. Я думаю, с Джорджем ты будешь счастлива. А Вернон хотел тебе счастья, я знаю.

Поддержка Джо была Нелл дороже всего, ведь она была ближайшим другом Вернона. В ночь перед свадьбой она встала на колени возле кровати и посмотрела туда, где висела шпага Вернона. Закрыв глаза, она прижала к груди руки.

— Ты понимаешь, любимый? Понимаешь? Я люблю тебя и всегда буду любить.. О Вернон, если бы я могла быть уверена, что ты меня понимаешь!

Она постаралась вложить в вопрос всю душу, чтобы он дошел до Вернона. Он должен, должен ее понять.

Глава 4

1

В городе А в Голландии, неподалеку от германской границы, есть неприметная гостиница. Сюда в один из вечеров девятьсот семнадцатого года вошел молодой человек с изможденным лицом и на ломаном голландском языке попросил комнату на ночь. Он тяжело дышал и глаза у него беспокойно бегали. Анна Шлидер, толстая хозяйка гостиницы, прежде чем ответить, с присущей ей осторожностью внимательно оглядела его с головы до ног, затем сказала, что комнату он получит. Дочь Фреда проводила его наверх, а когда вернулась, мать лаконично объяснила: «Англичанин, сбежал из плена».

Фреда кивнула, но ничего не сказала. Ее глаза фарфоровой голубизны были нежными и сентиментальными. У нее были собственные причины интересоваться англичанином. Она снова поднялась по лестнице и постучала. Войдя, поняла, что молодой человек не слышал стука. В полном изнеможении он совершенно отключался от действительности, и посторонние звуки его не достигали. Дни, недели он был на грани между жизнью и смертью, не раз чудом избегал опасности, спал урывками, не давал себе расслабиться, чтобы не поймали. Теперь наступила реакция. Он как свалился на кровать, так и лежал. Фреда стояла, смотрела, наконец сказала:

— Я принесла горячую воду.

— О! — Он подскочил. — Извините. Я вас не слышал.

Медленно и раздельно она сказала на его родном языке:

— Вы англичанин?

— Да. Да, это... — Он замолчал. Надо быть осторожным. Но опасность миновала — он уже не в Германии... В голове шумело. Диета из сырой картошки, выкопанной на полях, не способствовала умственной деятельности. Он помнил только, что надо быть осторожным. Это так трудно. Он испытывал странное желание — говорить, говорить, теперь, когда долгое, полное страха напряжение спало.

Голландская девушка кивнула — серьезно и понимающе.

— Я знаю, вы пришли оттуда. — Она махнула рукой в сторону границы.

Он все еще был в нерешительности.

— Вы сбежали. У нас был один такой, как вы.

Неуверенность прошла; это хорошая девушка. Ноги у него подкосились, и он снова рухнул на кровать.

— Есть хотите? Да, вижу. Пойду что-нибудь принесу.

Хочет ли он есть? Наверное. Когда он ел последний раз? День, два назад? Он не помнил. Под конец он шел, как в бреду, — слепо шел и шел. У него была карта и компас, он знал, в каком месте надо перейти линию фронта, там было больше шансов. По нему стреляли, но не попали. Или все это было во сне? Он плыл по реке... да, плыл. Нет, все было не так. Он не будет об этом думать. Он убежал, и это замечательно.

Фреда принесла поднос с едой и большой кружкой пива. Он ел, пил, а она стояла и смотрела. Эффект был магиче-

ский — в голове прояснилось. Только теперь он понял, как же у него шумело в голове. Он улыбнулся Фриде.

— Замечательно,— сказал он.— Очень благодарен.

Ободренная его улыбкой, она села на стул.

— Вы знаете город Лондон?

— Да, знаю.— Он чуть улыбнулся, она так забавно спросила.

Но Фреда не улыбнулась. Она была очень серьезна.

— Вы знаете там одного солдата? Капрала Грина?

Он покачал головой. Он был тронут.

— Боюсь, что нет,— сказал он мягко.— В каком он полку?

— В Лондонском. Лондонские фузилеры¹.— Другой информации у нее не было.

Он ласково сказал:

— Когда я буду в Лондоне, я попытаюсь его найти. Если хочешь, дай мне письмо.

Она посмотрела на него с сомнением, но надежда все же победила, и она сказала:

— Да, я напишу.

Она встала, чтобы уйти, и на ходу бросила:

— У нас есть английская газета... две английские газеты. Кузен принес. Хотите посмотреть?

Он поблагодарил, и она принесла и с какой-то гордостью вручила ему «Ив»² и «Скетч»³.

Когда она опять ушла, он разложил рядом с собой газеты и закурил сигарету — последнюю! Что бы он делал без сигарет! Может, Фреда еще принесет, деньги у него есть. Добрая девочка Фреда, хотя лодыжки толстые и внешность непритязательная.

Он вынул из кармана записную книжку с чистыми листами и записал: «Капрал Грин. Лондонские фузилеры». Он сделает, что сможет. Интересно, что за история за этим скрывается? Что делал Капрал Грин в голландском городе А? Бедная Фреда! Обычная история.

¹ Фузилеры (*ит.*) — стрелки, солдаты, вооруженные легкими мушкетами. Название до сих пор сохраняется за некоторыми британскими военными подразделениями.

² «Ив» — сокращение от «Ивнинг ньюс» (ежедневная лондонская вечерняя газета консервативного направления).

³ «Скетч» — разг. сокращение от «Дейли скетч» (ежедневная малоформатная газета консервативного направления, основанная в 1909 году).

Грин — это напомнило ему детство. Мистер Грин. Восхитительный, всемогущий мистер Грин, товарищ по играм и заступник. Смешные вещи выдумывают дети. Он не рассказывал Нелл о мистере Грине. Наверное, у нее был свой мистер Грин. Наверное, у всех детей есть.

При слове «Нелл» у него замерло сердце. Теперь уже скоро. Бедняжка, как она страдала, зная, что он в плену в Германии! Но теперь все позади. Скоро они будут вместе...

Он взял «Скетч» и лениво полистал. Кажется, много новых спектаклей; забавно будет снова сходить в театр. Фотографии генералов — какие свирепые и воинственные! Фотографии вступающих в брак — красивая толпа! А вот это... как...

Не правда, не может быть. Это сон, ночной кошмар!

Миссис Вернон Дейр выходит замуж за мистера Джорджа Четвинда. Первый муж миссис Дейр погиб в сражении более года назад. Мистер Джордж Четвинд — американец, он много сделал для организации помощи в Сербии.

Погиб в сражении — да, такое бывает. Несмотря на все старания, подобные ошибки случаются. Вернон знал одного человека, про которого сообщили, что он убит. Шанс — один на тысячу, но так случается. Естественно, Нелл поверила и, естественно, снова вышла замуж.

Что за чепуха! Нелл — снова замуж! Так скоро? За Джорджа, Джорджа с его седыми волосами?

Его пронзила острая боль. Он отчетливо представил Джорджа. Чертов Джордж. Чтоб ему трижды лопнуть!

Но это неправда, это неправда!

Он будто видел себя со стороны — как он стоял покачиваясь, словно пьяный. Он спокоен. Да, он совершенно спокоен. Главное — не верить. Не думать, отбросить — просто отбросить. Это неправда, этого не может быть. Если признать, что это может быть правдой, тебе конец.

Он вышел из комнаты и спустился вниз. Прошел мимо Фреды, которая смотрела во все глаза, и спокойно сказал (просто замечательно, до чего он спокоен):

— Пойду прогуляюсь.

Он вышел, спиной чувствуя взгляд Анны Шлидер.

Фреда ей сказала:

— Он прошел мимо меня, как... как... Что с ним такое?

Анна многозначительно постучала пальцем по лбу. Ее ничем не удивишь.

Вернон шел вдоль дороги, очень быстро шел. Надо уйти, уйти от того, что его преследует. Если он оглянется, если будет о нем думать — но он не будет.

Все в порядке, все нормально.

Только не надо думать. То странное и темное, что идет за ним... идет за ним... Если не думать, то все будет хорошо.

Нелл. Нелл с золотыми волосами и нежной улыбкой. Его Нелл. Нелл и Джордж... Нет, нет, нет! Этого не было. Он успеет.

И вдруг его пронзила мысль: газета полугодовой давности. Они женаты уже пять месяцев.

Он покачнулся. Подумал: «Я этого не перенесу. Нет, не перенесу. Что-нибудь случится». Он тупо повторял: «Что-нибудь случится».

Кто-нибудь ему поможет. Мистер Грин. Что это такое ужасное, что преследует его? Чудовище. Конечно, Чудовище.

Он слышит его шаги. Он бросил короткий панический взгляд через плечо. Он уже вышел из города и шел по дороге между двумя кюветами. Чудовище шумно шло за ним огромными шагами, пыхтя и громяхая.

Чудовище... О, если бы вернуться назад, к тому Чудовищу и мистеру Грину, к детским страхам, детскому уюту! Они не так ранили, как теперешние — Нелл и Джордж Четвинд. Джордж... Нелл принадлежит Джорджу.

Нет! Нет, неправда, не может быть. Больше он не может об этом думать. Только не это.

Есть лишь один способ уйти от всего этого и обрести мир — только один. Вернон Дейр запутался в своей жизни. Лучше уйти.

Последняя мучительная вспышка пронизала его мозг. Нелл — Джордж... нет! Он отогнал их последним усилием. Мистер Грин, добрый мистер Грин...

Он шагнул на дорогу прямо перед мчащимся грузовиком, который попытался его объехать, но было поздно — он сбил его, швырнув навзничь.

Страшная, жгучая боль. Слава Богу, это смерть.

Книга пятая

ДЖОРДЖ ГРИН

Глава 1

1

Во дворе отеля в Уилтсбери два шофера возились с машинами. Джордж Грин закончил ковыряться в брюхе большого «даймлера»¹, вытер руки промасленной тряпкой и с удовлетворением распрямился. Парень он был жизнерадостный и сейчас улыбался тому, что нашел и исправил поломку. Он зашагал туда, где его приятель мыл «минерву»².

Тот поднял голову.

— Привет, Джордж. Закончил? Твой босс, кажется, янки? Ну и как он?

— Нормально. Только очень суетится. Не дает набирать выше сорока.

— Еще скажи спасибо, что ты возишь не женщину, — сказал второй. Его звали Эванс. — Вечно меняет решения, понятия не имеет, сколько времени займет дорога. Даст перекусить — все равно что не ел: вареное яичко и листик салата.

Грин присел на бочку.

— Что же ты не бросишь ее?

— В наше время нелегко найти новую работу.

— Да, это правда. — Грин выглядел задумчивым.

— А у меня жена и двое детей. Что за вздор они говорили — что страна не оставит своих героев? Нет, в двадцатом, уж если есть у тебя работа, то и держись за нее мертвой хваткой.

Он помолчал и продолжил:

— Забавное дело — война. Я дважды был ранен, шрапнелью. От этого недолго и умом тронуться. Моя хозяйка говорит, что я иногда пугаю ее — начинаю куролесить. Среди ночи с криком просыпаюсь и не знаю, где я.

— У меня то же самое, — сказал Грин. — Когда хозяин подобрал меня — это было в Голландии, — я ничего про себя не помнил, только имя.

¹ «Даймлер» — марка дорогого легкового автомобиля, производимого одноименной компанией

² «Миневра» — марка легкового автомобиля.

— Когда это было? После войны?

— Через полгода после перемирия. Я там в гараже работал. Как-то несколько пьяных парней на грузовике ночью наехали на меня. От ужаса протрезвели. Подобрали меня,— я получил сильный удар по голове,— выходили и дали работу. Хорошие были ребята. Я проработал у них два года, и тут появился мистер Блейбнер. Он пару раз брал у нас машину, я возил его. Он со мной много разговаривал и под конец взял к себе шофером.

— Хочешь сказать, что до этого ты не собирался возвращаться домой?

— Да, я никого не помнил, и было такое ощущение, что здесь у меня стряслась беда.

— Дружище, я не могу это соединить: ты — и беда? — засмеялся Эванс.

Джордж Грин тоже засмеялся. Он и в самом деле был веселый малый, всегда готовый улыбнуться — красивый молодой человек, высокий, широкоплечий, темноволосый.

— Меня никогда ничто не беспокоило,— похвастался он — Я родился под счастливой звездой.

Он отошел улыбаясь. Несколько минут спустя он докладывал хозяину, что «даймлер» готов в дорогу.

Мистер Блейбнер был высокий худосочный американец с правильной речью.

— Очень хорошо. Грин, я собираюсь к лорду Датчету на ленч. Аббатство Эбингуорт, в шести милях отсюда.

— Да, сэр.

— Потом я заеду в местечко под названием Эбботс-Пьюисентс. Деревня Эбботсфорд. Знаете?

— Что-то слышал, сэр, но точно не знаю. Я посмотрю по карте.

— Да, пожалуйста. Думаю, это не дальше, чем в двадцати милях в сторону Рингвуда.

— Хорошо, сэр.

Грин притронулся к фуражке и отошел.

2

Нелл Четвинд, открыв стеклянную дверь гостиной, вышла на террасу Эбботс-Пьюисентс.

Был один из тех дней ранней осени, когда все замирает, кажется, что сама Природа погрузилась в забытие: небо бледно-голубое, неяркое, в воздухе легкая дымка.

Прислонившись к каменной урне, Нелл смотрела в ти-

хую даль. Все было так красиво и очень по-английски. Сады в прекрасном состоянии, дом продуманно и тщательно отремонтирован. Обычно не слишком эмоциональная, Нелл посмотрела на розовато-красные стены, и сердце ее сжалось. Вот бы Вернон видел это!

Четыре года замужества благотворно сказались на Нелл, она изменилась. Ничего похожего на нимфу... Из очаровательной девушки она превратилась в красивую женщину, уравновешенную, уверенную. Ее красота была того типа, что не подвержена изменениям, движения стали более сдержанными, она слегка поправилась. Она была как роза в полном цвету.

Из дома донесся голос:

— Нелл!

— Я здесь, Джордж, на террасе!

— Сейчас приду.

Какая прелесть Джордж. Легкая улыбка тронула ее губы. Идеальный муж! Наверное, потому что американец. Она слышала, что американцы — хорошие мужья. Джордж таков. Брак ее оказался исключительно удачным. Правда, она не испытывает к Джорджу тех чувств, что к Вернону, но она нехотя признала, что это и хорошо. Бурные чувства изматывают, они не могут длиться долго. Каждый день находишь этому подтверждения.

Забылся и ее бунт — она больше не вопрошала Бога, почему он отнял у нее Вернона. Богу лучше знать. Сколько ни бунтуй, потом понимаешь, что все к лучшему.

С Верноном она узнала исключительное счастье, и это-го никто не испортит, не отнимет. Оно навеки с ней, как спрятанное сокровище. Она вспоминает его без сожаления и тоски. Они любили друг друга, они рискнули всем, чтобы быть вместе. Затем была боль расставания, и затем покой.

Да, главное в ее нынешней жизни — покой. Его дал ей Джордж. Он окружил ее комфортом, роскошью, нежностью. Хочется думать, что из нее вышла хорошая жена, хотя она не любит его так, как Вернона. Но все равно любит! Спокойная, тихая привязанность — самое безопасное чувство, с которым можно идти по жизни.

Хорошо бы, Вернон это знал. Он бы порадовался за нее.

Подошел Джордж Четвинд. На нем был английский загородный костюм, и он очень походил на деревенского

сквайра¹. Он не только не постарел, но стал моложе. В руках он держал письма.

— Я согласился поохотиться вместе с Драммондом. Думаю, будет весело.

— Я очень рада.

— Надо подумать, кого пригласить.

— Поговорим об этом вечером. Я рада, что супруги Хей не придут к обеду. Хорошо будет провести вечер вдвоем.

— Я боялся, что ты задержишься в городе, Нелл.

— Там и правда пришлось покрутиться. Иногда это тоже полезно, хотя для меня самое прекрасное место — здесь.

— Здесь замечательно. — Джордж с удовольствием осмотрел ландшафт. — Эбботс-Пьюисентс — лучшее место в Англии. В нем есть атмосфера.

Нелл кивнула.

— Я тебя понимаю.

— С ужасом думаю, что оно могло попасть в чужие руки — например, кому-нибудь вроде Левиных.

— Да, было бы жаль. Хотя Себастьян такой милый и у него отличный вкус.

— Он хорошо знает вкусы публики, — сухо сказал Джордж. — Один успех за другим, причем порой *succès d'estime*², как будто он хочет показать, что не просто зашибает деньги. Он стал... не то чтобы толстый, но гладкий. А манеры! В «Панче»³ на него была карикатура. Очень удачная.

— На Себастьяна легко рисовать карикатуры, — улыбнулась Нелл. — Огромные уши, высокие скулы. Внешность у него выдающаяся.

— Как странно думать, что в детстве вы играли вместе. Кстати, у меня сюрприз. Сегодня на ленч приедет подруга, которую ты давно не видела.

— Джозефина?

— Нет. Джейн Хардинг.

— Джейн Хардинг? Но как...

— Я вчера наткнулся на нее в Уилтсбери. Она разъезжает с каким-то театром.

¹ Сквайр — мелкий помещик, землевладелец.

² Посредственный успех (*фр.*).

³ «Панч» — еженедельный сатирико-юмористический журнал консправитивного направления, издающийся в Лондоне с 1841 года

— Джейн! Я не знала, что вы знакомы.

— Мы познакомились в Сербии. Мы там часто виделись. Я писал тебе.

— Да? Не помню.

Что-то в ее тоне насторожило его, и он спросил:

— Дорогая, все в порядке? Я думал, тебе будет приятно. Я считал вас подругами. Но в любую минуту я могу позвонить и...

— Нет-нет. Конечно, я так рада, что увижу ее. Я просто удивилась.

Джордж успокоился.

— Ну и ладно. Кстати, она сказала, что Блейбнер, мой знакомый из Нью-Йорка, тоже в Уилтсбери. Я хотел бы, показать ему руины Аббатства, Он знаток таких вещей. Не возражаешь?

— Нет, конечно. Пригласи его, обязательно!

— Попробую позвонить ему. Хотел это сделать вчера, но забыл.

Он ушел, и Нелл осталась на террасе, хмурия брови.

Джордж правильно почувствовал. Она не хотела, чтобы Джейн приезжала к ним на ленч. Она определенно не хочет ее видеть. Даже упоминание имени Джейн нарушило безмятежность утра. «Так все было мирно, и вот теперь...» Да, появилась досада. Она, как всегда, боялась Джейн. С ней никогда не чувствуешь себя уверенно. Она раздражает — как другие это выносят? — а Нелл не хотела, чтобы ее раздражали. Появилась нелепая мысль: и зачем только Джордж с ней в Сербии познакомился?

Но ведь бояться Джейн глупо. Она не может причинить ей вреда — теперь. Бедная Джейн, плохи ее дела, если она работает в передвижном театре.

Надо быть внимательной к старым друзьям, а Джейн — старый друг. Она увидит, как Нелл внимательна. Подбадривая себя, Нелл поднялась наверх и переоделась, надела платье из голубого жоржета, к нему прекрасно подходил жемчуг, который Джордж подарил ей на последнюю годовщину свадьбы. Сегодня она особенно тщательно занималась своим туалетом, движимая смутным женским инстинктом.

«Будет какой-то Блейбнер, это упростит положение», — подумала она.

Хотя она не смогла бы объяснить, почему положение должно быть сложным.

Когда она закончила пудриться, за ней зашел Джордж.

— Приехала Джейн,— сказал он.— Она в гостиной.

— А Блейбнер?

— Его, к сожалению, уже пригласили другие. Но он придет позже.

— О!

Она стала медленно спускаться. Что за глупые предчувствия! Бедная Джейн, надо быть с ней любезной. Ей ужасно не повезло, она потеряла голос и докатилась до такого положения.

Джейн, однако, нисколько не была похожа на неудачницу. Она с беззаботным видом откинулась на диване и разглядывала комнату.

— Хэлло, Нелл,— сказала она.— Кажется, ты недурно устроилась.

Вот так замечание. Нелл напряглась. На мгновение она лишилась дара речи. Она встретила взгляд Джейн, полный насмешливой враждебности. Они пожали руки, и Нелл сказала:

— Не пойму, о чем ты.

Джейн снова опустилась на диван.

— Обо всем вот этом. Житье во дворце, вышколенные лакеи, дорогостоящая повариха, неслышные слуги, вероятно, горничная-француженка, особые ванны с последними новинками, пять-шесть садовников, шикарный лимузин, дорогие наряды и, как я понимаю, натуральный жемчуг! Ты этим упиваешься, да? Я уверена.

— Расскажи лучше о себе,— сказала Нелл, усаживаясь рядом на диван.

Глаза Джейн сощурились.

— Неглупый ответ. И я его заслужила. Извини, Нелл, я чудовище. Но ты стала такая снисходительная, а снисходительность меня всегда бесила.

Она встала и стала расхаживать по комнате.

— Вот, значит, дом Вернона,— мягко сказала она.— Я здесь никогда не была, только слышала его рассказы.— Она резко спросила: — Вы много изменили?

Нелл объяснила, что по возможности оставили все как было. Обновили портьеры, ковры, обивку — они совсем обветшали. И добавили два-три предмета ценной мебели. Если Джордж наткнулся на что-нибудь подходящее, то покупал.

Во время этого объяснения Джейн упорно разглядывала Нелл, и той было неудобно, она не понимала, что выражает ее взгляд.

Джордж вошел, когда она кончала свой рассказ, и все пошли за стол.

Разговор шел сначала о Сербии, об общих знакомых, потом перешли на дела Джейн. Джордж деликатно посочувствовал ей по поводу потери голоса, сказал, что все об этом сожалеют. Джейн беспечно отмахнулась.

— Я сама виновата. Я пела такую музыку, которая не предназначена для моего голоса.

Себастьян Левин, продолжала она, — верный друг. Он хотел бы выпустить ее в главной роли в своем лондонском театре, но ей надо бы сначала овладеть мастерством. Петь в опере — это тоже значит играть. Но есть еще многое, чему еще надо учиться, например, сценическому голосу, отработать различные эффекты — они должны быть более тонкими, неуловимыми. В следующем сезоне она выступит в Лондоне в драматической постановке «Тоски»¹.

Затем она заговорила об Эбботс-Пьюисентс. Заставила Джорджа рассказывать о своих планах, его идеях насчет имения. Пришлось ему выступить в роли настоящего деревенского сквайра.

В глазах Джейн не было насмешки, но Нелл чувствовала себя очень неловко. Хоть бы Джордж замолчал. Он был немного смешон, говорил так, словно и он, и его предки веками жили в Эбботс-Пьюисентс.

После кофе они вышли на террасу. Джорджа позвали к телефону, и он, извинившись, вышел. Нелл предложила прогуляться по саду, и Джейн охотно откликнулась:

— Я с удовольствием все посмотрю.

«Она хочет осмотреть дом Вернона, только потому и приехала. Но он никогда не был для нее тем, чем он был для меня!» — думала Нелл.

У нее было страстное желание оправдаться, пусть Джейн увидит... Увидит что? Она и сама не знала, но чувствовала, что Джейн ее осуждает — и даже выносит приговор.

Внезапно она остановилась.

— Джейн. Я хотела сказать тебе... объяснить...

Она собиралась с духом. Джейн вопросительно смотрела.

— Ты, наверное, думаешь, что я поступила ужасно — так скоро вышла замуж.

¹ «Тоска» — пьеса французского драматурга Виктора Сарду (1831—1908), на сюжет которой итальянским композитором Джакомо Пуччини (1858—1924) была написана одноименная опера.

— Ничуть,— сказала Джейн.— Это было очень разумно.
Нет. Совсем не то.

— Я обожала Вернона — обожала. Когда его убили, у меня чуть сердце не разорвалось. Но я знаю, что он не хотел бы, чтобы я вечно горевала. Мертвые не хотят, чтобы мы горевали...

— Да ну?

Нелл в изумлении уставилась на нее.

— О, я понимаю, ты выражаешь расхожее мнение,— сказала Джейн.— Мертвые хотят, чтобы мы были храбрыми, все вынесли, они не хотят, чтобы мы были несчастны без них. Все так говорят — но я что-то не вижу оснований для этой бодрой веры. Я думаю, ее изобрели, чтобы облегчить себе жизнь. Как живые хотят разного, так, я думаю, и мертвые. Среди мертвых есть много эгоистов. Какими они были при жизни, такими остались и в смерти — если они вообще остались. Не могут все они быть преисполнены прекрасных чувств. Мне смешно, когда неутешный вдовец на следующее утро после похорон уминает свой завтрак и торжественно говорит: «Мери не хотела бы, чтобы я горевал!» Откуда он знает? Может, Мери скрежетает зубами (я имею в виду, астральными¹ зубами), видя, что он ведет себя так, будто ее никогда и не было. При жизни эта женщина скандалила с ним — почему после смерти она должна измениться?

Нелл молчала, собираясь с мыслями.

— Я не говорю, что Вернон был таким,— продолжала Джейн.— Он мог желать, чтобы ты не горевала. Тебе лучше знать, ведь никто не знал его лучше, чем ты.

— Да,— горячо сказала Нелл.— Это так. Я знаю, он хотел бы, чтобы я была счастлива. И хотел, чтобы у меня были Эбботс-Пьюисентс. Я знаю, ему очень нравилась мысль, что я буду здесь жить.

— Он хотел жить здесь с тобой. Это не одно и то же.

— Нет, но это не значит, что с Джорджем я здесь живу так, как жила бы с Верноном. О! Джейн, я хочу, чтобы ты поняла. Джордж замечательный, но он... он никогда не будет для меня тем, чем был Вернон.

Наступила долгая пауза. Потом Джейн сказала:

— Повезло тебе, Нелл.

¹ Астральный — бесплотный. Согласно оккультным учениям, астральное тело пронизывает тело физическое и заключающая в себе центры духовную деятельность.

— Думаешь, я люблю роскошь? Ради Вернона я бросила бы ее в минуту!

— Сомневаюсь.

— Джейн! Ты...

— Ты веришь, что бросила бы, а я сомневаюсь.

— Я это уже сделала однажды.

— Нет — ты отказалась только от перспективы ее получения. Это другое. Она не влезла в тебя, как теперь.

— Джейн!

Глаза Нелл были полны слез. Она отвернулась.

— Дорогая, я чудовище. От того, что ты сделала, никому нет вреда. Я думаю, ты права — Вернон бы это одобрил. Тебе нужна защита — и все же изнеженная жизнь въедается в человека, позже ты поймешь. Кстати, боюсь, ты могла неправильно понять мои слова, что тебе повезло. Я имела в виду, что ты получила лучшее от обоих миров. Если бы ты сразу вышла за Джорджа, ты бы втайне жалела о Верноне, чувствуя, что из трусости продешевила. А если бы Вернон остался жив, вы бы развивались по-разному, стали бы ссориться, возненавидели друг друга. Но, отдав себя в жертву, ты получила Вернона. Он твой, и никто его у тебя не отнимет. Для тебя жизнь будет всегда прекрасной. Ты получила и многое другое. Все вот это!

Она широким жестом обвела вокруг.

Последнюю часть ее речи Нелл будто и не слышала. Глаза ее светились нежностью и смирением.

— Я знаю, все к лучшему. Так нам говорят в детстве, а когда мы вырастаем, убеждаемся в этом сами. На все Божья воля.

— Что ты знаешь о Боге, Нелл Четвинд?

Вопрос был задан так сурово, что Нелл в удивлении широко раскрыла глаза. Джейн смотрела на нее враждебно, с осуждением. Ничего не осталось от ее минутной мягкости.

— Божья воля! А что, если Божья воля не совпадает с комфортом, Нелл Четвинд? Ты ничего не знаешь о Боге, иначе ты не говорила бы так, будто легонько похлопываешь Бога по спине, чтобы он сделал твою жизнь легкой и удобной. Знаешь, какая фраза из Библии меня всегда пугала? «Этой ночью душа твоя будет призвана от тебя». Когда Бог потребует твою душу, надо, чтобы эта душа у тебя была!

Она помолчала и спокойно продолжила:

— Я пойду. Мне не следовало приходиться, но мне хоте-

лось увидеть дом Вернона. Прошу прощения за то, что я наговорила, но ты такая самодовольная. Для тебя жизнь — это ты. А как же Вернон? Что было бы лучше для него? Неужели ты думаешь, что он хотел умереть, когда то, что он по-настоящему любил, только-только начиналось?

Нелл с вызовом вскинула голову.

— Я сделала его счастливым.

— Я говорю не о его счастье. Я говорю о его музыке. Ты и Эбботс-Пьюисентс — какое вы имеете значение? Вернон был гениален. Быть гениальным тяжело; он принадлежал своему гению, а гений — суровый владыка, он требует в жертву все. Твое жалкое счастье прошло бы, выдержишь оно подольше. Гению нужно служить. Музыка звала Вернона, а он умер. Ты с этим никогда не считалась, и я знаю почему — потому что ты боялась его гения, Нелл. Он не дает ни покоя, ни счастья, ни безопасности, ему нужно служить.

Она вдруг расслабилась, и в глазах появилось то насмешливое выражение, которое Нелл так ненавидела.

— Ты не волнуйся, Нелл. Все равно ты сильнее всех нас. Всегда сумеешь укрыться от жизни! Я давно сказала это Себастьяну, и я оказалась права. Мы погибнем, а ты будешь жить. Прощай. Сожалею, что вела себя так беспардонно, но так уж я устроена.

Нелл глядела вслед удаляющейся фигуре и, стиснув руки, повторяла:

— Ненавижу. Ненавижу.

3

День начинался так мирно, а она все испортила. Слезы навернулись Нелл на глаза. Почему люди не оставят ее в покое? Джейн с ее насмешками — просто чудовище, жуткое чудовище. Знает, куда больнее ударить. Ведь даже Джо сказала, что Нелл права! Джо все поняла. Нелл было больно и обидно. И почему Джейн говорит такие ужасные вещи о мертвых — это противно религии. Всем известно: мертвые хотят, чтобы мы были бодрые и мужественные.

А с какой наглостью Джейн швыряла ей в лицо свои слова! И кто — Джейн, которая живет с кем попало и совершает кучу аморальных поступков. Нелл ощутила прилив законной гордости. Что бы ни болтали нынче, есть два сорта женщин, она принадлежит к одному, Джейн — к другому. Джейн привлекательна — женщины такого сор-

та всегда привлекательны. Вот почему раньше она ее боялась. Джейн имеет над мужчинами странную власть — она насквозь дурная женщина. Насквозь!

Погруженная в свои мысли, Нелл расхаживала взад-вперед по террасе. Нет, надо вернуться в дом, тут ей больше нечего делать. Надо написать несколько писем,— нет, не сейчас, прямо сейчас она не сможет этим заняться.

Нелл совсем забыла об американском друге мужа и ужасно удивилась, когда к ней подошли Джордж и мистер Блейбнер. Американец был высок и худ. Он наговорил ей комплиментов по поводу дома и объяснил, что они собираются осматривать руины Аббатства. Джордж пригласил и ее.

— Вы идите, я догоню,— сказала Нелл.— Мне нужно надеть шляпу, солнце такое жаркое.

— Дорогая, давай я принесу?

— Нет, спасибо. Вы с мистером Блейбнером идите, вам есть о чем поговорить.

— Вы совершенно правы, миссис Четвинд. Как я понял, у вашего мужа есть идея реставрировать Аббатство. Это очень интересно.

— Это один из наших многочисленных проектов, мистер Блейбнер.

— Вам повезло — владеть таким местом! Кстати, я надеюсь, вы не станете возражать, я сказал своему шоферу (с позволения вашего мужа, разумеется), что он может походить вокруг. Он очень умный молодой человек, высший класс.

— Конечно. Если он захочет, позже дворецкий может показать ему и дом.

— Вы очень любезны. Красота должна быть доступна всем классам общества. Идея сплотиться вокруг Лиги Наций...¹

Нелл вдруг почувствовал, что не в силах слушать о Лиге Наций, это будет длинно и напыщенно. Сославшись на жаркое солнце, она ушла.

Некоторые американцы — просто зануды. Хорошо, что Джордж не такой! Дорогой Джордж, он почти совершенство. Она снова ощутила прилив теплого чувства, с которого начинался день. Глупо расстраиваться из-за Джейн.

¹ Лига Наций — международная организация, возникшая после Первой мировой войны и имевшая целью развитие сотрудничества между народами и обеспечение мира и безопасности. Просуществовала до Второй мировой войны; формально распущена в 1946 году.

Джейн! Какая разница, что она говорит или думает? Никакой, конечно... однако же Джейн... она умеет вывести из себя...

Но все позади. Снова торжествует уверенность и покой. Эбботс-Пьюисентс, Джордж, нежная память о Верноне. Все отлично.

Со шляпой в руке она сбегала вниз по ступеням, держалась возле зеркала. Она пойдет к ним в Аббатство, она очарует Блейбнера.

Она спустилась с террасы в сад и пошла по дорожке. Оказывается, уже поздно, солнце садится — прекрасный закат, пурпурное небо.

Возле пруда с золотыми рыбками спиной к ней стоял молодой человек в шоферской ливрее. При ее приближении он обернулся и притронулся рукой к козырьку.

Нелл замерла, словно споткнувшись, и уставилась на него, а рука сама схватилась за сердце.

4

Джордж Грин тоже уставился на нее.

Про себя он воскликнул: «Что за чертовщина!»

По прибытии хозяин сказал ему: «Грин, это одно из старейших и интереснейших мест в Англии. Я здесь пробуду около часа, я спрошу мистера Четвинда, можно ли вам походить вокруг».

Славный старик, снисходительно подумал Грин, только помешан на всем, так сказать, «возвышенном». Ничего не пропустит. И еще у него американское преувеличенное почтение ко всему старинному.

Вообще-то симпатичное местечко. Он огляделся. Он был уверен, что где-то видел его на картине. Он не прочь походить тут, как ему разрешили.

Сад ухожен. Кому это принадлежит, какому-нибудь американцу? Американцы богатые. Интересно, кто изначально был владельцем. Кто бы он ни был, ему, должно быть, тошно было лишиться такого имения.

Жаль, что я не родился богачом. Я бы не прочь владеть имением вроде этого, с грустью подумал он.

Он прошел дальше в сад. На некотором расстоянии заметил какие-то развалины и рядом две фигуры, в одной из которых узнал своего хозяина. Старый чудак, вечно возится с руинами.

Солнце садилось, небо было зловеще-прекрасным, и

Аббатство стояло во всей своей красе. Как забавно — иногда бывает такое чувство, что это уже было с тобой! Он мог бы поклясться, что однажды он здесь вот так стоял, и солнце садилось, и он чувствовал ту же боль, сжимавшую сердце. Но должна быть еще женщина с волосами огненно-рыжими, как закат.

Сзади слышались шаги, он оглянулся. Его кольнуло разочарование: перед ним стояла изящная молодая женщина, и из-под шляпы у нее вились волосы — золотые, а не огненные.

Он почтительно притронулся к козырьку.

Странная леди, подумал он. Уставилась на него, крас-ка постепенно отливает от щек. Похоже, она в ужасе.

Потом, вдруг всхлипнув, она повернулась и почти побежала назад.

Тут он и воскликнул: «Что за чертовщина!»

Наверно, дама с причудами, решил он. И продолжил свою бесцельную прогулку.

Глава 2

1

Себастьян Левин у себя в офисе вникал в детали шекотливого контракта, когда ему принесли телеграмму. Он вскрыл ее небрежно, так как за день прочитывал полсотни телеграмм. Прочтя эту, он некоторое время разглядывал ее, потом сунул в карман и сказал Льюису — тот был его правой рукой:

— Разберись с этим получше. Мне придется срочно уехать.

Не обращая внимания на протесты, он вышел из комнаты, сказал секретарше, чтобы отменила все назначенные встречи, и пошел домой. Там он уложил чемодан и взял такси до вокзала Ватерлоо¹. Развернув телеграмму, еще раз перечел.

ОТЕЛЬ УИЛТСУИЛТСБЕРИ.

ПРИЕЗЖАЙ КАК ТОЛЬКО СМОЖЕШЬ ОЧЕНЬ СРОЧНО

ДЖЕЙН

¹ Ватерлоо — лондонский вокзал, главная конечная станция Южного района для поездов, обслуживающих запад Великобритании, а также пересадочный узел метрополитена.

То, что он ни минуты не раздумывал, говорило о его уважении и доверии к Джейн. Никому в мире он не верил так, как Джейн. Если Джейн говорит, что срочно, значит, срочно. Он подчинился призыву, не задерживаясь на мысли о неизбежных осложнениях. К слову сказать, такого он не сделал бы ни для кого другого.

Приехав в Уилтсбери, он сразу направился в отель и спросил, где Джейн. Она занимала отдельный номер, где и встретила его с распростертыми объятиями.

— Себастьян дорогой, ты явился замечательно быстро.

— Я выехал сразу же. — Он снял пальто и бросил его на спинку стула. — Что случилось, Джейн?

— Вернон.

Себастьян удивленно воззрился на нее.

— Какие-то новости о нем?

— Он не погиб. Я его видела.

Себастьян минуту смотрел на нее, потом придвинул стул и сел.

— На тебя это не похоже, Джейн, но я думаю, что раз в жизни ты все-таки ошиблась.

— Я не ошиблась. Возможно, ошиблось Военное ведомство?

— Ошибки случались, но обычно их быстро распознавали. Если Вернон жив, то что он делал все это время?

Она покачала головой.

— Этого я сказать не могу. Но в том, что это он, я уверена так же, как в том, что сейчас передо мной ты.

Она говорила кратко и уверенно. Он твердо посмотрел на нее и кивнул.

— Рассказывай.

Джейн заговорила спокойно и сосредоточенно:

— Здесь есть один американец, Блейбнер, я знаю его по Сербии. Мы увиделись случайно на улице, он сказал, что живет в отеле «Кантри» и пригласил на ленч. Я согласилась. Собирался дождь. Он и слышать не хотел о том, чтобы я шла пешком, он пошлет за мной машину. Машина пришла. Себастьян, шофером был Вернон, и он не узнал меня.

Себастьян подумал.

— Ты не допускаешь, что тебя обмануло сильное сходство?

— Нет. Отнюдь.

— Тогда почему Вернон тебя не узнал? Может, притворился?

— Нет, не думаю — то есть уверена, что не притворялся. Тогда бы он чем-нибудь себя выдал. Он не ожидал меня увидеть и не смог бы контролировать первое удивление. К тому же он выглядит — другим.

— Каким другим?

Джейн подумала.

— Это трудно объяснить. Довольно счастливым, веселым и отчасти похожим на мать.

— Невероятно,— сказал Себастьян.— Я рад, что ты послала за мной. Если это Вернон, то заварится чертова каша. Замужество Нелли и прочее. Нельзя, чтобы репортеры тут рыскали, словно волки. Но что-нибудь просочится.— Он встал и заходил по комнате.— Прежде всего надо поговорить с Блейбнером.

— Я ему звонила, просила прийти в шесть тридцать. Сама я не решалась выходить, хотя не ожидала, что ты приедешь так скоро. Блейбнер будет с минуты на минуту.

— Умница, Джейн. Послушаем, что он скажет.

В дверь постучали. Это приехал Блейбнер. Джейн поднялась ему навстречу.

— Спасибо, что вы приехали, мистер Блейбнер.

— Пустяки. Всегда рад угодить леди. А вы сказали, что дело срочное.

— Да. Это мистер Себастьян Левин.

— Тот самый Себастьян Левин? Очень рад познакомиться с вами, сэр.

Они пожали руки друг другу.

— А теперь, мистер Блейбнер,— сказала Джейн,— я перейду сразу к тому, о чем хотела поговорить. Давно ли у вас служит шофер и что вы можете о нем сказать?

Блейбнер был очень удивлен и не пытался этого скрывать.

— Грин? Вы хотите узнать про Грина?

— Да.

— Ну... почему бы не сказать все, что мне известно. Думаю, у вас есть веские причины спрашивать, я достаточно вас знаю, мисс Хардинг. Я подобрал Грина в Голландии вскоре после перемирия. Он работал в гараже. Я узнал, что он англичанин, и стал проявлять интерес к нему. О себе он говорил как-то очень туманно, я сначала думал, что он что-то скрывает, но вскоре убедился в том, что он искренен. У него в голове туман — помнит свое имя и откуда он, и это почти все.

— Потеря памяти,— мягко сказал Себастьян.

— Он сказал, что его отца убили на войне в Южной Африке. Он помнит, что его отец пел в деревенском хоре и что у него есть брат, которого он называл Белкой.

— А в своем собственном имени он уверен?

— О да! Видите ли, он записал его в записной книжке. Он попал в аварию — его сбил грузовик. Так что его имя известно. Его спросили, правда ли, что его зовут Грин, и он сказал — да, Джордж Грин. В гараже его очень любили, он такой веселый и легкий. Я никогда не видел, чтобы Грин вышел из себя.

Я заинтересовался этим парнем. Мне приходилось видеть случаи потери памяти, так что его состояние не было для меня загадкой. Он показал мне запись в книжечке, и я сделал несколько запросов и вскоре нашел причину потери памяти — а причина всегда есть, уверяю вас. Капрал Джордж Грин из лондонских фузиллеров был дезертиром.

Ну вот, теперь вы все знаете. Он струсил, а поскольку был порядочный человек, не смог вынести этого факта. Я ему все объяснил. Он удивился: «Ни за что бы не подумал, что я мог дезертировать». Я объяснил ему, что этот момент и стал причиной потери памяти. Он не мог вспомнить, потому что не хотел вспоминать.

По-моему, я его не убедил. Мне его ужасно жаль. Не думаю, что нужно сообщать о нем Военному ведомству. Я взял его к себе на службу, дал ему шанс хорошо себя проявить. И не жалею об этом. Он превосходный шофер — пунктуальный, знающий, разбирается в механике и всегда в хорошем настроении и готов услужить.

Блейбнер замолчал и вопросительно посмотрел на Джейн и Себастьяна. Их бледные серьезные лица поразили его.

— Как страшно,— сказала Джейн.

Себастьян сжал ее руку.

— Ничего, Джейн, все в порядке.

Джейн встала и с легкой дрожью сказала американцу:

— Я думаю, теперь моя очередь объяснить. Видите ли, мистер Блейбнер, в вашем шофере я узнала своего старого друга, но он меня не узнал.

— Д-да, что вы говорите?

— Но его зовут не Грин,— добавил Себастьян.

— Нет? Он записался под чужим именем?

— Нет, здесь есть что-то непонятное, со временем разберемся. А пока я просил бы вас, мистер Блейбнер, нико-

му не говорить о нашем разговоре. У него осталась жена и — о! — по многим другим причинам.

— Дорогой сэр, можете быть уверены, я буду молчать. Но что дальше? Вы хотите повидаться с Грином?

Себастьян посмотрел на Джейн, и она кивнула.

— Да, это надо сделать в первую очередь.

Американец встал.

— Он внизу. Он привез меня сюда. Я сейчас пришлю его к вам.

2

Джордж Грин энергичным шагом поднимался по лестнице. При этом гадал, чем это так взбудоражен старый чудак — то есть его наниматель. Выглядел он очень странно.

— Дверь наверху, — сказал ему мистер Блейбнер.

Джордж Грин громко постучал, услышал: «Войдите!» — и подчинился.

В комнате было двое: леди, которую он вчера подвозил (про себя он назвал ее «высший шик»), и большой полноватый мужчина с желтым лицом и ушами-локаторами. Лицо его показалось шоферу странно знакомым. Он стоял, а они на него смотрели. «Что сегодня с ними со всеми такое?»

— Да, сэр? — Он почтительно обратился к желтолицему мужчине: — Мистер Блейбнер сказал, чтобы я сюда поднялся.

Желтый человек, кажется, овладел собой.

— Да, да, садись... Садитесь, э-э... Грин, вас так зовут?

— Да, сэр. Джордж Грин.

Он осторожно присел на указанный ему стул. Желтый джентльмен протянул пачку сигарет и сказал: «Угощайтесь». И все это время он сверлил Грина маленькими глазами. От этого пронзительного взгляда шоферу стало неудобно. «Что сегодня с ними со всеми творится?»

— Я хочу задать вам несколько вопросов. Прежде всего, вам приходилось раньше меня видеть?

— Нет, сэр.

— Вы уверены?

Лицо Грина исказила гримаса неуверенности.

— Не думаю, — с сомнением сказал он.

— Меня зовут Себастьян Левин.

Лицо шофера прояснилось.

— Конечно, сэр, я видел ваши портреты в газетах. То-то мне показалось ваше лицо знакомым.

Наступила пауза, потом Себастьян Левин спросил:

— Вам знакомо имя Вернон Дейр?

— Вернон Дейр,— задумчиво повторил Грин. Он рас-
терянно хмурился.— Имя кажется знакомым, сэр, но не
могу его ни с кем связать.— Он еще сильнее нахмурился.—
Думаю, я его слышал. Этот джентльмен умер, сэр?

— У вас такое впечатление? Что этот джентльмен умер?

— Да, сэр, и к счастью...— Он густо покраснел.

— Продолжайте,— сказал Левин.— Что вы хотели ска-
зать? — Догадавшись, в чем причина заминки, он доба-
вил: — Вам нет необходимости смягчать выражения. Мис-
тер Дейр не был моим родственником.

Шофер принял это объяснение.

— Я имел в виду — и его счастье, что умер,— но я не
знаю, что сказать, потому что ничего о нем не помню. У
меня такое впечатление, что для него лучше было уйти,
так сказать. Он вроде бы запутался, понимаете?

— Вы его знали?

Грин изо всех сил старался вспомнить.

— Сожалею, сэр,— извинился он.— Война все пере-
мешала. Я нечетко помню. Не знаю, где я встречался с
мистером Дейром и почему его не любил, но знаю, что с
радостью услышал о его смерти. В нем не было ничего
хорошего, поверьте моему слову.

Наступила тишина, нарушаемая только чем-то вроде
сдавленных рыданий леди, тоже находившейся в этой ком-
нате. Левин повернулся к ней.

— Джейн, позвони в театр. Сегодня ты не можешь вы-
ступать.

Она кивнула и вышла. Левин взглянул ей вслед и от-
рывисто спросил:

— Вы прежде видели мисс Хардинг?

— Да, сэр. Сегодня я отвозил ее домой.

Левин вздохнул. Грин вопросительно смотрел на него.

— Это все, сэр? Мне жаль, что я не смог быть более
полезным. Я знаю, что стал... ну, странным после вой-
ны. Сам виноват. Мистер Блейбнер, наверное, говорил
вам — я не выполнил свой долг как должно.

Он вспыхнул, но твердо произнес эти слова. Разбол-
тал старикан или нет? Лучше самому сказать. Но его сжи-
мала хватка стыда. Он дезертир, человек, который сбе-
жал! Мерзость.

Вернулась Джейн Хардинг и заняла свое место за столом. Как она побледнела, подумал Грин. Любопытные у нее глаза — глубокие и трагические. Может быть, она была помолвлена с мистером Дейром. Нет, в таком случае мистер Левин не настаивал бы, чтобы он говорил все, что думает. Наверное, дело в деньгах. Завещание или что-нибудь в этом роде.

Мистер Левин опять начал расспрашивать. На последнее высказывание Грина он не обратил никакого внимания.

— Ваш отец погиб в бурской войне?

— Да, сэр.

— Вы его помните?

— О да, сэр.

— Как он выглядел?

Грин улыбнулся. Это было приятное воспоминание.

— Высокий мужчина. Бакенбарды. Ярко-голубые глаза. Помню, он пел в хоре, у него был баритон.

Он весело улыбался.

— И его убили в бурскую войну?

Неожиданно по лицу Грина пробежала гримаса сомнения. Казалось, он обеспокоен, удручен. Глаза смотрели жалобно, как у собаки, сознающей свою вину.

— Странно, я никогда об этом не думал. Он был бы сейчас слишком стар. Но он... я клянусь... я уверен...

В глазах его отразилось такое отчаяние, что собеседник сказал:

— Не беда. Вы женаты?

— Нет, сэр.

Ответ последовал без колебаний.

— Кажется, вы вполне уверены на этот счет,— улыбнулся Левин.

— Да, сэр. Ни к чему хорошему это не ведет — путаться с женщинами.— Он повернулся к Джейн.— Прошу прощения.

Она слабо улыбнулась:

— Пустяки.

Левин повернулся к ней и сказал что-то так быстро, что Грин не уловил. Что-то вроде:

— Необыкновенное сходство с Сидни Бентом. Вообразить не мог, что такое возможно.

Оба снова уставились на него.

Он вдруг испугался — по-детски испугался, как когда-

то очень давно боялся темноты. Что-то выплыло, так он себе это определил,— и эти двое знают. Что-то про него.

Он подался вперед, полный пронзительного предчувствия.

— В чем дело? — резко спросил он.— Что-то не так?

Они не отрицали, просто смотрели на него.

Страх нарастал. Почему они не скажут. Они знают что-то такое, чего он не знает. Что-то ужасное. Он повторил, и голос его зазвенел:

— В чем дело?

Леди встала — подсознательно он отметил, как великолепно она движется. Она похожа на статую, которую он когда-то видел. Она обошла вокруг стола и положила руку ему на плечо. Ласково, ободряюще сказала:

— Все нормально. Не надо бояться.

Но Грин сверлил глазами Левина. Этот человек знает, сейчас он скажет. Что же такое ужасное им известно, а ему нет?

— На войне случались странные вещи,— начал Левин.— Иногда люди забывали свое имя.

Он многозначительно замолчал, но Грин не поддался.

— Я не настолько плох. Я не забыл свое имя.

— Но вы забыли. Ваше настоящее имя Вернон Дейр.

Заявление должно было произвести драматический эффект, но не произвело. Оно показалось Грину просто глупым.

— Я Вернон Дейр? Вы хотите сказать, я его двойник?

— Я говорю, что вы — это он.

Грин искренне рассмеялся.

— Меня не так легко подцепить на крючок, сэр. Даже если это означает титул или богатство! Каково бы ни было сходство, я не стану с этим связываться.

Себастьян Левин перегнулся через стол и раздельно произнес:

— Ты — Вернон — Дейр.

Грин смотрел на него, широко открыв глаза.

— Вы меня разыгрываете?

Левин покачал головой. Грин быстро повернулся к женщине, стоящей рядом с ним. Она смотрела очень серьезно и уверенно. Она спокойно сказала:

— Вы — Вернон Дейр. Мы оба это знаем.

В комнате повисло мертвое молчание. Грину казалось, весь мир пошел кругом. Какая-то фантастическая, немис-

димая история. И все-таки в этих двоих есть нечто, вызывающее доверие. Он нерешительно сказал:

— Но... но так не бывает. Человек не может забыть собственное имя!

Он с победным видом посмотрел на них, но Себастьян Левин покачал головой.

— Не знаю, как это вышло — возможно, врач может это объяснить. Но я знаю — ты мой друг Вернон Дейр. В этом нет ни малейшего сомнения.

— Но... но если это правда, я должен знать.

Он был в замешательстве. Станный, тошнотворный мир, ни за что нельзя поручиться. Эти добрые, здравомыслящие люди внушают доверие. Раз они так говорят — значит, так и есть, но что-то в нем отказывается это принимать. Они жалеют его, и это пугает. Значит, есть что-то еще, чего ему не сказали.

— Кто он, этот Вернон Дейр? — отрывисто спросил он.

— Ты производишь из этой части света. Ты родился и провел детство в поместье под названием Эбботс-Пьюисентс...

Грин прервал его изумленным возгласом:

— Эбботс-Пьюисентс? Я вчера возил туда мистера Блейбнера. И вы говорите, что это мой старый дом, а я его не признал!

Он вдруг оживился. Букет лжи! Ну конечно же. Он все время это чувствовал. Люди они честные, они просто ошиблись. Какое облегчение!

— Потом ты жил в Бирмингеме, — продолжал Левин. — Ты закончил школу в Итоне, поехал в Кембридж, потом в Лондон — учиться музыке. Ты сочинил оперу.

Грин расхохотался.

— Вы ошибаетесь, сэр. Да вы что, я же не отличу одну ноту от другой!

— Началась война. Ты получил патент на офицерский чин. Ты женился, — он помедлил, но Грин не отозвался, — и отправился на фронт во Францию. Весной следующего года мы получили извещение о твоей смерти в бою.

Грин недоверчиво смотрел на него. Что за вздор! Он ничего такого не помнит.

— Должно быть, какая-то ошибка, — примирительно сказал он. — Мистер Дейр, возможно, что называется, мой двойник.

— Ошибки нет, Вернон, — сказала Джейн Хардинг.

Грин перевел взгляд с Себастьяна на нее. Интимность

ее тона убедила более, чем что другое. Ужас. Кошмар. Так не бывает. Его всего трясло.

Левин встал, смешал какое-то питье из того, что стояло на подносе в углу и подал ему.

— Выпей,— сказал он.— Тебе станет лучше. У тебя шок.

Грин выпил залпом. Дрожь прекратилась.

— Как перед Богом, сэр,— это правда?

— Как перед Богом — это правда.

Он придвинул стул и сел рядом с другом.

— Вернон, старина, неужели ты меня совсем не помнишь?

Грин смотрел на него во все глаза. Внутри что-то слабо шевельнулось. Как же это больно — пытаться вспомнить! Что-то есть...

— Ты... ты вырос.— Он протянул руку и тронул ухо Себастьяна.— Кажется, я помню...

— Он помнит твои уши, Себастьян! — воскликнула Джейн, отошла к камину и захохотала, уткнувшись головой в каминную полку.

— Перестань, Джейн.— Себастьян встал, налил еще стакан и принес ей.— Вот лекарство.

Она выпила, отдала стакан, слабо улыбнулась и сказала:

— Извини. Больше не буду:

Грин продолжал свои открытия:

— Ты не брат? Нет, ты жил по соседству. Да, вот так: жил рядом.

— Верно, старина.— Себастьян похлопал его по плечу.— Не надо, не старайся вспоминать, вскоре все само придет. Не надо волноваться.

Грин посмотрел на Джейн. Нерешительно спросил:

— Вы моя сестра? Кажется, я что-то помню про сестру.

Джейн покачала головой, не в силах отвечать. Грин вспыхнул.

— Извините. Мне не следовало...

Себастьян прервал его.

— У тебя не было сестры. Была кузина, вы жили вместе. Ее звали Джозефина. Мы называли ее Джо.

Грин задумался.

— Джозефина — Джо. Да, я что-то помню.— Он помолчал и потом жалобно переспросил: — Вы уверены, что я не Грин?

— Совершенно уверены. А ты все еще им себя чувствуешь?

— Да... И еще ты говорил — я писал музыку, собственную музыку? Для высоколобых, не рэгтаймы?

— Да.

— Какое-то безумие. Именно безумие!

— Не надо волноваться,— ласково сказала Джейн.— Видимо, мы были неправы, что преподнесли все это тебе так сразу.

Грин переводил взгляд с одного на другого. Он был в растерянности.

— Что же мне теперь делать? — беспомощно спросил он.

Себастьян решительно ответил:

— Ты должен остаться здесь, с нами. Ты получил сильный шок. Я пойду и все утрясу со стариной Блейбнером. Он очень приличный человек и все поймет.

— Я не хотел бы его подвести. Он был ужасно хорошим боссом.

— Он поймет. Я ему уже кое-что рассказал.

— А машина? Я не хочу, чтобы ее водил другой. Она сейчас ходит так плавно...

Он снова был шофером и думал о своих обязанностях.

— Я понимаю.— Себастьян начал терять терпение.— Но сейчас, дорогой мой дружище, самое главное — чтобы ты поправился. Мы найдем тебе первоклассного врача.

— При чем тут врач? Я вполне здоров,— ошетинился Грин.

— Все равно надо показаться врачу. Не здесь — в Лондоне. Мы не хотим, чтобы здесь пошли слухи.

Что-то в его тоне привлекло внимание Грина. Он покраснел.

— Вы имеете в виду дело о дезертирстве.

— Нет, нет. Честно говоря, я этому ни на грош не верю. Тут другое.

Грин вопросительно смотрел на него. «Придется ему узнать»,— подумал Себастьян. Вслух он сказал:

— Видишь ли, твоя жена, думая, что ты умер, вторично вышла замуж.

Он побаивался того эффекта, который произведут его слова, но Грин увидел только смешную сторону дела.

— Какой ужас,— сказал он с ухмылкой.

— Тебя это никак не волнует?

— То, чего не помнишь, не может волновать.— Но, кажется, до него стало что-то доходить.— А мистер Дейр — ну, то есть я, я любил ее?

— Ну .. да.

Лицо Грина снова расплылось в улыбке.

— А я был так уверен, что не женат. И все-таки,— лицо его опять изменилось,— это очень страшно.— И он взглянул на Джейн, как бы ища поддержки.

— Дорогой Вернон,— сказала она,— все будет хорошо.— Потом она обычным голосом сказала:— Ты возил Блейбнера в Эбботс-Пьюисентс, ты там кого-нибудь видел?

— Видел мистера Четвинда и леди в саду. Я подумал, это миссис Четвинд — красивая, белокурая.

— Она... она тебя видела?

— Да. Кажется, испугалась. Смертельно побледнела и убежала, как заяц.

— О Господи! — воскликнула Джейн и тут же прикусила язык.

Грин спокойно обдумал ситуацию.

— Наверное, она подумала, что знает меня. Она, видимо, из тех, кто знал его... меня раньше, вот и дала деру. Да, вполне возможно.

Он был очень доволен своей сообразительностью.

Вдруг он спросил:

— У моей матери были рыжие волосы?

Джейн кивнула.

— Вот оно что.— Он был смущен.— Извините, я тут кое о чем подумал.

— Я пойду к Блейбнеру,— решил Себастьян.— С тобой останется Джейн.

Он вышел. Грин подпер голову руками. Он чувствовал острую неловкость — особенно с Джейн. Ясно, что он должен ее знать, но он не помнит. Она сказала «дорогой Вернон». Ужасно, когда люди тебя знают, а ты их нет. Если он заговорит, ему надо обращаться к ней «Джейн», а он не может. Она для него незнакомка. Хотя ему все же придется привыкнуть. Раньше они были вместе: Себастьян, Джордж и Джейн — нет, не Джордж, а Вернон. Глупое имя — Вернон. Может быть, он раньше и сам был глупый малый.

Грин отчаянно силился представить себе самого себя. Он был ужасно одинок — отрезан от реальности. Он заметил, что Джейн смотрит на него с жалостью и сочувствием, и ему стало не так одиноко.

— Поначалу ужасно, правда? — сказала она.

Он вежливо ответил:

— Трудновато. Не знаешь, где твое место.

— Понимаю.

Больше она ничего не сказала, просто сидела рядом. Его голова повисла, он заснул. Он проспал всего несколько минут, а ему показалось — часов. Джейн выключила все лампы, кроме одной. Он вздрогнул и проснулся. Она быстро проговорила:

— Все в порядке.

Он смотрел на нее, прерывисто дыша. Он еще не совсем проснулся, им владел кошмарный сон. А будет еще хуже — что-то приближается, он это чувствовал. Вот почему они смотрят на него с жалостью.

Джейн вдруг встала, и он вскрикнул:

— Останься со мной. О, пожалуйста, останься со мной!

Почему ее лицо исказила гримаса боли? Что такого он сказал? Он повторил:

— Не уходи. Останься со мной.

Она села рядом и взяла его за руку. Ласково сказала:

— Я не уйду.

Сразу стало легче, спокойнее. Минуту-другую он опять спал, потом проснулся; комната была все та же, и рука его лежала в руке Джейн. Он робко спросил:

— Вы... ты мне не сестра? Ты была... я хочу сказать, ты мне друг... подруга?

— Да.

— Близкая подруга?

— Близкая подруга.

Он помолчал. В нем все больше крепла убежденность. Наконец он выпалил:

— Ты моя жена, да?

Он не мог понять выражение ее лица. Оно его смущало. Она отдернула свою руку и встала.

— Нет, я тебе не жена.

— О, извини. Я подумал...

— Все в порядке.

В эту минуту вошел Себастьян. Он посмотрел на Джейн. Она с кривой улыбкой сказала:

— Хорошо, что ты пришел. Хорошо... что ты пришел.

3

В эту ночь Джейн и Себастьян долго разговаривали. Как быть? Кому сказать?

Надо было учитывать Нелл и ее положение. Нелл нужно сказать в первую очередь, ее это больше всего касается. Джейн согласилась.

- Если она уже не знает.
 - Думаешь, знает?
 - Она встретила с Верноном лицом к лицу
 - Она могла решить, что это просто сильное сходство.
- Джейн молчала.
- Ты так не думаешь?
 - Я не знаю.
 - Брось, Джейн, если бы она его узнала, она бы об этом сказала — ему или Блейбнеру. Прошло уже два дня.
 - Да.
 - Не могла она узнать его. Просто увидела Блейбнера шофера, и его сходство с Верноном так поразило ее, что она убежала.
 - Возможно.
 - Что у тебя на уме, Джейн?
 - Мы его узнали, Себастьян.
 - Ты узнала. Мне ты сообщила.
 - Но ты тоже узнал бы его, правда?
 - Да.. Но я же очень хорошо знал его.
 - Нелл тоже,— жестко сказала Джейн.
- Себастьян коротко взглянул на нее:
- К чему ты ведешь?
 - Сама не знаю.
 - Нет знаешь. Говори, что, по-твоему, случилось на самом деле?
- Джейн помолчала.
- Я думаю, что, наткнувшись на него в саду, Нелл поняла, что это Вернон. А потом она убедила себя, что ее просто смутило сходство.
 - Я сказал почти то же самое.
- Он слегка удивился, когда она мягко сказала:
- Правильно.
 - И какая же разница?
 - Практически никакой, но..
 - Но?
 - Мы с тобой хотим верить, что это Вернон, даже если бы это было не так.
 - Думаешь, с Нелл иначе? Не могла же она за это время так полюбить Джорджа Четвинда...
 - Нелл очень нежно относится к Джорджу, но Вернон — единственный, кого она любила.
 - Тогда все в порядке. Или от этого только хуже? Палка о двух концах. А что насчет этих — миссис Дейр и Бентов?

Джейн решительно сказала:

— Сначала надо рассказать Нелл. Миссис Дейр растрезвонит по всей Англии, а это будет несправедливо по отношению к Вернону и Нелл.

— Да, ты права. У меня такой план: завтра отвезем Вернона в город, покажем специалисту и послушаем его совет.

Джейн сказала — да, это наилучший план, и собралась идти спать. На лестнице задержалась и сказала Себастьяну:

— Я не уверена, правильно ли мы поступаем, возвращая его назад. Он выглядит таким счастливым. О Себастьян, он выглядит таким счастливым...

— В качестве Джорджа Грина, ты хочешь сказать?

— Да. Ты уверен, что мы правы?

— Да, совершенно уверен. Человек не должен находиться в таком неестественном состоянии.

— Неестественном, да. Чуднее всего, что он выглядит таким нормальным и обыкновенным. И счастливым — вот что не даст мне покоя, Себастьян, — счастливым! Мы же с тобой не слишком счастливы, правда?

Ему нечего было ответить.

Глава 3

1

Два дня спустя Себастьян приехал в Эбботс-Пьюисентс-Дворецкий не был уверен, примет ли его миссис Четвинд. Она слегла.

Себастьян назвал себя и сказал, что уверен, что миссис Четвинд его примет. Его провели в гостиную. Комната казалась пустой и молчаливой, но роскошной — совершенно не такой, как в дни его детства. Тогда это действительно был дом, подумал он и сам удивился, как это правильно. Сейчас это был скорее музей. Все прекрасно отделано, все гармонично; если какая-то вещь не соответствовала идеалу, ее заменяли на другую; все ковры и шторы были новые. «Это влетело им в копеечку», — подумал Себастьян и прикинул про себя. Он знал цену вещам.

Это благотворное упражнение было прервано появлением Нелл. Она вошла, порозовевшая, и протянула ему руку.

— Себастьян! Какой сюрприз! Я думала, ты так занят, что даже на выходные не всегда выезжаешь из Лондона!

— Я потерял двести тысяч фунтов за последние два дня,— хмуро сказал Себастьян, пожимая ей руку.— Просто потому, что занимался Бог знает чем и пустил все на само-тек. Ну, как ты?

— О, я чувствую себя прекрасно!

Он подумал, что выглядит она не слишком прекрасно, когда ожививший ее румянец успел сбежать. К тому же дворецкий сказал, что она больна. Он заметил в ее лице напряженность, следы усталости.

— Садись, Себастьян. У тебя такой вид, как будто ты спешишь на поезд. Джорджа нет, он в Испании. Поехал по делам. Его не будет неделю.

— Вот как?

Это им на руку. Чертова задача. А Нелл понятия не имеет...

— Ты что такой мрачный, Себастьян? Что-нибудь случилось?

Она спросила небрежно, но он ухватился за это. Подходящее начало.

— Да, Нелл, случилось.

Он услышал, как у нее перехватило дыхание. Она настороженно смотрела на него.

— Что же? — Голос ее изменился, он стал жестким и подозрительным.

— Боюсь, то, что я скажу, будет для тебя потрясением. Это про Вернона.

— Что про Вернона?

Себастьян, выдержав паузу, сказал:

— Вернон жив, Нелл.

— Жив? — прошептала она. И прижала руку к сердцу.

— Да.

Не произошло ничего из того, что он ожидал: она не упала в обморок, не заплакала, не засыпала его вопросами. Она смотрела прямо перед собой. В его изощренном еврейском мозгу мелькнуло подозрение.

— Ты знала?

— Нет, нет.

— Ты же видела его, когда он на днях приезжал?

— Так это был Вернон! — вскрикнула она.

Себастьян кивнул. Именно это ему говорила Джейн — что Нелл узнала, но не поверила своим глазам.

— А ты подумала, что он просто очень похож?

— Да, я так и подумала. Как я могла поверить, что это Вернон, когда он посмотрел на меня и не узнал?

— Он потерял память, Нелл.

— Потерял память?

Он изложил ей всю историю, стараясь по возможности ничего не пропустить. Она слушала, но как-то не очень внимательно. Когда он закончил, сказала:

— Да, но что можно с этим поделать? Вернется ли к нему память? Что нам делать?

Себастьян ответил, что Вернон был у специалиста, и под гипнозом память к нему частично вернулась. Восстановительный процесс займет не много времени. Он не вдавался в медицинские подробности, рассудив, что ей это неинтересно.

— И тогда он будет знать все?

Она отпрянула. Его охватил прилив жалости.

— Он не может винить тебя, Нелл. Ты же не знала, никто не знал. Нам сообщили о его смерти. Это почти уникальный случай. Я слышал о таком. Конечно, в большинстве случаев опровержение сообщения о смерти поступает сразу же. Вернон так любит тебя, что поймет и простит.

Она ничего не сказала, только закрыла лицо руками.

— Мы подумали... если ты согласишься, то лучше пока об этом молчать. Ты скажешь Четвинду, конечно. А потом ты, он и Вернон разберетесь вместе.

— Нет! Нет! Пусть все пока так остается — пока я не увижусь с Верноном.

— Хочешь увидеть его сейчас же? Поедешь со мной в город?

— Нет... я не могу. Пускай он придет сюда. Никто его не узнает, все слуги новые.

Себастьян медленно сказал:

— Хорошо... Я ему скажу.

Нелл встала.

— Я... мне надо уйти, Себастьян. Я уже не в силах держаться. Это так ужасно. Всего два дня назад все было так прекрасно, так мирно...

— Нелл, но ведь получить назад Вернона...

— О да, я не об этом. Ты не понимаешь. Конечно, это замечательно. О Себастьян, ступай. Ужасно так прощаться, но я больше не могу. Ты должен уйти.

Себастьян ушел. Всю обратную дорогу он думал и удивлялся.

Оставшись одна, Нелл вернулась в спальню и легла на кровать, плотно закутавшись в стеганое одеяло на гагачьем пуху.

Значит, это все-таки правда. Это был Вернон. Она тогда сказала себе, что этого не может быть, что она обождалась, но с того дня она не находила себе места.

Что же теперь будет? Что скажет Джордж? Бедный Джордж, он был так добр к ней.

Конечно, такое бывало, что женщина выходила замуж во второй раз, а потом оказывалось, что первый муж жив. Ужасное положение. Значит, она никогда не была законной женой Джорджа.

О, не может быть! Такого не бывает. Бог не позволил бы ..

Нет, про Бога лучше не надо. Это напоминает ей, что говорила Джейн позавчера, в тот самый день.

На нее нахлынула жалость к себе: я была так счастлива! Поймет ли Вернон? Или он будет обвинять ее? Он, конечно, захочет, чтобы она вернулась к нему. А может, нет, после того как она с Джорджем... Что думают в таких случаях мужчины?

Надо, конечно, развестись, а потом выйти замуж за Джорджа. Сколько будет разговоров! До чего же все сложно.

Ее вдруг как током ударило. Но я же люблю Вернона. Как я могу говорить о разводе и браке с Джорджем, когда я люблю Вернона? Его мне вернули — с того света!

Она беспокойно вертелась на кровати. Это была прекрасная кровать в стиле ампир¹, Джордж купил ее в старом шато² во Франции. Уникальная и очень удобная. Нелл оглядела комнату: очаровательно, все гармонично, со вкусом, без показной роскоши.

Неожиданно вспомнился диван, набитый конским волосом, и чехлы в меблированных комнатах в Уилтсбери... Кошмар! Но они были счастливы.

А теперь? Она оглядела комнату новыми глазами. Конечно, Эбботс-Пьюисентс принадлежат Джорджу. Или нет, если Вернон вернулся? В любом случае, Вернон оста-

¹ Ам п и р — стиль в архитектуре и мебели, возникший в первой четверти XIX века и отличающийся великолепием и роскошью форм.

² Шато (*фр.*) — старинный феодальный замок.

нется так же беден, как и был. Они не смогут здесь жить. Джордж столько здесь сделал... Одна мысль обгоняла другую, смущая ум.

Надо написать Джорджу, умолять его скорее приехать домой, сказать, что срочно, больше ничего. Он такой умный, он найдет выход.

Или не писать, пока не встретится с Верноном? Он будет очень злиться? Как все ужасно.

Слезы подступили к глазам. Она всхлипнула. Это несправедливо, несправедливо. Я ничего плохого не сделала. За что мне это? Вернон будет винить меня, но я же не могла знать. Откуда мне было знать? И опять промелькнула мысль: «Я была так счастлива!»

3

Вернон слушал, пытаясь понять, что говорит врач — высокий, худощавый, с глазами, устремленными прямо тебе в душу и читающими то, чего ты и сам о себе не знаешь.

И он заставляет тебя видеть то, чего ты не хочешь видеть. Извлекает из глубин. Он говорит:

— Теперь, когда вы вспомнили, расскажите мне еще раз, как вы увидели объявление о замужестве вашей жены.

Вернон воскликнул:

— Неужели надо повторять снова и снова? Это было ужасно. Больше я не хочу об этом думать.

И тогда врач терпеливо и дружелюбно объяснил, что все произошло именно из-за его нежелания «больше об этом думать». Нужно посмотреть этому в лицо, пройти через это — иначе он может снова потерять память.

И они снова все повторили.

Когда Вернон почувствовал, что больше не в силах, врач велел ему лечь на кушетку, положил руку ему на лоб, приговаривая, что он отдыхает... отдыхает... что он снова набирается сил и становится счастливым...

Покой снизошел на Вернона.

Он закрыл глаза...

4

Через три дня Вернон на машине Себастьяна приехал в Эбботс-Пьюисентс. Дворецкому он назвался мистером Грином. Нелл ждала его в маленькой белой комнате, где по утрам раньше сидела мать. Она встала ему навстречу, зас-

тавляя себя улыбаться. Она дождалась, когда за дворецким закроется дверь, и тогда подала ему руку.

Они взглянули друг на друга.

— Нелл...

Она была в его объятиях. Он ее целовал, целовал, целовал...

Наконец отпустил. Они сели. Он был спокоен, очень сдержан, если не считать бурного приветствия. За последние несколько дней он много пережил.

Временами ему хотелось, чтобы его оставили в покое — оставили Джорджем Грином. Быть Джорджем Грином казалось так славно.

Он запинаясь сказал:

— Все нормально, Нелл. Не думай, я тебя не виню. Я понимаю. Только очень больно. Чертовски больно! Естественно.

Нелл сказала:

— Я не хотела...

Он ее остановил:

— Я знаю, говорю тебе — знаю. Не будем об этом. Я не хочу об этом слышать. Не хочу никогда говорить.— Уже другим тоном добавил:— Говорят, в этом моя беда. Все из-за этого.

Она сказала, довольно настойчиво:

— Расскажи — про все.

— Нечего особенно рассказывать.— Он говорил без интереса, как о чем-то постороннем.— Я попал в плен. Как получилось, что меня сочли убитым, я не знаю. Но смутная идея есть. Там был парень, очень похожий на меня,— один из гансов¹. Не двойник, а просто очень похожий. Немецкий у меня скверный, но я слышал, что они об этом говорили. У меня отобрали снаряжение и личную карточку. Думаю, идея была в том, чтобы он проник в наши ряды под моим именем — в это время нам на помощь пришли колониальные войска, и они это знали. Этот парень покрутился бы денек и собрал нужную информацию. Так я думаю, потому меня и не включили в список пленных, а послали в лагерь, где были сплошь французы и бельгийцы. Но все это не важно. Думаю, этого ганса убили при переходе через линию фронта и похоронили — вроде как меня. В Германии мне пришлось плохо, я чуть не умер от

¹ Ганс — презрительное прозвище немца.

воспаления раны. Наконец сбежал. О, это долгая история! Не собираюсь в нее вдаваться. Несколько дней без еды и воды. Чудо, что я это вынес. Но вынес. Я пробрался в Голландию. Был измучен; нервы — как натянутая струна. Думал только об одном — вернуться к тебе.

— Да?

— И тут увидел ее, эту мерзкую иллюстрированную газету. Про твою свадьбу. Это меня доконало. Но я не мог с этим смириться. Я продолжал твердить, что это неправда. Пошел сам не зная куда. В голове все перемешалось. По дороге мчался большой грузовик. Я решил — вот шанс со всем покончить. И вышел на дорогу.

— О, Вернон! — содрогнулась она.

— И это был конец — меня как Вернона Дейра. Когда я пришел в себя, в голове у меня оставалось одно имя — Джордж. Счастливчик Джордж. Джордж Грин.

— Почему Грин?

— Детская фантазия. И потом, голландская девушка просила меня найти ее парня, которого звали Грин, и я записал это имя в книжке.

— И ты ничего не помнил?

— Ничего.

— Это страшно?

— Нет, нисколько. Я не видел причин для беспокойства. — Он прибавил тоном сожаления: — Мне было очень весело и хорошо. — Он посмотрел на нее. — Но все это больше не имеет значения. Ничто не имеет значения, кроме тебя.

Она улыбнулась, но как-то слабо и неопределенно. В тот момент он не обратил на это внимания, а продолжал:

— Вот уж где был ад — так это возвращаться к себе, вспоминая все это. Все эти чудовищные вещи. Всё, чему я не хотел смотреть в лицо. Тут я оказался трусом. Отворачивался от того, чего не желал знать.

Он резко встал, подошел к ней, опустился на пол и уткнулся головой в ее колени.

— Нелл, любимая, все хорошо. Я же у тебя первый, правда?

Она сказала: «Конечно».

Почему собственный голос показался ей таким... механическим? Он был первым. Как только его губы коснулись ее, она опять унеслась в те удивительные дни в начале войны. Она никогда не чувствовала ничего подобного с Джоржем... словно тонешь, словно тебя уносит прочь.

— Как странно ты это сказала — как будто ты так не думаешь.

— Конечно, думаю.

— Мне жаль Четвинда, ему не повезло. Как он это принял? Тяжело?

— Я ему не говорила.

— Что?

Ей пришлось оправдываться.

— Его нет — он в Испании. У меня нет адреса.

— А, понятно...— Он помолчал.— Тебе придется трудно, Нелл. Но ничего не поделаешь. Зато мы обретем друг друга.

— Да.

Вернон огляделся.

— Это место, конечно, достанется Четвинду. Я такой невеликодушный нищий, что даже завидую ему. Но черт возьми, это же мой дом! Мой род жил здесь пятьсот лет! О, какое это имеет значение? Джейн как-то говорила, что нельзя иметь все. Я получил тебя, только это и имеет значение. Место мы себе найдем. Пусть даже это будет пара комнат.

Его руки обняли ее. Почему же от слов «пара комнат» ей стало так холодно?

— Долой вещи! Они только мешают!

Он как бы смеясь рванул нитку жемчуга, которая была на ней, и жемчужины рассыпались по полу. Ее прелестный жемчуг! Она подумала, снова похолодев: «Все равно, наверное, их придется вернуть. Все драгоценности, подаренные Джорджем».

Как ей не стыдно об этом думать!

Он наконец что-то заметил.

— Нелл — или некоторые вещи все же имеют значение?

— Нет, конечно нет.

Она не могла смотреть ему в глаза, ей было стыдно.

— Что-то у тебя на душе? Скажи мне.

Она потрясла головой.

— Ничего.

Она не может снова стать бедной. Не может, не может.

— Нелл, ты должна мне рассказать.

Он не должен знать — не должен знать, какая она на самом деле. Ей было так стыдно.

— Нелл, ведь ты меня любишь?

— О да! — пылко сказала она. По крайней мере, это было правдой.

— Тогда в чем же дело? Я вижу, что-то есть... Ах!

Он встал. Лицо его побледнело. Она вопросительно ждала.

— Значит, дело в этом? — тихо спросил он. — У тебя будет ребенок?

Она обратилась в камень. Вот что ей не пришло в голову. Если бы было так, то все проблемы были бы решены. Вернон никогда ничего не узнает.

— Это правда?

Опять прошла целая вечность. Мысли метались в голову. Нет, не она сама — это какая-то сила заставила ее кивнуть.

Он отодвинулся. С трудом проговорил:

— Это все меняет... Бедная Нелл! Ты не можешь... мы не можем... Послушай, никто не узнает — я хочу сказать, обо мне, — только врач и Себастьян с Джейн. Они не проболтаются. Всем известно, что я умер. Так вот — я умер.

Она сделала движение, но он поднял руку, останавливая ее, и двинулся к двери.

— Не говори ничего, ради Бога. От слов будет только хуже. Я ухожу. Не смею дотронуться до тебя, даже поцеловать. Я... прощай.

Она слышала, как открылась дверь, сделала попытку окликнуть его, но ни звука не вырвалось из груди. Дверь закрылась.

Было тихо. Машину не заводили.

Она не шевелилась.

В какой-то момент с горечью подумала: «Так вот, значит, я какая».

Но так и не шелохнулась.

Четыре года разнеженной жизни лишили ее воли, придушили голос, парализовали тело.

Глава 4

1

— К вам мисс Хардинг, мадам.

Нелл оцепенела. После разговора с Верноном прошло двадцать четыре часа. Она думала, что все закончилось. И вот теперь Джейн!

Она боялась Джейн.

Можно отказаться ее принять.

— Проводите ее сюда.

У нее в комнате будет легче.

Как долго ее нет! Может, она ушла? Нет, вот она.

Джейн казалась очень высокой. Нелл съежилась на софе. У Джейн злобное лицо — она всегда так думала. Сейчас это было лицо мстительной фурии¹.

Дворецкий вышел. Джейн стояла, возвышаясь над Нелл. Потом вскинула голову и засмеялась.

— Не забудь пригласить меня на крестины,— сказала она.

Нелл вздрогнула, потом высокомерно сказала:

— Не понимаю, о чем ты.

— Пока что это семейная тайна? Нелл, чертова лгунишка, ты не беременна. Я вообще не верю, что ты когда-нибудь родишь ребенка — это больно и рискованно. Что заставило тебя сказать Вернону такую дикую ложь?

— Я ему не говорила. Он сам придумал,— упрямо ответила Нелл.

— Тогда это еще более чудовищно.

— Не знаю, зачем тебе понадобилось прийти сюда и все это говорить.

Протест был слабый, в нем не было души. Ценой жизни она не смогла бы вложить в него необходимое негодование. Тем более говоря с Джейн. Джейн всегда была чертовски проницательна. Это ужасно! Хоть бы она скорее ушла.

Она встала и постаралась быть решительной:

— Я не знаю, зачем ты пришла. Разве только чтобы устроить сцену...

— Послушай, Нелл. Тебе придется услышать правду. Однажды ты уже прогоняла Вернона. Он пришел ко мне. Да, ко мне. Он жил со мной три месяца. Он был в соседней комнате, когда ты приходила. А, задело! Что-то женское в тебе осталось, рада это видеть. Тогда ты его у меня отобрала. Он отправился к тебе и не вспомнил про меня. Но говорю тебе, Нелл: если ты его еще раз прогонишь, он придет ко мне. О да, придет! В душе ты обо мне плохо думаешь, воротишь нос от «женщины такого сорта». Что ж, зато я имею власть, знаю про мужчин больше, чем ты узна-

¹ Фурия — в античной мифологии одна из трех сестер — богинь мщения. Изображались в виде наводящих ужас женщин со змеями вместо волос.

ешь за всю жизнь. Если я захочу, я получу Вернона. А я хочу. Всегда хотела.

Нелл дрожала. Она отвернулась и впиалась ногтями в ладони.

— Зачем ты мне это говоришь? Ведьма!

— Говорю, чтобы задеть тебя! Задеть, пока не поздно. Не отворачивайся, не убежишь от того, что я скажу. Придется посмотреть на меня, увидеть своими глазами, сердцем, умом... В дальнем углу своей жалкой душонки ты еще любишь Вернона. Представь себе его в моих объятиях, подумай, что его губы слились с моими, он прожигает поцелуями мое тело... Да-да, подумай. Скоро тебе это станет безразлично. Но сейчас — нет. Женщина ли ты, если отдаешь любимого другой? Той, которую ненавидишь? «Подарок Джейн от Нелл с любовью».

— Уходи,— слабо сказала Нелл.— Уходи.

— Ухожу. Еще не поздно. Ты еще можешь отказаться от своей лжи.

— Уходи... Уходи.

— Поторопись,— потом будет поздно!— Джейн задержалась в дверях.— Я приходила ради Вернона, не ради себя. Я хочу, чтобы он вернулся ко мне. И он вернется, если не...— Она вышла.

Нелл сидела, сцепив руки.

Она свирепо прошептала: «Не получишь его. Не получишь!...»

Она хотела Вернона. Она хотела его. Однажды он уже любил Джейн. Он будет любить ее опять. Как она сказала? «...его губы слились с моими... его поцелуи прожигают мое...» О Боже, она этого не перенесет! Она рванулась к телефону.

Дверь открылась, вошел Джордж. Он выглядел таким нормальным и жизнерадостным.

— Привет, голубушка.— Он подошел и поцеловал ее.— А вот и я. Отвратительная была поездка, я лучше пересеку всю Атлантику, чем снова этот Ла-Манш.

Она совсем забыла, что Джордж возвращается сегодня! В этот момент она не может сказать ему, это будет слишком жестоко. К тому же трудно вставить трагическое известие в поток банальностей. Сегодня — но попозже. Пока она будет играть прежнюю роль.

Она механически ответила на его объятие, села и стала слушать.

— Я привез тебе подарок, дорогая. Эта вещь напомнила мне тебя.

Он достал из кармана бархатный футляр.

Внутри на подушечке из белого бархата лежал большой розовый бриллиант — восхитительный, безупречный — на длинной цепочке. Нелл ахнула.

Он вынул бриллиант из футляра и надел ей на шею. Она взглянула вниз — замечательный розовый камень сверкал между ее грудей. Он гипнотизировал ее.

Джордж подвел ее к зеркалу. Она увидела золотоволосую красавицу, спокойную и элегантную. Она увидела блестящие волнистые волосы, наманикюренные руки, пенящееся неглиже¹ из тонких кружев, шелковые чулки, расширенные домашние туфельки. Она увидела холодную, твердую красоту бриллианта.

А позади себя она увидела Джорджа Четвинда — доброго, щедрого, изысканного, заступника.

Дорогой Джордж, она не может причинить ему боль...

Поцелуй... Ну и что? Надо не думать о них. Просто не думать.

Вернон... Джейн...

Она не будет о них думать. На горе или на радость, но она сделала свой выбор. Иногда будут тяжелые моменты, но в целом — это наилучший выбор. Для Вернона так тоже лучше. Если она будет несчастна, она не сможет и его сделать счастливым.

Она нежно сказала:

— Как мило, что ты привез мне такой чудесный подарок. Позвони, пусть принесут чай сюда.

— Прекрасно. Но ты собиралась звонить по телефону? Я прервал тебя.

Она покачала головой.

— Нет,— сказала она.— Я передумала.

2

Письма от Вернона Дейра к Себастьяну Левину.

«Москва.

Дорогой Себастьян!

Знаешь ли ты, что у русских есть легенда о пришествии неведомого чудовища?

¹ Неглиже — утренняя домашняя женская одежда свободного покроя

Я упоминаю о нем не потому, что это важно с политической точки зрения (кстати, истерия по поводу Антихриста мне кажется смешной, согласен?), а потому, что оно напоминает мне детский ужас перед Чудовищем. Со времени приезда в Россию я много думаю о Чудовище, пытаюсь понять его истинный смысл.

Потому что это больше, чем страх перед роялем. Тот врач в Лондоне на многое открыл мне глаза. Я начал понимать, что всю жизнь был трусом. Думаю, ты это знаешь, Себастьян. Ты мне намекал, хоть старался не обидеть. Я убегал от неких вещей... Всегда убегал.

Думая о нем, я вижу в Чудовище некий символ, не просто предмет из дерева и проволоки. Говорят же математики, что будущее существует одновременно с прошлым? Что мы путешествуем во времени, как в пространстве, от одного события к другому? Воспоминания — это просто свойство ума, и мы могли бы вспоминать то, что впереди, как и то, что позади? Звучит дико, но такая теория вроде бы есть.

Верю, что какая-то часть нашей души знает будущее и ни на миг этого не забывает.

Не этим ли объясняется то, что мы избегаем некоторых вещей? Зная, как тяжела ноша судьбы, мы шарахаемся от ее тени. Я пытался убежать от музыки — но она меня настигла, как настигает религия членов Армии спасения.

Дьявольская вещь — или божественная? Если так, то это ревнивый Бог Ветхого Завета — я потерял все, что старался удержать: Эбботс-Пьюисентс, Нелл...

А что осталось, черт возьми? Ничего. Даже самого проклятия: я не желаю писать музыку. Я ничего не слышу, ничего не чувствую. Джейн говорит, все вернется. Она в этом уверена. Кстати, она посылает тебе привет.

Твой Вернон».

3

«Москва.

Себастьян, чертушка, все-то ты понимаешь. Не жалуешься, что я не описываю самовары, политическую ситуацию и вообще Россию. В стране, конечно, страшная неразбериха, а чего еще было ждать? Но ужасно интересно. Привет от Джейн.

Вернон».

«Москва.

Дорогой Себастьян,

Джейн была права, что привезла меня сюда. Во-первых, здесь не встретишь никого, кто бы радостно объявил о моем воскрешении из мертвых. Во-вторых, по-моему, скоро здесь будет самое интересное место в мире. Какая-то вольная лаборатория, где все и каждый ставят опаснейшие эксперименты.

Весь мир интересуется Россией с точки зрения политики — экономика, голод, вопросы морали, отсутствие свободы, больные беспризорные дети и так далее. Но чудесным образом из грязи, порока и анархии порой рождаются поразительные вещи. Направление русской мысли в искусстве экстраординарно: частично это самые жалкие ребяческие подделки, но иногда среди них заметны великолепные проблески — так прекрасное тело порой сверкнет сквозь рубище бродяги.

Неведомое Чудовище — это Коллективный Человек. Ты видел их проект памятника Коммунистической революции? Колосс из железа и стали? Скажу тебе, зрелище впечатляющее.

Машины, век машин! Как большевики уповают на машины — и как же мало знают о них! Потому и восхищаются. Вообрази реального механика из Чикаго, сочиняющего стихи о своем городе: «...он построен на винте! Электромеханический город! В форме спирали, установленной на стальном диске! С каждым ударом часов он поворачивается вокруг своей оси. Пять тысяч небоскребов». — Что может быть более чуждо американскому духу?

И все же — разве разглядишь то, к чему стоишь вплотную? Именно люди, не знающие техники, видят ее душу и смысл. Неведомое Чудовище... Мое Чудовище?.. Не знаю.

Коллективный Человек — он в свою очередь становится необъятной машиной. Стадный инстинкт, который когда-то спас человечество, приходит в новой форме.

Жизнь становится слишком трудной и опасной для личности. Что писал Достоевский? «Снова соберется толпа и снова подчинит всех себе, и так пребудет вечно. Мы отдадим им наше спокойное, скромное счастье».

Стадный инстинкт... Не знаю.

Твой Вернон»

«Москва.

Я нашел у Достоевского кое-что еще — думаю, это то, о чем ты говорил.

«И только мы — мы, хранители таинства, будем несчастны. Будут тысячи миллионов счастливых детей и только сто тысяч мучеников, которые примут на себя проклятие добра и зла».

Ты, как и Достоевский, имел в виду, что всегда остаются личности, которые несут факел. Люди, сплотившиеся в гигантскую машину, неизбежно погибают. Потому что машина бездушна. В конце концов она превращается в грудку железа.

Люди обтесали камень и построили Стоунхендж;¹ сегодня те, кто строил, умерли безымянные, а Стоунхендж стоит. И вот парадокс: эти люди живут в своих потомках, в тебе и во мне, а каменная громада и то, ради чего она воздвигнута, мертвы. Мертвое сохранилось, а живое, — погибло.

Вечно продолжается только Человек. (Ой ли? Может, наша самонадеянность не имеет оснований? Однако мы верим!) Итак, за машиной стоит личность? Так говоришь ты — и Достоевский. Но вы оба русские. Как англичанин, я более пессимистичен.

Знаешь, что мне напомнила эта цитата из Достоевского? Детство. Сотня детей мистера Грина — и Пудель, Белка и Кустик. Представители тех ста тысяч.

Твой Вернон».

«Москва.

Дорогой Себастьян!

Думаю, ты прав. Раньше я никогда не предавался размышлениям, считал это бесполезным занятием. Пожалуй, я и сейчас такого мнения.

¹ Стоунхендж — одно из самых известных мегалитических сооружений, состоящее из огромных отдельно стоящих каменных глыб и служившее для ритуальных церемоний и погребений. Находится близ города Солсбери в графстве Уилтшир и предположительно относится к XIX—XVI векам до н.э.

Видишь ли, беда в том, что я не могу «сказать это в музыке». Черт возьми, почему же я не могу «сказать это в музыке»? Музыка — это мое, я уверен в этом как никогда. И — ничего не делаю.

Это кошмар.

Вернон».

7

«Дорогой Себастьян, разве я ничего не говорил про Джейн? Что о ней сказать? Она великолепна. Мы с тобой это знаем. Почему ты сам ей не напишешь?

Вечно твой
Вернон».

8

«Дорогой дружище Себастьян!

Джейн говорит, ты, возможно, сюда вырвешься. Молю об этом Бога. Извини, что полгода не писал — я не большой охотник до писем.

Видишь ли ты Джо? Мы были рады проездом через Париж повстречаться с ней. Джо — верный друг, она нас не выдаст, и я рад, что она знает. Мы с ней не переписываемся, как обычно. Но, может быть, ты знаешь о ней. Вряд ли ей хорошо живется. Бедняжка Джо! Она совсем запуталась.

Ты слышал о проекте памятника Третьему Интернационалу¹ Татлина?² Три огромные стеклянные камеры соединены вертикальными осями и спиралями, особые машины будут постоянно вращать их с разными скоростями.

А внутри, я полагаю, они будут собираться и петь гимны Священной Ацетиленовой Горелке!

Помнишь, как-то мы возвращались в город ночью, не там свернули и вместо цивилизованных мест очутились в Сур-

¹ Третий Интернационал — Коммунистический Интернационал, или Коминтерн (1919—1943), международная организация, призывавшая рабочих всех стран объединяться на принципах пролетарского интернационализма в революционной борьбе за свержение буржуазии.

² Татлин Владимир Евграфович (1885—1953) — русский живописец, график, театральный художник, конструктор. Создал экспериментальный проект памятника-башни Третьего Интернационала (1919—1920), модель которого не сохранилась.

рейских¹ доках. Позади обшарпанных домов открывалась странная панорама, как картина кубиста: краны, мачты, клубы дыма. Ты с твоей душой художника тут же обозвал это подвесной сценой или каким-то еще техническим термином.

Боже мой, Себастьян! Какой грандиозный спектакль техники ты мог бы поставить! Диковинные эффекты, свет, массы людей с нечеловеческими лицами — массы, не личности. У тебя самого на уме нечто такое, не так ли?

Этот архитектор Татлин сказал хорошую вещь, хотя и вздор: «Только ритм метрополии, заводов и машин вместе с организацией масс может дать импульс новому искусству...»

Он продолжает говорить о «памятнике машинам» как единственно адекватному выражению эпохи.

Ты, конечно, знаешь о современном русском театре, это твоя работа. Я думаю, Мейерхольд² действительно великолепен. Но можно ли смешивать театр и пропаганду?

И все-таки это восхитительно: приходишь в театр, и тебя подхватывает марширующая толпа — вверх, вниз, по ступенькам, пока не начнется спектакль, — а на сцене качающиеся стулья, и канонада, и вращающиеся отсеки, и еще бог весть что! Ребячество, абсурд, но ты чувствуешь, что ребенок получил опасную и интересную игрушку, которая бы в других руках...

Это твои руки, Себастьян, — ты русский. Но спасибо судьбе и географии — не пропагандист, а всего лишь простой шоумен. «Ритм метрополии» в изобразительном искусстве.

Мой Бог, если бы я мог дать тебе музыку! Нужна музыка.

Господи, слышал бы ты их «шумовые оркестры», симфонии фабричных гудков! В двадцать втором году в Баку было такое шоу: артиллерийская батарея, пулеметы, хор, гудки пароходов. Смешно? Да, но если бы у них был композитор...

Ни одна женщина так не мечтает о ребенке, как я — произвести на свет музыку.

Но я бесплоден — стерилен.

Вернон».

9

«Дорогой Себастьян!

Это было как сон — ты приехал и уехал. Неужели ты

¹ Суррей — графство на юго-востоке Англии к югу от Темзы.

² Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — русский режиссер и актер, создатель театра Революции.

будешь ставить «Сказку о жулике, который перехитрил трех других жуликов»?

Я только теперь начал понимать, какой бешеный успех имеют твои вещи. Я понял, что ты — именно тот, кто нужен сегодня. Возводи свою Национальную Оперу! Видит Бог — пора уже! Но чего ты ждешь от оперы? Она архаична, она умерла — смешные любовные истории.

Музыка — вся, вплоть до наших времен — кажется мне похожей на детский рисунок: четыре стены, дверь, два окна, дым над трубой. Что с нее взять?

Но Фейнберг¹ и Прокофьев² сделали больше.

Помнишь, как мы издевались над кубистами и футуристами?³ Я, по крайней мере. Думаю, сейчас ты другого мнения.

Как-то в кино показали вид большого города с высоты. Шпиль перевернуты, здания покосились — бетон, железо, сталь так себя не ведут! И впервые нам показана лишь одна сторона — что имел в виду старик Эйнштейн, когда говорил об относительности.

Мы ничего не знаем об истинной форме музыки. Не представляем истинной формы хоть чего-нибудь, потому что другая обращена в мировое пространство.

Когда-нибудь ты поймешь — что я имею в виду, говоря о смысле музыки, — я всегда знал, что у нее есть смысл.

До чего путаная была у меня опера! Опера — вообще путаница: музыка не должна быть предметно-изобразительной. Взять сюжет и сочинять к нему изобразительную музыку — все равно что отвлеченно сочинить пьесу, а потом сообразить, на каком инструменте ее сыграть! Если Стравинский⁴ написал пьесу для кларнета, ты не уговоришь меня сыграть ее ни на чем другом!

Музыка должна быть подобна математике: чистая наука, без примеси драмы, романтизма или других эмоций,

¹ Фейнберг Самуил (1890—1962) — русский пианист, композитор, педагог и музыкальный деятель.

² Прокофьев Сергей (1891—1953) — русский пианист, дирижер и композитор — новатор, создавший свой глубоко самобытный стиль.

³ Футуристы — представители направления в искусстве и литературе 10-х годов XX века, отвергавшего реализм и традиции старого искусства и пытавшегося создать новый стиль — стиль будущего.

⁴ Стравинский Игорь (1882—1971) — русский композитор, живший в эмиграции в США.

отличных от тех, что созданы только звуками, без всяких идей. В глубине души я всегда знал: музыка — это Абсолют.

Я, конечно, не могу претворить в жизнь свой идеал. Создать чистое звучание, свободное от идей, — это совершенство. Моя музыка будет музыкой машин. Как это поставить, решишь ты. Теперь — эпоха хореографии, хореография достигнет таких высот, о которых мы и не мечтали. В том, что касается зрелищной стороны ненаписанного шедевра — может, он так и не будет написан, — я тебе полностью доверяю.

Музыка должна иметь четыре измерения: тембр, громкость, темп и частота колебаний.

Думаю, сейчас мы не оценим Шёнберга¹ в полной мере. Голая беспощадная логика — вот дух нашего времени. Только Шёнберг имел мужество ниспровергнуть традицию и открыть Истину.

На мой взгляд, только он что-то значит. Даже его манера писать партитуры будет общепризнанной. Это абсолютно необходимо, чтобы партитуры стали вразумительными.

В нем вызывает возражение только одно: его презрение к инструментам. Он боится стать их рабом и заставляет их служить себе, хотя бы они того или нет.

Я же хочу прославить инструменты. Хочу дать им то, чего они просят.

Черт возьми, Себастьян, что же такое музыка? Я все меньше и меньше понимаю

Твой Вернон».

10

«Признаю, что давно не писал, — был очень занят. Экспериментировал. Искал средства выразить неведомое Чудовище. Другими словами, изготавливал инструменты. Металлы — это очень интересно. Сейчас я работаю со сплавами. Звук — поразительная вещь.

Привет от Джейн.

Отвечая на твой вопрос — нет, я не намерен уезжать из России, даже на открытие твоей Оперны, — прикрывшись бородой!

¹ Шёнберг Арнольд (1874—1951) — немецкий композитор, один из крупнейших представителей экспрессионизма в музыке начала XX века, основатель так называемой атональной музыки.

*Она стала еще более варварской, чем когда ты ее видел!
Густая, длинная — славянский бобер, да и только!*

*Но несмотря на этот лесной камуфляж, я — это по-прежнему я, каковым и останусь, покуда меня не истребит
какая-нибудь банда одичавших потомков.*

*Твой навеки
Вернон».*

Телеграмма от Вернона Дейра — Себастьяну Левину.

*«СЛЫШАЛ ДЖО ОПАСНО БОЛЬНА УМИРАЕТ ЗАСТРЯЛИ
НЬЮ-ЙОРКЕ ДЖЕЙН И Я ОТПЛЫВАЕМ «РЕСПЛЕНДЕНТЕ»
НАДЕЖДЕ УВИДЕТЬ ТЕБЯ ЛОНДОНЕ».*

Глава 5

1

— Себастьян!

Джо потянулась к нему, но снова упала на кровать. Она смотрела на него во все глаза. Себастьян, большой, в шубе, спокойный, всезнающий, слабо улыбался.

На его лице никак не отразилась боль, которая пронзила его при виде Джо. Бедняжка Джо!

У нее отросли волосы — две короткие косички лежали на плечах. Лицо исхудало, щеки горели лихорадочным румянцем. Сквозь тонкую ночную сорочку просвечивали ключицы.

Она была похожа на больного ребенка. Что-то детское было и в ее удивлении, и в радости, и в настойчивых вопросах. Сиделка оставила их наедине.

Себастьян сел и взял Джо за руку.

— Мне Вернон телеграфировал. Я не стал его ждать, приехал первым же рейсом.

— Ты приехал ко мне?

— Конечно.

— Дорогой Себастьян!

На глаза ей навернулись слезы. Себастьян встревожился и поспешно добавил:

— Не то чтобы у меня совсем не было тут дел. Я часто разъезжаю и сейчас, в сущности, могу проверить парочку комбинаций.

— Не болтай.

— Но это правда, — удивленно сказал Себастьян.

Джо засмеялась, и смех перешел в кашель. Себастьян

напрягся, готовый вызвать сиделку. Его предупреждали. Но приступ миновал.

Джо лежала довольная, рука ее опять сжимала руку Себастьяна.

— Мама умерла так же,— прошептала она.— Бедная мама! Я думала, что буду умнее, а сама совершенно запуталась. О! Совсем запуталась.

— Бедняжка Джо!

— Себастьян, ты даже не знаешь, как я запуталась.

— Могу представить. Я всегда думал, что к тому все идет.

Джо помолчала, потом сказала:

— Ты не представляешь, как приятно тебя видеть, Себастьян. Скольких неудачников, отбросов общества я пересчитала! Мне не нравилось, что ты такой сильный, удачливый, самоуверенный, меня это бесило. А сейчас — как же это великолепно!

Он сжал ее руку.

— Никто на свете не примчался бы так, как ты — в такую даль, сразу. Вернон, конечно,— но он родственник, почти брат. А ты...

— И я почти брат, больше чем брат. Еще со времен Эбботс-Пьюиссентс я был... ну, готов постоять за тебя, если бы ты захотела.

— О, Себастьян! — Глаза ее широко раскрылись и загорелись счастьем.— Я не представляла, что ты...

Он мельком взглянул на нее. Он не совсем это имел в виду. Он не мог бы объяснить, во всяком случае ей. Это чувство мог понять только еврей. Неумирающая благодарность изгоя, которому никогда не забыть оказанного благодеяния. В детстве он был отверженный, и Джо стояла за него — ей хотелось игнорировать весь мир. Себастьян этого не забыл — и не забудет. Он, как и говорил уже, пойдет за ней на край света, стоит ей захотеть.

— Меня перевели сюда из ужасной палаты — это ты?

Он кивнул.

— Я послал каблогранму¹.

Джо вздохнула.

— Ты такой предприимчивый, Себастьян.

— Боюсь, что да.

¹ Каблогранма — телеграмма, переданная по подводному кабелю.

— Таких, как ты, больше нет. Никого. В последнее время я часто думаю о тебе.

— Правда?

Он вспомнил годы одиночества, болезненную тоску, неисполненные желания. Почему все приходит так не вовремя?

Она продолжала:

— Я и не надеялась, что ты все еще обо мне думаешь. Мне всегда казалось, что ты и Джейн когда-нибудь...

Его пронзила непонятная боль. Джейн...

Он и Джейн...

Он хмуро сказал:

— Джейн — прекраснейшее творение Господа, но она душой и телом принадлежит Вернону. И это навсегда.

— Я надеюсь. А все-таки жаль. Вы с ней оба сильные. Вы принадлежите друг другу.

Да, в известном смысле. Он понимал, что она хотела сказать.

На губах Джо мелькнула улыбка.

— Похоже на книжки, которые читают в детстве. Сцена поучений со смертного одра. Друзья и родственники собрались вокруг. Улыбка на изможденном лице героини.

Себастьян попытался сосредоточиться. Почему он считал, что это не любовь? А это была любовь. Страстная, чистая, бескорыстная жалость и нежность — эти глубокие чувства она пронесла через годы. В тысячу раз более истинные, чем те бурные или тепловатые увлечения, которые возникали у него с монотонной регулярностью и не затрагивали глубин его существа.

Сердце его рванулось из груди к этой детской фигурке. Так или иначе он постарается, чтобы все было хорошо.

Он ласково сказал:

— Нет никаких сцен у смертного одра, Джо. Ты выздоровеешь и выйдешь за меня замуж.

— Милый Себастьян! Связать тебя с чахоточной женой — да ни за что в жизни!

— Чушь. Ты сделаешь одно из двух: или выздоровеешь, или умрешь. Если умрешь, то умрешь, и на том конец. Если выздоровеешь, то выйдешь за меня замуж. Вылечить тебя будет не слишком дорого.

— Я очень плоха, Себастьян, дорогой.

— Возможно. Но туберкулез — самая непредсказуемая вещь, тебе это любой врач скажет. Ты просто себя запусти-

тила. Лично я думаю, что ты поправишься. Дело долгое, но возможное.

Он видел, как краска прилила к ее впалым щекам и отхлынула. Теперь он знал, что она его любит, и на сердце потеплело. Его мать умерла два года назад, и с тех пор у него не было привязанностей.

Джо тихо сказала:

— Себастьян, я действительно нужна тебе? Я... я так запуталась...

Он искренне сказал:

— Нужна ли ты мне? Я самый одинокий человек на земле.

И вдруг он сломался. Он никогда не думал, что такое с ним может случиться. Он упал на колени, уткнулся лицом в постель, плечи его вздрагивали.

Ее рука легла ему на голову. Он знал, что она счастлива — ее гордость была утолена. Милая Джо — импульсивная, добросердечная, легкомысленная. Она ему дороже всего на свете. Они помогут друг другу.

Вошла сиделка — посетитель чересчур задержался в палате — Джо приподнялась, чтобы проститься с Себастьяном. Он спросил:

— Кстати, этот француз... как его зовут?

— Франсуа? Он умер.

— Это хорошо. Конечно, ты могла развестись, но вдовой лучше.

— Ты думаешь, я поправлюсь?

Как жалобно это прозвучало!

— Конечно.

Снова вошла сиделка, и он ушел. Поговорил с врачом — тот не мог его обнадежить, но согласился, что шансы есть. Порешили на Флориде¹.

Себастьян пошел домой. Он брел по улице в глубокой задумчивости. Он видел заголовок «Ужасная катастрофа «Респлендента», но ничто не отозвалось в его мозгу. Он был слишком занят собственными мыслями.

Что для Джо лучше — жить или умереть? Он не знал.

У нее была такая скверная жизнь. Надо дать ей лучшую.

Он лег и заснул тяжелым сном.

¹ Флорида — штат на юго-востоке США на полуострове Флорида.

Проснулся он от смутного беспокойства. Что-то такое было... он не находил этому названия. Это не Джо, о Джо он думал постоянно. А это было где-то в глубине сознания — какая-то недодуманная, нерешенная мысль.

Сейчас вспомню, подумал он. Но не вспомнил.

Одеваясь, он думал о делах Джо. Как можно скорее ее нужно отправить во Флориду. Потом, возможно, в Швейцарию. Она очень слаба, но перевезти ее можно. Как только он встретится с Верноном и Джейн...

Когда их корабль приходит? «Респлендент», кажется? «Респлендент»...

Бритва дрогнула у него в руке. Вот оно что! Перед глазами всплыл газетный заголовок:

«Респлендент» — ужасная катастрофа!

Вернон и Джейн плыли на «Респленденте».

Он резко дернул шнурок звонка. Через минуту он уже просматривал газету. Подробное описание. Он пробежал его глазами. «Респлендент» столкнулся с айсбергом — список погибших — уцелевших.

Список живых... Он нашел имя Груин — значит, Вернон жив. Стал читать другой список и нашел то имя, которое со страхом искал, — Джейн Хардинг.

3

Он стоял неподвижно, уставившись в газетный лист. Затем аккуратно его сложил, положил на стол и снова позвонил. Через несколько минут короткий приказ, отданный через мальчика-рассыльного, привел к нему секретаря.

— В десять часов у меня встреча, которую я не могу отменить. Вы должны кое-что разыскать к тому времени, как я вернусь.

Он сжато разъяснил. Собрать самые полные сведения о «Респленденте» и передать на радио некоторое сообщение.

В больницу Себастьян позвонил сам; он предупредил, чтобы его пациентке не говорили о крушении «Респлендента». Он перекинулся с Джо парой слов, стараясь сохранять обычный вид. Из цветочного магазина послал ей цветы и отправился на работу — целый день, состоящий из бесчисленных встреч и совещаний. Никто не заметил,

что великий Себастьян Левин сам на себя не похож. Никогда еще он не вникал в сделки с такой дотошностью, никогда еще с такой очевидностью не сказывалась его деловая хватка.

В шесть часов он вернулся в «Билтмор».

У секретаря лежала готовая информация. Норвежское судно подобрало уцелевших, они прибудут в Нью-Йорк через три дня.

Себастьян кивнул с непроницаемым видом и дал четкие указания.

На третий день по возвращении в отель он узнал, что мистер Груин прибыл и его поселили в соседнем номере.

Себастьян пошел туда.

Вернон стоял у окна. Он обернулся, и Себастьян испытал шок. Он не узнал друга. Что-то с ним произошло.

Они долго смотрели друг на друга. Себастьян заговорил первым. Он сказал то, что сидело в голове целый день.

— Джейн мертва,— сказал он.

Вернон кивнул — серьезно, торжественно.

— Да,— спокойно сказал он.— Джейн мертва — и это я ее убил.

Многоопытный, не подверженный эмоциям Себастьян ожил и запротестовал:

— Бога ради, Вернон, не говори так. Естественно, она ехала с тобой. Не казни себя.

— Ты не понимаешь,— сказал Вернон.— Ты не знаешь, что произошло.

Он заговорил спокойно и собранно:

— Я не смогу описать всего. Это случилось вдруг, среди ночи — ну, ты знаешь. Времени было очень мало. Корабль накренился под ужасным углом. Они обе выскочили вместе и заскользили, заскользили по палубе. Их нельзя было спасти обеих.

— Кого обеих?

— Нелл и Джейн, конечно.

— При чем тут Нелл?

— Она тоже была на борту.

— Что?

— Да. Я не знал. Мы с Джейн были во втором классе, конечно, я даже не взглянул на список пассажиров. А Нелл и Джордж Четвинд были на том же корабле. Это я и говорю, а ты перебиваешь. Это был какой-то кошмар, не

было времени для спасательных лодок или чего-то такого. Я ухватился за стойку или как там это называется, чтобы не свалиться в море. А они обе катились, скользили по палубе, прямо на меня, все быстрее и быстрее, и море внизу ждало их.

Я понятия не имел, что Нелл на борту, пока не увидел, как она катится к смерти и кричит: «Вернон!» В таком положении не успеваешь подумать, скажу тебе. Действуют инстинкты. Я мог схватить одну из них, Нелл или Джейн. Я схватил Нелл и держал ее, держал мертвой хваткой.

— А Джейн?

Вернон тихо сказал:

— Я все еще вижу ее лицо, она смотрела на меня и катилась вниз, в зеленую пучину.

— Боже мой! — прорычал Себастьян.

С него слетела вся его бесстрастность. Он заревел, как бык:

— Ты спас Нелл?! Проклятый дурак! Спас Нелл — дал утонуть Джейн? Да Нелл не стоит и мизинца Джейн! Будь ты проклят!

— Я знаю.

— Знаешь? Так что же...

— Говорю же тебе, тут действует слепой инстинкт. Знание ни при чем.

— Будь ты проклят! Будь ты проклят!

— Я проклят. Не беспокойся. Я дал Джейн утонуть, а я любил ее.

— Любил ее?

— Да, я всегда любил ее. Сейчас я это понимаю. Всегда, с самого начала. Я боялся ее — потому что любил. Я как всегда был трусом — пытался убежать от реальности. Я с ней боролся. Я стыдился того, что она имеет надо мной власть. Я превратил ее жизнь в ад. А теперь она мне нужна, нужна. О, ты скажешь, что это похоже на меня — хотеть того, что заведомо недоступно. Может быть, и правда я такой. Я только знаю, что я люблю Джейн, люблю, а она ушла от меня навсегда.

Он сел на стул и сказал своим обычным голосом:

— Я хочу работать. Ступай, Себастьян, все в порядке.

— Боже мой, Вернон, я никогда не думал, что смогу тебя возненавидеть...

Вернон повторил:

— Я хочу работать.

Себастьян повернулся на каблуках и вышел.

4

Вернон сидел очень тихо.

Джейн...

Ужасно так страдать, — так жаждать другого человека¹

Джейн... Джейн...

Да, он всегда ее любил. С первой встречи он не мог отделаться от наваждения, его тянуло к ней, и это было сильнее его.

Дурак и трус, вечно чего-то боишься. Боишься реальности, истинного глубокого чувства.

Она это знала, она всегда знала и была не в силах ему помочь. Как она говорила: «Разделены во времени»? В первый вечер в гостях у Себастьяна она пела:

Мне фею видеть довелось:

Сиянье рук в волне волос...

Сиянье рук в волне... и волосы... нет, нет, не надо. Как странно, что она пела именно эту песню. А скульптура «Утопленницы»... тоже очень странно.

Какую еще песню она пела в тот вечер?

J'ai perdu mon amie — elle est morte.

Tout s'en va cette fois, à jamais,

A jamais, pour toujours elle emporte

Le dernier des amours que j'aimais...

Он потерял Эбботс-Пьюисентс, потерял Нелл.

Но вместе с Джейн он потерял «le dernier des amours que j'aimais»¹.

До конца своей жизни он будет видеть только одну женщину — Джейн.

Он любил Джейн... он любил ее.

Он мучил ее, пренебрегал ею и наконец отдал зеленому злобному океану.

Та скульптура в Кенсингтонском музее...

Боже! Он не должен об этом думать.

Нет, он будет думать обо всем. На этот раз он ни от чего не отвернется.

Джейн... Джейн... Джейн...

¹ Последнюю свою любовь (*фр.*).

Она была ему нужна. Джейн...
Он ее больше никогда не увидит.
Теперь он потерял все... все.
Те месяцы и годы в России — потерянные годы.
Дурак — жить рядом с ней, обнимать ее тело и все это время бояться своей страсти к ней.
Этот старый страх перед Чудовищем...
И вдруг, когда он подумал о Чудовище, он понял...
Понял, что наконец вступил в свое наследство.

5

Все было как в тот день, когда он вернулся с концерта в «Титанике». То же видение, что тогда. Он назвал это видением, потому что ему казалось, что это больше чем звук. Видеть и слышать стало единым — изгибы и спирали звука, вверх, выше и снова вверх.

Но теперь он знал, теперь у него была техника, были знания.

Он схватил бумагу, нацарапал первые иероглифы, какую-то неистовую стенограмму. Впереди его ждали годы работы, но он знал, что никогда не повторится эта первая свежесть и чистота видения.

Это должно быть так — и так: вся тяжесть металла — медь — вся медь мира.

И стекло, новые звуки — чистые, звенящие.

Он был счастлив.

Прошел час... два часа.

На какой-то момент он очнулся — вспомнил... Джейн!

Ему стало тошно и стыдно. Неужели он не может оплакивать ее хотя бы один вечер? Есть что-то жестокое в том, как он воспользовался своим горем, своим желанием, чтобы транспонировать его в музыку.

Но это и значит быть творцом — безжалостность, все должно идти в дело.

А люди вроде Джейн — жертвы.

Джейн...

Он разрывался надвое — горе и дикое возбуждение.

Он подумал: «Наверное, так чувствуют себя женщины, рожая ребенка».

И снова он склонился над листами бумаги, яростно исписывал их и сбрасывал законченные на пол.

Он не слышал, как открылась дверь. Его не отвлекло

шуршание платья. Только когда тихий испуганный голос сказал: «Вернон», — он поднял голову.

С усилием заставил себя посмотреть.

— Привет, Нелл, — сказал он.

Она стояла, стиснув руки, бледная, опустошенная. Заговорила, запинаясь:

— Вернон... Я узнала. Мне сказали... где ты... и я пришла.

— Да. — Он кивнул. — Пришла?

Гобой — или нет, гобой не подходит, слишком нежные. Надо что-то пронзительное, вызывающее. Но арфы пусть будут — да, арфы как вода. Вода необходима как источник силы.

Мешают! Нелл что-то говорит. Придется слушать.

— Вернон, после этого ужасного спасения от смерти я поняла... Только одно имеет значение — любовь. Я всегда любила тебя. Я пришла к тебе — навсегда.

— А-а, — тупо отозвался он.

Она подошла ближе, протянула к нему руки.

Он посмотрел на нее как будто из страшного далека. Да, Нелл исключительно красива. Можно понять, почему он в нее влюбился. Странно, но сейчас в нем нет ни грана любви. Как нелепо. Он хочет только, чтобы она ушла и дала ему заняться тем, что он делает. А тромбоны? Тромбоны усилят...

— Вернон! — Голос у нее был резкий, испуганный. — Разве ты меня не любишь?

Лучше всего сказать правду. Он вежливо и официально сказал:

— Я очень сожалею. Боюсь, что нет. Видишь ли, я люблю Джейн.

— Ты сердись на меня — за то, что я солгала про ребенка.

— Солгала? Какого ребенка?

— Ты не помнишь? Я сказала, что у меня будет ребенок, а это было неправдой... О Вернон, прости меня... прости.

— Все в порядке, Нелл. Не стоит беспокоиться. Все к лучшему. Джордж хороший малый, ты с ним будешь счастлива. А теперь, ради Бога, уходи. Не хочу быть грубым, но я ужасно занят. Если сейчас не записать, все уйдет.

Она уставилась на него.

Затем медленно пошла к двери. Остановилась, обернулась, протянула руки:

— Вернон...

Это был последний призыв отчаяния.

Он даже не поднял глаза, только нетерпеливо помотал головой.

Она ушла, хлопнув дверью.

Вернон с облегчением вздохнул.

Теперь ничто не встанет между ним и музыкой.

Он склонился над столом.

НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ

РОМАН

Перевод
Е. ШАЛЬНЕВОЙ

Unfinished Portrait
1934

Предисловие

Дорогая Мэри, посылаю Вам рукопись, так как не знаю, что с ней делать. Вообще-то говоря, я, наверное, хочу, чтобы она увидела свет. А кто не хочет? Допускаю, что люди гениальные хранят свои шедевры в мастерской, никогда их не выставляя. Я не таков, а потом я ведь и не гений— просто мистер Ларраби, молодой, подающий надежды портретист.

Уж Вам-то, дорогая моя, лучше всех известно, каково это— быть лишенным любимого занятия, с которым неплохо справлялся, поскольку оно и вправду было любимым. Поэтому-то мы и подружился; к тому же Вы знаете толк в литературных делах, а я не знаю.

Если прочитаете эту рукопись, то поймете, что я воспользовался советом Барджа. Припоминаете? Он говорил: «Ищите иные средства самовыражения». Перед Вами портрет и, должно быть, чертовски скверный, потому как к нынешнему моему средству самовыражения я толком еще не приноровился. Если Вы скажете, что портрет мой никуда не годится, поверю Вам на слово, но если Вы сочтете, что он, хотя бы в самой малой степени, обладает той вырази-

тельностью формы, которая, как мы оба думаем, и есть основа искусства, ну, тогда я со спокойной совестью передаю Вам право публикации. При этом имейте в виду: все имена моих персонажей, из которых многие живы и по сей день, подлинные. Обычно их принято изменять— зачем, не пойму, но вы можете их поменять. Кто возразит? Только не Майкл. Что до Дермута, то он себя и так никогда не узнает! Не так он устроен. Как бы то ни было, сама Силия говорила, что история ее— история самая заурядная. Такое могло случиться с кем угодно. В сущности, часто и случается. Вовсе не ее история интересовала меня. С самого начала меня интересовала сама Силия. Да, сама Силия...

Видите ли, мне хотелось бы поймать и навсегда запечатлеть ее суть маслом на холсте, но, так как об этом не может быть и речи, я попробовал добраться до нее иначе. Правда, это область мне незнакомая: все эти слова и предложения, запятые и точки— не мое ремесло. Вы, наверное, скажете, смею думать, *que s'a se voit*¹.

Я, понимаете ли, смотрел на нее с двух позиций. Во-первых, взглядом своим собственным. А во-вторых, в силу необычайности обстоятельств, мне удавалось в течение двадцати четырех часов иногда проникать сквозь ее оболочку и видеть ее как бы изнутри. И одно с другим не во всем совпало. Именно это и терзает меня и завораживает! Хотелось бы быть Богом и знать истину.

А писатель может быть Богом— по отношению к своим созданиям. Они в его власти, и он может делать с ними все, что пожелает,— так ему, во всяком случае, кажется. Хотя творения, бывает, преподносят сюрпризы. Интересно, неужели и настоящий Бог сталкивается с подобным. Да, интересно...

Итак, дорогая моя, не буду больше отвлекаться. Сделайте для меня то, что сможете.

Всегда Ваш
Дж. Л.

¹ Что это и так видно (фр.).

Книга первая

ОСТРОВ

Глава 1

Женщина в парке

Бывает у вас такое ощущение, когда вроде бы и знаешь что-то очень хорошо — и в то же время никак не можешь припомнить?

Ощущение это у меня было все то время, что я шел вниз по извилистой дороге к городу. Оно возникло, когда я уже начал спускаться с обзорной площадки парка, нависающей над морем, и с каждым шагом становилось сильнее и неотступнее. А когда я дошел до того места, где пальмовая аллея сбегает к морю, пришлось остановиться. Я понял: или сейчас, или никогда. То неясное, что таилось в подсознании, где-то в самых глубинах моего мозга, мне надлежало вытащить на свет, исследовать, изучить и закрепить, увериться, что оно уже никуда не уйдет. Я понял, что должен это схватить — иначе будет поздно.

И я поступил так, как всегда поступают, когда пытаются что-то вспомнить. Я мысленно начал восстанавливать в памяти все, что было.

Путь из города — пыль и солнце, бьющее в спину. Там — ничего.

В парке виллы — прохлада и свежесть, высоченные кипарисы, черные на фоне неба. Тропинка, протоптанная в траве и ведущая к площадке, где стоит скамейка, обращенная к морю. Удивление и легкая досада при виде женщины, которая уже заняла скамейку.

На какое-то мгновение я почувствовал себя неловко. Она повернулась и посмотрела на меня. Англичанка. Я почувствовал, что должен что-то сказать — какую-нибудь фразу, чтобы потом можно было уйти.

— Прекрасный отсюда вид.

Именно это я и сказал — обычную банальность. Женщина ответила теми словами и таким тоном, какие и следует ожидать от женщины из хорошей семьи.

— Восхитительный, — сказала она. — И такой прекрасный день.

— Вот только далеко от города.

Она согласилась, сказав, что путь и в самом деле долгий и пыльный.

На этом все и кончилось. Обычный обмен банальными любезностями между двумя англичанами, которые оказались за границей, которые никогда прежде не встречались и вряд ли встретятся вновь. Я повернулся, обошел виллу — кажется, дважды, — полюбовался оранжевым барбарисом (или как он там называется?) и направился обратно в город.

Вот, собственно, и все, ничего другого не было, — и все-таки было что-то еще. Возникло то самое чувство: что-то ты очень хорошо знаешь, но никак не можешь припомнить.

Может, все дело в ее манерах? Нет, манеры ее были обычными и приятными. Она выглядела и вела себя так, как деваносто девять женщин из ста.

Вот разве что — да, именно! — она не взглянула на мои руки.

Ну и ну! Что за ерунду я написал. Сам поражаюсь. Полнейшая бессмыслица. А напиши я по-другому, не сказал бы того, что хотел сказать.

Она не взглянула на мои руки. А я, знаете ли, привык к тому, что женщины смотрят на мои руки. Женщины — они такие шустрые. И так добросердечны, что я уже привык к выражению, которое тут же появляется на их лицах, — да будут они благословенны и черт бы их побрал. Сочувствие, деликатность и решимость никак не показать того, что они заметили. И отношение их сразу же меняется — появляется нежность.

Но эта женщина не увидела или не заметила.

И я начал вспоминать ее подробнее. Странная вещь — в тот момент, когда я от нее отвернулся, я бы ни за что не смог описать ее внешность. Я бы сказал только, что она светловолосая и что лет ей немного за тридцать, — и все. Но пока я спускался в город, ее образ словно бы разрастался, обретая новые подробности, — так постепенно проступает изображение на фотографической пластине, проявляемой в темноте подвала.

Одно из самых ранних моих воспоминаний — как в подвале нашего дома мы с отцом проявляли негативы. Никогда не забуду того волнения, какое я испытал. Пустой белый прямоугольник, опущенный в проявитель. И вдруг,

неожиданно, появляется крохотное пятнышко, стремительно темнеет и разрастается. Волнующая неопределенность. Пластинка темнеет быстро, и все равно толком еще не разобрать, что там. Лишь хаотичное смещение темного и светлого. А потом начинаешь узнавать: вот ветка дерева, чье-то лицо, спинка кресла, вот уже можно разобрать, что негатив перевернут вверх ногами — и ты переворачиваешь его, — и наконец у тебя на глазах из ничего возникает вся картина, тотчас начинает темнеть и пропадает снова.

Лучше описать то, что со мной происходило, я не способен. Покуда я шел в город, лицо женщины виделось мне все отчетливее. Я видел маленькие уши, очень тесно прижатые к голове, длинные лазуритовые¹ серьги, кудрявую волну необычайно светлых волос, чуть прикрывающих ухо. Я видел очертания ее лица, переносицу и глаза, светло-голубые и ясные. Я видел короткие и очень густые темные ресницы и слегка подведенные брови, изогнутые словно в легком удивлении. Я видел узкое продолговатое лицо и довольно жесткую линию рта.

Все это предстало перед моими глазами постепенно, подобно, как я и говорил, изображению на фотографической пластине.

Не могу объяснить, что случилось потом. После того, как снимок проявляется, он начинает темнеть.

Но ведь то была не фотографическая пластина, то было человеческое существо. И потому проявление продолжалось. С поверхности оно перешло внутрь, за пределы плоскости — называйте это как хотите. Яснее я объяснить, наверное, не могу.

Я полагаю, я знал все с самого начала, с того момента, как встретил эту женщину. Проявление происходило во мне. Изображение проступало из моего подсознания и переходило в мое сознание...

Я знал — я только не знаю, что именно я знал, пока меня не озарило. Пока это не пришло ко мне из безнадежной незапятнанности. Крохотная точка и затем — изображение.

Я повернулся и почти побежал обратно, по той пыльной дороге. Я был в неплохой форме, но мне казалось, что я двигался недостаточно быстро. Ворота виллы... кипарисы... тропинка в траве.

¹ Лазурит — полудрагоценный камень небесно-голубого цвета

Женщина сидела на том же месте.

Я задышался. Глотая судорожно воздух, я рухнул на скамейку подле нее.

— Послушайте,— сказал я — Я не знаю, кто вы, я ничего о вас не знаю. Но вы не должны это делать. Вы слышите меня? Не должны.

Глава 2

Призыв к действию

Наверное, самым подозрительным,— но только если думать об этом задним числом,— было то, что она даже не пыталась хотя бы возмутиться. Она могла бы сказать: «Не пойму, о чем вы!» Или: «Вы не знаете, что говорите». Или она могла сказать все это просто взглядом. Обдать меня холодом, заморозить.

Но дело в том, что для нее это был как бы уже пройденный этап. Она подошла к решению главной задачи. И что бы кто ни говорил, что бы кто ни делал, ее удивить это уже не могло.

Она была вполне спокойна и здраво все рассудила — это-то и пугало. С настроением еще можно как-то разобратся: настроение проходит и уходит, и чем оно истеричнее, тем это проще. Но спокойствие и рассудительная решимость — это нечто совсем другое, такого состояния человек достигает постепенно и потому вряд ли от этого можно быстро отделаться.

Она задумчиво посмотрела на меня, но не сказала ничего.

— Во всяком случае,— произнес я,— вы ведь мне скажете, почему?

Она наклонила голову, словно соглашаясь с очевидностью.

— Просто,— ответила она,— так будет, наверное, лучше всего.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь,— возразил я.— Совершеннейше и полностью ошибаетесь.

Моя горячность ее ничуть не задела. Она была для этого слишком спокойна и слишком от всего далека.

— Я много передумала,— сказала она.— Так в самом деле будет лучше всего. Просто и легко. И быстро. И никому не причинит хлопот.

Именно по этой последней фразе я понял, что она из так называемой «хорошей семьи». Ей внушили, что надо быть «предупредительной по отношению к другим».

— А что будет потом? — спросил я.

— Приходится рисковать.

— А вы верите в «потом»? — Мне стало любопытно.

— Я боюсь,— медленно проговорила она.— И вправду боюсь. Если там вообще нет ничего — это было бы слишком хорошо, в такое почти невозможно поверить. Если бы просто заснуть — тихо, мирно — и не проснуться. Это было бы так чудесно.

Она мечтательно прикрыла глаза.

— Какого цвета были обои в вашей детской? — внезапно спросил я.

— Лиловые ирисы, оплетающие пилон¹,— начала было она.— Откуда вы знаете, что как раз о них я в тот момент и вспомнила?

— Просто так подумалось. Вот и все,— сказал я и продолжал: — Когда вы были ребенком — как вы представляли себе рай?

— Зеленые пастбища... зеленая долина... с овечками и пастухом. Песнопения. Ну, сами знаете.

— Кто читал вам об этом — ваша матушка или няня?

— Няня.— Она чуть улыбнулась.— О добром пастыре. Знаете, мне кажется, я никогда в жизни не видела пастуха. Но на лугу, неподалеку от нас, паслись два ягненка.— Она помолчала и добавила: — Там все теперь застроено.

И я подумал: «Странно. Если бы тот луг не застроили, ее сейчас, возможно, тут не было бы». А вслух сказал:

— Вы были счастливы в детстве?

— О да! — Она произнесла это с убежденностью, не вызывавшей сомнений.— Слишком счастлива.

— Такое возможно?

— Думаю, да. Поэтому оказываешься неготова... к тому, что начинает случаться. Мне даже в голову никогда не приходило, что такое может случиться.

— Вы пережили что-то трагическое,— высказал догадку я.

Но она покачала головой.

¹ Пилон — массивный столб, служащий опорой для перекрытия или стоящий с обеих сторон входа или въезда.

— Нет... не думаю... нет вроде бы. Ничего необычного со мной не произошло. Глупая банальная история, какая случается со многими женщинами. Не то чтобы мне как-нибудь особенно не повезло. Я была дурой. Да, просто дурой. А глупцам нет места в этом мире.

— Послушайте, дорогая моя,— сказал я.— Я знаю, о чем говорю. Я уже стоял там, где вы сейчас стоите, и чувствовал то, что вы чувствуете — будто жить не стоит. Мне знакома ослепляющая безысходность, из которой виден только один выход, и я хочу сказать вам, дитя мое: это проходит. Горе не вечно. Ничто не вечно. Единственный утешитель и лекарь — время. Положитесь на него.— Я говорил искренне, но сразу же понял, что сделал ошибку.

— Вы не понимаете,— сказала она.— Я знаю, что вы имеете в виду. Такое уже было со мной. И я уже даже пыталась... не получилось. Я рада была потом, что не вышло. Сейчас — все по-другому.

— Расскажите мне по порядку,— попросил я.

— Это не сразу возникло. Понимаете, мне довольно трудно выразиться ясно. Мне тридцать девять лет, и я сильная, здоровая. Вполне возможно, я проживу до семидесяти, а может, и дольше. А я просто не могу этого выдерживать, вот и все. Еще тридцать девять пустых лет.

— Но они не будут пустыми, дорогая моя. Вот в этом-то вы и ошибаетесь. Появится снова что-то, что наполнит их.

Она посмотрела на меня.

— Именно этого я больше всего и боюсь,— произнесла она едва слышно.— Я даже мысли такой снести не могу.

— Значит, вы трусиха!

— Да,— тут же согласилась она.— Я всегда была трусихой. Мне иногда казалось смешным, что люди не видят этого так же отчетливо, как я сама. Да, я боюсь... боюсь... боюсь.

Наступило молчание.

— В конце концов,— сказала она,— все это вполне естественно. Если уголек, выскочив из камина, обожает собаку, она потом всегда будет бояться огня. Она же не знает, когда выпрыгнет другой уголек. Так уж мозг устроен. Только круглый глупец считает, что огонь — это нечто доброе и теплое... он понятия не имеет об ожогах и стреляющих угольках.

— Значит,— сказал я,— дело-то все, наверное, в том, что вы не в силах поверить в возможность счастья.

Звучало это, видимо, странно, но я-то знал, что так

бывает, и нередко. Я имел кое-какое представление о нервах и о разуме. Три лучших моих друга пришли с войны¹ контужеными. И сам я знаю, что значит быть физически искалеченным, я знаю, что увечье может сделать с человеком. И я знаю, что искалечить человека можно и психически. Рана затянется, ее не видно, но она — там. Ты — человек со слабинкой, не такой как все, ты — калека.

И я сказал ей:

— Все это пройдет со временем, — но сказал безо всякой уверенности. Одного лишь заживления раны недостаточно. Шрам все равно остается, и он глубок. — Вы боитесь пойти на этот риск, — продолжал я, — но на другой риск пойдете — на простой и гигантский риск.

Она отвечала уже не так спокойно, с некоторой даже горячностью:

— Но ведь это совсем другое дело — совсем. Когда знаешь, что тебя ждет, рисковать не станешь. А риск неизведанного — в нем есть нечто притягательное... нечто авантюрное. В конце концов, смерть может оказаться чем угодно...

Впервые в разговоре нашем прозвучало это слово. Смерть...

А она, словно природное любопытство впервые заговорило в ней, чуть повернула ко мне голову:

— Но как вы догадались?

— Вряд ли я сумею объяснить, — признался я. — Я сам пережил нечто подобное. И полагаю, что знаю кое-что об этом.

Она сказала:

— Понятно.

Она и не пыталась узнать, что же случилось со мной, и, наверное, именно в этот момент я дал себе слово помочь ей. Дело в том, что женской ласки и сочувствия на мою долю выпало много, а потребность моя была в том, — хотя сам я этого не понимал, — чтобы не получать, а давать.

У Силии не осталось ни нежности, ни сочувствия. Все это она растратила, промотала впустую. В этом — она сама это понимала — и состояла ее глупость. А теперь она сама была слишком несчастлива, чтобы жалеть других. И жесткая складка у рта свидетельствовала, что она настрадалась. Ум ее работал быстро — она мгновенно распознала, что со

¹ Имеется в виду Первая мировая война 1914—1918 годов.

мною случилось действительно нечто похожее. Мы оказались с ней на равных. У нее не было жалости к себе, и она не тратила жалости на меня. Для нее страдания, которые пережил я, лишь объясняли, почему я догадался о том, о чем, казалось, догадаться было нельзя.

Она была — и в тот момент я это понял, — в сущности, ребенком. Реальным миром для нее был мир, который ее окружал. Она сама намеренно ушла в этот младенчески-простой мир, пытаясь найти прибежище от жестокости мира настоящего.

И занятая ею позиция стала потрясающим стимулом для меня, именно тем, чего мне не хватало в последние десять лет — призывом к действию.

И я начал действовать. Единственное, чего я опасался, — это оставить ее наедине с собой. Я и не оставлял ее. Я присосался к ней, как пиявка. Она пошла со мной в город и была при этом весьма любезна. Здравому смыслу в ней было предостаточно. Она прекрасно понимала, что, по крайней мере сейчас, осуществить задуманное ей не удастся. Она от этого совсем не отказалась — лишь отложила на потом. И я понял это, хотя она и слова не сказала.

В подробности вдаваться я не стану: я не хронику пишу. Нет мне нужды описывать милый испанский городок или сообщать подробности того, что мы ели в ее гостинице, или того, как я потихоньку устроил, чтобы вещи из моей гостиницы были перевезены в ту, где остановилась она.

Нет, я веду речь только о главном. Я знал, что должен быть возле нее — пока что-нибудь не случится, пока она не сломается и не сдастся, так или иначе.

Как я и говорю, я все время был с ней, под боком. Когда она отправилась к себе в комнату, я сказал:

— Даю вам десять минут, а потом вхожу.

Я не рискну дать ей больше времени. Дело в том, что комната ее была на пятом этаже. Она могла пренебречь «предупредительностью по отношению к другим», воспитанным в ней, и поставить управляющего гостиницы в крайне неловкое положение, выпрыгнув из окна вместо того, чтобы броситься с обрыва.

Итак, я вошел к ней в комнату. Она была в постели — сидела, ее светлые, золотистые волосы были зачесаны назад. Не думаю, чтобы она усмотрела в наших отношениях что-то странное. Я-то уж точно ничего не усматривал. Но не знаю, что думали служащие гостиницы. Если они знали, что я вошел к ней в комнату в десять вечера, а вышел

в семь утра, то, полагаю, они пришли к известному — единственно возможному для них — заключению. Но меня это не волновало.

Я спасал только жизнь; репутация меня не заботила.

Я присел на кровать, и мы завели разговор.

Мы проговорили всю ночь.

Странная ночь — такой в моей жизни еще не было.

Я не говорил с ней о ее бедах. Мы начали с самого начала — с лиловых ирисов на обоях, с овечек на лугу, с долины за станцией, где росли примулы...

Вскоре говорила уже она, а не я. Я перестал для нее существовать, превратившись в своего рода одушевленный записывающий аппарат, в который нужно было только наговаривать.

Она говорила так, как говоришь наедине с самим собой — или с Богом. Без жара, как вы понимаете, и без эмоций. Просто воспоминания, переходящие от одного эпизода к другому, с предыдущим не связанному. Как если бы она возводила здание собственной жизни, соединяя зыбкими переходами разрозненные, но значительные эпизоды.

Когда задумаешься над этим, понимаешь, насколько бывает странным то, о чем мы предпочитаем вспоминать. Какой-то отбор наверняка делается, хотя бы подсознательно. Посмотрите мысленно назад, загляните в свое детство, возьмите любой год. Припомнится, наверное, пять-шесть картинок. Скорее всего — не особенно важных. Но почему тогда вспомнились именно они, именно эти эпизоды — из всего того, что приключилось с вами в те триста шестьдесят пять дней? Некоторые из них даже в то время значили для вас не много. И все же удержались в памяти. И дошли — вместе с вами — до сего дня.

Именно с той ночи, как я уже говорил, я увидел Силию изнутри. Я могу писать о ней, как я сказал, с позиции Всевышнего... Постараюсь так и писать.

Она рассказала мне обо всем — о том, что имело значение, и о том, что не имело. Она не старалась придать своему рассказу форму связного повествования.

А я хотел как раз этого! Мне казалось, я уловил ту нить, которой сама она не видела.

Было семь утра, когда я ушел от нее. Она повернулась на бок и уснула, как дитя... Опасность миновала.

Словно бы тяжкий груз свалился с ее плеч и лег на мои. Она была вне опасности...

Чуть позже тем утром я проводил ее на пароход и простился.

В тот момент это и случилось. То, что, как мне кажется, и есть самое главное...

Может быть, я не прав... Может быть, это был всего-навсего обычный тривиальный случай...

Как бы то ни было, сейчас я об этом писать не стану.

До тех пор не стану, пока не попробую стать Богом и либо провалюсь, либо преуспею на этом поприще.

Попытался запечатлеть ее на ином холсте, пользуясь этим новым, покуда неизвестным мне средством изображения...

Словами...

Нанизанными одно на другое словами...

Ни кисточек, ни тюбиков с красками — ничего такого, что давно мне дорого и знакомо.

Портрет в четырех измерениях — поскольку в вашем, Мэри, ремесле есть и пространство и время ..

Книга вторая

ХОЛСТ

«Готовьте холст. Есть сюжет»

Глава 1

Дома

1

Силия лежала в кроватке и разглядывала лиловые ирисы на стенах детской. Ей было хорошо и хотелось спать.

Кроватка была отгорожена ширмой, чтобы не бил свет от няниной лампы. А за ширмой — невидимая Силии — сидела и читала Библию няня. Лампа у нее была особенная — медная, пузатая, с абажуром из розового фарфора. От нее никогда не пахло гарью, поскольку Сьюзен, горничная, была очень старательная. Сьюзен хорошая, — Силия знала это, — хотя и водился за ней грешок: она иногда уж очень начинала усердствовать. Когда она усердствова-

да, то почти всегда сбивала какую-нибудь вещьцу. Она была крупной девушкой с локтями цвета сырого мяса, почему-то вызывающими у Силии ассоциацию с загадочным выражением «протертые в локтях».

Слышался тихий шепот. Няня бормотала, читая Библию. Силию это убаюкивало. Веки ее сомкнулись...

Открылась дверь, и вошла Сьюзен с подносом. Она старалась передвигаться бесшумно, но мешали скрипучие башмаки.

Она сказала, понизив голос:

— Извините, сестрица, что я задержалась с ужином.

А няня только и произнесла в ответ:

— Тише, она уснула.

— Упаси Боже мне разбудить ее.— Сьюзен, пытаясь, заглянула за ширму.

— Нет, ну не лапочка? Моя племяшка и вполонину не такая смышленная.

Повернувшись, Сьюзен наткнулась на столик. Ложка брякнулась на пол.

Няня мягко заметила:

— Постарайся не шуметь так, Сьюзен, девочка.

Сьюзен искренне огорчилась:

— Ей-богу, нечаянно!

И вышла из комнаты на цыпочках, отчего башмаки ее заскрипели еще громче.

— Няня,— осторожно позвала Силия.

— Да, детка, что случилось?

— Я не сплю, няня.

Няня сделала вид, что не поняла намека. Она просто переспросила:

— Не спишь, милая?

Пауза.

— Няня?

— Да, детка.

— А тебе вкусно, няня?

— Очень.

— А что ты ешь?

— Вареную рыбу и пирог с патокой.

— Ой! — Силия захлебнулась от восторга.

Пауза. А потом няня выглянула из-за ширмы. Маленькая седая старушка в батистовом чепце, завязанном под подбородком. Она держала вилку, на кончике которой был крохотный кусочек пирога.

— А теперь будь хорошей девочкой и давай спи.— У няни¹ был строгий голос.

— О да,— горячо проговорила Силия.

Верх блаженства! Кусочек пирога уже во рту. Невероятная вкуснотища.

Няня опять исчезла за ширмой. Силия повернулась на бок и свернулась калачиком. Лиловые ирисы плясали в свете лампы. Сладость разливалась от пирога с патокой. Убаюкивающее шуршанье кого-то в комнате. Полнейший покой на душе.

Силия засыпает...

2

День рождения — Силии три года. В саду устроили чай с эклерами. Ей разрешили взять всего один, а Сирилу — три. Сирил — ее брат. Большой мальчик — ему четырнадцать. Он хотел взять еще, но мама сказала:

— Хватит, Сирил.

Последовал обычный в таких случаях разговор. Сирил затынул свое вечное:

— Ну почему?

Маленький красный паучок, в микроскоп не разглядеть, пробежал по белой скатерти.

— Посмотри,— сказала мать,— это к счастью. Он бежит к Силии, потому что у нее день рождения. Значит, она будет очень счастливой.

Силия разволновалась и заважничала. А дотошный ум Сирила принял другое направление.

— А почему пауки — к счастью, мам?

Наконец Сирил ушел, и Силия осталась с матерью. Наедине. Мама улыбалась ей с того конца стола — улыбалась хорошей, настоящей улыбкой, а не так, как улыбаются забавным малышам.

— Мамочка,— попросила Силия,— расскажи мне что-нибудь.

Она обожала мамины рассказы — они были совсем не такими, как у других людей. Другие — если их попросишь,— начинали рассказывать про Золушку, про Джека и Бобовый стебель¹, про Красную Шапочку. Няня рассказывала

¹ Джек и Бобовый стебель — английская сказка про мальчика-бедняка, залезшего по бобовому стеблю на небо и похитившего у великана-людоеда мешок с золотом, курицу, несущую золотые яйца, и волшебную арфу.

про Иосифа и его братьев¹ и про Моисея в камышах². (Камыши всегда казались Силии какими-то деревянными сараями, в которых кишели мыши.) Иногда она рассказывала про приключения детей капитана Стреттона³ в Индии. А вот мамочка!

Главное дело, заранее никогда не догадаешься, о чем будет рассказ. Может быть, о мышах... или о детях... или о принцессах. О чем угодно... Единственный недостаток мамочкиных рассказов был в том, что она никогда не повторяла их. Она говорила (и этого Силия никак не могла понять), что не запоминает их.

— Хорошо,— сказала мамочка,— о чем?

Силия затаила дыхание.

— Про Ясноглазку,— попросила она.— Про Длиннохвостку и сыр.

— О, это я совсем забыла. Нет уж, пусть будет новая сказка.

Она смотрела куда-то через стол, на мгновение показалось, что она ничего не видит, в ясных карих глазах плясали огоньки, нежное продолговатое лицо стало серьезным, маленький с горбинкой нос чуть задрался кверху. Она вся напряглась, пытаясь сосредоточиться.

— Знаю,— словно вернувшись внезапно откуда-то издалека, вдруг говорит она.— Это будет сказка про Любознательную свечку...

— О! — захлебнулась от восторга Силия. Ей было уже интересно, она сидела замороженная... Любознательная свечка!

3

Силия росла серьезной девочкой. Она много думала о Боге и о том, чтобы быть хорошей и благочестивой. Когда

¹ Имеется в виду библейская легенда о любимом сыне Иакова Иосифе, которого из зависти и ревности к отцу братья продали проезжим купцам (Ветхий Завет, Книга Бытия, гл. 37).

² Имеется в виду легенда, связанная с рождением и детством предводителя и законодателя древних евреев Моисея: когда египетский фараон велел уничтожить всех еврейских младенцев мужского пола, мать Моисея, чтобы его спасти, положила его в корзинку и оставила в камышах у берега Нила, где обычно купалась царская дочь. Та взяла мальчика во дворец, где Моисей и вырос. (Ветхий Завет, Исход, гл. 2).

³ Капитан Стреттон — прежний хозяин няни.

надо было ломать куриную дужку и загадывать при этом желание, она всегда хотела быть доброй. Конечно, она была, увы, немножко привереда, но, по крайней мере, старалась не проявлять этого, таить про себя.

Временами ей становилось ужасно страшно оттого, что она суетная (странное, загадочное слово). Такое случалось особенно тогда, когда она в накрахмаленном муслиновом платье с широким золотисто-желтым кушаком спускалась к десерту. Но в целом она была собой довольна. Она — Божья избранница. Ее душа уже спасена.

Но вот родные вызывали у нее чудовищные опасения. Ужасно, конечно, но даже насчет матери уверенности у нее не было. А что, если мамочка не попадет в рай? Мысль об этом мучила и изводила.

Правила были очень ясны. Играть по воскресеньям в крокет¹ — грех. Играть на пианино тоже грешно (если это не псалмы). Силия скорее умерла бы, добровольно приняв мученическую смерть, чем в Божий день дотронулась бы до крокетного молотка, хотя в любой другой день любимейшим ее наслаждением было гонять шары по газону — если ей это разрешали.

А мама играла в крокет по воскресеньям, и папа тоже. И еще папа играл на пианино и пел песни о том, как «Заглянул он к миссис С. на огонек, она ему поставила чаек, а мистер С. отсутствовал тогда» — песни, вообще-то говоря, совсем не церковные!

Силию это ужасно тревожило, и она приставала к няне с вопросами. Няня, женщина добрая и степенная, несколько терялась.

— Твой отец и мать — это твой отец и мать. И что бы они ни делали, все правильно и пристойно, и никаких других мыслей у тебя быть не должно.

— Но ведь нельзя играть в крокет по воскресеньям, — говорит Силия.

— Нельзя, милая. Это значит не блюсти святой день.

— Но тогда... тогда...

— Это не твои заботы, детка. Ты знай занимайся своими делами.

И потому Силия упорно отказывалась и качала голо-

¹ Крокет — спортивная игра, в которой каждый из игроков должен ударами деревянного молотка провести шар через ряд ворот, расставленных на поле в определенном порядке

вой, когда ей предлагали — из лучших побуждений — сыграть в крокет.

— Да почему, черт возьми? — спрашивал отец.

А мама шептала:

— Это все няня. Внушила ей, будто это грех. — И улыбалась Силия. — Ничего, родная, не играй, если не хочешь.

Но иногда она пыталась осторожно подойти к этой теме:

— Знаешь, родная, Бог создал для нас прекрасный мир, он хочет, чтобы мы были счастливы. Его день — это особенный день, это день, когда мы можем позволить себе что-нибудь особенное .. мы только не должны делать так, чтобы приходилось работать другим — слугам, например. Но вполне позволительно самим повеселиться.

Однако Силия хоть и очень любила мать, но мнения своего не изменяла. Раз няня говорит, значит, так оно и есть.

И все же из-за матери она волноваться перестала. У матери на стене висело изображение святого Франциска¹, а рядом с кроватью лежала книжечка «Подражание Христу»². Наверное, думала Силия, Бог нарочно не замечает, что по воскресеньям человек играет в крокет.

А вот отец вызывал у нее большое беспокойство. Он нередко отпускал шуточки о вещах совершенно святых. Однажды за обедом он рассказал смешной анекдот про викария и епископа. Силии было не смешно, она просто в ужас пришла.

И наконец она однажды разрыдалась и, всхлипывая, поведала маме на ушко о своих страхах.

— Но твой отец, малышка, очень хороший человек. И очень набожный человек. Он каждый вечер, словно ребенок, встает на колени и молится. Он один из лучших людей на свете.

— Но он насмеялся над священником, — сказала Силия. — И он в крокет играет по воскресеньям, и песни поет, совсем не церковные песни. И я ужасно боюсь, что его отправят в Геенну Огненную.

¹ Святой Франциск (1182—1226) — основатель ордена францисканцев, католического монашеского так называемого нищенствующего ордена

² «Подражание Христу» — популярное изложение христианской доктрины, созданное на рубеже XIV—XV веков и приписываемое разным авторам, в том числе немецкому монаху и богослову Фоме Кемпийскому

— А что ты знаешь о Геенне Огненной? — спросила мать, и голос ее был сердитым.

— Это то, куда попадают, если грешат, — выпалила Си-лия.

— Кто тебя всем этим пугает?

— Да я не боюсь, — удивилась Силия. — Сама я туда не попаду. Я всегда буду хорошей и попаду в рай. Но, — тут ее губы задрожали, — я хочу, чтобы и папочка попал в рай.

Тогда мать долго с ней говорила — о любви к Богу и о доброте и о том, что Бог никогда навечно не отправит людей гореть в огне — он не может быть таким недобрым.

Но Силию слова эти не очень убедили. Ведь есть Рай и есть Ад, есть овцы и есть козлища¹. Если б только... если б только знать наверняка, что папочка не козлище!

Конечно же, был Ад и был Рай. Это бесспорный факт, такой же бесспорный, как рисовый пудинг или то, что надо мыть уши и говорить «Пожалуйста» и «Спасибо».

4

Силии часто снились сны, иногда смешные и нелепые — в них все было вперемешку. Но некоторые были чудесные — сны о тех местах, которые она знала, но которые в снах оказывались совсем другими.

Трудно объяснить почему — но во сне это необыкновенно будоражило.

Сразу за станцией начиналась долина. В жизни настоящей там как раз проходила железная дорога, — зато в чудесных снах бежала речка и примулы росли по всему берегу, до самого леса. И каждый раз Силия диву давалась: «А я и не знала, я всегда думала, что там — железная дорога». А вместо нее зеленела прекрасная долина и переливалась на солнце речка.

И были еще в снах луга у самой оконечности сада, там в жизни настоящей стоял уродливый домишко из красного кирпича. И — что волновало Силию больше всего — во сне находила она потайные комнаты у себя дома. Иногда она проходила в них через кладовую, иногда — и совершенно неожиданно — через отцовский кабинет. Но они были всегда — даже если и забыть о них надолго. И всякий

¹ Овцы и козлища — выражение, восходящее к католическому гимну «День гнева», предполагаемый автор которого — францисканский монах Фома из Челано (1190—1260).

раз, попадая в них, замираешь от восторга. А комнаты всякий раз кажутся иными. Но всегда, обнаруживая их, ощущаешь эдакую тайную странную радость.

И был один жуткий сон — про Стрельца с напудренными волосами, в красно-синем мундире, с ружьем. Самым жутким было то, что из рукавов у него вместо рук торчали култяшки. Каждый раз, как он является во сне, просыпаешься с воплями. Это самое верное средство. Просыпаешься — и вот ты лежишь в своей кровати и рядом — няня, в своей кровати, и все хорошо.

Не было особой причины так уж бояться Стрельца. Застрелить он не мог. Ружье было символом, оно впрямую не угрожало. Но что-то было в его лице, в ярко-синих глазах, в какой-то злобности взгляда, когда он смотрел на тебя. От страха начинало тошнить.

И были еще и дневные грезы. Кто бы знал, что, когда Силия степенно выпшгивала по дорожке, она на самом-то деле возвышалась в седле на белом коне. Ее представление о лошадях было довольно приблизительным. Она рисовала себе эдакую гигантскую лошадь размером со слона. Когда она прохаживалась вдоль узкой кирпичной стенки огуречного парника, то ступала по кромке бездонной пропасти. Иногда она бывала герцогиней, иногда — принцессой, иногда — девочкой, пасущей гусей, иногда — нищенкой. От этого всего жизнь Силии была очень увлекательной, и ребенком она считалась смирным: была очень спокойна, с удовольствием играла одна и не одолевала старших просьбами развлекать ее.

Куклы, которых ей дарили, никогда ей настоящими не казались. Она послушно в них играла, если няня предлагала это, но без особого восторга.

— Она хорошая малышка, — говорила няня. — Фантазии, правда, никакой, но всего ни у кого не бывает. Томми, старшенький капитана Стреттона, вечно донимал меня своими вопросами.

Силия вопросы задавала редко. Мир ее был в основном в ее головке. А мир окружающий любопытства не возбуждал.

5

Но то, что случилось однажды в апреле, заставило ее испугаться внешнего мира.

Они с няней собирали примулы. Стоял апрель, было ясно и солнечно, редкие облачка скользили по голубому

небу. Они прошли вдоль железной дороги (там, где в снах своих Силия видела речку), поднялись на холм и зашли в лесок, где расстился желтый ковер из примул. Они рвали и рвали цветы. День был чудесный, примулы источали приятный нежный аромат, который особенно нравился Силии.

И вдруг (прямо как во сне про Стрельца) кто-то во всю глотку заорал на них хриплым голосом.

— Эй, вы,— орал голос.— Что вы тут делаете?

Это был здоровенный красномордый дядька в бриджах. Он грозно глядел исподлобья.

— Это — частные владения. Нарушителей привлекут к ответственности.

Няня сказала:

— Пожалуйста, извините. Я не знала.

— Давайте-ка убирайтесь отсюда, живо.

Они уже повернулись и пошли, а голос еще кричал им вслед:

— Я сварю вас заживо! Да, сварю. Сварю заживо, если вы не уберетесь из этого леса через три минуты!

Силия, спотыкаясь, рванулась вперед, отчаянно уцепившись за няню. Ну почему няня не идет быстрее? Дядька этот сейчас нагонит их. Он их поймает. Их сварят живьем в кипятке, в большом котле. Ее затошнило от страха... Она бежала, спотыкаясь, и маленькое тельце ее дрожало от ужаса. Он догоняет их... он заходит сзади... их сварят... Ей было чудовищно плохо. Быстрее — ну, быстрее же!

Наконец они выбрались на дорогу. Силия судорожно вздохнула.

— Теперь... теперь он нас не поймает,— пробормотала она.

Няня взглянула на нее, напуганная мертвенной бледностью ее лица.

— Что с тобой, милая? — Внезапно она поняла.— Неужто ты и в самом деле поверила, что он сварит нас? Но это же шутка, ты что, не поняла?

И, с притворной уступчивостью, которой владеет каждый ребенок, Силия проговорила:

— Конечно же, няня. Я поняла, что это шутка.

Но прошло много времени, прежде чем она оправилась от страха. И всю жизнь не могла его до конца забыть.

Страх был до ужаса настоящим.

Когда Силии исполнилось четыре года, ей подарили на день рождения кенаря. Ему дали вполне неоригинальное имя — Золотко Дик. Скоро он стал совсем ручным и усаживался Силии на пальчик. Она любила его. Он был ее птичкой, которую она кормила коноплей, но он был и ее товарищем по приключениям. Жили-были Хозяйка Дика, королева, и принц Дикки, ее сын, и вдвоем они странствовали по белу свету, и с ними приключалось много интересного. Принц Дикки был очень красив и носил одежду из золотого бархата с черными бархатными рукавами.

Позже в том же году у Дикки появилась жена по имени Дафния. Дафния была крупной птицей, со множеством коричневых перышек. Она была нескладной и неуклюжей. Расплескивала воду и опрокидывала все, на что садилась. Она так и не стала такой же ручной как Дикки. Отец Силии звал ее Сьюзен, поскольку она «громыкала».

А Сьюзен имела обыкновение тыкать в птичек соломинкой, чтобы посмотреть, что они станут делать. Птички ее боялись и всякий раз, ее заведя, начинали биться о клетку. Сьюзен многое считала смешным. Она очень смеялась, когда однажды в мышеловке нашли мышиный хвостик.

Сьюзен обожала Силию. Она играла с ней в такие, например, игры: спрячется за шторой и вдруг выпрыгнет оттуда с криком — «Бу-у». Силия же не слишком любила Сьюзен — очень уж та была здоровая и неуклюжая. Куда больше Силии нравилась миссис Раунсуэлл, кухарка. Раунси, как звала ее Силия, была необъятной великаншей, самым воплощением спокойствия и невозмутимости. Она никогда ничего не делала второпях. Передвигалась она по кухне медленно и величаво, как бы совершая некий поварской ритуал. Она никогда не суетилась и не выходила из себя. На стол всегда подавала точно с боем часов. Раунси была начисто лишена воображения. Если мама Силии спрашивала: «Итак, что вы нам предложите сегодня на обед?», ответ бывал всегда одним и тем же: «Можно было бы курочку и имбирный пудинг, мэм». Миссис Раунсуэлл прекрасно могла приготовить суфле, волованы, кремы, рагу из дичи, любые пирожные и печенья и самые изысканные французские блюда, но она никогда не предлагала ничего, кроме курицы и имбирного пудинга.

Силия любила бывать на кухне. Кухня была похожа на саму Раунси — большущая, необъятная, безупречно чистая, дышавшая тишиной и покоем. А посреди всей этой чистоты и простора была Раунси, непрестанно двигающая челюстями. Она всегда что-нибудь ела. Кусочек того, другого, третьего.

Скажет, бывало:

— Ну что, мисс Силия, чего бы вам хотелось?

А потом широкое лицо неспешно расплывается в улыбке, и она пойдет через всю кухню к буфету, откроет жестянку и насыплет полную горсть изюма или еще каких-нибудь сушеных ягод прямо в Силины ладошки. Иной раз Силии достанется ломтик хлеба с патокой или краешек пирога с вареньем, но всегда ей что-нибудь да перепадет.

И Силия уносится со своей добычей в сад, забирается в укромное местечко, там, у стены, и, усевшись в кустах, становится принцессой, скрывающейся от врагов, которой верные люди тайком, под покровом ночи, приносят всякую еду...

А наверху, в детской, сидела няня и шила. Повезло мисс Силии, что есть такой хороший сад, где можно играть, ничего не боясь, — ни тебе гадких прудов, ни других опасных мест. Няня старела, ей нравилось теперь просто сидеть и шить — и думать о разном: о маленьких Стреттонах, которые все уже выросли и стали взрослыми, и о маленькой мисс Лилиан, о том, как она собиралась замуж, и о мастере Родерике или мастере Филе — оба они в Уинчестере...¹ Мысли ее тихонечко уносились в прошлое...

7

Случилось ужасное. Пропал Золотко. Он был таким ручным, что дверцу его клетки всегда оставляли открытой. Он и летал себе по детской. Бывает, усядется няне на макушку и пощипывает клювиком ей чепец, а няня говорит ласково: «Ну, будет, мистер Золотко, хватит уж». Или сядет на плечо к Силии и ухватит конопляное семечко прямо у нее изо рта. Он вел себя как избалованный ребенок. Если на него не обращали внимания, он злился и пронзительно кричал.

¹ Имеется в виду Уинчестерский колледж, одно из старейших, престижных мужских привилегированных средних учебных заведений, расположен в городе Уинчестер в графстве Гэмпшир.

А в тот злополучный день Золотко пропал. Окно в детской было открыто. Золотко, наверное, и- вылетел.

Силия рыдала и рыдала. И няня, и мама пытались утешить ее.

— Он наверняка вернется, лапочка моя.

— Он просто отправился полетать немного. Мы выставим клетку за окно.

Но Силия была безутешна. От кого-то она слышала, что большие птицы насмерть заклевывают канареек. Золотко уже погиб — лежит где-нибудь мертвый под деревьями. И никогда уже больше не ущипнет ее своим маленьким клювиком. Так весь день она и проплакала — и к чаю не вышла и ужинать не стала. Клетка Золотка, вывешенная за окно, оставалась пустой.

Пришло наконец время сна, и Силия отправилась в свою кроватку. Лежала и непроизвольно всхлипывала. И крепко сжимала мамину руку. Мамочка ей была нужна больше, чем няня. Няня уверяла, что отец купит Силии другую птичку. А мама знала, что не в другой птичке дело. Силии не просто птичка нужна — ведь у нее же есть еще Дафния,— ей нужен Золотко. Ох, Золотко, Золотко, Золотко!.. Она любила Золотко — а он пропал, и его клювами забили до смерти. Она отчаянно сжимала мамину руку. В ответ и мама сжимала ручонку Силии.

В этот момент в тишине нарушаемой разве что тяжелыми вздохами Силии, раздался чуть слышный звук — птичий щебет.

И мистер Золотко слетел вниз с карниза, где тихонько, как на жердочке, просидел весь день.

На всю жизнь Силия запомнила этот миг невероятного счастья...

И с тех пор в их семье говорили, когда кто-то начинал о чем-нибудь беспокоиться:

«Ну-ка, припомни Дикки и карниз!»

8

Сон про Стрельца изменился. Стал почему-то еще страшнее.

Начало было хорошим. Веселый сон — пикник или вечеринка. Но в самый разгар веселья вдруг закрадывалось странное чувство. Будто что-то не так... Что же такое? Ну конечно же — Стрелец. Но не тот, что был прежде. Стрельцом был кто-то из гостей.

Самое ужасное было то, что им мог быть кто угодно. Смотришь на них. Все веселятся, смеются, болтают. И внезапно все понимаешь. Им ведь может быть кто угодно — и мама, и папа, и няня, и кто-нибудь, с кем ты только что говорил. Ты смотришь на мамино лицо — конечно же это мамино лицо — и вдруг видишь холодные серые глаза — и из рукава маминого платья — о, ужас! — высовывается культяшка. Это не мамочка, это — Стрелец... И ты просыпаясь с воплями...

И не можешь ничего объяснить — ни маме, ни няне: когда рассказываешь, сон не кажется таким уж страшным. Кто-нибудь скажет: «Ну не надо плакать, это был просто плохой сон, маленькая моя» — и погладит по головке. И опять ложишься, но не хочешь засыпать, потому что сон может присниться снова.

Во мраке ночи Силия отчаянно убеждала себя: «Мамочка — не Стрелец. Она не Стрелец. Нет, нет. Я знаю, что она не Стрелец. Она — мама».

Но разве можно знать что-то наверняка ночью, когда вокруг темнотища и сны все еще цепляются за тебя. Наверное, ничего на самом деле не было, и ты сама всегда это знала.

— Мэм, мисс Силии опять приснился дурной сон прошлой ночью.

— Что такое, сестра?

— Про человека, у которого ружье, мэм.

А Силия говорила:

— Нет, мамочка, не про человека с ружьем. Про Стрельца. Моего Стрельца.

— Ты боялась, что он застрелит тебя, да, родная?

Силия покачала головой... поежилась. Она не могла объяснить.

А мама ее и не заставляла. Она просто сказала ласково:

— Тебе с нами нечего бояться. Никто тебя не обидит.

Это успокаивало.

9

— Няня, что это там за слово — большое такое — на том объявлении?

— «Для бодрости», милая. «Сварите себе для бодрости чашечку чая».

Так было каждый день. Силия проявляла жадное лю-

боязливость к словам. Буквы она уже знала, но мама была против того, чтобы рано начинать учить детей читать.

— Я не стану учить Силию чтению, пока ей не будет шесть.

Но теоретические концепции образования не всегда сбываются в жизни. К тому времени, когда Силии исполнилось пять с половиной, она уже могла читать все книжки со сказками, что были на полке в детской, и разбирала практически все слова на объявлениях. Иногда, правда, слова она путала. Подойдет к няне и скажет:

«Пожалуйста, нянечка, это слово значит «жадный» или «эгоист»? Я не помню». Поскольку запоминала она слова целиком, как картинку, а не читала их по буквам, с орфографией у нее всю жизнь потом не ладилось.

Чтение Силию завораживало. Оно открыло ей новый мир, мир, населенный феями, ведьмами, домовыми, троллями¹. Она обожала сказки. Рассказы о всамделишных детях ее не особенно занимали.

Да и детей ее возраста, с кем можно поиграть, вокруг было немного. Дом Силии стоял уединенно, а автомобили тогда были еще редкостью. Была одна девочка, на год старше Силии, — Маргарет Маккра. Время от времени Маргарет приглашали на чай или Силию звали на чай к Маргарет. Но в таких случаях Силия умоляла разрешить ей не ходить.

— Ну, почему, деточка? Тебе не нравится Маргарет?

— Нравится.

— А в чем тогда дело?

Силия только качала головой.

— Она стесняется, — презрительно говорил Сирил.

— Чушь какая-то, чтобы не хотелось встречаться с другими детьми, — говорил отец. — Это ненормально.

— Может, Маргарет дразнит ее? — говорила мать.

— Нет, — кричала Силия и заливалась слезами. Она не знала, просто не могла объяснить. А все было проще простого. У Маргарет выпали все передние зубы. Слова она выпаливала с невероятной быстротой и с каким-то присвистывающим звуком, и Силия никак не могла толком разобрать, что та говорила. Когда однажды они с Маргарет отправились гулять, мучения Силии достигли высшей точки. Та сказала:

¹ Тролли — в скандинавском фольклоре сверхъестественные существа, живущие под землей или в пещерах

«Я расскажу тебе интересную сказку, Силия» — и сразу же принялась рассказывать — с присвистом и шипением — о «пйинфеффе и опвайенной конфеффе». Слушать ее было пыткой. Время от времени Маргарет останавливалась и спрашивала с требовательностью в голосе: «Рафе ме пфеквафная фкафка?» Силия же, героически скрывая, что она не поняла ровным счетом ничего, старалась отвечать по возможности разумно, а в душе, по своему обыкновению, прибегала к молитве:

«Пожалуйста, пожалуйста, Боженька, дай мне поскорее добраться домой. Пусть она не узнает, что я ничего не понимаю. Ох, дай мне поскорее добраться домой, пожалуйста, Боженька».

Какое-то шестое чувство подсказывало ей, что будет верхом жестокости открыть Маргарет, что ее невозможно понять. Маргарет никогда не должна узнать об этом.

Но напряжение было ужасным. Домой Силия приходила бледная, едва сдерживая слезы. Все думали, будто Маргарет ей не нравится. На самом-то деле было как раз наоборот. Именно потому, что ей так нравилась Маргарет, ей казалась непереносимой сама мысль, что Маргарет все узнает.

И никто этого не понимал — никто. От этого Силии делалось не по себе, ее охватывала паника и было ей ужасно одиноко.

10

По четвергам были занятия танцами. В самый первый раз, когда Силия туда отправилась, она очень перепугалась: в зале было полным-полно детей — больших нарядных девочек в шелковых юбочках.

Посреди зала, натягивая длинные белые перчатки, стояла мисс Макинтош. Силия еще не встречала человека, который вселял бы в нее такой благоговейный страх и в то же время так завораживал, как мисс Макинтош. Она была очень высокой — самой высокой на свете, подумала Силия. Много лет спустя Силия была просто потрясена, поняв, что мисс Макинтош была чуть выше среднего роста. Такое впечатление создавалось благодаря пышным юбкам, удивительно прямой осанке и просто характера.

— А,— любезно произнесла мисс Макинтош,— вот это и есть Силия. Мисс Тендертен?

Мисс Тендертен, девочка с озабоченным личиком, которая мастерски танцевала, но ничем более примечательна не была, поспешила на зов, словно верный пес.

Силию поручили ей, и через минуту она стояла в ряду младших детей, которые занимались с экспандером — эластичной лентой темно-синего цвета с ручками по концам. После «экспандера» настал черед постижению премудростей польки, а потом малыши сидели и смотрели, как великолепные существа в шелковых юбочках исполняли причудливый танец с бубнами.

После этого объявили кадрили. Мальчуган с темными озорными глазами подлетел к Силии.

— Будешь моей парой?

— Я не могу, — с сожалением отказала Силия. — Я не умею.

— Вот обида.

Но тут, как ястреб, налетела Тендертен.

— Не умеешь? Конечно нет. Но, милая, научишься. Вот и кавалер тебе.

Силию поставили в паре с белобрысым веснушчатым мальчишкой. Напротив оказались темноглазый мальчик и его партнерша. Когда они в танце сошлись на середине, он сказал Силии с упреком:

— Значит, не захотела танцевать со мной. Жаль.

Острая боль, которую Силия помнила потом долгие годы, пронзила ее. Как объяснить? Как сказать, что «я хочу танцевать с тобой. Я именно с тобой и хотела танцевать. Тут вышла какая-то ошибка».

Так впервые испытала она обычную девичью драму — не тот партнер!

Кадрили отбросила их друга от друга. Они еще раз потом встретились — когда все выстроились в танце в одну линию, но мальчик только бросил на нее укоризненный взгляд и сжал ей руку.

Он больше никогда не приходил на занятия танцами, и Силия так и не узнала, как его зовут.

11

Когда Силии было семь лет, няня от них ушла. У няни была сестра, еще даже старше, чем она сама, и у сестры теперь стало совсем плохо со здоровьем, и няне предстояло за ней ухаживать.

Силия горько и безутешно плакала. Когда няня уехала, девочка каждый день писала ей письма — короткие, корявыми буквами и с невероятными ошибками. Она всякий раз долго корпела над ними.

И мама однажды сказала ей ласково:

— Знаешь, милая, незачем каждый день писать няне. Право, она не ждет этого. Двух раз в неделю будет достаточно.

Но Силия решительно замотала головой.

— Няня может решить, что я забыла о ней. А я ее не забуду никогда.

Мать сказала отцу:

— Ребенок очень привязчив. Жаль.

Отец ответил, смеясь:

— Не то что мастер Сирил.

Сирил никогда не писал из школы своим родителям, если его не принуждали сделать это или если ему чего-нибудь не было от них нужно. Но он был настолько обаятелен, что все мелкие прегрешения ему прощались.

Упорная преданность Силии няне беспокоила мать.

— Это ненормально,— говорила она.— В ее возрасте все должно забываться быстрее.

На место няни никого не взяли. Сьюзен обихаживала Силию — в том смысле, что на ночь купала ее, а по утрам будила. Одевшись, Силия шла в комнату к матери. Мать всегда завтракала в постели. Силия получала кусочек гренка с повидлом, а потом пускала в мамином умывальнике толстенькую уточку. Отец одевался в соседней комнате. Иногда он звал ее к себе и давал ей монетку, и Силия опускала монетку в маленькую расписную деревянную копилку. Когда копилка наполнится, монетки переложат в банк, и когда их наберется достаточно, Силия пойдет и купит себе что-нибудь на свои собственные деньги. Что это будет? Каждую неделю Силия придумывала что-нибудь новое, что бы ей хотелось больше всего. Сначала это был высокий черепаховый гребень в шишечках, чтобы мама закалывала волосы на затылке.

Такой гребень показала Силии Сьюзен — в витрине магазина. «Знатные дамы, поди, такие носят»,— сказала Сьюзен с почтительным придыханием. Затем настал черед платья из белого шелка с плиссированной юбкой, в которой можно ходить на уроки танцев,— об этом Силия могла только мечтать. Такие платья были лишь у дево-

чек, исполнявших особенные танцы, где нужно, чтобы юбка поднималась и кружилась. Пройдет много лет, прежде чем Силии можно будет учиться таким танцам. Но день этот в конце концов настанет. Потом была пара настоящих золотых туфелек (Силия нисколько не сомневалась, что такие вещи существуют) и еще — летний домик в лесу, и еще — лошадка. Одна из этих прелестей будет поджидать ее в тот день, когда она накопит в банке достаточно денег.

Днем она играла в саду, катая обруч, который мог быть чем угодно — и дилижансом, и скорым поездом, лазала по деревьям — правда, не слишком уверенно и умело — и строила тайные планы, лежа в густых кустах, укрытая ото всех. Если шел дождь, она читала в детской или раскрашивала картинки в старых номерах журнала «Куин»¹. От полдника до ужина они с мамой играли в восхитительные игры. Иногда строили домики, завешивая стулья полотенцами, и лазали туда-сюда, иногда пускали мыльные пузыри. Какая будет игра, никогда заранее не угадаешь, но игры всегда оказывались очень интересными и просто восхитительными, — такими, какие сама ни за что не придумаешь и в которые можно играть только вместе с мамочкой.

По утрам у Силии теперь были уроки, отчего она чувствовала себя очень важной. Арифметикой Силия занималась с отцом. Она любила арифметику, и было приятно, когда папа говорил: «У ребенка незаурядные математические способности. Она не будет считать по пальцам, как ты, Мириам». А мать, смеясь, отвечала:

«Арифметика мне никогда не давалась». Сначала Силия складывала, потом вычитала, потом умножала, что доставляло ей удовольствие, потом делила — и деление было занятием, как ей казалось, взрослым и трудным, — а потом дело доходило до тех страниц, где были «задачи». Их Силия просто обожала. Задачи были про мальчиков и про яблоки, про овечек на лугах, и про пирожки, и про землекопов, и хотя это были все те же замаскированные сложение, вычитание, умножение и деление, в ответах-то речь шла о мальчиках, или яблоках, или овечках, и это было очень интересно. За арифмети-

¹ «Куин» — еженедельный журнал для женщин, издававшийся в Лондоне с 1861 года.

кой шло чистописание в линованной тетради. Мама напишет что-нибудь в самом верху, а Силия потом переписывает, переписывает, переписывает — до самого конца странички. Силии не слишком нравилось чистописание, но иногда мамочка писала что-нибудь очень смешное — ну, например, «Косоглазые кошки не могут нормально кашлять», и Силия очень смеялась. И еще Силии надо было учить, как пишутся слова — простые короткие слова, написанные в тетрадке, но это давалось ей с большим трудом. В своем желании не наделать ошибок она всегда добавляла так много лишних букв, что слово становилось неузнаваемым.

Вечерами, после того как Сьюзен искупает Силию, в детскую приходила мамочка, чтобы подоткнуть одеяло. Силия называла это «мамочкиным подтыканьем» и старалась лежать очень смирно, чтобы «мамочкино подтыканье» сохранилось до утра. Но оно никогда не сохранялось.

— Ты хочешь, чтобы я оставила свет, лапушка? Или чтоб дверь была открыта?

Но Силии совсем не нужен был свет. Ей нравилась теплая убаюкивающая темнота, в которую она погружалась. Темнота казалась ей доброй.

— Да, ты не из тех, кто боится темноты,— говаривала Сьюзен.— А вот моя племянница, если оставить ее в темноте, всю душу вымотает криком.

Как давно уже решила про себя Силия, маленькая племянница Сьюзен, наверно, очень противная девчонка — и очень глупая. Как можно бояться темноты? Единственное, что может напугать,— это сны. Сны пугали потому, что в них настоящие вещи преворачивались шиворот-навыворот. Увидев во сне Стрельца и с криком проснувшись, она выскакивала из кровати и, прекрасно разбирая дорогу в темноте, бежала по коридору к маминной комнате. Мама потом возвращалась с ней в детскую, присаживалась ненадолго рядом и говорила: «Нет никакого Стрельца, деточка. Ничего не будет с тобой — ничего не будет». Тогда Силия вновь засыпала, зная, что мамочка и вправду сделала так, что бояться теперь нечего, и через несколько минут Силия уже будет идти по долине, вдоль реки, и, собирая примулы, приговаривать: «Я и так знала, что это не железная дорога. Конечно, тут всегда была река».

Глава 2

За границей

1

Через полгода после того, как ушла няня, мамочка сообщила Силии очень волнующую новость. Они собираются ехать за границу — во Францию.

— И я тоже?

— Да, родная, и ты.

— И Сирил?

— Да.

— И Сьюзен и Раунси?

— Нет, только папа, я, Сирил и ты. Папочке нездоровится, и врач сказал, что ему на зиму надо поехать за границу — туда, где тепло.

— А во Франции тепло?

— На юге — да.

— А как там, мамочка?

— Там есть горы. Горы, а на вершинах снег.

— А откуда там снег?

— Потому что они высокие.

— Очень высокие?

Мама пыталась объяснить, как высоки горы, но Силии трудно было это себе представить.

Она знала Вудбери-Бикон. Чтобы подняться на самый верх, надо полчаса. Но Вудбери-Бикон и горой-то вряд ли считается.

Было от чего прийти в восторг — в особенности от дорожного несессера. От настоящего, ее собственного дорожного несессера из темно-зеленой кожи. Внутри были флакончики и отделения для расчески и для одежной щетки, и были еще дорожные часы и даже маленькая дорожная чернильница!

Никогда еще, думала Силия, не было у нее такой красивой собственной вещи.

Поездка была чрезвычайно увлекательной, — главное, переезжали через Ла-Манш! Мама пошла прилечь в каюту, и Силия осталась на палубе с отцом, отчего казалась сама себе очень взрослой и значительной.

Франция, когда они ее увидели, немножко разочаровала. Она выглядела как любое другое место. Но носильщики в синих форменных мундирах, говорившие по-

французски, вызывали восторг, как и поезд, в который они сели, — потешный такой поезд с высокими вагонами. Им предстояло и спать в нем, и это тоже привело Силию в восторг.

Одно купе отвели ей и маме, а соседнее — папе и Сирилу.

Сирил, понятно, держался барином. Ему было шестнадцать, и он взял себе за правило ничему не удивляться, считая это чуть ли не делом чести. Вопросы он задавал как бы нехотя, но и Сирил едва мог скрыть волнение и любопытство при виде французского паровоза.

Силия сказала матери:

— Там и правда будут горы, мамочка?

— Да, дорогая.

— Очень, очень, очень высокие?

— Да.

— Выше даже, чем Вудбери-Бикон?

— Гораздо выше. Такие высокие, что вершины их покрыты снегом.

Силия прикрыла глаза, попыталась представить себе горы. Огромные холмы, уходящие вверх, вверх, вверх, — такие высокие, что, наверное, даже и не увидеть их вершин. Голова Силии откинулась назад и еще назад: она представляла себе, как смотрят вверх на горы.

— Что с тобой, деточка? Шейку свело?

Силия решительно покачала головой.

— Я думаю о больших горах, — сказала она.

— Глупый ребенок, — снисходительно заметил Сирил.

Потом начались волнения с устройством на ночь. Утром, проснувшись, они ведь уже будут на юге Франции.

Было десять утра, когда они приехали в По¹. Началась возня с багажом, а его было много — не меньше тринадцати больших сундуков с горбатыми крышками и бесчисленное множество кожаных саквояжей.

Наконец, отъехали от станции и направились в гостиницу. Силия смотрела по сторонам.

— А где же горы, мамочка?

— Вон там, милая. Разве не видишь снежные вершины?

Вон те?! Вдоль горизонта тянулась причудливая полоса, белая, словно вырезанная из бумаги. Низкая такая линия. А где же огромные, вздымающиеся вверх, прямо в небо, громады, — высоко-высоко над головой Силии?

¹ По — город во Франции в предгорьях Пиренеев.

— О! — воскликнула Силия.

Она вдруг почувствовала разочарование. Да разве же это горы!

2

Справившись с разочарованием по поводу гор, Силия просто наслаждалась жизнью в По. Еда была великолепной. Называемый почему-то «табльдотом»¹ обед устраивали за длинным столом, уставленным всякого рода невиданными и замечательными кушаньями. В гостинице жили еще двое детей, сестры-близняшки, на год старше Силии. Она, Бар и Беатрис почти повсюду ходили вместе. Впервые за восемь лет своей жизни Силия познала наслаждение от проказ. Вся троица, бывало, уплетает апельсины на балконе, а косточки швыряет вниз, в проходящих мимо солдат в веселеньких, синих с красным, мундирах. Когда разозленные солдаты смотрели вверх, девочки приседали и становились невидимыми из-за балюстрады. И еще они высыпали кучками соль и перец на тарелки, расставленные для табльдота, чем премного досаждали Виктору, старому официанту. Они прятались внизу, под лестницей, и шекотали ноги постояльцам, спускавшимся к ужину, длинным павлиньим пером. Заключительный же их подвиг совершен был в день, когда они довели горничную, убиравшую верхний этаж, до исступления. Они вошли следом за ней в ее маленькое святилище, где хранились веники и щетки. Она со злостью повернулась к ним, заговорила быстро-быстро на непонятном языке — французском,— и выскочила из чулана, хлопнув дверь, а вся троица оказалась в плену.

— Лихо она нас,— с досадой сказала Бар.

— Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем нас отсюда выпустят?

Они хмуро смотрели друг на друга. Глаза Бар загорелись мятежным огнем.

— Я не потерплю, чтобы она взяла над нами верх. Надо что-то сделать.

Бар всегда была заводилой. Она взглянула на единственное, совсем крохотное окошко.

— Интересно, мы пролезем в него? Мы ведь не жирные. Что там снаружи, Силия? Есть там что-нибудь?

¹ Табльдот (*фр*) — общий стол для гостей в гостинице или ресторане, комплексный обед.

Силия ответила, что там — водосточный желоб.

— Он большой, по нему можно пройти,— добавила она.

— Хорошо, мы еще покажем этой Сюзанне. Представляю, что с ней будет, когда мы на нее набросимся.

Рама с трудом поддалась, и они по одному пролезли в окно. Желоб был примерно фут¹ шириной, с закраинами высотой дюйма² в два. А ниже была просто бездна в пять этажей глубиной.

Дама-бельгийка из тридцать третьего номера послала вежливую записочку английской леди в номер пятый. «Знает ли мадам, что ее малышка и две дочки мадам Оуэн расхаживают сейчас по парапету над пятым этажом?»

Суматоха, которая затем поднялась, показалась Силии излишней и неуместной. Ведь ей никогда прежде не запрещали ходить по парапету.

— Ты же могла упасть и разбиться насмерть.

— О нет, мамочка, там много места — даже двумя ногами можно стоять.

Случай этот был из числа тех, когда взрослые поднимают необъяснимый шум из-за ничего.

3

Силии, разумеется, пришлось учить французский. К Сирилу каждый день приходил молодой француз. Для Силии же наняли молодую леди, с которой она должна была каждый день ходить гулять и говорить по-французски. Вообще-то леди была англичанкой, дочерью владельца английского книжного магазина, но всю жизнь свою она прожила в По и говорила по-французски так же свободно, как и по-английски.

Мисс Ледбеттер была молодой особой, чрезвычайно рафинированной. По-английски она говорила проглатывая окончания слов, и притом нарочито медленно и снисходительно:

— Видишь, Силия, вот это — лавка, где пекут хлеб. Boulangerie³.

— Да, мисс Ледбеттер.

— Смотри, Силия, вон собачка переходит через доро-

¹ Фут — мера длины, равная 30,48 см.

² Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

³ Булочная (фр.).

гу. Un chien qui traverse la rue. Qu'est-ce qu'il fait? Это значит: «Что она делает?»

Мисс Ледбеттер осталась недовольна последней собственной фразой. Собаки — существа неделикатные и иногда могут вогнать в краску ультрарафинированных молодых особ. А данная собачка остановилась посреди дороги со вполне определенной целью.

— Я не знаю,— проговорила Силия,— как будет по-французски то, что она делает.

— Отвернись, дорогая,— сказала мисс Ледбеттер.— Это не очень приятно. А вот перед нами церковь. Voilà une église.

Прогулки были долгими, унылыми и однообразными. Недели через две мать Силии избавилась от мисс Ледбеттер.

— Невозможная девица,— сказала она мужу.— Самое увлекательное занятие на свете у нее становится скукой.

Отец Силии согласился с этим. Он сказал, что ребенок никогда не научится французскому, если не будет учиться у француженки. Мысль о француженке Силии не очень нравилась. Она вообще не доверяла иностранцам. Ну, разве только для прогулок... Мать сказала, что ей наверняка очень понравится мадемуазель Морà. Это имя показалось Силии необычайно смешным.

Мадемуазель Морà была рослой и полной. Она носила платья с пелеринками, которые развевались на ходу и сметали все со столов.

Силия подумала, что няня сказала бы про Морà — «сущий ураган».

Мадемуазель Морà оказалась очень говорливой и восторженной.

— Oh, la chère mignonne,— вскрикивала мадемуазель Морà,— la chère petite mignonne!¹

Она опускалась перед Силией на колени и заразительно смеялась ей в лицо. Силия же оставалась истой англичанкой, очень сдержанной, и ей нисколько все это не нравилось. Она чувствовала себя неловко.

— Nous allons nous amuser. Ah, comme nous allons nous amuser!²

¹ Ах, милая крошка... милая крошечка! (фр.)

² Сейчас мы с тобой повеселимся. Ах, как мы с тобой повеселимся! (фр.)

И опять были прогулки. Мадемуазель Морà говорила без умолку, и Силия вежливо сносила весь этот поток бессмыслицы. Мадемуазель Морà была очень добра — и чем добрее была она, тем меньше нравилась Силии.

Через десять дней Силия простудилась. Ее немножко знобило.

— Мне кажется, тебе сегодня лучше не ходить гулять, — сказала мама. — Мадемуазель может позаниматься с тобой и здесь.

— Нет! — воскликнула Силия. — Нет! Отошли ее! Отошли!

Мама внимательно посмотрела на нее. Этот взгляд Силия хорошо знала — спокойный, какой-то светящийся, испытующий взгляд. Она сказала спокойно:

— Хорошо, милая, отошлю.

— Пусть она даже не заходит сюда, — взмолилась Силия.

В этот момент дверь в гостиную отворилась и вошла мадемуазель, вся в пелеринках.

Мать Силии заговорила с ней по-французски. Мадемуазель принялась изливать свое огорчение и сочувствие.

— Ah, la pauvre mignonne, — вскричала она, выслушав мать. Она плюхнулась на пол перед Силией. — La pauvre, pauvre mignonne¹.

Силия бросила на мать умоляющий взгляд. Она корчила ей страшные рожи. «Отошли ее, — говорили рожи. — Отошли же».

К счастью, в эту минуту мадемуазель Морà одной из своих многочисленных пелеринок смахнула вазу с цветами и теперь целиком ушла в извинения.

Когда наконец она удалилась, мать сказала ласково:

— Родная, тебе не следовало бы корчить такие рожи. Мадемуазель Морà ничего, кроме добра, тебе не хотела. Ты ее, наверное, обидела.

Силия удивленно взглянула на мать.

— Но, мамочка, — возразила она, — рожи-то были английские.

Было непонятно, отчего мама так и покатилась со смеху. В тот вечер Мириам сказала мужу:

— И от этой женщины никакого толку. Силия ее не любит. Может быть...

¹ Ah, бедная крошка... бедная, бедная крошка (фр.).

— Что?

— Да нет, ничего,— сказала Мириам,— я подумала о девушке, которую встретила сегодня у портнихи.

Во время следующей примерки мать заговорила с девушкой. Та была одной из учениц портнихи, работа ее заключалась в том, чтобы во время примерки стоять рядом и держать наготове булавки. Ей было лет девятнадцать — темные волосы, красиво собранные в пучок, чуть вздернутый носик, румяное добродушное лицо.

Удивлению Жанны не было предела, когда с ней заговорила английская леди и спросила, не хотелось бы той поехать в Англию. Это зависит от того, что скажет мама. Мириам попросила дать ей адрес матери. Родители Жанны держали маленькое кафе — очень чистенькое и пристойное. Мадам Божэ с великим удивлением выслушала предложение английской леди. Быть гувернанткой и присматривать за маленькой девочкой? У Жанны очень мало опыта — она довольно неуклюжая и неловкая. Иное дело Берта, ее старшая дочь, но английская леди хотела Жанну. На совет позвали мосье Божэ. Он сказал, что не надо мешать Жанне. Платить ей будут хорошо — куда больше, чем она получает у портнихи.

Три дня спустя, взволнованная и ликующая, Жанна приступила к своим обязанностям. Она побаивалась маленькой англичанки, за которой ей предстояло присматривать. Ни слова по-английски она не понимала. Выучила одну фразу, ее и произнесла с надеждой:

— Доброе утро, мисс.

Увы, произношение у Жанны было такое странное, что Силия ничего не поняла. Утренний туалет проходил в тишине. Силия и Жанна присматривались друг к другу, как две незнакомые собачки. Жанна расчесывала локоны Силии, едва придерживая их кончиками пальцев. Силия смотрела на нее не отрываясь.

— Мамочка,— сказала Силия за завтраком,— Жанна совсем не говорит по-английски?

— Нет.

— Вот умора.

— Тебе нравится Жанна?

— У нее очень смешное лицо,— сказала Силия. На мгновение задумалась.— Скажи ей, чтобы она посильнее меня расчесывала.

Но уже через три недели Силия и Жанна стали пони-

мать друг друга. В конце четвертой недели они встретили на прогулке стадо коров.

— Mon Dieu! — вскричала Жанна. — Des vaches, des vaches! Маман, маман!..¹

И, схватив Силию за руку, она помчалась вверх по холму.

— В чем дело? — спросила Силия.

— J'ai peur des vaches².

Силия посмотрела на нее теплым взглядом.

— Если мы опять встретим коров, — сказала она, — прячесь за меня.

После этого они совсем подружились. Силия считала Жанну очень интересной подружкой. Жанна наряжала кукол, которых дарили Силии, и начинались диалоги. По очереди Жанна была *femme de chambre*³ (жутко наглой), маман, папа (который был очень военный и все время крутил свой ус) и тремя озорными детьми. Однажды она изобразила мосье кюре⁴, выслушала по очереди их исповеди и определила всем страшное наказание. Это просто очаровало Силию, которая потом много раз просила показать еще.

— Non, non, mees, c'est tres mal se que j'ai fait-la⁵.

— Pourquoi?⁶

Жанна объяснила.

— Я надсмеялась над мосье кюре. А это грех, понятно!

— Ну, пожалуйста, Жанна, покажи еще раз, это было так смешно.

И добросердечная Жанна, рискуя бессмертием своей души, сыграла еще раз, даже еще смешнее.

Силия уже знала все про семью Жанны. Про Бертю, которая была *tres serieuse*⁷, про Луи, который был *si gentil*⁸, и про Эдуарда, который был *spintuel*⁹, и про маленькую Лиз, которая только что впервые причастилась, и про кота,

¹ Боже мой! Коровы, коровы! Мамочка, мамочка!.. (фр.)

² Я боюсь коров (фр.).

³ Горничной (фр.).

⁴ Кюре — приходский священник в католической церкви во Франции.

⁵ Нет, нет, мисс, то, что я сделала, очень дурно (фр.).

⁶ Почему? (фр.)

⁷ Очень серьезная (фр.).

⁸ Такой славный (фр.).

⁹ Остроумный (фр.).

который был таким умным, что мог улечься спать в кафе посреди посуды и не разбить ничего.

Силия, в свою очередь, рассказывала Жанне о Золотке и о Раунси и Сьюзен, и о саде, и обо всем том, что они будут делать, когда Жанна придет в Англию. Жанна никогда не видела моря. Сама мысль, что придется плыть на пароходе из Франции в Англию, ее очень пугала.

— Je me figure,— говорила Жанна,— que j'aurai horriblement peur. N'en parlons pas! Parlez-moi de votre petit oiseau¹.

4

Однажды, когда Силия прогуливалась с отцом, их окликнули из-за столика около гостиницы.

— Джон! Вот те раз, да это же старина Джон!

— Бернارد!

Крупный мужчина с веселым лицом выскочил из-за стола и горячо стал жать руку отцу.

Это оказался мистер Грант, один из старинных друзей отца. Они не виделись много лет, и ни один из них понятия не имел, что другой находится в По. Гранты остановились в другой гостинице, но теперь обе семьи собирались вместе после *déjeuner*² и пили кофе.

Миссис Грант, на взгляд Силии, была самой красивой женщиной, какую она когда-либо видела. У нее были пепельные с серебристым отливом волосы, уложенные в изысканную прическу, чудесные синие глаза, тонкие черты лица и очень чистый, звонкий голос. Силия немедленно придумала себе новый персонаж — королеву Маризу. Королева Мариза очень напоминала миссис Грант и была любима своими подданными. Трижды на ее жизнь совершались покушения, но ее спасал юноша по имени Колин, которого она сразу же произвела в рыцари. Коронационная ее мантия была из бархата изумрудно-зеленого цвета, а корона на ней была серебряная с бриллиантами.

Мистера Гранта королем не сделали. Силия решила, что он славный, но очень уж толстая и очень красная у него физиономия — вовсе не такая симпатичная, как у отца, носившего каштановую бородку, которую он зади-

¹ Я представляю себе, что буду ужасно бояться. Не будем больше говорить об этом. Расскажите мне про свою птичку (*фр*).

² Завтрака (*фр*).

рал вверх, когда смеялся. Ее отец, считала Силия, как раз такой, каким и должен быть отец,— веселый шутник, только от его шуток ты не чувствуешь себя глупой, как иногда от шуток мистера Гранта.

С Грантами был их сын, Джим, школьник, приятный на вид и веснушчатый. Он всегда был в хорошем настроении и улыбался; глаза у него были голубые и совсем круглые, отчего казалось, что он всегда чем-то удивлен. Свою мать он обожал.

Он и Сирил разглядывали друг друга, как два знакомых пса. Джим относился к Сирилу с уважением, поскольку тот был на два года старше и ходил в частную школу. Ни тот, ни другой не обращали никакого внимания на Силию, потому что Силия была всего-навсего ребенком.

Примерно недели через три Гранты отправились домой, в Англию. Силия слышала, как мистер Грант сказал ее матери:

— Я потрясен тем, как выглядит Джон, но он говорит мне, что с тех пор, как приехал сюда, чувствует себя куда лучше.

Силия сказала потом матери:

— Мапочка, а папа болен?

Мама как-то странно посмотрела на нее и ответила:

— Нет, конечно нет. Он сейчас совсем здоров. Это просто от сырости и дождей в Англии.

Силия обрадовалась тому, что отец не болен. Какой же он больной — никогда не лежит в постели, никогда не чихает и не страдает разлитием желчи. Иногда он кашляет, но это оттого, что много курит. Силия знала это, потому что отец ей так говорил.

«Но почему,— подумала она,— мама посмотрела так... странно...»

5

Настал май, и они уехали из По — сначала в Аржелес, у подножия Пиренеев¹, а потом в Котрэ², высоко в горах.

В Аржелесе Силия влюбилась. Предметом ее обожания был мальчик-лифтер по имени Огюст. Не Анри, маленький светловолосый мальчишка-лифтер, который иног-

¹ Пиренеи — горная гряда на границе между Францией и Испанией

² Котрэ — город во Франции в Пиренеях

да разыгрывал ее, Бари Беатрис (они тоже приехали в Ар-
желее), а Огюст. Огюсту было восемнадцать, он был вы-
сокий, смуглый, с изжелта-бледным лицом и очень мрач-
ным видом.

Его вовсе не интересовали пассажиры, которых он во-
зил вверх и вниз. Силия так и не набралась храбрости заго-
ворить с ним. Никто — даже Жанна — не догадывался о ее
романтической страсти. Ночью в постели Силии рисова-
лись картины того, как она спасает жизнь Огюсту, на скаку
останавливая его коня, или как они с Огюстом единствен-
ные выжили при кораблекрушении и как она спасает ему
жизнь, плывя к берегу и держа его голову над водой. Иног-
да, наоборот, Огюст спасал ее из огня, но это почему-то
было не так приятно. Она получала наибольшее удоволь-
ствие, когда Огюст, со слезами на глазах, говорил ей: «Ма-
демуазель, я обязан вам жизнью. Как могу я отблагода-
рить вас?»

Страсть была бурной, но короткой. Через месяц они
отправились в Котрэ, и Силия влюбилась в Джейнет Пет-
терсон.

Джейнет было пятнадцать лет. Она была славной де-
вушкой с каштановыми волосами и добрыми голубыми гла-
зами. Она не была красавицей и ничем особенно не выде-
лялась. Но проявляла доброту к малышам и не утомлялась
игрой с ними.

Самой большой радостью в жизни для Силии было бы
вырасти и стать похожей на своего кумира. Когда-нибудь
она тоже наденет полосатую блузку с воротничком и гал-
стуком, волосы заплетет в косу и завяжет черным бантом.
И у нее тоже будет эта загадочная штука — фигура. У Джей-
нет фигура была очень даже заметная, она так и выпирала
из блузки. А Силия, ребенок очень худенький (Сирил, ког-
да ему хотелось досадить Силии, называл ее «костлявым
цыпленком», чем неизменно доводил до слез), была влюб-
лена в полную силу. Но ведь настанет же такой день, такой
чудесный день, когда она вырастет и все у нее будет выпи-
рять там, где положено.

— Мамочка, — спросила она однажды, — когда у меня
будет такая грудка, чтоб торчало?

Мать взглянула на нее и сказала:

— Тебе что, она так нужна?

— О да, — прерывисто задышала Силия.

— Когда тебе будет лет четырнадцать или пятнадцать —
как Джейнет.

— Можно, у меня будет тогда полосатая блузка?

— Пожалуйста, только она не кажется мне красивой.

Силия взглянула на нее с упреком.

— По-моему, она восхитительна. Мамочка, ну, пожалуйста, скажи, что купишь мне такую блузку, когда мне будет пятнадцать.

— Куплю, если она тебе еще будет нужна.

Конечно же будет.

И Силия побежала разыскивать своего кумира. К величайшей ее досаде, Джейнет гуляла с подругой, французской Ивонной Барбье. Силия ненавидела Ивонну Барбье лютой ненавистью и завидовала ей. Ивонна была прехорошенькая, очень изящная, не по летам развитая. Хотя ей было всего пятнадцать лет, выглядела она как восемнадцатилетняя. Она держала Джейнет под руку и ворковала, как голубок.

— Naturalmente je n'ai rien dit a Maman. Je lui ai repondu...¹

— Беги, милочка,— ласково сказала Джейнет,— мы с Ивонной сейчас заняты.

Силия уныло поплелась домой. Какая же гадкая эта Ивонна Барбье.

Увы, через две недели Джейнет со своими родителями уехала из Котрэ. Образ ее быстро изгладился из памяти, зато сохранилось восторженное предвкушение того дня, когда у нее, Силии, появится «фигура».

Время в Котрэ текло весело. Тут прямо над головой высились горы. Впрочем, даже и здесь они выглядели вовсе не так, как Силия их себе представляла. До конца жизни она так и не научилась восхищаться горным пейзажем. В подсознании жило чувство, что ее обманули. В Котрэ были всевозможные развлечения. По утрам они энергично шагали в Ла Пайер, где отец и мать пили из стаканов воду, очень неприятную на вкус. После этого покупали леденцовые палочки. Закрученные как спираль — они были разного цвета и вкуса. Силия обычно получала палочку ананасовую, матери нравилась зеленая — анисовая. Отцу, как ни странно, никакие не нравились. С тех пор, как они приехали в Котрэ, он выглядел более жизнерадостным и счастливым.

— Меня место это вполне устраивает, Мириам,— говорил он.— Я становлюсь здесь другим человеком.

¹ Естественно, я ничего не сказала маме. Я ей ответила... (фр.)

И жена отзывалась:

— Тогда мы пробудем здесь как можно дольше!

И она стала здесь веселее — больше смеялась. Тревожная складка над переносицей у нее разгладилась. Силией она мало занималась. Зная, что девочка находится под присмотром Жанны, она всем сердцем и душой предалась мужу.

После утренней прогулки Силия шла домой с Жанной лесом, по тропинкам, бегущим зигзагами вверх и вниз; иногда она скатывалась по откосу, нещадно пачкая панталоны. Жанна испускала вопли отчаяния.

— Oh, mess, ce n'est pas gentil ce que vous faites-la. Et vos pantalons. Que dirait Madame votre mère?¹

— Encore une fois, Jeanne. Une fois seulement².

— Non, non, Oh, mees³.

После обеда Жанна усаживалась шить. Силия шла гулять и встречалась с другими детьми. Особенно усиленно ей прочили в подружки маленькую девочку по имени Мэри Хейз.

— Такая милая девчушка, — говорила мать Силии, — такая воспитанная и славная. Хорошая подружка для Силии.

Силия играла с Мэри Хейз, когда от этого никак не получалось увильнуть. Мэри, увы, наводила на нее скуку. Она была мягкой и приветливой, но — на взгляд Силии — необычайной занудой. Зато Силии нравилась маленькая американка Маргрит Пристмен. Она была из какого-то западного штата, и у нее был необычайно тягучий говор, который завораживал английскую девочку. Маргрит играла в игры, незнакомые Силии. Гуляла она в сопровождении няни, удивительной старушки в огромной черной шляпе с хлопающими полями, и старушка эта то и дело говорила: «Не отходи от Фэнни, ты слышишь меня?»

Когда у них возникали ссоры, Фэнни приходила на выручку. Однажды она застала детей чуть ли не в слезах, горячо о чем-то препирающихся:

— Ну-ка, выкладывайте Фэнни, в чем тут у вас дело, — приказала она.

¹ Ох, мисс, нехорошо вы себя ведете. А панталоны-то! Что скажет ваша матушка? (фр.)

² Ну, еще разочек, Жанна. Всего один раз (фр.).

³ Нет, нет. Ох, мисс (фр.).

— Я только рассказывала Силии сказку, а она говорит, что я все вру, а это — правда.

— Живо скажи Фэнни, что это за сказка.

— Это очень хорошая сказка про маленькую девочку, которая росла, одинешенька, в лесу, потому что доктор так никогда за ней и не пришел и не забрал в свою черную сумку...

Силия перебила:

— Это неправда, Маргрит говорит, что детей доктора находят в лесу и приносят маме. Это неправда. Ангелы приносят их ночью и укладывают в колыбельку.

— Нет, доктора.

— Ангелы.

— Нет и нет.

Фэнни подняла свою крупную руку:

— Теперь слушайте меня.

И они слушали. Черные глазки Фэнни заблестели,— она обдумала проблему и наконец решила ее.

— Ни ты, ни ты не должны так волноваться. Маргрит права, и Силия права. Английских детей приносят ангелы, а американских — доктора.

Как все просто! Силия и Маргрит заулыбались друг другу и помирились.

Фэнни проворчала: «Не отходи от Фэнни» — и продолжала вязать.

— Я дальше буду рассказывать, хорошо? — спросила Маргрит.

— Рассказывай,— согласилась Силия.— А потом я расскажу тебе сказку про опаловую фею, которая вышла из персиковой косточки.

Маргрит начала рассказывать, но вскоре вынуждена была прервать свое повествование.

— Что такое скаррапин?

— Скаррапин? Ты что, не знаешь, Силия, что такое скаррапин?

— Нет, а что это?

Тут уже было потруднее. Из сумбурных объяснений Маргрит Силия поняла только, что скаррапин на самом деле и есть скаррапин! Скаррапин остался для нее волшебным зверем, как-то связанным с Американским континентом.

Уже потом, когда она подросла, ее в один прекрасный день осенило:

«Ну, конечно Скаррапин, о котором говорила Маргрит Пристмен,— это же скорпион».

У нее было такое чувство, словно в этот миг она что-то потеряла.

6

Ужинали в Котрэ очень рано. В половине седьмого. Силии разрешали сидеть до конца. После ужина усаживались на улице вокруг маленьких столиков, и раз или два в неделю выступал фокусник.

Силия обожала фокусника. Он так красиво назывался. Отец сказал, что он — иллюзионист.

Силия медленно, по слогам выговаривала это слово.

Фокусник был высоким мужчиной с длинной черной бородой. Он проделывал восхитительные штуки с разноцветными лентами, вытягивая их ярд¹ за ярдом у себя из рта. В конце представления он объявлял «маленькую лотерею». Сначала обходил зрителей с большим деревянным блюдом, на которое все что-нибудь клали — вроде как взнос. Потом объявляли номера выигравшей и раздавали призы — бумажный веер, фонарик, горшок с бумажными цветами. В лотерее было что-то такое, отчего детям здорово везло. Чуть ли не всегда выигрывали именно дети. Силии очень хотелось выиграть бумажный веер. Но она так его и не выиграла, хотя дважды ей доставался бумажный фонарик.

Как-то отец спросил Силию:

— Не хотелось бы тебе забраться вон туда?

И он показал на одну из гор прямо позади гостиницы.

— Мне, папочка? Прямо на самый верх?

— Да. Ты поедешь туда на муле.

— На каком муле, папочка?

Он объяснил ей, что мул — это вроде как и ослик, и лошадка. Силия пришла в восторг от одной мысли о таком приключении. А у мамы были сомнения.

— Ты уверен, Джон, что это совершенно безопасно? — спросила она.

Отец только посмеялся над ее страхами. Конечно, все с ребенком будет в порядке.

Поедут она, отец и Сирил. Сирил высокомерно изрек:

— Ах, и малявка тоже едет. Она будет только мешать.

Разумеется, он очень любил Силию, но то, что она тоже

¹ Ярл — мера длины, равная 91,44 см

ехала с ними, задевало его мужское достоинство. Предполагалось, что это будет мужская экспедиция — женщины и дети остаются дома.

Рано утром в день великой экспедиции Силия, уже собравшись, стояла на балконе и ждала, когда придут мулы. Они рысью выбежали из-за угла — большие, упитанные животные, — скорее лошадки, чем ослики. Силия помчалась вниз, полная радостных предчувствий. Смуглолицый человек в берете разговаривал с отцом. Он уверял, что с маленькой мадемуазель все будет в порядке. Он сам за ней будет присматривать. Отец и Сирил влезли на мулов, затем проводник приподнял Силию и усадил ее в седло. От высоты даже дух захватывало! Но как интересно!

Тронулись. С балкона мать махала им рукой на прощанье. Силия трепетала от гордости. Она чувствовала себя совсем взрослой. Проводник ехал рядом с ней. Он ей что-то говорил, но поняла она очень мало, потому что у него был сильный испанский акцент.

Это была великолепная поездка. Они ехали вверх по петляющим тропам, подымавшимся все круче и круче. А теперь уже въехали на откос: по одну сторону тропы возвышалась скала, по другую круто обрывалась пропасть. В местах, казавшихся наиболее опасными, мул, на котором ехала Силия, останавливался и бил копытом. Ему тоже нравилось ходить по краю бездны. «Очень хорошая лошадка», — подумала Силия. Звали мула, кажется, Анисовый, что Силии показалось очень странной кличкой для лошади.

Был полдень, когда они добрались до самой вершины. Там стояла крошечная хижина, а перед ней — стол; они расселись, и хозяйка тут же вынесла им обед — и очень даже вкусный. Омлет, жареная форель, плавленый сыр и хлеб. Была там здоровая лохматая собака, с которой Силия поиграла.

— *C'est presque un Anglais,* — сказала женщина. — *Je s'appelle Milord¹.*

Милорд был очень дружелюбным и позволял Силии делать с собой все, что она захочет.

А потом отец Силии взглянул на часы и сказал, что пора двигаться обратно. Он позвал проводника.

Тот пришел улыбаясь. У него было что-то в руках.

— Смотрите, что я только что поймал, — сказал он.

Это была красивая большая бабочка.

¹ Он почти англичанин. Его зовут Милорд (*фр.*).

— C'est pour Mademoiselle¹,— сказал он. И быстро и ловко, прежде чем девочка поняла, что он собирается сделать, вытащил булавку и приколот бабочку к тулье ее соломенной шляпки.

— Voilà que Mademoiselle est chic²,— сказал он и чуть отступил, любуясь своей работой.

Привели мулов, все расселись, и начался спуск.

Силию мучило. Она чувствовала, как бьются крылья бабочки о ее шляпку. Бабочка была живая — живая. И приколата булавкой. Крупные слезы застилали Силии глаза и покатались по щекам.

Отец наконец заметил.

— В чем дело, куколка?

Силия покачала головой. И расплакалась еще больше.

— Она боится лошади,— сказал Сирил.

— Не боюсь,— сказала Силия.

— Тогда почему такой рев?

— La petite demoiselle est fatiguée³,— высказал предположение проводник.

Слезы текли у Силии все сильнее и сильнее. Все смотрели на нее, допытывались, в чем дело,— но как могла она сказать, в чем дело! Проводник ужасно обиделся бы. Он ведь хотел сделать приятное. Только ради нее и поймал эту бабочку. Так гордился своей выдумкой — тем, что придумал приколот бабочку на шляпку. Разве может она при всех взять и сказать, что ей это не нравится? И теперь никто никогда, никогда не поймет. От ветра крылышки у бабочки колыхались еще сильнее. И Силия просто заливалась слезами. Ей казалось, что большего горя нет на свете.

— Лучше бы нам прибавить ходу,— сказал отец. Вид у него был сердитый.— Надо поскорее отвезти ее к матери. Мать была права. Для ребенка это слишком тяжело.

Силии хотелось кричать: «Нет, не тяжело, не тяжело нисколько». Но она не закричала, так как поняла, что тогда ее опять начнут спрашивать: «А в чем же дело?» И она только молча трясла головой.

Силия проплакала всю обратную дорогу. Горе ее становилось все тяжелее и тяжелее. Всю в слезах сняли ее с мула, и отец на руках отнес ее в гостиную, где сидела, поджидая их, мать.

— Ты права была, Мириам,— сказал отец.— Для ре-

¹ Это для мадемуазель (фр.).

² Вот какая мадемуазель шикарная (фр.).

³ Маленькая барышня устала (фр.).

бенка это слишком тяжело. Я не знаю, в чем дело — то ли у нее что-то болит, то ли она переутомилась.

— Нет,— проговорила Силия.

— Ей было страшно спускаться вниз по кручам,— сказал Сирил.

— Не было,— замотала головой Силия.

— Тогда в чем же дело? — спросил отец. Силия тупо смотрела на мать. Теперь она поняла, что так и не сможет ничего рассказать. Причина ее горя навсегда будет скрыта в ее груди, навсегда. Она хочет рассказать, она очень хотела рассказать, но почему-то не может. Что-то таинственное замкнуло ее губы на замок. Если бы только мамочка знала. Мама бы поняла. Но сама она не сможет рассказать и маме. Они все смотрели на нее, ждали, когда она начнет говорить. Ужасная мука терзала ее. Мутным взглядом, словно в агонии, смотрела она на мать. «Помоги мне,— говорил этот взгляд,— пожалуйста, помоги».

Мириам так же пристально смотрела на нее.

— По-моему, ей не нравится бабочка на шляпке,— сказала она.— Кто ее туда приколот?

О, какое облегчение — чудесное, болезненное, мучительное облегчение.

— Ерунда,— начал было отец, но Силия перебила его. Слова хлынули из нее, словно вода из прорванной плотины.

— Мне не нравится, не нравится,— кричала она.— Она же крылышками машет! Она живая! Ей больно!

— Почему, глупышка, ты сразу этого не сказала? — спросил Сирил.

Ответила мать:

— Я думаю, она не хотела обидеть проводника.

— О мамочка! — воскликнула Силия.

Все было в этих двух словах. Чувство облегчения, признательность и переполнявшая ее любовь.

Мама все поняла.

Глава 3

Бабушка

1

Следующей зимой отец с матерью уехали в Египет. Они посчитали практически невозможным взять дочку с собой, и потому Силия с Жанной отправлены были гостить к бабушке.

Бабушка жила в Уимблдоне¹, и Силии очень нравилось гостить у нее. В бабушкином доме был, во-первых, сад — эдакий квадратный носовой платочек зелени, окаймленный кустами роз, каждый из которых был прекрасно знаком Силии, так что даже зимой она могла сказать: «А вот это — розовая «Ла-Франс», Жанна, тебе она понравится»; но венцом и гордостью сада был большой ясень, ветви которого с помощью проволоки образовывали свод. Дома у Силии ничего похожего на ясень не было, и она взидала на него, как на одно из чудес света. Потом там был еще высоченный стульчак в уборной, сработанный по-старинному, из красного дерева. Удаляясь туда после завтрака, Силия видела себя восседающей на троне королевой и, надежно укрывшись за запертой дверью, отвечивала царственные поклоны, протягивала руку для поцелуя воображаемым придворным и, насколько хватало духу, растягивала сцены из придворной жизни. Кроме того, была бабушкина кладовка, расположенная рядом с выходом в сад. Каждое утро, звеня огромной связкой ключей, в кладовку навевдалась бабушка, и с пунктуальностью младенца, собаки или льва, знающих час кормления, туда приходила и Силия. Бабушка давала ей сахар в пакетиках, масло, яйца или варенье в банке. Затем подолгу, не без ядовитости пререкалась со старой Сэрой, кухаркой. Как непохожа была Сэра на Раунси,— тощая-претощая, тогда как Раунси была толстухой. Маленькая старушка со сморщенным личиком и ввалившимся беззубым ртом. Пятьдесят лет своей жизни прослужила она у бабушки, и все эти годы шли одни и те же пререкания. Сахар переводится сверх всякой меры, куда подевались оставшиеся полфунта чая? К этому времени пререкания превратились уже в своеобразный ритуал — бабушка каждодневно разыгрывала роль рачительной хозяйки. Слуги все готовы промотать. За ними нужен глаз да глаз. Закончив ритуал, бабушка будто впервые замечала Силию.

— Боже мой, Боже мой, что же здесь делает малышка?
И бабушка изображала величайшее удивление.

— Так, так,— говорила она,— уж не хочется ли тебе чего-нибудь?

— Хочется, бабушка, хочется.

— Так, сейчас посмотрим.— И бабушка, не торопясь,

¹ Уимблдон — предместье Лондона.

рылась в глубине кладовки. Что-нибудь она непременно извлекала — банку с черносливом, палочку дягиля, банку айвового варенья. Для малышки обязательно что-нибудь да находилось.

Бабушка была очень красивой пожилой дамой. Кожа у нее была розово-белой, две белые как лунь буколки обрамляли лицо, и у нее был большой добродушный рот. Сложения бабушка была величественно-дородного, с высоким бюстом и внушительными бедрами. Платья она носила из бархата или парчи, с широкой юбкой и обтянутой талией.

— У меня всегда была прекрасная фигура, душечка, — обычно говорила она Силии. — Фэнни — сестра моя — была в семье самой хорошенькой, но у нее не было фигуры — совсем никакой! Плоская как доска. Когда я оказывалась рядом, ни один мужчина на нее больше не смотрел. Фигура — вот что интересует мужчин, а не лицо.

«Мужчины» в бабушкиных разговорах занимали важное место. Она получила воспитание в те времена, когда мужчины считались центром мироздания. Женщины же существовали, только чтобы угождать этим великолепным созданиям.

— Не было мужчины красивее, чем мой отец. Высоченный, шести футов ростом. Мы, дети, все его боялись. Очень строгий был.

— А твоя мама, бабушка, какая была?

— Ах, бедняжка. Умерла, когда ей было всего тридцать девять. Осталось нас десять детей. Полон дом голодных ртов. Когда рождался ребеночек и она лежала в постели...

— А зачем, бабушка, она лежала в постели?

— Так принято, душечка.

Раз принято, то от дальнейших вопросов Силия воздержалась.

— Она всегда отлеживалась целый месяц, — продолжала бабушка. — Только тогда и могла передохнуть, бедняжка. Как она наслаждалась этим своим месяцем! Обычно застрела в постели — вареным яичком. Впрочем, не много ей от того яичка перепало. Мы, дети, бывало прибежим и начинаем приставать. «Можно попробовать яичка, ма? А мне можно верхушечку?» Не много ей самой оставалось после того, как каждый ребенок попробует. Уж очень она была добрая — слишком мягкая. Умерла, когда мне

было четырнадцать. Я была старшей в семье. Бедного отца горе просто убило. Они были очень друг к другу привязаны. Через полгода и он вслед за ней сошел в могилу.

Силия понимающе кивнула. Ей казалось это правильным и подобающим. В большинстве ее детских книжек были сцены у смертного одра — обычно умирал ребенок, редкий праведник, настоящий ангел.

— Отчего он умер?

— Скоротечная чахотка, — ответила бабушка.

— А твоя мама?

— Зачахла, милая. Взяла и зачахла. Всегда хорошенько закрывай шейку, когда идешь на улицу и дует восточный ветерок. Помни это, Силия. Ветер с востока — он убивает. Мисс Сэнки, бедняжка, — всего месяц назад мы с ней чаевничали. Но вот пошла в эту мерзкую купальню, вышла оттуда, а ветер дул с востока, горло у нее было открытое — через неделю она умерла.

Почти все бабушкины истории и воспоминания кончались именно так. По природе своей человек жизнерадостный, она упивалась рассказами о неизлечимых болезнях, внезапных кончинах, таинственных недугах. Силия так к этому привыкла, что в самый разгар бабушкиного рассказа, сгорая от любопытства и нетерпения, спрашивала, перебивая бабушку: «А потом он умер, бабулечка?» И бабушка отвечала: «Да, умер, бедняга». Или бедный мальчик, или девочка, или женщина — в зависимости от того, о ком шла речь. Ни одна из бабушкиных историй не имела счастливого конца. Возможно, это была естественная реакция ее здоровой и энергичной натуры.

Не скупилась бабушка и на загадочные предостережения.

— Если кто-нибудь, кого ты не знаешь, предлагает тебе угощение, никогда не бери. А когда подрастешь, никогда не сидишь в одно купе с одиноким мужчиной.

Последнее предостережение особенно обеспокоило Силию. Она была ребенком робким. Если нельзя садиться в одно купе с одиноким мужчиной, значит, придется его спросить, женат ли он или нет. На лбу ведь у него не написано, одинокий он человек или женатый. От одной лишь мысли, что придется такое сделать, Силия вся сжималась.

Фразу, произнесенную однажды шепотом женщиной, которая пришла к бабушке в гости, Силия к себе не отнесла:

— Не надо бы забивать детям голову такими вещами.

Бабушка чуть на крик не сорвалась.

— Те, кого предупреждают вовремя, горя потом не ведают. Молодым людям надо об этом знать. Вы вот, наверное, дорогуша, об этом и не слышали. А мне говорил мой муж — мой первый муж. (У бабушки было трое мужей — такой привлекательной была ее фигура и так хорошо сама она ублажала мужской пол. Она всех их схоронила, одного за другим: одного со слезами, другого — смирясь, третьего — просто соблюдая приличия.) — Он говорил, что женщинам надлежит знать о таких вещах.

Бабушка понизила голос и заговорила свистящим шепотом.

То, что Силия расслышала, показалось ей скучным. Она побрела в сад...

2

Жанна ходила подавленная. Она все больше тосковала по Франции и по своим родным. Английские слуги, пожаловалась она Силии, все такие злые.

— Сэра, кухарка, она *gentille*¹, хотя и зовет меня паписткой². Но другие — Мэри и Кейт — они потешаются надо мной, потому что я не трачу свое жалованье на платья, а отправляю деньги домой маман.

Бабушка пыталась утешить Жанну.

— И дальше води себя разумно,— говорила она Жанне.— Уймой ненужных побрякушек приличного мужчину не заманишь. И дальше посылай деньги матери, и к тому времени, когда придет пора замуж выходить, у тебя уже будет кое-что про запас. Простенькие скромные платья куда больше к лицу домашней прислуге, чем все эти финтифлюшки. Будь и дальше разумной девушкой.

Но порой, когда Мэри и Кейт особенно злобствовали или ехидничали, Жанна давала волю слезам. Английские девушки не любили иностранок, а Жанна к тому же была католичкой, а все знают, что паписты поклоняются вавилонской блуднице³.

¹ Славная (*фр.*).

² Паписты — католики, ревностные приверженцы римско-католической Церкви.

³ Вавилонская блудница — презрительное название римско-католической Церкви

Бабушкины грубоватые утешения не всегда заживляли раны.

— Ты правильно делаешь, что держишься своей религии. Не то чтобы я сама исповедовала католицизм, чего нет, того нет. Большинство католиков, которых я знала, были врунами. Я была бы о них лучшего мнения, если бы их священники женились. А монастыри! Сколько красивых девушек ушло в монастырь, и никто больше о них не слышал! Что с ними случилось, хотелось бы мне знать? Позволю себе заметить, что священники могли бы ответить на этот вопрос.

К счастью, Жанна не настолько хорошо овладела английским, чтобы разобрать этот поток слов.

Мадам очень добра, ответила Жанна, и она постарается не обращать внимания на то, что говорят другие девушки.

Потом бабушка призвала к себе Мэри и Кейт и, не стесняясь в выражениях, отчитала их за недоброе отношение к бедняжке, оказавшейся в незнакомой стране. Мэри и Кейт отвечали очень спокойно, очень вежливо и в крайнем удивлении. Да что вы, они ничего такого и не говорили — ничего совершенно. Просто Жанна горазда на выдумки.

Бабушка взяла все же реванш: отказала Мэри в разрешении держать у себя велосипед.

— Меня просто удивляет, Мэри, как ты можешь о таком просить. Никто из моих слуг никогда не будет вести себя так непотребно.

Насупившись, Мэри пробормотала, что ее кузине в Ричмонде разрешено иметь велосипед.

— Чтобы я больше этого не слышала,— сказала бабушка.— Кроме всего прочего, они очень опасны для женщин. Многие женщины, катавшиеся на этих гадких шутовских, потом не могли рожать детей. Такие вещи вредны для женских внутренностей.

Мэри и Кейт удалились, надувшись. Они могли бы заявить, что увольняются, но место было хорошим. Еда прекрасная — никаких порченных продуктов, как водится в других домах, и работа нетяжелая. Хозяйка, пожалуй, мегера, но по-своему добра. Случись дома какая беда, она придет на помощь, а на Рождество никто не может соперничать с ней в щедрости. Конечно, у старой Сэры язычок тот еще, но и с этим надо мириться: готовит она отменно.

Как и все дети, Силия часто наведывалась на кухню. Старуха Сэра была куда злее Раунси, но ведь она ужасно старая. Если бы кто-нибудь сказал Силии, что Сэре сто пятьдесят лет, девочка бы нисколько не удивилась. Нет на свете человека, думала Силия, старше Сэры.

Сэра способна была обижаться по совершенно невыносимым поводам. Например, Силия однажды отправилась на кухню и спросила у Сэры, что та готовит.

— Суп с потрохами, мисс Силия.

— А что такое потроха, Сэра?

Сэра поджала губы.

— О таких вещах воспитанные барышни не справляются.

— Но что это такое? — В Силии загорелось озорное любопытство.

— Ну, хватит, мисс Силия. Не пристало такой леди, как вы, задавать такие вопросы.

— Сэра,— Силия закружилась по кухне, ее льняные волосы развевались,— что такое потроха? Сэра, что такое потроха? Потроха... потроха... потроха?

Разъяренная Сэра замахнулась на нее сковородкой, и Силия убежала, а через несколько минут опять просунула голову в кухню и спросила:

— Сэра, что такое потроха?

Затем она повторила свой вопрос, заглянув в кухонное окно.

Сэра, побагровев от раздражения, не отвечала, только что-то бормотала себе под нос.

В конце концов, устав от всего этого, Силия отправилась разыскивать бабушку.

Бабушка вечно сидела в столовой, выходящей на короткую подъездную аллею прямо перед домом. Эту комнату Силия и через двадцать лет могла бы описать в мельчайших подробностях. Занавески из толстых ноттингемских кружев¹, гранатовые с позолотой обои, общее впечатление сумрака, и слабый аромат яблок, и полуденная тишина. Просторный, викторианских² времен, обеденный стол со скатертью из шенили, массивный буфет красного дерева, низкий столик у камина с кучей газет, тяжелая бронза

¹ Ноттингем — графство в центральной части Англии.

² Викторианский — относящийся ко времени правления английской королевы Виктории (1837—1901).

на камине («Твой дедушка выложил за них семьдесят гиней¹ на Парижской выставке»), диван, обтянутый блестящей красной кожей — на нем Силия иногда «отдыхала»: диван был такой скользкий, что с трудом удавалось усидеть на нем и не сползти на пол; спинку дивана покрывал связанный из гаруса коврик; на подоконниках стояли подставки, а на них всякая мелочь; был тут вращающийся книжный шкафчик на ножке, кресло-качалка, обитое красным бархатом, — Силия однажды так сильно раскачалась, что перевернулась вместе с ним через голову и набила себе шишку размером с яйцо, — ряд стульев, обтянутых кожей, вдоль стены и, наконец, большое кожаное кресло с высокой спинкой — в нем бабушка и сидела, занимаясь тем, другим или третьим.

Без занятия бабушка никогда не бывала. Она писала письма — длинные письма — тонким, каким-то паутинным почерком, в основном на половинках листа, так чтобы исписывать бумагу до конца: бабушка терпеть не могла расходовать что-либо зря («не будешь транжирить — не будешь и нуждаться», — говорила она Силии). Кроме того, она крючком вязала шали, прелестные шали: пурпурные, голубые и лиловые, — как правило, для родственников прислуги. И еще она вязала на спицах из больших мотков мягкой овечьей пряжи, обычно для чьего-нибудь ребенка. Плела она и кружева, ажурной кружевной пеной обвязывала кружочек дамаска². Во время чаепития все пирожные и бисквиты возлежали на этих пенистых салфеточках. Далее — жилеты для бабушкиных знакомых пожилых мужчин. Жилеты потом сажали на полосы сурового полотна, из которого делают полотенца, простегивали и обшивали цветастой хлопковой тканью. Это, пожалуй, была любимая бабушкина работа. Хотя ей был восемьдесят один год, она все еще поглядывала на мужчин. И вязала им также носки — теплые, шерстяные, в которых ложатся спать.

Под бабушкиным руководством Силия делала половички к умывальнику — ими она намеревалась удивить мамочку, когда та вернется. Берешь разного размера кружочки,

¹ Гинея — денежная единица, равная 21 шиллингу, до 1971 года употреблявшаяся при исчислении гонораров, оценки произведений искусства, скаковых лошадей и т.п.

² Дамаск — плотная узорчатая двусторонняя шелковая или хлопчатобумажная ткань.

вырезанные из ткани для банных полотенец, обметываешь их сначала по кругу петельками из шерстяной нитки, а затем обшиваешь тамбуром¹. Свои половички Силия отделивала бледно-голубой шерстью, и бабушке, и ей самой результаты необычайно нравились. Когда после полдника убирали со стола, бабушка с Силией играла в бирюльки², потом — в криббидж³; лица у них при этом были серьезные и озабоченные, а с уст срывались знакомые фразы: «Один ему на башку, два — на пятку, пятнадцать два, пятнадцать четыре, пятнадцать, шесть и шесть — двенадцать». — «Знаешь ли ты, почему криббидж такая хорошая игра, милая?» — «Нет, бабушка». — «Потому, что она учит тебя считать».

Бабушка никогда не забывала произнести маленький спич. Так уж она была воспитана: никогда не признавать, что наслаждаешься ради наслаждения. Ты ешь, потому что еда полезна для здоровья. Вишневый компот, который бабушка просто обожала, ей подавали почти каждый день, так как это «полезно для почек». Сыр, который бабушка тоже любила, «улучшает пищеварение», рюмка портвейна на десерт «прописана мне врачом». Особенного обоснования требовали напитки (учитывая, что речь идет о представительнице слабого пола). «Разве это тебе, бабулечка, не нравится?» — спрашивала Силия. «Нет, милая, — отвечала бабушка и, сделав первый глоток, изображала отвращение, — но мне это нужно для здоровья». И потом, произнеся эту обязательную фразу, допивала рюмку до конца, испытывая при этом явное удовольствие. Кофе был тем единственным, к чему бабушка признавала склонность. «Такой мавританский напиток, этот кофе, — говорила она, зажмуриваясь от удовольствия, — дивный, как страна Мавритания»⁴, и смеялась своей шутке, наливая себе еще чашечку.

По другую сторону холла была «утренняя комната», где

¹ Тамбур — род вязания или вышивания — петля в петлю.

² Бирюльки — набор мелких вещичек (в виде различных предметов) для игры, состоящей в том, чтобы из кучки этих вещичек достать крючком каждую из них, не шевельнув остальные.

³ Криббидж — старинная карточная игра для двух партнеров, с довольно сложной системой подсчета очков.

⁴ Мавритания — страна на северо-западе Африки на побережье Атлантического океана, бывшая французская колония, с 1960 года — независимая республика.

сидела бедняжка мисс Беннет, швея. Говоря о мисс Беннет, всегда прибавляли слово «бедняжка».

— Бедняжка мисс Беннет,— говорила бабушка.— Давать ей работу — это проявлять милосердие. Я, право, думаю, что бедняжка порой недоедает.

Если на стол подавали какие-нибудь особые деликатесы, что-нибудь всегда посылали бедняжке мисс Беннет.

Бедняжка мисс Беннет была маленькой женщиной с копной седых волос, настолько неряшливо причесанных, что голова ее походила на воронье гнездо. Ничего уродливого в ней не было, но выглядела она уродом. Говорила она жеманным, приторно-сладким голосом и называла бабушку «мадам». Сшить хоть что-нибудь и не испортить она была просто не в состоянии. Платья, которые она делала для Силии, были всегда так велики, что руки тонули в рукавах, а проймы свисали чуть не до локтей.

Приходилось быть очень, очень осмотрительной, чтобы не оскорбить чем-нибудь бедняжку мисс Беннет. Любое неосторожно сказанное слово — и вот уже мисс Беннет сидит пунцовая и, вздернув голову, иступленно работает иглой.

Бедняжке мисс Беннет не повезло. Отец ее, твердила она непрестанно, был человеком с большими связями. «Хотя мне, наверное, и не следует этого говорить, разве только по большому секрету, но он ведь был очень знатным джентльменом. Моя мать всегда так говорила. Я в него пошла. Вы, наверное, заметили, какие у меня руки и уши: тут-то, говорят, и видна порода. Знай отец, как я зарабатываю себе на жизнь, уверяю вас, он был бы просто убит. Нет, это не про вас, мадам, у вас не то, что мне приходилось терпеть у некоторых. Обращались чуть ли не как с прислугой. А вы, мадам, вы понимаете».

Вот бабушка и пеклась, чтобы с бедняжкой мисс Беннет хорошо обращались. Еду ей приносили на подносе. Мисс Беннет очень важничала перед слугами, гоняла их с поручениями, за что они ее просто не выносили.

— Строит из себя такую барыню,— слышала Силия ворчанье старой Сэры,— а сама-то — ублюдок, случайно получилась у отца, она даже имени его не знает.

— Что такое, Сэра, ублюдок?

Сэра очень покраснела.

— То, что барышне произносить не пристало, мисс Силия.

— Это такие потроха? — с надеждой в голосе спросила Силия.

Кейт, стоявшая рядом, покатила со смеху, а Сэра сердито велела ей попридержаться язык.

За «утренней комнатой» шла гостиная. Там было холодно, темно и пустынно. Комнатой пользовались, только когда у бабушки бывали гости. Заставлена она была стульями, обтянутыми бархатом, столиками, диванами, обитыми парчой, там же громоздились стеклянные горки, сплошь уставленные фарфоровыми безделушками. В углу стоял рояль, у которого были оглушительные басы и тихий мелодичный дискант¹. Окна выходили в оранжерею, а оранжерея в сад. Стальная каминная решетка и каминные щипцы были отрадой старой Сэры, которая надраивала их до такого блеска, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

На втором этаже была детская, вытянутая комната с низким потолком и окнами, выходящими в сад; над ней — мансарда, где жили Мэри и Кейт, а несколькими ступеньками выше — три лучшие в доме спальни и душная, совершенно лишенная воздуха каморка, обитель старой Сэры.

Про себя Силия решила, что во всем доме нет ничего лучше трех этих спальных комнат. Там стояли огромные гарнитуры: один из серого в крапинках, два других — из красного дерева. Бабушкина спальня помещалась над столовой. В ней громадная кровать с пологом, красного дерева платяной шкаф-гигант, занимающий всю стену, внушительный умывальник, трюмо и колоссальный, в пару к шкафу комод. Все ящики в шкафу и комод были забиты свертками с аккуратно сложенными вещами. Порой какой-нибудь ящик не задвигался и бабушка ужасно с ним мучилась. Все было на прочных запорах. Кроме замка, дверь спальни изнутри закрывалась еще на прочный засов и на два медных больших крюка. Крепко-накрепко запершись у себя, бабушка ложилась спать, держа наготове колотушку и полицейский свисток, чтобы сразу же поднять тревогу, если грабители попытаются приступом взять ее крепость.

На шкафу, защищенный стеклянным колпаком, хранился большой венок из белых восковых цветов — память о

¹ Дискант — высокий детский голос (обычно у мальчиков). Здесь имеются в виду верхние регистры рояля.

кончине первого мужа бабушки. Справа на стене висела в рамочке молитва, произнесенная на поминках в честь второго ее мужа, а слева была большая фотография красивого мраморного надгробия, установленного на могиле третьего мужа.

Перина на кровати была пуховой, окна никогда не открывались.

Ночной воздух, говаривала бабушка, очень вреден. Послушать бабушку, так любой воздух был вреден. В сад, если не считать самых знойных дней, она выходила редко; если и совершала выезды, то, как правило, в магазин — Офицерский¹ — на извозчике добиралась до станции, поездом ехала до вокзала Виктория² и опять извозчиком — до магазина. По таким случаям она плотно укутывалась в мантию³ и несколько раз обматывала себе горло боа⁴.

С визитами бабушка никогда ни к кому не ездила. С визитами приезжали к ней. Когда собирались гости, вносили торт, сладкое печенье и разные ликеры бабушкиного домашнего приготовления. Первым делом спрашивали у джентльменов: что они будут пить. «Вы должны попробовать моей вишневой наливки — всем джентльменам она нравится». Потом наступал черед дам: «Всего капельку — от простуды». Бабушка считала, что ни одна особа женского пола не признается при всех, что ей нравятся крепкие напитки. Если же дело было во второй половине дня, бабушка говорила: «У вас, милочка, ужин тогда легче переварится».

Если какой-нибудь пожилой джентльмен приходил в гости без жилета, бабушка демонстрировала всем тот, что в данный момент вязала, и говорила с лукавой усмешкой: «Я бы согласилась сделать такой и для вас, если, конечно, жена ваша не станет возражать». И жена восклицала: «Пожалуйста, сделайте ему такой. Я буду просто счастлива». И тогда бабушка говорила игриво: «Не следует мне вносить разлад в семью», а пожилой джентльмен говорил что-нибудь галантное насчет того, с каким удовольствием он надел бы жилет, «сделанный этими прекрасными пальчиками».

¹ Офицерский магазин — лондонский универсальный магазин, первоначально обслуживавший преимущественно офицеров сухопутных войск и военно-морского флота.

² Виктория — большой вокзал в Лондоне, соединяющий столицу Англии с портами на южном побережье страны

³ Мантия — широкое дамское пальто, обычно меховое.

⁴ Боа — широкий шейный женский шарф, обычно меховой

После того как гости уходили, бабушкины щеки так и полыхали румянцем, и держалась она еще прямее, чем обычно. Она просто обожала оказывать гостеприимство в любой форме.

3

— Бабушка, можно мне войти и побыть с тобой немножко?

— Зачем? Неужто тебе нечем заняться с Жанной?

Минуту-другую Силия молчала, подбирая нужные слова. И наконец говорила:

— Что-то сегодня в детской не очень приятно.

Бабушка смеялась и говорила:

— Ну что ж, можно дело и так представить.

В тех редких случаях, когда Силия ссорилась с Жанной, она чувствовала себя несчастной и места себе не находила. Сегодня днем беда грянула самым неожиданным образом — как гром среди ясного неба.

Шел спор о том, как расставить мебель в кукольном домике, и Силия, доказывая свою правоту, выкрикнула: «Mais ma pauvre fille...»¹ И все. Жанна разрыдалась и извергла целый поток слов по-французски.

Да, она и в самом деле *pauvre fille*², как и сказала Силия, но семья ее, хотя и бедная, однако, честная и уважаемая. Отца ее в По очень все уважали. Даже Monsieur le Maîre³ был с ним в дружбе.

— Я же ничего не сказала...— начала было Силия.

Жанна продолжала рыдать.

— Конечно, *la petite*⁴ мисс такая богатая, так красиво одета, у нее и родители путешествуют по морям, и она носит шелковые платья и считает Жанну вроде уличной попрошайки...

— Я же ничего не сказала...— вновь начала Силия, приходя в еще большее замешательство.

Но даже у *pauvres filles*⁵ души ранимы. И у нее, у Жанны, душа ранимая. И чувства ее оскорблены. До самой глубины.

¹ Но бедная моя девочка (*фр.*).

² Бедная девочка (*фр.*).

³ Господин мэр (*фр.*).

⁴ Маленькая (*фр.*).

⁵ Бедных девушек (*фр.*).

— Жанна, да я же люблю тебя,— в отчаянии кричала Силия.

Но Жанна ничего не хотела слушать. Она извлекла самое трудное шитье — воротничок из клееного холста к платью, которое она делала для бабушки,— и, ни слова не произнося, принялась шить, качая головой и отказываясь отвечать на уговоры Силии.

Силии, разумеется, ничего не было известно о том, какими репликами обменялись в тот день за едой Кейт и Мэри насчет того, какие бедные у Жанны родители, если они забирают себе все ее деньги.

Оказавшись в ситуации, для нее непостижимой, Силия просто спасовала и помчалась вниз, в столовую.

— И чем же ты хочешь заняться? — поинтересовалась бабушка, взглянув на Силию поверх очков и уронив большой моток пряжи. Силия подняла его.

— Расскажи мне, как ты была маленькой и что ты говорила, когда все собирались внизу после чая.

— Мы обычно спускались все вместе и стучались в дверь гостиной. Отец говорил: «Входите». Мы тогда все заходили и плотно закрывали за собой дверь. Заметь, закрывали бесшумно. Всегда помни об этом, когда закрываешь дверь. Настоящая леди никогда дверью не хлопнет. В дни моей молодости дамы вообще дверь никогда не затворяли. Чтобы не попортить себе руки. На столе был имбирный лимонад, и каждому из нас, детей, давали по стакану.

— И тогда ты говорила...— подсказывала Силия, которая историю эту знала наизусть и могла повторить хоть задом наперед.

— Каждый из нас говорил: «Мое почтение, батюшка и матушка».

— А они?

— Они говорили: «Наша любовь вам, дети».

— О,— вскрикивала Силия в восхищении. Едва ли она могла объяснить, почему в такой восторг приводил ее этот рассказ.— А теперь расскажи мне про псалмы,— просила она.— Про тебя с дядей Томом.

Энергично работая крючком, бабушка в который раз повторяла хорошо известный рассказ:

— На большой доске написаны были номера псалмов. Причетник¹ их и оглашал. Голос у него гудел как набат.

¹ Причетник — младший священнослужитель церкви, псаломщик.

«Воспоем теперь честь и хвалу Господу. Псалом номер...» — и вдруг он остановился, потому что доску повесили вверх ногами. Он начал снова: «Воспоем теперь честь и хвалу Господу. Псалом номер...» И в третий раз: «Воспоем теперь честь и хвалу Господу. Псалом номер... Эй, Билл, ну-кась поверни эту доску».

Актрисой бабушка была превосходной. Фраза, сказанная на кокни¹, произнесена была бесподобно.

— И вы с дядей Томом засмеялись? — подсказала Силия.

— Да, мы оба засмеялись. А отец посмотрел на нас. Только посмотрел, и ничего больше. Но когда мы вернулись домой, нас отправили спать без обеда. А было ведь Михайлово воскресенье² — на обед гусь был.

— И гуся тебе не досталось? — спросила пораженная Силия.

— Нет, не досталось.

Силия с минуту размышляла над случившейся бедой. А потом, глубоко вздохнув, предложила:

— Бабушка, давай я буду курочкой.

— Ты уже выросла для такой игры.

— Ну нет, бабулечка, давай я буду курочкой.

Бабушка отложила в сторону крючок и очки. Комедию разыгрывали с самого начала — с того момента, как заходишь в лавку мистера Уитли и требуешь позвать самого мистера Уитли: для большого торжества нужна особенно хорошая курочка. Не подберет ли мистер Уитли курочку сам? Бабушка по очереди играла то саму себя, то мистера Уитли. Курочку заворачивали (происходила возня с Силией и газетой), приносили домой, фаршировали (опять возня), увязывали крылышки и ножки, насаживали на вертел (вопли восторга), ставили в духовку, подавали на блюде, и, наконец, наступало самое главное: «Сэра, Сэра, иди-ка сюда, курица-то живая».

Ну, с кем еще можно было так играть, как с бабушкой? Но и бабушка получала от игры не меньшее удовольствие. И она была очень доброй. В некотором отношении даже

¹ Кокни — лондонское просторечие, тем же словом называют и коренных лондонцев-простолюдинов

² Михайлово воскресенье — церковный праздник, приходящийся на 29 сентября. По традиции, на обед в этот день подает жареного гуся

добрее мамы. Если долго ходить и просить, то бабушка уступала. Она давала даже то, что было нельзя.

4

Приходили письма от мамочки и папочки, написанные очень четкими печатными буквами.

«Моя дорогая маленькая куколка! Как моя малышка поживает? Славно тебе гуляется с Жанной? Нравится заниматься танцами? У людей здесь очень смуглые лица. Я слышал, бабушка собирается тебя сводить на рождественское представление. Ну разве она не молодец? Ты, разумеется, будешь ей очень за это признательна и из всех сил постараться быть ей маленькой помощницей. Ты, конечно, слушаешься милую бабушку, которая так добра к тебе. Угости за меня Золотко конопляным зернышком.

*Любящий тебя
Папочка».*

«Ненаглядное мое сокровище! Я так без тебя соскучилась, но ты, разумеется, отлично проводишь время с милой бабушкой, которая так к тебе добра, ты послушная малышка и делаешь все, чтобы ее порадовать. Здесь очень хорошо греет солнышко и цветут прекрасные цветы. Будь умницей, напиши за меня письмо Раунси. Адрес на конверте напишет бабушка. Скажи Раунси, чтобы она нарвала роз к Рождеству и послала их бабушке. И пусть нальет Томми на Рождество молока в большую плошку.

Целую тебя тысячу раз, мой дорогой ягненок, моя тыквочка.

Мама».

Какие милые письма. Два милых-премильных письма. Почему же у Силии комок в горле? Розы к Рождеству — с грядки у живой изгороди — мама ставит их в вазу со мхом... Мама говорит: «Смотри, как они красиво распустились». Мамочкин голос...

Томми — большой белый котище. А Раунси вечно что-то жует.

Домой, она хочет домой.

Домой, и чтобы дома была мамочка... Любимый ягненок, тыквочка — вот так, смеясь, называла ее мамочка и вдруг крепко, рывком прижимала к себе.

Ох, мамочка, мамочка...

Бабушка, поднимаясь по лестнице, поинтересовалась:

— Что такое? Ты плачешь? По какому случаю? В море слез рыбы не наудишь

Вечная бабушкина шутка.

Силия терпеть ее не могла. От шутки этой плакать хотелось еще больше. Когда ей горько, ей совсем не хочется быть с бабушкой, совсем. От бабушки все только хуже.

Она скользнула мимо бабушки вниз и пошла на кухню. Сэра пекла хлеб.

Сэра на нее посмотрела.

— От мамочки весточку получила?

Силия кивнула. Слезы хлынули с новой силой. Как пусто и одиноко на свете!

Сэра продолжала месить тесто.

— Она скоро вернется домой, милая, скоро вернется. Вот только листочки распусят на деревьях.

И принялась раскатывать тесто. Ее голос звучал словно издадека и успокаивал.

Потом она отщипнула кусок теста.

— Ну-ка, поделай сама булочек, золотко. Я вместе с моими их и испеку.

Слезы тут же высохли.

— Какие: витые и круглые?

— Витые и круглые.

Силия взялась за дело. Для витой булочки раскатываешь три длинные колбаски, а потом перекручиваешь их, защипывая как следует на кончиках. А для круглой катаешь такой большой шар, на него сажаешь шарик поменьше, а потом — вот радость! — резко втыкаешь большой палец и получается круглая дырка. Силия слепила пять витых и шесть круглых булочек.

— Плохо ребенку быть вдаль от мамочки,— бормотала себе под нос Сэра.

И глаза ее наполнялись слезами.

Только четырнадцать лет спустя, когда Сэра умерла, выяснилось, что надменная и манерная племянница ее, которая, случалось, навещала тетку, была на самом деле Сэриной дочкой, «плодом греха», как выражались в дни Сэриной молодости. Хозяйка, у которой она прослужила более шестидесяти лет, о прегрешении, от нее отчаянно скрываемом, понятия не имела. Единственное, что она припомнила,— это болезнь Сэры, из-за чего Сэра запозда-

ла с возвращением из одной из очень редких своих отлучек. Припомнила она и то, что Сэра вернулась необычайно худой. Через какие муки ада прошла Сэра, таясь от всех, туго-натуго затягиваясь в корсет, в душе доходя до отчаяния, навсегда останется тайной. Она хранила свой секрет до тех пор, пока смерть не выдала его.

Комментарии Дж. Л.

Странно, как слова — брошенные вскользь, бессвязные слова — заставляют разыгаться воображение. Убежден, что вижу всех этих людей куда отчетливее, чем видела их Силия, когда рассказывала мне о них. Очень легко могу себе представить бабушку — такую энергичную, со всеми слабостями, присущими ее поколению, с ее раблезианским языком¹, — могу представить, как донимает она прислугу и как по-доброму относится к бедняжке швее. Могу заглянуть в еще более отдаленное прошлое и увидеть ее мать — существо милое и хрупкое, которое «наслаждалось этим своим месяцем». Обратите, кстати, внимание на разницу в описании мужчин и женщин. Жена чахнет от изнурения, муж — от скоротечной чахотки. Страшное слово «туберкулез» не используется. Женщины чахнут, мужчины скоротечно умирают. Обратите внимание — ибо это забавно, — какими живущими оказались потомки этих чахоточных родителей. Из тех десяти детей, как сказала мне Силия, когда я поинтересовался, только трое умерли рано и то — случайной смертью: моряк от желтой лихорадки, сестра попала в аварию в дилижансе, еще одна сестра — от родов. А семеро дожили до семидесяти лет. Что же в самом деле мы знаем о наследственности?

Мне по душе картина дома с его ноттингемскими кружевами, с гарусным ковриком и солидной полированной мебелью красного дерева. В этом — основа основ. То поколение знало, чего оно хочет. И брало свое от жизни, и наслаждалось, и находило острое, живое и здоровое удовольствие в искусстве самосохранения.

Заметьте, что бабушкино обиталище видится Силии куда

¹ Раблезианский язык — сочный, озорной простонародный язык, подобный тому, каким написан сатирический роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя и ученого-гуманиста эпохи Возрождения Франсуа Рабле (1494—1553).

более отчетливо, чем ее собственный дом. Должно быть, она попала туда уже в том возрасте, когда все подмечаешь. Ее дом — это скорее характеры, чем вещи: няня, Раунси, громыхающая Сьюзен, Золотко в клетке.

А потом она открывает для себя мать — забавно, что, по-видимому, она не открыла ее для себя раньше.

Ибо Мириам, на мой взгляд, личностью была необыкновенной. Мириам, мелькнувшая перед моим мысленным взором, обворожительна. Было в ней, по-моему, обаяние, которое Силии не передалось. Даже меж обычных строк ее письма малышке (как передают характер эпохи эти письма с упором на мораль!), — даже, как я сказал, среди обычных наставлений быть добродетельной проглядывает лицо настоящей Мириам. Мне нравится, как выражает она свою любовь: любимый ягненок, тыквочка, — и ласку: на мгновение крепко прижимает девочку к себе. Не сентиментальность, не истеричность, а импульсивность, — женщина со вспышками интуитивного озарения!

Отец — фигура менее ясная. Силии он кажется великаном с каштановой бородой, ленивым, добродушным весельчаком. На свою мать вроде бы не похож — наверное, пошел в отца, который в рассказе Силии представлен венком из восковых цветов, упрятым под стеклянный колпак. Отец Силии, думается мне, был добродушным малым, всеобщим любимцем — пользовался большим успехом, чем Мириам, — но не было в нем ее обаяния. Силия, думаю, пошла в него — сдержанностью, ровным мягким характером, приятностью.

Но кое-что она унаследовала и от Мириам — опасную способность любить глубоко и беззаветно.

Вот так мне все это видится. Но, может, я чего-то не додумываю. В конце концов, эти люди ведь созданы мной.

Глава 4

Смерть

1

Силия едет домой!

Она в таком возбуждении!

Поезд, казалось, еле тащится. У Силии с собой интересная книжка, купе у них отдельное, но ей так не терпится, что путешествие кажется бесконечным.

— Ну что,— сказал отец,— рада, что едешь домой, кнопка?

При этих словах он ее легонечко ущипнул. Какой он большущий и загорелый — куда крупнее, чем помнился Силии, а мать, напротив, казалась теперь гораздо меньше. Вот какие происходят, оказывается, чудные изменения с внешностью и размерами.

— Да, папочка, очень рада,— сказала Силия. Она держалась натянуто. Внутри что-то болезненно набухало, и это странное ощущение не позволяло думать ни о чем другом.

Отец казался немного расстроенным. Кузина Лотти, которая ехала к ним в гости, заявила:

— До чего же серьезный клоп!

Отец сказал:

— Дети скоро все забывают.

Лицо у него было грустное.

Мириам сказала:

— Ничего она не забыла. Она просто вся горит внутри.

Она наклонилась и чуть пожала Силии руку. И одними глазами улыбнулась Силии — как если бы им двоим была известна какая-то тайна.

Кузина Лотти, полненькая и миловидная, заявила:

— С чувством юмора у нее не очень ладно, да?

— Совсем плохо,— откликнулась Мириам.— Да и у меня не лучше,— добавила она с сожалением.— Джон, во всяком случае, говорит, что у меня его нет.

Силия твердила еле слышно:

— Мапочка, скоро это будет — скоро?

— Что скоро, лапочка?

Силия выдохнула:

— Море.

— Мне кажется, ей хочется жить у моря и играть в песочек,— сказала кузина Лотти.

Силия не отозвалась. Что тут ответишь? Просто когда покажется море, значит, и дом близко.

Поезд влетел в туннель и вылетел из него. Ах, вот и оно, с левой стороны, темно-синее, пенистое. Они мчались вдоль берега, ныряя в туннели и выныривая на свет. Море, синее-синее, так слепит глаза, что они сами собой зажмуриваются.

Потом поезд изогнулся и помчался прочь от моря. Теперь уже совсем скоро они будут дома!

Опять что-то с размерами! Дом такой громадный! Просто громадный! Большие комнаты, и мебели в них почти совсем нет — или Силии так кажется после домика в Уимблдоне. Она до того разволновалась, что просто не знала, с чего начать...

Сад — да, первым делом — в сад. Она как безумная понеслась по дорожке, круто спускавшейся вниз. Вон — бук, странно — о буке она никогда не вспоминала. А без него дом невозможно себе представить. А вон и беседка со скамейкой, упрятанная в вечнозеленых кустах тиса, — ой, да она почти совсем заросла. Теперь бегом вверх — в лес, может, колокольчики распустились. Но колокольчиков не было. Наверное, уже отцвели. Вон — дерево, у которого одна из веток как вилы, на ней Королева скрывалась от врагов. О-о-о-о-о, а вон и маленький беленький мальчик!

Маленький беленький мальчик стоял в лесной беседке. Три ступеньки вели к нему. На голове он держал каменную корзину, и в корзину эту надо было положить что-нибудь и загадать желание.

У девочки был выработан самый настоящий ритуал. Делала она так. Выходишь из дома и пересекаешь лужайку, которая была бурной рекой. Потом привязываешь своего водяного коня к кусту роз, что изогнулся аркой, берешь то, что будешь жертвовать, и величественно шествуешь по дорожке в лес. Кладешь пожертвование, загадываешь желание, делаешь реверанс и, пятясь, уходишь. И желание твое исполняется. Только не надо загадывать больше одного желания в неделю. У Силии желание было всегда одно и то же — внушенное няней. На чем бы она ни загадывала — на куриных косточках, на мальчике в лесу, на пегой лошадке, — она всегда желала быть хорошей! Няня считала, что просить вещи — грешно. Господь пошлет тебе все необходимое, и, так как Господь проявлял в этом великую щедрость (через бабушку, мамочку и папочку), Силия обращалась к нему только с одной благочестивой просьбой.

Сейчас ей подумалось: «Я должна, просто обязательно должна отнести ему пожертвование». Она сделает это так, как делала прежде: переберется через реку-лужайку на коне, привяжет его к розовому кусту, дальше — вверх по тропин-

ке, опустит в корзину пожертвование — два взлохмаченных одуванчика — и загадает...

Но — увы, няня! — от прежнего благочестивого желания Силия отошла.

— Хочу всегда быть счастливой! — пожелала Силия.

И помчалась в огород... ой, а вот и Румбольт — садовник, очень угрюмый и сердитый.

— Здравствуй, Румбольт, вот я и дома.

— Вижу, мисс. И попрошу не топтать молодой салат.

Силия отошла в сторонку.

— А нет ли крыжовника, Румбольт?

— Кончился уже. В этом году плохо уродился. Может, пара ягод малины и найдется...

— О...— И Силия ускакала.

— Только всю не ешь,— кричал ей Румбольт вслед,— мне нужно миску набрать на сладкое.

Силия продиралась сквозь малинник, уплетая ягоды за обе щеки. Ягодка или две! Да тут их видимо-невидимо!

Наевшись до отвала, Силия выбралась из малинника. Теперь надо побывать в тайном убежище возле ограды, откуда видна дорога. Трудно было теперь найти вход в убежище, но наконец нашла...

Теперь — на кухню, к Раунси. Раунси, безупречно чистенькая и еще больше растолстевшая, ритмично, как всегда, двигает челюстями. Милая, милая Раунси — улыбается, растягивая рот до ушей и издавая такой знакомый мягкий гортанный смешок...

— Вот те на, мисс Силия, ну и выросли же вы.

— А что это ты ешь, Раунси?

— Пеку вот печенье к чаю прислуге.

— А мне кусочек, Раунси?

— Аппетит-то перебивать.

В общем-то это не отказ! Еще говоря это, Раунси уже направляется к духовке. Открывает дверцу.

— Как раз готовы. Но осторожно, мисс Силия, очень горячо.

О, как хорошо быть опять дома! Оказаться опять в прохладе темных коридоров и там, в окне на лестнице, увидеть зеленый свет бука.

Мать, выходя из спальни, увидела, что Силия стоит, замерев от восторга на верхней ступеньке лестницы, крепко прижав руки к животу.

— Что случилось, деточка? Почему ты держишься за живот?

- Бук, мамочка. Он такой красивый.
- Мне кажется, ты все чувствуешь животиком, да, Силия?
- У меня там как-то странно болит. Не настоящая боль, мамочка, а приятная такая.
- Ты рада, значит, что опять дома?
- Ох, мамочка!

4

— Румбольт стал мрачнее обычного,— сказал отец за завтраком.

— До чего же мне неприятен этот человек,— воскликнула Мириам.— Зачем мы только его взяли!

— Но ведь он, дорогая, отличный садовник. Лучше его у нас не было. Ты только вспомни, какие в прошлом году были у нас персики.

— Я знаю, знаю. Но брать я его не хотела.

Силия, наверное, еще никогда не слышала, чтобы мать так горячилась. Даже руки стиснула. Отец смотрел на нее снисходительно, примерно так, как смотрел на Силию.

— Я же тебе уступил, не правда ли? — сказал он добродушно.— Я от него отказался, хотя и были у него отличные рекомендации, и взял вместо него этого неотесанного лентяя Спинеякера.

— Странно все это,— говорит Мириам,— я его терпеть не могу, а потом, уезжая в По, мы сдаем дом, и мистер Роджерс пишет нам, что собирается уволить Спинеякера и взять на его место садовника с отличными рекомендациями, возвращаемся домой и видим, что у нас работает Румбольт.

— Не могу понять, Мириам, почему ты его невзлюбила. Он несколько мрачноват, но в общем-то очень приличный малый.

Мириам поежилась.

— Не знаю, в чем дело. Просто что-то не так.— И она уставилась прямо перед собой невидящим взглядом.

Вошла горничная.

— Миссис Румбольт, с вашего позволения, хотела бы переговорить с вами, сэр. Она там, у входа.

— Что ей надо? А, ну ладно, пойду узнаю.

Он бросил на стол салфетку и вышел. Силия уставилась на мать. Как смешно выглядела мамочка — как если бы чего-то очень испугалась.

Вернулся отец.

— Румбольт не приходил вчера домой ночевать. Странное дело. Я думаю, они скандалили в последнее время.

Он повернулся к горничной, все еще стоявшей в комнате.

— Румбольт сегодня здесь?

— Я его не видела, сэр. Спрошу у миссис Раунсуэлл.

Отец снова вышел из комнаты. Вернулся минут через пять. Когда он вошел, Мириам вскрикнула и даже Силия испугалась.

Вид у папочки был такой странный, такой странный — точно он сделался стариком. Казалось, ему не хватает воздуха.

Мать мгновенно вскочила со стула и бросилась к нему.

— Джон, Джон, что с тобой? Скажи мне. Садись сюда. Ты прямо в шоке

Отец сделался какого-то странного синего цвета. Слова выходили у него изо рта с трудом:

— Висит... на конюшне... Я перерезал веревку, но уже... должно быть, он сделал это вчера...

— Такой шок — это вредно для тебя.

Мать вскочила и налила ему бренди.

Запричитала:

— Я знала... я знала, было что-то...

Она опустилась на колени рядом с мужем, приложила бутылку ему к губам. Взглядом поймала Силию.

— Беги, родная, наверх, к Жанне. Ничего страшного. Папе нездоровится. — И, понизив голос, зашептала ему: — Не надо ей этого знать. Такое всю жизнь может потом ребенка преследовать.

В полном недоумении Силия вышла из комнаты. На верхней площадке судачили Дорис и Сьюзен.

— Шашни, говорят, с ней водил, а жена прознала про это. В тихом омуте черти водятся.

— Ты видела его? Язык у него вывалился?

— Нет, хозяин запретил туда заходить. Как бы мне получить кусок той веревки — говорят, удача тогда привалит.

— У хозяина прямо шок случился, а с его-то слабым сердцем...

— Да, надо же, такая жуть.

— А что случилось? — спросила Силия.

— Садовник на конюшне повесился, — со смаком выложила Сьюзен.

— О,— сказала Силия, не слишком удивившись.— А кусок веревки тебе зачем?

— Если раздобыть кусок веревки, на которой человек повесился, на всю жизнь тебе удача будет.

— Точно-точно,— подтвердила Дорис.

— А-а,— опять протянула Силия.

Смерть Румбольта она восприняла всего лишь как одно из тех событий, что случаются каждый день. Румбольта она не любила: особенно ласковым он ведь никогда с ней не был.

Вечером, когда мать пришла подоткнуть ей одеяло, она попросила:

— Мамочка, а можно мне кусок той веревки, на которой повесился Румбольт?

— Кто сказал тебе про Румбольта? — Мать говорила сердитым голосом.— Я же запретила.

Силия вытаращила глаза.

— Сьюзен сказала. Мамочка, можно мне кусок веревки? Сьюзен говорит, что он принесет удачу.

Вдруг мать улыбнулась — улыбка перешла в смех.

— Над чем ты смеешься, мамочка? — недоумевала Силия.

— Прошло столько лет с тех пор, как мне самой было девять, я уже и забыла, как оно бывает в таком возрасте.

Пока не заснула, Силия успела немного поразмышлять. Сьюзен однажды чуть не утонула, когда ездила на праздник на море. А другие слуги смеялись и говорили: «Значит, тебе суждено быть повешенной, девочка».

Быть повешенной и утонуть — между этим должна быть, наверное, какая-то связь.

«Лучше, куда уж лучше утонуть»,— сквозь сон думалось Силии.

«Милая бабуля (писала Силия на следующий день)! Спасибо тебе большое за книжку «Розовая фея». Ты очень добра. Золотко здоров и шлет тебе привет. Передай, пожалуйста, привет Сэре, Мэри, Кейт и бедняжке мисс Беннет. В моем садике распустился исландский мак. Вчера на конюшне повесился садовник. Папа лежит в постели, но мама говорит, что ему просто нездоровится. Раунси скоро даст мне лепить витые и круглые булочки. Очень и очень и очень люблю тебя и целую.

Силия».

Отец Силии умер, когда ей было десять лет. Умер в доме своей матери, в Уимблдоне. Несколько месяцев проле-

жал он в постели, и за ним ухаживали две сестры из больницы. Силия привыкла к тому, что папа болен. А мама все время говорила, что они будут делать, когда папочка поправится.

То, что папочка может умереть, никогда не приходило Силии в голову. Она как раз поднималась по лестнице, когда открылась дверь комнаты, где лежал папочка, и оттуда вышла мама. Мама, какой она никогда не видела...

Долго еще потом она сравнивала ту маму с листком, который гонит ветер. Она стенала, воздев к небу руки, потом рывком распахнула дверь в свою комнату и скрылась там. Следом на лестницу, где с открытым ртом, вытаращив глаза, застыла Силия, вышла сестра.

— Что это с мамой?

— Тише, милая, твой отец... твой отец взошел на небеса.

— Папочка? Папочка умер и отправился на небо?

— Да, теперь ты должна быть хорошей девочкой. Помни, тебе надо быть матери утешением. — Сестра скрылась в комнате Мириам.

Онемев, Силия побрела в сад. Прошло немало времени, пока она поняла все, что сказала ей сестра. Папочка. Папочки больше нет — мертв.

Мир ее в одно мгновение рухнул.

Папочка... а все казалось таким же, как обычно. Она поехала. Это как если бы Стрелец — все вроде бы в порядке, и вдруг является он... Она оглядела сад, ясень, тропинки — все словно бы прежнее и, однако же, какое-то другое. Все может измениться — всякое случиться может.

Папочка теперь на небесах. Он счастлив?

О, папочка...

Силия заплакала.

Она вошла в дом. Бабушка была там — сидела в столовой, жалюзи были спущены. Бабушка писала письма. Иногда по щеке у нее скатывалась слеза, и она прикладывала носовой платок.

— Моя бедная малышка пришла? — сказала она, увидев Силию. — Ну, ну, не надо, милая, не надо себя терзать, на все воля Божья.

— Почему жалюзи опущены? — спросила Силия.

Ей не нравилось, когда жалюзи были опущены — дом от этого становился темным и странным, как бы совсем другим.

— Это в знак уважения,— ответила бабушка.

Она принялась рыться в кармане и извлекла оттуда ягодку черной смородины и мармеладку — уж она-то знала, что любит Силия.

Силия взяла, поблагодарила. Но есть не стала. Она чувствовала, что не сможет проглотить ни кусочка.

Так и сидела она, зажав угощение в ладошке, и следила за бабушкой.

А бабушка писала и писала — письмо за письмом — на листах бумаги с черной каймой.

5

Два дня мать Силии была очень больна. До Силии долетали отдельные фразы из того, что сестра, вся в накрахмаленном, шепотом сообщала бабушке:

— Долгое напряжение... отказывалась поверить... тем страшнее потом шок... нужна встряска.

Силии сказали, что она может пойти проведать мамочку.

Шторы в комнате опущены. Мать лежала на боку, каштановые с серебряными нитями волосы разметались по подушке. Глаза были такие странные, очень блестели и смотрели в упор на что-то — что-то там, за Силией.

— Вот и малышка ваша любимая,— сказала сестра высоким противным голосом, в котором звучало: «Я знаю, что для вас лучше».

Мамочка улыбнулась Силии... но не настоящей улыбкой, не такой, какой она всегда улыбалась. Сестра заранее провела с Силией беседу. И бабушка тоже.

Силия засюсюкала вымученным голосом послушной девочки:

— Мамочка, дорогая, папочке хорошо, он в раю. Ты же не захочешь звать его назад.

Мать вдруг расхохоталась.

— О да, захочу, еще как захочу! Если б я могла его вызвать, я бы звала его и звала все время — днем и ночью. Джон, Джон, вернись ко мне!

Она приподнялась на кровати, опираясь на локоть, лицо ее было диким и прекрасным, но чужим.

Сестра поспешила выпроводить Силию из комнаты. Силия слышала, как она прошла назад к постели, и сказала:

— Вы должны жить ради ваших детей, помните это, дорогая.

И услышала, как мать отозвалась незнакомым покорным голосом:

— Да, я должна жить ради детей. Вы могли и не говорить мне этого. Я знаю.

Силия сошла в гостиную и направилась туда, где висели на стене два цветных эстампа. Один назывался «Горящая мать», другой — «Счастливый отец». Об этом, втором, Силия не была высокого мнения. Женоподобный мужчина на этом эстампе никак не походил на то, как, с точки зрения Силии, должен выглядеть отец — счастливый или какой-то другой. А вот обезумевшая от горя женщина, с разметанными волосами, обхватившая детей,— да, вот так выглядела мамочка. Горящая мать. Силия кивнула с чувством странного удовлетворения.

Теперь то и дело что-нибудь происходило,— а иногда очень даже интересное,— как тогда, например, когда бабушка взяла ее с собой покупать траурные платья.

Силия ничего не могла с собой поделать: ей ужасно понравились эти черные одеяния. Траур! Она в трауре! Звучит очень солидно и по-взрослому. Она представляла, как все на улице на нее смотрят: «Видите ту девочку всю в черном?» — «Да, у нее только что умер отец». — «О Господи, какое горе. Бедная девочка». А Силия шла в это время с печально склоненной головой. Ей было немножко стыдно за такие мысли, но что она могла поделать, если ощущала себя интересной и романтической особой.

Приехал Сирил. Он стал совсем взрослым, но с голосом у него то и дело происходило что-то странное, и тогда он заливался краской. Держался он грубовато и чувствовал себя не в своей тарелке. Иной раз в глазах его блеснули слезы, но стоило кому-нибудь заметить это, как он приходил в ярость. Он застал Силию, когда та вертелась перед зеркалом в новом платье, и не стал скрывать презрения.

— О чем еще может думать такая малявка. О новом наряде. Ну, видно, ты совсем еще дитя, раз не понимаешь, что произошло.

Силия редела и думала, до чего же он злой.

Матери Сирил избегал. Он больше был с бабушкой. При ней он играл роль единственного мужчины в семье, и бабушка его всячески в этом поощряла. Она советовалась с Сирилом насчет писем, которые писала, спрашивала его мнение о самом разном.

Силии не разрешили пойти на похороны, что она со-

чала очень несправедливым. Бабушка тоже не пошла. Хотил Сирил с матерью.

Мать впервые вышла из своей комнаты утром в день похорон. В своей вдовьей шляпке — маленькой и довольно милой — она казалась Силии чужой — и... и... да, совсем беспомощной.

Сирил держался как настоящий мужчина и заступник.

Бабушка сказала:

— Тут у меня несколько белых гвоздик, Мириам. Я подумала, что, может, тебе захочется положить их на гроб, когда его будут опускать.

Но Мириам покачала головой и сказала тихо:

— Нет, лучше я ничего такого делать не буду.

После похорон подняли жалюзи, и жизнь пошла своим чередом.

6

Силия задавалась вопросом, так ли уж бабушка любит маму и так ли уж мама любит бабушку. Она не вполне понимала, отчего подобные мысли пришли ей в голову.

Она очень переживала за мать. Мать ходила как тень, все больше молчала.

А бабушка почти весь день занималась тем, что получала и читала письма. Она то и дело говорит:

— Мириам, тебе, безусловно, это будет интересно. Мистер Пайк так прочувственно пишет о Джоне.

Но в ответ мать морщится как от боли и просит:

— Будь добра, не надо, не сейчас.

И бабушка чуть поднимает брови в удивлении и откладывает письмо, сухо бросив:

— Как угодно.

Но вот приходит новая почта, и история повторяется.

— Мистер Кларк — добрейший человек, — сообщает бабушка, шмыгая носом. — Мириам, послушай это обязательно. Тебе станет легче. Он так красиво говорит, что наши умершие навеки остаются с нами.

И вырванная из своего безмолвия Мириам восклицает:

— Нет! Нет!

После этого внезапного вскрика Силия и решила, что она знает, что испытывает мать. Мать хотела, чтобы ее оставили в покое.

Однажды пришло письмо с иностранной маркой... Мириам разорвала конверт и села читать — четыре листа,

исписанных изящным убористым почерком. Бабушка не сводила с нее глаз.

— От Луизы? — полюбопытствовала она.

— Да.

Наступило молчание. Бабушка не сводила с письма жадного взгляда.

— Что она пишет? — наконец не выдержала бабушка.

Мириам неторопливо складывала письмо.

— Я не думаю, что оно предназначено для кого-либо еще кроме меня,— спокойно отозвалась мать.— Луиза все понимает.

На этот раз брови бабушки взвились до самой кромки волос.

Через несколько дней мать с кузиной Лотти уехала, чтоб переменить обстановку. Месяц Силия прожила у бабушки.

А потом Мириам вернулась, и они с Силией поехали домой.

И жизнь началась опять — новая жизнь. Силия с матерью одни в большом доме с садом.

Глава 5

Мать и дочь

1

Мать объяснила Силии, что многое теперь будет по-другому. Когда папа был жив, они считали себя сравнительно богатыми. Но теперь, после его смерти, адвокаты обнаружили, что денег он оставил очень мало.

— Придется нам жить очень, очень скромно. Дом, видимо, надо продать и снять где-нибудь коттеджик.

— Ой, нет, мама, не надо.

Мириам улыбнулась: дочь просила с такой горячностью.

— Ты так любишь его?

— Да, очень.

Силия произнесла это очень серьезно. Продать Дом? Она этого не вынесет.

— И Сирил говорит то же самое... Не знаю, право, разумно ли я поступаю... Значит, придется считать каждый пенс...

— Ну, пожалуйста, мамочка. Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста.

— Очень хорошо, родная. В конце концов, это счастливый дом.

Да, дом был счастливый. Через много лет, оглядываясь на прошлое, Силия поняла правоту этих слов. В доме была какая-то особая атмосфера. Атмосфера счастья и счастливо прожитых лет.

Произошли, конечно, кое-какие перемены. Жанна вернулась во Францию. Садовник стал приходить только два раза в неделю и лишь затем, чтобы присматривать за садом, а оранжерея потихоньку приходила в упадок. Ушли горничная и Сьюзен. Зато Раунси, не проявляя чувств, стоически решила остаться.

Мать убеждала ее:

— Вы же понимаете, что работы прибавится. Я могу себе позволить только одну служанку, и некому будет ни обувью заняться, ни ножи точить.

— Я вполне, мэм, готова. Начинать все по новой мне не хочется. Привыкла я тут на своей кухне, тут меня вполне устраивает.

О преданности или привязанности — ни словечка. Даже нарек на что-либо подобное смутил бы Раунси необычайно.

И Раунси осталась, платить ей стали меньше, и, как Силии стало ясно уже потом, Мириам с ней приходилось иной раз куда сложнее, чем было бы без нее. Ибо Раунси выучку прошла в старой школе и мелочиться не привыкла. Для нее кулинарные рецепты начинались так: «...взять пинту густых сливок и дюжину свежих яиц...» Готовить простую пищу и не тратить лишних продуктов — такое воображению Раунси было недоступно. Как и раньше, она выпекала слугам к чаю целые противни печенья, а черствые буханки хлеба вываливала на корм свиньям. Она испытывала что-то вроде гордости, заказывая продукты в солидных лавках и в изобилии. Ведь это делает честь Дому. И сильно переживала, когда Мириам лишила ее этой обязанности.

Убираться и подавать на стол стала пожилая женщина по имени Грегг. Грегг обслуживала у Мириам гостей в первые годы ее замужества.

— Как завидела ваше объявление в газете, мэм, тут же уволилась и скорее сюда. Нигде мне не было так хорошо, как у вас тут.

— Теперь все будет по-другому, Грегг.

Но Грегг твердо решила поступить к ним. Обслуживать гостей она была мастерица, но случая явить свои таланты

ей не представлялось. Не было больше званых ужинов. В комнатах же она убиралась на скорую руку: паутину не замечала и снисходительно мирилась с пылью.

Она развлекала Силию нескончаемыми рассказами о былом великолепии:

— Двадцать четыре человека усадят, бывало, за стол к ужину твои папаша с мамашей. Два супа, два рыбных блюда, потом четыре вида закусок, мясное — сорбе, так оно называется, два сладких, салат из омаров и мороженный пудинг!

«То-то было времечко», — словно говорила Грегг, когда нехотя приносила к столу макароны *au gratin*¹ — весь ужин Мириам и Силии.

У Мириам пробудился интерес к саду. В садоводстве она ничего не понимала и даже не хотела забивать себе этим голову. Она просто экспериментировала, и опыты ее увенчивались фантастическим и абсолютно не заслуженным успехом. Рассаду и луковицы она сажала в неподходящее время года и не на ту глубину, семена разбрасывала как попало. Но все, к чему бы она ни прикасалась, росло и процветало.

— Легкая у твоей мамы рука, — признавал старик Эш упрямо.

Старик Эш был приходящим садовником, который работал у них два раза в неделю. Он-то в садоводстве знал толк, но, на беду, его природа наделила тяжелой рукой. Что он ни посадит — сохнет на корню. Не везло ему и в стрижке кустов, и то, что не погибало, как он говаривал, от сырости, погибало, по его же выражению, от ранних заморозков. Он давал Мириам советы, но та его не слушала.

Он ужасно хотел разбить на склоне лужайки перед домом «хорошенькие клумбочки полумесяцами и ромбиками и высадить хорошенькие цветочки». И был раздосадован, когда Мириам с возмущением отклонила его предложение. Зеленый простор нераспаханного луга ей больше по душе, сказала она, а он в ответ заявил: «Ну, с грядками-то больше походит на усадьбу. С этим-то вы спорить не станете».

Силия и Мириам подбирали цветы, чтобы поставить в доме, стараясь перещеголять друг друга. Они делали боль-

¹ С тертым сыром или мясом, или в сухарях (фр.).

шие высокие букеты из белых цветов: стелющегося жасмина, душистой сирени, белых флоксов, левкоев. Потом у Мириам появилась страсть к маленьким букетикам из экзотических цветов — гелиотропов и пахучих, с плоскими чашечками, алых роз.

Всю жизнь аромат старомодных алых роз напоминал Силии о матери.

Силию брала досада: как она ни старалась, подбирая цветы, букеты ее не шли ни в какое сравнение с теми, что делала мать. Составляя букет, Мириам подбирала цветы с какой-то буйной грацией. Ее композиции отличала самобытность — они никак не походили на те, что в ту пору принято было делать.

Занятия с Силией были лишены какой-либо системы, Мириам велела дочери арифметикой заниматься самостоятельно. Сама Мириам в этом не была сильна. И Силия трудилась на редкость добросовестно, прорабатывая коричневую книжечку, по которой начала заниматься еще с отцом.

Однако она то и дело увязала в сомнениях, не уверенная, каким должен быть ответ в задачке — в овцах или в людях. Когда стали оклеивать комнаты обоями, это настолько заворожило ее, что она вообще забросила арифметику.

Насчет образования у Мириам были свои теории. Учительницей она была превосходной, хорошо объясняла и способна была пробудить интерес к любой теме.

Мириам обожала историю, и под ее началом Силия прошла по знаменательным событиям в биографиях великих мира сего. История Англии — шаг за шагом — было для Мириам делом скучным, а вот Елизавета¹, император Карл Пятый², Франциск Первый³ во Франции, Петр Великий — все они словно живые представляли перед Силией. Оживало величие Рима. Погибал Карфаген⁴. Великий Петр рвался вытащить Россию из варварства.

¹ Елизавета — английская королева из династии Тюдоров Елизавета Первая (1533—1603); царствовала с 1558 года.

² Карл Пятый Габсбург (1500—1558) — король Испании с 1515 года, император Священной Римской империи с 1519 года.

³ Франциск Первый (1515—1547) — французский король, который вел многолетнюю войну с Карлом Пятым.

⁴ Карфаген — древний город и государство в Северной Африке на берегу Средиземного моря. Был основан в IX веке до н.э. финикийцами и во II веке до н.э. разрушен в результате трех так называемых Пунических войн с Римом.

Силия любила, когда ей читали вслух, и Мириам подбирала книги в зависимости от того, какой период истории они изучали. Читая вслух, она без зазрения совести пропускала целые страницы: на что-либо скучное терпения у нее решительно не хватало. Географию она увязывала с историей. Никаких других уроков не было, если не считать отчаянных попыток Мириам как-то улучшить правописание Силии, которое для девочки ее возраста было просто позорным.

Обучать Силию играть на фортепьяно взяли немку, и Силия тут же выказала музыкальную одаренность и занималась с удовольствием, разучивая гаммы куда дольше, чем того требовала фрейлейн.

Маргарет Маккра, что жила по соседству, уехала, но раз в неделю на чай приезжали Мейтленды — Элли и Джейнет. Элли была старше Силии, Джейнет — младше. Они играли в «краски» и в «бабушкину лестницу» и основали тайное общество с названием «Плющ». После того как придуманы были пароли, изобретено особое руководство и написаны письма невидимыми чернилами, общество «Плющ» несколько захирело.

И еще были маленькие Пайны.

Гнусавые толстушки, младше Силии. Дороти и Мейбл. Единственным, что занимало их в жизни, была еда. Они вечно переедали, и перед уходом их тошнило. Иногда Силия ходила к ним обедать. Мистер Пайн был тучным мужчиной с красной физиономией, его жена — высокой, костлявой, с чудной сомоляной челкой. Они были очень друг к другу привязаны и тоже любили поесть.

— Персивал, очень вкусная баранина, и вправду очень вкусная.

— Еще кусочек, дорогуша. Дороти, еще кусочек?

— Спасибо, папочка.

— Мейбл?

— Нет, папочка, спасибо.

— Ну, что такое? Баранина очень вкусная.

— Надо похвалить Джайлса, дорогой. (Джайлсом звали мясника.)

Ни Пайны, ни Мейтленды не оставили в жизни Силии особого следа. По-прежнему самыми интересными были для нее те игры, в которые она играла одна.

Как только Силия стала прилично играть на фортепьяно, она долгие часы проводила в классной комнате, перебирая старые, обтрепанные и пыльные кипы нот и читая

их. Старые песни: «Вниз по долу», «Песня о сне», «Мы со скрипкой». Она пела их, голос ее взмывал ввысь и звенел как колокольчик.

Она очень гордилась своим голосом.

Маленькой девочкой она заявила, что выйдет замуж за герцога. Няня не возражала против такого намерения, но только при условии, что Силия научится быстрее съедать свой ужин.

— Потому что, лапочка, в благородных домах дворецкий заберет твою тарелку еще до того, как ты успеешь все съесть.

— Заберет?

— Да, в благородных домах приходит дворецкий и забирает тарелки — все равно, поели люди или нет.

После чего Силия наспех проглатывала еду и начинала готовиться к жизни герцогини.

Теперь она впервые поколебалась в своем намерении. Может, она все-таки и не выйдет замуж за герцога. Нет, она станет примадонной — такой, как Мельба¹.

По-прежнему большую часть времени Силия проводила одна. Хотя к ней приходили на чай Мейтленды и Пайны, они казались ей менее всамделишными, чем ее «девочки».

А «девочек» Силия создала в своем воображении. Она знала о них все: как они выглядят, во что одеваются, что чувствуют и что думают.

Первой была Этельред Смит — высокая и очень смутлая и очень-очень умная. К тому же прекрасно умела играть. Она вообще все умела. У нее была «фигура», и она умела одеваться — носила полосатые блузки. У Этель было все, чего не было у Силии. Она олицетворяла собою идеал Силии. Потом была Энни Браун. Лучшая подруга Этель. Белокурая, нерешительная и «хрупкая». Этель помогала ей готовить уроки, а Энни во всем слушалась Этель и восхищалась ею. Следующей появилась Изабелла Салливен, с рыжими волосами и карими глазами, красивая. Была она богатой, гордой и противной. Всегда была уверена, что обиграет Этель в крокет, но Силия делала так, чтобы этого не случилось, хотя порою чувствовала себя преме́рзко, когда намеренно заставляла Изабеллу пропускать шары.

¹ Мельба, дейм Нелли (псевдоним Хелен Портер Митчелл) (1861—1931) — знаменитая австралийская оперная певица, сопрано.

Элли Грин была ее кузиной — бедной родственницей. Она была темнокудрая, голубоглазая и очень веселая.

Элла Грейвс и Сью де Вит были намного младше, им было по семь лет. Элла была очень серьезной и очень прилежной, волосы у нее были каштановые и густые, а лицо — самое обыкновенное. Она то и дело получала призы за арифметику, потому что занималась старательно. А Сью была очень светленькая — Силии все не удавалось установить, как та выглядит и какой у нее характер. Вера де Вит, сводная сестра Сью, была самой романтической в школе. Ей было четырнадцать лет. У нее были волосы цвета соломы и глаза цвета незабудок. Ее прошлое было окутано тайной — лишь в конце Силия узнала, что при рождении ее подменили и что на самом-то деле она была леди Верой, дочерью одного из самых знатных аристократов в государстве. Была там и новенькая девочка — Лина, и больше всего Силии нравилось играть в то, как Лина приходит в школу.

Мириам смутно догадывалась о существовании «девочек», но никогда ничего не спрашивала, и Силия была ей за это очень благодарна. В сырую погоду «девочки» устраивали концерт в классной, каждая должна была исполнить что-то свое. Силию разбирала досада от того, что, когда она играла за Этель и хотела сыграть особенно хорошо, пальчики ее путались, а когда играла за Изабеллу, которой давали самые трудные пьески, все шло как по маслу. «Девочки» играли также и в кривбидж, и опять Изабелле везло, что раздражало Силию.

Когда Силия приезжала погостить к бабушке, та порой водила ее на спектакль в Музыкальную комедию. Они ехали до станции на извозчике, дальше поездом до вокзала Виктория и потом на обед — в Офицерский универмаг, до которого тоже добирались на извозчике; в этом магазине, в продовольственном отделе, бабушка совершала множество покупок по длинному списку, и ее всегда обслуживал один и тот же старичок. Потом они поднимались в ресторан и обедали, заказывая напоследок «маленькую чашечку кофе, но в большой чашке», чтобы можно было долить побольше молока. А потом шли в кондитерский отдел и покупали полфунта шоколадных конфет с кофейной начинкой и уж тогда садились на извозчика и ехали в театр, и бабушке все это доставляло ничуть не меньшую радость, чем Силии.

Часто после спектакля бабушка покупала Силии парти-

туру. Это открывало для «девочек» новые широкие возможности. Теперь они становились звездами музыкальной комедии. У Изабеллы и Веры было сопрано, голос Изабеллы звучал сильнее, зато у Веры — мелодичнее. У Этель было великолепное контральто, у Элси — тоненький прелестный голосок. Энни, Элле и Сью доставались небольшие роли, но у Сью постепенно развился голос, и ей стали давать партии субреток². «Сельская девушка» была любимым мюзиклом Силии. «Под кедрами гималайскими» казалась ей самой прекрасной арией на свете. Она пела ее и пела — до хрипоты в голосе. Вере досталась роль принцессы, поскольку она могла ее спеть, а роль героини — Изабелле. «Сингали» была другой любимой опереттой, потому что в ней была хорошая партия для Этель.

Мириам, страдавшая головными болями, — а спальня ее находилась как раз под той комнатой, где стоял рояль, — в конце концов запретила Силии играть больше трех часов подряд.

2

Сбылась детская мечта Силии. У нее появилось платье с плиссированной юбочкой, и она стала оставаться после занятий специально для «танцев с юбочкой».

Теперь она вошла в круг избранных. Не надо будет больше танцевать с Дороти Пайн, у которой было всего-навсего обыкновенное белое платье, в таких ходят в гости. Девочки в платьях с плиссированными юбочками танцевали только друг с другом — если, конечно, им не хотелось проявить «доброту». Силию поставили в пару с Джейнет Мейтланд. Джейнет танцевала прекрасно. Они сговорились всегда танцевать вальс вместе. Стояли они вместе и на выходе, но тут их иногда разлучали, поскольку Силия была на полторы головы выше Джейнет, а мисс Макинтош нравилось, чтобы пары выглядели симметрично. Поскольку было модно танцевать с малышкой, старшие девочки выбирали себе малюток. Шесть девочек оставались для «танцев с юбочкой». Силии было очень горько оттого, что ее ставили во второй ряд. Ладно Джейнет — тут Силия не возражала, потому что Джейнет танцевала лучше всех, но Дафна танцевала скверно и ноги у нее часто заплетались. Силия считала, что так нечестно, но ей и в голову не при-

¹ Субретка — в старинных комедиях и водевилях веселая плутоватая горничная, обычно поверенная своей госпожи.

шло, что мисс Макинтош так делает лишь потому, что в первый ряд ставили девочек ростом пониже, а более высоких во второй.

Мириам волновалась, как и Силия, решая, какого цвета сделать плиссированную юбочку. Они долго и горячо обсуждали это, не упуская из виду того, во что будут одеты другие девочки, и в конце концов выбрали цвет пламени. Больше ни у кого такого платья не было. Силия пришла в восторг.

С тех пор как умер муж, Мириам редко выезжала и редко принимала гостей. Она поддерживала связь только с теми, у кого дети были возраста Силии, да еще с несколькими старыми друзьями. Однако та легкость, с какою она оказалась «вне круга», ее немножко огорчала. Вот что значит деньги! Где все те люди, которые не могли нахвалиться ею и Джоном! Теперь они едва вспоминают об ее существовании. О себе она не очень беспокоилась — она была всегда застенчива и только ради Джона становилась общительной. Он любил, чтобы в доме бывали гости, любил выезжать. Он даже и не догадывался, что Мириам этого терпеть не могла, — так хорошо исполняла она свою роль. Теперь она от этого избавлена, но ей было обидно за Силию. Когда девочка подрастет, ей нужно будет общество.

Вечера, которые они проводили вместе, были самой счастливой порой и для матери, и для дочери. Ужинали они рано, в семь часов, а потом шли наверх, в классную, и Силия вышивала, а мать ей читала. Чтение вслух нагоняло сон на Мириам. Голос ее делался странным и хриплым, она начинала клевать носом.

— Мамочка, — с неодобрением говорила Силия, — ты сейчас уснешь.

— Нет, нет, — возмущалась в ответ Мириам. Она сидела в кресле очень прямо и страницы две-три читала ясно и отчетливо. Потом вдруг говорила: — По-моему, ты права. — И, захлопнув книгу, мгновенно засыпала.

Спала она минуты три. Потом просыпалась и с новой энергией принималась за чтение.

Иногда Мириам вместо чтения рассказывала истории из собственной жизни. О том, как она, дальняя родственница, приехала жить к двоюродной бабушке.

— Мама моя умерла, и после ее смерти денег не осталось, а бабушка была очень добра и предложила меня удочерить.

Она, пожалуй, немного суховато отзывалась о доброте бабушки — сухость эта была не в словах, а в тоне. За этим таилось воспоминание об одиночестве, которое выпало в детстве, тоска по родной матери. А потом она заболела и вызвали врача, который сказал: «Ребенка что-то мучает». — «Ну нет, — решительно возразила бабушка, — она вполне счастливая и веселая крошка». Врач ничего не сказал, но, когда бабушка вышла из комнаты, подсел на кроватку и стал говорить с Мириам тепло и доверительно: она вдруг не выдержала и призналась, что ночами подолгу плачет, лежа в постели.

Бабушка очень удивилась, когда врач рассказал ей об этом.

— Но она ничего мне не говорила.

И после этого стало лучше. Стоило только выговориться, и боль прошла.

— А потом появился твой отец. — Голос Мириам потеплел. — Он всегда был очень добр ко мне.

— Расскажи о папочке.

— Он был взрослым — восемнадцати лет. Домой приезжал не особенно часто. Отчим ему не слишком нравился.

— А ты сразу его полюбила?

— Да, с первого взгляда. Я выросла, его любя... Я и не мечтала, что он когда-нибудь подумает обо мне.

— Правда?

— Конечно. Видишь ли, его всегда окружали элегантные взрослые барышни, был он великим сердцеедом и считался к тому же очень хорошей партией. Я всегда думала, что он женится на ком-нибудь другом. Когда он приезжал, он был добр ко мне — дарил цветы, конфеты, брошки. Я была для него просто «крошкой Мириам». Моя преданность, думаю, ему нравилась. Он как-то сказал мне, что пожилая дама, мать одного из его друзей, заметила как-то: «Пожалуй, Джон, вы женитесь на своей маленькой кузине». А он со смехом ответил: «На Мириам? Да она же совсем дитя». Он был влюблен тогда в очень красивую девушку. Но по каким-то причинам ничего из этого не получилось... Я была единственной, кому он предложил выйти за него замуж... Помню... я представляла себе обычно, что, если он на ком-нибудь женится, я лягу на диван, буду лежать и чахнуть, и никто не узнает, что со мной! Я просто потихоньку угасну! В юности такие романтические мысли всегда приходили мне в голову — безнадежная любовь... и угасание на диване. Я умру, и никто не поймет,

отчего, пока не найдут пачку его писем, перевязанных голубой ленточкой, с вложенными туда засушенными незабудками. Все это очень глупо... но не знаю сама почему... это помогало... когда так все себе представляешь...

Помню день, когда твой отец вдруг сказал: «Какие красивые глаза у малышки». Я была потрясена. Я всегда считала себя невзрачной. Забралась на стул и долго смотрелась в зеркало: хотела увидеть, почему он так сказал. В конце концов решила, что, пожалуй, глаза у меня и в самом деле красивые...

— А когда папочка предложил тебе выйти за него?

— Мне было двадцать два года. Он не был дома целый год. Я послала ему на Рождество открытку и стихотворение, которое для него сочинила. Он хранил стихотворение в своем бумажнике. Там оно и лежало, когда он умер.. Трудно передать, как я удивилась, когда он сделал мне предложение. Я отказала.

— Ну, почему, мамочка, почему?

— Сложно объяснить. Я была очень неуверенной в себе — так меня воспитали. Переживала из-за того, что была коренастой, а не высокой и стройной. Может быть, я считала, что, как только мы поженимся, он во мне сразу же разочаруется. О себе у меня было очень скромное мнение.

— И тогда дядя Том... — подсказала Силия, которая эту часть истории знала почти так же хорошо, как Мириам.

Мать улыбнулась.

— Да, дядя Том. Мы были в Сассексе¹ в то время с дядей Томом. Он был стареньким, но очень мудрым, очень добрым. Я, помню, играла на рояле, а он сидел у камина. Он говорит: «Мириам, Джон просил твоей руки, не так ли? И ты ему отказала?» Я сказала: «Да». — «Но ты ведь любишь его, Мириам?» Я опять говорю: «Да». — «В следующий раз не отказывай», — сказал он. — Он предложит еще раз, но в третий раз просить уже не станет. Он хороший человек, Мириам. Не разбрасывайся своим счастьем».

— И он попросил твоей руки, и ты согласилась.

Мириам кивнула.

В глазах ее засияли звездочки, хорошо знакомые Силии.

— Расскажи, как вы переехали сюда жить.

Еще одна хорошо знакомая мамина история.

¹ Сассекс — графство на юго-востоке Англии на побережье пролива Ла-Манш

Мириам улыбнулась.

— Мы здесь жили на квартире. У нас было две малютки — твоя сестричка Джой, которая умерла, и Сирил. Отцу твоему надо было ехать по делам в Индию. Взять меня с собой он не мог. Мы решили, что место это очень приятное и мы снимем тут дом на год. Я ходила с бабушкой подыскивать нам дом.

Когда твой отец приехал домой обедать, я ему и говорю: «Джон, я дом купила». Он сказал: «Что?» Вмешалась бабушка: «Все в порядке, Джон, это хорошее вложение капитала». Видишь ли, бабушкин муж, отчим твоего отца, оставил мне в наследство немного денег. Единственный дом, который мне понравился, когда я его увидела, был этот самый. Он был такой мирный... такой счастливый. Но старушка, хозяйка дома, сдавать его отказалась — она согласна была только продать. Она была квакерша¹ — очень ласковая и кроткая. Я спросила бабушку: «Купить мне его — на свои деньги?»

Бабушка была моим опекуном. Она ответила: «Собственный дом — это надежное помещение капитала. Покупай».

Старенькая квакерша была такой доброй. Она сказала: «Представляю себе тебя здесь, моя милая, очень счастливой. Тебя и твоего супруга и твоих детей». Это было вроде благословения.

Это так в характере матери — неожиданность, быстрое принятие решения.

Силия спросила:

— Я здесь родилась?

— Да.

— О, мамочка, никогда не будем его продавать...

Мириам вздохнула.

— Не знаю, правильно ли я поступаю... Но он тебе так нравится... И может, он будет для тебя... всегда... чем-то таким... куда ты будешь возвращаться.

3

Приехала погостить кузина Лотти. Она вышла замуж, имела в Лондоне собственный дом. Но ей нужно было сменить обстановку и побыть на деревенском воздухе — так говорила Мириам.

¹ Квакеры — общества друзей протестантской секты, возникшей в XVII веке и не имеющей духовенства. Отвергает церковные обряды и таинства и проповедует пацифизм.

Кузина Лотти явно была нездорова. Она лежала в постели, и ее ужасно тошнило.

Она говорила, будто что-то съела и у нее разболелся желудок.

— Но теперь-то ей уже должно стать лучше,— настаивала Силия, когда прошла неделя, а кузину Лотти по-прежнему тошнило.

Когда болит желудок, примешь касторки, полежишь в постели — и на следующий день или через день тебе лучше.

Мириам смотрела на Силию с непонятым выражением. Наполовину виноватый, наполовину смеющийся — такой был у нее взгляд.

— Родная, я думаю, лучше тебе все сказать. Кузину Лотти тошнит потому, что у нее будет ребенок.

Никогда в жизни Силия так не удивлялась. Со времен спора с Маргрит Пристмен она ни разу не задавалась вопросом, откуда берутся младенцы.

— Но почему от этого тошнит? Когда он тут будет? Завтра?

Мама рассмеялась.

— Нет, только осенью.

Она много чего рассказывала Силии — о том, сколько времени требуется, чтобы появился ребеночек, и немножко о том, какой это процесс. Силия просто диву давалась — это было самое необыкновенное из всего, что она когда-либо слышала.

— Только не говори об этом при кузине Лотти. Маленьким девочкам вообще-то не положено об этом знать.

На другой день Силия явилась к матери возбужденная.

— Мамочка, мамочка, я видела такой занятный сон. Мне приснилось, что бабушка ждет ребенка. Ты думаешь сон сбудется? Давай мы ей напишем и спросим.

Силию очень удивило, когда мать в ответ рассмеялась.

— Сны ведь правда сбываются,— напомнила она маме с укоризной.— Так говорится в Библии.

4

Возбуждение по поводу младенца кузины Лотти продолжалось у Силии неделю. В душе она по-прежнему надеялась, что младенец появится не осенью, а прямо сейчас. В конце концов мама может ведь ошибаться.

Потом кузина Лотти уехала обратно в город, и Силия обо всем позабыла. Для нее стало великой неожиданностью, когда осенью она гостила у бабушки и вдруг в сад вышла старая Сэра и возвестила:

— Твоя кузина Лотти произвела на свет мальчонку. Ну, разве не славно!

Силия бросилась в дом, где сидела бабушка с телеграммой в руках и беседовала с миссис Макинтош, своей закадычной подругой.

— Бабушка, бабушка,— кричала Силия,— правда, что у кузины Лотти малыш? Какой величины?

Бабушка не раздумывая показала величину малыша на своей вязальной спице — она как раз вязала носки.

— Такой малюсенький? — Это казалось неправдоподобным.

— Моя сестренка Джейн родилась такой крохотной, что умещалась в мыльнице,— сказала бабушка.

— В мыльнице, бабушка?

— Никто не думал, что выживет,— не без удовольствия добавила бабушка и, понизив голос, обращаясь к миссис Макинтош, уточнила: — Пятимесячная.

Силия молчала, пытаясь представить в своем воображении такого крохотного младенчика.

— А из-под какого мыла? — через минуту спросила она, но бабушке было не до Силии. Она шушукалась с миссис Макинтош.

— Врачи по-разному говорили про Шарлотту. Пусть рождает, сказал женский врач. Сорок восемь часов... пу-повина... прямо вокруг шейки...

Бабушка говорила все тише и тише. Потом быстро взглянула на Силию и умолкла.

Что за странная у бабушки манера рассказывать! То, о чем она рассказывала, становилось от этого еще непонятней и увлекательнее... К тому же она порой так странно на тебя поглядывает. Как если бы у нее еще много есть такого, о чем она могла бы тебе рассказать, если б захотела.

5

В пятнадцать лет Силия опять стала набожной. Религия на этот раз была другая — англиканская, ортодоксальная. Ее причастили, слушала она и проповедь епископа Лондонского. И тут же почувствовала романтическую

преданность ему. У себя на камине она поставила открытку с его изображением; листая газеты, искала его имя. Она сочиняла длинные истории про то, как работала в приходах Ист-Энда¹, ухаживала за больными, и он однажды заметил ее, и они поженились и стали жить в Фулеме², во дворце. В другой истории она становилась монашенкой — как она выяснила, бывают монашенки и не католические, — и вела она жизнь великой праведницы, и были ей видения.

После конфирмации³ Силия читала уйму всяких книжечек и каждое воскресенье ходила в церковь. Ее огорчало, что мать с нею не ходит. Мириам бывала в церкви только на Троицу⁴. Троицын день она считала самым большим праздником христианской церкви.

— Святой дух Божий, — говорила она. — Вдумайся в это, Силия. Вот в чем чудо, тайна и красота Божья. В молитвенниках об этом сказано мало, и священники почти об этом не говорят. Не решаются, так как не знают наверняка, что это такое. Дух Святой.

Мириам поклонялась Святому Духу. Силии от этого было как-то неуютно. Церкви Мириам не особо любила. В одних, говорила она, святости больше, чем в других. Все зависит от тех, кто ходит туда молиться, говорила она.

Силию, которая твердо решила быть правоверной, это огорчало. Ей не нравилось, что мама не правоверная. Было в Мириам что-то таинственное, например — дар представлять невидимое. Это было под стать ее обезоруживающей привычке угадывать чужие мысли.

Понемногу Силия забыла о своей мечте сделаться женой епископа Лондонского. Она все больше и больше подумывала о том, чтобы стать монахиней.

Наконец она решила, что пора сообщить об этом матери. Девочка боялась, что мать, наверное, расстроится. Но Мириам восприняла известие весьма спокойно.

— Я поняла, дорогая.

¹ Ист-Энд — большой промышленный и портовый район к востоку от лондонского Сити, где живет преимущественно рабочий люд.

² Фулем — Фулемский дворец, официальная резиденция епископа Лондонского на южном берегу Темзы.

³ Конфирмация — у протестантов обряд подтверждения крещения, совершаемый над подростками перед первым причастием.

⁴ Троица — Троицын день, один из главных христианских праздников, восьмое воскресенье после Пасхи.

— Ты не против, мамочка?

— Нет, дорогая. Если, когда тебе исполнится двадцать один, ты не расхочешь стать монахиней, конечно, ты ею станешь...

Наверное, думала Силия, придется перейти в римско-католическую веру. Монашенки-католички казались более вразумительными. Мириам сказала, что считает римско-католическую веру прекрасной.

— Мы с отцом твоим однажды чуть не стали католиками. Чуть-чуть не стали.— Она вдруг заулыбалась.— Я едва его не втянула. Отец твой был хорошим человеком — простодушный как дитя — и совершенно в своей вере счастлив. Это я вечно открывала новые учения и убеждала его ими заняться. Я думала, что это очень важно — какой ты вере принадлежишь.

«Конечно, важно»,— подумала Силия. Но ничего не сказала, потому что стоило ей сказать, как мать начала бы про Святого Духа, а насчет Святого Духа Силия не слишком разбиралась. Про Святого Духа в книжечках совсем немного написано. Она раздумывала о том, как станет монашенкой и будет молиться у себя в келье...

6

Вскоре после этого разговора Мириам сказала Силии, что настало время ей собираться в Париж. Подразумевалось, что образование она завершит в Париже. Перспектива эта совершенно захватила Силию.

По истории и литературе подготовку она получила хорошую. Ей позволялось и рекомендовалось читать все, что она пожелает. Она была так же основательно знакома с острыми темами дня. Мириам настоятельно требовала, чтобы девочка читала в газетах те статьи, которые необходимы, как она говорила, для «общей эрудиции». Что касается арифметики, то проблему решили так: дважды в неделю девочка ходила в местную школу, где и занималась этим предметом, к которому у нее всегда было влечение.

О геометрии, латыни, алгебре и грамматике она не имела никакого понятия. Знакомство с географией было поверхностным — оно сводилось к тому, что можно почерпнуть из книг о путешествиях.

В Париже она будет заниматься пением, игрой на рояле, рисованием, живописью и французским.

Мириам выбрала школу рядом с авеню дю Буа, где набрали двенадцать девочек и где делами заправляли две партнерши — англичанка и французенка.

Мириам отправилась с дочерью в Париж и жила там, пока не убедилась, что дочке ее будет хорошо. Через четыре дня на девочку напал приступ сильнейшей тоски. Сначала она не понимала, что с ней такое: комок в горле... слезы наворачиваются на глаза всякий раз, как она думает о маме. Если она надевала блузку, которую сшила ей мать, слезы выступали, стоило ей вспомнить, как мать сидела и шила. На пятый день матери пришлось забрать ее к себе.

Вниз Силия спускалась внешне спокойная, а внутри у нее все бурлило. Не успели они выйти и сесть в экипаж, чтобы ехать в гостиницу, как Силия разрыдалась.

— О, мамочка, мамочка!

— В чем дело, милая? Тебе плохо? Если тебе плохо тут, я тебя увезу.

— Я не хочу, чтобы меня забирали. Мне здесь нравится. Просто мне так хотелось тебя увидеть.

Через полчаса недавнее горе казалось ей уже нереальным, просто сном. Словно морская болезнь. Стоит от нее оправиться, и уже не можешь вспомнить, что испытал. Состояние это больше не повторялось. Силия ждала его, с беспокоеством прислушиваясь к себе. Но нет: она любит мать... боготворит, но при мысли о ней комок к горлу больше не подступает.

К ней подошла одна из девочек, американка Мейзи Пэйн, и мягко, протяжно проговорила:

— Мне сказали, тебе здесь одиноко. Моя мама живет в одной гостинице с твоей. Теперь тебе лучше?

— Да, все прошло. Глупо я себя вела.

— Ну, думаю, вполне нормально.

Этот мягкий протяжный выговор напомнил Силии подругу с Пиренеев — Маргрит Пристмен. Она затрепетала от благодарности к этой высокой черноволосой девушке. И почувствовала еще большую благодарность, когда Мейзи сказала:

— Я видела в гостинице твою маму. Она очень красивая. И даже более того — утонченная.

Силия вспомнила мать и впервые увидела ее как бы со стороны: узкое взволнованное лицо, маленькие ручки и ножки, небольшие изящные уши, тонкий с горбинкой нос.

Ее мама... да разве в целом свете может кто-нибудь сравниться с ее мамой!

Силия пробыла в Париже год. Время она там проводила неплохо. Девочки ей нравились, хотя ни одна не стала настоящим другом. Возможно, мисс Пейн и стала бы, но на Пасху, вскоре после приезда Силии, она уехала. Лучшей ее подружкой была здоровая толстушка Бесси Уэст, которая жила в соседней комнате. Бесси была великой болтушкой, а Силия умела слушать, и у них была общая страсть — объедаться яблоками. Бесси грызла яблоко и плела бесконечные небылицы о своих проделках и рискованных приключениях, рассказы ее неизменно заканчивались словами: «И тут мои волосы рассыпались по плечам».

— Ты мне нравишься, Силия,— однажды сказала она.— Ты разумная.

— Разумная?

— Ты не всегда говоришь о мальчишках и таком прочем. А люди вроде Мэйбл и Памелы действуют мне на нервы. Каждый раз, как я занимаюсь на скрипке, они хихикают с таким видом, будто я влюбилась в старика Франца или он влюбился в меня. Я называю это вульгарным. Я, как и все, люблю подтрунивать над мальчишками, но терпеть не могу эти идиотские хихиканья насчет учителей музыки.

Силия переросла любовь к епископу Лондонскому и сейчас была влюблена в мистера Джеральда дю Морье¹ — с тех самых пор, как увидела его в «Его звали также Джимми Валентайн». Но это была тайная страсть — о ней она никому не рассказывала.

Ей нравилась еще одна девочка, та, которую Бесси обычно называла «слабоумной».

Сибиле Суинтон было девятнадцать; это была крупная девушка с прекрасными карими глазами и гривой каштановых волос, очень приветливая и очень бестолковая. Все ей приходилось объяснять дважды. Великим наказанием для нее был рояль. Она плохо играла по нотам, слуха у нее не было, и она не слышала, когда фальшивила. Силия,

¹ Дю Морье Джеральд (1873—1934) — известный в свое время британский театральный актер и режиссер; по свидетельству современников, игра дю Морье отличалась виртуозной реалистичной точностью, но порой ей не хватало подлинной глубины чувств.

бывало, по целому часу терпеливо сидела с ней рядом, говоря: «Нет, Сибила, до-диз левой рукой не там... теперь ре. О Сибила, ну неужели ты не слышишь?» Но Сибила не слышала. Ее родителям очень хотелось, чтобы она, как другие девушки, играла на рояле, и Сибила не щадила сил, но уроки музыки были для нее кошмаром,— между прочим, как и для учителя они были кошмаром тоже. Мадам Ле-Брэн — одна из двух преподавателей музыки, которые к ним приходили,— была маленькой старушкой с белоснежными волосами и руками, напоминающими кремни. Она подсаживалась к тебе, когда ты играешь, так близко, что правой руке становится не очень удобно. Мадам любила чтение с листа и приносила с собой несколько толстых сборников для игры в четыре руки. Ты играешь попеременно либо в верхних регистрах, либо в нижних, а мадам Ле-Брэн наоборот. Лучше всего было, когда мадам Ле-Брэн вела верхнюю партию. Она настолько уходила в собственное исполнение, что не сразу замечала, когда ученица, играя на басах, отстаёт или убегает от нее на несколько тактов. После чего следовал громкий окрик:

— Mais qu'est-ce vous jouez-la, ma petite? C'est affreux — c'est qu'il y a de plus affreux¹.

И все же уроки музыки Силия любила. Когда ее перевели к мосье Кокте, она полюбила их еще больше. Мосье Кокте брал только тех девушек, которые обнаруживали способности к музыке. От Силии он был в восторге. Схватив ее за руки и немилосердно растягивая ей пальцы в стороны, он кричал: «Видите, какой у нее охват? Это рука пианистки. Природа благоволит вам, мадемуазель Силия. Теперь посмотрим, чем вы можете ей помочь». Сам мосье Кокте играл превосходно. Два раза в год он дает концерты в Лондоне, так он говорил Силии. Шопен², Бетховен³ и Брамс⁴ были его любимыми композиторами. Обычно он предоставлял Силии выбор для разучивания. Он так воодушевлял ее, что она с удовольствием занималась, как он требовал, по шесть часов в день. Игра на рояле ее не утомляла. Рояль она любила: он всегда был ей другом.

¹ Что вы так играете, деточка? Это ужасно — ужаснее быть не может (*фр.*).

² Шопен Фредерик (1830—1875) — польский композитор.

³ Бетховен Людвиг ван (1770—1827) — немецкий композитор.

⁴ Брамс Иоганн (1833—1897) — немецкий композитор, представитель неоклассицизма в музыке, в крупных музыкальных формах продолжатель Бетховена.

Учиться пению Силия ходила к мосье Барре — бывшему оперному певцу. У Силии было высокое, чистое сопрано.

— Верхние ноты у вас превосходны,— говорил мосье Барре.— Лучше и быть не может. Это — головной регистр. Нижние ноты, в грудном регистре, — слабее, но тоже недурны. Переходное звучание — вот что мы должны улучшить. Переходное звучание, мадемуазель, идет от неба.

Он достал рулетку.

— Давайте-ка измерим вашу диафрагму. Вдохните... не дышать... не дышать... теперь сразу выдохнуть. Отлично, отлично. У вас дыхание певицы.— Он протянул ей карандаш.— Держите-ка это зубами — так, в уголок. И не давайте ему выпасть, когда будете петь. Вы отчетливо произносите каждое слово, а карандаш остается. Не говорите мне, что это невозможно.

В целом мосье Барре был доволен ею.

— Ваш французский, однако, приводит меня в смущение. Это не обычный французский с английским акцентом — ах, как я с этим мучаюсь — *Mon Dieu*¹ — кто бы знал! Нет, готов поклясться, у вас акцент *méridional*². Где вы учили французский?

Силия сказала.

— А, и ваша горничная была родом с юга Франции? Теперь все понятно. Так, так, скоро мы от этого избавимся.

Силия усердно училась пению. В целом она радовала мосье Барре, но иногда он возмущался ее застывшим лицом англичанки.

— Вы, как все англичане, думаете, что петь — это значит открыть пошире рот и дать волю голосу! Ничего подобного! Важна кожа — кожа лица — все вокруг рта. Вы не хористочка — вы исполняете хабанеру Кармен³, которую, кстати говоря, вы принесли мне не в той тональности. Она переделана для сопрано, а оперная ария всегда должна исполняться в той тональности, в которой она изначально была написана,— что-либо другое есть мерзость и оскорбление композитора, помните это. Мне бы особенно хотелось, чтобы вы разучили партию для меццо. Вот вы — Кармен, во рту у вас роза, а не карандаш, вы поете пес-

¹ Бог ты мой (*фр.*).

² Южный, средиземноморский (*фр.*).

³ Хабанера Кармен — знаменитая ария цыганки Кармен из одноименной оперы французского композитора Жоржа Бизе (1838—1875), по форме стилизована под кубинскую народную песню.

ню, которой рассчитываете завлечь молодого человека. Ваше лицо... ваше лицо... ваше лицо не должно быть деревянным.

Урок закончился для Силии слезами. Барре был добр.

— Нет, это не ваше. Нет, я вижу, это не ваше. Вы будете петь «Иерусалим»¹ Гуно. «Аллилуйя»² из «Сиды»³. Как-нибудь потом мы вернемся к Кармен.

Музыка заполняла все время большинства девушек. Каждое утро у них был час французского языка, но и только. Силия, которая болтала по-французски свободнее и выражалась идиоматичнее любой из девушек, на уроке всегда подвергалась ужасному унижению. В диктанте она сажала по двадцать пять — тридцать ошибок, тогда как у других была одна — три или в крайнем случае — пять ошибок. О правописании она не имела понятия. К тому же писала она куда медленнее других. Диктант для нее был кошмаром.

Мадам говорила:

— Но это же невозможно — невозможно, чтобы вы делали так много ошибок, Силия! Неужели вы не знаете, что такое причастие прошедшего времени?

Увы, как раз этого Силия и не знала.

Два раза в неделю они с Сибилой ходили на урок живописи. Силия жалела время, отнятое от игры на рояле. Рисование она терпеть не могла, а живопись тем более. Писать красками цветы — вот чему учились обе девушки.

Жалкий букетик фиалок в стакане с водой!

— Тени, Силия, сначала надо наложить тени.

Но никаких теней Силия не видела. Больше всего она надеялась, что удастся подсмотреть картину Сибилы и попытаться написать, как она.

— Ты, похоже, видишь, где эти дурацкие тени, Сибила. А я нет, никогда их не вижу. Для меня все это — лишь красивые лиловые пятнышки.

Особым талантом Сибила не отличалась, а Силия в живописи была просто тупицей.

Что-то там, в глубине ее души, ненавидело такое ко-

¹ «Иерусалим» — духовное сочинение французского композитора Шарля Гуно (1818—1893).

² «Аллилуйя» — в церковном богослужении возглас, выражающий хвалу.

³ «Сид» — опера французского композитора Жюль Массне (1842—1912) на сюжет одноименной пьесы французского драматурга Пьера Корнея.

пирование: как можно отнимать у цветов их тайны, чтобы потом намалевать их на бумаге, разбрызгать по ней! Пусть фиалки цветут в садах или стоят, склонив головки, в вазочках. Создавать из чего-то еще что-то — нет, это не по ней.

— Непонятно мне, зачем их нужно рисовать,— сказала она как-то Сибилю.— Они ведь и так уже существуют.

— То есть как это?

— Не знаю, как лучше это сказать, только зачем создавать то, что будет похоже на что-то другое? Это же такое расточительство. Вот если б нарисовать цветок, какого нет в природе,— выдумать такой — вот это, может, и было бы делом стоящим.

— Что — выдумывать из головы?

— Да, но и это было бы нехорошо. Это был бы цветок, но не настоящий, а просто нечто на бумаге.

— Но, Силия, картины, настоящие картины, живопись — они ведь очень красивые.

— Да, конечно, по крайней мере...— Она замолчала.— Разве?

— Силия! — вскричала Сибила, пораженная подобной ересью.

Разве только вчера не водили их в Лувр¹ смотреть полотна старых мастеров?

Силия чувствовала, что в своей ереси зашла слишком далеко: об Искусстве принято говорить с почтением!

— Вчера я, наверное, опилась шоколадом,— сказала она.— Потому и показались они мне скучными. Все эти святые — на одно лицо. Конечно, я на самом деле так не думаю,— прибавила она.— Они замечательны, правда.

Голос у нее, однако, был не очень уверенный.

— Ты просто не можешь не любить живопись, Силия, ты ведь так любишь музыку.

— Музыка — другое дело. Музыка — сама по себе. Она никого не копирует. Берешь инструмент — скрипку, или рояль, или виолончель — и создаешь звуки, прелестные звуки, которые слетаются в одно целое. И нет нужды делать так, чтобы она была на что-нибудь похожа. Она — сама по себе.

¹ Лувр — первоначально королевский дворец в Париже, после Великой французской революции художественный музей, обладающий богатейшим собранием древнеегипетского, античного и западного искусства.

— Ну, а я,— отозвалась Сибила,— думаю, что музыка — это всего-навсего жуткий шум. И очень часто, когда я попадаю не в ту ноту, звучит это куда лучше, чем если б я сыграла правильно.

Силия в отчаянии уставилась на подругу.

— Ты просто ничегошеньки не слышишь!

— А судя по тому, как ты рисуешь сегодня эти фиалки, все решат, что ты ничегошеньки не видишь.

Силия так и замерла, перегородив дорогу маленькой горничной, которая шла за ними следом и теперь сердито зашикала.

— Ты знаешь, Сибила,— сказала Силия,— мне кажется, ты права. Я не уверена, что вижу вещи, нет, я их просто не вижу. Потому я и пишу диктанты с такими ошибками. И потому не знаю, как на самом деле все выглядит.

— Ты всегда шагаешь напрямик — по лужам так по лужам,— напомнила Сибила.

Силия задумалась.

— Это все, наверное, не имеет значения... право же — кроме правописания. Важно, какое чувство вызывает в тебе вещь, а не просто, какой она формы и как сделана.

— Не понимаю!

— Возьмем, например, розу.— И Силия кивнула в сторону торговли цветами, мимо которой они проходили.— Ну какое имеет значение, сколько у нее лепестков и какой они формы,— просто... в общем, важно ведь только то, каков цветок в целом — бархатистость его и аромат...

— Но ведь нельзя нарисовать розу, не зная, как она выглядит.

— Сибила, ты большая глупышка, разве я не сказала тебе, что не хочу рисовать? Розы на бумаге мне не нравятся. Я люблю их живыми.

Она остановилась у цветочницы и за несколько су купила букетик поникших темно-красных роз.

— Понюхай,— сказала она, ткнув их прямо под нос Сибиле,— разве не вызывает это в тебе поистине божественной боли?

— Ты опять объелась яблоками.

— Нет, не объелась. Сибила, ну не будь таким сухарем. Разве это не божественный аромат?

— Божественный. Только у меня от этого никакой нет боли. И непонятно, зачем нужно, чтобы что-то болело.

— Мы с мамой пытались как-то заниматься ботаникой,— сказала Силия,— но пришлось выбросить учебник —

так я его ненавидела. Заучивать все сорта цветов, да еще распределять их по семействам... и все эти пестики и тычинки — брррр, ужас, словно наголо раздеваешь этих бедняжек. По-моему, это отвратительно. Это.. это неделикатно.

— Знаешь, Силия, если ты уйдешь в монастырь, монашки заставят тебя принимать ванну в сорочке. Мне кузина рассказывала.

— Правда? Это почему?

— У них считается неприличным смотреть на собственное тело.

— О!..— Силия с минуту раздумывала.— А как же они мылятся? Не очень-то будешь чистым, если намыливаешься через рубашку.

2

Пансионерок водили в Оперу¹ и в «Комеди Франсез»², а зимой — кататься на коньках в Пале де Гляс³. Все это доставляло Силии удовольствие, но только музыка по-настоящему наполняла ее жизнь. Она написала матери, что хочет стать профессиональной пианисткой.

В конце семестра мисс Шофилд устроила вечер, на котором наиболее успевающие ученицы музицировали и пели. Силия выступала и с тем, и с другим. Пение прошло неплохо, но вот за роялем она сорвалась и здорово сфальшивила в первой части «Патетической сонаты» Бетховена.

Мириам приехала в Париж за дочерью и, по просьбе Силии, пригласила мосье Кокте на чай. Она вовсе не хотела, чтобы Силия профессионально занималась музыкой, но полагала, что будет нелишне узнать, что думает на сей счет мосье Кокте. Когда она спросила его об этом, Силии в комнате не было.

— Скажу вам начистоту, мадам. У нее есть способности... техника... чувство. Она самая многообещающая из моих учениц. Но мне кажется, у нее не тот темперамент.

— Вы хотите сказать, что она не может играть на публике?

¹ Опера (Гранд-Опера) — французский государственный оперный театр в Париже, основанный в 1669 году.

² «Комеди Франсез» — старинный драматический театр Франции, существующий в Париже с 1680 года.

³ Пале де Гляс (*фр.*) — Ледовый дворец.

— Как раз это я и имею в виду, мадам. Чтобы быть артистом, нужно обладать способностью отключаться от окружающего мира, а если вы чувствуете его и ощущаете, что он слушает вас, то это должно восприниматься вами как стимул. Мадемуазель же Силия — она выкладывает всю себя перед аудиторией из одного человека, из двух и лучше всего играет, когда бывает совсем одна и дверь плотно закрыта.

— Вы можете сказать ей то, что сейчас сказали мне, мосье Кокте?

— Если угодно, мадам.

Силия была глубоко разочарована. И заговорила о пении как о запасном варианте.

— Хотя это не будет то же самое.

— Тебе пение не нравится так, как игра на фортепьяно?

— Нет.

— Может, ты поэтому и не нервничаешь, когда поешь?

— Может быть. Мне кажется, что голос мой существует как бы сам по себе, отдельно — я хочу сказать, не сам его делаешь — не так, как с пальцами при игре на рояле. Ты понимаешь меня, мамочка?

У них был очень серьезный разговор с мосье Барре.

— У нее есть дарование и голос — это так. И темперамент есть. Но голос ее пока маловыразителен — это голос мальчика, а не женщины. Но это, — улыбнулся он, — придет. Голос прелестный: чистый... ровный... и дыхание хорошее. Она может быть певицей, да. Певицей на камерной сцене — но голос ее недостаточно силен для сцены оперной.

Когда они вернулись в Англию, Силия сказала:

— Я все обдумала, мамочка. Если я не могу петь в опере, я тогда вообще не буду петь. Я имею в виду, профессионально.

И засмеялась.

— Ты не хотела ведь, чтобы я пела, да, мамочка?

— Нет, конечно, я не хотела, чтобы ты стала профессиональной певицей.

— Но ты бы мне позволила? Разве ты не позволишь мне все, что я захочу, если я очень этого захочу?

— Не все, — уверенно возразила Мириам.

— Но почти все?

Мама опять ей улыбнулась.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, моя маленькая.

— Конечно же я всегда буду счастлива,— с уверенностью ответила Силия.

3

Той осенью Силия написала матери, что хочет стать медицинской сестрой. Бесси собиралась пойти в медсестры, и ей тоже захотелось. В последнее время она много в своих письмах писала про Бесси.

Прямого ответа Мириам не дала, но ближе к концу семестра написала Силии, что врач советует ей провести зиму за границей. Она собирается в Египет, и Силия поедет с ней.

Вернувшись из Парижа, Силия застала мать у бабушки. Мать целиком ушла в предотъездную суету. А бабушка была отнюдь не в восторге от египетской затеи. Силия слышала, как она об этом говорила с кузиной Лотти, которая приехала к бабушке на обед.

— Не могу понять Мириам. Ведь она же осталась почти без денег. И вдруг решает отправиться в Египет — в Египет... это же чуть ли не самое дорогое место, куда можно было бы поехать. В этом вся Мириам, никакого понятия о деньгах. И Египет — одно из последних путешествий, которые они совершили с бедняжкой Джоном. Это так бесчувственно.

Силии вид матери показался и вызывающим, и взволнованным. Она повела Силию в магазин и купила ей три вечерних платья.

— Да ведь девочка еще не выезжала в свет. Ты глупо себя ведешь, Мириам,— говорила бабушка.

— Вовсе не плохая идея — выйти в свет именно там. В Лондоне мы бы все равно себе такого позволить не смогли.

— Но ей только шестнадцать.

— Почти семнадцать. Моя мать вышла замуж, когда ей еще не было и семнадцати.

— Не хочешь ли ты, чтобы и Силия вышла замуж, когда ей еще не будет семнадцати?

— Нет, не хочу, но я хочу, чтобы у нее все было, как у других девушек.

Вечерние платья были умопомрачительны, но они подчеркивали то, что в жизни Силии осталось единственным нераспустившимся бутонем. Увы, «фигуры», о которой не уставала страстно мечтать Силия, так и не получилось. Никаких выпуклостей, которые можно было бы облачить в полосатую блузку. Какое горькое, какое сильное разоча-

рование! Ей так хотелось, чтобы у нее была «грудка». Бедная Силия, родиться бы ей на двадцать лет позже: какой бы ее фигура вызывала восторг! Никаких упражнений для похудания не понадобилось бы для этой изящной и далеко не костлявой фигурки.

А так в корсаж платьев Силии пришлось добавлять «подушечки» — искусно собранный рюшами тюль.

Силии очень хотелось иметь черное вечернее платье, но Мириам отказала — никакого черного платья, пока Силия не вырастет. Мать купила ей платье из белой тафты, бледно-зеленое ажурное, обшитое множеством ленточек, и бледно-розовое атласное с бутоном розы на плече.

Тогда бабушка извлекла из комода красного дерева, из нижнего ящика, отрез сверкающей бирюзовой тафты и предложила, чтобы бедняжка мисс Беннет попыталась смастерить что-нибудь из этого. Мириам ухитрилась тактично намекнуть, что, возможно, модное вечернее платье не совсем будет по силам бедняжке мисс Беннет. Шили из голубой тафты в другом месте. Потом Силию водили к парикмахеру и дали несколько уроков того, как самой делать прическу, а это было дело совсем не простое: спереди волосы накручивали на «раму», а на затылке укладывали массой локонов. Нелегко это тем, у кого, как у Силии, волосы были густые и длинные — ниже пояса, если их распустить.

Все это было чрезвычайно волнительно, так что Силия даже не заметила, что со здоровьем у матери, как ни странно, стало лучше.

Но внимание на это обратила бабушка.

— Надо же,— сказала она,— Мириам прямо как волчок стала.

Только многими годами позже Силия поняла, что переживала в то время ее мать. Вспоминая свое собственное безрадостное детство, она страстно желала, чтобы у ее малышки были все радости и развлечения, какие и должны быть у молоденьких девушек. А как Силия может «наслаждаться жизнью», если она, по сути, похоронена в деревне, где молодых людей ее возраста почти и нет.

Поэтому-то и была затеяна поездка в Египет, где у Мириам осталось много друзей — еще с тех времен, когда они с Джоном туда ездили. Чтобы раздобыть нужную сумму денег, она, не задумываясь, продала кое-какие акции из тех немногих, что имелись у нее. Силии не придется

завидовать другим девушкам — она тоже будет «наслаждаться жизнью», как самой Мириам не довелось.

И потом — как она призналась Силии годами позже — она боялась ее дружбы с Бесси Уэст.

— Я знаю, многие девушки начинают интересоваться другими девушками и теряют интерес к мужчинам. Это противоестественно — и это нехорошо.

— Бесси? Да я никогда Бесси и не любила особенно.

— Теперь я это знаю. Но тогда не знала. Я испугалась. И вся эта чушь насчет медицинской сестры. Я хотела, чтобы ты наслаждалась жизнью, чтобы у тебя были красивые наряды и чтобы тебе все было в радость, как и подобает молодым и здоровым людям.

— У-меня,— ответила Силия,— так все и было.

Глава 7

Взрослая

1

Силия отлично проводила время, ничего не скажешь, но пережила она и немало мук из-за собственной врожденной застенчивости. Из-за этого она сделалась неловкой, очень замкнутой и совершенно неспособной высказать свои чувства, когда что-либо доставляло ей удовольствие.

Силия редко думала о своей внешности. Она нисколько не сомневалась, что она хорошенькая, а была она очень хорошенькой: высокой, стройной, изящной, с очень светлыми, по-скандинавски золотыми волосами. У нее был прекрасный цвет лица, хотя, нервничая, она бледнела. В те времена, когда краситься считалось позором, Мириам самую чуточку подрумянивала вечером щеки дочери. Она хотела, чтобы та выглядела как можно лучше.

Силию беспокоила не внешность. Ее тяготило сознание, что она глупа. А она и не была особенно умной. Быть неумной — это ужасно. Она понятия не имела, о чем говорить с партнером по танцу. Держалась серьезно, с туповатым видом.

Мириам все время старалась расшевелить дочь:

— Говори что-нибудь, лапочка. Хоть что-нибудь. Да же если ты глупость скажешь, это не важно. Но так трудно мужчине разговаривать с девушкой, которая произносит только «да» и «нет»! Надо поддерживать разговор.

Никто не мог понять Силию лучше матери — та сама страдала от робости всю жизнь.

Никто и не представлял себе, насколько застенчива Силия. Все считали ее надменной и самодовольной. Никто не мог себе и представить, сколь убогой она себя считала и сколь мучительно ощущала свою светскую ущербность.

Но благодаря своей красоте время она проводила хорошо. К тому же она прекрасно танцевала. К концу зимы она побывала на пятидесяти шести танцевальных вечерах и потихонечку в известной мере овладела искусством салонной беседы: стала не такой неуклюжей, более уверенной в себе и наконец получила возможность наслаждаться жизнью, а не только страдать от то и дело нападающей застенчивости.

Жизнь протекала для нее как бы в тумане, где были танцы, золотистый свет ламп, поло¹ и теннис и молодые люди. Молодые люди, которые брали ее за руку, ухаживали за ней, спрашивали, нельзя ли ее поцеловать, и были ошарашены ее надменностью. Силию же интересовал только один человек — черный от загара полковник Шотландского полка, редко танцевавший и никогда не утруждавший себя разговорами с молодыми девицами.

Ей нравился развеселый, невысокого роста, огненно-рыжий капитан Гейл, который каждый вечер танцевал с ней по три танца. (Три — наибольшее число танцев, которые позволялось танцевать с одним и тем же партнером.) Он все шутил насчет того, что танцевать учиться ей не надо, а вот говорить — надо бы подучиться.)

Как бы то ни было, она немало удивилась, когда Мириам спросила по дороге домой:

— А ты знала, что капитан Гейл хочет жениться на тебе?

— На мне? — поразилась Силия.

— Да, он говорил со мной об этом. Он хотел узнать, может ли он, с моей точки зрения, хоть немного надеяться.

— А почему он меня об этом не спросил? — Силия слегка обиделась.

— Не знаю. Полагаю, ему было трудно. — Мириам улыбнулась. — Но ты же не хочешь выйти за него замуж, не хочешь, Силия?

— Нет, но мне кажется, следовало спросить меня!

¹ Поло — игра верхом на лошадях с мячом, цель которой — клюшками с длинными рукоятками забить мяч в ворота противника.

Это было первое предложение, сделанное Силии. Не очень, правда, удачное, на ее взгляд.

А в общем это не имело значения. Она хотела бы выйти замуж только за полковника Монкриффа, а он предложения ей не сделает. И она навсегда останется старой девой, сохранив в тайне свою любовь к нему.

Можно только пожалеть загорелого полковника Монкриффа! Через полгода он будет так же забыт, как и Огюст, и Сибила, и епископ Лондонский, и мистер Джеральд дю Морье.

2

Быть взрослой так трудно. Очень интересно, но утомительно: постоянно из-за чего-нибудь да мучаешься. Из-за прически, или из-за того, что нет «фигуры», или из-за того, что не хватает ума поддерживать разговор и люди — особенно мужчины — заставляют тебя стесняться.

На всю жизнь Силии запомнился первый выезд в гости в загородную усадьбу. В поезде она настолько разнервничалась, что шея у нее пошла розовыми пятнами. Будет ли она вести себя как надо? Сумеет ли (никак не избавиться от этого кошмара) поддерживать разговор? Сможет ли накручивать локоны на затылке? (Те, до которых совсем не дотянуться, ей обычно накручивала Мириам.) Не примут ли ее за круглую дуру? Правильно ли она одета?

Трудно было представить себе людей более добрых, чем те, к кому она приехала в гости. С ними робости она совсем не чувствовала.

Роскошно было ощущать себя в просторной спальне, с горничной, которая сначала распаковывала ее багаж, а потом приходила застегнуть на спине платье.

Силия надела новое платье из розового гипюра и, чувствуя себя ужасно неловко, сошла вниз к ужину. В комнате было полным-полно народу. Ужас! Хозяин дома был очень к ней внимателен. Болтал, подшучивал над ней, называл Розанчиком из-за ее, как он говорил, пристрастия к розовым платьям.

Ужин был восхитительный, но Силия не могла им наслаждаться по-настоящему: ведь приходилось думать, о чем говорить с соседями по столу. Один был маленький толстячок с красной физиономией, другой — высокий мужчина с насмешливым взглядом и тронутыми сединой волосами. Он вел с ней серьезные разговоры о книгах и театре, а потом заговорил о деревне и поинтересовался, где она

живет. Когда Силия ему ответила, сказал, что, возможно, будет в тех краях на Пасху. И, если она позволит, заедет ее навестить. Ей будет очень приятно, сказала Силия.

— Тогда почему же вид у вас такой, словно это вам вовсе не приятно? — рассмеялся он.

Силия залилась краской.

— А приятно это вам должно быть, — продолжал он. — Решение поехать я ведь принял всего минуту назад.

— Там у нас прекрасные пейзажи, — заверила Силия.

— Я не пейзажами еду любоваться!

Ну, зачем только люди должны говорить такое? Силия в отчаянии крошила хлеб. Сосед поглядывал на нее с удовольствием. Какой она еще младенец! Как забавно вгонять ее в смущение! Он и дальше с серьезным видом продолжал расточать ей нелепейшие комплименты.

У Силии как гора с плеч свалилась, когда он наконец повернулся к даме, что сидела по другую от него сторону, а Силию предоставил маленькому толстяку. Звали его Роджер Рейнс — так он ей представился, и очень скоро разговор зашел у них о музыке. Рейнс был певцом, но не профессиональным, хотя и выступал часто перед публикой. Болтая с ним, Силия повеселела.

Весь ужин она едва замечала, что подавали на стол, но сейчас гостей обносили мороженым — изящной башней абрикосового цвета, усыпанной засахаренными фиалками.

Башня рухнула как раз в тот момент, когда ее собирались предложить Силии. Дворецкий отнес мороженое на боковой столик и там все поправил. Затем он вновь стал обносить гостей, но — увы! — память его подвела: к Силии он не подошел!

Она так огорчилась, что едва ли слышала, о чем болтал толстячок. Он положил себе большую порцию мороженого и, судя по всему, получал громадное наслаждение. А Силии даже в голову не пришло попросить себе мороженого. Она смирилась со своим невезением.

После ужина музицировали. Она аккомпанировала на рояле Роджеру Рейнсу. У того был превосходный тенор. Силия с удовольствием ему играла. Она была хорошим, доброжелательным аккомпаниатором. Потом настал ее черед петь. Во время пения она никогда не волновалась. Роджер Рейнс любезно сказал, что у нее очаровательный голос, и тотчас снова заговорил о себе. Он предложил Силии спеть еще что-нибудь, но она сказала: «А может быть, вы споете?» И тот с готовностью согласился.

Силия ложилась спать вполне счастливая. Гостить в загородном доме, в конце концов, не так уж страшно.

Следующее утро прошло мило. Они ходили гулять, осматривали хлев, чесали свиньям спинки, а потом Роджер Рейнс спросил, не согласится ли она поаккомпанировать ему? Она согласилась. Пропев песен шесть, он запел «Лилии любви», а по окончании сказал:

— Теперь ответьте мне честно: что вы на самом деле думаете об этой песне?

— Ну,— Силия запнулась,— она, по-моему, предранняя.

— По-моему, тоже,— согласился Роджер Рейнс.— Только я не был уверен. Вы решили дело. Вам она не нравится — вот ее и нет.

И, разорвав ноты пополам, он швырнул их в камин. Силия была поражена. Совсем новая партитура, которую, по его словам, он купил всего день назад, и из-за одного только нелестного отзыва Силии безо всякой жалости разорвал ноты.

Она чувствовала себя совсем взрослой и важной.

3

На тот вечер назначен был большой костюмированный бал, ради которого и приглашены были гости в усадьбу. Силия должна была быть Маргаритой¹ из «Фауста» — вся в белом, с двумя косами. Выглядела она очень беленькой и златокудрой, как Гретхен: Роджер Рейнс сказал, что у него с собой партитура «Фауста» и что завтра они попробуют выступить с одним из дуэтов.

Силия изрядно нервничала, собираясь на бал. Вечно перед ней возникают какие-то трудности! Все у нее получалось не так, как надо: танцевала с теми, кто не особенно ей был по душе, а потом, когда подходили те, кто ей нравился, свободных танцев уже не оставалось. А если сделать вид, что ты уже заангажирована, тогда те, кто тебе нравится, могут совсем не подойти, и придется — вот кошмар! — весь вечер «просидеть». Некоторые девушки, видно, умели все это делать с умом, но у нее, в чем Силия уже в который раз мрачно убеждалась, ума-то и не было.

Миссис Люк опекала Силию, знакомила ее с гостями.

— Майор де Бэр.

¹ Маргарита — персонаж оперы «Фауст» Шарля Гуно на сюжет одноименной драмы немецкого поэта Иогана Вольфганга Гете (1749—1832).

Майор де Бэр поклонился.

— У вас найдется свободный танец?

Это был высокий мужчина лет сорока пяти, с вытянутым красным лицом и длинными светлыми усами.

Он записался на три танца и пригласил Силию сесть с ним за ужином.

Разговаривать с майором оказалось делом непростым. Он почти не открывал рта, но все время пристально разглядывал Силию.

Миссис Люк рано уехала с бала. Крепким здоровьем она не отличалась.

«Джордж о вас позаботится и проводит домой,— сказала она Силии.— Между прочим, дитя, кажется, вы совершенно покорили майора де Бэра».

У Силии отлегло от сердца. Она-то боялась, что ужасно накущила майору де Бэру.

Она танцевала все танцы подряд, и было два часа ночи, когда к ней подошел Джордж.

— Ну что, Розанчик, пора и на покой!

Очутившись в своей комнате, Силия поняла, что не в силах без посторонней помощи выпутаться из вечернего платья. Из коридора доносился голос Джорджа, все еще желавшего доброй ночи. Удобно будет, если она попросит его помочь? Или неудобно? Если нет, то придется ей просидеть в вечернем туалете до утра. Она так и не набралась смелости. Когда занялось утро, Силия лежала на кровати в вечернем туалете и крепко спала.

4

Утром пожаловал майор де Бэр. Сегодня он на охоту не идет, объяснил майор, отвечая на возгласы удивления, которыми его приветствовали. Он сидел, почти не раскрывая рта. Миссис Люк предложила ему пойти взглянуть на свинок. Силию она отправила вместе с ним. За обедом Роджер Рейнс сидел мрачный как туча.

На другой день Силия уезжала домой. Утро прошло спокойно — она провела его с хозяином и хозяйкой. Другие гости уже разъехались, а она собиралась отправиться дневным поездом. К обеду явился некто по имени «дорогой Артур, такой забавный». Это был (на взгляд Силии) весьма похилой мужчина, и ничего забавного она в нем не находила. Говорил он тихо, надтреснутым голосом.

После обеда, когда миссис Люк вышла и Артур с Силией остались вдвоем, он принялся гладить ее лодыжки.

— Прелестные ножки,— бормотал он. — Прелестные. Вы ведь не против, не так ли?

Силия была очень даже против. Но терпела. Может быть, так оно принято, когда гостишь в загородном доме. Ей не хотелось показаться неотесанной деревенщиной или малым ребенком. Она стиснула зубы и сидела как деревянная.

Дорогой Артур, скользнув вверх опытной рукой, обнял ее за талию и поцеловал. Силия в бешенстве развернулась и оттолкнула его.

— Не надо,— будьте добры, не надо.

Манеры манерами, но некоторые вещи терпеть нельзя.

— Такая миленькая, стройненькая талийка,— просюсюкал Артур, снова пуская в ход натренированную руку.

В комнату вошла миссис Люк. От нее не укрылось покрасневшее расстроенное лицо Силии.

— Артур не безобразничал? — поинтересовалась она по дороге на станцию.— Молоденьких девушек ему лучше не доверять — нельзя оставлять ни на минуту. А впрочем, он довольно безобидный.

— А позволять гладить ноги обязательно? — спросила Силия.

— Обязательно? Нет, конечно, забавное вы дитя!

— Ух! — Силия вздохнула с облегчением.— До чего же я рада.

Миссис Люк, явно развеселясь, повторила:

— Забавное дитя! — И добавила: — На балу вы выглядели прелестно, думается, вы еще услышите о Джонни де Бэре.— И присовокупила: — Человек он чрезвычайно состоятельный!

5

На другой день после возвращения домой Силия получила большую розовую коробку шоколада. Внутри ничто не указывало, от кого шоколад. Через два дня пришла бандероль. В ней была маленькая серебряная шкатулочка с выгравированным на крышке именем «Маргарита» и датой бала.

Внутри лежала визитная карточка майора де Бэра.

— Кто этот майор де Бэр, Силия?

— Я с ним познакомилась на балу.

— Что он за человек?

— Довольно пожилой, с очень красным лицом. В общем славный, только разговаривать с ним трудно.

Мириам задумчиво кивала. В тот же вечер она написала

миссис Люк. Та ответила со всею откровенностью — миссис Люк была прирожденной свахой: «Состоятельный — даже очень. Охотится с самим Б. Джордж его недолюбливает, но сказать против него абсолютно нечего. Он, кажется, совсем без ума от Силии. Она — милое дитя, так простодушна. Она, несомненно, будет кружить голову мужчинам. Невинность и покатые плечи мужчины обожают».

Через неделю майор де Бэр «случайно оказался в здешних краях». Не позволят ли ему заехать навестить Силию и ее матушку?

Он заехал. И, как обычно, не мог связать двух слов — сидел, уставясь на Силию, и делал неуклюжие попытки завязать дружбу с Мириам.

Мириам после его ухода почему-то расстроилась. Поведение матери Силию озадачило. Мириам роняла бессвязные реплики, от которых яснее не становилось.

— Не знаю, разумно ли молиться о том... до чего же трудно узнать, что правильно...— Потом вдруг: — Я хочу, чтобы ты вышла за хорошего человека — как твой отец. Деньги в жизни не главное, но как важно, чтобы женщине окружали покой и уют...

Силия не перечила и поддакивала матери, никак не уязвляя ее реплики с визитом майора де Бэра. Мириам имела обыкновение говорить иногда что-то совершенно неожиданное. И дочь это перестало удивлять.

Мириам сказала:

— Я хотела бы, чтобы ты вышла замуж за человека старше тебя. Они больше заботятся о женщине.

Силия тут же подумала о полковнике Монкриффе, который уже уходил из памяти с невероятной скоростью. На балу она танцевала с молодым военным шести футов росту и сейчас склонна была идеализировать красивых молодых великанов.

Мать сказала:

— Когда на будущей неделе мы будем в Лондоне, майор де Бэр хотел бы сводить нас в театр. Это мило, правда?

— Очень мило,— откликнулась Силия.

6

Предложение руки, сделанное майором де Бэром, хватило Силию врасплох. Отзывы миссис Люк, реплики матери не подсказали ровным счетом ничего. Силия отлично разбиралась в собственной душе, но никогда не уме-

ла предвидеть надвигающихся событий и, как правило, не замечала, что происходит у нее под носом.

Мириам пригласила майора де Бэра погостить дня два. На самом деле он чуть ли не сам напросился, и Мириам, несколько обеспокоенной, ничего не оставалось, как пригласить его.

В первый вечер Силия показывала гостю сад. Она лишь раз убедилась, как тяжело с ним общаться. Казалось, он вовсе не слушает ее. Она опасалась, как бы ему не стало непомерно скучно... Говорила она, конечно, почти сплошь глупости, но если бы он только помог...

А он — посреди очередной ее фразы — вдруг схватил ее руки, зажал в своих и странным, хриплым, совершенно неузнаваемым голосом сказал:

— Маргарита, моя Маргарита. Я жажду вас. Будьте моей женой.

Силия смотрела на него во все глаза. Лицо ее выражало непонимание, голубые, широко открытые глаза глядели перепуганно. Она потеряла дар речи. Что-то воздействовало на нее, воздействовало мощно, передавалось через дрожащие руки, что держали ее. Она почувствовала, что оказалась в самом центре бурных эмоций. Это пугало... внушало ужас.

Запинаясь, она пролепетала:

— Я... нет. Я не знаю. О нет, я не могу.

Что ощущала она рядом с ним, рядом с этим мужчиной, с этим немолодым молчаливым незнакомцем, которого прежде почти не замечала, — что она чувствовала, если не считать того, что была польщена его признанием?

— Я напугал вас, дорогая. Любовь моя. Вы так молоды, так чисты. Вы не можете понять, что я к вам испытываю. Я вас так люблю.

Почему не отдернула она тут же руки и не сказала сразу, твердо и честно: «Мне очень жаль, но у меня к вам таких чувств нет».

Почему вместо этого она стояла и беспомощно смотрела на него, чувствуя, что весь воздух вокруг пронизан токами?

Он нежно привлек ее к себе, она противилась — но вполсилы только, не оттолкнула его.

Он ласково сказал:

— Я не буду сейчас настаивать. Подумайте.

И выпустил ее из своих объятий. Она медленно пошла к дому, поднялась к себе, легла и долго лежала на кровати.

ти, закрыв глаза, чувствуя, как сердце вот-вот выскочит из груди

Через полчаса к ней зашла мать.

Она присела на кровать, взяла Силию за руку.

— Мама, он сказал тебе?

— Да, ты ему очень небезразлична. Как... как сама ты к этому относишься?

— Не знаю, все... все это так странно.

Больше ничего сказать она не могла. Странно — все было странно: чужие друг другу люди, оказывается, могут влюбиться друг в друга — в одно мгновение. Она сама не знала, что испытывает и чего хочет.

А менее всего понятна ей была — и не вызывала сочувствия — растерянность матери.

— Я не совсем здорова. Все время молюсь, чтобы тебе встретился хороший человек, с которым у тебя была бы хорошая семья, с которым ты была бы счастлива... Денег так мало... мне ужасно много пришлось в последнее время тратиться на Сирила... Тебе так мало останется, когда меня не станет. Но я не хочу, чтобы ты вступила в брак не любя, только из-за денег. Ты такая романтическая, а прекрасных принцев и всего такого не бывает. Немногие женщины выходят замуж за того, к кому они питают романтическую любовь.

— Ты же вышла.

— Я вышла, да, но в любом случае не всегда разумно любить очень сильно. Это как незаживающая боль... Быть любимой лучше... Можно проще смотреть на жизнь... Мне так не удавалось. Если бы я знала больше об этом майоре... Если бы он безусловно мне нравился... Может быть, он пьет... Может, он... Всякое ведь может быть. Будет ли он о тебе заботиться, беречь тебя? Будет ли добр к тебе? Нужно обязательно, чтобы кто-то заботился о тебе, когда меня не станет.

Большую часть сказанного Силия пропустила мимо ушей. Деньги не имели для нее значения. Когда папа был жив, они были богаты, когда умер — стали бедными, но Силия разницы не замечала. У нее был дом, сад и рояль.

Брак для нее означал любовь — возвышенную, романтическую любовь — и счастливую навсегда жизнь. Книги, которые она читала, житейской мудрости ее не научили. Смущало ее и приводило в замешательство то, что она понятия не имела, любит ли она майора Джонни де Бэра или нет. За минуту до того, как он сделал ей предложение,

она, конечно, ответила бы, что не любит. А теперь? Что-то он в ней разбудил — что-то страстное, волнующее и смутное.

Мириам попросила его уехать и дать Силии два месяца на раздумья. Он повиновался, но писал письма, немногословный Джонни де Бэр оказался мастером сочинять любовные послания. Письма его были иногда коротенькими, иногда длинными, но никогда — одинаковыми, и были это такие письма, о каких только и мечтают молодые девушки. К концу двух месяцев Силия решила, что влюблена в Джонни. Она отправилась с матерью в Лондон, вполне готовая сказать ему именно это. Когда же она его увидела, чувства ее резко переменялись. Этот человек был для нее по-прежнему чужим, она не любила его. И она ответила ему отказом.

7

Джонни де Бэр не смирился со своим поражением так легко. Он еще пять раз просил Силию выйти за него. Больше года забрасывал письмами, соглашался «просто дружить», посылал ей всякие прелестные мелочи, упорно добиваясь ее благосклонности, и настойчивость его чуть было не дала плодов.

Все было так романтично... так похоже на картины ухаживания, которые рисовала Силия в воображении. Его письма, то, что в них говорилось... это было как раз то, чего она жаждала. Тут Джонни де Бэр был действительно мастак. Он был прирожденным любовником. Через его жизнь прошло немало женщин, и он знал, чем женщину привлечь. Знал он и как развернуть наступление на замужнюю женщину, и как пленить деву юную. Силия чуть было не поддалась ему, но не поддалась. Было в ней что-то незыблемое, что подсказывало, нужно ей это или не нужно, и не давало ее провести.

8

Как раз тогда-то Мириам и убедила дочь заняться чтением французских романов. Чтобы не запускать французский, сказала она. Среди книг были романы Бальзака и других французских реалистов.

Были и некоторые современные произведения, которые мало кто из английских матерей предложил бы читать своим дочерям.

Но Мириам сделала это с умыслом.

Она твердо решила, что Силия — такая мечтательная, просто витающая в облаках — должна узнать жизнь.

Силия послушно читала, но без особого интереса.

9

Руки Силии добивался не только майор. Ральф Грэм, тот веснушчатый мальчик из школы танцев. Теперь он был владельцем чайной плантации на Цейлоне. Силия ему всегда нравилась, даже когда была девочкой. Вернувшись и встретив ее взрослой, он в первую же неделю отпуска попросил ее руки. Силия без колебаний отказала. У Ральфа гостил друг, и друг этот написал потом письмо Силии. Ему не хотелось бы перебегать дорогу Ральфу, но он влюбился в Силию с первого взгляда. Смеет ли он надеяться? Но ни Ральф, ни его друг не произвели впечатления на Силию.

А в тот год, когда к ней сватался Джонни де Бэр, у нее появился друг — Питер Мейтланд. Питер был несколькими годами старше своих сестер. Он был военным, и много лет его полк стоял за границей. Теперь его перевели служить в Англию. Возвращение Питера совпало с помолвкой Элли Мейтланд. Силии и Джейнет предстояло быть подружками невесты. На свадьбе Силия и познакомилась с Питером.

Питер Мейтланд был высокий и темноволосый. Свою застенчивость он скрывал за приятной манерой говорить не спеша. Семейство Мейтландов было все такое же добродушное, общительное и беззаботное. Они не торопились никогда и никуда. Они опаздывали на поезд — ну, ничего не поделаешь, можно уехать и следующим. Не успевали к обеду — тоже ничего, голодными как-нибудь не останутся. У них не было ни честолюбивых желаний, ни энергии для их осуществления. И Питер как бы подобрал в себя наиболее характерные черты всего семейства. Никто никогда не видел, чтобы Питер куда-нибудь спешил. «И через сто лет все будет то же», — так он рассуждал.

Свадьба Элли проходила вполне по-мейтландовски. Миссис Мейтланд, крупная, рассеянная и добродушная, никогда не вставала раньше полудня и частенько забывала распорядиться о еде. Главным занятием в то утро были попытки «втиснуть маму в ее наряд». Поскольку она пита-

ла отвращение к примеркам, ее кремовое атласное платье вышло очень тесным и причиняло неудобства. Невеста за-суежилась: с умом поработав ножницами, прикрыв орхидеями кое-как изъяны, устроила так, что маме стало удобно. Силия пришла пораньше — помочь: в какой-то момент и в самом деле казалось, что Элли в этот день так и не выйдет замуж. Когда ей пора было уже выезжать, она еще преспокойно сидела в одной сорочке и занималась педикюром.

— Хотела это сделать вчера вечером, — объяснила она. — Но как-то вот не собралась.

— Экипаж уже здесь, Элли.

— Правда? О, тогда пусть кто-нибудь позвонит Тому и скажет, что я опоздаю на полчаса... Бедняжка Том, — добавила она задумчиво. — Он такой славный малый. Мне бы не хотелось, чтобы он мучился в церкви, считая, что я передумала.

Элли выросла высоченной — в ней было почти шесть футов. А жених был пяти футов пяти дюймов и, по словам Элли, «такой веселый малый — такой приятный».

Пока Элли, которая вняла наконец резонам, завершала свой туалет, Силия вышла в сад, где капитан Питер Мейтланд мирно раскуривал трубку, нисколько не волнуясь по поводу того, что сестра опаздывает.

— Томас — малый разумный, — сказал он. — Он знает, что она за человек. Он и не ждет, что она придет вовремя.

Он немного робел, разговаривая с Силией, но, как часто бывает, когда встречаются два застенчивых человека, скоро обнаружилось, что им легко друг с другом.

— Вы, должно быть, считаете нас странной семейкой? — сказал Питер.

— У вас, мне кажется, нет ощущения времени, — смеясь, ответила Силия.

— А зачем жить наспех? Спокойнее надо быть — наслаждаться жизнью.

— А разве так достигнешь чего-нибудь?

— А чего надо достигать? В этой жизни все похоже одно на другое.

Питер Мейтланд, бывая дома в отпуске, отказывался, как правило, от всех приглашений. Терпеть не могу, говорил он, изображать из себя пуделька. Он не танцевал, а в теннис или гольф играл с мужчинами или со своими сестрами. Но после свадьбы он стал воспринимать Силию

как еще одну сестру. Питер, Силия и Джейнет все время держались вместе. А потом Ральф Грэм, оправившись после отказа, полученного от Силии, начал ухаживать за Джейнет, и трио стало квартетом. Наконец квартет распался на пары — Джейнет с Ральфом, Силия с Питером.

Обычно Питер учил Силию играть в гольф.

— Торопиться не будем, учти. Пройдемся по нескольким лункам и передохнем — присядем, трубочку выкурим, если станет очень жарко.

Это вполне устраивало Силию. К играм душа у нее не лежала, что беспокоило ее почти так же, как то, что у нее нет «фигуры». Но с Питером она могла об этом не думать.

— Ты ведь не хочешь быть профессионалом, охотницей за призами. Просто получай удовольствие — вот и все.

Сам Питер отличался во всех играх. Он был прирожденным спортсменом и мог достигнуть выдающихся результатов, если бы не присущая ему лень. «Игра,— говорил он,— есть игра, зачем превращать ее в работу?»

Он прекрасно ладил с матерью Силии. Она любила всех Мейтландов, а Питер с его неспешными движениями, с его приятной манерой поведения и несомненно ангельским характером был ее любимцем.

— За Силию вам нечего беспокоиться,— говорил он, приглашая девушку покататься верхом,— я присмотрю за ней. Я, правда, за ней присмотрю.

Мириам понимала, что он хотел сказать. Она чувствовала, что Питеру Мейтланду можно доверять.

Питеру было кое-что известно об отношениях между Силией и ее майором. Ненавязчиво, очень осторожно, чтобы не обидеть девушку, он дал ей совет:

— Такой девушке, как ты, Силия, надо выходить за того, у кого водятся денюжки. Ты из тех, кому нужна опека. Я не хочу сказать, что тебе следует выйти за какого-нибудь противного богатого еврея — ничего подобного. А вот за славного малого, который любит спорт и все такое и который мог бы о тебе заботиться,— это да!

Когда у Питера кончился отпуск и он вернулся в свой полк, который стоял в Олдершоте, Силия очень без него заскучала. Она писала ему, а он — ей: это были бездумные письма, непринужденные, как беседа.

Когда Джонни де Бэр в конце концов смирился с тем,

что ему отказали, Силия почувствовала себя словно выжатой. Она даже не подозревала, сколько сил уйдет у нее на то, чтобы противостоять его натиску. Едва произошел окончательный разрыв, как она засомневалась: не будет ли потом раскаиваться. Похоже, она питала к нему более глубокие чувства, чем сама думала. Теперь ей не хватало волнения, которое вызывали у нее его письма, его подарки, его домогательства.

Как к этому отнеслась мать, Силия могла только догадываться. Почувствовала ли Мириам облегчение или же огорчилась? Силия думала то так, то эдак и, собственно говоря, от истины далека не была.

Первое, что почувствовала Мириам, было облегчение. Ей никогда не нравился Джонни де Бэр — она никогда не доверяла ему полностью, хотя и не могла бы сказать, что именно вызывало у нее подозрения. Он был, вне всякого сомнения, увлечен Силией. Ничего скандального в его прошлом не было, к тому же Мириам выросла в убеждении, что из мужчины, который перебесился, получится лучший супруг.

А больше всего ее беспокоило собственное здоровье. Сердечные приступы, которые прежде случались редко, теперь участились. Из недомолвок, умолчаний и дипломатического языка врачей она сделала вывод, что она может и долго прожить — и внезапно умереть. А что тогда будет с Силией? Осталось так мало денег. Как мало, знала только Мириам.

Совсем... совсем мало.

Комментарий Дж. Л.

Напрашивается мысль: «Так почему же, если денег было так мало, Мириам не учила Силию какому-нибудь ремеслу?»

Но не думаю, чтобы такая мысль когда-либо приходила в голову Мириам. Она, мне кажется, была очень восприимчива к новым идеям и новым веяниям, но вряд ли она набрела именно на эту идею. А если бы даже и так, — не думаю, чтобы она с горячностью за нее ухватилась.

Надо полагать, она знала, сколь ранима Силия. Вы скажете, что девочку следовало бы воспитать иначе, но я не верю, что это возможно. Как и все, кто живет, ориентируясь на внутреннее видение, Силия не поддавалась влияни-

ям извне. Когда дело касалось обыденных вещей, она становилась просто дурочкой.

Думаю, Мириам знала недостатки дочери. Думаю, что подбором книг для Силии — Бальзака и других французских романистов — она преследовала некую цель. Французы — великие реалисты. Я думаю, она хотела, чтобы Силия воспринимала жизнь и человеческую натуру такими, какие они есть, — как нечто обыденное, чувствительное, прекрасное и изменное, и трагическое, и в высшей степени забавное. В этом Мириам не преуспела, поскольку характер Силии был под стать ее внешности: она была холодна как скандинавка. Ей по вкусу были длинные саги¹ и эпические сказания о путешествиях и героях. Если в детстве она предпочитала волшебные сказки, то, когда выросла, читала в основном Метерлинка², Фиону Маклеод³ и Йейтса⁴. Читала она и другие книги, но они казались ей такими же ненастоящими, как практически любому реалисту кажутся ненастоящими сказки и всякие фантастические истории.

Какими уродились, такие мы и есть. Какой-нибудь скандинавский предок обрел новое воплощение в Силии. Цветущая бабушка, веселый и компанейский Джон, живая, как ртуть, Мириам — через кого-то из них передалось ей то потаенное, что они, не догадываясь, носили в себе.

Интересно наблюдать, как из повествования Силии совсем исчезает ее брат. Но ведь Сирил наверняка часто приезжал домой — на праздники или в отпуск.

Сирил поступил на военную службу и отбыл служить в Индию до того, как Силия вышла в свет. Ни в ее жизни, ни в жизни Мириам брат никогда не занимал очень большого места. Он, подозреваю, был — с тех пор, как пошел служить в армию — причиной больших расходов. Потом он женился, оставил военную службу и уехал в Родезию⁵, где стал фермером и постепенно ушел из жизни Силии.

¹ Сага — древнескандинавское героическое сказание

² Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский драматург и поэт, близкий символизму

³ Фиона Маклеод — псевдоним шотландского писателя Уильяма Шарпа (1855—1905), под которым он опубликовал серию кельтских сказаний и лирических стихов

⁴ Йейтс Уильям Батлер (1865—1933) — ирландский поэт, драматург, эссеист.

⁵ Родезия — общее название двух бывших английских колоний на юге Африки. После получения независимости Северная Родезия стала называться Замбией, а Южная Родезия — Зимбабве.

Джим и Питер**1**

И Мириам, и ее дочь верили в силу молитвы. Сначала Силия молилась добросовестно, с осознанием греха, потом молитвы ее стали умозрительными и суховатыми. Но она так никогда и не рассталась с детской своей привычкой молиться по каждому поводу. Входя в бальный зал, Силия непременно скажет тихонько: «О Господи, сделай так, чтобы я не стеснялась. Пожалуйста, Господи. И пусть шея у меня не покрывается пятнами». На званых ужинах взмолятся: «Помоги мне придумать, Господи, о чем говорить, пожалуйста». Молилась она и о том, чтобы по-умному составить очередность партнеров и танцевать с теми, с кем ей хотелось. Молилась, чтобы не было дождя, когда они отправлялись на пикник.

Молитвы Мириам были более пылкими и дерзкими. Она вообще была женщиной смелой. Для своей любимицы она не просила, а требовала у Бога! Она молилась с таким пылом, с такою страстью, что не могла поверить, чтобы Господь не откликнулся. Хотя, возможно, многие из нас, говоря, что их молитвы остались без ответа, на самом деле имели в виду, что ответом было «Нет».

Мириам не была уверена, стало ли появление Джонни де Бэра ответом на ее молитву, но в том, что Джим Грант явился в ответ на ее мольбу, не сомневалась.

Джиму очень хотелось заняться фермерством, и родители отослали его на ферму, что была неподалеку от дома Мириам. Сделали они это сознательно, полагая, что та присмотрит за их мальчиком. И это поможет ему избежать беды.

В свои двадцать три года Джим выглядел почти так же, как и в тринадцать. То же славное скуластое лицо, круглые яркие синие глаза, та же добродушная и энергичная манера говорить. Та же ослепительная улыбка и та же привычка хохотать, закинув назад голову.

Джиму исполнилось двадцать три, и сердце его было не занято. Стояла весна. Он был сильным здоровым юношей и часто бывал в доме у Мириам, а Силия была молодая, белокура и красива, и, так как от природы никуда не деться, он влюбился.

Для Силии это была еще одна дружба — вроде той,

какую она водила с Питером Мейтландом, с той только разницей, что характер Джима был ей больше по душе. Она всегда считала Питера немного «размазней». У него не было честолюбия. А Джима честолюбие переполняло. Он был молод и к жизни относился очень серьезно. Фраза «жизнь реальна, жизнь серьезна»¹ могла быть сказана специально для таких, как Джим. Его желание заняться фермерством происходило вовсе не от любви к земле. Сельское хозяйство интересовало его с научно-практической точки зрения агрономный сектор Англии должен давать большую отдачу, чем сейчас. Нужна только наука и воля к победе. А силы воли Джиму было не занимать. У него об этом были даже книги, которые он давал читать Силии. Он очень любил давать другим читать книги. Его интересовали также теософия², биметаллизм³, экономика, христианская наука⁴.

Ему нравилась Силия, потому что она так внимательно его слушала. Она читала все книги, которые он ей давал, и умно о них высказывалась.

Если ухаживание Джонни де Бэра за Силией было следствием плотского влечения, то ухаживание Джима Гранта шло почти целиком от ума. На этом этапе развития своей карьеры он был поистине напшигован серьезными идеями — почти до занудства. Силии же он нравился больше всего не тогда, когда глубокомысленно рассуждал об этике или о миссис Эдди, а когда, запрокинув голову, хохотал.

Объяснение Джонни де Бэра в любви застало Силию врасплох, но то, что Джим будет просить ее руки, она поняла раньше, чем он это сделал.

Иногда у Силии возникало чувство, что жизнь — это

¹ Цитата из стихотворения «Псалом жизни» американского поэта Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807—1882).

² Теософия — в широком смысле — мистическое учение, претендующее на раскрытие обоим божественных тайн.

³ Биметаллизм — экономическая теория, обосновывающая допустимость денежной системы с двойной металлической валютой — золотом и серебром; между ними устанавливается стоимостное соотношение.

⁴ Христианская наука — популярное в начале XX века учение, основанное американской теософкой Мэри Бейкер-Эдди (1821—1910), призывавшей вернуться к древнему христианству; по ее собственному определению, «научная система божественного исцеления».

словно узор на ткани — ты то челноком вплетаешься в нее, то вынырываешь, подчиняясь заданному образцу. И ей начинало казаться, что Джим — это образец для нее. Он был предначертан ей судьбой — с самого начала. Какой счастливой выглядела теперь ее мать!

Джим был просто прелесть — он ей безмерно нравился. Скоро он попросит ее руки, и тогда она будет чувствовать себя так же, как когда это произошло с майором де Бэром (она всегда так называла его про себя, никогда — Джонни), — взволнованной и растревоженной — и сердце будет так быстро биться...

Джим сделал предложение воскресным полднем. Он все спланировал еще несколько недель тому назад. Ему нравилось разрабатывать планы и выполнять их. Он считал, что это — разумно.

День выдался дождливый, после чая они сидели в классной комнате. Силия играла на рояле и пела. Джиму нравились песенки Гилберта и Саливена¹.

Когда Силия закончила, они сели на диван и заговорили о социализме и о доброте человеческой. Потом наступило молчание. Силия сказала что-то о миссис Безант², но Джим ответил невпопад.

Опять наступило молчание, и тогда Джим, густо покраснев, сказал:

— Ты, наверное, знаешь, что ты мне очень нравишься, Силия. Хочешь, чтобы мы обручились, или лучше подождешь немного? Мне кажется, мы будем очень счастливы вместе. У нас так много общего во вкусах.

Он вовсе не был так спокоен, как казалось. Будь Силия постарше, она бы это увидела. Она бы разгадала, почему у него слегка дрожат губы, а рука нервно пощипывает подушку дивана.

А так — ну что ей сказать?

Она не знала — и не сказала ничего.

— Мне кажется, я тебе тоже нравлюсь, — продолжал Джим.

¹ Гилберт, сэр Уильям Швенк (1836—1911) — известный английский драматург-юморист, автор либретто к многочисленным опереттам композитора Саливена, сэра Артура Сеймура (1842—1900), пользовавшимся в свое время огромной популярностью.

² Бэзант Анни (1847—1933) — англичанка, участница индийского национально-освободительного движения, английская последовательница теософии и спиритизма.

— Нравишься, нравишься,— с жаром воскликнула Силия.

— Вот это — самое важное,— сказал Джим.— Чтобы люди действительно нравились друг другу. Это надолго. А страсть,— он слегка зарумянился, когда произнес это слово,— нет. Я думаю, мы с тобой, Силия, будем совершенно счастливы. Я хочу жениться молодым.— Он помолчал и добавил: — Послушай, по-моему, лучше всего будет, если мы обручимся с испытательным сроком, скажем, в полгода. Никому об этом не будем говорить — только твоей матушке и моей. А потом, через полгода, ты и решишь окончательно.

Силия с минуту размышляла.

— Ты думаешь, так лучше? Я хочу сказать, что я, может, даже и тогда не...

— Если не решишься, тогда, конечно, нам жениться не следует. Но ты решишься. Я знаю, все будет как надо.

Какая спокойная уверенность звучала в его голосе! Он так уверен. Он знает.

— Хорошо,— сказала Силия. И улыбнулась.

Она ждала, что он ее поцелует, но он не поцеловал. Ему очень хотелось, но он стеснялся. Они продолжили свой разговор о социализме и человеке, но рассуждения их стали, пожалуй, не столь логичны, как могли бы быть.

Потом Джим сказал, что ему пора, и встал.

Минуту они стояли в растерянности.

— Ну,— сказал Джим,— пока. В следующее воскресенье опять приеду, а может, и раньше. И напишу.— Он запнулся.— Я буду... ты меня не поцелуешь, Силия?

Они поцеловались. Довольно неумело.

«Совсем так же, как если бы я целовала Сирила»,— подумала Силия. Только, вспомнила Силия, Сирил никогда не любил целоваться...

Ну вот. Теперь она помолвлена с Джимом.

2

Мириам просто сияла от счастья, а потому и Силия радовалась своей помолвке.

— Милая моя, я так за тебя рада. Он такой славный. Честный и мужественный, он позаботится о тебе. И с семьей их мы так долго дружим, они так любили твоего отцу. Надо же было такому случиться — их сын и наша доч .

Силия, я так огорчалась, когда за тобой ухаживал майор де Бэр. У меня было чувство, что это как-то не так... не то, что тебе нужно.— Она помолчала и вдруг добавила: — И я очень за себя боялась.

— За себя?

— Да, я так хотела, чтобы ты была все время со мной... чтобы ты не выходила замуж. Это было эгоистично. Я говорила себе, что в жизни у меня будет тогда меньше тревог — ни забот, ни детей, ни хлопот... Если бы не мысль, что я так мало смогу тебе оставить — так мало средств,— я бы не удержалась от искушения... Трудно, Силия, матерям не быть эгоистками.

— Чепуха,— сказала Силия,— ты чувствовала бы себя страшно оскорбленной — другие-то девушки ведь уже вышли замуж.

Она и раньше подмечала — и это забавляло ее,— как сильно переживает за нее мать. Если вдруг оказывалось, что другая девушка лучше одета или остроумна в беседе, Мириам тут же выказывала сильнейшее раздражение,— в отличие от самой Силии. Мать не могла примириться с мыслью, что Элли Мейтланд вышла замуж. Как правило, Мириам вспоминала добрым словом только тех девушек, которые были настолько невзрачны и крикливо одеты, что уж никак не могли соперничать с Силией. Эта черта в характере матери порой раздражала Силию, но чаще вызывала жалость. Голубушка, какая же она смешная — как нахохлившаяся наседка. В такие минуты ей даже логика отказывает!.. И все равно — как это славно — так любить свою дочь. В зависти Мириам была такой же неумейкой, как и во всех своих чувствах и поступках.

Сейчас Силия радовалась, что мать счастлива. Действительно, все сложилось просто замечательно. Так хорошо выйти замуж за человека из семьи старых друзей. И Джим, конечно, ей действительно нравился больше всех ее знакомых, несравненно больше. Он как раз был таким человеком, каким, в ее представлении, и надлежало быть мужу. Молодой, уверенный в себе, полный идей.

Девушки, только что обручившиеся,— они всегда, вероятно, впадают в уныние? Наверняка впадают! Помолвка — это что-то такое окончательное, бесповоротное.

Зевая, Силия взялась за миссис Безант. Теософия тоже наводила уныние. Многое в ней казалось таким глупым.

Биметаллизм — получше.

А вообще все стало скучным — куда скучнее, чем еще два дня назад.

Утром на тарелке у нее лежало письмо — почерк был Джима. Силия слегка покраснела. Письмо от Джима. Первое письмо с тех пор...

Впервые она почувствовала легкое волнение. Многого он ей не сказал, так может — в письме...

Она пошла в сад и там вскрыла письмо.

Дражайшая Силия (писал Джим). Я сильно опоздал на ужин. Старая миссис Крэй порядком разозлилась, но старик Крэй был очень забавен. Он приказал ей не шуметь: я, сказал он про меня, за барышней ухаживал. Люди они и в самом деле ужасно милые и простые — шутки их беззлобны. Жаль, не слишком они восприимчивы к новым идеям — в сельском хозяйстве, я имею в виду. По мистеру Крэю не скажешь, что он хоть что-нибудь читал по этому вопросу: его вполне устраивают дедовские методы. Думаю, сельское хозяйство куда консервативнее любого другого производства. Все зиждется на крестьянском инстинкте, уходящем корнями в землю.

Наверное, надо было мне поговорить с твоей матушкой перед тем, как я вчера уехал. Но я ей написал. Надеюсь, против она не будет, если я тебя у нее заберу. Я понимаю, как много ты для нее значишь, но думаю, что я ей по душе. Может быть, я и вправду приеду в четверг — смотря какая будет погода. Если не в четверг, тогда — в воскресенье.

Люблю.

*Обожающий тебя
Джим.*

После писем Джонни де Бэра могло ли сие послание вызвать бурю восторгов у девушки?

Силия разозлилась на Джима.

Она знала, что с радостью бы его любила, будь он чуточку другим.

Она изорвала письмо в мелкие клочки и выбросила их в канаву.

Человеком, созданным для любви, Джим не был. Он был слишком занят собой. Кроме того, взгляды его и мнения были очень твердыми и определенными.

Да и Силия не была из тех, кто мог бы привести в смятение ту часть его души, что смятению поддается. Женщи-

на опытная, которую застенчивость Джима только бы подстегнула, могла бы заставить его потерять голову — что пошло бы парню лишь на пользу.

Так и вышло, что в их отношениях с Сирией что-то не заладилось. Дух товарищества, присущий их дружбе, был утрачен, а взамен не появилось ничего.

Сирия все так же восторгалась характером Джима, скупала от его разговоров, приходила в бешенство от его писем, и вообще — жизнь нагоняла на нее тоску.

Единственное, что ее действительно радовало, это то, что мама счастлива.

Пришло письмо от Питера Мейтланда, которому она написала, взяв с него слово секрета не выдавать.

Всего тебе, Сирия, самого лучшего (писал Питер). Мне он кажется вполне надежным парнем. Ты ничего не пишешь, как у него с финансами. Надеюсь, что в порядке. Девушки не забывают себе голову такими мелочами, но, поверь мне, дорогая Сирия, это важно. Я гораздо старше тебя и повидал женщин, которые всю жизнь тянут лямку вместе с мужьями и до ужаса обеспокоены тем, как свести концы с концами. Хотелось бы мне, чтобы ты жила по-королевски. Ты не из тех, кто может терпеть лишения.

Что еще сказать. Я внимательно присмотрюсь к твоему жениху, когда в сентябре приеду домой, тогда и решу, достой ли он тебя. Впрочем, не думаю, что такой вообще найдется!

Всего тебе самого доброго, старушка, и здравствуй долго-долго.

*Всегда твой
Питер.*

Может показаться странным, но помолвка радовала Сирию главным образом из-за будущей свекрови.

К ней снова вернулось восхищение, испытанное в детские годы перед миссис Грант. Как и раньше, она думала, что миссис Грант — женщина очаровательная. Теперь совсем седая, она по-прежнему держалась с королевской грацией, голубые глаза ее были все так же прекрасны и так же великолепно фигура, тот же незабываемый, чистый и красивый голос, тот же властный характер.

Миссис Грант прекрасно понимала, в каком Сирия от нее восторге, и ей это было приятно. Возможно, она не вполне была довольна помолвкой — возможно, не все ее тут устраивало. Она вполне была согласна с решением,

которое приняли молодые люди: через полгода устроить публичную помолвку, а годом позже обвенчаться.

Джим обожал свою мать и был доволен, что Силия тоже ее обожает.

Бабушка была очень рада, что Силия обручилась, но считала нужным делать намеки на трудности семейной жизни — на то, например, что у бедняжки Джона Годолфина в медовый месяц обнаружился рак горла или что адмирал Коллингуэй наградил жену дурной болезнью, а потом занялся гувернанткой и дошло дело до того, что бедняжка миссис Коллингуэй не могла даже горничную держать в доме: муж наскакивал на них из-за дверей в чем мать родила. Ясное дело, они не задерживались.

Силия считала, что Джим — человек здоровый и у него никак не может быть рака горла («Ах, моя дорогая, заболевают-то как раз люди здоровые», — не преминула вернуть бабушка), и даже при самой необузданной фантазии невозможно было представить себе тихоню Джима старым распутником, насакивающим на горничных.

Бабушке Джим понравился, но — втайне — она чувствовала некоторое разочарование Молодой человек, который не пьет, не курит и конфузится от шуток, — что это за молодой человек? Если начистоту, то бабушка отдавала предпочтение кавалерам более мужественным.

— Однако, — сказала она с надеждой, — я видела, как вчера вечером он собирал в пригоршню гравий с террасы — там, где ты ступала, — и мне это показалось очень милым.

Напрасно Силия пыталась объяснить, что его интерес был чисто геологическим. Бабушка таких объяснений не приняла.

— Это тебе он так сказал, милая. Но я-то молодых людей знаю. Носил же молодой Плантертон семь лет у самого сердца мой платок, а встретились мы с ним всего один раз — на балу.

Из-за бабушкиной неосмотрительности новость дошла до миссис Люк.

— Ну, дитя мое, я слышала, что вы договорились с молодым человеком. Я рада, что ты отказала Джонни. Джордж не позволял мне говорить тебе ничего такого, что бы тебя от Джонни оттолкнуло: он ведь считается хорошей партией. Но я всегда думала, что он похож на воблу.

Так говорила миссис Люк.

И продолжала:

— Роджер Рейнс всегда о тебе справляется. Я его отговариваю. Он, конечно, человек состоятельный, потому серьезно и не занимается своим голосом, а ведь мог бы быть профессионалом. Но я полагаю, он тебе не очень понравился — этакий толстый коротышка. Съедает на завтрак бифштекс, а когда бреется, обязательно себя порежет. Терпеть не могу мужчин, которые после бритья ходят порезанными.

5

Как-то в июле Джим приехал в невероятно возбужденном состоянии. Очень богатый человек, друг его отца, отправляется в кругосветное путешествие — изучать сельское хозяйство. Он предложил Джиму поехать с ним.

Джим довольно долго и взволнованно разглагольствовал. Он поблагодарил Силию за то, что она с интересом его выслушала и согласилась отпустить его. Он чувствовал себя несколько виноватым: ведь его отъезд может ее огорчить.

Недели через две он двинулся в путь, вне себя от радости; из Дувра¹ Силии пришла прощальная телеграмма:

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ БЕРЕГИ СЕБЯ — ДЖИМ

Каким прекрасным может быть августовское утро!

Силия вышла на посыпанную гравием дорожку перед домом и огляделась. Раннее утро... на траве еще лежит роса... и отлогий зеленый склон, который Мириам не разрешила пустить под клумбы. Вон бук — разросшийся как никогда, густой, темно-зеленый. И небо совершенно голубое... голубое... голубое, как море.

«Никогда,— думала Силия,— я не была так счастлива». Давно знакомая боль охватила ее. Было так чудесно — так чудесно... чудесно до боли.

О, этот прекрасный, прекрасный мир.

Прозвучал гонг. Она пошла в дом, завтракать.

Мать взглянула на нее.

— У тебя очень счастливый вид, Силия.

— Я счастлива. День такой чудесный.

Мать тихо сказала.

¹ Дувр — город и порт в Великобритании у пролива Па-де-Кале, ближайший к европейскому берегу.

— Дело не только в этом. Потому что уехал Джим, да? До этого мгновения Силия едва ли понимала это сама. Какое облегчение, несказанное радостное облегчение! Девять месяцев не надо будет читать теософию или книги по экономике. Девять восхитительных месяцев она сможет жить так, как ей угодно,— чувствовать, что ей угодно. Она свободна, свободна, свободна

Она взглянула на мать, и Мириам взглянула на нее.

Мириам осторожно заметила:

— Не надо тебе за него выходить. Не стоит — если у тебя такое настроение. Я ведь не знала.

Слова посыпались градом:

— Я и сама не знала. Я думала, что люблю его, да, я не встречала человека лучше... и он такой замечательный во всем.

Мириам грустно кивала. Вот и рухнул ее вновь обретенный покой.

— Я с самого начала видела, что ты его не любишь, но я думала, что, может быть, полюбишь, когда вы обручитесь. А вышло наоборот... ты не должна выходить замуж за того, с кем скучно.

— Мне скучно?! — возмутилась Силия.— Но он такой умный — с ним не может быть скучно.

— А ведь было именно скучно, Силия.— Она вздохнула и прибавила: — Он еще совсем молоденький.

Наверное, именно в ту минуту и пришла ей в голову мысль, что если бы Джим и Силия встретились, когда Джим станет постарше, все было бы хорошо. Ее потом не покидало ощущение, что Джиму и Силии до любви не хватило самой малости — но не хватило...

И хотя она была разочарована, хотя и беспокоилась за будущее Силии, в тайниках души ее пел, ликуя, тоненький голосок: «Она еще не уходит от меня. Она еще от меня не уходит».

6

Как только Силия написала Джиму, что не пойдет за него замуж, она почувствовала, что у нее гора с плеч свалилась.

Когда в сентябре приехал Питер Мейтланд, он удивился ее приподнятому настроению и красоте.

— Ты, значит, порвала с тем малым, Силия?

— Да.

— Бедный малый. Осмелюсь сказать, тем не менее, что того, кто тебе больше будет по душе, ты найдешь скоро. Догадываюсь, к тебе многие обращаются с предложениями руки и сердца.

— Не так уж и многие.

— Сколько же их было всего?

Силия задумалась.

Забавный коротышка капитан Гейл — в Каире, и глупый мальчишка на пароходе по дороге назад (если это, конечно, считается), да еще майор де Бэр, и Ральф, и его друг — чайный плантатор (который, между прочим, к этому времени уже женился на другой), ну и Джим — и еще неделю назад произошла эта смехотворная история с Роджером Рейнсом.

Не успела миссис Люк проведать, что помолвка Силии разорвана, как прислала телеграмму с приглашением приехать погостить к ней. Там собирался быть Роджер, а Роджер всегда спрашивал у Джорджа, нельзя ли сделать так, чтобы опять увидеть Силию. Все получалось как нельзя лучше. Часами они пели вместе в гостиной.

«Если бы он только мог пропеть свое предложение руки и сердца, она бы наверняка согласилась», — с надеждой думала миссис Люк.

— Почему она не пойдет за него? Рейнс — славный малый, — сказал Джордж с укоризной.

Мужчинам объяснять бесполезно — где им понять, что женщины «находят» или «не находят» в том или ином мужчине.

— Толстоват, конечно, — согласился Джордж. — Но внешность для мужчины значения не имеет.

— Эту поговорку мужчина выдумал, — обрезала его миссис Люк.

— Ну, будет, Эми, вам, женщинам, нужна ведь не болванка для париков.

Он упорно доказывал, что «Роджер должен попытаться счастья».

Лучшей для Роджера возможностью было бы пропеть свое предложение. У него был великолепный голос, который мог глубоко взволновать. Слушая его пение, Силия без труда могла бы поверить, что любит его. Но кончалась музыка, и Роджер опять становился самим собой.

Сводничество миссис Люк немного беспокоило Силию. Она заметила особое выражение в ее глазах и всячески из-

бегала оставаться наедине с Роджером. Замуж за него она не хотела. Так к чему доводить дело до объяснений?

Но супруги Люк твердо решили дать Роджеру возможность попытать счастья, и Силия оглянуться не успела, как уже ехала в двуколке с Роджером на какой-то пикник.

Нельзя сказать, что поездка была удачной. Роджер разглагольствовал о прелестях домашнего уюта, а Силия утверждала, что куда веселее жить в гостинице. Роджер говорил, что всегда мечтал жить не дальше, чем в часе езды от Лондона, но на природе.

— Где бы вам меньше всего хотелось жить? — полюбопытствовала Силия.

— В Лондоне. Жить в Лондоне выше моих сил.

— Подумать только,— заметила Силия.— Это — единственное место, где я смогла бы жить

Произнеся эту ложь, Силия спокойно посмотрела на него.

— Думаю, и я смогу,— со вздохом проговорил Роджер,— если найду свой идеал. Мне кажется, этот идеал я нашел. Я...

— Я обязательно должна рассказать вам об очень смешном происшествии, что случилось намеренно,— в отчаянии перебила его Силия.

Рассказа ее Роджер не слушал. Не успела Силия умолкнуть, как он вновь принялся за свое:

— Знаете, Силия, с тех самых пор, как я вас впервые встретил...

— Видите ту птичку. По-моему, это щегол.

Но положение ее было безнадежным. Если мужчина твердо решил сделать предложение, а женщина твердо решила этого не допустить, верх всегда берет мужчина. Чем больше Силия пыталась отвлечь его внимание, тем решительнее он держался. Его потом ужасно оскорбил ее резкий — до грубости — отказ. А Силия была вне себя от того, что не смогла предотвратить объяснение, и раздосадована, увидев, как искренне удивился Роджер, когда она отказалась выйти за него. К дому подкатили в ледяном молчании. Роджер сказал Джорджу, что в конце концов он, наверное, счастливо отделался — девица оказалась с норовом...

Все это ей вспомнилось, пока она раздумывала над вопросом Питера.

— Семеро, по-моему,— сказала она не вполне уверенно,— но по-настоящему только двое.

Они сидели на поле для гольфа, в траве, у живой изгороди. Оттуда открывалась панорама прибрежных скал и моря.

У Питера погасла трубка. Он обрывал головки маргариток.

— Вот что, Силия, — произнес он голосом напряженным и странным, — можешь... можешь внести и меня в этот список, когда тебе захочется.

Она с изумлением взглянула на него.

— Тебя?

— Да, а ты что, не знала?

— Нет, даже и не подозревала. По тебе совсем не скажешь.

— У меня это давно уже — почти с самого начала... Мне кажется, я знал об этом уже на Эллиной свадьбе. Только, видишь, ли, Силия, я не очень подходящая для тебя пара. Тебе нужен напористый, башковитый — знаю, нужен, нужен. Я-то знаю, каков твой идеал мужчины. Не такой ленивый и не такой беззаботный, как я. В жизни я не преуспею. Не так устроен. Отслужу без спешки и уйду в отставку. Без всяких всплесков и фейерверков. И с деньгами у меня туго. Пять-шесть сотен в год — вот и все, на что пришлось бы жить.

— Я не против.

— Знаю, что нет, только вот я — против, ради тебя. Потому что ты понятия не имеешь, что это такое, а я знаю. Ты лучшего заслуживаешь, Силия, самого лучшего. Ты красавица, ты можешь выйти замуж за любого. Я не хочу, чтобы ты потратила свою молодость на ничтожного солдата. Без постоянной крыши над головой, вечные чемоданы и переезды. Нет, я ведь намеревался всю жизнь молчать и дать тебе выйти за того, кто и должен быть у такой красавицы. Просто я подумал, а вдруг не получится, не выйдешь ты, и тогда... и тогда у меня может вдруг появиться шанс.

Тонкая белая рука робко потянулась и легла на руку, смуглую от загара. Та стиснула ее. Как хорошо — чувствовать руку Питера!

— Не знаю, следовало ли говорить теперь. Но нас опять отправляют за границу. И я подумал, что, прежде чем уехать, я должен все-таки сказать тебе. Если суженый не явится, я здесь... всегда... жду...

Питер, дорогой, дорогой Питер... Каким-то образом

Питер был частью того мира, где были детская, и сад, и Раунси, и бук. Покой... счастье... дом...

Какая была она счастливая — вот так сидеть и видеть вдаль море и чувствовать свою руку в руке Питера. Ей будет всегда хорошо с Питером. Милым, беззаботным, добрым Питером.

Все это время он так и не взглянул на нее. Его темное от загара лицо было мрачным, напряженным.

Силия сказала:

— Я очень тебя люблю, Питер. Мне хотелось бы стать твоей женой...

Он повернулся — это получилось медленно, как и все, что он делал. Обнял ее... его темные добрые глаза смотрели прямо в ее глаза.

Он ее поцеловал — не так неловко, как Джим, не так страстно, как Джонни, но с глубокой, успокаивающей душу нежностью.

— Любовь моя, — шептал он, — милая моя любовь...

7

Силия, не откладывая, хотела выйти замуж за Питера и уехать с ним в Индию. Но Питер отказался наотрез.

Он твердил упрямо, что она совсем еще девочка — ей всего девятнадцать — и надо еще подождать.

— Я чувствовал бы себя настоящей сволочью, ухватись я за тебя сейчас. Может, ты передумаешь — может, встретишь того, кто куда больше придется тебе по душе.

— Не передумаю — нет!

— Откуда тебе знать. Разве мало девушек, которые в девятнадцать лет кем-то увлекутся, а потом, к двадцати двум, удивляются, что они смогли в этом человеке найти. Подгонять тебя я не собираюсь. Тебе надо дать побольше времени — ты должна быть до конца уверена, что не совершаешь ошибки.

Побольше времени. Так Мейтланды и рассуждали: никогда не торопить события — впереди уйма времени. И поэтому опаздывали на поезда, на встречи, опаздывали к столу, а иной раз случалось им прозевать и что-нибудь поважнее.

С Мириам Питер говорил в таком же духе.

— Вы знаете, как я люблю Силию, — сказал он. — Помоему, вы это знали с самого начала. Поэтому и доверяли

ее мне со спокойным сердцем. Я понимаю, что не за такого вам бы хотелось ее выдать ..

Мириам перебила:

— Я хочу, чтобы она была счастлива. Думаю, с тобой она будет

— Я бы жизни не пожалел, чтобы сделать ее счастливой,— вы это знаете. Но подгонять ее не хочу. Может, ей подвернется человек с деньгами и, если будет по душе .

— Не в одних деньгах счастье. Я и в самом деле надеялась, что Силии ни в чем не придется испытывать нужду. Но если вы любите друг друга — на жизнь у вас достаточно, только будьте бережливы.

— Для женщины такая жизнь — собачья. Да и от вас ее придется увезти.

— Если она тебя любит ..

— Вот именно «если». Вы это понимаете. Надо, чтобы у Силии был выбор. Она еще совсем девочка и не знает, чего хочет. Через два года я вернусь в отпуск. Если чувства ее останутся прежними...

— Надеюсь, останутся.

— Знаете, она такая красивая. По-моему, она заслуживает лучшего. Партия я для нее никудышная.

— Незачем себя принижать,— решительно произнесла Мириам — Женщины не любят этого.

— Наверное, вы правы.

Две недели, что Питер провел дома, они с Силией были очень счастливы. Два года пролетят незаметно.

— И обещаю быть тебе верной, Питер. Вернешься и увидишь, что я тебя жду.

— Вот этого, Силия, делать и не следует — не считай, что ты связана обещанием. Ты совершенно свободна.

— Я не хочу быть свободной.

— Все равно, ты свободна.

Она вдруг возмутилась:

— Если бы ты любил меня по-настоящему, то женился бы сейчас и увез с собой.

— Любовь моя, разве ты не понимаешь, что я не делаю этого как раз потому, что очень тебя люблю?

Глядя на расстроенное его лицо, она понимала, что — да, он любит ее, но той любовью, когда боишься прикоснуться к желанному сокровищу.

Через три недели Питер уплыл в Индию. А через год и три месяца Силия стала женой Дермута.

Глава 9

Дермут

1

В жизнь Силии Питер входил постепенно, Дермут же буквально ворвался.

Он тоже был военным, но на этом сходство и кончалось: трудно представить себе людей, более разных, чем Дермут и Питер.

Силия встретила его на офицерском балу в Йорке, где была с четой Люков.

Когда ее познакомили с этим высоким молодым человеком с ярко-голубыми глазами, он попросил:

— Будьте добры, запишите меня на три танца.

Протанцевав два, он попросил еще три. Все ее танцы были расписаны. Тогда он сказал:

— Ерунда, выбросьте кого-нибудь.

Он взял у нее программку и вычеркнул три первых попавшихся имени.

— Готово,— сообщил он.— Не забудьте. Я подойду пораньше, чтобы вас вовремя перехватить.

Загорелый, высокий, с темными вьющимися волосами и голубыми, чуть раскосыми, как у фавна¹, глазами — метнет и тут же отведет взгляд. Держится решительно, с таким видом, что своего обязательно добьется — при любых обстоятельствах.

Когда бал подходил к концу, он полюбопытствовал, долго ли Силия намерена пробыть в этих краях. Она ответила, что уезжает завтра. Доводится ли ей бывать в Лондоне, поинтересовался он.

Она ответила, что в будущем месяце поедет погостить к бабушке. Дала ему адрес.

Он сказал:

— Может, и я буду тогда же в городе. Заеду вас проводить.

— Заезжайте — сказала Силия.

Но ни секунды не думала всерьез, что он заедет. Месяц — это так долго. Он налил ей лимонаду, и она его потягивала, и они болтали о жизни, и Дермут сказал, что если

¹ Фавн — в древнеримской мифологии бог полей и лесов, покровитель стад

чего-то очень захочешь, то, на его взгляд, обязательно своего добьешься.

Силия чувствовала себя виноватой, что так получилось с обещанными танцами,— поступать подобным образом было не в ее привычках,— но почему-то ничего не могла поделать. Такой уж он был, этот Дермут.

Будет жалко, если она никогда его больше не увидит.

Но, по правде говоря, она и думать о нем забыла, как вдруг однажды, переступив порог дома в Уимблдоне, она увидела, что бабушка, наклонившись в своем огромном кресле вперед, оживленно болтает с молодым человеком, лицо и уши которого полыхают от смущения.

— Надеюсь, вы меня еще помните,— промямлил Дермут.

С чего это он стал таким застенчивым?

Конечно, помню, заверила Силия, а бабушка, у которой молодые люди всегда находили сочувствие, пригласила его остаться поужинать, что он и сделал. После ужина они перешли в гостиную, и Силия для него спела.

Перед уходом он предложил план на завтра. У него есть билеты на дневной спектакль — не хочет ли Силия приехать в город и сходить с ним в театр? Когда обнаружилось, что он приглашает только Силию, бабушка засомневалась. По ее словам, матери Силии это может не понравиться. И все же молодой человек ухитрился уломать бабушку. Она сдалась, но наказала ему ни в коем случае никуда не водить Силию пить чай после театра. Пусть сразу же едет домой.

Так и решили, и Силия встретила с ним на дневном спектакле, и ни один спектакль ей еще так не нравился, как этот, и чай они пили — в буфете на вокзале Виктории, ибо Дермут сказал, что пить чай на вокзале — не считается...

Он приезжал еще два раза, пока Силия гостила у бабушки.

На третий день после своего возвращения домой Силия пила чай у Мейтландов, когда ее позвали к телефону. Звонила мама:

— Родная, тебе просто непременно надо вернуться домой. Приехал на мотоцикле один из твоих знакомых молодых людей, а мне, ты знаешь, мучительно вести разговоры с молодыми людьми. Поскорее возвращайся и займись им сама.

Всю дорогу домой Силия гадала, кто бы это мог быть. Он так невнятно, по словам мамы, пробормотал свое имя, что она не сумела разобрать.

Это оказался Дермут. Вид у него был отчаянный, решительный и несчастный, и, казалось, он был совершенно не в состоянии говорить с Силией, когда увидел ее. Он лишь сидел и, не глядя на нее, бормотал что-то невнятное.

Мотоциклет, по его словам, он взял у знакомых. Ему показалось, что было бы неплохо выбраться из Лондона и поездить несколько дней по окрестностям. Остановился он в гостинице. Завтра утром уезжает. А что, если им сначала пойти прогуляться?

В таком же состоянии он был и на другой день — молчаливый, несчастный, он избегал смотреть на Силию. Вдруг он сказал:

— Отпуск мой кончается, пора возвращаться в Йорк. Надо что-то решать. Я должен тебя видеть. Я хочу тебя видеть всегда — постоянно. Выходи за меня замуж.

Силия остановилась как вкопанная — она была потрясена. Она видела, что нравится Дермуту, но ей и в голову бы не пришло, что двадцатитрехлетний младший офицер вознамерится жениться.

Она сказала:

— Мне жаль... очень жаль... но я не могу... нет, не могу.

Как она, действительно, могла? Она же собиралась замуж за Питера. Она любит Питера. Да, по-прежнему любит, совсем как раньше, — но и Дермута она любит...

И она поняла, что больше всего на свете хочет стать женой Дермута.

— А мне все равно необходимо тебя видеть... Я, наверное, слишком поспешил с предложением... Я не мог ждать.

Силия сказала:

— Видишь ли, я обручена с другим...

Он взглянул на нее — один из этих его взглядов искоса — и сказал:

— Не важно. Откажись от него. Ты ведь любишь меня?

— По-моему, люблю.

Да, она любила Дермута больше всего на свете. Уж лучше быть несчастной с Дермутом, чем счастливой с кем-нибудь другим. Но зачем сразу думать о плохом? Почему с

Дермутом она будет несчастна? Потому, что она не знает, что он за человек. Он для нее совсем чужой.

Запинаясь, Дермут произнес:

— Я... я... это прекрасно... мы сразу же поженимся — я не могу ждать...

Силия подумала: «Питер. Я не смогу обидеть Питера...»

Но она знала, что Дермут, не задумываясь, обидит сколько угодно Питеров, она знала также, что, как Дермут скажет, так она и сделает.

В первый раз Силия глядела ему в глаза, и взгляд его больше не ускользывал и не убегал в сторону.

Глаза такие голубые...

Робко... нерешительно... они поцеловались.

2

Мириам отдыхала, лежа на диване у себя в комнате, когда вошла Силия. Достаточно было одного взгляда на лицо дочери, чтобы понять: произошло нечто из ряда вон выходящее. Молнией пронеслось в голове: «Тот молодой человек — не нравится он мне».

— Что случилось, родная? — спросила она.

— Мама, он хочет жениться на мне... и я хочу за него выйти, мама...

И бросилась к матери в объятия, уткнулась лицом ей в плечо.

А в мозгу Мириам, заглушая мучительное биение ее уставшего сердца, бешено застучала мысль:

— «Не нравится мне все это... не нравится... Но ведь это эгоизм: я просто не хочу, чтобы она ушла от меня».

3

Трудности начались чуть ли не с первого дня. Давить на Мириам так, как он это позволял себе с Силией, Дермут не мог. Он сдерживался, потому что не хотел настраивать мать против себя, но даже намек на возражение злил его.

Он признал, что денег у него нет — всего восемьдесят фунтов в год сверх его жалованья. Но разолился, когда Мириам спросила, как же они с Силией намереваются жить. Ответил, что у него еще не было времени об этом подумать. Уверен, что проживут как-нибудь — Силия не боится немножко побыть бедной. Когда Мириам замети-

ла, что младшие офицеры обычно не женятся, он заметил с раздражением, что он таких порядков не заводил.

Силии он сказал с горечью:

— Кажется, твоя мать решила всё свести к деньгам.

Словно ребенок, которому не дают понравившуюся игрушку, он не хотел слушать никаких доводов разума.

Когда он уехал, Мириам пребывала в великом расстройстве. Она чувствовала, что помолвка будет тянуться долго, многие годы — без особых надежд на брак. Может, думала она, не надо допускать помолвки... Но она слишком любит Силию, чтобы причинить ей такую боль...

Силия сказала:

— Мама, я должна выйти замуж за Дермута. Должна. Другого я никогда не полюблю. Всё как-нибудь образуется — скажи, что да.

— Мне это кажется таким безнадежным, родная. Ни у тебя, ни у меня — ничего за душой. И он еще совсем мальчишка.

— Но когда-нибудь... если подождать...

— Может быть...

— Тебе он не нравится, мама. Почему?

— Очень нравится. Мне кажется, он очень хорош собой — очень хорош. Но невнимателен к другим...

Ночью Мириам не могла уснуть, прикидывая так и сяк мизерный доход, удастся ли выделить хоть какие-нибудь деньги Силии — пусть совсем немного? А если продать дом...

Аренду ей платить не надо — расходы на содержание дома сведены к минимуму. Отчаянно нужен ремонт, а сейчас на такие дома спроса почти совсем никакого.

Она не могла уснуть и беспокойно ворочалась. Как же помочь девочке в том, о чем она так мечтает?

4

Писать Питеру и ставить его в известность о случившемся было ужасно.

Письмо получилось неубедительное — ну, что она могла сказать в оправдание своего вероломства?

Когда пришел ответ, он был совершенно в духе Питера. Настолько в его духе, что Силия расплакалась.

Не вини себя, Силия (писал Питер). Вина здесь только моя. Это все пагубная моя привычка вечно откладывать на потом. Такие уж мы есть. Вот почему и опаздываем повсюду. Я хотел, как лучше — дать тебе возможность выйти

замуж за человека богатого. А ты влюбилась в бедняка, еще более бедного, чем я.

Но дело, видимо, в том, что у него оказалось больше напора. Надо было ловить тебя на слове, когда ты готова была выйти за меня и уехать со мной сюда... Я был последним дураком. Я потерял тебя и сам виноват в этом. Он лучше меня — твой Дермут. Должно быть, он славный малый, иначе бы ты его не полюбила. Удачи вам с ним — всегда. И не переживай из-за меня. Это я должен плакать, а не ты... Я волосы готов на себе рвать, что оказался таким болваном.

Благослови тебя Бог, дорогая...

Милый Питер... милый, милый Питер... Она подумала: «Наверное, с Питером я была бы счастлива. Очень счастлива всю жизнь...»

Зато с Дермутом жизнь обещала быть увлекательным приключением!

5

Год, пока Силия была помолвлена, протекал весьма бурно. То она получала вдруг от Дермута письмо:

Теперь я понимаю — твоя мать была совершенно права. Мы слишком бедны, чтобы жениться. Я не должен был делать тебе предложение. Забудь обо мне как можно скорее.

А потом, двумя днями позже, он являлся на мотоцикле, у кого-то одолженном, обнимал заплаканную Силию и заявлял, что жить без нее не может. Что-то должно произойти.

А произошло то, что началась война¹.

6

Как и для многих, война грянула для Силии словно гром с ясного неба. Убийство эрцгерцога², запугивание войной в газетах — до ее сознания все это едва доходило.

И затем вдруг оказалось, что Германия и Россия уже по-настоящему воюют, а Бельгия оккупирована. И то, что

¹ Имеется в виду Первая мировая война 1914—1918 годов.

² Убийство сербским националистом Г. Принципом наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда послужило поводом к началу Первой мировой войны.

казалось совершенно невероятным, становилось возможным.

Дермут писал:

Похоже, мы тоже будем воевать. Все говорят, что, если мы вступим в войну, к Рождеству все будет кончено. Они говорят, что я пессимист, но мне кажется, понадобится никак не меньше двух лет...

Затем и это свершилось — Англия вступила в войну...

Для Силии это значило только одно: Дермута могут убить...

Пришла телеграмма: он никак не может удрать, чтобы попрощаться, — не могли бы Силия с матерью приехать к нему?

Банки были закрыты, но у Мириам оказалось две пятифунтовые банкноты (бабушкино воспитание: «В сумке, милочка, всегда должна быть пятерочка»). Но кассир на станции банкноты принять отказался. Тогда они прошли через товарную станцию, перебрались через пути и залезли в вагон. Контролеры ходили один за другим: «Как, нет билетов? Нет, мэм, я не могу принять пятифунтовую банкноту...» И бесконечное записывание имени и адреса.

Дурной сон — реально не существовало ничего, кроме Дермута...

Дермут — в военной форме, на себя непохожий, какой-то дерганный и суетливый, с тревожным взглядом. Никто ничего не знает об этой войне — да с этой войны может вообще никто не вернуться... Новые средства уничтожения. Война в воздухе — никто же не знает, что это такое.

Силия и Дермут — словно два ребенка — припали друг к другу...

— Дай мне остаться в живых...

— Боже, пусть он вернется ко мне...

Все остальное не имело значения.

Томительное ожидание в первые недели. Почтовые открытки, нацарапанные бледным карандашом:

«Говорить, где мы, не разрешено. Все в порядке.

Люблю».

Никто не знал, что происходило.

Первые списки убитых ввергли всех в шок.

Друзья. Мальчишки, с которыми ты танцевала,— убиты...

Но Дермут был невредим, только это и было важно. Для большинства женщин война — это судьба одного человека...

8

Прошла первая неделя томительного ожидания, вторая,— надо было заниматься чем-то и дома. Неподалеку от дома Силии Красный Крест разворачивал госпиталь, но, чтобы работать там, нужно было сдать экзамены по оказанию первой помощи и по уходу за больными. Рядом с бабушкиным домом открылись курсы, и Силия отправилась туда.

Глэдис, новая горничная, юная и хорошенькая, открыла ей дверь. Делами теперь заправляла она вместе с молодой кухаркой. Старенькой Сэры уже не было.

— Как поживаете, мисс?

— Очень хорошо. Где бабуля?

Хихиканье.

— Ее нет, мисс Силия.

— Нет?

Бабуля, которой в то время вот-вот должно было исполниться девяносто, особенно строго следила за тем, чтобы губительный свежий воздух не коснулся ее. А теперь бабуля ушла?

— Она отправилась в Офицерский магазин, мисс Силия. Сказала, что вернется к вашему приезду. Вот, кажется, и она.

Видавший виды экипаж подкатил к воротам. Опершись на руку извозчика, бабушка осторожно спустилась, ступив на здоровую ногу.

Твердой походкой она зашагала по дорожке к дому. Бабушка шла с бойким видом,— весьма даже бойким: стеклярус на ее накидке, переливаясь, сверкал под сентябрьским солнцем.

— Вот ты и здесь, Силия, голубушка.

Такое нежное старческое личико — словно сморщенный высохший лепесток розы. Бабушка очень любила Силию — и вязала Дермуту теплые носки, чтобы у того в окопах ноги были в тепле.

Но стоило ей взглянуть на Глэдис, и голос ее изменил-

ся. Бабушка находила все большее удовольствие в том, чтобы «гонять» прислугу (нынче они отлично научились о себе заботиться и всю раскатывают на велосипедах, даже если бабушке это и не нравится).

— Это почему бы, Глэдис,— резким голосом заявила бабушка,— не отправиться тебе к экипажу и не помочь человеку перетащить вещи? Да не забудь: не в кухню. Складывая в утренней комнате.

А в утренней комнате больше не властвовала бедняжка мисс Беннет.

Прямо у дверей свалили муку, печенье, десятки банок с сардинами, рис, тапиоку¹, саго². Появился, осклабясь, извозчик, таща пять окороков. За ним следом вышагивала Глэдис, тоже с окороками. Всего шестнадцать сокровищ было загружено в кладовую.

— Может, мне и девяносто,— заметила бабушка (вообще-то ей столько еще не стукнуло, но она ждала этого, как события волнующего),— но я не позволю немцам уморить меня голодом!

Силия истерически расхохоталась.

Бабушка расплатилась с извозчиком, отвалив ему непомерные чаевые, и велела получше кормить лошадь.

— Слушаюсь, мэм, премного благодарен, мэм.

Он чуть приподнял цилиндр и, все еще ухмыляясь, уехал.

— Ну и денек выдался,— посетовала бабушка, развязывая ленты шляпки. Усталости в ней нисколько не было заметно, и время она явно провела чудесно.— В магазине было не протолкнуться, милочка.

Видимо, другие старушки тоже вывозили на извозчиках окорока.

9

В Красном Кресте Силии работать не довелось. Случилось несколько событий. Сначала расстроилось здоровье у Раунси и она уехала жить к брату, и кухней, ворча, занималась Грегг, не одобрявшая войну и тех дам, что берутся не за свое дело.

¹ Тапиока (*исп. и порт.*) — крахмалистое вещество, получаемое из корней тропического растения и используемое для пудингов.

² Саго — крупа из крахмала, получаемого из некоторых видов пальм или из картофельной муки.

Потом бабушка написала Мириам письмо

Дорогая Мириам!

Несколько лет назад ты предложила, чтобы я поселилась у тебя. В тот раз я отказалась, так как посчитала, что чересчур стара для переезда. Однако доктор Холт (такой умнейший человек — и большой любитель анекдотов — боюсь, жена не в состоянии оценить его по достоинству) говорит, что я слепну и ничем тут помочь нельзя. Такова Божья воля, и я смирилась, но мне вовсе не хотелось бы оставаться на милость «прислуги». О каких только прегрешениях не пишут в наши дни, и в последнее время я кое-чего стала недосчитываться. Будешь писать мне — об этом прошу ни слова: они могут вскрывать мои письма. Это я отправляю сама. Итак, я думаю, самое для меня лучшее — переехать к тебе. С моим доходом легче будет прожить. И не по душе мне эта затея, что Силия занимается домашней работой. Милой девочке надо беречь силы. Помнишь Эву, дочь миссис Пинчин? Такая же была бледненькая. Перетрудилась и теперь в санатории для нервнобольных в Швейцарии. Обязательно приезжайте с Силией и помогите мне с переездом. Боюсь, это будет что-то ужасное.

И в самом деле это было что-то ужасное. Бабушка прожила в доме в Уимблдоне пятьдесят лет и, как истинная представительница поколения бережливых, никогда не выбрасывала то, что еще могло «пригодиться».

Громадные платяные шкафы и массивные комоды красного дерева, каждая полка и ящик в которых были доверху забиты аккуратно сложенными отрезами тканей и разными мелочами, припрятанными бабушкой в надежном месте и забытыми. Бесчисленные «остатки», обрезки шелка, и атласа, и ситца, и бумажных тканей. Дюжины проржавевших иголочных наборов «служанкам к Рождеству». Ветошь и обрывки платьев. Письма, и документы, и записные книжки, и вырезки из газет, и кулинарные рецепты. Сорок четыре подушечки для булавок и тридцать пять пар ножниц. Бесчисленные ящики, набитые нижним бельем из тончайшего полотна, совсем дырявым, но хранившимся из-за «искусной вышивки, милочка».

Печальнее всего обстояло дело с кладовкой (сохранившейся в памяти Силии с детства). Одолела бабушку кладовка. Сил забираться в ее глубины у бабушки уже не было. Поверх нетронутых запасов продуктов накапливались но-

вые. Мука, пораженная жучком, рассыпающееся печенье, заплесневелые джемы, прокисшие консервированные фрукты — все это откапывали и выбрасывали, а бабушка сидела и плакала, горько сетуя на «скандальную расточительность». «Ведь наверняка же, Мириам, это можно было бы употребить на пудинг для служанок».

Бедная бабушка — такая способная, энергичная и бережливая хозяйка, побежденная старостью и подступающей слепотой, — вынуждена была сидеть и смотреть на свое публичное поражение...

Она билась не на жизнь, а на смерть за каждое свое сокровище, которое эта безжалостная молодежь хотела выбросить.

— Только не это коричневое бархатное! Это же мое коричневое бархатное! Мне его шила в Париже мадам Бонсеро. Такое французское! Как его надену, все, бывало, заглядывались.

— Но оно совсем выношено, дорогая, ворса почти не осталось. И все в дырах.

— Можно починить. Конечно же можно.

Бедная бабушка — старенькая, беззащитная, во власти молодых, ох уж эти молодые, которые только и знают, что твердить: «Выброси, это никуда не годится».

С самого рождения ее приучали ничего не выбрасывать. Пригодится когда-нибудь. А эти молодые... они ничего не понимают.

Молодые старались быть добрыми. Они настолько пошли ей навстречу, что с десяток допотопных сундуков забили обрезками тканей и старенькими, порченными молью мехами — таким барахлом, которое никогда и ни на что уже не сгодились бы, но незачем лишний раз расстраивать старушку.

Бабушка заявила твердо, что сама будет паковать выцветшие фотографии старомодных джентльменов.

— Это, дорогуша, мистер Харри... и мистер Лорд... Мы такой красивой были парой, когда танцевали. Все это говорили.

Увы, бабушка! Стекла на фотографиях мистера Харри и мистера Лорда, когда их потом распаковали, оказались разбитыми вдребезги. А ведь когда-то бабушка славилась умением укладывать вещи: то, что она паковала, всегда прибывало в целостности и сохранности.

Иной раз, думая, что никто не замечает, бабуля поти-

хоньку подбирала кусочки отделки для платьев, лоскутки ажурного рюша, какие-то блестки, кружева, набивала ими свой вместительный карман и украдкой относила в один из огромных сундуков, что стояли в ее комнате и предназначены были для личных ее вещей.

Бедная бабуля! Переезд едва не убил ее — но все-таки не убил! У нее была воля к жизни. Именно воля к жизни погнала ее из дома, в котором она прожила столько лет. Немцам не удастся уморить ее голодом — и своими воздушными налетами они до нее не доберутся. Бабушка намеревалась жить и наслаждаться жизнью. Дожив до девяноста лет, понимаешь, какое необычайное удовольствие доставляет жизнь. Как раз это-то молодежи и невдомек! Послушать их — так любой старик почти что труп и уж конечно жалок. Молодежь, размышляла бабушка, вспоминая афоризм из своей юности, думает, что старики — глупцы, а старики-то знают, что глупа молодежь. Ее тетушка Кэролайн сказала это, когда ей было восемьдесят пять, и тетушка Кэролайн была права.

Словом, бабушка держалась невысокого мнения о современной молодежи. Выносливости — никакой. Взять грузчиков, которые мебель возят, — четверо здоровых молодых парней, а еще и просят, чтобы она вытащила ящики из комода.

— Наверх-то его втаскивали вместе с ящиками! — говорит бабушка.

— Видите ли, мэм, это же красное дерево. И в ящиках тяжелые вещи.

— Таким комод и был, когда его наверх втаскивали! Просто тогда мужчины были! А теперь все вы слабые. Из-за какой-то ерунды шум поднимают.

Грузчики ухмыльнулись и, поднатужившись, с трудом спустили комод вниз и отнесли в фургон.

— Так-то лучше, — с одобрением сказала бабушка, — вот видите, никогда не знаешь, на что способен, пока не попробуешь.

Вместе с другими вещами погрузили и тридцать здоровенных оплетенных бутылей с бабушкиной домашней наливкой. Доехало до места только двадцать восемь...

Возможно, ухмылявшиеся молодые люди так отомстили?

— Мужланы, — сказала бабушка, — вот кто они — мужланы. А еще говорили, будто непьющие. Наглость какая.

Однако она щедро дала им на чай, и, по правде говоря, не очень рассердилась. Как-никак, а это была ловкая похвала ее наливкам.

10

Когда бабушка устроилась на новом месте, нашли куртку на замену Раунси, девушку двадцати восемью лет по имени Мэри. Она была доброй и приветливой со стариками и без усталости болтала с бабушкой о своем женихе и своей родне, страдавшей всевозможными недугами. Бабушка упивалась, как вурдалак, рассказами о больных ногах, варикозных венах и прочих хворях Мэриной родни. Она посылала им с нею бутылочки патентованных микстур и шали.

Силия опять стала подумывать о том, чтобы устроиться работать в госпитале, хотя бабушка решительно этой затее противилась и предвещала ужасные напасти, если Силия «переутомится».

Бабушка любила Силию. С таинственным видом она давала ей предостережения от всяких напастей и пятифунтовые банкноты. Это был один из главных жизненных принципов бабушки: «иметь под рукой» пятерочку.

Она вручила Силии пятьдесят фунтов пятифунтовыми банкнотами и наказала «держаться при себе».

— Пусть даже муж не догадывается, что они у тебя есть. Откуда женщине знать, когда ей может понадобиться то, что отложено про черный день... Помни, милочка, мужчинам доверять не стоит. Каким бы приятным джентльмен ни был, верить ему нельзя — если только он не полная размазня и совсем ни на что не годится.

11

Переезд бабушки и связанные с ним хлопоты отвлекали Силию от дум о войне и Дермуте.

Но теперь, когда бабушка обосновалась на новом месте, Силию стала раздражать собственная бездеятельность.

Как удержаться от мыслей о Дермуте — что с ним там?

С отчаяния она выдала замуж «девочек»: Изабелла вышла за богатого еврея, Элси — за путешественника.

Элла стала школьной учительницей. Она вышла за пожилого человека, в некотором смысле даже инвалида, которого очаровала болтовня молоденькой девушки. Этель и Энни вели хозяйство вместе. Вера вступила в романтичес-

кий морганатический¹ союз с наследником престола, и оба трагически погибли в день свадьбы в автомобильной катастрофе.

Устройство свадеб, выбор подвенечных платьев, аранжировка траурной музыки для Веры — все это помогало Силии отключаться от реальной жизни.

Ей очень хотелось трудиться не покладая рук. Но тогда придется уехать... Как обойдутся без нее Мириам с бабушкой?

За бабушкой нужен был уход. Силия понимала, что не может бросить мать.

Но как раз Мириам и убеждала Силию уехать. Она прекрасно знала, что работа, тяжелая физическая работа как раз и помогла бы сейчас Силии.

Бабушка плакала, но Мириам стояла на своем.

— Силии надо уехать.

Однако Силии так и не пришлось работать.

Дермут был ранен в руку и отправлен домой, в госпиталь. Когда он выздоровел, его признали годным к службе в тылу и направили в Военное министерство. Они с Силией поженились.

Глава 10

Замужество

1

Представления Силии о замужней жизни были ограниченными до крайности.

«И жили они счастливо до конца своих дней» — вот что говорилось в ее любимых волшебных сказках и вот что значило для нее замужество. Она не видела впереди никаких трудностей, не представляла себе возможности кораблекрушения. Если люди любят друг друга, значит, они счастливы. Несчастливые браки, — а она, разумеется, знала, что таких немало, — бывают оттого, что люди друг друга не любят.

Ни характеристики, в духе Рабле, которыми награждала мужчин бабушка, ни предостережения матери (Силии они казались такими старомодными) о том, что мужчину надо держать в узде, ни написанные в реалистическом духе кни-

¹ Морганатический — неравнородный брак, при котором один из супругов не пользуется сословными привилегиями другого супруга.

ги, завершавшиеся несчастьями и ужасами,— все это не про-
извело на Силию ровным счетом никакого впечатления. Ей
и в голову не приходило, что мужчины из бабушкиных раз-
говоров — одной породы с Дермудом. Литературные персо-
нажи оставались литературными персонажами, а предосте-
режения Мириам казались Силии особенно забавными, по-
тому что мамин брак был необычайно счастливым.

— Ты же знаешь, мамочка, что папа никогда ни на
кого, кроме тебя, не смотрел.

— Не смотрел, потому что в молодости повеселился из-
рядно.

— По-моему, Дермуд тебе не нравится, ты не веришь
ему.

— Он очень мне нравится,— ответила Мириам.— Я счи-
таю, что он очень хорош собой.

Силия засмеялась и сказала:

— Но за кого бы я ни вышла, все равно этот человек
не будет для меня достаточно хорош — я же твой бесцен-
ный любименький ягненок, твоя голубка, твоя тыквоч-
ка,— не будет, признавайся, а? Даже самый супермен из
всех суперменов!

И Мириам ничего не оставалось, как признать, что,
может, так оно и есть.

Силия и Дермуд были очень счастливы.

И Мириам говорила себе, что нет у нее оснований так
подозрительно и враждебно относиться к человеку, кото-
рый забрал у нее дочь.

2

Дермуд оказался совсем не таким мужем, каким рисо-
вала себе Силия в воображении. С него слетела вся его са-
моуверенность, властность, дерзость. Он был юн, застен-
чив, по уши влюблен, и Силия была его первой любовью.
В некотором отношении он действительно был довольно
похож на Джима Гранта. Но если застенчивость Джима
раздражала Силию, потому что она не любила его, то Дер-
муд своей застенчивостью становился ей лишь милее.

Раньше, сама того не сознавая, она побаивалась Дерму-
та. Он был ей чужим. Она чувствовала, что хотя и любит
его, но ничего о нем не знает.

Джеонни де Бэр привлекал ее физически, Джим волно-
вал ее ум, Питер вплетался в самую ткань ее жизни, но в
Дермуде она обрела того, когò у нее никогда еще не было,—
товарища по играм.

Было в Дермуте нечто вечно мальчишеское — и это нечто разыскало в Силии ребенка. Их планы, взгляды, характеры были очень разными, но каждому нужен был товарищ по играм, и они нашли друг друга.

Супружеская жизнь была для них игрой — и они играли в нее с увлечением.

3

Что запоминается в жизни? Не то, что зовется важными событиями. Нет, запоминаются мелочи — обыденное... они упорно держатся в памяти — от них не избавиться.

Оглядываясь назад, на самое первое время супружества, о чем вспоминала Силия?

О том, как покупали платье у портнихи — самое первое платье, купленное ей Дермутом. Примерочная была в тесном закутке, и пожилая женщина помогала Силии. Потом звали Дермута, чтобы тот решал, какое платье ему больше по вкусу.

Оба они были от этого в неимоверном восторге.

Дермут, разумеется, делал вид, что ему это не впервой, что он часто этим занимался. Они вовсе не собирались показывать портнихам, что поженились только-только — ни за что!

Дермут даже небрежно обронил:

— Оно, пожалуй, напоминает то, что я тебе купил два года назад, в Монте.

Наконец они выбрали платье голубое как барвинок, с бутонами роз на плече.

Силия берегла это платье. Она его так и не выбросила.

4

А поиски жилья! Им, разумеется, нужен был дом с обстановкой или меблированная квартира. Неизвестно ведь, когда Дермута снова направят за границу. И чтобы было как можно дешевле.

Ни Силия, ни Дермут понятия не имели, что существуют разные районы и разные цены на жилье. Они начали свои поиски в центре Мейфэра¹.

На другой день они побывали в Южном Кенсингтоне,

¹ Мейфэр — один из самых аристократических и дорогих районов Лондона

в Челси и на Бейсуотере¹. Через день добрались до Западного Кенсингтона, Хаммерсмита, Западного Хэмпстеда, Бэттерси и других отдаленных районов.

В конечном счете выбор свелся к двум вариантам. В одном случае это была квартира с кухней и всем прочим — за три гиней в неделю. Она находилась в одном из многоквартирных домов Западного Кенсингтона. Была она безупречно чистой и принадлежала мисс Бэнкс, незамужней даме, внушавшей благоговейный страх. Мисс Бэнкс была ходячая деловитость.

— Ни посуды, ни белья? Упрощает дело. Никогда не позволяю посредникам заниматься проверкой. Вы, разумеется, согласитесь со мной, что это выброшенные зря деньги. Мы с вами можем сами все проверить.

Давно Силия никого так не боялась, как мисс Бэнкс. Каждым своим вопросом она словно старалась подчеркнуть полную некомпетентность Силии в найме квартир.

Дермут сказал, что они подумают и дадут мисс Бэнкс знать, и поспешил вместе с женой на улицу.

— Ну, что ты думаешь? — запыхавшись, спросила Силия — Чистота безупречная.

Никогда раньше она о чистоте не думала, но после двух дней ознакомления с дешевыми меблированными квартирами пришлось об этом задуматься.

— В некоторых квартирах просто воняет, — добавила она.

— Да, и обставлена она довольно прилично, и мисс Бэнкс говорит, что магазины под боком. Только не уверен, что сама мисс Бэнкс мне по душе. Такая мегера.

— Мегера.

— По-моему, она чересчур для нас умная.

— Давай сходим и еще раз посмотрим другую. Та к тому же дешевле.

Другая была за две с половиной гиней в неделю. Верхний этаж старого запущенного дома, который знал лучшие времена. Там было только две комнаты и большая кухня, но комнаты были просторные, с удачной планировкой и выходили окнами в садик, где росло целых два дерева.

Она была совсем не такой чистой, как квартира деловитой мисс Бэнкс, но зато, по словам Силии, это был довольно приятный вид грязи. Обои пошли пятнами от

¹ Перечисляются фешенебельные районы на западе и юго-западе Лондона

сырости, и краска облупилась, и пол надо было чинить, но кретоновая¹ обивка больших, удобных, потертых кресел была чистой, хотя до того выцвела, что с трудом угадывался рисунок.

На взгляд Силии, у этой квартиры было еще одно преимущество. Женщина, живущая в полуподвале этого же дома, сможет для них готовить. И вид у нее был славный: толстая, благодушная, с добрым взглядом, она напоминала Силии Раунси.

— Не надо будет искать прислугу.

— Да. Но ты уверена, что квартира тебе подходит? От остального дома она не изолирована, и это не совсем — ну, не то, к чему ты привыкла, Силия. Я хочу сказать: твой дом такой чудесный.

Да, дом чудесный. Теперь она понимала, до чего он чудесный. неброское достоинство мебели в стиле «чип пендейл»² и «хепплауйт»³, фарфор, чистый прохладный воощенный ситец. Может, дом и ветшает — протекает крыша, кухонная плита допотопная, выдавшие виды ковры, — но он по-прежнему чудесный...

— Как только кончится война, — Дермут решительно выставил подбородок, — я собираюсь за что-нибудь взяться и заработать для тебя денег.

— Не надо мне денег. И кроме того, ты уже капитан. Если бы не война, ты бы и через десять лет не стал капитаном.

— Но капитанское жалованье никудышное. В армии у человека нет будущего. Найду что-нибудь получше. Теперь, когда мне надо работать для тебя, я могу горы сдвинуть — я это чувствую. И сдвину.

Силию его слова глубоко растрогали. Дермут так не похож на Питера. Он не приемлет жизнь такой, какая она есть. Он будет менять ее. И Силия чувствовала, что он добьется успеха.

Она думала:

«Правильно я сделала, что вышла за него. Мне без-

¹ Кретоновый — сделанный из кретона, толстой хлопчатобумажной ткани, употребляемой для обивки мебели и для драпировки.

² «Чиппендейл» — стиль мебели XVIII века, рококо с обилием тонкой резьбы (по имени столяра-краснодеревщика Томаса Чиппендейла (1718—1779)).

³ «Хепплауйт» — стиль мебели XVIII века, преимущественно из красного дерева, с овальными изогнутыми линиями и изящной отделкой (по имени столяра-краснодеревщика Джорджа Хепплауйта).

различно, что там говорят. Когда-нибудь все поймут, что я сделала правильно».

Критические голоса конечно же раздавались. В частности, миссис Люк искренне тревожилась.

— Но, Силия, милочка, жизнь твоя будет просто ужасной. Ты ведь даже не сможешь держать судомойку. Тебе придется жить просто по-свински.

Дальше невозможности держать судомойку воображение миссис Люк не шло. Для нее уже это было величайшей катастрофой. Силия великодушно не стала сообщать ей, что у них, возможно, не будет и кухарки!

А потом Сирил, воевавший в Месопотамии, прислал, услышав о помолвке, длинное и неодобрительное письмо. Он писал, что все это смехотворно.

Но Дермут был честолюбив. Он добьется успеха. У него было отменное качество — целеустремленность, которое Силия чувствовала и которым восхищалась; у нее самой оно начисто отсутствовало.

— Давай возьмем эту квартиру, — сказала она, — мне тут нравится больше всего, правда, нравится. И мисс Лестрейндж намного приятнее, чем мисс Бэнкс.

Мисс Лестрейндж была приветливой женщиной лет тридцати, с озорным огоньком в глазах и очень доброй улыбкой.

Если эта молодая парочка, всерьез занимавшаяся поисками жилья, и показалась ей забавной, виду она не подавала. Мисс Лестрейндж согласилась со всеми их пожеланиями, тактично поделилась некоторыми нужными сведениями и объяснила Силии, которая ничего подобного никогда раньше не видела и потому, увидев, просто перепугалась, — как работает газовая колонка.

— Но часто принимать ванну вы не сможете, — бодро заметила хозяйка, — газа дают только сорок тысяч кубических футов, а вам ведь нужно будет еще и готовить.

Итак, Силия и Дермут сняли на полгода квартиру в доме номер 8 на Ланкастер-Террас, и Силия приступила к своим обязанностям хозяйки дома.

5

Поначалу Силия страдала от одиночества.

Каждое утро Дермут отправлялся в Военное министерство, а Силия на целый долгий день оставалась одна.

Пендер, денщик Дермута, подавал на завтрак яичницу

с беконом, прибирал квартиру и шел получать пайки. Из полуподвала поднималась тогда миссис Стедмен, и они с Силией обсуждали, что готовить на ужин.

Миссис Стедмен была женщиной отзывчивой, говорливой и старательной, хотя кухаркой оказалась неважнецкой. Была она, как сама признавала, «с перцем не в ладах»: для нее, казалось, не было середины между пищей, совершенно не приправленной, и такой, от которой прошибала слеза и перехватывало в горле.

— У меня всю жизнь так, еще с тех пор, как я была девчонкой,— бодро говорила миссис Стедмен,— странно, не правда ли? И пеку я тоже не ахти...

Миссис Стедмен стала по-матерински опекать Силию, которая хотела быть бережливой, но не была уверена в том, что знает, как это надо делать.

— Давайте-ка лучше я буду делать закупки. Барышню вроде вас наверняка надуют. Вы же не будете ставить селедку на хвост, чтобы проверить, свежая она или нет. А некоторые из этих рыбороторговцев такие ловкачи.

И миссис Стедмен мрачно покачала головой.

Ведение домашнего хозяйства осложнялось, конечно, тем, что время было военное. Яйца шли по восемь пенсов за штуку. Силии и Дермуту приходилось в основном питаться яичным порошком, супами из пакетиков, которые — как бы реклама ни нахваливала их — Дермут называл «супами из бурого песка», и мясом, что давали по пайку.

От мясного пайка миссис Стедмен пришла в давно не виданное волнение. Когда Пендер пришел в первый раз с огромным куском говядины, Силия и миссис Стедмен ходили вокруг этого куска в восхищении, причем миссис Стедмен говорила не умолкая:

— Разве не прелестное зрелище? У меня уже текут слюнки. С тех пор как война началась, я такого мяса и не видела. Картинка, да и только. Хорошо бы Стедмен был дома, я бы привела его посмотреть — вы не возражаете, мэм? Для него праздником было бы увидеть такой кусище мяса. Если решите его запечь, то в духовку вашу он, наверное, не влезет. Я его тогда у себя приготовлю.

Силия упрасивала миссис Стедмен взять себе несколько кусков мяса, когда оно будет готово, и миссис Стедмен уступила, сначала поотнекивавшись для приличия.

— Только разок — я ведь вовсе не хочу быть вам в тягость.

Столь бурными были восторги миссис Стедмен, что Силия и сама почувствовала возбуждение, когда приготовленное мясо было торжественно водружено на стол.

Обедала Силия обычно в государственной столовой, что была по соседству с их домом. Ей вовсе не хотелось уже в начале недели тратить положенный им газ. Они пользовались газовой плитой только утром и вечером, принимали ванну только дважды в неделю и как раз укладывались в норму, да еще умудрялись топить в гостиной.

Что касается масла и сахара, то тут миссис Стедмен не было цены: она снабжала их этими товарами в количествах куда больших, чем полагалось по карточкам.

— Они знают меня,— объясняла она Силии,— молодой Альфред всегда мне подмигивает, когда я прихожу. «Для вас — сколько угодно, мэм»,— скажет. А он вовсе не для каждой леди станет такое делать. Просто мы с ним знаем друг друга.

Вот так и опекала миссис Стедмен Силию, и у той целый день был практически ничем не занят.

И ей становилось все труднее придумывать, чем бы себя занять.

Дома был сад, цветы, рояль. Была Мириам...

Здесь не было никого. Ее прежние лондонские подруги либо вышли замуж, либо поразъезжались, либо работали. Откровенно говоря, большинство из них были теперь слишком богаты — не ровня Силии. Когда она не была замужем, ее часто звали в гости, на танцы, на вечеринки в Рейнло¹ и Херлингем². Но теперь, когда она вышла замуж, все это прекратилось. Они с Дермутом не могли ведь принимать у себя гостей с ответными визитами. Общество никогда не имело для Силии большого значения, но сейчас она прямо-таки изнывала от безделья. Она сказала Дермуту, что хотела бы пойти работать в госпиталь.

Он яростно отверг эту идею. Она ему просто претит. Силия уступила. В конце концов он согласился, чтобы она устроилась на курсы машинописи и стенографии. И бухгалтерского учета, что, как сочла Силия, ей очень пригодится, если когда-нибудь потом она решит пойти работать.

¹ Рейнло — особняк и парк в пригороде Лондона, традиционное место развлечений аристократии.

² Херлингем — лондонский аристократический спортивный клуб.

Теперь, когда было чем заняться, жизнь стала намного приятнее. В бухгалтерском деле она находила чрезвычайное удовольствие: четкость, аккуратность ей нравились.

А вечерами она ждала Дермута, испытывая радость, когда он возвращался с работы. Все-таки они были так счастливы в своей совместной жизни!

Самым лучшим было то время, когда они, перед тем как отправиться спать, сидели у камина, — Дермут с чашкой овалтина¹, а Силия — с чашкой бульона из бóврила².

Им до сих пор с трудом верилось, что это правда, что они действительно вместе — навсегда.

Дермут своих чувств не выставлял напоказ. Он никогда не говорил: «Я люблю тебя», очень редко мог приласкать. Когда же он, преодолевая свою сдержанность, говорил что-нибудь ласковое, для Силии это было как сокровище, как нечто такое, о чем долго-долго можно вспоминать. Давалось это ему с таким явным трудом, что она еще больше ценила чудом вырвавшиеся нежные слова. Они всегда несказанно удивляли ее.

Случалось, сидят они и говорят о всяких странностях миссис Стедмен, и вдруг Дермут притянет Силию к себе и, запинаясь, скажет:

— Ты такая красивая, Силия, такая красивая. Обещай мне быть всегда красивой.

— Ты все равно любил бы меня, если б я не была красивой?

— Нет. Так бы не любил. Это было бы иначе. Обещай мне. Скажи, что ты всегда будешь красивой...

6

Через три месяца после того, как они поселились на новой квартире, Силия поехала на неделю домой. У матери был больной и усталый вид. Бабушка же, напротив, цвела и была напичкана всевозможными историями о злодеяниях немцев.

Но словно увядающий цветок, который поставили в воду, Мириам на другой же день после возвращения Силии ожила — стала такой, как всегда.

¹ Овалтин — фирменное название порошка для приготовления питательного шоколадно-молочного напитка.

² Бóврил — фирменное название мясной пасты для приготовления бульонов и бутербродов.

— Ты так ужасно скучала без меня, мамочка?

— Да, родная. Давай не будем говорить об этом. Так должно быть. А ты счастлива — ты выглядишь очень счастливой.

— Да, мамочка, ты была совсем неправа насчет Дермута. Он добрый, он такой добрый, нет никого добрее его... С ним так весело. Ты знаешь, как я обожаю устрицы. Ради шутки он купил дюжину и сунул их ко мне в постель — сказал, что это домик для них,— я знаю, это ужасно глупо звучит, когда рассказываешь, но мы просто со смеху умирали. Он просто прелесть. И такой хороший. Не думаю, чтобы он когда-нибудь мог совершить подлый, бесчестный поступок. Пендер, его денщик, просто в восторге от своего «капитана». А ко мне относится довольно критически. Мне кажется, он считает, что я недостаточно хороша для его кумира. На днях говорит мне: «Капитану очень нравится лук, но у нас его никогда не бывает». Мы сразу и нажарили луку. А миссис Стедмен всегда за меня. Она хочет, чтобы еда была такой, какая мне нравится. Мужчины, говорит она, в общем народ неплохой, но если бы она хоть раз уступила Стедмену, где бы сейчас оказалась, интересно знать?

Силия сидела на кровати матери и весело болтала.

Как чудесно быть дома — дом выглядел сейчас намного красивее, чем она его помнила. Такая чистота — ни единого пятнышка на скатерти, постеленной для обеда, серебряные приборы блестят, бокалы — точно отполированные. Сколь многое считалось само собой разумеющимся!

Еда тоже была очень вкусная, хотя и скромная,— аппетитно приготовленная и привлекательно поданная.

Мэри, сообщила мать, собирается вступить в женский отряд.

— Думаю, будет правильно. Она молодая.

А с Грегг — с тех пор как началась война,— стало неожиданно трудно. Она постоянно жалуется на еду. «Я при-выкла,— говорит,— чтобы каждый вечер на ужин у меня было мясное горячее блюдо, а все эти потроха и рыба — это плохо и непитательно». Напрасно Мириам пыталась объяснить ей, какие введены ограничения в военное время. Грегг была слишком стара, чтобы это уяснить. «Экономия — одно дело, а приличная еда — другое. Маргарин я никогда не ела и в рот никогда не возьму. Мой отец в гробу бы перевернулся, знай он, что дочь его потребляет маргарин, да еще где! — в доме порядочных господ».

Мириам со смехом пересказывала это Силии.

— Сначала я ей уступала, отдавала ей масло, а сама ела маргарин. Но как-то я завернула масло в обертку от маргарина, а маргарин — в обертку от масла. Принесла ей и говорю, что необычайно хороший маргарин достался — вкусом прямо как масло — не хочет ли она попробовать? Она попробовала и сразу скривилась. Нет, такую дрянь есть она не в состоянии. Тогда я протягиваю ей маргарин в обертке из-под масла и говорю, что, может, это понравится ей больше. Она пробует и отвечает: «Вот это да, вот это то, что нужно». Тогда-то я и сказала ей, что к чему — и довольно резко сказала, — и с тех пор мы масло и маргарин делим поровну, и жалоб больше нет.

Еда была и бабушкиным коньком.

— Надеюсь, Силия, ты в достатке ешь масло и яйца. Они полезны для тебя.

— Одним маслом, бабушка, не наешься.

— Чепуха, милочка, тебе это полезно. Ты должна его есть. Дочка миссис Райли, красавица, умерла намертво — заморила себя голодом. Целыми днями работала, а дома — одни объедки. Воспаление легких вдобавок к инфлюэнце. Я бы могла ей все это заранее предсказать.

И бабушка бодро закивала, склонившись над вязаньем. Бедная бабулечка, зрение у нее стало совсем никудышным. Она вязала теперь только толстыми спицами, и все равно часто спускала петли или ошибалась в рисунке. Она тогда тихо плакала, и слезы текли по ее высохшим, как лепестки розы, щекам.

— Столько времени впустую, — говорила она, — меня это просто бесит.

Она становилась все более подозрительной к тем, кто ее окружал.

Заходя к ней по утрам в комнату, Силия нередко заставляла старушку плачущей.

— Мои сережки, миленькая, бриллиантовые сережки, их мне еще дедушка твой подарил, а теперь эта девка их украла.

— Какая девка?

— Мэри. Она меня еще и отравить пыталась. Добавила что-то мне в яйца. Я почувствовала по вкусу.

— Да нет, бабушка, ну что можно положить в вареное яйцо?

— Я почувствовала по вкусу, дорогуша. Привкус та-

кой горьковатый. — Бабушка скривилась. — Только на днях служанка отравила свою хозяйку, в газетах было написано. Она знает, что я знаю о том, что она берет мои вещи. Уже нескольких вещей я недосчиталась. А теперь вот и мои красивые сережки.

И бабушка опять заплакала.

— Ты уверена, бабуленька? Может, они лежат где-нибудь в ящике комода.

— Нет и смысла искать, милая, украли их.

— В каком они были ящике?

— В том, что справа, — она там с подносом всегда проходит. Я специально завернула их в варежки. И все зря. Уже все обыскала.

А потом Силия извлекала сережки, завернутые в кружева, и бабушка восхищалась, удивлялась и говорила, что Силия — хорошая и умная девушка, но что в отношении Мэри сомнения у нее отнюдь не пропали.

Чуть подавшись вперед в своем кресле, она тревожно спрашивала свистящим шепотом:

— Силия — твоя сумка, где она?

— В комнате у меня, бабушка.

— Они там сейчас у тебя. Я их слышу.

— Да, они убираются.

— Давно они там что-то. Ищут твою сумку. Держи ее всегда при себе.

Выписывать банковские счета было еще одним делом, с трудом дававшимся бабушке — из-за плохого зрения. Она заставляла Силию стоять рядом и говорить, в каком месте начинать писать и где кончается лист.

Потом со вздохом, выписав чек, она протягивала его Силии, чтобы та шла с ним в банк.

— Обрати, Силия, внимание: чек я выписала на девять фунтов, хотя счетов было меньше, чем на восемь. Но на восемь фунтов чек никогда не выписывай. Такой легко переправить на восемьдесят.

Поскольку ходила в банк сама Силия, она и была единственной, кто имел возможность подделать чек, но бабушке это как-то не приходило в голову. Это была часть ее неистовой борьбы за самосохранение.

Еще она огорчалась, когда Мириам ласково уговаривала ее заказать себе новые платья.

— Ты знаешь, мама, платье, что на тебе, почти совсем обтрепалось.

— Мое бархатное платье? Мое красивое бархатное платье?

— Да. Тебе не видно, но оно в ужасном состоянии.

Бабушка жалобно вздыхала, и на глазах у нее выступали слезы.

— Мое бархатное платье! Мое хорошее бархатное платье. Я покупала его в Париже.

Бабушка страдала от того, что вынуждена была покинуть свой прежний дом. После Уимблдона ей было ужасно скучно в деревне. Мало кто заглядывает в гости, и ничего не происходит. В сад она никогда не выходила, боясь свежего воздуха. Она сидела в столовой, как сиживала, бывало, в Уимблдоне, и Мириам читала ей газеты, а затем время для обеих тянулось медленно-медленно.

Чуть ли не единственным бабушкиным развлечением было заказывать продукты в огромных количествах и — когда продукты доставляли, — обсуждать, в какое потайное место их лучше всего припрятать, чтобы потом никто не мог обвинить в накоплении и хранении чрезмерных запасов. Верхние полки шкафов были заставлены банками сардин и сухим печеньем; консервированные языки и пачки сахара были припрятаны в таких местах, где никто не догадался бы их искать. Бабушкины сундуки были полным-полны банками с патокой.

— Бабуленька, не надо было бы тебе делать этого!

— Ха! — издавала добродушный смешок бабушка. — Вы, молодежь, ничего не понимаете. В осажденном Париже люди крыс ели. Крыс! Наперед надо думать, Силия, меня воспитали думать наперед. — Тут бабушкино лицо неожиданно становилось настороженным. — Прислуга — они же опять у тебя в комнате. Где твои драгоценности?

7

Силию несколько дней слегка подташнивало. В конце концов она совсем слегла, мучаясь от сильнейшей рвоты.

Она спросила:

— Mamочка, как ты думаешь, может, у меня ребенок будет?

— Боюсь, что да.

У Мириам был озабоченный и подавленный вид.

— Боишься? — с удивлением переспросила Силия. — Ты не хочешь, чтобы у меня был ребенок?

— Нет, не хочу. Пока еще нет. Ты сама-то очень хочешь ребенка?

— Как сказать,— размышляла Силия,— я об этом не думала. Мы с Дермутом никогда не говорили о том, что у нас будет ребенок. Мы, наверное, знали, что он может быть. Я бы не хотела, чтобы его не было. У меня было бы тогда такое чувство, словно я что-то упустила...

На выходные приехал Дермут.

Все было совсем не так, как описывается в романах. Силию по-прежнему ужасно рвало.

— Как по-твоему, Силия, почему тебя так тошнит?

— Думаю, у меня будет ребенок.

Дермут был страшно расстроен.

— Я не хотел, чтобы у тебя был ребенок. Я чувствую себя скотиной — настоящей скотиной. Я просто не могу видеть тебя такой больной и несчастной.

— Но, Дермут, я очень этому рада. Было бы ужасно, если бы у нас не было ребенка.

— Мне это безразлично. Я не хочу иметь ребенка. Ты все время будешь думать о нем, а не обо мне.

— Не буду, не буду.

— Нет, будешь. Таковы женщины. Они тогда начинают заниматься только домом, все время возятся с младенцами. Они напрочь забывают о мужьях.

— Я не забуду. Я буду любить ребенка, потому что это твой ребенок,— разве ты не понимаешь? Именно от того, что это твой ребенок, мне так хорошо, а не потому, что это просто ребенок. И всегда я больше всех буду любить тебя — всегда, всегда, всегда...

Дермут отвернулся — в его глазах стояли слезы.

— Мне это невыносимо. Ведь я с тобой такое сделал. Я мог не допустить этого. Ты ведь даже умереть можешь.

— Не умру. Я ужасно сильная.

— А бабушка твоя говорит, что ты очень слабенькая.

— Но это ведь бабушка. Она и мысли допустить не может, что у кого-то отменное здоровье.

Дермута пришлось долго успокаивать. То, что он так переживал из-за нее, так за нее волновался, очень тронуло Силию.

Когда они вернулись в Лондон, он буквально пылинки с нее сдувал, требуя, чтобы она ела самые хорошие продукты и принимала всякие снадобья от тошноты.

— Через три месяца станет лучше. Так в книгах написано.

— Три месяца — срок долгий. Не хочу, чтобы три месяца тебя рвало.

— Это противно, но что поделаешь.

Беременность, сочла Силия,— штука малоприятная. В книгах было совсем по-другому. Она-то представляла себе, как будет сидеть и шить чудесные маленькие вещички и предаваться прекрасным думам о нарождающемся младенчике.

Но как можно погружаться в приятные думы, когда тебя так мутит, словно переплываешь Ла-Манш на пароме? Сильная рвота гонит всякую мысль! Силия ощущала себя животным — здоровым, но страдающим.

Ее тошнило не только по утрам, но и потом весь день — через неравные промежутки времени. Это не только доставляло неудобство, но и становилось кошмаром — ведь неизвестно, когда начнется очередной приступ. Дважды она едва-едва успевала выскочить из автобуса и добежать до канавы. В таком положении принимать приглашения, идти к кому-нибудь в гости становилось делом небезопасным.

Силия сидела дома, чувствуя себя ужасно, иногда выходила на прогулку, чтобы размяться. Пришлось отказаться от курсов. От шитья у нее начинала кружиться голова. Она ложилась в кресло и читала или же слушала воспоминания миссис Стедмен, имевшей богатый опыт по части акушерских дел.

— Помню, тогда ждала я Беатрис. Ни с того ни с сего на меня нашло это прямо в зеленой лавке (я заглянула туда, чтобы купить полфунта брюссельской капусты). Вот хочу ту грушу, и все тут! Большая такая груша и очень сочная — дорогого сорта, из тех, что богачи едят на десерт. В два счета я ее сцапала и уплела. Парнишка, который меня обслуживал, так и вытаращил на меня глаза — и было с чего! Но хозяин, человек семейный, смекнул, в чем дело. «Все в порядке, сынок,— сказал он,— не обращай внимания». — «Уж вы простите меня»,— говорю. «Да чего уж там,— отвечает,— у меня своих семеро, и жена в последний раз только и думала, что о маринованной свинине».

Миссис Стедмен помолчала, переводя дух, и прибавила:

— Хотелось бы мне, чтобы ваша матушка была с вами, но, конечно, о старушке думать надо, о бабушке вашей.

Силии очень бы хотелось, чтобы приехала мама. Дни стали кошмарными. Зима выдалась сырая, каждое утро — густой туман. И так долго ждать, пока вернется с работы Дермут.

Но он был таким милым, когда возвращался. Так за нее переживал. Обычно он приносил очередную книгу о беременности и после ужина читал ей оттуда:

— «Женщины в таком положении иногда испытывают неудержимое желание есть необычные, экзотические блюда. В прежние времена считалось, что подобные желания надо обязательно удовлетворять. В наше время такие желания надо сдерживать, если они вредны». А у тебя, Силия, есть тяга к экзотической еде?

— Мне все равно, что есть.

— Я тут кое-что читал о сне в сумерки. Кажется, это как раз то, что надо.

— Дермут, когда, по-твоему, меня перестанет тошнить? Ведь уже больше четырех месяцев.

— Скоро должно перестать. Во всех книгах так написано.

Но несмотря на то, что написано было в книгах, тошнота никак не прекращалась.

Дермут, по собственному почину, предложил Силии поехать к матери.

— Плохо тебе сидеть здесь целыми днями.

Но Силия отказалась. Она знала, что, если уедет, он может обидеться. Она и сама не хотела уезжать. Все будет в порядке, она не умрет, как нелепо предположил Дермут, но просто на всякий случай, с женщинами же бывает и такое... она не собирается упустить ни минутки из своей жизни с Дермутом...

Как бы ни тошнило ее, она любила Дермута по-прежнему — больше, чем прежде.

И он был с ней так мил и так забавен. Как-то вечером она заметила, что у него шевелятся губы.

— Что случилось, Дермут? О чем ты сам с собой разговариваешь?

Вид у Дермута был глуповатый.

— Я только что представил себе, как врач мне говорит: «Мы не можем спасти и мать, и ребенка». А я отвечаю: «Разорвите ребенка на куски».

— Дермут, как можно быть таким жестоким.

— Я ненавижу его за то, что он с тобой делает,— если

это он. Я хочу, чтобы это была она. Я бы не возражал, чтобы была голубоглазая длинноногая девчушка. Но я ненавижу самую мысль о противном маленьком мальчишке.

— Это мальчик. Я хочу мальчика. Мальчика в точности такого, как ты.

— Я его буду колотить.

— Какой же ты злой!

— Долг отца — колотить своих детей.

— Ты ревнуешь, Дермут.

Он ревновал, ревновал до противности.

— Ты красивая. Я хочу тебя всю для себя.

Силия засмеялась и сказала:

— Как раз сейчас я особенно красивая.

— Ты будешь опять красивой. Посмотри на Глэдис Купер¹. У нее двое детей, а она все так же восхитительна, как всегда. Когда я об этом думаю, для меня это как утешение.

— Дермут, мне бы не хотелось, чтобы ты делал такой упор на красоте. Это... это пугает меня.

— Почему? Ты будешь долго-долго-долго красавицей...

Лицо Силии дернулось, она поежилась.

— Что такое? Больно?

— Нет, но в боку словно тянет — очень тяжело. Будто что-то стучится.

— Думаю, вряд ли это он. В той, в последней, книге, которую я принес, говорится, что подобные вещи начинаются после пятого месяца.

— Ты имеешь в виду «легкий трепет под сердцем», Дермут? Это всегда звучало так поэтично и возвышенно. Я думала, и ощущение будет приятным. Нет, все совсем не так!

Ребенок, подумала Силия, очень энергичный — все время брыкается.

Поскольку он оказался таким спортсменом, они прозвали его «Панч»¹.

— Панч сегодня очень расхотился? — спрашивал, возвращаясь домой, Дермут.

— Ужасно,— отвечала Силия,— ни минуты покоя, но сейчас, по-моему, он отправился спать.

¹ Глэдис Купер (1888—1970) — английская актриса, игравшая в театрах Англии и США, а также снявшаяся в ряде фильмов.

² Панч — персонаж традиционного английского кукольного театра, бойкий и грубоватый, похож на русского Петрушку.

— Он, очевидно, станет профессиональным боксером.

— Нет, я не желаю, чтобы ему сломали нос.

Больше всего Силии хотелось, чтобы к ней приехала мама, но бабушке нездоровилось — легкий бронхит, который она объясняла тем, что забыли закрыть окно в спальне. И хотя Мириам всей душой рвалась к Силии, старушку нельзя было оставить.

— Я несу ответственность за бабушку и не должна ее покидать — особенно если она не доверяет прислуге, но, родная моя, я так хочу быть с тобой. Может быть, ты ко мне приедешь?

Но Силия не оставит Дермута — в подсознании бродила мысль: «Ведь я могу умереть».

Вмешалась бабушка. Она написала Силии своим тонким паучьим почерком, беспорядочно блуждающим по бумаге из-за плохого зрения:

Дорогая Силия!

Я настоятельно требовала, чтобы твоя мать поехала к тебе. В твоём положении очень плохо, когда желания не удовлетворяются. Твоя дорогая мама тоже хотела бы приехать, я знаю, но боится оставлять меня на прислугу. Об этом я ничего не пишу, поскольку не знаю, кто читает мои письма.

Дорогое дитя, обязательно отдыхай побольше и помни, что нельзя рукой дотрагиваться до кожи, если в это время смотришь на ломтик лосося или омара. Моя матушка, когда была в положении, схватилась однажды за шею, хотя смотрела в это время на лосося, а потому твоя двоюродная бабушка Кэролайн родилась с отметиной на шее, похожей как раз на такой кусок лосося.

Вкладываю пятерочку (половинку — вторая половинка следует отдельно), не отказывай себе, покупай любое лакомство, какое захочется.

С нежной любовью

твоя бабушка.

Приезд Мириам стал громадной радостью для Силии. Они устроили ее на диване в гостиной, и Дермут был с нею предупредителен и мил. Трудно сказать, правда, подействовало ли это на Мириам, но вот нежность его к Силии подействовала точно.

— Мне кажется, Дермута я невзлюбила из ревности,—

призналась она.— Ты знаешь, родная, даже сейчас я не могу любить человека, который отнимает тебя у меня.

На третий день Мириам получила телеграмму и поспешила домой. Бабушка умерла днем позже — чуть ли не последними ее словами была просьба передать Силии, чтобы она не спрыгивала с автобуса. «Молодые замужние женщины никогда о таких вещах не думают».

Бабушка и не догадывалась, что умирает. Она мучилась оттого, что не получались у нее крохотные пинетки, которые она вязала для ребеночка Силии... Она умерла, даже мысли не допуская, что так никогда и не увидит правнука.

8

Смерть бабушки существенно не изменила материального положения Мириам и Силии. Большую часть ее дохода составляли проценты с имущества ее третьего мужа, которые выплачивались ей пожизненно. Больше половины остальных денег было завещано разным людям по мелочам. Остатки получали Мириам и Силия. Положение Мириам ухудшилось (поскольку содержание дома покрывалось в немалой степени бабушкиными процентами), но Силия получила по завещанию сто фунтов в год. С согласия Дермута и с его одобрения деньги были отданы Мириам, чтобы та могла содержать дом. Более чем когда-либо Силии претила сейчас мысль о том, чтобы его продать. Мать согласилась с ее предложением. Она уже представляла себе, что будет загородный дом, куда смогут приехать дети Силии.

— И кроме того, родная, тебе, возможно, он понадобится и самой когда-нибудь — когда меня не станет. Мне хотелось бы, чтобы он остался наш и мог бы для тебя пристанищем.

Силии подумалось, что слово «пристанище» звучит забавно, но мысль, что они когда-нибудь переедут сюда с Дермутом, пришлась ей по душе.

Дермут, однако, смотрел на все это по-другому.

— Ты любишь свой дом, и это вполне естественно, но я не думаю, что нам от го будет когда-нибудь большой толк.

— Но мы могли бы туда переехать.

— Да, когда нам исполнится сто один год. Он слишком далеко от Лондона, чтобы от него была реальная польза.

— Даже когда ты выйдешь в отставку?
— Даже тогда мне не захочется сидеть на одном месте и гнить заживо. Мне нужна будет работа. И я вовсе не уверен, что после войны захочу остаться в армии, но пока нечего говорить об этом.

Что толку заглядывать в будущее? В любой момент Дермута могут вновь отправить во Францию. Его могут убить...

«Но у меня останется ребенок», — подумала Силия.

Однако она знала, что никакой ребенок не заменит в ее сердце Дермута. Дермут значит для нее больше, чем кто-либо в целом свете, и так будет всегда.

Глава 11

Материнство

1

Ребенок у Силии родился в июле, и родился он в той самой комнате, где двадцатью двумя годами раньше родилась она сама.

В окно стучали темно-зеленые ветви бука.

Пряча свои страхи за Силию (необычайно сильные), Дермут решительно настроился на то, что к женщине, которая готовится стать матерью, должно быть совершенно особое отношение. Именно оно, наверное, помогло Силии пережить это тяжелое время. Она чувствовала себя вполне здоровой и энергичной, хотя ее упорно донимала тошнота.

Домой она отправилась за три недели до того, как должен был появиться ребенок. Ближе к родинам Дермут взял недельный отпуск и приехал к ней. Силия надеялась, что это случится после того, как Дермут уедет. С точки зрения Мириам, мужчины в такое время только мешают.

Приехала сестра-сиделка и такой была оживленной и так все время старалась ободрить будущую мать, что Силию стали снедать тайные страхи.

Как-то вечером за ужином Силия выронила вилку и нож и воскликнула:

— Ой, сестра!

Они вышли вдвоем, а через минуту-другую сестра вернулась и кивнула Мириам.

— Точно в срок,— с улыбкой сказала она,— образцовая пациентка.

— Вы разве не собираетесь вызывать врача? — угрожающе спросил Дермут.

— Торопиться некуда. Он еще несколько часов не будет нужен.

Силия вернулась и продолжила ужин. Потом сиделка с Мириам ушли. Они шелестели где-то бельем и звенели ключами...

Силия и Дермут остались одни — они сидели и в отчаянии смотрели друг на друга. Раньше они смеялись и шутили, но теперь страх обуял их.

Силия сказала:

— Все будет хорошо. Я знаю, все у меня будет хорошо.

Дермут ответил нарочито-бодро:

— Конечно, хорошо.

Они уставились друг на друга с несчастным видом.

— Ты выносливая,— сказал Дермут.

— Очень. И дети рождаются каждый день — один в минуту, правда ведь?

Приступ боли исказил ее лицо судорогой. Дермут заорал:

— Силия!

— Ничего, ничего. Пойдем на воздух. Дома теперь как в больнице.

— Это все чертова сестра так устраивает.

— Она очень славная, правда?

Они вышли в летнюю ночь. Было какое-то странное чувство, что они совсем одни. В доме царила суматоха, шла подготовка — они слышали, как сиделка говорила по телефону: «Да, доктор... нет, доктор... Да, если около десяти часов, то будет очень хорошо... Да, вполне удовлетворительно».

Ночь на улице была прохладной и зеленой... Шелестел бук... Двое одиноких детей бродили по саду, взявшись за руки, не зная, чем утешить друг друга.

Неожиданно Силия произнесла:

— Я хочу сказать... не то чтобы что-то должно случиться, но если вдруг случится... я была так удивительно счастлива, что ничто в мире не имеет значения. Ты обещал, что сделаешь меня счастливой, и сделал... Я даже вообразить себе не могла, что можно быть такой счастливой.

Дермут ответил прерывисто:

— Это я на тебя навлек такое...

— Я знаю. Тебе хуже... Но я ужасно счастлива — из-за всего...— И прибавила: — И потом — мы всегда будем любить друг друга.

— Всегда, всю нашу жизнь...

Из дома позвала сестра:

— Идите-ка вы лучше в дом, милая.

— Иду.

Теперь это случится. Их отрывают друг от друга. И это было для Силии хуже всего. Она должна была оставить Дермута, чтобы одной, без него, встретить то, что приближалось.

Они прильнули друг к другу, выразив весь ужас разлуки в поцелуе.

И Силия подумала: «Никогда нам не забыть этой ночи — никогда...»

Было четырнадцатое июля. Она ушла в дом.

2

Такая усталость... такая усталость... такая жуткая усталость.

Комната — все крутится, какой-то туман,— потом, расширяясь, проясняется, становится настоящим. Сиделка улыбается ей, врач в углу моет руки. Она знает его всю свою жизнь, и он весело выкрикивает ей:

— Итак, Силия, милочка, у вас малышка.

У нее появилась малышка, разве?

Казалось, это не имеет значения.

Она так устала.

Только это — устала...

Они, кажется, ждут, чтобы она что-то сделала или сказала...

Но она не может.

Ей просто хочется быть одной...

Отдохнуть...

Но было что-то... кто-то...

Она прошептала:

— Дермут?

3

Она задремала. Когда открыла глаза, он был рядом.

Но что с ним случилось? Он выглядел другим — таким странным. Что-то с ним было не то — узнал плохую новость или еще что-нибудь.

— Ну что? — спросила она.

Он ответил голосом странным, неестественным:

— Дочка.

— Нет, я о тебе говорю. Что случилось?

Лицо его сморщилось, пошло складками. Он плакал — Дермут и плачет?!

Он сказал прерывисто:

— Это было так ужасно... так долго... ты понятия не имеешь, как страшно это было...

Он стоял на коленях у ее постели, пряча лицо. Она положила руку ему на голову. Как он ее любит!..

— Любимый,— сказала она,— теперь все хорошо...

4

Мама была рядом. Инстинктивно, от одного лишь вида ее улыбающегося лица Силия почувствовала себя лучше — сильнее. Как и в детские годы, она считала, что, «если мамочка рядом, все будет чудесно».

— Не уходи, мамочка.

— Нет, нет, милая. Я буду здесь, посижу рядом.

Силия так и заснула, держа мать за руку. Проснувшись, сказала:

— Мамочка, как это здорово, когда не тошнит.

Мириам засмеялась.

— Ты сейчас увидишь малышку. Сиделка принесет ее.

— Ты уверена, что это не мальчик?

— Абсолютно уверена. Девочки куда милее, Силия. Для меня ты всегда значила больше, чем Сирил.

— Да, но я была так уверена, что будет мальчик... Дермут обрадуется. Он хотел девочку. И добился своего.

— Как всегда,— сухо заметила Мириам,— а вот и сиделка.

Сиделка вплыла в комнату наглаженная, чопорная и важная, неся что-то на подушке.

Силия взяла себя в руки. Новорожденные младенцы очень уродливы — пугающе уродливы. Надо быть готовой.

— Ой! — воскликнула она в великом удивлении. Это крошечное создание и есть ее ребенок? Она почувствовала волнение и испуг, когда сиделка осторожно положила малышку на ее согнутую руку. Эта смешная крохотуля с личиком, красным как у индейца, и с шапочкой темных во-

лос? И вовсе не похожа на сырое мясо. Смешное, прелестное, забавное личико.

— Восемь с половиной фунтов,— с большим удовлетворением сообщила сиделка.

Как это нередко бывало с ней прежде, у Силии появилось ощущение, что все это нереально, не на самом деле. Просто она исполняет роль молодой мамыши.

Но она вовсе не чувствовала себя ни женой, ни матерью. Она чувствовала себя маленькой девочкой, вернувшейся домой после восхитительных и утомительных гостей.

5

Малышку Силия назвала Джуди¹ — именем, самым близким к Панчу!

Джуди была очень славной малюткой. Каждую неделю она набирала требуемый вес и плакала самый минимум. Зато когда плакала, то ревела как разъяренная крохотная тигрица.

Воспользовавшись, как сказала бы бабушка, «своим месяцем», Силия оставила Джуди с Мириам и отправилась в Лондон, чтобы подыскать удобное жилье.

То, что они вновь вдвоем с Дермутом, доставляло ей особую радость. Это был словно второй медовый месяц. Радость Дермута отчасти объяснялась тем — как обнаружила потом Силия,— что она оставила Джуди, чтобы быть с ним.

— Я так боялся, что ты совсем погрязнешь в домашних заботах, обо мне и думать перестанешь.

Утихомирив свою ревность, Дермут стал энергично — когда только мог — помогать ей в поисках жилья. Силия была теперь вполне опытной в таких делах — вовсе не той полнейшей простофилей, которую так напугала деловитость мисс Бэнкс. Силия вела себя так, словно всю жизнь только и делала, что снимала квартиры.

Они собирались снять квартиру без мебели. Так будет дешевле, а практически всю обстановку, которая им понадобится, может дать Мириам — из своего дома.

Но таких квартир — без мебели — было очень мало. И потом, почти всегда возникала загвоздка — огромный за-

¹ Джуди — персонаж традиционного английского кукольного театра, жена Панча.

лог. День проходил за днем, и Силия все больше впадала в уныние.

Положение спасла миссис Стедмен.

Она явилась как-то утром во время завтрака с таинственным видом заговорщицы.

— Мои вам, сэр, извинения,— сказала миссис Стедмен,— что вторгаюсь в такое время, но вчера вечером Стедмен услышал где-то, что квартира восемнадцать в Лостон-Мэншнз — это тут, за углом — освобождается. Хозяева уже написали об этом посредникам, так что если вам сейчас туда слетать, мэм, прежде чем еще кто пронюхает, как говорится, то...

Слушать дальше было и не нужно. Силия выскочила из-за стола, надела шляпку и помчалась словно гончая, взявшая след.

В квартире № 18 в Лостон-Мэншнз тоже завтракали. В ответ на сообщение неряшливой горничной: «Тут вашу квартиру хотят посмотреть, мэм»,— Силия, стоявшая в прихожей, услышала удивленное восклицание: «Но они еще и письма моего получить не успели. Сейчас только половина девятого».

Из столовой, вытирая рот, вышла молодая женщина в кимоно. За ней вился запах копченой рыбы.

— Вы в самом деле хотите посмотреть квартиру?

— Да, если можно.

— Ну что ж, пожалуйста.

Силию провели по квартире. Да, она вполне ей подходила. Четыре спальни, две гостиные — все, правда, не первой чистоты. Арендная плата — восемьдесят фунтов в год (ужасно дешево). Залог — увы! — в сто пятьдесят фунтов, да еще придется учесть линолеум (у Силии линолеум вызывал отвращение). Силия предложила залог в сто фунтов. Молодая женщина в кимоно с презрением это предложение отвергла.

— Ладно,— сказала тогда Силия решительно,— беру.

Спускаясь по лестнице, она порадовалась тому, что приняла такое решение: навстречу уже поднимались две женщины, каждая с приглашением от агента на осмотр.

В следующие три дня Силии и Дермуту предлагали уже двести фунтов, чтобы они только отказались от своего права на эту квартиру.

Но они упорно за нее держались, заплатили сто пятьдесят фунтов и вступили во владение номером восемнадца-

тым в Лостон-Мэншнз. Наконец у них был свой дом — правда, довольно грязный.

Через месяц жилище их было просто не узнать. Дермут и Силия ремонт сделали сами — ничего иного позволить себе они не могли. В процессе работы, учась на своих ошибках, они узнали много интересного о том, как красить клеевой краской, белить и оклеивать обоями. Получилось все прелестно, решили они. Дешевые обои из вошеного ситца оживили длинные темные коридоры. Стены, покрашенные желтой клеевой краской, придали солнечный вид комнатам, выходящим на север. Гостиные были светло-кремовыми — хороший фон для картин и фарфора. Линолеум был выдран с корнем и отдан миссис Стедмен, которая с жадностью за него ухватилась: «Мне очень нравится хороший линоль, мэм».

6

Тем временем Силия успешно выдержала еще одно испытание — то, что было ей уготовано в конторе миссис Бармен. Контора миссис Бармен поставляла нянь для ухода за детьми.

Прибыв в это заведение, внушающее благоговейный трепет, Силия была принята высокомерным существом с желтыми волосами: от нее потребовали заполнить формуляр с тридцатью четырьмя вопросами — явно предназначенными для того, чтобы унижить человека, на них отвечающего. Потом ее провели в небольшой закуток, похожий на врачебный кабинет, и там, за занавеской, оставили ждать нянь, которых желтоволосая сочтет возможным ей направить.

К тому времени, когда вошла первая, ощущение собственной неполноценности переросло у Силии в совершеннейшую униженность, нисколько не развеянную первой претенденткой, высокой, дородной и чопорной дамой, вызывающе опрятной и величественной.

— Доброе утро,— тихо молвила Силия.

— Доброе утро, мадам.

Величественная особа присела на стул напротив Силии и уставилась на нее, всем своим видом как бы давая понять, что общественное положение Силии вряд ли может устроить того, кто хоть немного себя уважает.

— Мне нужна няня для малыша,— начала Силия, стараясь не чувствовать себя и, главное, не выглядеть полнейшим несмышленишем в делах такого рода.

— Да, мадам. Месячного?

— Нет, двухмесячного.

Уже промашка: «месячный» — это же термин, а не обозначение конкретного возраста. Силия почувствовала, что рухнула в глазах величественной дамы.

— Очень хорошо, мадам. Есть ли другие дети?

— Нет.

— Первый ребенок. Семья большая?

— Э-э... Я и муж.

— И сколько же у вас прислуги в штате, мадам?

В штате? Ну и слово, чтобы описать слугу, еще даже не нанятого.

— Мы живем очень скромно, — пролепетала, зардевшись, Силия. — Одна горничная.

— В детских комнатах убирают и прислуживают?

— Нет, в детской вам придется убирать самой.

— Ах. — Величественная особа поднялась и произнесла скорее с печалью, чем с раздражением: — Боюсь, мадам, место у вас совсем не то, что я ищу. В доме сэра Элдона Уэста в моем распоряжении была нянька, а детские комнаты обслуживались младшей горничной.

В глубине души Силия ко всем чертям послала желто-волосую. Чего ради писать в формуляре, что тебе нужно и каковы твои пожелания, если потом присылают ту, что если и согласится работать, то разве у Ротшильдов, — разумеется, если последние придется даме по вкусу?

Потом вошла сурового вида женщина с черными бровями.

— Один малыш? Месячный? Вы понимаете, мадам, что все я беру на себя? Никакого вмешательства я не потерплю.

И уставилась на Силию.

«Я покажу молодым мамашам, как приходить и надоедать мне», — говорил ее пронзительный взгляд.

— Боюсь, — сказала Силия, — мне это не подойдет.

— Я предана детям, мадам. Я боготворю их, но я не могу допустить, чтобы мать постоянно вмешивалась.

От чернобровой, слава Богу, отделались.

Следующей вошла очень неприятная старуха, которая назвала себя нянечкой.

Насколько уразумела Силия, женщина ничего не видела, ничего не слышала и не понимала, что ей говорили.

Гнать «нянечку».

А потом явилась молодая женщина с дурным — судя по виду — нравом, которая презрительно фыркнула, узнав, что ей придется самой убираться в детской. За ней пришла приветливая краснощекая девушка, которая раньше работала уборщицей, но теперь решила, что «с детьми у нее лучше будет получаться».

Силия уже впадала в отчаяние, когда вошла женщина лет тридцати пяти. В пенсне, очень опрятная, скромно и изящно одетая, с приятными голубыми глазами.

Узнав, что «в детской придется наводить порядок самой», она в отличие от других отреагировала спокойно.

— Что ж, я не возражаю — вот только каминная решетка. Не хотелось бы чистить каминную решетку — руки от этого становятся шершавыми, а когда возишься с детьми, руки должны быть мягкими. А в остальном я не против. Я жила в колониях и могу делать практически все что угодно.

Она продемонстрировала Силии снимки своих прежних питомцев, и в конце концов Силия сказала, что возьмет ее, если будут хорошие рекомендации.

И со вздохом облегчения покинула контору миссис Бармен.

Рекомендации у Мэри Денмен оказались отменными. Она была заботливой и очень опытной няней. Теперь Силии предстояло нанять служанку.

Оказалось, что это дело чуть ли не более трудное, чем поиски няни. Нянь, по крайней мере, было много. А вот служанок практически не осталось. Все они либо работали на заводах боеприпасов, либо служили в женских батальонах. Наконец Силия встретила девушку, которая очень ей понравилась, — пухленькую добродушную Кейт. Она сделала все возможное, чтобы уговорить Кейт пойти к ним работать.

Как и все другие, Кейт уперлась из-за детской.

— Я не против малютки, мэм. Детей я люблю. А вот няньки... после моей последней работы я дала зарок никогда не наниматься туда, где есть няньки. Где няньки — там неприятности.

Напрасно Силия расписывала Мэри Денмен как кладезь всех добродетелей. Кейт заладила одно:

— Где няньки, там неприятности. На себе испытала.

В конечном счете исход дела решил Дермут. Силия напустила его на упрямицу, и Дермута, умеющему доби-

ваться своего, удалось уломать Кейт, и та согласилась поработать у них — с испытательным сроком.

— Сама не знаю, что нашло на меня,— я ж зареклась, что не пойду туда, где няньки. Но капитан так любезно разговаривал, и еще он знает полк, в котором мой дружок во Франции служит, и все такое. Ладно, говорю, давайте попробуем.

Кейт они заполучили, и в один роскошный октябрьский день Силия, Дермут, Денмен, Кейт и Джуди переехали в квартиру № 18 в Лостон-Мэншнз, и началась семейная жизнь.

7

Дермут вел себя с Джуди очень смешно. Он ее боялся. Когда Силия пыталась заставить его взять малышку на руки, он начинал нервничать и отказывался.

— Нет, я не могу. Просто не могу. Не стану держать эту штуковину.

— Но когда-нибудь придется, когда она станет постарше. И она не штуковина.

— Когда подрастет, будет лучше. Когда начнет ходить и говорить, она мне, наверное, понравится. А теперь она такая жирненькая. Как ты думаешь, у нее это потом придет в норму?

Он не желал восторгаться пухленьким тельцем Джуди или ямочками на щеках.

— Я хочу, чтоб она была худой и костлявой.

— Не сейчас же — ей только три месяца.

— Ты, правда, думаешь, что потом она будет худой?

— Конечно, мы же оба худые.

— Будет ужасно, если она вырастет жирной.

Силии приходилось довольствоваться восторгами мисс Стедмен, которая все время крутилась вокруг малышки — как когда-то в достопамятные дни вокруг говяжьей ноги.

— Прямо вылитый капитан, верно? Сразу можно понять, что дома сработана,— пардон, если что не так сказала.

В целом Силия считала домашние дела забавой, не воспринимая их всерьез. Денмен оказалась няней отличной, знающей и целиком отдававшей себя ребенку, чрезвычайно приятной и старательной, когда работы в доме было неспорно и дым стоял коромыслом. Но как только кончался аврал и все снова налаживалось, у Денмен от-

кывались и другие стороны. Тогда она выказывала нрав весьма свирепый, но не по отношению к Джуди, которую боготворила, а к Силии и Дермуту. Для Денмен все работодатели были природными врагами. Самое невинное замечание вызывало бурю. Силия, бывало, скажет:

— У вас ночью электричество горело, надеюсь, с ма-
лышкой все было в порядке?

И Денмен немедленно взрывалась.

— Полагаю, я могу включить свет, чтобы посмотреть, который час? Со мной могут обращаться как с черной рабыней, но есть всему пределы. У меня самой были в подчинении рабы, когда я жила в Африке,— бедные невежественные люди,— но в самом необходимом им не отказывали. Если вы считаете, что я транжирю ваше электричество, я попрошу вас так прямо мне об этом и сказать.

Кейт иногда хихикала у себя на кухне, когда Денмен упоминала о рабах.

— Нянька не успокоится, пока ей не дадут с десятков черномазых, как в Африке, а я бы черномазого на свою кухню в жизни не пустила — мерзкие черные твари.

Кейт была большим утешением. С изрядным чувством юмора, спокойная, без бурных всплесков, она делала свое дело, варила, убирала, чистила и предавалась воспоминаниям о тех местах, где работала раньше.

— Никогда не забуду, куда работать пошла в самый первый раз,— никогда. Тростиночкой я была, семнадцати не исполнилось. Как голодом они меня морили — страсть да и только! Копченая селедка — вот и все, что мне давали на обед, и вместо масла — маргарин. Я так отошала, что стала кожа да кости. Мать чуть с ума не сошла.

Глядя на крепкую и день ото дня все больше полневшую Кейт, Силия с трудом верила в эту историю.

— Надеюсь, здесь тебе достаточно еды, Кейт?

— Не беспокойтесь, мэм, вполне хватает, и незачем вам самой возиться на кухне. Только вся перемажетесь.

Силия, однако, вспылала греховной страстью к стряпне. Сделав потрясающее открытие, что приготовление еды сводится в основном к точному следованию кулинарным рецептам, она бросилась в готовку очертя голову. Кейт смотрела на нее с неодобрением, и потому Силия старалась стряпать лишь в те дни, когда у Кейт были выходные,— тогда-то она и устраивала на кухне оргии и творила Дермуту к чаю и на ужин восхитительные лакомства.

При том образе жизни, который вел Дермут, он нередко возвращался домой с расстроенным желудком и требовал жидкого чая и тоненький гренок вместо котлет из омаров и ванильного суфле.

Кейт готовила простую еду, рецептов не признавала и считала ниже своего достоинства что-либо отмеривать или отвешивать.

— Чуток того, немного этого — так и кладу, — говорила она, — и мать моя всегда так делала. Кухарки никогда ничего не отмеряют.

— А жаль, — замечала Силия.

— Класть надо на глазок, — решительно возражала Кейт, — так моя мать и делала — сама видела.

«Представляю себе», — думала Силия.

Свой дом (точнее — квартира), муж, ребенок, прислуга.

Наконец-то она почувствовала, что взрослеет — становится человеком из реальной жизни. Она даже нахваталась выражений, приличествующих хозяйке дома, и подружилась с двумя молодыми женщинами из соседних домов. Они очень серьезно обсуждали достоинства свежего молока, говорили о том, где можно дешевле купить брюссельскую капусту, и проходились по поводу прегрешений прислуги.

— Я смотрю ей в глаза и говорю: «Джейн, я не потерплю наглости» — прямо так и говорю. Ну и глянула же она на меня!

Других тем для разговоров у них, кажется, не было.

Втайне Силия боялась, что по-настоящему так никогда и не станет вполне домашней женщиной.

К счастью, Дермут не возражал. Он часто говорил, что ненавидит домохозяек. Дома у этих женщин, утверждал он, всегда неуютно.

И в общем-то был прав. Женщины, которые не в состоянии говорить ни о чем, кроме как о прислуге, постоянно нарываюся на ее «наглость», так что это сокровище может уйти в самый неподходящий момент и предоставить тебе самой готовить и убираться. А у тех дам, кто целое утро ходит по магазинам и выбирает продукты, еда как раз самая невкусная.

Чересчур много шума поднимают они вокруг этих домашних дел, думала Силия.

Люди вроде них с Дермутом получают от жизни куда больше удовольствия. Она же не экономка у Дермута, а его товарищ по играм.

И наступит время, когда Джуди начнет бегать вокруг и разговаривать и будет обожать свою мать, как Силия обожала Мириам.

А летом, когда в Лондоне станет жарко и душно, она повезет Джуди домой, и Джуди будет играть в саду и придумывать игры в принцесс и в драконов, а Силия станет читать ей свои старые сказки, что хранятся в шкафу в детской...

Глава 12

Мир и покой

1

Перемирие явилось для Силии большой неожиданностью. Она настолько привыкла к войне, казалось, та никогда не кончится...

Война стала просто частью жизни...

И вот теперь кончилась!

Пока она шла, строить планы не было никакого толку. Будущее как-нибудь само образуется, а жить надо сегодняшним днем — просто надеяться и молиться, чтобы Дермута снова не отправили во Францию.

Но теперь все пошло по-другому.

Дермут был полон замыслов. В армии он оставаться не собирался: в армии никаких перспектив. Надо как можно быстрее демобилизоваться и идти работать в Сити¹. Он узнал о вакансии в очень приличной фирме.

— Но, Дермут, разве не надежнее было бы остаться на военной службе? Там же пенсия и все такое...

— Если я останусь, то обросту мхом. И что толку от жалкой пенсии? Я намереваюсь деньги делать — много денег. Ты же не против того, чтобы рискнуть, правда, Силия?

Нет, Силия не возражала. Как раз готовность рисковать больше всего и восхищала ее в Дермута. Жизнь его не пугала.

Дермут от жизни никогда не бежал. Он всегда смотрел ей в лицо и подчинялся своей воле.

¹ Сити — самоуправляющийся административный район в восточной части Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

Мариам однажды назвала его беспощадным. В некотором смысле это было правдой. К жизни он действительно беспощадно требователен, начисто лишен сентиментальности, соображения. Но с ней — разве он беспощаден? Посмотрите, как нежен он был — до того, как родилась Джуди...

2

Дермут рискнул.

Оставил армию и пошел в Сити, начав службу с небольшим окладом, но с перспективой значительно больших денег в будущем.

Не наскучит ли ему нудная работа в конторе, боялась Силия. Но он, по всей видимости, там не скучал; кажется, он был совершенно счастлив и доволен своей новой жизнью.

Дермуту нравилось браться за новые дела.

К тому же ему нравились новые люди.

Порой Силия возмущалась, что он ни разу не навестил двух стареньких тетюшек в Ирландии, которые вырастили его.

Он посылал им подарки и регулярно — раз в месяц — писал, но видеть их не жаждал.

— Неужели ты их не любил?

— Любил, конечно, — особенно тетю Люси. Она была для меня как мать.

— И ты не хочешь их повидать? Они могли бы и у нас погостить.

— Будут тут только мешать.

— Мешать? Если ты их любишь?

— Я знаю, у них все в порядке, они здоровы. Вполне счастливы и все такое прочее. Видеть же их я не очень хочу. В конце концов, взрослея, отвыкаешь от своих родственников. Человеку такое свойственно. Тетя Люси и тетя Кейт для меня большого значения теперь не имеют. Они остались для меня в прошлом.

«Дермут просто удивительный человек», — подумала Силия.

Но, возможно, и он считает ее странной — из-за ее привязанности к местам и людям, знакомым с детства.

На самом деле странной он ее не находил. Он вообще об этом не думал. Дермут никогда не думал о людях — какие они. Все эти разглагольствования о мыслях и чувствах казались ему пустой тратой времени.

Дело он любил иметь с фактами, а не с идеями.

Иногда Силия спрашивала его, к примеру: «Что бы ты стал делать, если бы я сбежала от тебя с кем-нибудь?» Или: «Что бы ты стал делать, если бы я умерла?»

Дермут не имел никакого понятия, что бы он стал делать. Откуда ему было знать, если этого пока не случилось?

— Но разве ты не можешь просто представить себе?

Нет, Дермут не мог. Вообразить то, чего на самом деле нет, — значит попусту тратить время. Что, разумеется, было чистейшей правдой. Однако Силия не могла удержаться от фантазии.

Такая уж она была.

3

Однажды Дермут обидел Силию.

Они были в гостях. Силия по-прежнему с опаской относилась ко всяким званым вечерам: вдруг опять найдет на нее робость и она будет сидеть как в рот воды набрав. Иногда такое случалось.

Но этот вечер прошел — так ей, по крайней мере, показалось — замечательно. Поначалу она немножко стеснялась, а потом отважилась сказать такое, от чего собеседник ее расхохотался.

Это придало ей смелости, она почувствовала себя свободнее и разговорилась. Все много смеялись и много болтали, и Силия вместе со всеми. Она говорила вещи, с ее точки зрения, вполне остроумные и, по-видимому, казавшиеся остроумными другим. Домой она пришла, вся сияя от счастья.

«Не такая уж я и дура. Не такая уж я и дура, в конце концов», — весело говорила она сама себе.

— По-моему, было очень славно, — сказала она через дверь гардеробной Дермуту. — Я чудесно провела время. Как удачно, что я вовремя подцепила петлю на чулке.

— Да, было не то чтобы безнадежно плохо.

— Дермут, тебе что, не понравилось?

— У меня разболелся живот.

— О, дорогой, как жаль. Сейчас дам тебе соды.

— Теперь прошло. Что это с тобой было весь вечер?

— Со мной?

— Да, ты была какая-то совсем другая.

— Наверное, перевозбудилась. В каком смысле другая?

— Обычно ты ведешь себя очень разумно. Сегодня же ты весь вечер рта не закрывала, и гоготала, и была совершенно на себя не похожа.

— Тебе не понравилось? А я-то думала, что делаю успехи.

Внутри у Силии похолодело.

— По-моему, ты несла какой-то вздор.

— Да,— медленно проговорила Силия,— думаю, я и вправду вела себя глупо... Но, по-видимому, это всем нравилось, они смеялись.

— А, всем?

— И потом, Дермут, мне тоже было хорошо... Это, наверное, ужасно, но мне кажется, что мне нравится иногда вести себя глупо.

— Тогда не о чем говорить.

— Но я больше не буду. Не буду, если тебе неприятно.

— Мне и в самом деле не нравится, когда ты глупишь. Не люблю глупых женщин.

Было больно, и еще как!

Дура-дурой она была. Конечно, дурой — она всегда это знала. Но почему-то надеялась, что Дермут не будет против. Может, он — как бы выразиться — будет снисходителен к ней. Если любишь человека, его ошибки и слабости внушают еще большую любовь, а вовсе не отталкивают. Скажешь ему: «Ну на что это похоже!» — но не с раздражением, а ласково.

Однако от мужчин не больно дождешься нежности...

Странной острой болью пронзил Силию испуг.

Нет, мужчины не нежны...

Они не такие, как матери...

Ее внезапно охватило дурное предчувствие. Она ведь ничего не знает о Дермута...

Мужчины!.. Ей вспомнились бабушкины предостережения. Бабушка, кажется, пребывала в полной уверенности, что в точности знает, что такое мужчины.

И, разумеется, бабушку глупой не назовешь... Силия часто посмеивалась над бабушкой, но глупой бабушка не была.

А вот она, Силия, глупа... Она всегда в глубине души это знала. Но раньше думала, что для ее жизни с Дермутом это не важно. Оказалось — важно.

В темноте слезы неудержимо катились по ее щекам.

Она заплачется — ночью, под покровом темноты. А

утром встанет другим человеком. Никогда больше не выставит себя душой перед людьми.

Избаловали ее — вот в чем дело. Вечно к ней все были **так** добры — хваливали ее...

Но она не хочет, чтобы у Дермута даже на секунду появлялось такое выражение, с каким он взглянул на нее...

Что-то ей это напомнило — что-то случившееся **давным-давно**.

Нет, она не может припомнить.

Но постарается теперь следить за собой, чтобы не **выглядеть** больше душой.

Глава 13

Товарищи

1

Как обнаружила Силия, кое-что в ней Дермуту не **нравится**.

Его раздражал любой намек на беспомощность.

— Почему ты хочешь, чтобы это сделал за тебя я, если **ты** сама прекрасно справишься?

— Но так приятно, Дермут, когда ты для меня это **делаешь**.

— Ерунда, дай тебе волю — ты совсем распустишься.

— Наверное, распушусь,— печально откликнулась Силия.

— Ты отлично справишься сама. Голова на плечах у тебя есть и руки умелые.

— По-моему,— сказала Силия,— это слабость, присущая женщинам с покатыми викторианскими плечами. Так и хочется к кому-то прилепиться.

— Я тебе этого не позволю.

— Тебе очень не нравится, Дермут, что я такая мечтательная, вечно фантазирую, что может случиться и что я стану делать, если это случится?

— Да нет, мне безразлично,— если тебя это забавляет.

Дермут всегда был справедлив. Независимый сам, он уважал независимость в других. По-видимому, у него имелись собственные представления о вещах, однако он никогда не выражал их вслух и не хотел делиться ими с окружающими.

Беда была в том, что Силия как раз хотела делиться

всем. Когда под окнами во дворе расцвел миндаль, у нее возникло — прямо под сердцем — исступленное чувство радости, и ей так захотелось схватить Дермута за руку и потащить его к окну, чтобы и он почувствовал то же самое. Но Дермут терпеть не мог, когда его брали за руку. Он вообще не переносил, чтобы до него дотрагивались, — разве что в минуты близости.

Когда Силия обожгла руку о плиту и сразу же вслед за этим защемила палец створкой кухонного окна, ей так хотелось пойти к Дермуту и положить ему голову на плечо, чтобы ее пожалели. Но она понимала, что это лишь вызовет у Дермута раздражение. Он не любил, когда к нему прикасались, или когда надеялись на его поддержку, или просили проявить сочувствие.

Силия героически боролась со своей страстью делиться чувствами, со своей жадой ласки, нетерпеливым желанием одобрения.

Она говорила себе, что ведет себя глупо. Она любит Дермута, и Дермут любит ее. Может быть, он даже сильнее ее любит, чем она его: ему ведь меньше, чем ей, нужны изъявления любви.

Он дарил ей страсть и чувство товарищества. Рассчитывать еще и на нежную привязанность было неразумно. Бабуля прекрасно бы все поняла. «Мужчины, — говаривала она, — не такие».

2

На выходные Дермут и Силия уезжали вместе за город. Брали с собой бутерброды, по железной дороге или автобусом доезжали до намеченной остановки, потом пешком шагали через леса и поля и возвращались домой другим автобусом или поездом.

Всю неделю Силия ждала выходных. Дермут каждый день возвращался из Сити совершенно измотанным, иной раз — с головной болью, другой раз — с расстроенным желудком. После ужина он с удовольствием сидел и читал. Иногда рассказывал Силии о том, что было на работе, но чаще предпочитал разговоров не вести. Обычно он брался за какую-нибудь техническую книгу и не хотел, чтобы его отрывали.

А по выходным дням Силия получала назад своего товарища. Они бродили по лесам и выкидывали смешные фортели, и иной раз, взбираясь на холм, Силия говорила: «Я

очень люблю тебя, Дермут» — и брала его под руку, — потому что Дермут взбирался на холм одним махом, а Силия задыхалась. Дермут не возражал, когда его держали за руку — если только это делалось ради шутки или чтобы легче было взобраться на холм.

Как-то Дермут предложил сыграть в гольф. Спортсмен он так себе, сказал он, но немного играть умеет.

Силия вытащила свои клюшки и стала счищать ржавчину, вспоминая Питера Мейтланда. Милый, милый Питер. Нежная привязанность к нему останется с ней до конца жизни. Ведь Питер был частью ее существования...

Они отыскивали где-то площадку, где плата за пользование была не слишком высокой. Весело было снова играть в гольф. Играть Силия совсем разучилась, но и Дермут оказался не слишком силен. У него был великолепный дальний удар, но он мазал.

Играть вместе оказалось очень забавно.

Но одной забавой дело не ограничилось. Дермут — как в работе, так и в играх — был энергичным и старательным. Купил учебник и серьезно его проштудировал. Дома отрабатывал замах и удар, купив для этой цели несколько пробковых мячей.

В следующий выходной они не сыграли ни одной партии. Дермут занимался лишь отработкой ударов. И Силию заставил заняться тем же.

Дермут стал жить ради гольфа. Силия тоже попыталась так жить, но у нее это не очень получалось.

Дермут играл все лучше и лучше. Силия же оставалась на прежнем уровне. Как бы ей хотелось, чтобы Дермут чуть больше был похож на Питера Мейтланда...

Влюбилась она, однако, именно в Дермута, прельстившись как раз теми качествами, которые отличали его от Питера.

3

Однажды Дермут сказал, придя с работы:

— В следующее воскресенье я хотел бы поехать с Эндрюсом за город, в Далтон-Хит. Не возражаешь?

Силия не возражала.

Вернулся Дермут в бурном восторге.

На первоклассной площадке играть в гольф было замечательно. На следующей неделе Силия обязательно должна поехать и посмотреть Далтон-Хит. Правда, по выход-

ным женщинам играть там не разрешается, но она может просто погулять с ним вместе.

Еще раз два они съездили на прежнюю дешевенькую площадку, но Дермут удовольствия там уже не получал. Это место, говорил он, не по нем.

Через месяц он сказал Силии, что собирается вступить в члены клуба «Далтон-Хит».

— Я знаю, что это дорого. Но, в конце концов, я мог бы сэкономить на чем-нибудь. Гольф — мое единственное развлечение, и для меня это очень важно. Эндрюс и Уэстон — оба члены клуба.

Силия медленно проговорила:

— А как же я?

— Толку от того, что ты станешь членом клуба, никакого. По выходным дням женщины играть там не могут, а в середине недели, как мне представляется, ты вряд ли захочешь выбираться туда одна.

— А что же я тогда буду делать по выходным? Ты будешь играть с Эндрюсом и с другими.

— Довольно глупо вступать в гольф-клуб и не пользоваться им.

— Но мы ведь всегда проводили выходные вместе.

— А, понятно. Но ты, наверное, можешь найти с кем побыть, разве не так? У тебя же полно подруг.

— Нет их у меня. Сейчас нет. Старые мои подруги, которые жили в Лондоне, повыходили замуж и разъехались.

— Но ведь есть Дорис Эндрюс и миссис Уэстон и другие.

— Я бы не назвала их моими подругами. Они — жены твоих друзей. А это не одно и то же. И вообще, дело не в этом. Ты просто не понимаешь. Мне хочется быть с тобой. Мне нравится делать что-то с тобой вместе. Мне нравились наши прогулки, и наши сандвичи, и наша игра в гольф, и наше веселье. Всю неделю ты приходишь домой усталый, и я не пристаю к тебе и не надоедаю просьбами, но я жду не дождусь выходных. Для меня это радость, Дермут, я же люблю быть с тобой, а теперь мы никогда ничего не будем делать вместе.

Только бы голос не дрожал. Только бы не расплакаться. Может, она хочет слишком многого? Не разозлится ли Дермут? Может, она эгоистка? Пристала к нему, вцепилась — да, без сомнения, вцепилась. Оплела как плющ!

Дермут изо всех сил старался быть терпеливым и рассудительным.

— Знаешь, Силия, мне не кажется, что это справедливо. Я никогда не вмешиваюсь в то, что ты хотела бы делать.

— Но я ничего и не хочу делать.

— Я бы не возражал, если б ты захотела. Если ты скажешь мне, что хочешь в выходной пойти куда-нибудь с Дорис Эндрюс или с кем-нибудь еще из своих друзей, я буду вполне счастлив. Я бы тоже кого-нибудь нашел и тоже куда-нибудь уехал. В конце концов, когда мы поженились, у нас был уговор, что каждый волен делать то, что хочет.

— Ни о чем таком мы не улавливались и не говорили,— сказала Силия,— мы просто любили друг друга и хотели пожениться и думали, как было бы божественно всегда быть вместе.

— Так оно и есть. Не думай, пожалуйста, будто я тебя не люблю. Я тебя люблю так же сильно, как и раньше. Однако мужчине нравится проводить время с другими мужчинами. И потом, ему нужны физические занятия. Если бы меня тянуло к женщинам, ну тогда другое дело. Но никакие другие женщины, кроме тебя, меня не волнуют. Терпеть их не могу. Мне просто хочется играть с другими мужчинами в нормальный гольф. Мне кажется, ты не очень разумно ко всему этому относишься.

Да, так оно, наверное, и есть...

То, что хочется Дермуту, столь невинно... столь естественно...

Ей стало стыдно...

Но он не понимает, как ей будет ужасно не хватать тех дней, которые они могли проводить вместе.. Дермут нужен был ей не только ночью в постели. Дермут — товарищ по играм был для нее куда дороже Дермута-любовника...

Правда ли,— она слышала это часто от других женщин,— что мужчинам женщины нужны только в постели и на кухне?

Не в том ли состоит трагедия замужества, что женщине хочется быть другом, а мужчине от этого скучно?

Нечто такое она и сказала. Дермут, как всегда, ответил честно:

— Я думаю, Силия, что так оно и есть. Женщинам вечно хочется быть рядом с мужчиной, что-то делать вмес-

те, а мужчина всегда предпочтет компанию других мужчин.

Вот так — коротко и ясно. Дермут прав, а она не права. Она действительно ведет себя неразумно. Так она и сказала, и лицо его прояснилось.

— Ты такая милая, Силия. Надеюсь, что постепенно ты привыкнешь. Найдешь себе тех, кому нравится говорить о всяких вещах и всяких чувствах. Я же по этой части плоховат, сам знаю. И мы будем так же счастливы. Я даже буду играть в гольф либо в субботу, либо в воскресенье, чтобы в другой выходной мы могли пойти куда-нибудь вместе, как раньше.

В субботу он ушел сияя. В воскресенье сам предложил отправиться на прогулку.

Они отправились, но это было уже совсем не то. Дермут держался очень мило, но она-то знала, что сердце его осталось в Далтон-Хит. Уэстон приглашал его сыграть, но он отказался.

Он понимал, что принес жертву, и очень этим гордился.

К следующим выходным Силия убедила его оба дня играть в гольф, и он отправился за город очень счастливый.

Силия думала: «Я снова должна учиться развлекать себя сама. Или же надо найти друзей».

Она презирала «домоседок». Гордилась, что была Дермуту товарищем. Те домоседки, что погрязли в детях, в слугах, в домашнем хозяйстве, вздыхают с облегчением всякий раз, когда Том, Дик или Фред сбегают по выходным играть в гольф, потому что тогда больше порядка в доме: «Слугам, милочка, куда легче тогда бывает». Мужчины нужны как кормильцы, но в доме с ними одни хлопоты...

Может, так и надо. Похоже на то.

Глава 14

Плющ

1

Как дивно быть дома. Силия растянулась на зеленой травке — восхитительно теплой и живой на ощупь.

Над головой шелестел листвой бук...

Зеленый... зеленый... весь свет был зеленым...

Волоча за собой деревянного коня, по склону лужайки с трудом поднималась Джуди... \

Джуди была прелестна — с крепенькими ножками, румяными щечками, голубыми глазами и густыми каштановыми кудрями. Джуди — ее малышка, как сама она была малышкой маминной.

Только Джуди, конечно, совсем на нее не похожа...

Джуди не хочет, чтобы ей рассказывали сказки, а жаль, потому как Силия безо всяких усилий могла бы рассказать кучу сказок. И Джуди не нравились сказки волшебные.

Джуди не способна на выдумки. Когда Силия рассказывала Джуди, как она представляла себе, что лужайка — это река, а обруч — водяная лошадка, Джуди вытаращила на нее глаза и сказала:

— Но это же трава. И обруч надо катать. На нем нельзя ездить верхом.

Было все это настолько очевидно, что Джуди наверняка считала Силию совершенной глупышкой, от этого та, разумеется, огорчалась.

Сначала Дермут понял, что она глупая, а теперь вот и Джуди.

В свои четыре года Джуди была уже ходячее здравомыслие. А здравомыслие, как убедилась Силия, нередко наводит тоску.

Здравомыслие дочки плохо влияло на Силию. Она все делала, чтобы выглядеть в глазах Джуди — в этих ясных, голубых, все подмечающих глазках — разумной, а в результате выглядела еще глупее.

Джуди была полной загадкой для матери. Все то, что Силия делала в детстве с удовольствием, казалось Джуди скучным. И трех минут девочка не могла поиграть в саду одна. Она решительной походкой входила в дом и заявляла, что ей «нечего делать».

Джуди нравилось заниматься настоящим делом. Ей никогда не бывало скучно дома, в квартире. Она начищала тряпкой до блеска полированную мебель, помогала заправлять постель и вместе с отцом чистила клюшки для гольфа.

Дермут и Джуди внезапно подружились. Общение друг с другом стало доставлять им удовольствие. Хотя Дермут по-прежнему сетовал на упитанность Джуди, он не мог оставаться безразличным к тому, с каким нескрываемым восторгом она проводит с ним время. Разговаривали они друг с другом серьезно, как взрослые люди. Если Дермут давал Джуди вычистить клюшку, он мог рассчитывать, что

ее вычистят как следует. Когда Джуди спрашивала: «Красиво, правда?» — о домике ли, который она сложила из кубиков, или о клубке, скатанном из шерстяной пряжи, или о ложе, которую она начистила,— Дермут никогда не говорил, что да, красиво, если в самом деле так не считал. Обычно он указывал на ее ошибки и погрешности.

— Ты отобьешь так у нее всякую охоту что-либо делать,— говорила Силия.

Однако никакая охота у Джуди не пропадала, и она никогда не обижалась. Отец ей нравился больше, чем мать, потому что отцу было трудно угодить. А ей нравилось делать то, что трудно.

Дермут был необуздан. Когда они с дочкой поднимали возню, почти всегда с Джуди что-нибудь случалось — игры с Дермутом всегда заканчивались то шишкой, то царапиной, то прищемленным пальцем. Джуди не обращала на это внимания. Более спокойные игры с Силией казались ей скучными.

Но вот когда она болела, то отдавала предпочтение матери.

— Мапочка, не уходи. Не уходи. Побудь со мной. Не пускай сюда папу. Папу не хочу.

Дермута вполне устраивало, что его не желали видеть. Больных он не любил. Ему становилось не по себе в присутствии человека нездорового или несчастного.

Когда кто-нибудь прикасался к Джуди, она реагировала так же, как Дермут,— терпеть не могла, если ее целовали или брали на руки. Один поцелуй перед сном от матери она еще могла стерпеть, но не больше. Отец никогда ее не целовал. Желая друг другу спокойной ночи, они во весь рот улыбались.

Джуди и бабушка прекрасно ладили. Мириам в восторге была от живого и смышленного ребенка.

— Она такая понятливая, Силия. Все схватывает на лету.

У Мириам вновь пробудилась давнишняя тяга к учительству. Она учила девочку буквам и коротким словам. И бабушке, и внучке уроки эти доставляли удовольствие.

Иной раз Мириам говорила Силии:

— Она — это не ты, мое золотце...

Она словно бы оправдывалась за свой интерес к юному существу. Мириам любила детей. Словно учительница радовалась она, видя, как пробуждается ум. Джуди неизменно вызывала у нее волнение и интерес.

Но сердце ее принадлежало Силии. Они еще больше любили друг друга. Всякий раз, приехав домой, Силия видела перед собой маленькую старушку — седенькую, увядающую. Но через день-другой мать оживала, щеки вновь покрывались румянцем, в глазах загорались искорки.

— Девочка моя вернулась, — говорила она радостно.

Мириам всегда приглашала и Дермута и всегда радовалась, если он не приезжал. Она хотела, чтобы Силия была только с ней.

И Силия любила это чувство возвращения в прошлую жизнь. Любила ощущать, как охватывает ее радостный прилив спокойствия — сознание, что ты любима, что все в тебе отвечает чаяниям...

Для матери она была само совершенство... Мать не хотела, чтобы она была другой... Дома можно просто быть самой собой.

А так покойно быть собой...

И к тому же — можно позволить себе проявлять нежность, говорить все, что вздумается...

Она могла сказать: «Я так счастлива» — и не опасаться наткнуться на хмурый взгляд Дермута. Дермут не выносил проявления чувств. Он считал это неприличным.

А дома можно не оглядываться на приличия...

Дома она лучше понимала, как счастлива с Дермутом и как сильно она любит его и Джуди...

Вдоволь проявив свою любовь и наговорившись обо всем, что только приходило в голову, она возвращалась к Дермуту и уже могла быть разумным, независимым человеком — такой, какою и хотел видеть ее Дермут.

Любимый дом... и бук... и трава — растет, растет, поднимается под...

Она думала словно в полусне: «Оно живое, это Огромное Зеленое Чудище... вся земля — это Огромное Зеленое Чудище, такое доброе, теплое и живое... Я так счастлива... я так счастлива... у меня есть все, что я хочу в этом мире...»

Дермут то вплывал в ее мысли, то выплывал из них. Он был как бы лейтмотивом в мелодии ее жизни. Иногда она ужасно без него скучала.

Как-то она спросила у Джуди:

— Ты без папы скучаешь?

— Нет, — ответила та.

— Но ты хочешь, чтобы он был здесь?

— Да, наверное.

— Ты что же, не уверена? Ты ведь так любишь папу.
— Люблю, конечно, но он же в Лондоне.
Никаких других объяснений для Джуди не требовалось.
Когда Силия вернулась, Дермут был ей очень рад. Они провели вечер, как двое влюбленных. Силия шептала:
— Я очень без тебя соскучилась. А ты скучал без меня?
— Я об этом не думал.
— Ты хочешь сказать, что не думал обо мне?
— Да. А что толку? Думай — не думай, ты бы от этого здесь не появилась.

С его стороны это было честно и весьма разумно.

— Но теперь ты рад, что я здесь?

Его ответ вполне ее удовлетворил.

Но потом, когда он крепко спал, а она лежала без сна, в счастливых мечтах, ей подумалось:

«Ужасно, но мне, по-моему, хочется, чтобы Дермут иногда чуточку привирал...»

Скажи он: «Любимая, я ужасно без тебя скучал» — это утешило бы ее и согрело, и не имело бы вовсе значения, правду он говорит или нет.

Нет, Дермут оставался Дермутом. Ее смешной, убийственно честный Дермут. И Джуди такая же...

Умнее, наверное, не задавать вопросов, если не хочется выслушивать правду в ответ.

Она думала в полудреме:

«Интересно, буду ли я когда-нибудь завидовать Джуди? Они с Дермутом куда лучше понимают друг друга, чем мы с ним...»

И еще подумала: «Как чудно! Дермут так к ней ревновал еще до рождения и потом, когда она была крохотной малюткой. Странно, до чего порой все выходит не так, как ожидаешь...»

Любимая Джуди... любимый Дермут... они так похожи... такие смешные... такие милые... и они — ее. Нет, не ее. Это она — их. Так лучше. Теплее... уютнее. Она им принадлежит.

2

Силия выдумала новую игру. Это был, как она считала, новый вариант игры «в девочек». Сами «девочки» свое отжили. Силия попыталась их оживить, одаривала их детьми, интересными профессиями и роскошными особняка-

ми с парками, но безуспешно: воскресать девочки отказывались.

Тогда Силия изобрела нового персонажа. Героиню звали Хейзел. Силия с огромным интересом наблюдала за тем, как складывалась у Хейзел жизнь, начиная с детства. Хейзел была несчастным ребенком — бедной родственницей. У нянек она пользовалась дурной славой — из-за привычки вечно твердить: «Что-то случится, что-нибудь да случится», и обычно что-то случалось — даже если всего-навсего гувернантка уколет палец, — и вот Хейзел стали считать кем-то вроде домашней ведьмы. Она выросла в убеждении, что можно легко водить за нос легковверных...

С огромным интересом Силия вошла вслед за ней в мир гаданий, спиритических сеансов¹ и прочего. Хейзел стала гадалкой где-то на Бонд-стрит², обрела известность — не без помощи обедневших «агентов» из высшего общества.

Потом она влюбилась в молодого морского офицера, валлийца³, и действие перенеслось в валлийские деревни, и мало-помалу стало ясно (всем, кроме самой Хейзел), что мошенничество было лишь производным от истинного ее дара.

Наконец-то Хейзел и сама его обнаружила и пришла от в ужас. Но чем изобретательнее была она в своем обмане, тем вернее сбывалось то, что она предсказывала. Невидимая сила ухватила за нее и от себя не отпускала.

Оуэн, молодой человек, представлялся Силии более туманно и в конце концов оказался просто дрянью, сумевшей втереться в доверие.

Всякий раз, когда Силия выкраивала немного свободного времени или катала в колясочке Джуди по парку, история продолжала развиваться в ее воображении.

Однажды ей пришло на ум, что все это можно перенести на бумагу.

Можно сделать из этого книгу.

Она купила шесть ученических тетрадок по пенсу, множество карандашей — карандаши она вечно теряла — и села за работу.

¹ Спиритический сеанс — общение с душами умерших посредством различных манипуляций, якобы помогающих войти в контакт с духами (верчение столов, блюдец и т.п.).

² Бонд-стрит — одна из главных торговых улиц Лондона.

³ Валлийцы — жители Уэльса, представители кельтской части населения этого полуострова (юго-запад Великобритании).

Оказалось, не так уж это легко — перенести все на бумагу. Мысль всегда обгоняла руку абзацев на шесть, и к тому времени, как Силия принималась записывать фразу, которую давно продумала, нужные слова успевали вылететь из головы.

И все же Силия делала успехи. Это было не совсем то, что изначально рождалось в голове, но читалось это как книга. Были главы и все прочее. Силия купила еще шесть тетрадок.

Какое-то время она ничего не рассказывала Дермуту — пока не закончила описания встречи сторонников возрождения Уэльса, где с «показаниями» выступала Хейзел.

Эта глава удалась даже лучше, чем надеялась Силия. Упоенная победой, она захотела с кем-нибудь ею поделиться.

— Дермут,— сказала она,— как по-твоему, могла бы я написать книгу?

Дермут ответил весело:

— По-моему, это отличная мысль. На твоём месте я бы так и сделал.

— Собственно, я и написала — то есть начала писать. Уже добралась до половины.

— Хорошо,— сказал Дермут.

Пока Силия говорила, он отложил в сторону книгу по экономике, которую читал. Теперь же опять взялся за нее.

— Это о девушке-медиуме, которая сама этого не знает. И она связывается с домом предсказаний, где одни сплошные проходимцы, и жульничает на спиритических сеансах. А потом влюбляется в молодого человека из Уэльса и едет в Уэльс, а там творятся странные дела.

— Какой-то есть сюжет, надеюсь?

— Конечно есть. Я просто плохо рассказываю — только и всего.

— А ты хоть что-нибудь знаешь о медиумах, спиритических сеансах и всем таком прочем?

— Нет,— ответила пораженная Силия.

— Но разве в таком случае не слишком рискованно об этом писать? К тому же в Уэльсе ты никогда не была, так ведь?

— Не была.

— Не лучше ли тогда писать о чем-нибудь хорошо тебе известном? О Лондоне или о тех краях, где ты жила. Мне кажется, ты просто сама себе создаешь трудности.

Силия сконфузилась. Дермут, как всегда, прав. Она

ведет себя как настоящая дурочка. С какой стати выбирать темой то, о чем понятие не имеешь? И это собрание «возрожденцев»! Она никогда не бывала на таких собраниях. С какой стати пытаться их описывать?

И все же она не может теперь бросить Хейзел и Оуэна... Она выбросила главы о спиритизме, сеансах, власти медиумов и о жульничестве. Потом медленно и с большим трудом переделала всю первую часть своей книги. Работа ее не радовала. Она спотыкалась на каждом предложении и без всяких видимых причин устраивала немыслимые грамматические выкрутасы.

В то лето Дермут любезно согласился поехать с нею в Уэльс на весь свой двухнедельный отпуск. Силия смогла бы тогда приглядеться к «местному колориту». Они поехали, но колорит все время ускользал от Силии. С собой она взяла небольшую записную книжечку, чтобы ходить и записывать все, что привлечет ее внимание. Однако по натуре она была человеком не очень наблюдательным, дни шли, а в книжечку заносить было практически нечего.

У нее возник большой соблазн отказаться от Уэльса, сделать Оуэна шотландцем по имени Гектор, живущим в горной Шотландии.

Но Дермут заметил ей, что трудность будет точно такая же: о горной Шотландии она тоже не имеет никакого понятия.

В отчаянии Силия забросила книгу. Она вообще ни строчки не могла написать. К тому же в голове у нее уже разыгрывались сцены из жизни рыбаков на побережье Корнуолла...¹

И она уже хорошо была знакома с Амосом Полриджем...

Дермуту она ничего не говорила, так как чувствовала себя виноватой, прекрасно понимая, что не имеет никакого представления ни о рыбаках, ни о море. Бесполезно и писать об этом, но придумывать было так увлекательно. Была там и дряхлая старушенция — беззубая и зловещая с виду...

А книгу о Хейзел она допишет как-нибудь потом. Оуэн прекрасно может быть порочным молодым маклером из Лондона.

Только — так, во всяком случае, Силии казалось — Оуэну вовсе не хочется им быть...

¹ Корнуолл — графство на юго-западе Великобритании, население которого в значительной степени также состоит из кельтов.

Он помрачнел, затуманился, и она вообще перестала ясно его видеть, точно тот и не существовал вовсе.

3

Силия уже привыкла жить скромно и считать каждый пенс.

Дермут все надеялся когда-нибудь разбогатеть. Более того, он был совершенно в этом уверен. Силия же стать богатой не рассчитывала. Ее вполне устроит, если все будет так, как есть, она только надеялась, что это не явится слишком большим разочарованием для Дермута.

Но настоящей финансовой катастрофы не ожидал ни он, ни она. Бум, возникший после войны, кончился. Наступил спад.

Фирма, в которой служил Дермут, обанкротилась, и он оказался без работы.

У них были годовые проценты — пятьдесят фунтов у Дермута и сто у Силии, и еще у них были облигации военного займа на двести фунтов и дом Мириам — как пристанище для Силии и Джуди.

Тяжелые настали времена. Силия все воспринимала через Дермута. А тот очень тяжело переживал совершенно незаслуженную неудачу (работал-то ведь он хорошо). Он ожесточился и раздражался по любому поводу. Силия отпустила Кейт и Денмен, решив, что сама будет вести хозяйство — до той поры, пока Дермут не подыщет себе другую работу. Денмен, однако, уйти отказалась. Вскипев, она заявила в сердцах:

— Не будем спорить. Ни к чему это. Я готова ждать, пока вы сможете заплатить. Не брошу свою любимую малышку.

Итак, Денмен осталась. Они с Силией по очереди вертели и крутились — убирались, стряпали, занимались Джуди. То Силия вела утром Джуди гулять в парк, а Денмен готовила и убирала, то уходила Денмен, а Силия оставалась.

Силия находила в этом странное удовольствие. Ей нравилось быть чем-то занятой. По вечерам же она выкраивала время, чтобы продолжать историю про Хейзел. Она усердно дописывала книгу, сверяясь с заметками, привезенными из Уэльса, затем послала ее издателю. А вдруг что-нибудь получится.

Но рукопись немедленно вернули. Силия сунула ее в ящик и больше писать не пыталась.

Главной в жизни проблемой для Силии был Дермут. Дермут лишился всякого благоразумия. Он так тяжело переживал поражение, что с ним трудно стало находиться рядом. Если Силия смеялась, он упрекал ее, говорил, что могла бы проявить побольше понимания. Если она молчала, говорил, что могла бы попытаться его развеселить.

Силия в отчаянии думала, что, если бы Дермут пошел ей навстречу, они пережили бы все это куда спокойнее. Лучший способ бороться с бедой — встретить ее со смехом.

Но Дермуту было не до смеха. Его гордость была жестоко уязвлена.

Как бы зло и неразумно ни вел он себя, Силию это уже не обижало, как тогда, на званом вечере. Она понимала, что он страдает, — страдает за нее больше, чем за себя.

Иногда он выплескивал свои сокровенные мысли.

— Почему бы вам не уехать — тебе и Джуди? Отвези ее к матери. Сейчас я никуда не годен. Я знаю: со мной невозможно жить вместе. Я уже говорил тебе как-то: во времена тяжелые я никуда не годен. Не выношу неприятностей.

Но Силия не желала оставлять его. Ей хотелось бы облегчить ему жизнь, но, похоже, она ничего не могла поделать.

День проходил за днем, работы Дермут не находил и становился все мрачнее и мрачнее.

И наконец, когда Силия совсем упала духом, и почти уже решила уехать к Мириам, как и предлагал постоянно Дермут, в событиях наметился поворот.

Как-то днем Дермут пришел домой другим человеком. В нем снова появилось знакомое мальчишество; синие глаза сияли и искрились.

— Силия, это же просто замечательно. Ты помнишь Томми Форбса? Я заглянул к нему — просто так, на всякий случай, — а он за меня ухватился. Как раз такой человек, как я, ему и нужен. Для начала положил восемьсот в год, а через год или два я смогу зарабатывать полторы-две тысячи. Пойдем куда-нибудь отпразднуем!

Какой это был счастливый вечер! Дермут сразу так изменился — оживился и радуется как ребенок. По его настоянию они купили Силии новое платье.

— Ты очаровательна в этом гиацинтово-голубом. Я — я по-прежнему безумно люблю тебя, Силия

Влюбленные — да, они по-прежнему были влюблены друг в друга

В ту ночь Силия, лежа без сна, думала: «Надеюсь... надеюсь, у Дермута всегда все будет хорошо. Он так переживает, когда что-нибудь не ладится».

— Мамочка,— ни с того ни с сего спросила Джуди на следующее утро,— что такое друг до первой беды? Нянечка сказала, что у нее в Пекэме есть один такой.

— Это такой человек, который очень хорошо к тебе относится, пока все в порядке, но сразу отворачивается, если случится беда.

— А,— сказала Джуди,— понятно. Как папочка.

— Нет, Джуди, что ты! Папочка расстроен и невесел, когда его что-то тревожит, но, если ты или я заболеем или расстроимся, папочка все для нас сделает. Он самый преданный человек на свете.

Джуди задумчиво посмотрела на мать и сказала:

— Не люблю людей, которые болеют. Они лежат в постели и не могут играть. Вчера в парке Маргарет засорила глаз. Она не могла больше бегать и села на скамейку. Она хотела, чтоб и я с ней сидела, а я не стала.

— Джуди, это очень плохо.

— Нет, не плохо. Я не люблю сидеть. Я люблю носить.

— А если бы тебе что-нибудь попало в глазик, разве тебе не хотелось бы, чтобы кто-то посидел рядом и поговорил с тобой, а не убегал от тебя?

— Ну и пускай убегает... Но ведь не я глазик засорила, а Маргарет...

Глава 15

Процветание

1

Дермут преуспевал. Он зарабатывал почти две тысячи в год. Для них с Силией наступило прекрасное время. Они договорились начать откладывать деньги, но решили с этим не спешить.

Прежде всего они купили подержанный автомобиль.

Кроме того, Силия давно уже мечтала жить за городом. Для Джуди это было бы куда лучше, да и сама она ненавидела Лондон. Раньше Дермут всегда возражал, ссы-

лаясь на расходы: проезд на поезде, продукты в городе дешевле и так далее.

Теперь, однако, он признал, что такая мысль ему по душе. Они подыщут коттедж не слишком далеко от Далтон-Хит.

В конце концов поселились они в домике на территории громадного имения, которое теперь дробилось на участки под застройку. Поле для гольфа в Далтон-Хит было всего в десяти милях. Завели они и собаку — прелестного терьера по кличке Обри.

Денмен переехать с ними за город отказалась. Будучи ангелом во времена тяжелые, теперь с наступлением благополучия она стала сущим дьяволом. Она грубила Силии, расхаживала задрав нос и в конце концов сообщила, что увольняется: раз некоторые люди стали задаваться, пришла, значит, ей пора сменить обстановку.

Переехали они весной, и Силия, замирая от восторга, глядела на цветущую сирень. Сирени было видимо-невидимо, всех оттенков — от розово-лиловой до пурпурной. Выходя рано утром побродить по саду в сопровождении скачущей по пятам Обри, Силия думала, что жизнь почти достигла совершенства. Нет больше грязи, пыли и тумана. Это — Дом...

Силия обожала жить за городом и подолгу бродила с Обри. Поблизости была крохотная школа, куда утром отправлялась Джуди. В школе Джуди чувствовала себя, как рыба в воде. Она робела с кем-нибудь наедине, но ни чуточки не смущалась, когда народу было полно.

— А можно мне будет когда-нибудь пойти в большую школу, мамочка? Где сотни, и сотни, и сотни девочек? Какая школа в Англии самая большая?

У Силии случилась стычка с Дермутом по поводу их нового жилища. Одну комнату на верхнем этаже с окнами по фасаду они предназначали для спальни. Другую Дермут хотел приспособить под свою гардеробную. Силия же доказывала, что это должна быть детская — для Джуди.

Дермут вспылил.

— Полагаю, ты все равно стоишь на своем. Во всем доме я буду единственным, кто в своей комнате луча солнца ни разу не увидит.

— У Джуди должна быть солнечная комната.

— Чепуха, она и так целыми днями на улице. Та комната сзади очень просторная, полно места, чтобы носиться.

— В ней солнца не бывает.

— Не понимаю, почему солнце для Джуди важнее, чем для меня

На этот раз, однако, Силия стояла на своем. Она очень хотела отдать солнечную комнату Дермуту, но не сделала этого.

Кончилось тем, что Дермут смирился со своим поражением. Правда, теперь у него появился повод выражать при каждом удобном случае свое недовольство, — хотя и совершенно беззлобно, — и строить из себя втопанного в грязь мужа и отца.

2

У них было много соседей — большинство с детьми, все очень приветливые. Единственное, что создавало трудности, — это отказ Дермута ходить на званые вечера.

— Знаешь, Силия, я приезжаю из Лондона вымотанный, а ты хочешь, чтобы я наряжался и шел в гости и попадал в свою спальню только после полуночи. У меня на это просто не хватит сил!

— Не каждый же вечер! А выйти раз в неделю, наверное, не так уж трудно?

— Не хочу. Ты ходи, если хочется.

— Я не могу ходить одна. На ужин приглашают семейные пары, и будет странно, если я скажу, что ты никуда вечерами не ходишь, поскольку бережешь силы для работы.

— Уверен, что в гостях ты без меня прекрасно обойдешься.

Это было, однако, не совсем так. За городом людей в гости действительно зовут либо семьями, либо не зовут вовсе. Но и в словах Дермута была правда. Он зарабатывает на жизнь и должен иметь решающий голос в их совместной жизни. И они отказывались от приглашений и сидели дома, Дермут читал книги по финансовым вопросам, а Силия иногда шила, иногда, сложив руки, сидела и думала о семье корнуоллских рыбаков.

3

Силии хотелось завести еще одного ребенка.

Дермуту не хотелось.

— В Лондоне ты постоянно говорил, что у нас мало места, — напомнила Силия, — и мы были еще совсем бед-

ные. Но сейчас у нас есть деньги, полно комнат в доме, и с двумя детьми хлопот будет не больше, чем с одним.

— Прямо сейчас нам ребенок не нужен. Опять вся эта суматоха, канитель, опять плач, и вопли, и бутылочки.

— По-моему, ты и потом так же будешь говорить.

— Не буду. Я бы хотел иметь еще двоих детей. Но не теперь. Впереди уйма времени. Мы еще сравнительно молоды. Когда нам все наскучит, это станет для нас чем-то вроде развлечения. А сейчас давай поживем для себя. Ты же не хочешь, чтобы тебя опять начало тошнить.— Он помолчал.— Так и быть, скажу, что я сегодня присмотрел.

— Дермут!

— Машину. Подержанную и изрядно потрепанную. Меня Дэвис надоумил. Спортивная модель, пробег — всего восемь тысяч миль.

И Силия подумала:

«Как же я люблю его! Такой еще мальчишка. Такой пылкий... И так много работает. Почему же отказывать ему в том, что ему хочется?.. Когда-нибудь у нас еще будет ребенок. А пока пусть у него будет машина. В конце концов я люблю его куда больше, чем любого младенца на свете».

4

Силию удивляло, что Дермут никогда не приглашал к себе старых друзей.

— Но раньше ты так любил Эндрюса.

— Да, но мы перестали общаться. Никогда больше не встречаемся. Меняются люди...

— А Джим Лукас — вы же с ним были неразлучны, когда мы обручились.

— Не хочу водиться ни с кем из прежней армейской компании.

Силия как-то получила письмо от Элли Мейтланд — Элли Питерсон, как она теперь звалась.

— Дермут, моя старая знакомая Элли Питерсон вернулась домой из Индии. Я была подружкой у нее на свадьбе. Пригласить их с мужем на выходные?

— Да, если хочешь. Он в гольф играет?

— Не знаю.

— Вот будет скучища, если не играет. Впрочем, значения это не имеет — ты же не хочешь, чтобы я сидел дома и развлекал их?

— А в теннис мы могли бы поиграть? — На территории усадьбы было несколько теннисных кортов — специально для тех, кто там жил — Элли, помню, любила играть в теннис, и Том, я знаю, играет. Он был раньше хорошим игроком.

— Послушай, Силия, я не могу играть в теннис. Это портит мне потом игру в гольф. А через три недели будет кубок Далтон-Хита.

— Неужели ничего, кроме гольфа, не имеет теперь для тебя значения? Это так все усложняет.

— Тебе не кажется, Силия, что гораздо лучше, когда каждый делает то, что ему нравится? Я люблю гольф — тебе нравится теннис. У тебя есть подруги, вот и занимайся с ними, как тебе хочется. Ты же знаешь, я никогда не вмешиваюсь в то, что тебе хочется делать.

Что верно, то верно. Вполне убедительное объяснение. Но в жизни все оказывалось не так просто. «Если ты замужешь, — рассуждала Силия, — то никто тебя отдельно от мужа не воспринимает. Еще ничего, если приедет одна Элли, но Дермуту все-таки надо бы заняться Томом».

В конце концов, когда в гости приезжают Дэвис (с которым Дермут играет в гольф чуть не каждые выходные) с женой, то ей, Силии, приходится целый день развлекать миссис Дэвис. А та хоть и милая, но уж очень нудная женщина. Она просто сидит себе, а ты занимай ее разговорами.

Но Силия ничего не стала говорить Дермуту, она знала, что он терпеть не может, когда ему перечат. Она пригласила Питерсонов в надежде, что все обойдется.

Элли изменилась очень мало. Они с Силией с удовольствием вспоминали старое время. Том больше молчал. Виски у него поседели. «Должно быть, он хороший человек, — думала Силия. — Он всегда был немного рассеянным, но очень славным».

Дермут вел себя как ангел. Он извинился, сказав, что в субботу просто вынужден играть в гольф (муж Элли не играл), но все воскресенье посвятил гостям и даже катал их на лодке по реке, чего, как Силия знала, он терпеть не мог.

Когда гости уехали, он спросил:

— Благородно я себя вел или нет?

«Благородно» было одним из любимых его словечек. Оно всегда смешило Силию.

— Благородно. Ты ангел.

— Только подольше не заставляй меня это делать, хорошо?

Силия и не заставляла. Ей вообще-то хотелось недели через две пригласить в гости еще одну подругу с мужем, но она знала, что муж подруги в гольф не играет, и ей не хотелось заставлять Дермута снова идти на жертвы...

Так трудно, думала Силия, жить с человеком, который приносит себя в жертву. Дермута-мученика тяжело было выносить. С ним куда легче, когда он всем доволен.

И потом, он не слишком радовался общению с ее старыми друзьями. Старые друзья, считал Дермут, обычно нагоняют тоску.

На этот счет Джуди была в полном согласии с отцом — несколько дней спустя, когда Силия заговорила о Маргарет, Джуди сделала удивленные глаза.

— А кто это — Маргарет?

— Ты не помнишь Маргарет? Ты ведь играла с ней в парке в Лондоне?

— Нет, не играла. Не играла ни с какой Маргарет.

— Джуди, ты должна ее помнить. Всего только год прошел.

Но Джуди не помнила никакой Маргарет. Она никого не помнила из тех, с кем играла в Лондоне.

— Я знаю только девочек из школы,— довольная собой, заявила Джуди.

5

Случилось нечто восхитительное. Началось с того, что Силии позвонили в последнюю минуту по телефону и пригласили вместо кого-то на званый ужин.

— Я знаю, ты не обидишься, милочка...

Силия не обиделась. Она придет с удовольствием.

В гостях она развлекалась вовсю.

Она не стеснялась. Весело болтала. Не надо было следить, не говорит ли она «глупости». Там ведь не было Дермута с его критическим взглядом.

У нее появилось чувство, будто она неожиданно перенеслась назад, в детство.

Мужчина, сидевший за столом справа от нее, много путешествовал по странам Востока. Путешествовать было мечтой Силии.

Порой у нее возникало чувство, что, подвернись такая

возможность, она бы бросила Дермута, Джуди, Обри и все-все и ринулась бы в голубые просторы, странствовать.

Сосед ее говорил о Багдаде¹, Кашмире², Исфагане³, Тегеране⁴ и Ширазе⁵ (какие прекрасные слова — как приятно просто произносить их, даже не вдумываясь в смысл). Он рассказал Силии о своих странствиях по Белуджистану⁶, где бывало не так уж много путешественников.

Слева от нее сидел пожилой приятный мужчина. Ему сразу понравилась соседка — эта бойкая молодая женщина, — едва она повернула к нему наконец восторженное лицо, все еще очарованная рассказами о дальних странствиях.

Он имеет какое-то отношение к изданию книг, сделала вывод Силия, и рассказала ему, со смехом, о своей неудачной попытке выступить на этом поприще. Он сказал, что хотел бы посмотреть рукопись. Силия ответила, что это неудачный опус.

— Все равно я бы хотел увидеть рукопись. Вы мне покажете ее?

— Да, если хотите, но вас она разочарует.

«Наверняка разочарует, — подумал он. — На писательницу она не похожа, эта юная женщина, светлокожая и белокурая, как скандинавка». Но сама она ему понравилась, так что интересно будет посмотреть, что она там написала.

Силия вернулась домой в час ночи, Дермут спал как ребенок. Но она была в таком возбуждении, что разбудила его.

— Дермут, я так чудесно провела вечер! Мне было так весело! Там был человек, который рассказал мне уйму всего про Персию и Белуджистан, и был один славный изда-

¹ Багдад — столица Ирака, один из древних экономических и культурных центров Ближнего Востока

² Кашмир — штат на севере Индии.

³ Исфаган — древний город на территории современного Ирана, один из торговых центров Ближнего и Среднего Востока.

⁴ Тегеран — столица Ирана, древний центр торговли, ремесла и культуры Востока.

⁵ Шираз — город на юго-западе Ирана, в древности столица страны, центр искусства миниатюры, ковроткачества и т. п.

⁶ Белуджистан — историческая область на юго-востоке Иранского нагорья, территория которой в настоящее время входит в состав Ирана и Пакистана.

тель, а после ужина меня заставили петь. Пела я ужасно плохо, но, кажется, они ничего не заметили. И потом мы вышли в сад, и я пошла с тем путешественником посмотреть на пруд с лилиями, и он пытался меня поцеловать — мило так, не нахально — и все было так чудесно — луна, и лилии, и все, все, что я, пожалуй, и не возражала бы, чтоб он меня поцеловал, но я не позволила, потому что знаю: тебе бы это не понравилось.

— Точно,— сказал Дермут.

— Но ты не обиделся, правда?

— Нет, конечно,— дружелюбно сказал Дермут,— рад, что ты повеселилась. Непонятно только, зачем было меня будить и обо всем этом рассказывать.

— Затем, что мне было так весело,— ответила она и добавила извиняющимся тоном: — Я знаю, ты не любишь, когда я так говорю.

— Говори сколько хочешь. Только мне это кажется глупым. Человек может прекрасно проводить время, и вовсе не обязательно ему трезвонить об этом.

— А я не могу так,— призналась Силия,— мне надо выговориться, иначе я лопну.

— Вот теперь,— сказал Дермут, поворачиваясь на другой бок,— и рассказала.

И заснул.

«Такой уж он, Дермут,— думала, немного поостыв, Силия, пока раздевалась.— Словно ушатом воды окатит, но он же добрый...»

6

Силия совсем забыла об обещании показать рукопись издателю. К величайшему ее удивлению, на другой же день он сам к ней заехал и напомнил об обещании.

В шкафу на чердаке она разыскала связку пыльных листов и, вручая их ему, опять сказала, что рукопись, на ее взгляд, дурацкая.

Спустя две недели она получила письмо с приглашением заехать к нему в Лондоне.

Из-за стола, заваленного множеством разных рукописей, он весело смотрел на нее сквозь очки.

— Послушайте,— сказал он,— насколько я понимаю, это — книга. Но только тут почему-то немного больше половины. А где остальное? Вы что, потеряли?

Ничего не понимая, Силия взяла у него рукопись.

У нее даже рот открылся от удивления.

— Я вам дала не ту рукопись. Это — старая, которую я так и не закончила.

И она все объяснила. Он слушал ее с большим вниманием, потом попросил прислать ему переделанный текст. Незаконченную же рукопись он пока оставит у себя.

Через неделю ее опять пригласили в Лондон. На этот раз глаза ее знакомого поблескивали еще веселее.

— Новый вариант никуда не годится, — сказал он, — ни один издатель даже смотреть на нее не захочет, и правильно делает. Но первая ваша повесть совсем недурна — вы можете ее дописать?

— Но там все неверно. Уйма ошибок.

— Послушайте, милая девочка. Скажу вам правду. Необычайным даром природа вас не наградила. Шедеврам никогда не создать. Но в том, что вы прирожденная рассказчица, нет никаких сомнений. Спиритизм, медиумы, борцы за возрождение Уэльса — все это вы видите в эдаком романтическом тумане. Вполне возможно, что вы заблуждаетесь, но видите вы все это так же, как девяносто девять читателей из ста, которым о них тоже ничего не известно. Этим девяносто девяти не доставит удовольствия читать тщательно подобранные факты — им нужна художественная литература, то есть правдоподобный вымысел. Только непременно правдоподобный, не забывайте об этом. Увидите, что и с вашими корнуоллскими рыбаками, о которых вы мне рассказывали, будет то же самое. Пишите о них свою книгу, но только, ради Бога, и близко не подходите ни к Корнуоллу, ни к рыбакам, пока книга не будет готова. Потому что тогда вы напишете мрачную реалистическую повесть, чего читатель и ждет от книги о корнуоллских рыбаках. Вы же не поедете туда только за тем, чтобы уяснить, что рыбаки в Корнуолле — это не люди особой породы, а что-то сродни слесарю из Уолворта. Вы никогда не напишете хорошо ни о чем, что по-настоящему знаете, так как вы честны. Вы можете сплутовать, говоря о чем-то воображаемом, но не сможете, если речь идет о вещах реальных. Вы не способны сочинять небылицы о том, что знаете, но о том, чего не знаете, — насочиняете превосходно. Вам надо писать о мире воображаемом — вами воображаемом, — а не о реальном. Отправляйтесь-ка теперь и работайте.

Год спустя вышел первый роман Силии под названием

«Заброшенная гавань». Бросающиеся в глаза неточности издатели исправили.

Мириам сочла книгу замечательной, а Дермут сказал, что она ужасна.

Силия знала, что прав Дермут, но была признательна матери.

«Теперь,— думала Силия,— я играю в писательницу. Пожалуй, в этой роли я чувствую себя еще более странно, чем в роли жены или матери».

Глава 16

Утрата

1

Мириам угасала. Всякий раз, как Силия видела мать, сердце ее сжималось.

Мать казалась такой крохотной и несчастной.

И такой одинокой в этом огромном доме.

Силия предложила матери переехать к ним, но Мириам заупрямилась:

— Ничего хорошего из этого не выйдет. И это нечестно по отношению к Дермуту.

— У Дермута я спрашивала. Он согласен.

— Очень мило с его стороны, но я и не подумаю. Молодые люди должны жить отдельно.

Она разволновалась. И Силия не стала настаивать.

Потом Мириам сказала:

— Я хочу тебе сказать — давно уже. Я была неправа насчет Дермута. Когда ты выходила за него замуж, не было у меня к нему доверия. Я не считала его честным или верным... Я ждала, что у него вот-вот появятся другие женщины.

— Мамочка, ничего, кроме своих мячей для гольфа, Дермут не видит.

Мириам улыбнулась.

— Я ошиблась и рада тому... Теперь я чувствую, что, когда меня не станет, будет кому за тобой присмотреть и о тебе позаботиться.

— Будет. Он и сейчас заботится.

— Да, я довольна... Он очень хорош собой — он очень нравится женщинам, помни это, Силия...

— Он ужасный домосед, мамочка.

— Да, повезло. И по-моему, он действительно любит Джуди. Она точная его копия. В ней нет ничего от тебя. Папина дочка.

— Я знаю.

— Пока, чувствую, он хорошо к тебе относится... Вначале я так не думала. Он казался мне бессердечным, жестоким...

— Да нет же. Он ужасно добрый. Он был таким заботливым, когда я носила Джуди. Просто он из тех, кто терпеть не может говорить нежности. Все скрыто внутри. Он — как скала.

Мириам вздохнула.

— Я ревновала тебя к нему. Не хотела замечать его достоинств. Я так хочу тебе счастья, родная.

— Мамочка, я счастлива, счастлива... — И немного помолчав, Силия добавила: — Желать мне больше в самом деле нечего — разве только ребенка. Мне бы хотелось мальчика... или девочку.

Она думала, мать поддержит ее в этом желании, но Мириам насупилась.

— Не знаю, благоразумно ли это будет с твоей стороны. Ты так сильно любишь Дермута, а дети — они встают между тобой и мужчиной. Считается, что дети должны сближать, но это не так... нет, не так.

— Но вы же с папой...

Мириам вздохнула.

— Было тяжело. Разрываться... вечно разрываться — тяжело.

— Но вы же с отцом были очень счастливы...

— Да, но с каким трудом давалось это... Кучей всего пришлось поступиться. Отказываться от многого ради детей — это его иногда раздражало. Он всех вас любил, но самыми счастливыми мы были, когда вдвоем с ним уезжали ненадолго куда-нибудь отдохнуть... Никогда надолго не оставляй своего мужа одного, Силия. Помни: мужчина быстро забывает...

— Отец никогда бы ни на кого не посмотрел, кроме тебя.

Мать отвечала задумчиво:

— Да, наверное. Но я всегда была начеку. Была у нас горничная — крупная статная девица — женщина того типа, который, как я нередко слышала, нравился твоему отцу.

Как-то раз она, подавая ему молоток и гвозди, положила свою руку на его. Я это заметила. А твой отец едва обратил внимание — просто посмотрел удивленно. По-моему, он вообще об этом не думал — решил, вероятно, что вышло случайно: мужчины ведь так наивны .. Но я девушку сразу же прогнала. Дала ей прекрасную рекомендацию и сказала, что она мне не подходит.

Силия была потрясена.

— Но отец никогда бы...

— Вероятно, нет. Но я не стала рисковать. Всякого навидалась в жизни предостаточно. Жена заболела — и ее место занимает гувернантка или компаньонка, — словом, какая-нибудь молоденькая девушка. Силия, обещай, что будешь с большой осмотрительностью подбирать гувернантку для Джуди.

Силия засмеялась и поцеловала мать

— Не стану держать пышных красоток, — пообещала она, — только тощих, старых и очкастых.

2

Мириам умерла, когда Джуди было восемь лет. Силия уехала за границу. Дермут взял на Пасху десятидневный отпуск и уговорил Силию поехать с ним в Италию. Уезжать из Англии Силии не очень хотелось. Врач говорил, что со здоровьем у матушки плохо. Мириам держала компаньонку, которая за ней присматривала, а Силия приезжала проводить мать каждые две-три недели.

Но Мириам и слышать не хотела о том, чтобы Силия осталась с ней и отпустила Дермута одного. Она приехала в Лондон и остановилась у кузины Лотти (уже вдовы); Джуди с гувернанткой тоже туда перебрались.

В Комо¹ пришла телеграмма: Силию просили вернуться. Она уехала первым же поездом. Дермут хотел поехать с ней, но Силия уговорила его остаться и догулять отпуск. Ему нужен свежий воздух и смена обстановки.

Она сидела в вагоне-ресторане, а за окнами мелькала Франция, и вдруг странная уверенность холодком пробежала по ее телу.

Она подумала:

«Я больше ее не увижу. Она умерла».

¹ Комо — город в Северной Италии, расположенный на берегу озера Комо в Лобардских Предальпах.

Приехав, Силия узнала, что Мириам умерла — примерно в тот час, когда ее посетило предчувствие.

3

Ее мама, ее храбрая мамулечка.

Лежит неподвижная, чужая — вся в цветах, белая, с холодным безмятежным лицом...

Ее мать, то веселая, то впадавшая в меланхолию, поразительно быстро менявшая мнения, но неизменная в своей любви и готовности встать на защиту...

Силия думала: «Я теперь одна».

Дермут и Джуди такие чужие...

Она думала: «Пойти больше не к кому...»

Ее охватила паника... затем раскаяние...

Последние годы все ее помыслы были только о Дермате и Джуди... Как же мало думала она о матери... мать просто была тут... всегда тут... в глубине всего...

Силия видела ее насквозь, а мать видела насквозь ее...

Крошечным ребенком она поняла, что ее мать — чудесная женщина и нет никого лучше нее...

Такой мать и оставалась для нее всю жизнь...

А теперь мамы нет...

Жизнь Силии лишилась опоры...

Ее мамулечка...

Глава 17

Беда

1

Дермут хотел, чтобы было как лучше. Он не переносил неприятностей и несчастий, но старался проявить доброту. Он написал из Парижа, предлагая, чтобы Силия приехала к нему на день-другой и немножко взбодрилась.

Возможно, это было проявлением доброты, а возможно, он просто боялся возвращаться в дом, где царил траур...

Он сообщил, что придет в их загородный дом к ужину. Силия лежала на кровати. Она с великим нетерпением ждала его приезда. Напряжение, связанное с похоронами, прошло, и ей хотелось поскорее изменить мрачную атмосферу, чтобы не расстраивать Джуди. Малышка Джу-

ди, такая юная, такая веселенькая и вечно занятая своими делами. Джуди поплакала по бабушке и вскоре все забыла. Дети и должны забывать.

Скоро приедет Дермут, и Силия сможет расслабиться.

С волнением она думала: «Как чудесно, что у меня есть Дермут! Не будь его, мне тоже захотелось бы умереть...»

А Дермут нервничал. Именно потому, что нервничал, он, войдя в комнату, и спросил:

— Ну, как вы тут? Веселые и радостные?

В другое время Силия сразу бы поняла, почему он так легкомысленно себя повел. Но в ту минуту у нее было такое чувство, будто ее наотмашь ударили по лицу.

Она прямо вся сжалась и залилась слезами.

Дермут начал извиняться и оправдываться.

Потом Силия заснула, продолжая держать его за руку, — он с облегчением выдернул руку, как только увидел, что она в самом деле спит.

Выйдя из комнаты, он зашел в детскую к Джуди. Та весело помахала ему ложкой. Она пила молоко из чашки.

— Привет, папочка. Во что поиграем?

Времени даром Джуди не теряла.

— Только не шуметь, — сказал Дермут, — мама спит.

Джуди понимающе кивнула.

— Давай поиграем в «старую деву».

Они принялись играть в «старую деву».

2

Жизнь шла своим чередом. Хотя и не вполне.

Силия занималась обычными делами. Внешне горя своего она не показывала. Но в ней словно кончился завод — как в часах, которые забыли завести. И Джуди и Дермут почувствовали перемену, и она им не нравилась.

Недели через две Дермуту захотелось позвать кое-кого в гости и Силия, не сдержавшись, крикнула:

— Ах нет, только не сейчас. Я просто не смогу целый день занимать разговорами совсем незнакомую женщину.

Потом она тут же раскаялась и сказала Дермуту, что вела себя глупо. Конечно же он должен пригласить друзей. И они приехали, но вышло все не особенно удачно.

Через несколько дней пришло письмо от Элли. То, что в нем было написано, ошеломило и глубоко опечалило Силию.

Моя дорогая Силия (писала Элли), наверное, будет лучше, если ты узнаешь об этом от меня (поскольку до тебя все может прийти скорее всего в искаженном виде): Том ушел к девице, которую мы встретили на пароходе, когда возвращались домой. Для меня это большое горе и потрясение. Мы ведь были так счастливы. И детей Том любил. Похоже на страшный сон. Я совершенно убита. Понятия не имею, что делать. Том был безупречным мужем — мы даже никогда не ссорились.

Беда подруги очень огорчила Силию.

— Как много на свете печального,— сказала она Дермуту.

— Муженек ее, должно быть, порядочная скотина,— ответил Дермут.— Знаешь, Силия, ты, кажется, иной раз считаешь меня эгоистом, но могло бы ведь оказаться куда хуже. Я-то, во всяком случае, супруг добродетельный, верный и честный, правда?

Сказано это было с комической интонацией в голосе. Силия поцеловала его и расхохоталась.

Три недели спустя, взяв с собой Джуди, она поехала в Дом. Надо было разобрать вещи. При одной мысли об этом она холодела от ужаса. Но больше заняться этим было некому.

Дом без мамы, без приветливой и радушной ее улыбки представить было невозможно. Если б только Дермут мог поехать с ней!

Дермут по-своему пытался ее успокоить:

— Вот увидишь, тебе это даже понравится, Силия. Ты найдешь кучу старых вещей, о которых и думать забыла. И в это время года в тех краях просто прекрасно. Обстановку тебе сменить полезно. А вот мне придется целыми днями корпеть в конторе.

Разве этого ждала Силия? Он упорно не замечал ее душевных терзаний. Шарахался от них в сторону, как напуганный конь.

Силия закричала — впервые со злостью:

— Ты так говоришь, будто я еду отдыхать.

Он не смотрел на нее.

— Пожалуй,— сказал он,— так оно и будет...

Силия подумала: «Нет, он не добрый... нет...» Она почувствовала себя бесконечно одинокой. Она испугалась...

Как холоден был этот мир — мир без мамы.

Следующие несколько месяцев были нелегкими. Пришлось консультироваться с адвокатами, улаживать всевозможные дела.

Денег мать конечно же почти совсем не оставила. Надо было решать, что делать с домом — оставлять его или продавать. Он обветшал, а на ремонт денег не было. Хотя бы для того, чтобы все не пошло прахом, требовалось сразу же, немедленно вложить в дом довольно приличную сумму. В любом случае казалось сомнительно, чтобы на дом в теперешнем его состоянии нашелся покупатель.

Силия не знала, как быть.

Расстаться с домом — невыносимо, хоть здравый смысл и подсказывал, что это — самое лучшее. Дом слишком далеко от Лондона, чтобы они могли жить там с Дермутом, — даже если бы такая мысль и пришла Дермуту по душе (а Силия была уверена, что не придется). Жизнь за городом сводилась для Дермута к одному — к первоклассному полю для гольфа.

Не объясняется ли чистою сентиментальностью то, что Силия так упорно цеплялась за эту усадьбу?

Так или иначе, отказаться от дома ей было просто невыносимо. Мириам прилагала такие героические усилия, чтобы сохранить для нее дом. Да и сама Силия отговорила мать — еще давным-давно — от продажи дома... Мириам держала его для нее и ее детей.

А любит ли Джуди этот дом так, как Силия? Наверное, нет. Джуди ко всему безразлична, ни к чему не привязана — совсем как Дермут. Люди вроде Дермута и Джуди живут там, где им удобнее. В конце концов Силия решила спросить дочь. У Силии нередко возникало чувство, что в свои восемь лет Джуди куда разумнее и практичнее, чем она сама.

— Ты, мамочка, много денег за него получишь, если продашь?

— Боюсь, что нет. Дом старомодный — и стоит далеко от города.

— Тогда, может, лучше его не продавать, — сказала Джуди, — мы будем приезжать сюда летом.

— Тебе нравится здесь, Джуди? Или тебе больше нравится в нашем доме?

— Наш домик совсем маленький, — ответила Джуди. —

Я бы хотела жить в общежитии. Я вообще люблю большие-большие дома.

Силия рассмеялась.

Джуди права — за дом она получит гроши, если продать его сейчас. Даже с деловой точки зрения лучше выждать, пока не повысится спрос на загородные дома. Она занялась проблемой ремонта — в том минимальном объеме, который был сейчас абсолютно необходим. Возможно, когда сделают ремонт, удастся подыскать жильца-арендатора.

Деловая сторона жизни доставляла Силии массу хлопот, зато отвлекала от грустных мыслей.

Но вот подошел черед того, что наводило на нее ужас: надо было разобрать вещи. Если придется сдавать дом, его надо сначала расчистить. Некоторые комнаты годами стояли запертыми — там были сундуки, шкафы, комоды, битком набитые воспоминаниями о прошлом.

4

Воспоминания...

Так пустынно, так непривычно в доме.

Нет Мириам...

Только сундуки, полные старой одежды, ящики, заваленные письмами и фотографиями...

Больно... ужасно больно.

Черная лакированная шкатулка с аистом на крышке — ребенком Силия очень ее любила. Внутри — письма. Одно от мамы. «Родной мой, любимый ягненок, голубка моя, тыквочка...» Горячие слезы катились по щекам Силии...

Вечернее платье из розовой тафты с маленькими розовыми бутонами положено в сундук — а вдруг удастся «подновить» — и забыто. Одно из первых ее вечерних платьев. Силия вспомнила, когда в последний раз надевала его... Такое она была неуклюжее, нетерпеливое, глупое создание...

Письма, адресованные бабушке, — целый сундук. Она, должно быть, привезла их с собой, когда переезжала. Фотография пожилого джентльмена в кресле в Бате¹ — «*Ваш навеки преданный поклонник*», и нацарапанные инициалы.

¹ Бат — старинный английский курорт, известный целебными минеральными водами, в Бат ездили лечиться, в частности, от подагры и ревматизма

Бабушка и «мужчины». Вечно мужчины — даже когда болезнь приковала их к креслу в Бате, у моря.

Кружка с двумя котами — Сьюзен подарила ее когда-то Силии на день рождения...

Назад... назад в прошлое...

Почему так ноет в груди?

Почему так ужасно ноет в груди?

Хоть бы она была не одна в доме. Хоть бы Дермут был с ней!

Но Дермут сказал бы: «Почему бы не собрать все это в кучу и не сжечь, не разбирая?»

Очень разумно, но Силия почему-то так не может.

Она отперла другие ящики.

Стихи. Листки со стихами, написанными круглыми ровными выцветшими буквами Детский почерк ее мамы... Силия пробежала строки глазами.

Чувствительные... напыщенные — в духе того времени. Но было в них что-то — живая мысль, неожиданно оригинальное построение фразы — что делало их творением мамы. Творением ее ума — живого, стремительного как полет птицы.

«Стихи посвящаются Джону в день его рождения...»

Отец, веселый бородач.

Вот он на старинной фотографии — серьезный, чисто выбритый юноша.

Молодость... постепенное старение — как все это загадочно, как страшно. А есть ли такое мгновение, когда ты — в большей мере ты, чем в любое другое?

Будущее. Что-то ждет Силию?..

В общем все достаточно ясно. Дермут станет больше зарабатывать... появится дом побольше... еще один ребенок, может быть, двое. Болезни... детские хвори... Дермут станет еще более неуживчивым, станет проявлять чуть больше нетерпения всякий раз, когда ему будут перечить... Джуди повзрослеет — яркая, решительная, очень живая... Дермут и Джуди объединятся. Сама она располнеет, поблекнет, и эти двое будут относиться к ней с эдаким веселым презрением... «Знаешь, мама, ты просто дурочка...» Да, когда подурнеешь, глупость скрывать труднее. Неожиданной молнией пронеслось в голове: «Силия, обещаю тебе быть всегда красивой, хорошо?» Да, но теперь это уже

позади. Они прожили вместе достаточно долго, и такие вещи, как красота, утратили свое значение. Дермут вошел в ее кровь, она — в его. Они — единое целое, хотя и чужие друг другу, но едины. Она любит его, потому что он так не похож на нее, потому что, хотя она и знает теперь в точности, как он на что реагирует, она не знает и никогда не узнает, почему он реагирует так, а не иначе. Возможно, и его отношение к ней основано на том же. Нет, Дермут принимает все так, как есть. Он никогда ни над чем не ломает себе голову. Ему это кажется пустой тратой времени. Силия думала: «Правильно, очень правильно выходить замуж за человека, которого любишь. Деньги и все прочее — не самое главное. С Дермутом я бы всегда была счастлива, даже если бы нам пришлось жить в крохотном домишке и я бы сама готовила и убирала». Но Дермут не собирается быть бедняком. Он добился успеха. И будет преуспевать и дальше. Такой он человек. Вот пищеварение у него, правда, ухудшится. Он будет продолжать играть в гольф... И жизнь будет идти изо дня в день, идти и идти — по всей вероятности, в Далтон-Хите или где-нибудь еще... И она никогда не увидит мир — дальние страны: Индию, Китай, Японию, джунгли Белуджистана, Персию, где названия городов звучат как музыка: Исфаган, Тегеран, Шираз...

Она поехала... Разве нельзя быть свободной — совсем свободной, когда тебя ничто не удерживает, не привлекает, не рвет сердце, — ни вещи, ни дом, ни муж, ни дети...

Силия подумала: «Вот бы сбежать...»

Когда-то то же самое чувствовала Мириам.

Несмотря на всю свою любовь к мужу и детям, иной раз появлялось у нее желание ударить...

Силия открыла еще один ящик. Письма. Письма от отца к матери. Она взяла то, что было сверху. Оно было написано за год до его смерти.

Самая моя дорогая Мириам, надеюсь, ты скоро сможешь ко мне приехать. Мать, кажется, в добром здравии и хорошем настроении. Зрение у нее слабеет, но она по-прежнему вяжет бесконечные носки для своих кавалеров.

У меня был долгий разговор с Армаром о Сириле. Он говорит, что парень отнюдь не глуп. Ему просто все безразлично. Говорил я и с Сирилом, надеюсь, что-нибудь отложится у него в памяти.

Постарайся приехать к пятнице, моя милая, — нашей

двадцать второй годовщине. Трудно выразить словами, как много ты для меня значишь — самая прелестная, самая нежная из жен. Я смиренно благодарю Бога за то, что он послал мне тебя, любимая.

Привет нашей куколке.

*Любящий тебя
Джон.*

Опять у Силии на глаза навернулись слезы. Когда-нибудь и у них с Дермутом будет двадцать вторая годовщина свадьбы. Дермут не стал бы писать такого письма, но в глубине души он, наверное, чувствовал бы то же.

Бедный Дермут! Как тоскливо было ему в последний этот месяц видеть рядом такую подавленную, убитую горем женщину. Он не любил несчастий. Как только она покончит с этими обязанностями, горе останется позади. Мириам, когда была жива, никогда не вставала между нею и Дермутом. Мириам мертвая тоже не должна этого делать...

Они с Дермутом и дальше будут идти вместе — идти счастливо и наслаждаясь жизнью.

Именно это больше всего понравилось бы маме.

Силия вынула из ящика все отцовские письма и, сложив их в камине кучкой, подожгла. Они принадлежали умершим. Прочитанное письмо она сохранила.

На дне ящика лежал старый выцветший бумажник, вышитый золотой ниткой. Внутри — сложенный лист бумаги, очень ветхий, обтрепанный. На нем написано: «*Стихи, присланные Мириам в мой день рождения*».

Сантименты...

В наше время сантименты презирают...

Но в то мгновение Силии они показались до боли сладостными...

5

Силии было плохо. Одиночество угнетало ее. Так хотелось с кем-нибудь поговорить! С ней были Джуди и ее гувернантка мисс Худ, но они принадлежали к совсем другому миру и с ними ей было только тяжелее, а не легче. Силия ни в коем случае не хотела ничем омрачать жизнь Джуди. Джуди такая живая — все доставляет ей радость. В присутствии Джуди Силия старалась казаться веселой. Они играли в мяч, в бадминтон.

После того как Джуди укладывалась спать, тишина, как саваном, окутывала Силию. Было так пусто... так пусто...

Дом живо напоминал ей о тех счастливых, уютных вечерах, которые они проводили с матерью за разговорами — о Дермуте, о Джуди, о книгах, и о людях, и об идеях.

Теперь поговорить стало не с кем...

Дермут писал редко и коротко. На семьдесят втором ударе завершил партию — играл он с Эндрюсом... Росситер приезжал играть вместе с племянницей. Он уговорил Марджори Коннел стать четвертым партнером. Они играли в Хиллборо — отвратительное там поле. Женщины в гольфе только путаются под ногами. Он надеется, что Силия довольна. Не поблагодарит ли она от его имени Джуди — за письмо?

У Силии нарушился сон. Перед ней возникали картины прошлого и не давали заснуть. Иногда она просыпалась в страхе, не понимая, что же ее так напугало. Она смотрела на себя в зеркало и видела, что выглядит больной.

Она написала Дермуту, умоляя его приехать на выходные.

Он ответил:

Дорогая Силия, я изучил расписание поездов, и получается, что ехать смысла не имеет. Мне бы пришлось возвращаться в воскресенье утром, а иначе я бы приехал только в два утра. Машина барахлит, и я поставил ее на ремонт. Я знаю, ты понимаешь, что, проработав всю неделю, я чувствую переутомление. К концу недели устаю как собака и не горю желанием отправляться в путешествие на поезде.

Еще три недели, и я уйду в отпуск. Мне кажется, твоя идея насчет Динара — неплохая. Я напишу туда и закажу комнаты. Не работай слишком много, — не переутомляйся. Больше гуляй.

Ты помнишь Марджори Коннелл, довольно приятную брюнетку, племянницу Росситера? Она только что потеряла работу. Возможно, мне удастся добыть ей здесь место. Она очень дельная. Как-то, когда она совсем пала духом, я сводил ее в театр.

Береги себя и не перенапрягайся. По-моему, ты права, что не продаешь дом. Положение может измениться к лучшему, и позже за него могут дать больше. Не думаю, что нам от него будет когда-нибудь польза, но если у тебя с ним

связаны сентиментальные чувства, можно, наверно,— это не будет, видимо, много стоить,— заколотить его и нанять сторожа или же ты могла бы сдать его в аренду. Деньги за твои книги пошли бы на уплату налогов и на садовника, да и я помогу, если хочешь. Работаю я ужасно много и почти каждый вечер прихожу домой с головной болью. Хорошо бы взять да уехать.

Привет Джуди.

*Любящий тебя
Дермут.*

В последнюю неделю перед приездом Дермута Силия пошла к врачу и попросила дать что-нибудь, чтобы она могла спать. Он знал ее с самого рождения. Расспросил, осмотрел, а потом сказал:

— Разве никто не мог бы побыть с вами?

— Муж приедет через неделю. Мы собираемся с ним за границу.

— Прекрасно! Знаете, дорогая моя, вы вот-вот сорветесь. Состояние у вас очень подавленное — вы пережили потрясение, надываете себя горем. Вполне естественно. Я знаю, как вы были привязаны к матери. Но как только вы с мужем выберетесь куда-нибудь, смените обстановку, все будет снова в порядке.

Он похлопал ее по плечу, выписал рецепт и отпустил.

Силия считала дни. Когда приедет Дермут, все будет в порядке. Он должен приехать как раз накануне дня рождения Джуди. Они его отметят, а потом отправятся в Динар.

Новая жизнь... Горе и воспоминания отойдут в прошлое... Они с Дермутом идут вперед, в будущее.

Через четыре дня Дермут будет здесь...

Через три дня...

Через два дня...

Сегодня!

6

Что-то не так... Дермут приехал, но это был не Дермут. Это был чужой человек, который поглядывал на нее искоса и отводил глаза...

Что-то случилось...

Заболел...

Попал в беду...

Нет, тут что-то другое.

Он стал чужим...

— Дермут, случилось что-нибудь?

— А что может случиться?

Они были одни в комнате Силии. Силия заворачивала в папиросную бумагу подарки для Джуди ко дню рождения и перевязывала их лентой.

Почему она так испугалась? Отчего это тошнотворное чувство ужаса?

Его глаза — странные бегающие глаза... он то взглянет на нее, то отведет взгляд...

Нет, это не Дермут — честный, красивый, смеющийся Дермут...

Этот вороватый, увиливающий тип... он выглядел почти как преступник...

Она неожиданно спросила:

— Дермут, ничего не произошло... с деньгами... я хочу сказать, ты ничего не натворил?..

Как передать это словами? Дермут, воплощение честности,— и вдруг растратчик? Фантастика, фантастика!

Но эти бегающие глаза...

Как будто ей не все равно, что он сделал!

Вид у него был удивленный.

— С деньгами? Нет, с деньгами все в порядке... Я... у меня все хорошо.

Она успокоилась.

— Я подумала — глупо, конечно, с моей стороны...

— Тут такое дело...— пробормотал он.— Думаю, ты можешь догадаться.

Но она не могла. Если это не деньги (мелькнула страшная мысль, что, может, фирма его обанкротилась), тогда она не представляла себе, в чем дело.

Она попросила:

— Скажи.

Это же не... не может быть, чтобы рак... Рак поражает иногда сильных, молодых.

Дермут поднялся. И заговорил голосом неестественным и незнакомым:

— Дело... ну, в общем, в Марджори Коннелл. Я часто вижу с нею, она мне очень нравится.

Какое облегчение! Не рак... Но Марджори Коннелл — при чем тут Марджори Коннелл? Неужели Дермут... Дермут, который никогда не посмотрит ни на одну девушку...

Она сказала мягко:

— Ничего, Дермут,— даже если ты и наделал глупостей...

Флирт. Дермут не привык флиртовать. Все равно она удивлена. Удивлена и обижена. Пока она так страдала — и так хотела, чтобы Дермут был с нею и мог ее утешить,— он флиртовал с Марджори Коннелл. Марджори очень красивая девушка и довольно красивая. Силия подумала: «Бабушка ничуть бы не удивилась». И в голове молнией пронеслась мысль, что, наверное, бабушка в самом деле знала мужчин.

Дермут вспыхнул:

— Ты не понимаешь. Это совсем не то, что ты думаешь. Ничего не было... ничего...

Силия залилась краской.

— Конечно. Я и не думала, что...

Он продолжал:

— Ума не приложу, как заставить тебя понять. Она не виновата... Она очень переживает из-за этого — за тебя... О, Господи!

Он сел, закрыл лицо руками...

Силия удивилась:

— Значит, она тебе дорога... понятно. Ох, Дермут, мне так тебя жаль...

Бедный Дермут, которого захлестнула страсть. Он так страдает. Ей просто нельзя, нельзя злорадствовать, ожесточаться. Она должна помочь ему преодолеть наваждение, а не осыпать его упреками. Он не виноват. Ее рядом не было — он тосковал, это вполне естественно...

Она опять сказала:

— Мне ужасно жаль тебя.

Он опять вскочил.

— Ты не понимаешь. Тебе не надо меня жалеть. Я скотина. Я считаю себя последним трусом. Я не сумел пристойно вести себя. Вам с Джуди от меня толку не будет... Лучше сразу меня брось.

Она пристально на него посмотрела.

— Ты хочешь сказать,— проговорила она,— что ты меня больше не любишь? Совсем? Но мы были так счастливы... Всегда были счастливы вместе.

— Да, пожалуй. В некотором роде — тихое счастье... А тут все по-другому.

— По-моему, тихое счастье — самое лучшее, что есть в мире.

Дермут нетерпеливо дернул плечами.

Она удивленно спросила:

— Ты нас хочешь оставить? Не хочешь больше видеть ни меня, ни Джуди? Ты же отец Джуди... Она любит тебя.

— Знаю... Она мне невероятно дорога. Но что толку. Я не умею делать то, чего не хочу... Я не могу вести себя порядочно, если я несчастлив... Я буду зверем.

Силия медленно проговорила:

— Ты уйдешь — к ней?

— Нет, конечно. Она не такая. Я никогда ей такого не предложу.— Он говорил раздраженно-оскорбленным тоном.

— Не понимаю — ты что, просто хочешь оставить нас?

— Потому что толку от меня вам не будет... Я был бы просто подлецом.

— Но мы же были так счастливы, так счастливы...

Дермут терял терпение:

— Да, разумеется, были — в прошлом. Но мы жена-ты уже одиннадцать лет. После одиннадцати лет нужна перемена.

Она вся сжалась.

Он продолжал говорить, голос его звучал убедительно, он все больше становился собой:

— У меня вполне приличный заработок, я положу тебе достаточно на Джуди — да и сама ты теперь деньги зарабатываешь. Ты можешь поехать за границу — путешествовать — заниматься тем, чем ты всегда хотела

Она подняла руку, словно заслоняясь от удара.

— Ей-богу, тебе понравится. Ты будешь куда счастливее, чем со мной...

— Замолчи.— И спустя минуту-другую сказала тихо: — Как раз этой ночью девять лет назад стала появляться на свет Джуди. Ты помнишь? Разве это ничего для тебя не значит? Разве я для тебя просто любовница, которой ты теперь хочешь дать отставку,— неужели нет никакой разницы?

Он надулся.

— Я же сказал: мне жаль Джуди... Но разве мы оба не договаривались, что каждый будет иметь полную свободу...

— Разве? Когда?

— Я помню, что договаривались. Это единственно достойный способ отношений в браке.

Силия сказала:

— Когда на свет появляется ребенок, куда достойнее, мне кажется, его не бросать.

Дермут ответил:

— Все мои друзья считают, что идеал — это свобода в браке...

Она расхохоталась. Его друзья! Какой удивительный Дермут человек — только он мог приплести сюда друзей.

Она сказала:

— Ты свободен... Можешь уйти от нас, если хочешь... если на самом деле хочешь... но не подождать ли тебе немного, чтобы убедиться? Одиннадцать лет счастья против увлечения длиною в месяц. Выжди год — проверь себя, прежде чем все разрушать...

— Не хочу ждать. Не хочу жить в напряжении...

Силия вдруг потянулась и схватилась за ручку двери. Все это на самом деле не происходит... не может на самом деле происходить... Она закричала:

— Дермут!

В комнате наступила тьма и закружилась вокруг нее.

Она обнаружила, что лежит на кровати. Рядом стоит Дермут со стаканом воды. Он говорит:

— Я не хотел огорчать тебя.

Она подавила в себе истерический хохот, взяла стакан, выпила воду...

— Я в порядке,— сказала она,— в полном порядке... Делай как тебе угодно... Можешь уйти сейчас. Я в порядке... Делай как знаешь. Но пусть у Джуди будет завтра день рождения.

— Разумеется.

Он спросил:

— Ты уверена, что в порядке?

Он медленно прошел в свою комнату и плотно закрыл за собой дверь

Завтра день рождения Джуди.

Девять лет назад они с Дермутом бродили в саду — их разлучили — она прошла через боль и страх, и Дермут страдал...

Кто еще в целом свете мог быть таким жестоким, что-бы выложить ей все это именно в такой день...

А вот Дермут смог.

Жестокий... жестокий... жестокий...

Сердце ее вопило:

«Как он мог, как он мог быть со мной таким жестоким? »

8

У Джуди должен быть день рождения.
Подарки... праздничный обед... пикник... ужин... игры.

Силия думала: «Еще ни один день рождения не тянулся так долго... так долго... я сойду с ума. Если бы Дермут хоть немножко мне подыгрывал».

И Джуди ничего не заметила. Она видела только подарки, свои развлечения, готовность каждого выполнить любое ее желание.

Она была настолько счастлива, настолько не подозревала ни о чем, что сердце Силии разрывалось.

9

Дермут уехал на другой день.

— Я напишу из Лондона, хорошо? Ты пока здесь поживешь?

— Не здесь, нет, не здесь.

Здесь — в пустоте, в одиночестве, без Мириам, без ее поддержки?

Мамочка, мамочка, вернись ко мне, мамочка...

Мамочка, если бы ты была здесь...

Остаться здесь одной? В этом доме, полном таких счастливых воспоминаний — воспоминаний, связанных с Дермутом?

Она сказала:

— Я бы предпочла вернуться домой. Завтра мы приедем домой.

— Как угодно, я поживу в Лондоне. Мне казалось, тебе так нравится здесь.

Она не ответила. Иной раз просто бессмысленно отвечать. Люди либо понимают, либо нет.

После того как уехал Дермут, она играла с Джуди. Она сказала девочке, что во Францию они не поедут. Джуди восприняла это спокойно, без интереса.

Силия чувствовала себя совсем больной. Ноги ломило, голова кружилась. Она казалась себе дряхлой старухой. Голова разболелась так, что хотелось кричать. Силия приняла аспирин, но он не помог. Ее мутило, и даже мысль о еде была ей отвратительна.

Силия боялась двух вещей — боялась сойти с ума и боялась, как бы Джуди чего-нибудь не заметила.

Непонятно было, заметила ли что-нибудь мисс Худ. Мисс Худ была такая сдержанная. Большое утешение иметь мисс Худ — такую тихую и нелюбопытную.

Мисс Худ все устроила с их переездом. Кажется, она не видела ничего странного в том, что Силия и Дермут не поедут во Францию.

Силия с радостью вернулась в свой загородный домик. Она думала. «Так лучше. Может, я все же не сойду с ума».

Голова у нее прошла, однако все тело ныло — как после жестоких побоев. От слабости она с трудом передвигала ноги... Это и ужасная тошнота делали ее безвольной и беспомощной...

Она думала: «Я заболеваю. Почему дух так влияет на тело?»

Через два дня после их возвращения приехал Дермут.

Это по-прежнему не Дермут... Чудно — и страшно — обнаружить в собственном муже совсем чужого человека...

До того страшно, что хотелось закричать...

Дермут с натянутой бодростью говорил о всяких сторонних делах.

«Как будто в гости пришел», — подумала Силия.

Потом он сказал:

— Ты не считаешь, что самым лучшим будет, если мы расстанемся?

— Лучшим для кого?

— Для нас всех.

— Не думаю, что так будет лучше для Джуди или для меня. Знаешь ли, не думаю.

— Все сразу быть счастливыми не могут, — сказал Дермут.

— Ты хочешь сказать, что счастливым собираешься быть ты, а мы с Джуди — нет... Никак не возьму в толк, почему все же ты, а не мы. Ох, Дермут, почему ты просто не уйдешь — делай что хочешь, зачем требовать, чтобы мы еще и разговоры об этом вели. Тебе надо выбирать между Марджори и мною — нет, не то: ты устал от меня, и, возможно, я сама виновата — мне надо было предвидеть, что произойдет, больше стараться, но я была так уверена, что ты меня любишь, я верила в тебя как в Бога. Что глупо, сказала бы бабушка. Нет, выбирать тебе придется между Марджори и Джуди. Ты ведь любишь Джуди — она твоя

плоть и кровь,— и я не в силах быть для нее тем, чем можешь быть ты. Между вами двумя существуют узы, которых у нас с ней нет. Я ее люблю, но не понимаю. Я не хочу, чтобы ты бросил Джуди, не хочу, чтобы жизнь ее была искалечена. За себя я не стала бы драться, но за Джуди буду. Подло бросать родную дочь. Я знаю: если ты сделаешь это, счастлив ты не будешь. Дермут, милый, почему тебе не попытаться? Не пожертвовать годом жизни? Если к концу года ты ничего не сможешь с собой поделаться и будешь чувствовать, что должен уйти к Марджори,— ну, тогда иди. Но я, по крайней мере, буду знать, что ты пытался.

— Я не хочу ждать... Год — это долгий срок...

Силия безнадежно развела руками (если бы только ее так ужасно не тошнило).

И сказала:

— Очень хорошо, ты выбор сделал. Но если когда-нибудь ты захочешь вернуться,— мы готовы будем тебя принять, и упрекать тебя я не стану... Иди и будь... будь счастлив, и, может быть, когда-нибудь ты вернешься к нам... Я думаю, вернешься... Думаю, что в глубине души ты любишь меня и Джуди... И я думаю также, что в душе ты честный и преданный нам человек.

Дермут закашлялся. Вид у него был смущенный. Лучше бы он ушел. Все эти разговоры... Она его так любит — это же мука на него смотреть — шел бы и делал, как ему захочется... не заставлял бы ее еще больше страдать...

— Главный вопрос в том,— сказал Дермут,— когда я получу свободу?

— Ты свободен. Можешь уходить хоть сейчас.

— По-моему, ты не понимаешь, о чем идет речь. Все мои друзья считают, что нам надо развестись — и как можно быстрее.

Силия смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Ты вроде бы говорил, что для развода нет... нет... ну, никаких оснований.

— Разумеется, нет, Марджори — женщина на редкость порядочная.

Силия почувствовала дикое желание расхохотаться, но сдержалась.

— Ну и в чем же тогда дело? — спросила она.

— Я бы никогда ничего подобного ей не предложил,— сказал Дермут возмущенным тоном.— Но я думаю, если бы я был свободен, она вышла бы за меня.

— Но ты женат на мне,— недоумевала Силия.

— Потому нам и надо развестись. Все можно проделать быстро и без особого труда. Самой хлопотать тебе не придется. Все расходы я возьму на себя.

— Ты хочешь сказать, что вы с Марджори хотите пожениться?

— Неужели ты думаешь, что я буду втягивать такую девишку в бракоразводный процесс? Нет, все можно сделать очень легко. Ее имя даже и упомянуто не будет.

Силия вскочила, глаза ее сверкали.

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать... это же гнусно! Если бы я любила человека, я бы соединилась с ним, пусть это и нехорошо. Может быть, отняла бы и мужа у жены — хотя не думаю, что смогла бы отнять отца у ребенка, не знаю. Но я бы сделала это по-честному. Не стала бы прятаться за чужую спину, осмотрительно выжидая, пока другие не разгребут всю грязь. По-моему, вы с Марджори оба отвратительны. Если бы вы действительно полюбили друг друга, жить друг без друга не могли бы, я бы, по крайней мере, вас уважала. Я дала бы тебе развод, если бы ты этого захотел, хоть и считаю, что разводиться — это плохо. Но я не желаю заниматься враньем и притворяться и разыгрывать спектакли.

— Чепуха, все так делают.

— Ну и пусть.

Дермут подошел к ней вплотную.

— Послушай, Силия, я все равно с тобой разведусь. Я не буду ждать и втягивать Марджори в это дело не стану. И тебе придется дать согласие.

Силия смотрела ему прямо в лицо.

— Не дам,— сказала она.

Глава 18

Страх

1

Вот тут Дермут и допустил промашку.

Если бы он стал уговаривать Силию, просить о снисхождении, говорил бы, что любит Марджори, что она нужна ему и что он жить без нее не может,— Силия бы растаяла и во всем пошла ему навстречу, как бы ни было ей больно. Она бы не устояла перед страдающим Дермутом. Она всегда ему уступала — не удержалась бы и на этот раз.

Она была на стороне Джуди против Дермута, но, найдя он правильный к ней подход, она бы поступилась Джуди, даже если бы и возненавидела себя за это.

Но Дермут пошел другим путем. Он считал, что вправе иметь свои желания, и пытался добиться своего силой.

Силия всегда была такой мягкой, такой уступчивой, что он теперь поражался ее сопротивлению. Она практически не ела, потеряла сон, ноги не держали ее, она едва ходила, жестоко страдала от невралгии и болей в ухе, но держалась решительно. А Дермут все пытался давить на нее.

Говорил, что так себя вести — позор, что она пошлая баба с железной хваткой, что ей должно быть за себя стыдно, что ему за нее стыдно. Не помогало — Силия доводов не слышала.

Во всяком случае, так это выглядело со стороны. На самом же деле его слова резали ее как по живому. И это Дермут — ее Дермут так о ней думает!

Ее начинало беспокоить и собственное состояние. Иной раз она теряла нить разговора, мысли путались...

Ночью она просыпалась, обливаясь холодным потом, в полной уверенности, что Дермут ее отравит, чтобы убрать с дороги. Днем она понимала, что это были дикие ночные фантазии, но все равно спрятала подальше и заперла пакет с химикатами от сорняков, стоявший в сарае рядом с цветочными горшками. При этом она думала: «Это же ненормально — я не должна сходить с ума, я просто не имею права сойти с ума...»

Случалось, она просыпалась среди ночи и принималась бродить по дому, что-то разыскивая. Как-то ночью она поняла, что ищет. Она искала маму...

Ей надо найти маму... Она натянула платье, затем надела пальто и шляпу. Взяла фотографию матери. Она пойдет в полицейский участок и попросит установить, где мама. Мама пропала, но полиция найдет ее... А стоит ей только найти маму — и все уладится.

Она долго шла пешком — под дождем, по мокрой дороге... Не могла припомнить, зачем идет. Ах да, в полицию — где же полицейский участок? В городе, конечно, а не там, там поля...

Она повернулась и пошла в другую сторону...

В полиции ее хорошо встретят и помогут. Она назовет им имя матери — какое у матери имя? — Странно, она не может вспомнить...

А как ее зовут?

До чего страшно — она не может вспомнить!
Не Сибилла ли? Или Иванна?.. Какой ужас, когда не можешь вспомнить...

Обязательно надо вспомнить свое имя...

Она чуть не упала в канаву...

Там было полно воды...

Можно утопиться...

Утонуть лучше, чем повеситься. Если ничком лечь в воду...

Какая же она ледяная! Нет, она не сможет, не сможет...

Она найдет маму... и мама все уладит.

Она скажет: «Я чуть не утопилась в канаве», а мама в ответ: «Было бы очень глупо, родная».

Глупо... да, глупо. Дермут считает ее глупой — и уже давно. Он так ей и сказал, и лицо его кого-то ей напомнило.

Конечно же Стрельца!

Стрельца. Дермут на самом деле все время был Стрельцом...

Ее замутило от ужаса...

Надо попасть домой... спрятаться... Стрелец разыскивает ее... Дермут за ней крадется...

Наконец она добралась до дома. Было два часа ночи. В доме спали...

Крадучись, она поднималась по лестнице...

Какой ужас. Стрелец там — за той дверью — она слышала его дыхание... Дермут — Стрелец...

Она не осмеливалась войти в свою комнату. Дермут хочет избавиться от нее. Он может туда прокрасться...

Сломав голову она взлетела на один пролет вверх. Там комната гувернантки Джуди, мисс Худ. Ворвалась к ней.

— Спрячьте меня от него, спрячьте...

Мисс Худ была очень добра, она успокоила Силию.

Проводила ее вниз, в ее комнату, осталась с ней.

Засыпая, Силия вдруг проговорила:

— Как глупо, я ведь и не могла бы найти маму. Я помню — она же умерла.

2

Мисс Худ вызвала врача. Он оказался человеком добрым и настаивал, чтобы Силия доверила себя заботам мисс Худ.

Сам он переговорил с Дермутом. Сказал ему без обиняков, что Силия очень тяжело больна. И предупредил, что может произойти, если не избавить ее от волнений.

Обязанности свои мисс Худ выполняла очень умело. Старалась делать так, чтобы Силия и Дермут не оставались наедине. Силия просто прилипла к ней. С мисс Худ она чувствовала себя в безопасности... Мисс Худ добрая.

Однажды Дермут вошел и встал у кровати.

И сказал:

— Мне так жаль, что ты заболела.

С ней говорил не чужой человек, а Дермут.

Комок встал у нее в горле...

На другой день мисс Худ появилась очень обеспокоенная.

Силия тихо спросила ее:

— Он уехал, да?

Мисс Худ кивнула. С каким облегчением она вздохнула, увидев, что Силия так спокойно восприняла эту новость.

Силия даже не шелохнулась. Она не чувствовала ни горя, ни острой боли... Она была как в оцепенении и лежала очень тихо.

Ушел...

Но ведь однажды придется встать с постели и начинать жизнь заново — с Джуди...

Все кончено...

Бедный Дермут...

Она заснула и спала беспробудно два дня.

3

А потом он вернулся.

Не незнакомец вернулся, а Дермут.

Сказал, что сожалеет о случившемся: с тех пор как он ушел, места себе не находил. Сказал, что думает, Силия права: ему следует быть с ней и с Джуди. Во всяком случае, он попробует... Он сказал:

— Но ты должна поправиться. Я не выношу болезней и несчастий. Я и с Марджори подружился отчасти из-за того, что ты этой весной была такая несчастная. Мне надо было с кем-то развеяться.

— Знаю. Мне надо было оставаться «красивой», как ты постоянно мне твердил.— И, помолчав, спросила: — Ты в самом деле хочешь попробовать? Я ведь не выдержу больше... Если ты честно будешь пытаться наладить отношения — в течение трех месяцев. А не сможешь, то так тому и быть. Но... но... я боюсь, что опять начнутся со мной странности.

Он ответил, что в течение трех месяцев попытается все забыть. Даже с Марджори видаться не будет. Он сказал, что очень сожалеет.

4

Но так продолжалось недолго.

Мисс Худ — и Силия знала об этом — жалела, что Дермут вернулся.

Через некоторое время Силия признала, что мисс Худ была права.

Начиналось все не сразу.

У Дермута стало портиться настроение.

Силия жалела его, но не осмеливалась что-либо сказать.

Мало-помалу становилось все хуже.

Если Силия входила в комнату, Дермут выходил. Если она к нему обращалась, он не отвечал. Он разговаривал только с мисс Худ и с Джуди.

Дермут не говорил с нею, не смотрел на нее.

Иногда он брал Джуди покататься на машине.

— А мама поедет? — спрашивала Джуди.

— Да, если хочет.

Когда Силия готова была ехать, Дермут говорил:

— Пусть лучше мама тебя повезет. А то у меня дел много.

Иногда Силия отказывалась, говорила, что занята, — вот тогда Дермут с Джуди отправлялись кататься.

Невероятно, но Джуди ничего не замечала, или так казалось Силии.

Впрочем, изредка Джуди говорила такое, что приводило Силию в удивление.

Они говорили о том, что надо быть поласковее с Обри, которая уже и так была всеобщей любимицей. И Джуди вдруг сказала:

— Ты вот добрая, ты очень добрая. А папа не добрый, но с ним очень, очень весело.

А как-то, погруженная в размышления, заметила:

— Папа не очень-то тебя любит. — И добавила с большим удовольствием: — А меня вот любит.

Однажды Силия решилась с ней поговорить.

— Джуди, твой папа хочет уйти от нас. Он думает, что с другой женщиной будет более счастлив. Как, по-твоему, надо проявить доброту и отпустить его?

— Не хочу, чтобы он уходил, — быстро проговорила

Джуди,— пожалуйста, пожалуйста, мамочка, не отпускай его. Он очень счастлив, когда со мной играет, и потом, потом, он же мой папа!

«Он же мой папа!» Какая гордость, какая уверенность звучит в этих словах!

Силия думала: «Джуди или Дермут? Надо быть либо с тем, либо с другим. Джуди совсем ребенок, я должна быть на ее стороне». Но тут же подумала: «Я не выдержу больше такого обращения со стороны Дермута. Снова теряю почву под ногами. Мне страшно становится».

Дермут снова исчез — место Дермута занял незнакомец. Он смотрел жесткими, злыми глазами.

Ужасно, когда на тебя так смотрит человек, которого ты любишь больше всего на свете. Можно понять супружескую неверность, но Силия не могла понять, как одиннадцатилетняя привязанность вдруг — в одночасье — превращается в неприязнь.

Страсть может поблекнуть и пропасть, но разве ничего другого не было? Она любила его, и жила с ним, и родила ему ребенка, и пережила с ним бедность — и он с совершенным спокойствием готов никогда больше ее не видеть... Так страшно... безумно страшно...

Она помеха для него... Если б она умерла...

Он желает ей смерти...

Он, должно быть, желает ей смерти, иначе ей так страшно не было бы.

5

Силия заглянула в дверь детской. Джуди крепко спала. Тихо закрыв дверь, Силия спустилась в холл и пошла к выходу.

Из гостиной выскочила Обри.

«Привет,— сказала Обри,— гулять? Среди ночи? А почему бы и нет...»

Но хозяйка была другого мнения. Она сжала морду Обри ладонями и поцеловала в нос.

— Сиди дома. Хорошая собачка. Нельзя с хозяйкой.

Нельзя с хозяйкой — нет, правда нельзя? Никому нельзя идти туда, куда идет хозяйка...

Теперь она знала, что больше не в состоянии это выносить... Надо бежать...

После долгого объяснения с Дермутом она чувствовала такую усталость... и такое отчаяние... Она должна бежать...

Мисс Худ уехала в Лондон встретить сестру, которая

возвращалась из-за границы. Дермут воспользовался этим, чтобы «выговориться».

Он сразу же признался, что встречается с Марджори. Он давал обещание, но сдержать его не может...

Все это было бы не важно, думала Силия, если б он только не начал ее опять поносить...

Она теперь многого и не помнит... Жестокие, обидные слова — и враждебные глаза незнакомца... Дермут, которого она любила, ненавидел ее...

И она не могла это вынести...

Есть очень простой выход...

В ответ на его фразу, что он уезжает, но через два дня вернется, она сказала: «Меня ты здесь не застанешь». Поэтому, как дернулось у него веко, она поняла, что он знает, что имеет она в виду...

Он поспешно сказал:

— Ну что ж, если тебе захочется уехать.

Она промолчала... Уже потом, когда все будет конечно, он сможет всем говорить (и убедит самого себя), что не понял смысла ее слов... Так ему будет спокойнее...

Он знает... И она распознала эту мгновенную вспышку — вспышку надежды. Он, наверное, и сам этого не заметил. Его бы возмутило, если бы пришлось признавать подобное... но надежда была...

Он, конечно, предпочел бы не такое решение. Ему хотелось бы услышать, что, как и он, она жаждет «перемены». Хотелось бы, чтобы, как и он, она жаждала свободы. То есть чтобы он мог делать то, что ему хочется делать, и чувствовать себя при этом вполне уютно... Хотелось, чтобы она была счастлива и довольна, путешествуя по заморским странам, а он мог думать: «Вот это и впрямь отличный выход для нас обоих».

Ему хотелось быть счастливым и чтобы совесть у него при этом осталась спокойной. Он не воспринимал жизнь такой, какой она есть, он хотел, чтобы все было так, как того желает он.

Но ее смерть — это выход... Да и винить себя будет как будто не за что. Довольно быстро он убедит себя, что после смерти матери Силия находилась в тяжелом состоянии. А убеждать себя Дермут был мастер.

Некоторое время Силия тешила себя мыслью, что он будет жалеть... будет ужасно раскаиваться... Как ребенок. «Вот умру, и он пожалеет...»

Но она знала, что так не будет... Стоило бы ему только

признаться себе, что он виноват в ее смерти,— и он пропал... Его спасение в самообмане... И он будет себя обманывать...

Нет, она уйдет — прочь от всего этого.

Дальше ей не вынести.

Слишком больно...

О Джуди она больше не думала — она уже прошла сквозь это... ничто теперь не имеет для нее значения — ничто, кроме собственных страданий и огромного желания вырваться...

Река...

Давным-давно текла речка через долину, и в долине росли примулы... Давным-давно, задолго до того, как все это случилось...

Она шла быстро. Подошла к мосту.

Под ним стремительно бежала река...

Не было ни души...

Интересно, где сейчас Питер Мейтланд. Он женат — женился после войны. Питер был добрым. С Питером она бы была счастлива... счастлива и спокойна...

Но она бы никогда его не любила так, как Дермута...

Дермут... Дермут...

Такой жестокий...

Мир жесток — в нем жестокость и измена...

Река лучше...

Силия взобралась на парапет и прыгнула...

Книга третья

ОСТРОВ

Глава 1

Уступка

На этом для Силии история заканчивалась.

Все, что было потом, ей казалось неважным. Было разбирательство в магистратном суде: из реки ее вытащил молодой кокни, магистратный судья¹ сделал ей внушение,

¹ Магистратный судья — должностное лицо в местных органах власти Великобритании, младший чиновник юстиции, выполняющий, в частности, функции мирового судьи.

появились в прессе заметки; раздражение Дермута, преданность мисс Худ,— Силии, которая, сидя в кровати, рассказывала мне обо всем этом, это казалось неважным и призрачным, словно извлеченным из сна.

О новой попытке покончить с собой она и не помышляла.

Она признала, что поступила безнравственно. Она попыталась сделать то, в чем обвиняла Дермута,— попыталась бросить Джуди.

— Я чувствовала,— сказала она,— что могла загладить свою вину, лишь живя ради Джуди, о себе же не думать больше никогда... Мне было так стыдно...

Она, мисс Худ и Джуди уехали в Швейцарию.

Дермут написал ей туда, вложив в письмо бумаги, нужные для оформления развода.

Какое-то время она с ними ничего не делала.

— Понимаете, слишком я была растерянна,— сказала она.— Раз он просит, значит, надо это выполнить, только бы меня оставили в покое... Я боялась... боялась, что со мной еще что-нибудь случится. Я боюсь с тех самых пор, как...

В общем я не знала, как быть... Дермут считал, что я ничего не делаю в отместку ему... Это не так. Я обещала Джуди, что не отпущу ее отца... И вот готова была уступить только потому, что отвратительно трусила... мне так хотелось... о, как мне хотелось... чтобы они с Марджори соединились — тогда бы у меня был предлог развестись с ним... Я могла бы тогда сказать Джуди: «У меня не было другого выхода...» Дермут написал мне, что, как считают все его друзья, веду я себя позорно... все его друзья... те же самые слова!

Я затаилась... я просто хотела отдохнуть... где-нибудь, чтобы мне было спокойно... где бы Дермут не мог добратся до меня. Я была в ужасе, что вот он опять появится и набросится... на меня... но нельзя уступать только потому, что тебя запугали. Это непорядочно. Я трусиха, я знаю — я всегда была трусихой... я ненавижу шум и скандалы — все что угодно, только бы меня оставили в покое... Но я не уступаю, потому что боюсь. Я держалась до конца...

В Швейцарии я снова окрепла... Невозможно перенести, как это замечательно. Не плакать всякий раз, как надо подниматься в гору. Не испытывать тошноты при виде пищи. И прошли те жуткие невралгические боли в голо-

ве. Душевная боль и физические страдания — когда это бывает сразу вместе — человеку не по силам... Можно вытерпеть либо то, либо другое, но не то и другое вместе...

Когда я снова почувствовала себя совсем здоровой, я вернулась в Англию. Написала Дермуту. Сказала, что в разводы не верю... А верю (хотя, может, сам он это считает старомодным и неправильным) в то, что надо сохранять семью и терпеть ради детей. Нередко слышишь, писала я, что детям лучше, если родители, которые друг с другом не ладят, расстаются. По-моему, писала я, это неправильно. Детям нужны родители — оба родителя — потому что это их родная плоть и кровь... ссоры и пререкания вовсе не имеют для детей такого значения, как думают взрослые, — возможно, это им даже на пользу. Учит их жизни... В моей семье было слишком много счастья. И выросла я дурочкой... Я написала также, что мы с ним никогда не ссорились. Всегда ладили...

«Не думаю, — писала я, — что любовным интрижкам на стороне стоит придавать большое значение...» Он может быть вполне свободен — главное, чтобы он был добр к Джуди, был хорошим ей отцом. И я написала ему снова, что знаю: он для Джуди значит куда больше, чем я буду когда-либо значить. Я ей нужна физически, когда она болеет — как детенышу, а вот духовная связь у нее с ним.

Если он вернется, писала я, то не услышит от меня ни слова упрека. Почему бы нам не проявить друг к другу доброту, раз оба мы так пострадали, спрашивала я.

Выбор за ним, писала я, но пусть не забывает, что разводиться я не желаю и не верю в развод и что если он выберет развод, то вся ответственность падет на него.

В ответ он прислал новые доказательства необходимости развода...

— Я развелась с ним...

Это был кошмар — этот развод...

Стоять перед кучей людей... отвечать на вопросы... на вопросы очень интимного характера... про горничных...

Невыносимо. Меня от этого тошнило.

Наверно, легче уж быть разведенной. Тогда не придется стоять там...

Словом, как видите, я уступила. Дермут своего добился. С таким же успехом я могла бы уступить и в самом начале и избавить себя от массы огорчений и страданий...

Не знаю, радоваться ли мне, что не уступила раньше, или нет.

И не знаю, почему я все же уступила — потому, что устала и хотела покоя, или потому, что убедилась: это единственное, что стоит сделать,— или потому, что все-таки хотела уступить Дермуту...

Иногда мне кажется, что из-за последнего...

Вот почему я с тех пор всегда чувствую себя виноватой, когда Джуди смотрит на меня...

Ведь получилось так, что я предала Джуди ради Дермута.

Глава 2

Размышления

Дермут женился на Марджори Коннелл через несколько дней после того, как суд вынес окончательное решение.

Я полюбопытствовал, как относилась Силия к сопернице. Она так мало рассказывала о ней, как будто той на самом деле не существовало. Она не стала говорить, будто слабовольного Дермута совратили, хотя именно на это обманутые жены чаще всего и ссылаются.

Силия ответила на мой вопрос сразу же и честно:

— Не думаю, что его сбили с пути истинного. Марджори? Что я думала о ней? Не помню... Это казалось не важным. Важно было то, что происходило с Дермутом и со мной, а не с Марджори. Его бесчеловечное отношение ко мне — вот чего я не могла пережить...

И в этом, мне кажется, я вижу то, что сама Силия увидеть не сможет. Она жила собственным страданием. Если бы к шапочке Дермута, когда он был ребенком, пришили бабочку, он бы не расстроился. Он бы твердо решил, что бабочке это нравится!

Именно так он относился и к Силии. Он любил Силию, но хотел иметь рядом Марджори. Он был, по существу, высоконравственным молодым человеком. Чтобы жениться на Марджори, ему надо было избавиться от Силии. Но, поскольку он любил и Силию, он хотел, чтобы эта его идея и ей пришлась по душе. Когда Силия воспротивилась, он разозлился. И оттого, что ему было плохо, когда он обижал ее, он обижал ее еще сильнее — с совершенно бессмысленной жестокостью... Я могу понять это, я почти могу посочувствовать...

Допусти он мысль, что жесток по отношению к Силии, он бы так себя вести не смог... Как многие другие

безжалостно-честные мужчины, он не был честен по отношению к самому себе. Он считал себя лучше, чем был на самом деле...

Он хотел быть с Марджори и должен был ее заполучить. Он всегда добивался того, чего хотел, и жизнь с Силией его в этом смысле лучше не сделала.

В Силии, я думаю, он любил ее красоту, и только...

Она же полюбила его крепко и навсегда. Он был, как она однажды выразилась, у нее в крови...

И она цеплялась за него. А Дермут не выносил, когда за него цепляются. В Силии было мало огня, а женщине, в которой мало огня, с мужчиной не справиться.

Вот в Мириам сидел бес. Несмотря на всю ее любовь к Джону, мне не верится, что ему всегда было с ней легко. Она обожала его, но и терзала. А в мужчине сидит зверь, которому нравится, когда ему идут наперекор.

У Мириам было то, чего не хватало Силии. То, что грубо можно было бы назвать, наверное, дерзким нахальством.

Когда Силия начала противиться Дермуту, было уже поздно...

Она сама признает, что о Дермуте начала думать по-другому лишь теперь, когда его неожиданно проявившаяся жестокость перестала ее поражать.

— Сначала,— говорит она,— я видела лишь одну сторону. Я всегда его любила и делала все, как он хотел, а потом, когда он мне впервые в самом деле понадобился, когда у меня было горе, он повернулся и нанес мне удар в спину. Наверное, это расхожий штамп, но я именно так и чувствовала... Есть в Библии очень точные слова.— Силия умолкла, потом процитировала: — «Ибо не враг поносит меня — это я перенес бы; не ненавистник мой величается надо мною — от него я укрылся бы; который был для меня то же, что я — друг мой и близкий мой»¹. Как раз это-то и страшно. «Друг мой и близкий мой».

Если Дермут мог быть предателем, значит, кто угодно может предать. Все в мире стало ненадежным. Я больше никому и ничему не верила...

Это так страшно. Вы понятия не имеете, как это страшно. Ни на кого нигде нельзя положиться.

Понимаете... куда ни посмотришь, всюду Стрелец...

Но, с другой стороны, это была моя ошибка: чересчур

¹ Псалтырь 54, 13.

я верила Дермуту. Так сильно никому верить нельзя. Это неразумно.

Все эти годы, пока Джуди росла, у меня было время подумать... Я много чего передумала... И поняла: вся беда в том, что я была глупа... Глупа и самонадеянна!

Я любила Дермута — и не удержала его. Мне следовало понять, что он любит и чего он хочет, и стать такой... Мне следовало понять (как он сам говорил), что ему «нужна перемена»... Мама советовала мне не уезжать, не оставлять его одного... Я оставила его одного. Я так была самоуверенна — никогда даже и мысли не допускала, что такое может случиться. Я даже не сомневалась, что я тот человек, которого он любит и будет любить всегда. Неразумно чересчур доверять людям — я уже говорила об этом, неразумно подвергать их слишком большим испытаниям, водружать их на пьедестал только потому, что тебе нравится их там видеть. Я никогда не понимала Дермута как следует... А могла бы... если бы не моя самонадеянность, не глупая уверенность: то, что случается с другими женщинами, никогда не случится со мной... Я была глупой.

Поэтому теперь я Дермута не виню — такой уж он человек. Мне следовало это знать и быть начеку, а не впадать в такую самоуверенность, такое самодовольство. Если тебе что-то дороже всего на свете, надо вести себя умнее... Я не смогла...

Совсем обычная история. Теперь я это знаю. Нужно только газеты читать — особенно воскресные, которые любят писать о подобных вещах. О женщинах, которые суют голову в духовку и включают газ или глотают снотворное в огромных дозах. Так жизнь устроена... в ней много жестокости и боли — из-за людской глупости.

Я была глупа. И жила в придуманном мире. Да, глупа.

Глава 3

Бегство

1

— А потом, — спросил я Силию, — что вы делали потом? Это же давно было.

— Да, десять лет назад. Я путешествовала. Побывала в тех местах, которые мне хотелось посмотреть. Завела много друзей. Были у меня и приключения. По-моему, право же, я немало поразвлекалась.

Она говорила об этом не очень уверенно

— У Джуди, естественно, бывали каникулы. Я всегда чувствовала себя виноватой перед ней.. И я думаю, она знала, что я это чувствую. Она никогда ничего не говорила, но, я думаю, в душе винила меня за потерю отца.. И в этом, конечно, была права. Она сказала однажды: «Ты папе не нравилась. А меня он любил». Я подвела ее. Мать должна делать все, чтобы отец ребенка ее любил. Это входит в ее обязанности. Я не справилась. Иной раз, сама того не понимая, Джуди задевала меня за живое, но она помогла мне прозреть. Без обиняков выкладывала все, что думала.

Не знаю, что получилось у меня с Джуди,— провалилась я или преуспела. Не знаю, любит она меня или нет. С материальной стороны я ее обеспечила. Но не смогла дать другого — того, что мне казалось важным: ей это было не нужно. Я сделала лишь одно. Поскольку я любила ее, я оставила ее в покое. Я не хотела навязывать ей свои взгляды и убеждения. Просто пыталась дать ей почувствовать, что я рядом, как только понадобится. Но я ей была не нужна. Такой человек, как я, ни к чему, таким, как она,— разве что, как я уже говорила, ради материальной стороны... Я люблю ее, как любила и Дермута, но я ее не понимаю. Я лишь старалась не идти у нее на поводу, не поддаваться трусости... Смогла ли я принести ей хоть какую-нибудь пользу,— этого я не узнаю... Я надеюсь, что смогла, очень надеюсь... Я так люблю ее...

— А где она теперь?

— Вышла замуж. Поэтому я и приехала сюда. Прежде я не была свободна, надо было заботиться о Джуди. Она вышла замуж в восемнадцать лет. Он очень приятный человек, старше нее — честный, добрый, состоятельный, в нем есть все, чего я могла бы пожелать. Я хотела, чтобы она подождала, проверила себя, но она ждать не стала. Нельзя бороться с такими людьми, как она и Дермут. Им обязательно надо настоять на своем. И потом: как можно решать за другого? Можно ведь покалечить жизнь, думая, что помогаешь. Вмешиваться нельзя...

Она уехала в Восточную Африку. Время от времени шлет коротенькие счастливые письма. Такие же, как, бывало, писал Дермут,— одни факты, и ничего больше, но все равно можно понять, что все в порядке

— И тогда,— продолжил я,— вы приехали сюда Зачем?

Она ответила не спеша:

— Не знаю, смогу ли объяснить так, чтобы вы поняли... Мне запали в душу слова, сказанные как-то одним человеком. Он немного знал от меня о том, что произошло. Он был человек отзывчивый. Он спросил: «Как вы собираетесь жить дальше? Вы же еще так молоды». Я ответила, что есть Джуди, что я путешествую, что осматриваю города и памятники.

Он сказал: «Одним этим вам не прожить. Вам надо завести любовника или любовников. Решите сами, что вам больше подойдет».

Слова его меня напугали, так как я поняла, что он прав...

Люди заурядные, ни над чем особенно не задумывающиеся, говорили мне: «Дорогая, вы опять выйдете замуж — за какого-нибудь хорошего человека, с которым забудете о всех своих невзгодах».

Замуж? Даже мысль об этом вселяла в меня ужас. Никто не может тебя обидеть больше, чем муж...

С мужчинами я не собиралась иметь больше ничего общего, никогда...

Но тот молодой человек меня испугал... Я же была еще не старуха... во всяком случае, не такая уж старая...

А почему бы не завести любовника? Любовник — это не так страшно, как муж: от любовника не зависят так, как от мужа; мелочи общего быта — вот что привязывает к мужу и разрывает душу, когда расстаешься... А с любовником просто встречаешься время от времени — а твоя повседневная жизнь остается только твоей...

Так значит любовник — или любовники...

Лучше любовники. С любовниками... ты будешь .. почти в безопасности!

Но я надеялась, что до этого дело не дойдет. Я питала надежду, что научусь жить одна. Я пыталась.

Некоторое время она молчала.

— Я пыталась,— повторила она.

Как много скрывалось за этими двумя словами.

— Ну и? — не утерпел я наконец.

Она заговорила медленно, подбирая слова:

— Джуди было пятнадцать лет, когда я встретила од-

ного человека... Он, пожалуй, напоминал Питера Мейтланда... Добрый, не слишком умный. Любил меня...

Говорил, что мне нужна ласка. Он был очень добр ко мне. Его жена умерла при родах первенца. Потом и ребенок умер. Так что, как видите, он тоже был несчастен. Он понимал, каково быть несчастным.

Нам было хорошо друг с другом... Вкусы наши совпали. И я нравилась ему такая, как я есть. Я могла, к примеру, сказать, что мне хорошо и чем-то восторгаться, и он не думал при этом, что я веду себя глупо... Он стал — я понимаю, это странно звучит, — но он стал для меня кем-то вроде матери. Матери, а не отца! Он был такой ласковый...

В голосе Силии зазвучала нежность. Лицо стало как у ребенка — счастливым, довольным...

— Ну и?

— Он хотел жениться на мне. Я ему отказала. Сказала, что никогда ни за кого не выйду. Не хватит духу. Он понял и это...

То было три года назад. Он был мне другом — замечательным другом... На него всегда можно было положиться. Я чувствовала себя любимой... Дивное чувство...

После свадьбы Джуди он снова просил моей руки. Сказал, что ему кажется, я могу теперь ему довериться. Он хочет заботиться обо мне. Сказал, что мы уедем домой — ко мне домой. Все эти годы дом стоял заколоченный, под присмотром сторожа... Ехать туда было невыносимо, но я все время чувствовала, что он ждет меня — мой Дом... Стоит и ждет... Мой друг сказал, что мы поедем туда и будем там жить, и все наши горести покажутся страшным сном...

И... и я почувствовала, что хочу вернуться...

Но почему-то не смогла. Я сказала, что, если он хочет, мы станем любовниками. Я могу теперь на это пойти — Джуди ведь замужем. К тому же если он захочет быть свободным, то сможет в любую минуту уйти. Я тогда не буду помехой, и он не возненавидит меня, если захочет на ком-то жениться, так как я не буду стоять у него на дороге...

Он на такое не пошел. Говорил он ласково, но твердо. Он врач, довольно известный хирург. Он сказал, что мне надо оправиться от этого нервного страха. Сказал, что стоит мне только выйти за него, и я буду здорова...

И я наконец сказала — хорошо...

Я молчал, и через минуту-другую Силия заговорила снова:

— Я чувствовала себя счастливой — действительно счастливой...

Опять успокоилась, не было больше страхов...

А потом это случилось. Накануне нашей свадьбы.

Мы поехали на машине за город поужинать. Был жаркий вечер...

Мы сидели в парке у реки. Он поцеловал меня и сказал, что я такая красивая... Мне тридцать девять лет, я была такая изможденная, усталая, но он сказал, что я красивая.

И вдруг произнес то, что напугало меня, разбило мечту.

— Что же он сказал?

— Он сказал: «Смотри не растеряй свою красоту...» Сказал тем же тоном, каким говорил это Дермут...

Вы, наверное, не понимаете... никому этого не понять...

Передо мной снова был Стрелец...

Все хорошо и спокойно, и вдруг чувствуешь — он тут, рядом...

Все началось сначала — смертельный страх...

Я не готова была... не готова вновь проходить через все это: долгие годы быть счастливой, а потом вдруг заболеешь или еще что-нибудь случится — и обрушатся те же страдания...

Я не могла пройти сквозь это снова.

Я не смогла бы вынести самого страха — перед тем, что мне придется снова пройти через то же самое... Не вынесла бы этого ужаса — что прежние муки снова вот-вот меня настигнут, — с каждым днем счастья мне делалось бы тогда все страшнее... Я бы не вынесла этого...

И я сбежала...

Просто взяла и сбежала...

Я бросила Майкла — не думаю, чтобы он догадался, что я уезжаю совсем, я придумала какую-то отговорку — зашла в гостиницу и спросила, где станция. Оказалось, минутах в десяти ходьбы. Я села на поезд и уехала.

Приехав в Лондон, отправилась домой, взяла паспорт, потом до утра сидела на вокзале Виктория в дамском зале ожидания. Я боялась, вдруг Майкл отыщет меня и уговорит... Я бы поддалась уговорам, потому что я любила его... Он всегда был со мной таким милым...

Но я бы не вынесла, не смогла бы снова через все это пройти...

Не смогла бы...

Жутко все время жить в страхе...

И ужасно лишиться веры...

Я просто не могу никому верить... даже Майклу.

Жизнь стала бы адом и для него, и для меня...

Это было год назад.

Я ни разу не написала Майклу...

Так ничего ему и не объяснила...

Я обошлась с ним так безобразно...

Ну и пусть! После разрыва с Дермутом я ожесточилась... Мне безразлично, обижаю я людей или нет. Если тебя слишком сильно обидели, ты и сам становишься бесчужственным...

Я путешествовала, пыталась чем-то заинтересоваться и устроить свою жизнь...

Ничего не получилось...

Я не смогла жить одна... Я больше не могу сочинять рассказы о людях — ничего не выходит...

Я все время одна — даже в гуще людей...

И ни с кем не могу жить... Слишком боюсь...

Я сломалась...

Страшно становится, как подумаю, что мне, возможно, суждено прожить еще лет тридцать. Не очень-то я смелый человек!

Силия вздохнула... Веки у нее смыкались.

— Я вспомнила об этом городке, специально сюда и приехала... Это очень милый городок.

И добавила:

— Это очень длинная и глупая история. Мне кажется, я и так вас заговорила... уже, должно быть, утро.

Силия заснула...

Глава 4

Начало

1

Вот и все — если не считать того эпизода, о котором я упомянул в самом начале.

Но значит ли это что-нибудь или нет — когда бы знать?

Если я не ошибаюсь, всю жизнь Силия приближалась к этому моменту — и наконец подошла к перелому своей судьбы.

Это случилось, когда я прощался с нею на пристани.

Она была совсем сонная. Я ведь разбудил ее и заставил одеться. Мне хотелось, чтобы она как можно скорее уехала с этого острова.

Она была как утомившийся ребенок — послушной и очень ласковой и будто совсем ничего не соображала.

Может быть, я был неправ, но мне показалось, что опасность миновала.

И вдруг, когда я прощался, она словно пробудилась. И будто впервые увидела меня.

Она сказала:

— Я даже не знаю, как зовут вас.

Я ответил:

— Это не важно — вам мое имя ничего не скажет. Раньше я был довольно известным портретистом.

— А теперь — нет?

— Нет, — сказал я, — после того, что случилось со мной на войне.

— Что?

— Вот.

И я показал свой обрубок, торчавший вместо руки.

2

Прозвонил корабельный колокол, мне было пора уходить...

И потому впечатление у меня было мимолетное.

Но очень ясное.

Ужас... И затем — облегчение...

Облегчение — это слабо сказано: то было нечто большее — избавление, вот что это было.

Понимаете, перед нею как бы снова возник Стрелец — олицетворение страха...

Все эти годы Стрелец преследовал ее...

И вот теперь она наконец столкнулась с ним лицом к лицу...

И он оказался обыкновенным человеком...

Мною...

3

Вот так я все это понимаю.

И я твердо убежден, что Силия вернулась к людям, чтобы начать свою жизнь заново...

Она вернулась тридцати девяти лет от роду, чтобы стать взрослой...

А историю свою и свой страх оставила мне...

Мне неизвестно, куда она направилась. Я даже не знаю ее имени. Я назвал ее Силией, потому что это имя ей вроде бы идет. Я мог бы разузнать в гостиницах. Но я не стану этого делать... Я ведь, наверное, никогда больше ее не увижу...

ВДАЛИ ВЕСНОЙ

РОМАН

Перевод
Т. БЕРДИКОВОЙ

Absent in the Spring
1944

Глава 1

Джоан Скъюдмор, прищурившись, всмотрелась в полумрак обеденного зала гостиницы. Она была немного близорука.

Кажется... нет, не может быть... и все же это она. Бланш Хаггард.

Невероятно,— в такой глуши наткнуться на школьную подругу, с которой они не виделись... лет пятнадцать, не меньше. Сперва Джоан пришла в восторг от своего открытия. Она была от природы общительна и всегда радовалась неожиданным встречам с друзьями и знакомыми.

Бедняжка, до чего неузнаваемо она изменилась, подумала Джоан. Выглядит гораздо старше своих лет. Гораздо. Ведь ей никак не может быть больше... сорока восьми?

Вполне понятно, что ей захотелось тут же взглянуть на себя в зеркало, которое очень кстати оказалось возле столика. То, что она увидела, улучшило ее настроение.

Право же, я совсем неплохо сохранилась, сказала она себе.

А увидела она стройную женщину средних лет: исключительно гладкое лицо, почти не тронутые сединой каштановые волосы, приветливые голубые глаза; губы сложены в приятную улыбку. На женщине прекрасно сидел легкий дорожный костюм, в руке — подходящая для путешествия сумка.

Джоан Скъюдмор возвращалась из Багдада в Лондон сушей. Накануне вечером она выехала оттуда поездом.

Теперь ей предстояло переночевать в железнодорожной гостинице и наутро отправиться дальше на машине.

В спешке покинуть Лондон Джоан заставила внезапная болезнь младшей дочери, уверенность в беспомощности Уильяма (ее зятя) и опасение, что в их доме воцарится хаос, если некому будет присмотреть за хозяйством.

Что ж, теперь все улажено. Она обо всем позаботилась, отдала необходимые распоряжения. Ребенок, Уильям, выздоравливающая Барбара — Джоан ни о ком не забыла, все учла наперед. Слава богу, думала она, у меня всегда была голова на плечах.

Уильям и Барбара были ей бесконечно благодарны. Они упрашивали ее погостить еще, не спешить домой, но она с улыбкой, подавив вздох сожаления, отказалась. Приходилось считаться с Родни — бедняга Родни сидел безвылазно в Крейминстере, работал с утра до ночи, а позаботиться о нем было некому, кроме слуг.

— А слуги есть слуги,— вздыхала Джоан.

— У тебя, мама, все слуги — само совершенство,— возражала Барбара.— Ты за этим следишь!

Джоан посмеивалась, но ей тем не менее было приятно.

Потому что, когда дело сделано, хочется услышать слова благодарности. Случалось, ее немного задевало, что близкие воспринимают как нечто само собой разумеющееся отлично налаженное ею хозяйство, ее заботу и преданность.

Впрочем, она не жаловалась. Тони, Аврелия и Барбара были прекрасные дети, и у них с Родни имелись все основания гордиться ими и теми успехами, которых они добились в жизни.

Тони выращивал апельсины в Родезии. Аврелия, доставившая родителям кое-какие волнения, стала женой богатого, симпатичного биржевого маклера. У мужа Барбары завидная должность в Департаменте общественных работ в Ираке.

Короче говоря, дети у них были красивые, здоровые и хорошо воспитанные. Джоан понимала, что им с Родни здорово повезло, а в глубине души считала, что отчасти это и их заслуга как родителей. Ведь не зря они уделяли всем троим столько внимания, бесконечно мучились с выбором нянь, гувернанток, потом школ и прежде всего заботились о том, чтобы ребята росли в достатке и были счастливы.

Оторвавшись от собственного отражения в зеркале, Джоан ощутила приятное возбуждение. Да, хорошо, когда кто-то добивается успеха, подумала она. Я никогда не помышляла о карьере или о чем-то в этом роде. Меня вполне устраивало быть женой и матерью. Я вышла замуж за человека, которого любила, а он преуспел в своем деле — и, вероятно, тут есть доля моего участия. Поддержка необычайно важна. Славный мой Родни!

На сердце у нее потеплело при мысли о том, что скоро, очень скоро она снова увидит Родни. До сих пор она ни разу не покидала мужа надолго. До чего счастливо и безмятежно прожили они вместе столько лет...

Ну, положим, назвать их жизнь безмятежной было бы некоторым преувеличением. Семейная жизнь не бывает совсем уж безмятежной. Праздники, инфекционные болезни, лопнувшие среди зимы трубы... На самом деле жизнь состояла из череды коротких драматических эпизодов. И Родни всегда ужасно много работал, возможно, больше, чем позволяло ему здоровье. Именно в это время шесть лет назад у него было страшное переутомление. Он, вынуждена была отметить Джоан с горечью, не сохранился так же хорошо, как она. Изрядно ссутулился, поседел. Глаза такие усталые.

Но что поделаешь, жизнь есть жизнь. Зато теперь, когда у детей свои семьи, фирма идет в гору и новый партнер сделал денежные вливания, Родни сможет вздохнуть свободно. У них будет время пожить для себя.

Они должны побольше развлекаться — почаще проводить недельку-другую в Лондоне. Родни мог бы играть в гольф. Верно, и почему только она раньше не уговорила его заняться гольфом? Так полезно для здоровья, тем более при его-то сидячей работе.

Сделав себе зарубку в памяти, миссис Скюдмор снова обвела взглядом обеденный зал в поисках женщины, которая, как ей показалось, была некогда ее школьной подругой.

Бланш Хаггард. Как она восхищалась Бланш Хаггард, когда они вместе учились в школе Святой Анны!¹ Все обожили Бланш.

Такая смелая, такая выдумщица и при этом, да, — совершенно очаровательная! Сейчас, глядя на эту тощую, нервную, неухоженную пожилую особу, в это просто невозможно поверить. Как она странно одета! И дать ей можно... в самом деле... не меньше шестидесяти...

Конечно, думала Джоан, жизнь у Бланш не задалась.

Ей даже на минуту стало досадно. Надо же было наломать столько дров. Вот Бланш, ей двадцать один год, и весь мир у ее ног — словом, имела все: внешность, положение — и пожертвовала этим ради какого-то полнейшего ничтожества. Ветеринара, да-да, именно, ветеринара. Причем, что еще хуже, женатого ветеринара. Родные Бланш проявили самообладание, достойное всяческого уважения: отправили ее в круиз, чтобы она немного развеялась. А она сошла с парохода не то в Алжире, не то в Неаполе и вернулась домой к своему ветеринару. Тот, разумеется, лишился работы, стал пить, а жена не пожелала дать ему развод. Вскоре им пришлось уехать из Крейминстера, и потом Джоан ничего не знала о Бланш много лет, пока не встретила ее случайно в Лондоне, в обувном отделе «Харродса»¹, и не выведала (впрочем, выведывать не было нужды, поскольку Бланш вовсе не делала из этого секрета), что она теперь замужем за человеком по фамилии Холлидей, который служит в страховом агентстве, но, по словам Бланш, вскоре собирается уволиться, чтобы писать задуманную им книгу об Уоррене Хастингсе² не урывками, придя с работы, а целыми днями.

Джоан промямлила что-то вроде того, что у мужа Бланш, должно быть, имеются и иные средства к существованию. А Бланш беспечно ответила: «У него в кармане нет ни единого пенни!» Джоан заметила, что, в таком случае, оставлять работу с его стороны весьма неразумно, ведь, кто знает, принесет ли книга успех? Пишет ли он ее по заказу? Господи, конечно, нет, весело отвечала Бланш, и вообще-то говоря, она не надеется, что книга получится удачной, потому что, хоть Том и безумно увлечен, пишет он не ахти как. После чего Джоан достаточно мягко посоветовала Бланш пресечь все это поскорее, на что та возразила: «Но бедному мальчику так нравится писать! Больше всего на свете». Иногда, сказала Джоан, одному приходится соображать за двоих. Бланш, расхохотавшись, ответила, что ей всегда было нелегко соображать даже за одного!

¹ «Харродс» — один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов в Лондоне

² Хастингс Уоррен (1732—1818) — британский государственный деятель, с 1774 года генерал-губернатор Индии. По возвращении в Англию обвинен в коррупции, но оправдан палатой лордов.

Возвращаясь мысленно к тому разговору, Джоан вынуждена была признать, что это, увы, была чистая правда. Спустя год она увидела Бланш в ресторане в обществе вызывающе ярко одетой женщины и двоих мужчин явно артистической наружности. После этого о существовании подруги ей напомнило лишь полученное от той через пять лет письмо, где Бланш просила одолжить ей пятьдесят фунтов. Ее маленькому сыну, говорилось там, необходима операция. Джоан отослала Бланш двадцать пять, выразила сочувствие и попросила сообщить подробности. В ответ она получила открытку следующего содержания: *«Спасибо и на том, Джоан. Я знала, ты не откажешь»*, — что, пускай и с натяжкой, можно было рассматривать как своего рода благодарность. Потом — тишина. И вот теперь здесь, в ближневосточной железнодорожной гостинице, где мерцают и потрескивают керосиновые лампы и стоит запах прогорклого бараньего жира и парафина, нашлась ее старинная подруга, постаревшая до неузнаваемости, огрубевшая и одетая — хуже некуда.

Бланш закончила обедать и, лишь направляясь к выходу, увидела знакомое лицо. Она застыла будто вкопанная.

— Господи помилуй, Джоан!

Ей понадобилось не больше двух минут, чтобы найти себе стул, она под села к столу Джоан, и они стали болтать.

— Да, ты отлично выглядишь. Больше тридцати тебе ни за что не дашь, — говорила Бланш. — Где тебя хранили все эти годы? В прохладном месте?

— Не совсем. Я жила в Крейминстере.

— Родилась, выросла, вышла замуж и упокоилась в Крейминстере, — отчеканила Бланш.

— Разве такая уж незавидная судьба? — спросила Джоан с усмешкой.

Бланш покачала головой.

— Напротив, — ответила она серьезно, — по-моему, еще какая завидная. А как твои дети? У тебя ведь их несколько?

— Да, трое. Сын и две дочки. Сын в Родезии. Обе девочки замужем. Одна живет в Лондоне. А у второй я только что гостила в Багдаде. Ее фамилия Рэй — Барбара Рэй.

Бланш кивнула.

— Я ее видела. Чудесная девочка. Рановато вышла замуж?

— Мне не кажется,— твердо ответила Джоан.— Мы все любим Уильяма, и они очень счастливы вместе.

— Да, я слышала, сейчас у них все наладилось. Возможно, этому способствовало рождение ребенка. Когда рождается ребенок, женщина успокаивается. Впрочем,— продолжала Бланш задумчиво,— к себе я этого отнести не могу. Я обожала обоих своих ребят — Лена и Мери. И все же, встретив Джонни Пелэма, оставила детей и бросилась за ним очертя голову.

Джоан посмотрела на нее с недоверием.

— Брось, Бланш,— сказала она сердечно.— Неужели это правда?

— Отвратительно, да? — продолжала Бланш.— Но я точно знала, что детям будет хорошо с Томом. Он всегда их любил. Женился на очень славной домовитой женщине. Она подошла ему куда лучше, чем я. Вкусно кормила, штопала белье и так далее. Бедняга Том превыше всего ценил уют. Он потом присылал мне открытки на Рождество и на Пасху. Мило с его стороны, ты не находишь?

Джоан не ответила. Мысли ее были слишком противоречивы. Труднее всего было поверить, что рядом с ней — та, та самая Бланш Хаггард, благородная, возвышенная барышня, самая блестящая из учениц Святой Анны. Какое отношение имеет она к этой неряшливой женщине, которая без тени смущения выкладывает ей самые нелцеприятные подробности своей жизни, причем даже не старается подбирать слова! Та самая Бланш Хаггард, что получила награду по английскому языку в Святой Анне!

Бланш решила вернуться к предыдущей теме.

— Забавно, что малышка Барбара Рэй — твоя дочка, Джоан. Все-таки молве нельзя верить. Многие вбили себе в голову, что она вышла замуж за первого встречного, потому что чувствовала себя дома ужасно несчастной и хотела сбежать.

— Как странно. Откуда пошли эти сплетни?

— Понятия не имею. Но я совершенно уверена, что ты всегда была прекрасной матерью. Даже мысли не допускаю, что ты можешь быть властной и злой.

— Спасибо, Бланш. Мне кажется, мы делали все, чтобы наши дети чувствовали себя дома счастливыми. Знаешь, по-моему очень важно дружить со своими детьми.

— Прекрасно, если только это возможно.

— О, я думаю, возможно. Надо всего-навсего не за-

бывать собственную молодость и ставить себя на их место.— Прелестное посерьезневшее лицо Джоан приблизилось к лицу бывшей подруги.— Мы с Родни всегда стремились поступать именно так.

— Родни? Погоди, погоди, ты ведь вышла за юриста, верно? Ну да, я же обращалась в их фирму, когда Гарри пытался получить развод у этой своей злыдни жены. Помоему, мы тогда приходили к твоему мужу — Родни Скьюдмору. Он был необычайно любезен и внимателен, отнесся к нам с пониманием. Значит, ты так и оставалась при нем все эти годы. И никаких новых увлечений?

— Ни мне, ни ему не требовалось никаких увлечений,— отвечала Джоан сухо.— Мы с Родни друг друга вполне устраиваем.

— Конечно, у тебя-то всегда была рыба кровь, Джоан. Но мне показалось, у мужа твоего глазки горят!

— Прекрати, Бланш!

Джоан покраснела от злости. Глазки горят! Придумала! У Родни!

И тут одна неприятная мысль промелькнула внезапно в голове у Джоан, промелькнула и исчезла, словно змея, проскользнувшая накануне в припорошенной пылью колее перед самыми колесами машины — извилистая зеленая вспышка, которую едва успеваешь заметить.

Вспышкой, полыхнули два слова, непонятно откуда всплывшие и непонятно куда исчезнувшие.

«Дочка Рэндолфов...»

Слова улетучились, не успев закрепиться в памяти.

Бланш с готовностью покаялась:

— Прости, Джоан. Пойдем в соседний зал, выпьем кофе. Ты же знаешь, я всегда была вульгарной.

— Ой, перестань,— простодушно и немного испуганно перебила ее Джоан.

— Конечно, разве не помнишь? Забыла, как я тайком встречалась с сыном булочника? — с довольным видом продолжала Бланш.

Джоан нахмурилась. Она забыла про эту историю. Но когда-то все это казалось таким волнующим и — да-да — весьма романтическим приключением. А на самом деле — вульгарный, неприличный эпизод.

Бланш, усевшись в плетеное кресло и велев бою принести кофе, тихо посмеивалась.

— Я, должно быть, была тогда преждевременно со-

зревшим гадким созданием. Да, меня всегда губил один и тот же недостаток. Я слишком любила мужчин. И только никчемных! Странно, правда? Сперва Гарри — уже сомнительная личность, хотя чертовски хорош собой. Затем Том, который не стоил моей любви, но я была к нему привязана. Джонни Пелэм — вот с ним мне было хорошо до самого конца. Джеральд тоже никуда не годился...

Тут бой принес кофе, помешав Бланш закруглить этот весьма неаппетитный, с точки зрения Джоан, перечень.

Бланш перехватила ее взгляд.

— Прости, Джоан, я тебя смутила. Ты же всегда была моралисткой, верно?

— Но я обычно стараюсь понять другого человека.— Джоан заставила себя улыбнуться и добавила не слишком тактично: — Я просто хотела сказать, что мне... мне так жаль.

— Меня? — Бланш явно удивилась.— Мило с твоей стороны, дорогуша, но не трать понапрасну свою жалость. Я пожила всласть.

Джоан, не удержавшись, бросила на нее взгляд исподтишка. Интересно, Бланш понимает, до чего отталкивающий у нее вид? Волосы небрежно выкрашены хной, одежда какая-то грязная и безвкусная, изможденное, в морщинах лицо — старуха, старая развалина, не женщина, а престарелая бесстыжая цыганка!

Внезапно став серьезной, Бланш хладнокровно сказала:

— А вообще-то ты права, Джоан. Ты прожила жизнь удачно. А я — что ж, я свою разбазарила. Я окунулась в водоворот, а ты, ты осталась на берегу — девочка из Святой Анны, которая нашла себе надежного мужа и никогда не подводила любимую школу!

Постаравшись вернуться к единственному, что их сейчас связывало, Джоан заметила:

— Славные были деньки, верно?

— Как сказать...— Бланш не спешила предаться сладостным воспоминаниям.— Иногда я просто бесилась. Все время вести себя прилично и делать только то, что полезно для здоровья! Мне хотелось выбраться на волю и повидать мир. Что ж,— на ее губах промелькнула усмешка,— я его повидала. Клянусь, повидала!

Лишь теперь Джоан решила спросить о том, как Бланш очутилась в железнодорожной гостинице.

— Ты возвращаешься в Англию? Уезжаешь завтра утром с конвоем?

Когда она задавала вопрос, сердце у нее слегка замерло. Очень уж не хотелось путешествовать в обществе Бланш. Случайная встреча — это хорошо, но Джоан сомневалась, что сумеет поддерживать видимость дружеского расположения на протяжении путешествия через всю Европу. Воспоминания о былом вскоре иссякнут.

— Нет, я в противоположную сторону, в Багдад, — улыбнувшись ей, ответила Бланш. — К мужу.

— К мужу?

Джоан в самом деле ужасно удивилась, что у Бланш имеется некто, достойный почетного звания мужа.

— Да, он железнодорожный инженер. Его фамилия Донован.

— Донован? — Джоан покачала головой. — Не думаю, что я когда-либо с ним встречалась.

Бланш рассмеялась.

— Ты и не могла с ним встречаться, дорогая. Он человек не твоего круга. К тому же пьет как сапожник. Но сердце у него из золота. И, хоть тебя это скорей всего удивит, он меня на руках носит.

— Иначе и быть не может, — вставила Джоан из вежливости.

— Узнаю прежнюю Джоан. Как всегда, кривишь душой? Тебе повезло, что я еду в другую сторону. Пять дней в компании со мной сломили бы даже твой христианский дух. И не надо оправдываться. Я знаю, во что превратилась. Огрубела душой и телом — ты ведь именно так и подумала. Ничего, это еще не самое страшное, бывает хуже.

Джоан подумала, что едва ли. То, что Бланш до такой степени опустила, представлялось ей подлинной трагедией.

— Хочу надеяться, ты доберешься благополучно, но не уверена, — продолжала Бланш. — Похоже, вот-вот начнутся дожди. А если так, то у тебя есть риск надолго застрять где-нибудь в глуши.

— Не хотелось бы. Я заказала заранее места в поездах.

— Видишь ли, придерживаться расписания, путешествуя по пустыне, редко когда удается. Впрочем, если успеешь вовремя переправиться через вади¹, остальное уже

¹ Вади (*араб*) — сухие долины в пустынях Аравии и Северной Африки, которые временно наполняются водой после сильных дождей.

пустяки. Водители, естественно, берут с собой продуктов и воды с запасом. И все же застревать противно: сидишь без дела и только думаешь.

Джоан улыбнулась.

— А может, и ничего для разнообразия. Ведь обычно времени отдохнуть не остается. Мне часто хотелось выкроить хоть недельку, чтобы можно было совсем ничего не делать.

— Но разве ты не можешь себе это позволить когда захочешь?

— Ни в коем случае, моя милая. У меня полным-полно обязанностей. Секретарь общества садоводов, член попечительского совета нашей местной больницы. Еще Институт директоров¹ и скауты. К тому же я активно занимаюсь политикой. Кроме того, на мне дом, и мы с Родни устраиваем приемы у себя и часто бываем в гостях. Я всегда считала, что юристу необходим широкий круг общения. Я обожаю наш сад, и мне нравится делать там многое своими руками. Можешь себе представить, Бланш, что за целый день я с трудом выкраиваю буквально пятнадцать минут перед обедом, чтобы присесть и передохнуть? А успеть почитать — и вовсе проблема.

— Но ты, судя по всему, отлично справляешься, — промолвила Бланш, поглядывая на гладкое лицо подруги.

— По-моему, лучше уставать от работы, чем томиться от скуки! Ну а здоровье меня никогда не подводило. Вот за это я в самом деле благодарна судьбе. Но все-таки, было бы чудесно денек-другой побездельничать и подумать.

— Интересно, — сказала Бланш, — о чем бы ты думала?

Джоан рассмеялась. Смех у нее был приятный, переливчатый, но не резкий.

— Подумать всегда есть о чем, разве не так? — спросила она.

— Например, о собственных грехах, — с ухмылкой заметила Бланш.

— Верно, — согласилась Джоан мирно, хотя и без удовольствия.

— Но ведь у тебя это не отнимет много времени! — Поглядев на Джоан в упор, Бланш решительно продолжала: — Тебе придется быстро перейти к добродетелям! К

¹ Институт директоров — одна из крупнейших организаций английских деловых кругов, основанная в 1903 году. Ее члены — директора фирм, юристы, маклеры и т.п.

благородным совершенствам, коими полна твоя жизнь. Да, не представляю... Наверное, чертовски скучно. Так мне кажется. Любопытно,— она помедлила,— если день за днем тебе будет не о чем думать, кроме себя самой, узнаешь ли ты что-то новое?..

Джоан смотрела на нее с недоумением и даже немного растерянно.

— А разве можно узнать о себе то, чего не знал раньше?

— По-моему, можно...— медленно проговорила Бланш. Ее вдруг передернуло.— Правда, мне бы не хотелось пробовать.

— Конечно,— сказала Джоан,— некоторые люди склонны к созерцательности. Но только не я. Мистика слишком трудна для восприятия. Боюсь, подобные глубины не для меня. Я всегда думала, что это как-то слишком, если ты понимаешь, о чем я.

— Ну, разумеется, куда спокойнее ограничиться самой короткой из всех молитв,— заметила Бланш. И в ответ на вопросительный взгляд Джоан, выпалила: — «Боже, будь милостив ко мне, грешнику»¹. Годится практически на все случаи жизни.

Джоан была немного озадачена.

— Да,— согласилась она.— В общем-то годится.

Бланш расхохоталась.

— Но дело в том, Джоан, что ты-то — не грешница. И потому — эта молитва не для тебя! Вот у меня грехов — хоть отбавляй. Иногда мне кажется, я никогда не перестану поступать так, как не следует поступать.

Джоан молчала: она не знала, что сказать.

Бланш продолжала уже добродушнее:

— А куда деваться, если мир так устроен. Мы уходим, вместо того чтобы остаться, беремся за дело, которое нам не по плечу, бывают минуты, когда жизнь до того прекрасна, что в это почти невозможно поверить, и тут же следом на тебя обрушивается уйма бед и страданий! Если все хорошо, ты думаешь, что так будет всегда, а так не бывает, если плохо, тебе кажется, что невзгодам не будет конца и ты никогда уже не расправишь плечи и не вздохнешь полной грудью. Такова жизнь, ты согласна?

Все услышанное настолько расходилось со сложившимся у Джоан представлением о жизни и с самой ее жизнью, что она не нашла, что ответить.

¹ Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 13. Притча о фарисее и мытаре.

Бланш без всяких церемоний встала.

— Ты совсем спишь, Джоан. Да и я тоже. А подниматься нам обеим чуть свет. Рада была повидать тебя.

Женщины постояли еще минуту, обменялись рукопожатиями. И вдруг Бланш, немного смущаясь, с какой-то грубоватой нежностью произнесла скороговоркой:

— Не волнуйся о своей Барбаре, у нее все будет хорошо. Знаешь, Билл Рэй — парень порядочный, ну и потом ребенок и все прочее. Она еще просто совсем молоденькая, а от здешней жизни... как бы тебе это объяснить... у девушек иногда голова идет кругом.

Джоан ничего не поняла, но удивилась ужасно.

— Не могу понять, о чем ты,— сказала она решительно.

Бланш молча с восхищением смотрела на нее.

— Старое доброе школьное лицемерие. Никогда ничего не замечать! Ты и в самом деле несколько не изменилась, Джоан. Кстати, я ведь должна тебе двадцать пять фунтов. Только сейчас вспомнила.

— Ой, перестань.

— Не пугайся. — Бланш рассмеялась. — Припоминаю, я хотела когда-то вернуть тебе долг, но, вообще-то говоря, тот, кто дает денег взаймы, обычно знает, что не получит назад. Так что я не слишком беспокоилась. Ты повела себя как верная подруга, Джоан — эти деньги пришли кстати.

— Кому-то из детей необходима была операция, если не ошибаюсь?

— Так думали доктора. Но все обошлось. Поэтому часть мы прокутили, а на оставшееся купили Тому бюро с откидной крышкой. Он давно его заприметил.

Взволнованная внезапно нахлынувшими воспоминаниями, Джоан спросила:

— А Том в конце концов написал книгу о Уоррене Хастингсе?

— Забавно, что ты помнишь! — Бланш заулыбалась. — А как же, написал, сто двадцать тысяч слов.

— И ее напечатали?

— Конечно нет! И тогда Том взялся за жизнеописание Бенджамина Франклина¹. Это получилось у него еще хуже. Станный вкус, правда? Я хочу сказать — такие скучные личности. Если бы я решила написать о чьей-нибудь жиз-

¹ Франклин Бенджамин (1706—1790) — американский политический деятель, ученый-физик, писатель.

ни, то выбрала бы, скажем, Клеопатру¹ — как-никак пыльная дама, или известного распутника Казанову². Но все мы руководствуемся разными соображениями. Том снова потом нашел работу, правда, похуже прежней. Но я все равно рада, что он осуществил задуманное. По-моему, чрезвычайно важно, когда люди занимаются тем, что им по-настоящему нравится.

— Зависит от обстоятельств, — возразила Джоан. — Приходится со многим считаться.

— Но разве ты не занималась чем хотела?

— Я? — Джоан опешила.

— Да, ты, — подтвердила Бланш. — Ты хотела выйти за Родни Скюдмора, так? Ты хотела иметь детей и уютный дом? — Рассмеявшись, она добавила: — И прожить счастливо до конца дней своих. Аминь.

Джоан тоже рассмеялась, почувствовав облегчение от того, что разговор снова стал непринужденней.

— Хватит тебе. Мне здорово повезло, я знаю, — согласилась она, а потом, испугавшись, что допустила бестактность по отношению к неудачливой, хлебнувшей горя Бланш, закончила: — Мне и в самом деле пора. Спокойной тебе ночи, я безумно рада, что мы повидались.

С чувством стиснув руку Бланш (неужели Бланш ждала, что она ее поцелует? Разумеется, нет), Джоан легко взбежала вверх по лестнице к себе в комнату.

«Бедная Бланш, — сокрушалась она, раздеваясь, аккуратно складывая и развешивая одежду и доставая пару чистых чулок на завтра, — бедная. Такая трагическая судьба».

Скользнув в пижаму, она принялась расчесывать волосы.

«Бедная Бланш. Так ужасно выглядит, совсем опустилась».

Джоан приготовилась ко сну, но медлила, стоя в нерешительности возле кровати.

Конечно, повторять молитвы каждый вечер совсем не обязательно. Откровенно говоря, много воды утекло с тех пор, как она вообще молилась. Да и в церковь заходит не слишком часто.

¹ Клеопатра (69—30 гг. до н.э.) — последняя царица Египта из династии Птолемея.

² Казанова Джакомо (1725—1798) — итальянский авантюрист, автор «Мемуаров», в которых дана яркая картина жизни Европы накануне Великой французской революции и разложения дворянства.

Но она, без всякого сомнения, верит.

И тут она внезапно испытала совершенно необъяснимое желание преклонить колени возле этой весьма неудобной с виду кровати (с отвратительным хлопчатобумажным бельем, слава богу, у нее с собой собственная мягкая подушка) и помолиться честь по чести, как в детстве.

Это желание смутило ее, привело в замешательство.

Торопливо нырнув в постель, она натянула на себя одеяло. Затем взяла с маленького прикроватного столика приготовленную заранее книгу — «Воспоминания леди Кэтрин Дайсет» — на редкость интересное, очень живое описание викторианской эпохи в период ее расцвета.

Прочтя строчку-другую, Джоан поняла, что никак не может сосредоточиться.

Я слишком устала, решила она.

Отложив книгу, она погасила свет. И снова ей захотелось помолиться. Почему это Бланш сказала, да притом еще как-то оскорбительно: «Эта молитва не для тебя». Что, в самом деле, она имела в виду?

Джоан быстро сочинила в уме молитву¹, состоявшую из отдельных, не связанных между собой слов:

«Господи — спасибо Тебе — несчастная Бланш — спасибо Тебе, что я не такая — огромная Тебе благодарность — и все мои молитвы — за то, что я совсем не такая, как бедная Бланш¹ — бедная Бланш — просто ужасно. Она сама, конечно, виновата — ужасно — просто кошмар — я другая — бедная Бланш...»

Джоан заснула.

Глава 2

Наутро, когда Джоан Скьюдмор уезжала из гостиницы, моросил дождик, приятный ласковый дождик — редкость в этих краях.

Оказалось, что из всех пассажиров одна Джоан едет на запад — случай довольно необычный, поскольку машины в это время года ходили нечасто. Большой конвой отбыл в прошлую пятницу.

В стареньком туристическом автомобиле Джоан поджидали водитель-европеец и его сменщик, здешний уро-

¹ Эта молитва весьма напоминает молитву фарисея из библейской притчи о фарисее и мытаре — Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 11.

женец. Хозяин гостиницы поднялся на рассвете, чтобы проводить ее, и сперва, стоя на ступеньках, покрикивал на арабов, пока те укладывали багаж, следуя его указаниям, а затем пожелал мадемуазель — так он обращался ко всем приезжим дамам — удачного и приятного путешествия. Поклонившись с изысканной любезностью, он протянул Джоан небольшую картонную коробочку с завтраком.

— Пока, Сатан, увидимся завтра вечером или на следующей неделе. Вообще-то, похоже, на следующей неделе! — бодро прокричал водитель.

Машина тронулась и покатила по извилистым улочкам восточного города, с неожиданными для него причудливыми кварталами западной застройки. Рожок сигналил, ослы шарахались в сторону, дети кидались врассыпную. Через западные ворота они выскочили на широкую дорогу, вымощенную неровно, зато так основательно, что, казалось, она тянется отсюда до самого края света.

Однако километра через два мощеная дорога, внезапно оборвавшись, уступила место наезженной колее.

Джоан знала, что в хорошую погоду путь до Тель-Абу-Хамида, в то время конечной станции турецкой железной дороги, занимал часов семь. Поезд из Стамбула¹ прибывал утром и отправлялся назад в восемь тридцать вечера. В Тель-Абу-Хамиде имелась совсем маленькая гостиница для пассажиров, где можно было перекусить. Конвой, двигавшийся к востоку, должен был встретиться им где-то на полпути.

Ехать стало трудней. Машина дергалась и подпрыгивала, и Джоан подбрасывало на сиденье.

Водитель крикнул из-за плеча, что, он надеется, она не слишком измучается. Этот участок дороги — ухабистый, но им лучше поторопиться, потому что самое неприятное — застрять на переправах через два вад.

Он то и дело с беспокойством поглядывал на небо. Дождь усилился, машину время от времени заносило, она раскачивалась из стороны в сторону, и Джоан почувствовала, что ее немного мутит.

К первому вад они подъехали около одиннадцати. В нем была вода, но им удалось переправиться и, чуть побуксовав на высоком противоположном берегу, благополучно двинуться дальше.

¹ Стамбул (старое название Константинополь) — город в европейской части Турции на проливе Босфор.

Проехав еще километра два, они засели в вязкой грязи.

Джоан, накинув макинтош, вышла, достала коробку с завтраком, поела и, прохаживаясь туда-сюда, наблюдала, как работают мужчины: копают лопатами, подставляют домкрат, укладывают под колеса взятые с собой доски. Оба они чертыхались и кряхтели, колеса между тем крутились вхолостую.

Джоан задача показалась невыполнимой, но водитель заверил ее, что это место далеко не самое безнадежное. Наконец, внезапно перестав буксовать, колеса заскрежатали, и машина, дернувшись, выскочила на твердую землю.

Чуть дальше им навстречу попались две машины. Сделав остановку, трое водителей провели консультацию, обменявшись советами.

В машинах сидели женщина с ребенком, молодой французский офицер, пожилой армянин и два англичанина, по виду — коммерсанты.

Вскоре они двинулись дальше. Еще два раза застряли, и трудную работу с помощью домкрата и лопат пришлось повторить.

Преодолеть второй ваді оказалось сложнее. Подъехали они в сумерках, и вода здесь бежала стремительно.

— А поезд не уйдет? — с беспокойством спросила Джоан

— Они могут немного подождать. Обычно час оставляют в запасе. Час можно нагнать в пути, но позже девяти тридцати поезд задерживать не станут. Дальше дорога полнее. Другая почва — открытая местность, пустыня.

Они замучились окончательно, переправляясь через ваді.

Другой берег успел здорово раскиснуть. Машина выбралась на твердую землю, когда совсем стемнело. Ехать стало полегче, но до Тель-Абу-Хамида они добрались в четверть одиннадцатого, и поезд на Стамбул уже отошел.

Джоан была до того огорчена, что ничего кругом не замечала.

Она приплелась в обставленный колченогими столами обеденный зал гостиницы, но есть не захотела, а заказала себе только чаю. Затем, сразу пройдя в тускло освещенную неудобную комнату с тремя железными кроватями и достав лишь самое необходимое, повалилась на одну из них и заснула как убитая.

Наутро она проснулась, посвежевшая, с ясной головой. Сев на кровати, посмотрела на часы. Было половина

десятого. Джоан встала, оделась и отправилась в обеденный зал. Появился индус в искусно повязанном тюрбане, и она заказала завтрак. Затем подошла к двери и выглянула наружу.

Усмехнувшись, она сказала себе, что и в самом деле забралась на край света. На обратную дорогу, решила она, времени уйдет примерно в два раза больше.

Добираясь из дома в Багдад, Джоан летела туда через Каир. Так что этот путь был для нее новым. Вообще-то дорога из Лондона в Багдад занимала семь дней — три дня поездом из Лондона до Стамбула, потом еще два до Алеппо¹, ночь до конечной станции турецкой железной дороги в Тель-Абу-Хамиде, дальше день на машине, ночь в гостинице, снова машиной до Киркука² и опять поездом до Багдада.

Утром ничто не напоминало о дожде. Небо голубое и ясное, и все вокруг успело покрыться золотисто-коричневой песчаной пылью. Двор гостиницы огораживала колючая проволока, за ней — куча пустых жестянок и место, где, громко квохча, бегали тощие куры. Мухи тучами садились на недавно вскрытые жестянки из-под съестного. Что-то напоминавшее ворох грязных лохмотьев внезапно поднялось и оказалось маленьким арабом.

На некотором расстоянии, за еще одной изгородью из колючей проволоки, маячило приземистое здание, наверняка железнодорожная станция, а рядом с ней, как показалось Джоан, был не то артезианский колодец, не то большой резервуар для воды. На севере, возле самого горизонта, виднелись неясные очертания холмов.

И больше ничего. Ни построек, ни домов, ни растений, ни людей.

Станция, железнодорожное полотно, несколько кур, избыток колючей проволоки — и все.

Джоан решила, что это забавно. Застрять в таком необычном месте.

Появился индус и сказал, что завтрак для мемсаиб³ готов.

Джоан вернулась в дом. Характерная для здешних го-

¹ Алеппо — город в Сирии, конечная точка железной дороги, идущей через Таврские горы к Стамбулу

² Киркук — город на северо-востоке Ирака

³ Мемсаиб (англ, инд) — госпожа, обращение к европейской замужней женщине

стиниц обстановка — полумрак, запах бараньего жира и парафина — показалась ей знакомой почти до отвращения.

Ей подали кофе и молоко (консервированное молоко), целое блюдо с яичницей, несколько жестких круглых ломтиков подсушенного хлеба, блюдце с джемом и довольно сомнительного вида распаренный чернослив.

Джоан поела с аппетитом. Вскоре появился индус и осведомился, в котором часу мемсаиб желает, чтобы ей подали ленч.

Джоан попросила, чтобы не поздно, и они условились, что в час тридцать будет в самый раз.

Поезда, как ей было известно, ходили три раза в неделю: в понедельник, в среду и в пятницу. Сейчас утро вторника, значит, до завтрашнего вечера она никак не сможет уехать. Она решила уточнить у индуса.

— Правильно, мемсаиб. Поезд уходить вчера. Очень не повезти. Дорога плохая. Дождь ночью сильный. Значит, машины не ходят отсюда в Мосул¹ и обратно несколько дней.

— А поезда?

— О да, поезд приходит, как положено, завтра утром. А вечером отправляться назад.

Джоан кивнула. Она спросила о той машине, на которой приехала.

— Уезжать сегодня рано утром. Водитель думал добраться. Но, по-моему, нет. Наверное, застревать день-два.

Джоан равнодушно подумала, что, скорей всего, водитель застрянет.

Индус продолжал ее информировать:

— Вот это станция, мемсаиб, вон там.

Джоан сказала, что она почему-то именно так и подумала.

— Турецкая станция. Станция в Турции. Железная дорога турецкая. За проволокой, мемсаиб понимать. Проволока — это граница.

Джоан почтительно взглянула на границу и подумала, что границы все же выглядят как-то необычно.

— Ленч точно в час тридцать,— бодро пообещал индус и отправился в гостиницу.

Через минуту-другую Джоан услышала, как он бранит кого-то высоким злым голосом. Отвечали ему два голоса.

¹ Мосул — город на северо-востоке Ирака.

Взволнованная отрывистая арабская речь разнеслась по всему дому.

Джоан подумала, что почему-то часто индусы вроде этого служат управляющими гостиниц. Возможно, им знакомы привычки европейцев. Впрочем, какая разница?

Чем же ей заняться с утра? Она могла бы продолжить чтение занимательнейших «Воспоминаний леди Кэтрин Дайсет». Или написать кое-какие письма. Отправить их можно будет по приезду в Алеппо. У нее был с собой блокнот и несколько конвертов. Джоан медлила, стоя на крыльце. Внутри было так темно и так неприятно пахло. Не лучше ли ей прогуляться?

Она захватила с собой свою толстую двойную фетровую шляпу — не то чтобы солнце было опасным в это время года, но все же лучше соблюдать осторожность. Надела темные очки и опустила в сумку блокнот и вечную ручку.

На всякий случай, чтобы избежать международных осложнений, которые вполне могли возникнуть в случае пересечения границы, Джоан зашагала мимо свалки в противоположную сторону от станции.

Она шла и думала о том, как странно идти вот так... н и к у д а.

Это была новая и очень любопытная мысль. Если идешь по дюнам, по вересковой пустоши, по берегу, по дороге, то у тебя обязательно есть перед глазами какая-то цель. Вон тот холм, та куща деревьев, эти заросли вереска, луг перед фермой, главная дорога к соседнему городку, кромка воды, которая тянется до следующей бухты.

Здесь же она шла от куда, а не куда. От гостиницы, вот и все. Справа, слева и впереди лишь пустой темно-коричневый горизонт.

Джоан прошла еще немного вперед, не слишком быстро. Воздух был приятный. Жарко, но не слишком. Термометр, подумала она, скорее всего показывал бы семьдесят¹. К тому же дул легкий, совсем легкий ветерок.

Она шла минут десять и только потом обернулась.

Издали и сама гостиница, и ее убогие окрестности выглядели куда приличней. Отсюда все казалось даже симпатичным. Видневшаяся за гостиницей станция напоминала маленькую каменную пирамиду.

¹ Температура указана по шкале Фаренгейта, принятой на Западе, по принятой в России шкале Цельсия это составляет 21 градус тепла.

Джоан улыбнулась и пошла дальше. Воздух и в самом деле был восхитительный! Чистый, свежий. Никаких запахов, никаких следов человека и цивилизации. Солнце, небо, песок — и больше ничего. Все это даже немного пьянило. Джоан старалась дышать полной грудью. Она наслаждалась. Настоящее приключение! Такая желанная перемена в ее однообразном существовании. Она уже радовалась, что опоздала на поезд. Двадцать четыре часа полнейшей тишины и покоя пойдут ей на пользу. У нее нет необходимости возвращаться срочно. Из Стамбула она телеграфирует Родни и объяснит ему причину задержки.

Славный верный Родни! Интересно, что он сейчас делает? Впрочем, она знает. Сидит в своей фирме «Олдермен, Скьюдмор и Уитни», у него отличный кабинет на первом этаже, окнами на Маркет-сквер. Родни перебрался туда после смерти старого мистера Уитни. Ему нравилась эта комната — она вспомнила, как однажды заглянула к нему по делу и увидела, что он стоит у окна, смотрит на рынок (был базарный день) и на стадо, которое туда пригнали. «Чудесный молодняк», — заметил он. (А может, и не молодняк, Джоан плохо разбиралась в сельскохозяйственных вопросах, но что-то в этом роде.) А она сказала: «Да, насчет нового отопительного котла — по-моему, Гэлбrait просит слишком дорого. Не узнать ли мне у Чэмберлена?»

Джоан до сих пор помнила, как медленно повернулся к ней Родни, как он снял очки, потер глаза и посмотрел на нее отсутствующим взглядом, словно вообще не видел, и как он переспросил: «Котла?» — будто речь шла о некоем сложном, малознакомом предмете, о котором он слыхом не слыхивал, а затем добавил, причем совершенно невпопад: «Кажется, Ходдесдон продает своего молодого бычка. Значит, ему нужны деньги».

Джоан подумала тогда, что со стороны Родни очень трогательно интересоваться старым Ходдесдоном с фермы Лоуэр-Мид. Бедный старик, все знали, что дела его плохи. Но ей хотелось, чтобы муж повнимательней выслушал ее. Ведь, в конце-то концов, люди ждут от юристов внимания и отзывчивости, а если Родни станет смотреть так же рассеянно на клиентов, как сейчас на нее, это будет производить дурное впечатление.

Поэтому она сказала нетерпеливо, хотя и без раздражения:

— Перестань витать в облаках, Родни. Я говорю о котле для центрального отопления.

И Родни ответил, что она, конечно, может справиться в другом месте, но цены всюду высокие, и им следует принять решение в принципе. А затем он покосился на кипы бумаг у себя на столе, и Джоан сказала, что не хочет отнимать у него время, — она видит, у него очень много работы.

Работы у него и впрямь неуправляемый, согласился Родни, а время он, увы, потерял, любуясь рынком.

— Потому мне и нравится эта комната, — объяснил он. — Я всю неделю жду пятницы. А теперь прислушайся.

Он поднял руку, и Джоан слышала мычание и бляение — нестройные и ничуть не приятные для уха звуки, которые издавали коровы и овцы и которые, как это ни смешно, явно нравились Родни. Он стоял, чуть склонив голову набок, и улыбался...

Впрочем, сегодня не базарный день. Родни сидит за своим столом, и ничто его не отвлекает. А ее опасения насчет того, что клиенты сочтут его невнимательным, оказались совершенно напрасными. Он сейчас лучший адвокат фирмы. Пользуется всеобщей любовью, а что может быть важнее для сельского законника?

«Но если бы не я, — подумала Джоан с гордостью, — он бы все бросил!»

Мысли ее вернулись к тому дню, когда Родни рассказал ей о предложении своего дяди.

Семья издавна владела респектабельной юридической фирмой, и, само собой разумеется, предполагалось, что Родни, сдав экзамены, будет ее сотрудником. Но предложение дядюшки Гарри стать партнером, причем на исключительно выгодных условиях, было, можно сказать, редким, непредвиденным везеньем.

Джоан была на небесах от счастья, она тепло поздравила Родни, но вдруг заметила, что он не разделяет ее чувств. Он ни с того ни с сего произнес совершенно немыслимые слова: «Если я приму предложение...»

— Ой, Родни! — воскликнула Джоан разочарованно.

Она ясно помнила, каким бледным и огорченным сделалось его лицо, когда он повернулся к ней. Она не подозревала до той минуты, что Родни такой нервный. Его руки, державшие брикет торфа, дрожали. Темные глаза смотрели умоляюще.

— Я ненавижу кабинетную работу,— сказал он,— ненавижу!

Джоан поспешила выказать сочувствие.

— Я знаю, дорогой. Это безумно скучная и однообразная работа, сплошная рутина, совсем не интересно. Но ведь быть партнером — другое дело,— я хочу сказать, тебе будет не безразлично.

— Контракты, лицензии, дома с пристройками и участками, сделки, «в случае, при условии, как указано...» — бубнил он бессвязные слова из юридического лексикона: на губах улыбка, а в печальных глазах — мольба, мольба, обращенная к ней. А она так любила Родни!

— Но ведь было заранее известно, что ты будешь работать на фирме.

— Я знаю, знаю. Но мог ли я предвидеть, что возненавижу все это до такой степени?

— Но... я не понимаю... что тогда... чем бы ты хотел заниматься?

Тут Родни заговорил охотно, речь его полилась свободно:

— Я хотел бы стать фермером. Литтл-Мид выставлена на продажу. Ферма в запущенном состоянии, Харли не занимался ею, но именно поэтому она дешево стоит, а земля там отличная, понимаешь...

И он продолжал в том же духе, строя планы, касаясь, к изумлению Джоан, подробностей и рассуждая о том, в чем она совершенно не разбиралась: о пшенице и ячмене, о яровых и озимых, о выведении коров молочных пород.

В ответ она только проговорила упавшим голосом:

— Литтл-Мид... но это же возле самого Эшлдауна, в такой глуши...

— Там хорошая земля, Джоан... и это стоящее дело...

Родни снова принялся ее убеждать. Джоан и не подозревала, что он способен так загореться, говорить так много и так убежденно...

— Но, милый, сможешь ли ты зарабатывать этим на жизнь? — с сомнением спросила она.

— На жизнь? О да, уж на жизнь-то я наверняка заработаю.

— Но все в один голос твердят, что фермерство не приносит дохода.

— Обычно не приносит. Но кому-то везет, кто-то вкладывает в хозяйство солидный капитал.

— Да, но видишь ли... я хочу сказать, это недалеко.

— Ты ошибаешься, Джоан. Не забывай, что у меня есть кое-какие деньги, и если ферма окупит себя и даст небольшой доход, мы не пропадем. Ты только представь себе, до чего восхитительная у нас будет жизнь! Это же грандиозно — жить в деревне!

— По-моему, ты не представляешь себе, что это такое.

— Еще как представляю! Ты разве не знаешь, что мой дед со стороны матери был крупным фермером в Девоншире?¹ Детьми мы проводили там каникулы. Я никогда в жизни не был счастливее.

«Верно говорят, что мужчины — сущие дети...» — подумала Джоан.

— Ведь жизнь — не каникулы, — заметила она осторожно. — Нам надо думать о будущем, Родни. У нас есть Тони. — Тони тогда было одиннадцать месяцев. — И могут быть еще дети.

Родни окинул ее быстрым вопросительным взглядом, а она улыбнулась и кивнула.

— Ну так тем более, Джоан, почему же ты не согласна? Что может быть лучше для детей, чем ферма? Самое здоровое место. Там они будут есть свежие яйца и пить парное молоко, бегать где хотят и учиться ухаживать за животными.

— Но, Родни, есть еще столько всего, что нельзя не принимать в расчет. Дети должны учиться. Учиться в хорошей школе. А это дорого. Их надо обувать, одевать, следить за их зубами, водить к доктору. И друзья у них должны быть подходящие. Ты не можешь делать только то, что нравится тебе... Не имеешь права забывать о детях, раз дал им жизнь. В конце концов, у тебя есть перед ними обязательства.

— Они будут счастливы... — повторил Родни упрямо, но на этот раз в его голосе послышалось сомнение.

— Это недалеко, Родни, на самом деле. Послушай, ведь, работая на фирме, ты, возможно, будешь когда-нибудь получать две тысячи фунтов в год.

— Думаю, без особого труда. У дядя Генри доход больше.

— Ну вот! Видишь! Ты не можешь отказаться. Это было бы безумием.

¹ Девоншир — графство на юго-западе Англии.

Джоан говорила так уверенно, так убежденно. Тут она сумела остаться непреклонной. Ей пришлось думать за двоих. Если Родни сам не видит, что для него лучше, она обязана взять ответственность на себя. Эта затея с фермой до того трогательна, до того нелепа и неожиданна. Он просто ребенок. Джоан чувствовала себя сильной, ответственной и взрослой.

— Ты только не подумай, что я не понимаю и не поддерживаю тебя, Родни, — объяснила она. — Это не так. Но просто все, о чем ты говорил, совершенно нереально.

Не дав ей продолжить, Родни заметил, что фермерство — дело вполне реальное.

— Да, но в других обстоятельствах. Не в наших. Для тебя открыта дверь в процветающий семейный бизнес, к тому же дядя сделал тебе такое щедрое предложение...

— Знаю. Куда более щедрое, чем я мог надеяться.

— Поэтому ты и не должен, ни в коем случае не должен отказываться! Иначе не простишь себе всю жизнь. Будешь чувствовать себя виноватым.

— Ненавижу контору! — буркнул Родни.

— О Родни, ты преувеличиваешь.

— Нисколько. Я просидел там уже целых пять лет, не забывая. Мне ли не знать, что я ощущаю.

— Ты привыкнешь. И потом, все теперь будет иначе. Быть партнером — совсем другое. Ты наверняка почувствуешь больший вкус к работе и интерес к людям, с которыми будешь иметь дело. Вот увидишь, Родни, ты будешь очень счастлив.

И тут Родни посмотрел на нее — посмотрел долгим и печальным взглядом. В этом взгляде была и любовь, и отчаяние, и что-то еще — быть может, последний робкий проблеск надежды...

— Откуда ты знаешь, что я буду счастлив? — спросил он.

И Джоан ответила бодро и жизнерадостно:

— Я совершенно в этом убеждена. Увидишь.

И кивнула весело и решительно.

— Ну хорошо. Пусть будет по-твоему, — согласился с ней Родни, вздохнув.

Да, вспоминала Джоан, они тогда с трудом избежали опасности. Как повезло Родни, что она проявила стойкость и не позволила ему загубить карьеру ради минутной прихоти! Если бы не женщины, решила она, у мужчин бы

вся жизнь шла кувырком. Женщины уравновешенны, обладают чувством реальности...

Да, Родни повезло, что у него есть она.

Джоан взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Не стоит уходить слишком далеко, тем более (она усмехнулась) идти ей совершенно некуда.

Она обернулась. Как ни странно, гостиница почти исчезла из виду. Практически слилась с окружавшим ее пейзажем, стала почти незаметной. Надо быть осторожней и не заходить слишком далеко, сказала себе Джоан. Есть риск заблудиться.

Глупая мысль. Впрочем, может, и не такая глупая. Вон те холмы вдаль, что сейчас еле видны, совсем слились с облаками. Станция и вовсе исчезла.

Джоан с удовольствием огляделась. Ничего. Никого.

Она изящно опустилась на землю. Открыв сумочку, достала блокнот и вечную ручку. Надо написать несколько писем. Будет любопытно передать свои ощущения.

Кому бы ей написать? Лайонел Уэст? Джанет Эннесмор? Дороти? Пожалуй, все-таки Джанет.

Она сняла колпачок с ручки. И стала писать разборчивым ровным почерком:

Милая моя Джанет!

Тебе ни за что не угадать, где я пишу это письмо! Посреди пустыни. Я оказалась здесь, потому что дожидаясь поезда — поезда здесь проходят три раза в неделю. Тут есть только гостиница, которую содержит индус, куры, двое странного вида арабов и я. Не с кем поговорить и нечем заняться. Ты себе не представляешь, до чего мне это нравится.

Воздух в пустыне потрясающий — неправдоподобно свежий. И тишина — ее необходимо ощутить, чтобы понять, что это такое. У меня такое чувство, что впервые за много лет я вслушиваюсь в собственные мысли! Обычно ведь приходится постоянно жить такой напряженной жизнью, вечно хвататься то за одно, то за другое. Конечно, с этим ничего не поделаешь, но следует выкраивать время и иногда прерываться, чтобы поразмышлять и восстановить силы.

Я здесь всего-то полдня, но уже чувствую себя неизмеримо лучше. Я одна. Я и сама не представляла, до чего мне хотелось побыть вдали от людей. Нервы успокаиваются, когда знаешь, что на сотни миль вокруг нет ничего, кроме песка и солнца...

Перо Джоан плавно скользило по бумаге.

Глава 3

Джоан бросила писать и взглянула на часы.

Четверть двенадцатого.

Она настрочила три письма, и в ручке закончились чернила. К тому же оказалось, что и странички в блокноте почти на исходе. Вот незадача! Она бы вполне могла еще многим написать.

Впрочем, подумала она, когда пишешь долго, становишься однообразной... Солнце, и песок, и до чего прекрасно, когда есть время для отдыха и раздумий! Все чистая правда, однако попытки изложить одни и те же факты каждый раз по-другому утомляют...

Джоан зевнула. Ее разморило на солнце. После ленча она ляжет в постель и вздремнет.

Поднявшись, она направилась к гостинице.

Ей стало любопытно, чем занимается сейчас Бланш. Она должна быть уже в Багдаде, с мужем. Этот муж, наверное, просто чудовище. Бедная Бланш — взяла и сама превратила свою жизнь в кошмар. Если бы не тот красавчик-ветеринар Гарри Мартсон, если бы Бланш встретила какого-нибудь приличного человека вроде Родни... Бланш и сама признала, что Родни очень славный.

Да, но Бланш сказала и кое-что еще. Что именно? Что-то насчет того, что у Родни глазки горят. Такое неприличное выражение, к тому же полнейшая чепуха! Полнейшая! Родни никогда — ни разу...

И опять у нее в голове промелькнула та же мысль, только утратившая теперь стремительность змеи.

Дочка Рэндолфов...

В самом деле, почему это я то и дело вспоминаю о дочке Рэндолфов, с досадой подумала Джоан, невольно ускоряя шаг, словно надеялась обогнать непрошенные мысли...

Я же понимаю, что это ерунда...

Полнейшая ерунда...

Просто Мирна Рэндолф была девицей определенного типа. Крупная, темноволосая, видная. И если кому-то из мужчин случалось ей приглянуться, то она не стыдилась довести этот факт до всеобщего сведения.

Говоря попросту, она вцепилась в Родни мертвой хваткой. Без устали восторгалась им. Всегда требовала, чтобы именно он был ее партнером по теннису. И даже взяла себе в привычку пожирать его глазами на вечеринках.

Естественно, Родни это подкупало. Как и любого мужчину на его месте. Собственно говоря, было бы странно, если бы ему не льстило и не доставляло удовольствия внимание девушки, которая была гораздо моложе его и к тому же слыла одной из первейших красавиц в их городке.

«Если бы я не повела себя тогда разумно и тактично...» — думала Джоан.

Вспоминая о проявленной ею тогда выдержке, она даже немного гордилась собой. Ей вовремя удалось овладеть ситуацией, в самом деле вовремя. И почти незаметно.

— Твоя подруга пришла, Родни. Не заставляй же ее ждать... Конечно, Мирна Рэндолф... Ну да, она, дорогой... Она, кажется, ведет себя иногда довольно странно...

— Я не хочу играть с ней в паре. Пусть сыграет в другом сете, — ворчал Родни.

— Нельзя быть таким нелюбезным, Родни. Ты должен уступить ей.

Именно так и следовало относиться к случившемуся: легко, играючи. Ясно показывать, что ей понятно, насколько все это несерьезно...

Родни, хотя и ворчал, и притворялся раздосадованным, был доволен. Мирна Рэндолф относилась к тому типу женщин, который все без исключения мужчины находят привлекательным. Она любила капризничать и держала своих обожателей на крючке: то надерзит им, то опять строит глазки.

«В самом деле, отвратительная девица, — решила Джоан, как ни странно, чувствуя, что возмущена. — Старалась изо всех сил поломать мой брак».

Нет, Родни она не винила. Виновата была эта вертихвостка. Мужчины так легко увлекаются. А Родни к тому времени был женат... сколько... лет десять? Одиннадцать? В романах десять лет обычно называют опасным рубежом в супружеской жизни. Периодом, когда кто-то из двоих может сбиться с пути. Временем, которое надо прожить осторожно, пока все не устоится и не войдет в нужную колею.

Как у них с Родни...

Нет, она не винит мужа, не винит даже за тот поцелуй, свидетельницей которого стала невольно.

Прямо под омелой!¹

¹ Омела — вечнозеленый кустарник, традиционное рождественское украшение. Согласно старинному обычаю того, кто станет на Рождество под омелой, имеет право поцеловать каждый.

Именно об этом имела наглость упомянуть Мирна, когда Джоан вошла в кабинет.

...Мы обновили омелу, миссис Скьюдмор. Надеюсь, вы не против?

Да, вспоминала Джоан, я взяла себя в руки и даже виду не подала.

— А ну-ка, Мирна, отдай мне моего мужа! А себе найди ухажера помоложе!

И она со смехом выпроводила ее из комнаты. Обратив все в шутку.

И тогда Родни попросил:

— Прости меня, Джоан. Она привлекательная девчонка, к тому же сейчас Рождество.

Он стоял, улыбался ей, просил прощения, но не выглядел ни смущенным, ни расстроенным. Это означало, что дело не зашло слишком далеко.

И не должно зайти! Она так решила. И сделала все, что от нее зависело, чтобы дорожки Родни и Мирны разошлись. А на следующую Пасху Мирна обручилась с сыном Арлингтонов.

На том вся история и закончилась. Возможно, она внесла некоторое разнообразие в жизнь Родни. Бедняга вполне это заслужил. Он так много работал.

Десять лет — да, то было опасное время. Даже ею — она помнит — и то овладело какое-то беспокойство...

Тот неотесанный молодой человек, художник — как же его звали? Уже и не вспомнить. Разве не была она немного им увлечена?

Джоан с улыбкой призналась себе, что была, да, была самую малость неравнодушна к нему. Он так ею восхищался — его пронзительный взгляд буквально обезоруживал. Потом он попросил Джоан попозировать ему.

Предлог, разумеется. Сделал один-два наброска углем и порвал. Не сумел, видите ли, «ухватить» суть, без чего невозможно писать на холсте.

Джоан помнила то приятное, щекочущее нервы волнение, что охватило ее тогда. «Бедный мальчик, — думала она, — боюсь, он слишком мною увлечен...»

Да, месяц был необычный...

А уж закончилось все и вовсе неожиданно. Совсем не по ее плану. В сущности, просто выяснилось, что Майкл Кэллоуэй (Кэллоуэй, да, такая была у него фамилия, конечно же!) совершенно непорядочный человек.

Они отправились вдвоем на прогулку в Хэлинг-Вудз,

насколько она помнит, по тропинке, петлявшей вдоль извилистого ручья, сбегающего вниз с вершины Эшлдауна. Художник, стесняясь, сдавленным голосом, попросил Джоан составить ему компанию.

Она уже воображала себе беседу, которая могла у них состояться. Он признается ей, вероятно, что влюблен, а она поведет себя мило, ласково, выслушает его с пониманием и с легким, почти незаметным сожалением. Она придумала несколько любезных фраз, которые собиралась произнести, фраз, которые впоследствии Майклу было бы приятно вспоминать.

Но все вышло иначе.

Совершенно иначе!

Майкл Кэллоуэй без всякого предупреждения набросился на нее и давай целовать — до того страстно и грубо, что у нее мигом перехватило дыхание, а затем отстранился и громко так, самодовольно сказал: «Господи, как мне этого хотелось!» — и стал набивать трубку, совершенно не обращая внимания на ее сердитые попреки, да попросту и не слыша их.

Потягиваясь и зевая, он лениво заметил:

— Сейчас я чувствую себя куда лучше.

Такие слова мог бы произнести мужчина, осушив в жаркий день кружку пива, думала Джоан, вспоминая ту сцену.

Домой они возвращались молча, Джоан, во всяком случае, молчала. А Майкл Кэллоуэй, судя по тем странным звукам, что он издавал, пытался запеть. Но на опушке леса, перед тем как они вышли на главную Креймистерскую дорогу, он остановился, безразлично взглянул на Джоан и сказал задумчиво:

— Знаешь, ты из тех женщин, которых надо брать силой. Тебе это пошло бы на пользу.

А затем, пока она стояла, онемев от гнева и изумления, весело добавил:

— Я бы сам с удовольствием тебя изнасиловал, чтобы посмотреть, изменишься ли ты потом хоть самую малость.

И зашагал по дороге, не пытаясь больше петь, а только жизнерадостно насвистывая.

Естественно, больше она никогда с ним не разговаривала, а через несколько дней он уехал из Крейминстера.

Станный, озадачивший и встревоживший ее случай. Не тот случай, о котором Джоан хотелось бы вспоминать. Непонятно, почему она вспомнила о нем сейчас...

Отвратительная, совершенно отвратительная история.

Надо немедленно выкинуть все это из головы. Нечего думать о неприятном, когда отдыхаешь и восстанавливаешь силы, и вокруг — только солнце и песок. Есть много всего, о чем думать приятно и что дает энергию.

Вероятно, ленч для нее уже приготовили. Джоан взглянула на часы, было только четверть первого.

Вернувшись в гостиницу, она прошла к себе в комнату и поискала в чемодане еще бумаги для писем. Бумаги не оказалось. Ну и ладно. Ничего страшного. Она устала сочинять письма. Да и писать-то особенно не о чем. Невозможно повторять все время одно и то же. Какие у нее есть книги? Леди Кэтрин, само собой. И детектив, который в последнюю минуту сунул ей Уильям. Мило с его стороны, но она равнодушна к детективам. Есть еще «Центр власти» Бакена¹. Очень старая книга. Она читала ее сто лет назад.

Ну, ничего страшного, купит еще что-нибудь на вокзале в Алеппо.

Ленч состоял из омлета (довольно-таки жесткого и пережаренного), яиц под соусом карри², лосося (консервированного), фасоли в томатном соусе и консервированного персикового компота.

Джоан подкрепились основательно. Потом пошла к себе и прилегла на кровать. Она поспала сорок пять минут, затем проснулась и читала леди Кэтрин Дайсет, пока ей не подали чай.

Выпив чаю с молоком (консервированным) и печеньем, она прогулялась и, вернувшись, дочитала леди Кэтрин Дайсет. Затем пообедала: омлет, лосось под соусом карри с рисом, фасоль в томате с яйцами и консервированные абрикосы. После чего Джоан принялась за детектив и к тому времени, когда пора было ложиться спать, закончила его.

Индуc сказал приветливо:

— Доброй ночи, мемсаиб. Поезд приходит в семь тридцать утра, но не уходит до вечера, половина девятого.

Джоан кивнула.

Ей предстоит скоротать тут еще день. У нее остался

¹ Бакен Джон (1875—1940) — английский писатель, автор более ста романов, в том числе детективных. Самая известная из его книг — «Тридцать девять ступеней» (1915).

² Карри — острая индийская приправа.

«Центр власти». Жаль, он тонкий. Внезапно она кое-что вспомнила.

— На поезде ведь придут пассажиры? Они сразу отправятся в Мосул?

Индус помотал головой.

— Завтра, я думаю, нет. Сегодня не приходит ни одной машины. Я думаю, дорога до Мосула совсем плохая. Все застряло тут на много дней.

Джоан повеселела. Завтра в гостинице появятся пассажиры, которых привезет поезд. Вот и отлично — наверняка среди них найдется кто-нибудь, с кем можно будет поболтать.

Спать она укладывалась в лучшем настроении, чем было у нее за десять минут до этого. Странная какая-то атмосфера в этом заведении, решила она, наверное, все из-за запаха прогорклого жира! Он действует угнетающе.

Проснувшись утром в восемь, Джоан встала и оделась. Стол был накрыт только для нее одной. Она позвала индуса, и тот явился.

Он был взволнован.

— Поезд не приходит, мемсаиб.

— Не пришел? Вы хотите сказать, опаздывает?

— Совсем не приходит. Очень сильный дождь лить на железной дороге — по другую сторону от Найсибина. Всю колею смыть — ни один поезд не проходить три, четыре, пять, может, шесть дней.

Джоан смотрела на него озадаченно.

— Но, в таком случае, что делать мне?

— Вы остаетесь тут, мемсаиб. Много еды, много пива, много чая. Все хорошо. Вы ждать поезд.

О боже, подумала Джоан, эти восточные люди! Время для них — пустой звук.

— А нельзя ли достать для меня машину? — спросила она.

Индус, похоже, удивился.

— Автомобиль? Где брать автомобиль? Дорога до Мосула совсем плохая, все застряло по ту сторону вадии.

— А вы не могли бы позвонить на железную дорогу?

— Звонить куда? Дорога турецкая. С турками очень трудно — ничего не хотеть делать. Только управлять поездом.

Справившись с чувством, которое она сочла изумлением, Джоан сказала себе, что вот это и означает оказаться отрезанной от цивилизации! Ни телефона, ни телеграфа, ни транспорта.

Индуc тараторил, стараясь утешить ее:

— Погода очень хорошая, еды очень много, комната очень удобная.

Да, подумала Джоан, погода, конечно, хорошая. Тут ей повезло. Было бы куда хуже сидеть весь день в помещении.

Будто прочитав ее мысли, индуc продолжал:

— Хорошая здесь погода. Дождь очень редко. Дождь ближе к Мосулу, дождь в конце железной дороги.

Джоан села к накрытому для нее столу и стала ждать, пока ей подадут завтрак. Она уже успела справиться с минутным замешательством. К чему поддаваться волнению — у нее хватало здравого смысла это понять. Сделать ничего нельзя. Хотя терять таким образом время очень досадно.

Похоже, желание, о котором я рассказала Бланш, взяло да исполнилось, усмехнувшись, подумала Джоан. Я говорила, что была бы рада передохнуть, чтобы успокоились нервы. Ну вот и получила, что хотела! Здесь совершенно нечем заняться. Читать — и то нечего. Это и в самом деле должно пойти мне на пользу. Оздоровительный отдых в пустыне.

Мысли о Бланш рождали какие-то не совсем приятные ассоциации, напоминали что-то, о чем Джоан определенно не хотелось вспоминать. Да и зачем ей вообще думать о Бланш?

После завтрака она вышла на улицу. Отойдя, как и в прошлый раз, на разумное расстояние от гостиницы, она села на землю. Некоторое время она провела в неподвижности, с прикрытыми глазами.

Восхитительно, думала она, ощущать, как здешние спокойствие и тишина проникают внутрь тебя. Она прямо-таки чувствовала, какую это ей приносит пользу. Целительный воздух, ласковое теплое солнце — сплошное умиротворение.

Джоан посидела так еще немного. Затем взглянула на часы. Десять минут одиннадцатого.

Утро проходит быстро, решила она...

А что, если ей написать пару строк Барбаре? Странно, что вчера ей не пришло в голову написать Барбаре, вместо того чтобы строчить эти дурацкие письма подругам в Англию.

Джоан достала блокнот и ручку.

«Милая Барбара,— начала она.— Путешествие мое с самого начала не задалось. Опоздала в понедельник к вечернему

поезду и теперь, похоже, застряну здесь не на один день. Тут очень спокойно и светит солнце, так что чувствую я себя хорошо».

Джоан остановилась. О чем еще упомянуть? О ребенке или об Уильяме? На что же все-таки намекала Бланш, когда сказала: «Не беспокойся о Барбаре». Ну конечно! Вот почему Джоан не хотелось думать о Бланш. Та так странно говорила о Барбаре.

Можно подумать, она, мать Барбары, чего-то не знает о своем собственном ребенке!

«Я уверена, теперь у нее все будет хорошо». Разве это не означает, что было плохо?

Но вот что именно?

Джоан стало не по себе. В свое время, вспомнила она, нечто подобное говорил Родни. Совершенно ни с того ни с сего заявил вдруг таким необычным для него не терпящим возражений тоном:

— Не по душе мне этот брак, Джоан.

— Но почему, Родни? Уильям такой славный, и они так подходят друг другу.

— Вполне приятный молодой человек, но Барбара его не любит, Джоан.

Джоан это поразило, безмерно поразило.

— Родни.. ей-богу... как странно! Конечно же она его любит! Иначе, скажи на милость, почему она хочет выйти за него замуж?

В ответ Родни произнес нечто и вовсе загадочное:

— Вот этого я и опасаясь.

— Но, дорогой... ей-богу... ты говоришь какие-то странные вещи, тебе не кажется?

Родни продолжал, не обращая внимания на ее наигранно-шутливый тон:

— Если Барбара не любит Уильяма, она не должна выходить за него. Она слишком молодая и слишком пылкая.

— Послушай, Родни, что ты знаешь обо всем этом? — изумилась Джоан.

Родни даже не улыбнулся. Он сказал:

— Девушки иногда выходят замуж просто для того, чтобы сбежать из дому.

Вот тут уж она просто расхохоталась.

— Не из такого дома, как у Барбары! Ни у одной девушки нет дома счастливее, чем у нее.

— Ты искренне в этом убеждена, Джоан?

— Еще бы! Наши дети никогда и ни в чем не знали отказа.

— Они не слишком часто приглашают сюда друзей,— медленно проговорил Родни.

— Ну что ты, дорогой, я постоянно устраиваю вечеринки и приглашаю молодежь! Я всегда помню об этом. Только Барбара сама вечно твердит, что ей это не нужно и она не хочет никого видеть.

Родни покачал головой, растерянно и недовольно.

А позже, вечером того же дня, Джоан вошла в комнату именно в ту минуту, когда Барбара с досадой воскликнула:

— Бесполезно, папа, я должна уехать. Я не могу больше это выносить, и не надо советовать мне устроиться куда-нибудь на работу, потому что я не хочу об этом даже слышать!

— Что тут происходит? — спросила Джоан.

После паузы, совсем недолгой паузы, щеки Барбары с вызовом запылали, и она все объяснила:

— Папа думает, что он все знает лучше! Он хочет, чтобы моя помолвка растянулась на годы. Я сказала ему, что не вынесу этого и хочу выйти замуж за Уильяма и уехать в Багдад. По-моему, там будет замечательно.

— О господи,— Джоан с беспокойством вздохнула.— Как бы я хотела, чтобы это было поближе. Мне было бы куда спокойнее приглядывать за тобой.

— Ну, мама!

— Успокойся, девочка, просто ты сама не понимаешь, до чего еще молода и неопытна. Я бы тебе помогала, если бы жила ближе.

Улыбнувшись, Барбара заметила:

— Похоже, мне придется учиться всему на собственных ошибках, не опираясь на твой опыт и мудрость.

И поскольку Родни медленно двинулся к двери, она неожиданно бросилась следом за ним, обвила руками его шею, прижалась к нему и пробормотала:

— Папочка, родной мой. Родной, родной, родной...

Вот так-так, решила Джоан, девочка начинает вести себя вызывающе. И это лишний раз доказывает, как глубоко неправ Родни. Барбара буквально упивается мыслью о поездке со своим Уильямом на Восток, и наблюдать двух влюбленных, которые полны планов на будущее, очень приятно.

Странно, что в Багдаде считают, будто Барбаре было плохо дома. Впрочем, похоже, там ходит достаточно спле-

тен и слухов, и, видимо, потому все стараются на всякий случай не упоминать фамилий.

Взять, например, майора Рида, о котором Барбара общалась то и дело в своих письмах родным. Майор Рид обедал у них. Они ездили на охоту с майором Ридом. Барбара отправляется на лето в Аркандос. Она живет в бунгало еще с одной молодой замужней женщиной, и майор Рид тоже там. Они много играют в теннис. Позже Барбара вместе с ним выиграла парный матч в клубе.

Вполне естественно, что после этого Джоан спросила о майоре Риде — она так много о нем слышала, объяснила она, что теперь мечтает с ним познакомиться.

Замешательство, вызванное ее вопросом, было совершенно необъяснимым. Барбара побледнела, Уильям покраснел и через минуту-другую буркнул очень странным голосом:

— Мы с ним больше не видимся.

Вид у него при этом сделался настолько недружелюбным, что Джоан предпочла не выяснять, в чем дело. Но позже, когда Барбара ушла спать, Джоан вернулась к этой теме, заметив с улыбкой, что, видимо, допустила бестактность. Она полагала, что майор Рид был их очень близким другом.

Уильям, поднявшись, постучал трубкой о каминную полку.

— Не совсем так,— ответил он уклончиво.— Мы иногда вместе охотились, только и всего. Но он уже давно у нас не появляется.

Не слишком убедительно, подумала Джоан. И улыбнулась про себя. Мужчины до того бесхитростны. Ее немало удивила старомодная сдержанность Уильяма. Он, вероятно, считает ее дамой строгих правил, настоящей тещей.

— Понимаю,— сказала она.— Какой-то скандал.

— О чем вы? — Уильям взглянул на нее очень сурово.

— Мальчик мой! — Джоан улыбнулась ему.— Ты так сердись, что это становится очевидным. Я подумала, ты узнал о майоре Риде что-то такое, что вынудило тебя прекратить общение. О, я не стану задавать вопросы. Подобные ситуации всегда крайне болезненны, я понимаю.

— Да... да, вы правы. Вот именно, болезненны,— нехотя ответил Уильям.

— Мы склонны переоценивать людей,— продолжала

Джоан.— А потом, когда понимаем, что ошиблись в них, нам становится неловко и досадно.

— Он убрался вон из этой страны, и это уже хорошо,— сказал Уильям.— Уехал в Восточную Африку.

И тут Джоан вспомнила какие-то обрывки фраз, долетавшие до нее однажды в Элвия-клубе. Что-то насчет того, что Нобби Рид отправился в Уганду¹.

Одна женщина сказала:

«Бедняжка Нобби, не его вина, что любая здешняя дурочка готова повиснуть на нем».

А другая, постарше, злорадно захихикав, добавила:

«Ему приходится нелегко. Невинные пташки — вот кто в его вкусе! Неопытные молодые жены. И, должна заметить, он весьма ловок! Может быть чертовски обходительным. Девушке начинает казаться, что он от нее без ума. И именно тут Рид и решает, что ему пора найти следующую».

«И все же,— заключила первая женщина,— нам *всем* будет его не хватать. Он такой обаятельный».

Ее собеседница рассмеялась.

«Думаю, кое-кто из мужей не станет горевать о его отъезде! Честно говоря, немногие из мужчин любят его. А уж здесь он впрямь натворил дел».

Потом вторая женщина прошипела:

«Ш-ш -ш»,— понизила голос, и больше Джоан ничего не расслышала.

Тот разговор почти не заинтересовал ее, зато теперь она о нем вспомнила и ей стало любопытно.

Раз Уильям не захотел объяснить, то, может, Барбара окажется менее скрытной.

Однако Барбара сказала коротко и ясно:

— Мне не хотелось бы говорить о нем, если ты не против, мама.

Барбара, вспоминала Джоан, вообще не хотела ни о чем говорить. При упоминании о болезни и причине, ее вызвавшей, она становилась невероятно замкнутой и раздражительной. Все началось вроде бы с отравления, и Джоан, естественно, решила, что отравления пищевого. В жарком климате, как она полагала, пищевые отравления — дело обычное. Но и Уильяму и Барбаре совсем не хотелось вдаваться в детали, и даже доктор, которого она

¹ Уганда — государство в Восточной Африке, бывший протекторат Великобритании, с 1962 года независимое государство.

как мать Барбары, вполне понятно, захотела расспросить подробно, отмалчивался и был необщителен. Он всячески подчеркивал, что юной миссис Рэй не стоит докучать вопросами о ее болезни.

— Сейчас ей нужен только уход, чтобы она могла окрепнуть. Что и почему — обсуждать бессмысленно, а назойливость не приносит пациентам пользы. Послушайте моего совета, миссис Скюдмор.

Нелюдимый, угрюмый субъект, — таким он показался Джоан, — которого ни капли не смягчил порыв любящей матери, сломя голову примчавшейся сюда из Англии.

Ну что ж, Барбара, по крайней мере, была ей признательна. Во всяком случае, так думала Джоан... Она конечно же тепло поблагодарила свою маму. Уильям тоже признал, что она поступила самоотверженно.

Джоан сказала, что с радостью побыла бы у них подольше, и Уильям ответил, что был бы тоже этому рад. Но она попросила их не настаивать, потому что это и так ужасно заманчиво — провести зиму в Багдаде, но ведь у Барбары есть отец, и о нем тоже нельзя забывать.

И Барбара слабым тихим голоском произнесла:

— Родной мой папочка. — А через минуту-другую добавила: — Послушай, мама, почему бы тебе все-таки не остаться?

— Ты должна подумать о папе, дорогая.

Барбара ответила суховатым тоном, какой время от времени проскакивал у нее, что она о нем и думает, а Джоан возразила, что не может кинуть бедного Родни на слуг.

Было мгновение за несколько дней до отъезда, когда она едва не передумала. Она в любом случае могла бы пробыть здесь еще месяц. Но Уильям, не жалея красок, описал ей непредсказуемость путешествия через пустыню в самом конце сезона, и Джоан, встревожившись, решила не отступать от первоначального плана. После этого Уильям и Барбара сделались до такой степени предупредительны, что она снова едва не передумала.

Да, трудно представить, что могло бы быть еще хуже, если бы она задержалась.

Джоан снова взглянула на часы. Без пяти одиннадцать. Оказывается, можно о многом передумать за такое короткое время.

Она пожалела, что не захватила с собой «Центр власти», впрочем, поскольку больше ей читать нечего, разумнее оставить его про запас.

Два часа до ленча, которые надо хоть как-то скоротать. Она сказала, что сегодня поест в час. Может, ей лучше еще немного пройтись, хотя довольно глупо идти неведомо куда без всякой цели. А солнце между тем припекает.

Да, как часто она мечтала выкроить хоть сколько-то времени для себя, чтобы подумать. И вот теперь, пожалуй впервые, обрела шанс. Так о чем же именно хотелось ей подумать в первую очередь?

Джоан покопалась в памяти, но все отчего-то казалось ей недостаточно значительным: вспомнить, куда она положила то, другое, пятое, десятое, решить, когда отпустить слуг в отпуск, обдумать, как отделать заново бывшую классную комнату...

Все эти дела представлялись сейчас далекими и несущественными. В ноябре преждевременно думать о летних отпусках слуг, к тому же она должна знать, когда Троица¹, а для этого необходим календарь на следующий год. Вот с классной она, пожалуй, решить может. Стены светло-бежевые, чехлы кремовые и красивые яркие подушки? Да, так будет очень даже недурно.

Десять минут двенадцатого. Переустройство и убранство классной комнаты не отняли много времени!

Если бы знать, мелькнуло в голове у Джоан, можно было бы захватить с собой какую-нибудь увлекательную книгу о современной науке, об открытиях, где, скажем, содержалось бы объяснение квантовой теории или чего-нибудь в этом роде.

Джоан сперва удивилась, что ей на ум вдруг пришла квантовая теория, а затем сообразила, что это все из-за чехлов и миссис Шерстон.

Она же помнила, как однажды обсуждала животрепещущие проблемы мебельного ситца и кретона² для чехлов в гостиной с миссис Шерстон, супругой управляющего банком, и прямо посреди разговора миссис Шерстон, что было для нее характерно, вдруг возьми да и брякни: «Я бы хотела, чтоб у меня хватило ума разобраться в квантовой теории. Такая захватывающая идея, не правда ли: энергия, содержащаяся в крошечных частицах!»

Джоан устала на нее, поскольку никак не могла взять

¹ Троица — один из самых значительных праздников христиан, приходится на восьмое воскресенье после Пасхи.

² Кретон — толстая хлопчатобумажная ткань, употребляемая для обивки мебели и драпировки.

в толк, какое отношение имеют научные теории к ситцам, а миссис Шерстон сильно покраснела и говорит: «Глупо с моей стороны, но вы ведь знаете, как бывает, когда что-то совершенно внезапно приходит в голову, а ведь идея и вправду выдающаяся».

Джоан идея не казалась выдающейся, и разговор на том завершился. Но она очень хорошо запомнила кретон самой миссис Шерстон, точнее сказать, расписанные вручную льняные чехлы. С узором из коричневых, серых и красных листьев. Джоан спросила: «Чехлы такие необычные, наверное, дорого стоили?» И миссис Шерстон подтвердила, что да, дорого. И еще добавила, что купила их, потому что любит лес и деревья, а мечта ее жизни — уехать куда-нибудь в Бирму¹ или Малайю², где все растет по-настоящему быстро! «По-настоящему быстро», — повторила она взволнованным тоном и при этом весьма нелепо взмахнула руками, словно подтверждая свое нетерпение.

Такое льняное полотно, подумала Джоан, сейчас должно стоить не меньше, чем восемнадцать и шесть за ярд³, цена в наше время немыслимая. Средства, которые капитан Шерстон выделял своей жене на хозяйство и обустройство дома, уже тогда могли бы заронить подозрения, и позже не пришлось бы удивляться, что дело так закончилось. У Джоан этот человек никогда не вызывал симпатии. Она помнит, как сидела у него в кабинете в банке, обсуждая новые возможности размещения кое-каких акций, а Шерстон возвышался напротив нее, за своим столом — крупный мужчина, улыбчивый, излучающий дружелюбие. С преувеличенно любезными манерами... «Я не чужд всех радостей жизни, милая леди, — плел он что-то в этом духе, — не думайте, будто я всего лишь счетная машина — я играю в теннис, в гольф, люблю потанцевать, посидеть за бриджем. На самом деле я тот, кого вы встречаете на вечеринках, а не чиновник, который цедит сквозь зубы: «Больше никаких кредитов».

Пустозвон напыщенный, подумала Джоан с отвращением. Мошенничал, вечно мошенничал. Уже тогда наверняка начал подделывать бухгалтерские книги, или еще

¹ Бирма — страна в Юго-Восточной Азии.

² Малайя — страна в Юго-Восточной Азии на полуострове Малакка, в XIX веке британская колония, с 1957 года часть Малайской федерации в рамках Британского Содружества.

³ Ярд — единица длины, равная 0,9144 м.

как-нибудь жульничал. И все же он всем нравился, многие нахваливали старину Шерстона, твердили, будто он совсем не похож на обычного управляющего банком

Вот это как раз верно. Обычно управляющие банками не разбазаривают банковских фондов

Что ж, по крайней мере, Лесли Шерстон благодаря его фокусам получила свои льняные чехлы с ручной росписью. Правда, ни один человек не подумал, что эксцентричная жена Шерстона, подтолкнула его к позору. Стоило хоть раз взглянуть на Лесли Шерстон, и становилось ясно, что деньги для нее ровным счетом ничего не значат. В одном и том же потертом костюме из зеленого твида копается в саду или шагает по дороге. Да и детей она одевала как придется. А еще Джоан запомнила, как однажды, много позже, Лесли Шерстон, пригласив ее к чаю, притащила булку, кусок масла, какой-то домашний джем, кухонные кружки и чайник, взгромоздив все разом на один поднос. Неопрятная, безалаберная, рассеянная женщина, ходила она почему-то немного боком, и лицо ее тоже казалось чуть перекошенным. Впрочем, ее кривоватая улыбка была очень даже милой, и все ее в общем-то любили.

Да, бедная миссис Шерстон. Невеселая у нее была жизнь, очень даже невеселая.

Джоан поежилась. И зачем только она позволила себе мысленно произнести эти слова — невеселая жизнь? Это напомнило ей о Бланш Хаггард (у той тоже жизнь была невеселая, но совсем в другом роде!), а воспоминания о Бланш снова вернули ее к Барбаре и обстоятельствам ее болезни. Неужели нет ничего, о чем можно подумать, не забывая себе голову ненужными, неприятными подозрениями?

Она снова посмотрела на часы. Во всяком случае, на расписанный вручную лен и несчастную миссис Шерстон ушло почти полчаса. О чем еще ей подумать? О чем-нибудь успокаивающем, что не заставит тревожиться даром.

Пожалуй, самый безопасный в этом отношении объект — это Родни. Милый Родни. С радостью переключившись на мысли о муже, Джоан представила его себе на платформе вокзала Виктория, когда он прощался с ней перед отправлением поезда

Да, славный Родни. Он стоял и смотрел на нее, а солнце светило ему прямо в лицо, безжалостно обнажая сетку

тонких морщин в уголках глаз, таких усталых глаз. Да, усталых глаз, глаз, полных глубокой печали. (Нет, она не думала, что Родни опечален. Это просто такое природное свойство. У некоторых животных бывают печальные глаза.) К тому же обычно он носит очки, и тогда незаметно, что глаза у него печальные. Но выглядит он, конечно, усталым. Ничего удивительного, раз он столько работает. Практически никогда не берет выходных. (Я все это изменю, когда вернусь, решила Джоан. Ему надо больше отдыхать. Я должна была позаботиться об этом раньше.)

Да, там, на ярком свету, он выглядел на свои годы, а может и старше. Джоан смотрела на него сверху из окна, а он на нее снизу, и они обменивались обычными бессодержательными словами прощания:

— Я не думаю, что тебе придется проходить через таможню в Кале¹.

— Нет, кажется, там сразу пересаживаются на Симплонский экспресс².

— Вагон до Бриндизи³, запомни. Надеюсь, жители Средиземноморья умеют быть любезными.

— Я бы с радостью провела день-другой в Каире.

— Так в чем же дело?

— Дорогой, я спешу к Барбаре. Самолеты летают туда только раз в неделю.

— Ну конечно, я не подумал.

Послышался гудок. Родни поднял к ней улыбающееся лицо.

— Береги себя, крошка Джоан.

— До свиданья, не скучай слишком сильно без меня.

Поезд, дернувшись, тронулся. Джоан убрала голову. Родни, помахав ей, повернулся спиной. Она, поддавшись внезапному чувству, снова высунулась в окно. Муж уже шагнул по платформе.

Джоан неожиданно разволновалась, увидев знакомую спину. Каким молодым вдруг он ей показался: голова откинута назад, плечи распрямились. Она даже немного испугалась ..

Можно было подумать, по платформе идет беззаботный юноша.

¹ Кале — город во Франции у пролива Па-де-Кале, отделяющего Англию от Франции.

² Симплонский экспресс — назван по имени Симплонского перевала, соединяющего Швейцарию и Италию

³ Бриндизи — город и порт на юге Италии

Это напомнило ей о тех днях, когда она встретила Родни Скьюдмора.

Их познакомили во время теннисного матча, и они тут же вышли на корт.

Он спросил:

— Мне играть у сетки?

И именно когда он пошел к своему месту у сетки, она посмотрела ему вслед и подумала, что у него удивительно прямая спина... походка легкая и уверенная, изящная посадка головы и красивая шея...

Джоан даже разволновалась. Допустила двойную ошибку при подаче, и ее бросило в жар.

Тогда Родни, обернувшись, ободряюще взглянул на нее и улыбнулся этой своей доброй, приветливой улыбкой. А она подумала, что он удивительно привлекательный молодой человек... и прямо там влюбилась в него.

Выглядывая из окна поезда, Джоан вспоминала тот давний летний день, наблюдая за исчезающей спиной Родни, пока он не затерялся среди наводнивших платформу людей.

Казалось, он сбросил с себя годы и снова стал стройным юношей.

Сбросил с себя годы...

Внезапно, в пустыне, под лучами солнца, Джоан почувствовала, что не может сдержать дрожь.

Нет — нет... я не хочу больше... не стану больше думать об этом...

Родни идет по платформе, голова откинута назад, сутулость куда-то исчезла. Человек, сбросивший с себя невыносимый груз...

В самом деле, что с ней такое? Она воображает что-то, выдумывает. Глаза обманули ее.

Почему он не дождался отхода поезда?

А собственно, зачем ему было ждать? Он спешил по делам в Лондон. Многим вообще тяжело смотреть, как отходят поезда, увозя дорогих для них людей.

Нет, в самом деле непостижимо, как вообще можно так отчетливо помнить спину Родни!

Она все придумала...

Хватит, от этого не легче. Если ты придумал что-то такое, значит, подобная мысль сидела у тебя в голове.

Но не может же это быть правдой... вывод, который напрашивается сам собой, никак не может быть правдой.

Она сказала себе (не так ли?), что Родни рад ее отъезду...

А вот это исключено категорически!

Глава 4

Джоан пришла в гостиницу совершенно распаренная. Она невольно ускорила шаг, как будто хотела убежать от неприятной мысли.

Индуc, взглянув на нее с любопытством, сказал:

— Мемсаиб ходить быстро. Зачем ходить быстро? Тут времени много.

Да уж, подумала Джоан, времени тут и в самом деле хоть отбавляй!

Индуc, куры, жестянки и колючая проволока — все это ей уже порядком поднадоело.

Пройдя к себе в комнату, она достала «Центр власти».

Даже хорошо, что тут прохладно и темно, решила она. Открыла книгу и погрузилась в чтение. К ленчу одолела половину.

Подали омлет с гарниром из фасоли в томатном соусе, подогретого лосося с рисом и консервированные абрикосы.

Джоан поела немного.

Потом ушла к себе и легла.

Если она перегрелась на солнце, то полезно поспать.

Закрывает глаза, но сон не приходил.

Состояние было бодрое, голова — ясная.

Встав, проглотила три таблетки аспирина и снова легла. Стоило ей закрыть глаза, как она видела уплывающую от нее спину Родни. Это становилось невыносимым!

Джоан отодвинула занавеску, чтобы впустить в комнату немного света, и взялась за «Центр власти». Не дочитав всего нескольких страниц, она уснула.

Ей приснилось, что она собирается сыграть в паре с Родни. Они не сразу отыскивали мячи, но в конце концов пришли на корт. Подавая, она увидела, что играет против Родни и дочери Рэндолфов. Она допустила двойную ошибку. «Родни поможет мне», — подумала она, поискала его глазами и не увидела. Все ушли, начинало темнеть. «Я осталась одна, — поняла Джоан. — Совсем одна».

Проснувшись она мгновенно.

— Я совсем одна, — сказала она громко.

Отделаться от сновидения не удавалось. Слова, произнесенные вслух, звучали пугающе.

— Я совсем одна,— повторила она.

Индус сунулся в дверь.

— Мемсаиб звать?

— Да,— ответила Джоан,— приготовьте мне чаю.

— Мемсаиб желать чай? Сейчас только три.

— Не имеет значения, я хочу чаю.

Джоан услышала, как, уходя, он кричит: «Чай, чай!»

Встав с постели, она подошла к засиженному мухами зеркалу. Отражение собственного вполне нормального приятного лица успокаивало.

— Интересно, ты не заболела? — спросила Джоан у своего отражения.— Ты ведешь себя весьма странно.

Может, с ней случился солнечный удар?

Когда ей подали чай, она уже справилась с собой. Вообще говоря, все это просто смешно. У нее, Джоан Скьюдмор, расшалились нервы! Нервы ни при чем, это солнечный удар. Она теперь выйдет не раньше, чем сядет солнце.

Джоан съела немного печенья и выпила две чашки чаю. Потом дочитала «Центр власти». Едва она закрыла книгу, как тревога снова подкралась к ней.

Ну вот, больше читать нечего, подумала она.

Нечего читать, не на чем писать, нет с собой никакого рукоделия. То есть заняться совсем нечем и остается только дожидаться ненадежного поезда, который вполне может задержаться на много дней.

Когда явился индус, чтобы забрать чайную посуду, она спросила у него:

— Чем вы тут занимаетесь?

Вопрос, похоже, удивил его.

— Обслуживаю пассажиров, мемсаиб.

— Это понятно.— Она сдержала нетерпение.— Но ведь это не может отнимать у вас все время?

— Я подавать завтрак, ленч, чай.

— Да-да, но я не об этом. У вас есть помощники?

— Мальчишка-араб — бестолковый, ленивый, грязнуля — я сам за всем следить, не доверять мальчишке. Он носить воду для купания, выливать воду для купания, помогать на кухне.

— Значит, вас здесь трое — вы, повар и мальчик? У вас, должно быть, остается много свободного времени. Вы читаете?

— Читать? Что читать?

— Книги.

— Я не читать.

— А чем же вы тогда занимаетесь, когда не работаете?

— Ждать, когда надо опять работать.

Бесполезно, подумала Джоан. С ними бесполезно разговаривать. Эти люди не понимают, о чем вы им толкуете. Вот человек, который живет здесь всегда, месяц за месяцем. Иногда он, наверное, устраивает себе выходной, отправляется в город, встречается с друзьями, напивается. Но неделю за неделей он торчит здесь. Конечно, у него есть повар и мальчишка... Мальчишка, когда не работает, спит на солнцепеке. Больше ему от жизни ничего не надо. У меня с ними нет ничего общего. По-английски индус может побеседовать разве что о еде, да еще сообщить, что «погода хорошая».

Индус вышел. Джоан беспокоило зашагала по комнате.

Хватит валять дурака. Она должна составить для себя нечто вроде плана. Пройти своего рода курс размышлений. «Я не имею права... как бы это сказать... потерять присутствие духа».

Все дело в том, убеждала себя Джоан, что ее жизнь всегда была насыщенной, напряженной. У нее было множество интересов. Это была цивилизованная жизнь. А если у вас в жизни все просчитано и взвешено, то вынужденное безделье, естественно, приводит вас в замешательство. Чем деятельней и культурней женщина, тем труднее ей с этим смириться.

Конечно, и у нее на родине встречаются люди, которые способны часами бездельничать. Вот они, вероятно, пожили бы здесь с превеликим удовольствием.

Даже миссис Шерстон, чьей энергии и трудолюбия хватило бы на двоих, и та иногда посиживала без дела. Случалось это во время прогулок. Заговорит о чем-то с необыкновенной горячностью и вдруг ни с того ни с сего опустится на бревно или вязанку вереска и сидит, уставясь в пространство.

Как в тот день, когда Джоан приняла ее за дочь Рэндолфов...

Джоан даже немного покраснела, вспомнив о своем тогдашнем поведении.

Она, можно сказать, шпионила. Занятие, которого впоследствии стыдилась Потому что была совершенно к нему не склонна.

Но с девицей вроде этой Мирны Рэндолф... Для которой нравственность — пустой звук...

Джоан попыталась вспомнить, как все это вышло.

Она занесла цветочки старенькой миссис Гарнет и, когда выходила на крыльцо, услышала голос Родни, доносившийся с дороги из-за забора. Его голос и голос женщины, отвечавшей ему.

Поспешив проститься с миссис Гарнет, она вышла на дорогу. Она лишь мельком увидела Родни и, Джоан не сомневалась, дочку Рэндолфов, которые свернули на проселок, идущий к Эшлдауну.

Да, ее поступок не из тех, которыми можно гордиться. Но тогда она почувствовала, что должна знать наверняка. Родни едва ли был виноват, всем было известно, кто такая Мирна Рэндолф.

Джоан, выбрав тропинку через Хэлинг-Вуд, вышла на обнаженный склон Эшлдауна и сразу увидела их — парочка неподвижно сидела, любуясь скромным деревенским пейзажем, открывавшимся внизу.

Какое она испытала облегчение, разглядев, что это никакая не Мирна Рэндолф, а миссис Шерстон! Они и сидели-то не рядом. Их разделяло фута четыре — не меньше. В самом деле, необычное расстояние — едва ли знак дружеского расположения! Впрочем, Лесли Шерстон никогда и не выказывала дружеских чувств по отношению к Родни, во всяком случае внешне. И как соблазнительницу ее воспринимать было невозможно — подобная мысль казалась просто нелепой. Нет, Лесли всего-навсего отправилась на обычную свою прогулку, а Родни увидел и, со свойственной ему любезностью, составил ей компанию.

Сейчас они отдыхали после подъема на Эшлдаун и наслаждались видом, перед тем как спуститься вниз.

Поразительно было то, что они совсем не двигались и не разговаривали. Ведут себя как-то не по-компанейски, подумала Джоан. Что ж, вероятно, задумались каждый о своем. Видимо, полагают, что знакомы достаточно хорошо, чтобы не выжимать из себя слов, силясь поддержать разговор.

Да, к тому времени Скъюдморы успели достаточно близко узнать Лесли Шерстон. Растрата, которую совершил Шерстон, поразила Крейминстер, словно гром среди ясного неба, а сам он отбывал срок в тюрьме. Родни был его защитником в суде и поверенным Лесли. Он глубоко сочувствовал женщине, оставшейся с двумя малыми детьми

без денег. Да и, вообще, все вокруг сочувствовали бедной миссис Шерстон, а если участия хватило не надолго, то виновата была сама Лесли. Ее упорное нежелание унывать кое-кого шокировало.

...Должно быть, она совершенно бесчувственная,— сказала Джоан Родни.

Он ответил решительно, что никогда еще не встречал человека, мужественнее Лесли Шерстон.

— Да, она мужественная, — согласилась Джоан. — Но мужество — это еще не все!

— Разве? — спросил Родни. Спросил как-то странно. И ушел на службу.

Мужество — безусловно добродетель, которую никак нельзя было отнять у Лесли Шерстон. Вынужденная содержать себя и двоих детей, не имея при этом никакой профессии, она успешно справилась с задачей.

Нанявшись помощницей к садовнику, Лесли основательно изучила дело, приняла небольшую денежную помощь от тетки и сняла для себя и детей квартиру. Таким образом, выйдя из тюрьмы, Шерстон застал жену в совершенно ином положении. Он стал ездить на грузовике в соседний городок, дети помогали, и все вместе они неплохо преуспели. Несомненно, сама миссис Шерстон трудилась героически, что заслуживает особого восхищения, поскольку к тому времени ее уже мучили боли, вызванные болезнью, вскоре ее и сгубившей.

Да, решила Джоан, наверное, Лесли любила своего мужа. Шерстон, несомненно, был красавец и женский угодник. Но из тюрьмы он вышел совсем другим. Она видела его всего один раз и была поражена тем, как он переменился. Прячет глаза, совсем обмяк, но такой же нахальный, лгун, любитель пускать пыль в глаза. Развалина. А жена все-таки любила его, была к нему привязана, и за это Джоан уважала ее.

Правда, с ее точки зрения, Лесли повела себя неразумно по отношению к детям.

Тетушка, которая поддержала Лесли материально, когда Шерстон сел в тюрьму, снова предложила помощь незадолго до его выхода.

Она готова была усыновить младшего мальчика, дядя, поддавшись на ее уговоры, согласился заплатить за учебу старшего, а мать брала бы обоих на каникулы. Оба могли взять фамилию дяди, изменив ее в документах, и тогда они с дядей позаботились бы об их будущем благосостоянии...

Лесли Шерстон отвергла предложение безоговорочно, проявив здесь, по мнению Джоан, эгоизм. Она лишала своих детей существования не только более обеспеченного, но и избавлявшего их от позора.

Как бы ни любила Лесли своих мальчиков, считала Джоан, и тут Родни был с нею согласен, она обязана была в первую очередь думать не о себе, а о том, как сложится их жизнь.

Однако Лесли была непреклонна, и Родни больше не вмешивался. Вздохнув, он сказал, что миссис Шерстон виднее. Конечно, подумала Джоан, ведь она ужасно упрямая.

Меряя сейчас шагами комнату, Джоан вспоминала, какой увидела она Лесли Шерстон в тот день на Эшлдауне.

Лесли будто застыла, наклонясь вперед, поставив локти на колени и уткнувшись подбородком в ладони. Сидела молча и неподвижно. Смотрела на пастбище и на поле, к которым сбегали склоны Литтл-Хэйверинга, поросшие красновато-золотившимися дубами и березами.

Они с Родни оба сидели такие притихшие, окаменевшие — сидели и глядели вдаль.

Трудно сказать, почему она не подошла, не окликнула их.

Может, ей стало стыдно своих подозрений насчет Мирны Рэндолф?

Так или иначе, она их не окликнула. Вместо этого она тихо скрылась за деревья и отправилась домой. Этот случай ей всегда было не очень-то приятно вспоминать, и она, разумеется, никогда не рассказывала о нем Родни. Он мог решить, что она его подозревала, его и Мирну Рэндолф.

Родни уходит от нее по платформе вокзала Виктория...

Господи, неужели опять все сначала?

Как голько такая глупость пришла ей в голову? Родни (который был всегда так к ней привязан) радуется ее предстоящему отсутствию?

Как будто можно судить о чем-то по походке человека!

Она выкинет из головы эту причудливую фантазию.

Придется ей заставить себя не думать о Родни, что поделаешь, если от этого у нее так странно и болезненно разыгрывается воображение.

До сих пор она не была фантазеркой.

Виновато, несомненно, солнце.

Глава 5

Остаток дня тянулся бесконечно.

Джоан побаивалась снова выйти на солнцепек и дожидаться захода. Приходилось оставаться в гостинице.

Через полчаса ей до смерти надоело просто сидеть на стуле. Она ушла к себе и принялась разбирать и заново укладывать чемоданы. Вещи, сказала она себе, уложены не вполне аккуратно. Тут есть чем заняться.

Работа была проделана тщательно и вдумчиво. И завершена к пяти. Теперь уж точно выходить не опасно. Торчать в помещении было до ужаса скучно. Если бы хоть нашлось, что почитать...

Или, подумала Джоан с тоской, хоть проволочная головоломка!

На улице она с отвращением взглянула на жестянки, кур и колючую проволоку. Ну и поганое местечко. Вот именно, поганое.

Для разнообразия она двинулась в сторону турецкой границы, параллельно железной дороге. Это создавало ощущение приятной новизны. Которое, увы, через четверть часа исчезло. Железнодорожные рельсы, бежавшие справа в четверти мили от нее, не заменяли дружеского общения.

Вокруг — ничего, кроме тишины — тишины и солнечного света.

Джоан подумала, что можно почитать стихи. В детстве считалось, что она отлично умеет декламировать стихи. Интересно, что ей удастся вспомнить по прошествии стольких лет. Было время, она немало знала наизусть.

По принуждению милость
Не действует, а падает она,
Как тихий дождь, струящийся на землю
Из облаков¹.

А дальше? Глупо. Никак не вспомнить.

Тебе не страшен летний зной,

(Начало, во всяком случае, внушает оптимизм! Что там дальше?)

Ни зимней стужи цепененье!
Ты свой окончил путь земной,

¹ Слова Порции из пьесы Шекспира «Венецианский купец», акт IV, сц 1. (Перевод П Вейнберга).

Нашел трудам отдохновенье!
И юность с прелестью в чертах,
И трубочист — один все прах!¹

В целом, пожалуй, не слишком ободряюще. А сможет ли она вспомнить что-нибудь из сонетов? Раньше помнила. «Никто не может помешать слиянью»² и тот, о котором ее спросил Родни.

Забавно, что как-то вечером он вдруг спросил:

— «Прекрасное, как чудный сон пройдет»² — это ведь Шекспир?

— Да, из сонетов.

И потом продолжил:

— «Никто не может помешать слиянью двух сродных душ...» Этот?

— Это другой сонет, тот начинается так: «Сравню ли с летним днем твои черты?»³

И тогда Джоан прочитала ему весь сонет, в самом деле очень красиво, с чувством, правильно расставив все акценты.

Когда она замолчала, вместо того чтобы выразить восхищение, Родни почему-то задумчиво повторил:

— «Ломает буря майские цветы», — и добавил: — но сейчас-то октябрь, верно?

Все это показалось Джоан до того странным, что она в недоумении уставилась на него. Тогда он спросил:

— А второй ты знаешь? Тот, где «никто не может помешать слиянью...»

— Да.— Выдержав паузу, она начала:

Никто не может помешать слиянью
Двух сродных душ. Любовь не есть любовь,
Коль поддастся чуждому влиянью,
Коль от разлуки остывает кровь.

Всей жизни цель, любовь повсюду с нами,
Ее не сломят бури никогда,
Она во тьме, над утлыми судами
Горит, как путеводная звезда.

Бегут года, а с ними исчезает
И свежесть сил, и красота лица;
Одна любовь крушенья избегает,
Не изменяя людям до конца.

¹ Шекспир. Цимбелин, IV, 2. (Перевод Ф Миллера).

² Шекспир. Сонеты (116). (Перевод С Ильина).

³ Шекспир. Сонеты (18) Перевод С. Маршака.

Коль мой пример того не подтверждает,
То на земле никто любви не знает.

Джоан дочитала до конца, особо подчеркнув последние строки и усилив их драматическое звучание.

— Тебе не кажется, что я неплохо читаю Шекспира? В школе мне часто поручали читать стихи. Говорили, я читаю с выражением.

Но Родни лишь рассеянно ответил:

— Тут не обязательно с выражением. Достаточно самих слов.

Вздыхнув, Джоан пролепетала:

— Шекспир — чудо, правда?

А Родни ответил:

— Чудо, что он был такой же бедолага, как и все мы.

— Родни, что за странная идея?

Улыбнувшись ей и словно просыпаясь, он спросил:

— Отчего же?

А потом встал и вышел из комнаты, бормоча:

— «Ломает буря майские цветы, и так недолговечно лето наше!»

И почему это он сказал: «Но сейчас-то ведь октябрь?»

О чем он думал?

Джоан помнила тот октябрь, какой-то особенно красивый и мягкий.

Странно, но сейчас ей пришло в голову, что Родни расспрашивал ее о сонетах вечером того самого дня, когда она видела их с миссис Шерстон на Эшлдауне. Возможно, миссис Шерстон цитировала Шекспира, но вообще-то едва ли. Лесли Шерстон, казалось ей, была не особенно образованная женщина.

Октябрь в тот год был восхитительный.

Она хорошо помнит, как через несколько дней Родни спросил у нее с удивлением:

— Разве он должен цвести в это время года? — и показал на рододендрон¹. Один из тех, что обычно рано зацветают, в марте или в конце февраля. Но этот цвел сейчас пышными кроваво-красными цветами и был сплошь усыпан бутонами.

— Нет, — ответила Джоан — Цветут они весной, но

¹ Рододендрон — альпийская роза, кустарник из семейства вересковых с неоппадающими листьями и белыми или красными цветами, растущий в горных местностях или разводимый как декоративное растение.

иногда распускаются осенью, если погода стоит ровная и теплая.

Родни нежно коснулся одного из бутонов пальцами и проговорил едва слышно:

— «Ломает буря майские цветы...»

— Обычно этот зацветает в марте,— поправила Джоан,— а не в мае.

— Они как кровь,— сказал Родни,— кровь сердца.

Как непохоже на него, подумала она, интересоваться цветами...

Но потом ему всегда нравился именно этот рододендрон.

Джоан не забыла, как спустя много лет он даже вдвигал себе в петлицу большущий бутон.

А тот оказался слишком тяжелым и потому выпал, как она и предполагала.

Они тогда стояли на церковном кладбище,— место, что и говорить, не самое веселое.

Джоан заметила там Родни, проходя мимо церкви, подошла и спросила:

— Что ты здесь делаешь?

Он, рассмеявшись, ответил:

— Обдумываю свою грядущую кончину и собственный могильный камень. Что угодно, только не гранит — он слишком ломкий. И не пухлый мраморный ангел.

Она посмотрела вниз на совсем новенькую мраморную плиту с именем Лесли Шерстон.

Проследив за ее взглядом, Родни медленно прочитал вслух:

— *«Лесли Эдлин Шерстон, горячо любимая жена Чарльза Эдварда Шерстона, упокоилась 11 мая 1930. И отрет Бог всякую слезу с очей их».*¹

Потом, помолчав с минуту, добавил:

— Странно отчего-то думать, что Лесли Шерстон лежит под этим вот ледяным куском мрамора, и, конечно, только прирожденный идиот вроде Шерстона мог выбрать подобные слова. Лесли, по-моему, никогда в жизни не плакала.

Джоан, очень осторожно, словно затевая некую богохульственную игру, спросила:

¹ Библия Новый Завет, гл 26, ст 4. Откровение святого Иоанна Богослова.

— А что бы выбрал ты?

— Для нее? Не знаю. Разве в «Псалмах» нет чего-нибудь подходящего? «Полнота радостей пред лицом Твоим»¹. Псалмы. Что-нибудь оттуда.

— Вообще-то я имела в виду — для себя.

— А-а, для меня? — Родни подумал минуту-другую, улыбаясь своим мыслям. — «Господь пастырь мой. Он покоит и направляет овец своих»². Вот это мне годится.

— Но тут загробная жизнь представляется какой-то унылой, так мне всегда казалось.

— А каким тебе видится рай, Джоан?

— Ну-у, не то чтобы всякие там золотые ворота и тому подобное, конечно. Но мне нравится представлять себе рай как государство. Где все дружно помогают сделать мир красивее и счастливее. Служение — таким мне видится рай.

— Какая же ты все-таки лицемерка, крошка Джоан. — Родни засмеялся, желая смягчить свою резкость. И продолжил: — А меня вполне устроила бы зеленая долина... и овцы, бредущие домой за своим пастухом в вечерней прохладе...

Помолчав минуту, он добавил:

— Глупая фантазия, Джоан, но иногда я воображаю, будто иду к себе в контору по Хай-стрит³, сворачиваю в переулок, который ведет к Белл-уок, а потом оказывается, что я по ошибке попал в незнакомую зеленую долину меж пологих лесистых холмов. И долина эта якобы была всегда, тайно существовала в самом сердце города. Сворачиваешь в нее с оживленной Хай-стрит и совершенно потрясенный спрашиваешь: «Где это я?» А потом тебе объясняют, понимаешь, ласково так, что ты умер...

— Родни! — Джоан была испугана, поражена. — Ты... ты нездоров. Ты не в себе.

Тогда она впервые обратила внимание на состояние мужа — предвестие того нервного срыва, что вскоре вынудил его провести несколько месяцев в санатории в Корнуолле, где он молча лежал, слушая чаек и глядя на море, открывавшееся за белесыми, голыми холмами.

Но до того дня на кладбище Джоан не замечала, что

¹ Библия. Псалмы, гл. 16, ст. 41.

² Библия. Псалмы, гл. 23, ст. 1.

³ Хай-стрит — распространенное название главной улицы в городах Англии, часто даже в разных районах одного большого города, на которой расположены учреждения, магазины, кафе и т.п.

Родни слишком много работает. Они уже собирались домой, и она потянула его за собой, взяв под руку, и тут увидела, как большой бутон рододендрона, скользя по его пальто, упал на могилу Лесли.

— Ой, смотри,— сказала она,— твой рододендрон.— И остановилась, чтобы поднять его.

Но Родни торопливо проговорил:

— Не трогай, пусть лежит. Оставим его Лесли Шерстон. Ведь все же... она была нашим другом.

И Джоан тут же согласилась, что это прекрасная мысль, и сказала, что завтра сама принесет сюда букет желтых хризантем.

Ее, помнится, немного насторожила загадочная улыбка Родни.

Да, Джоан определенно почувствовала в тот вечер, что с ним что-то неладно. Она, естественно, не понимала, что муж на грани полнейшего срыва, однако заметила, что он не такой, как обычно...

Она забросала его встревоженными вопросами по дороге домой, но он почти не отвечал ей. Лишь повторял снова и снова:

— Я устал, Джоан... Очень устал.

И только один раз как-то странно обмолвился:

— Все не могут быть мужественными.

Примерно через неделю как-то утром Родни сонно сказал:

— Я сегодня не буду вставать.

И остался лежать в постели, ни с кем не разговаривал и ни на кого не смотрел, просто лежал молча и улыбался.

А потом появились доктора, сиделки и в конце концов было решено, что он пройдет продолжительный курс лечения в Тревелиане. Ни писем, ни телеграмм, ни посещений. Даже Джоан не позволили приезжать к нему. Его собственной жене.

Это было грустное, смутное, странное время. И с детьми стало тоже очень трудно. Они не хотели помогать, вели себя так, будто это она, Джоан, во всем виновата.

...Позволяла ему горбатиться, и горбатиться, и горбатиться в конторе. Ты отлично знаешь, мама, что папа годами работал как каторжный.

— Знаю, мои милые, но что я могла сделать?

— Должна была вытащить его оттуда давным-давно. Неужели ты не знаешь, как он все это ненавидит? Ты что, ничего не знаешь о папе?

— Довольно, Тони. Разумеется, я все знаю о твоём папе — знаю куда больше, чем ты.

— А вот мне иногда так не кажется. Иногда мне кажется, что ты вообще ни о ком ничего не знаешь.

— Тони, ну в самом деле!

— Заткнись, Тони...— Это вмешалась Аврелия.— Какой смысл?

Аврелия всегда была такая. Сухая, сдержанная, слишком рассудочная и высокомерная для своих лет. У Аврелии, думала порой с огорчением Джоан, совсем нет сердца. Дочь терпеть не могла нежностей, а звать к ее советам было и вовсе бесполезно.

— Родной мой папочка...— Это скулила Барбара, самая младшая из троих, самая ранимая и несдержанная.— Это ты во всем виновата, мама. Вечно ты злилась на него... злилась... вечно.

— Барбара! — Джоан едва не потеряла терпение.— Ты хоть понимаешь, что говоришь? Главный в этом доме — твой папа. Как, по-твоему, все вы смогли бы учиться, одеваться и кормиться, если бы отец не работал? Он принес себя в жертву ради вас — так приходится поступать всем родителям,— и они делают это совершенно бескорыстно.

— Разреши, мама, пользуясь возможностью, поблагодарить тебя за те жертвы, на которые ты пошла ради нас,— сказала Аврелия.

Джоан в недоумении смотрела на дочь. Аврелия казалась искренней. Ну конечно, девочка не может быть дерзкой до такой степени...

Тони отвлек ее. Он спросил серьезно:

— Правда ведь, что отец когда-то хотел стать фермером?

— Фермером? Нет, конечно нет. А, ну да, много лет назад была у него такая детская фантазия. Но в семье все мужчины были юристами. Фирма семейная и весьма знаменитая в этой части Англии. И ты должен гордиться и радоваться, что тоже будешь там работать.

— Но я не буду там работать, мама. Я хочу уехать в Западную Африку и заняться фермерством.

— Чепуха, Тони. Давай не будем возвращаться к этим глупостям. Конечно же ты будешь работать на фирме! Ты наш единственный сын.

— Я не собираюсь становиться юристом, мама. Папа об этом знает, и он обещал мне.

Джоан смотрела на сына потрясенная, ошарашенная его спокойной уверенностью.

Затем она опустила в кресло, и к глазам ее подступили слезы. Все трое ужасно недобрые, все разом на нее напали.

— Не знаю, что на всех вас нашло... так со мной разговаривать... Если бы отец был здесь... по-моему, вы ведете себя неблагоприятно!

Тони, пробормотав что-то, повернулся и выскочил из комнаты.

Аврелия, как обычно, сухо пояснила:

— Тони твердо решил стать фермером, мама. Он хочет поступить в сельскохозяйственный колледж. Мне это кажется глупостью. Я бы стала юристом, если бы была мужчиной. По-моему, изучать право очень даже интересно.

— Я никогда не думала,— всхлипывала Джоан,— что мои дети будут настолько несправедливы ко мне.

Аврелия глубоко вздохнула. Барбара, все еще истерически рыдавшая в углу, крикнула:

— Я знаю, папа умрет, знаю. И тогда мы останемся совсем одни на свете. Я этого не вынесу. Ой, я этого не вынесу!

Аврелия снова вздохнула, переведя взгляд с отчаянно рыдающей сестры на деликатно всхлипывающую мать.

— Ну, если я ничем не могу помочь...

И с этими словами спокойно и решительно покинула комнату. Что было очень даже на нее похоже.

В общем, глубоко удручающая и обидная сцена, о которой Джоан не вспоминала много лет.

Понять, конечно, можно. Внезапный испуг, связанный с болезнью отца, загадочные слова «Нервный срыв». Детям всегда легче, если они думают, что в случившемся кто-то виноват. Сделали из нее козла отпущения просто потому, что она оказалась под боком. Потом и Тони и Барбара попросили прощения. Аврелия полагала, что ей не за что извиняться и, быть может, была по-своему права — бедная девочка не виновата, что родилась такой бессердечной.

Что и говорить, нелегкие, несчастливые были дни, когда Родни болел. Дети дулись и грубили. Старались по возможности не попадаться ей на глаза, и от этого у нее появилось ощущение какого-то странного одиночества. Впрочем, Джоан отнесла это на счет собственных пережи-

ваний и озабоченности. Все дети горячо любили ее, она это знала. К тому же у всех был трудный возраст — Барбара еще училась в школе, Аврелии исполнилось восемнадцать — бестолковая и опасная пора. Тони почти все время пропадал на соседней ферме. Досадно, что он вбил себе в голову несуразную идею с этим фермерством, и Родни проявил тут досадную мягкотелость. О боже, вздыхала Джоан, так тяжело, что мне приходится брать на себя все неприятное. Если у мисс Харли учится столько хороших девочек, то я совершенно не понимаю, почему Барбара должна выбирать себе в подружки самых неподходящих. Я буду вынуждена объяснить ей коротко и ясно, что она может приводить сюда только тех, кто нравится мне. А из-за этого, скорей всего, пойдет опять шум и скандал и она надуется. Аврелия, разумеется, мне не помощница, и я глубоко ненавижу этот ее насмешливый высокомерный тон. Слышать его просто отвратительно.

Да, думала Джоан, воспитание детей — дело неблагодарное и тяжелое.

Спасибо никто не скажет. Здесь не обойтись без такта и снисходительности. Надо точно рассчитать, где проявить твердость, а где дать поблажку. Никто не знает, что мне пришлось пережить, пока Родни был болен.

Тут она немного нахмурилась — потому что ей на память пришло ядовитое замечание доктора Маккуина насчет того, что почти в каждом разговоре с ним кто-нибудь рано или поздно непременно восклицает: «Никто не знает, что мне пришлось пережить в то время!» Все рассмеялись и сказали, что это правда.

Верно, думала Джоан, неловко вытряхивая из-под пальцев набившийся в туфли песок, чистая правда. Никто не знает, что я пережила тогда, даже Родни.

Ведь после того, как, к всеобщему облегчению, он выздоровел, все стало на место, к детям снова вернулось хорошее настроение и они сделались опять дружелюбны. Гармония была восстановлена. А значит, решила Джоан, все и в самом деле от волнения. От волнения она утратила душевное равновесие. От волнения дети стали нервными и непослушными. Одним словом, крайне тревожное было время, и она совершенно не понимает, почему именно сейчас, когда ей так необходимы приятные, а не удручающие воспоминания, ей понадобилось возвращаться к нему.

Все началось... с чего же началось? А, ну да, с попытки вспомнить стихи. В самом деле, наверное, странно прогуливаться по пустыне, декламируя стихи! Впрочем, это не имеет значения, поскольку тут никто ничего не увидит и не услышит.

Тут никого нет... никого, убеждала она себя, и не стоит поддаваться панике. Все это глупости, нервы, и ничего больше...

Быстро повернув назад, Джоан пошла к гостинице.

Она почувствовала, что заставляет себя не бежать.

Ничего страшного, что она здесь одна, совершенно ничего страшного. Возможно, она относится к тем, кто страдает... как же это называется? Не клаустрофобией — это боязнь замкнутого пространства, а наоборот. Начинается на «а». Боязнь открытого пространства¹.

Все имеет научное объяснение.

Но научное объяснение помогает разобраться, а не приносит мгновенного облегчения.

Легко убеждать себя, что все совершенно логично и закономерно, труднее управлять странными обрывками мыслей, которые так и снуют в голове, точно ящерицы, выскальзывающие из щелей.

Мирна Рэндолф, поняла Джоан, змея, а все остальные — ящерицы.

Открытое пространство — а она всю свою жизнь прожила в ящике. Да, в ящике с игрушечными детьми, игрушечными слугами и игрушечным мужем.

Брось, Джоан, ну что ты городишь... какая чепуха. Дети у тебя очень даже настоящие.

Дети настоящие, и кухарка, и Агнес, и Родни тоже. Тогда, может быть, подумала Джоан, это я не настоящая. Может, я — игрушечная жена и мать?

О господи, что за кошмар. Мысли путаются. Может, еще почитать стихи. Она должна вспомнить, вспомнить хоть что-то.

И громко, с большим чувством, Джоан воскликнула:

Весна цвела — был от тебя вдали я².

Дальше она вспомнить не смогла. Да и не захотела.

¹ Имеется в виду агорафобия (греч.) — боязнь открытого пространства.

² Шекспир Сонеты (98). Пер Н Холодковского.

Довольно и одной строки. Она в общем-то и так все объясняла. Родни, подумала она, Родни... Весна цвела. . Только сейчас не весна, сейчас ноябрь...

И внезапно испугалась, — ведь что-то похожее сказал он в тот вечер...

Тут была связь, ключ, ключ к чему-то, что подстерегало ее, прячась за тишиной. Что-то, от чего, Джоан теперь поняла, ей хотелось скрыться.

Но как скроешься, если отовсюду, из всех отверстий, выныривают ящерицы?

Столько всего, о чем нельзя себе позволять думать. Барбара, Багдад, Бланш (все на «Б» — до чего странно). И Родни на платформе вокзала Виктория. И Аврелия, и Тони, и Барбара — все с ней так недружелюбны.

В самом деле — Джоан рассердилась на себя — почему она не думает о хорошем? Так много приятного можно вспомнить. Так много... такого приятного...

Ее подвенечное платье, чудесный белый с перламутровым отливом атлас... Аврелия в плетеной колыбельке, вся в муслиновых оборочках и розовых бантиках, прелестный, очаровательный младенец, на редкость спокойный. Аврелия всегда была вежливая, воспитанная девочка. «Вы так хорошо их воспитали, миссис Скюдмор». Да, примерный ребенок Аврелия, во всяком случае на людях. А со своими — бесконечно спорит, да еще бесит этой своей манерой смотреть так, будто она не может понять, кто это перед ней. Совсем не так должен смотреть на мать ребенок. Даже с натяжкой не назовешь ее послушной дочерью. Тони тоже всегда выказывал уважение к матери лишь при посторонних, а дома бывал невнимателен и равнодушен. Но самым трудным ребенком в семье была Барбара — каприза и плакса.

И все же в целом все трое были чудесные, умеющие себя вести, хорошо воспитанные дети.

Жаль, что дети растут и становятся строптивыми.

Но она не будет обо всем этом думать. Вспомнит их маленькими. Аврелию в танцевальном классе, одетую в прелестное розовое шелковое платьице. Барбару в хорошеньком вязаном костюмчике из «Либертиз»¹. Тони в том

¹ «Либертиз» — большой лондонский универсальный магазин преимущественно женской одежды и принадлежностей женского туалета

комбинезоне с веселым рисуночком, что так ловко смастерила для него няня...

Но ведь ей конечно же есть о чем вспомнить, кроме одежды, которую носили дети! Какие-нибудь приятные, трогательные слова, которые они ей говорили? Восхитительные минуты близости?

Учитывая принесенные жертвы и то обстоятельство, что все делается ради детей...

Еще одна ящерица высунула головку. Аврелия вежливо, рассудительным тоном, от которого Джоан становилось дурно, осведомляется:

— А что это ты такое делаешь для нас, мама? Ты нас не купаешь, правда?

— Нет.

— Не кормишь обедом, не причесываешь. Это все делает няня. Она укладывает нас спать и поднимает по утрам. Ты не шьешь нам одежду — это тоже обязанность няни. И она с нами гуляет...

— Да, родная, я наняла для вас няню. Это означает, что я плачу ей жалованье.

— А я думала, папа платит ей жалованье. Разве не папа платит за все, что у нас есть?

— Верно, детка, но это одно и то же.

— Но тебе же не надо, как папе, ходить на работу каждое утро. Почему ты не ходишь на работу?

— Потому что я веду хозяйство.

— Но разве Кейт, и кухарка, и ..

— Довольно, Аврелия!

Достаточно было одного слова, и Аврелия слушалась. Она никогда не была упрямой и наглой. И все же ее покладистость зачастую бывала хуже бунтарства.

Однажды Родни, посмеиваясь, заметил, что к Аврелии применим всегда один и тот же вердикт — не виновна.

— По-моему, тут нет ничего смешного, Родни. Мне не кажется, что ребенок ее возраста должен быть настроен так . так критически.

— Ты полагаешь, она слишком мала, чтобы определить природу доказательств?

— Перестань сыпать юридическими терминами.

— А кто отдал меня в юристы? — спросил Родни, насмешливо улыбаясь.

— Нет, серьезно, по-моему, это неуважение.

— Я бы сказал, что Аврелия ведет себя слишком уважительно для ребенка. В ней нет ни капли того обескура-

живающего чистосердечия, которым злоупотребляют дети, взять хотя бы Бэбс.

— Это верно,— согласилась Джоан.

Барбара, раскапризничавшись, могла крикнуть: «Ты отвратительная, ты ужасная, я тебя ненавижу! Лучше бы я умерла. Ты пожалеешь, когда я умру».

— Но у Бэбс такой характер. А после она всегда сожалеет,— поторопилась заступиться за дочь Джоан.

— Да, она маленькая разбойница. И не думает, что говорит. А вот Аврелия на редкость чутко распознает обман.

Джоан сердито вспыхнула.

— Обман. Я не понимаю, о чем ты.

— Брось, Джоан. Все, чем мы их пичкаем. Наши претензии на всезнайство. Вынужденная необходимость делать вид перед этими беспомощными малышами, которые находятся целиком в нашей власти, что нам известно, как и что лучше делать.

— Ты говоришь так, будто они рабы, а не дети

— По-твоему, они не рабы? Едят то, чем мы их кормим, носят то, во что мы их одеваем, да и говорят более или менее то, что мы им велим. Это цена, которую они платят за защищенность. Однако каждый прожитый день приближает их к свободе.

— Свобода,— повторила Джоан с сомнением.— А разве она существует?

— Нет, я думаю, ее не существует. Ты совершенно права, Джоан..— нехотя согласился Родни.

И медленно, чуть сутулясь, вышел из комнаты. А она подумала с внезапной болью: «Я знаю, каким он будет в старости ..»

Родни на платформе вокзала Виктория — морщины на его усталом лице заметней на свету — просит ее беречь себя.

А потом, через минуту..

Ну почему она неминуемо к этому возвращается? Это неправда! Родни очень без нее скучает! Ему одиноко дома со слугами! И он, скорей всего, не догадывается позвать кого-нибудь к обеду — разве что этого несуразного Харгрейва Тейлора — зануду, который по совершенно непонятным причинам нравится ему. Или утомительного майора Милза, на уме у которого одни пастбища и породы скота .

Ну разумеется, Родни скучает без нее!

Джоан вернулась в гостиницу, индус вышел и спросил:
— Мемсаиб хорошо погулять?

Джоан ответила, что да, погуляла она очень хорошо.

— Обед скоро готов. Обед очень хороший, мемсаиб.

Джоан сказала, что ее это радует, однако слова индуса оказались не более чем любезностью, так как приготовленный для нее обед отличался от предыдущего разве что абрикосами вместо персиков. Обеды, может, и были бы хорошими, будь они менее однообразными.

Ложиться спать сразу после еды было рано, и Джоан снова пожалела, что не захватила с собой побольше книг и хоть какое-нибудь рукоделие. Она даже попробовала перечитать самые занимательные места из «Воспоминаний леди Кэтрин Дайсет», но не смогла сосредоточиться.

Заняться нечем, поняла Джоан, совсем нечем! Была бы хоть колода карт. Она бы разложила пасьянс. Или какая-нибудь игра: триктрак, шахматы, шашки — хоть бы сразилась сама с собой! Любая игра — домино, блошки...

Странные, в самом деле, фантазии одолевают ее здесь. Ящерицы, которые внезапно вылезают из щелей. Мысли, которые внезапно лезут в голову... пугающие мысли, тревожные мысли... непрошенные мысли.

А если так, то зачем они нужны? Ведь, в конце концов, мыслями следует управлять — разве не так? Неужели возможно, чтобы в каких-то обстоятельствах мысли, некогда поддававшиеся контролю, выскакивали точно ящерицы или мелькали наподобие той зеленой змейки.

Появляясь откуда-то...

И это странное ощущение паники, которой она внезапно поддалась...

Это, наверное, агорафобия. (Ну да, вот как это называется — агорафобия. Выходит, человек всегда может вспомнить, что забыл, если сосредоточится.) Да, именно так. Боязнь открытого пространства. Любопытно, прежде она не замечала, что страдает ею. Но ведь у нее и не было случая очутиться посреди открытого пространства. Она всегда жила там, где есть дома, сады, где много дел и много людей. Много людей, вот в чем дело. Если бы тут было с кем поговорить...

Хотя бы и с Бланш...

Смешно, что ее привела в ужас перспектива добираться до дому вместе с Бланш.

Да, если бы Бланш оказалась сейчас здесь, все было бы совершенно иначе. Они бы поболтали о давних временах в Святой Анне. Как много воды утекло! Что такое сказала Бланш? «Ты преуспела, я опустилась». Нет, она потом уточнила: «Ты осталась такой, как была,— девочка из Святой Анны, гордость школы».

Неужели она и вправду с тех пор так мало изменилась? Что ж, хорошо, если так. Да, с одной стороны хорошо, но с другой — не очень. Получается нечто... нечто застывшее, что ли.

Что тогда сказала мисс Гилби в своем напутствии?

Напутствия, которые давала мисс Гилби выпускникам, были прославленным обычаем школы Святой Анны.

Джоан вернулась к прошлому, и сразу же образ старой директрисы с пугающей ясностью всплыл пред ее мысленным взором. Крупный, грозно вздернутый нос, пенсне, беспощадно зоркий взгляд, суровые глаза, устрашающе-величественная поступь, когда она обходит школу, чуть выставляя грудь вперед,— затянутую, тугую грудь,— символ власти, не оставляющий надежды на снисхождение.

Потрясающая личность, мисс Гилби вызывала неподдельный трепет и восхищение как у родителей, так и у учениц. Мисс Гилби не отрицала, что Святая Анна — это она!

Джоан вспомнила, как вошла в священную комнату, украшенную цветами и гравюрами с портретов представителей семейства Медичи¹, олицетворявших культуру, ученость и добродетель.

Мисс Гилби, такая царственная за своим письменным столом:

— Входи, Джоан. Садись, милая.

Джоан села, куда было указано, в обитое кретоном кресло. Мисс Гилби, сняв пенсне, неожиданно расплылась в неправдоподобной и настораживающей улыбке.

— Ты покидаешь нас, Джоан, чтобы выйти из тесного школьного мирка в большой мир, каким является жизнь. Я бы хотела немного побеседовать с тобой, прежде чем ты уйдешь, в надежде, что некоторые из моих слов станут для тебя путеводными в дни, которые вскоре наступят.

¹ Медичи — семья флорентийских банкиров и государственных деятелей, игравшая важную роль в политической и культурной жизни Флоренции в XIV—XVIII веках и давшая миру таких деятелей, как Лоренцо Великолепный, папа Лев X и др.

— Да, мисс Гилби.

— Здесь, в этом счастливом окружении, среди таких же юных, как и ты сама, подруг, ты была защищена от тех сложностей и проблем, которых невозможно избежать в нашей жизни.

— Да, мисс Гилби.

— Я знаю, что в школе тебе было хорошо.

— Да, мисс Гилби.

— И ты хорошо училась. Я довольна твоими успехами. Ты была одной из наших самых прилежных учениц.

Легкое смущение:

— О-э-э, мне приятно, мисс Гилби.

— Но сейчас ты столкнешься с новыми трудностями, познаешь новую ответственность...

Беседа продолжалась. Через соответствующие интервалы Джоан вставляла:

— Да, мисс Гилби.

Она чувствовала себя немного загипнотизированной.

Немалую роль в карьере мисс Гилби сыграл ее голос, обладавший, по определению Бланш Хаггард, диапазоном оркестра. Он мог звучать нежно, точно виолончель, поощрял с интонациями флейты, а угрожая, напоминал густые звуки фагота. Кроме того, если у девушек имелись выраженные интеллектуальные способности, то призыв к карьере гремел как духовые, а будущим домохозяйкам обязанности жены и матери перечислялись с певучестью скрипки.

Лишь под конец своей речи мисс Гилби использовала пиццикато¹.

— А теперь то, что касается лично тебя. Не стоит отгонять от себя мысли, Джоан, моя милочка! Ты не должна замечать только внешнюю сторону вещей потому, что так проще, и из желания уберечь себя от боли. Жизнь дарована нам для того, чтобы прожить ее, а не проскользнуть по ней. И не будь чересчур самодовольной!

— Да... нет, мисс Гилби.

— Видишь ли, *entre nous*², водится за тобой такой грешок, согласна, Джоан? Думай побольше о других, дорогая моя, и поменьше о себе. И будь готова к ответственности.

И потом величественный финал всем оркестром:

¹ Пиццикато (*ит*, *муз*) — извлечение звуков из струнных инструментов не смычком, а пальцами, щипком.

² Между нами говоря (*фр*).

— Жизнь, Джоан, должна стать непрерывным развитием — подъемом по каменным ступеням нашего усопшего «я» к чувствам более возвышенным. Боль и страдания придут. Они приходят ко всем. Господь наш не избежал тех же страданий, что и другие смертные. Как он познал Гефсиманское брение¹, так и ты познаешь его, а иначе, Джоан, путь твой проляжет вдалеке от пути истинного. Помни об этом, когда наступит час сомнений и мук. И еще знай, что я всегда радуюсь весточкам от моих бывших питомиц и неизменно готова помочь советом, если потребуется. Да благословит тебя Господь, моя милая.

И далее последнее благословение в виде прощального поцелуя мисс Гилби, больше походившего не на знак человеческого расположения, а на своеобразный обряд посвящения в рыцари.

Джоан, слегка оглушенную, отпустили.

Вернувшись в спальню, она обнаружила, что Бланш Хаггард в очках Мери Грант и с подушкой на животе, упрятанной под гимнастическую блузу, изображает перед восхищенной аудиторией выступление оркестра:

— Вы уходите из счастливого мира школы в большой и опасный мир жизни. Жизнь открывается перед вами с ее трудностями и ответственностью...

Джоан присоединилась к публике. Аплодисменты нарастали по мере того, как Бланш приближалась к кульминационному моменту.

— А тебе, Бланш Хаггард, я посоветую запомнить одно слово. Дисциплина. Владей своими чувствами, учись сдерживать себя. Тепло твоего собственного сердца может стать для тебя опасным. Только с помощью строгой дисциплины сумеешь ты достичь определенных высот. У тебя много талантов, моя дорогая. Постарайся их использовать. У тебя множество недостатков, Бланш, множество недостатков. Но это недостатки натуры благородной и их можно исправить. Жизнь,— голос Бланш сорвался на визгливый фальцет,— это бесконечное развитие. Поднимись по ступеням своего усопшего «я» (смотри у Вордсворта)². Помни любимую школу и знай, что тетюшка Гилби готова помочь тебе

¹ Гефсиманское брение — страдания Иисуса в Гефсиманском саду, в предчувствии близкой гибели, моление о том, чтобы Господь избавил его от мучений на кресте, и принятие им своей участи Евангелие от Матфея, гл 26, ст 36—47)

² Вордсворт Уильям (1770—1850) — английский поэт-романтик.

советом, если получит конверт с обратным адресом и маркой!

Бланш замолчала, но, к своему удивлению, не услышала ни смеха, ни оваций. Все, будто окаменели, повернув головы к открытой двери, где, держа в руке пенсне, возвышалась неприступная мисс Гилби.

Наступила мучительная тишина. Потом мисс Гилби сказала:

— Если ты подумываешь о сценической карьере, Бланш, то, насколько мне известно, существует немало первоклассных школ драматического искусства, где тебе поставят голос и улучшат дикцию. Кажется, кое-какие способности у тебя есть. Будь добра, положи сейчас же подушку на место.

С этими словами она стремительно удалилась.

— Фу-у,— выдохнула Бланш,— вот старая мегера! Не боится рисковать и как умеет унижить!

Да, подумала Джоан, мисс Гилби была незаурядная личность. Она ушла на пенсию как раз после того, как Аврелия проучилась в Святой Анне один семестр. У новой директрисы было куда меньше энергии, и школа постепенно пришла в упадок.

Бланш сказала правду, мисс Гилби была мегерой. Но она знала, как заставить всех себя уважать. И конечно же, решила Джоан, была права в отношении Бланш Хаггард. Дисциплина — вот чего недоставало Бланш. Благородные побуждения — да, возможно. Но и без самоконтроля не обойтись. И все же Бланш была отзывчивой. Те деньги, к примеру, деньги, которые ей послала Джоан,— Бланш не истратила их на себя. Она купила бюро с откидной крышкой для Тома Холлидея. Меньше всего на свете нужно было это бюро самой Бланш. Теплое, сердечное, доброе создание — вот кем была Бланш. Однако она бросила детей: проявив бездушие, покинула двух малюток, которых сама произвела на свет.

Это просто говорит о том, что есть люди, напрочь лишенные родительского инстинкта. Дети, полагала Джоан, должны быть у всех на первом месте. Они с Родни всегда думали только так. Родни был вообще начисто лишен эгоизма — следовало только все хорошенько ему объяснить.

¹ Мегера — в древнегреческой мифологии одна из трех богинь мщения Эвменид — злая, злобная женщина

Джоан, скажем, объяснила ему, что бывшая гардеробная больше подходит детям как комната для игр, и он охотно согласился перебраться в небольшую комнатку окнами на задний двор. У детей должно быть солнечно и светло.

Они с Родни на самом деле были очень сознательными родителями. И дети у них росли неплохие, особенно пока были маленькие — славные, красивые дети. Воспитанные куда лучше, чем, допустим, мальчики Шерстонов. Миссис Шерстон никогда не обращала внимания на то, как ее дети выглядят. И потом она сама принимала участие в их весьма сомнительных забавах: ползала по земле, издавая дикие кличи, будто краснокожий, а однажды, когда мальчишки пытались устроить нечто вроде цирка, весьма достоверно изображала морского льва!

Все дело в том, решила Джоан, что Лесли Шерстон сама не получила надлежащего воспитания.

Да, однако жизнь она прожила невеселую.

Вспомнить только то время, когда Джоан так неожиданно встретила капитана Шерстона в Сомерсете¹.

Она гостила у друзей в тех краях и понятия не имела, что Шерстон живет там. Столкнулась она с Шерстоном как раз в ту минуту, когда он (для него характерно) вышел из местного паба².

Джоан не видела его после освобождения, и ее поразили изменения, произошедшие с бойким, самоуверенным управляющим банком.

Таким странным, поникшим выглядел этот в прошлом сильный, напористый мужчина, когда их свел случай. Плечи опущены, пиджак болтается, щеки обвисли, глаза бегают.

Странно было думать, что кто-то мог ему доверять. Он растерялся, увидев Джоан, но, справившись с собой, приветствовал ее, сиюсь вести себя как прежде:

— Так-так-так, миссис Скьюдмор! Мир поистине тесен. Что привело вас в Скиптон-Хэйнс?

Стоял, распрямившись, пытаясь придать голосу былую сердечность и уверенность. Это был достойный жалости спектакль, и Джоан невольно посочувствовала Шерстону.

Какое унижительное существование! Знать, что в любую минуту встретишь кого-то из прежней жизни, кого-то, кто попросту не пожелает тебя узнать.

¹ Сомерсет — графство на юге Англии.

² Паб (англ.) — трактир, пивная

Нет, она-то не собиралась так себя вести. Конечно же она была готова проявить снисходительность.

Шерстон говорил:

— Вы должны зайти к нам и повидаться с моей женой. Выпить с нами чаю. Да-да, милая леди, я настаиваю!

Шерстон до того неуклюже старался выглядеть молодым, что Джоан против собственной воли позволила ему продолжить его сбивчивую болтовню.

Ему хочется, чтобы она увидела их небольшой дом, впрочем, не такой уж небольшой. Немало акров земли. Работа тяжелая, конечно, выращивать урожай на продажу. Лучше всего дело идет у них с анемонами¹ и яблоками.

Не умолкая, Шерстон отворил покосившуюся, нуждавшуюся в покраске калитку, и Джоан пошла по заросшей сорняками дорожке. Потом они увидели Лесли, склонившуюся над анемонами.

— Посмотри, кого я привел! — крикнул Шерстон, и Лесли, откинув с лица волосы, сказала, что вот это на самом деле сюрприз.

Джоан сразу же заметила, как Лесли постарела и как плохо выглядит. Усталость и невзгоды оставили на ее лице глубокие морщины. Но в остальном она была точно такой, как всегда: жизнерадостная, безалаберная и потрясающе энергичная.

Пока они стояли и разговаривали, явились из школы мальчишки, стремглав, с громкими криками промчались по дорожке, налетели на Лесли и стали бодать ее головами, вскрикивая «мама, мама, мама», а Лесли, после того как она несколько минут сдерживала натиск, неожиданно произнесла очень строгим голосом: «Тишина! Гости».

И ребята разом превратились в двух вежливых ангелочков, которые пожали миссис Скюдмор руку и заговорили сдержанными, приглушенными голосами.

Джоан это немного напомнило ее кузена, натаскивавшего гончих. По одной команде собаки садились или ложились, а по другой — мчались стремительно к горизонту. Дети у Лесли, решила Джоан, похоже, выдрессированы по той же системе.

Они прошли в дом, и Лесли отправилась заваривать чай,

¹ Анемоны — род многолетних растений из семейства лютиковых с цветами в виде чашечек белого, красного или фиолетового цвета

мальчики ей помогали. Вскоре появился поднос, который притащили Лесли с мальчишками, а на нем булка, масло, домашний джем и толстостенные кухонные чашки.

Но самым любопытным было то, что Шерстон преобразился, словно по волшебству. Его неловкие, жалкие ужимки куда-то делись. Он неожиданно превратился в главу семьи и хозяина дома — причем очень хорошего хозяина. Даже его общительность оказалась сейчас кстати. Он был снова счастлив, доволен собой и своим семейством. Похоже, внешний мир с его пересудами переставал существовать для Шерстона, пока тот находился в этих стенах. Мальчишки требовали, чтобы отец помог им плотничать. Лесли умоляла его не забыть починить для нее мотыгу и советовалась, стоит ли связывать анемоны в пучки завтра или они успеют в четверг утром.

Джоан думала про себя, что Шерстон никогда прежде не был ей так симпатичен. Ей казалось, она наконец поняла, почему Лесли к нему привязана. И ведь он был когда-то очень хорош собой.

Но не прошло и минуты, как Джоан чуть не провалилась сквозь землю.

Питер нетерпеливо воскликнул:

— Расскажи нам смешную историю про стражника и плум-пудинг!¹ — А затем пояснил, воспользовавшись растерянностью отца: — Ну помнишь, когда ты был в тюрьме, что сказал один стражник другому?

Шерстон колебался, и вид у него был немного растерянный.

Голос Лесли звучал спокойно:

— Ну давай, Чарлз. Это очень смешная история. Миссис Скъюдмор она понравится.

Тогда Шерстон рассказал свою историю, и она правда была довольно смешной, хотя и не настолько, как казалось детям. Те взвизгивали, закатываясь смехом. Джоан похихикала из вежливости, но, естественно, пришла в замешательство и испытывала неловкость, а когда позже они с Лесли поднялись наверх, она тихонько проговорила:

— Я и не представляла, что дети знали!

«Лесли... в самом деле, — подумала Джоан, — Лесли Шерстон была совсем бесчувственная...»

Лесли удивилась:

¹ Плум-пудинг — традиционное рождественское блюдо в Великобритании.

— Они так или иначе когда-нибудь узнали бы. Разве нет? Пусть лучше уж знают сейчас. Так проще.

Так было проще, согласилась Джоан, но было ли это разумно?

— Хрупкий идеализм детского сознания... разрушить доверие и веру... — Она запнулась.

Лесли ответила, что ее дети не кажутся ей особенно ранимыми и чувствительными. Им было бы труднее, как ей представляется, чувствовать, что что-то случилось, а им не объясняют, что именно.

Она, как всегда, нескладно и неопределенно развела руками и пояснила:

— Делать тайну и все прочее — гораздо хуже. Когда ребята спросили меня, куда исчез папа, я решила, что лучше не обманывать их, и сказала, что он украл деньги из банка и попал в тюрьму. Ведь они понимают, что такое воровство. Питер воровал варенье, и за это его отправляли в кровать. Если же взрослые совершают нехорошие поступки, их отправляют в тюрьму. Все очень просто.

— И тем не менее, ребенку — стыдиться отца, вместо того чтобы им гордиться...

— О, они его не стыдятся. — Лесли, похоже, снова удивилась. — Они ему сочувствуют и хотят побольше узнать про тюремное житье.

— Я убеждена, что это нехорошо, — сказала Джоан твердо.

— Вам так кажется? — Лесли задумалась. — Допустим. Но зато так лучше для Чарлза. Он вернулся из тюрьмы, будто побитая собака. Я не могла на это смотреть. Поэтому и решила, что единственный правильный выход — вести себя как можно естественней. Ведь все равно нельзя притвориться, что трех лет жизни просто не было. Лучше принять все как есть.

Вот в этом и была вся Лесли Шерстон — легкомысленная, слабая, не подозревавшая о том, что существуют более тонкие оттенки чувств! Всегда предпочитавшая идти по пути наименьшего сопротивления.

Но чего у нее никак не отнимешь — женой она была верной.

Джоан сказала доброжелательно:

— Знаете, Лесли, я в самом деле восхищаюсь вами: вашей преданностью мужу, тем, как вы трудились, чтобы удержаться на плаву, пока его... не было. Мы с Родни часто об этом говорили.

Что за смешная кособокая улыбка у этой женщины. Джоан не замечала ее до той минуты. Возможно, ее похвала смутила Лесли. Потому что та спросила, немного волнуясь:

— А как там... Родни?

— Очень занят, бедняга. Я все время твержу ему, что он должен брать выходные почаще.

— Это не так-то просто. Я думаю, его работа, как моя, отнимает все время. Выходные выпадают не часто.

— Да. Вы правы, Родни очень ответственный.

— Постоянная работа,— сказала Лесли. Медленно подойдя к окну, она остановилась, глядя на улицу

Что-то в очертаниях ее фигуры насторожило Джоан — одежда всегда сидела на Лесли мешковато, но все-же ..

— Ой, Лесли! — воскликнула она, не удержавшись.— Неужели вы...

Лесли повернулась и, встретившись с ней взглядом, кивнула.

— Да,— подтвердила она,— в августе.

— О боже! — Джоан по-настоящему огорчилась.

И вдруг, к ее удивлению, Лесли произнесла страстную речь. Она больше не выглядела ни легкомысленной, ни слабой. Она напоминала подсудимого, узнавшего приговор и тем не менее доказывающего свою невиновность.

— Это чрезвычайно важно для Чарлза. Чрезвычайно! Понимаете? Вы не представляете, каково ему. Это как символ, означающий, что он не отверженный, что ничего не изменилось. Он даже пытается бросить пить, с тех пор как узнал.

Лесли говорила столь горячо, что до Джоан не сразу дошел смысл ее последних слов.

— Вам, разумеется, виднее,— согласилась она,— но именно сейчас я бы сочла это неразумным.

— Вы имеете в виду с материальной точки зрения? — Лесли рассмеялась.— Ничего, выстоим. Мы же сами вырабатываем все, что едим.

— Вы с виду не слишком крепкая.

— Не крепкая? Еще какая крепкая. Слишком крепкая. Боюсь, мне будет трудно умирать.

И она слегка вздрогнула, словно уже предчувствуя, что вскоре будет мучительно болеть...

А когда они снова спустились вниз, Шерстон вызвался проводить миссис Скюдмор до угла, чтобы показать ей, как срезать дорогу, пройдя через поле, и они пошли по

дорожке, а Джоан обернулась и увидела, как Лесли с мальчишками устроили кучу малу и катаются по земле, визжа от удовольствия. Лесли, обнимавшая младшего, напоминала животное, не без отвращения подумала тогда Джоан. Затем повернула голову, чтобы разобрать, что говорит капитан Шерстон.

А он весьма торопливо и сбивчиво объяснял, что на свете нет, никогда не было и не будет женщины, похожей на его жену.

— Вы даже не представляете себе, миссис Скьюдмор, что она для меня значит. Совершенно не представляете. Никто не представляет. Я ее не достоин. Я знаю...

Джоан с тревогой заметила, что он готов всплакнуть. Он видимо был из тех мужчин, которые с легкостью становятся сентиментальными.

— Всегда ровная, всегда жизнерадостная, будто все, что бы ни происходило, интересно и даже приятно. И ни слова упрека. Ни единого слова. Но я стану достойным ее, клянусь, стану.

Джоан подумала, что, посещая капитан Шерстон пореже «Якорь и колокол», он не нашел бы способа лучше сделать жене приятное. Она едва не сказала этого вслух.

Она наконец отделалась от него, повторяя: конечно, да-да, он совершенно прав и повидать их обоих было для нее большим удовольствием. Пошла она полем, а когда огибала ограду, увидела, что он так и стоит возле «Якоря и колокола», поглядывая на часы и соображая, сколько ждать до открытия.

И все это, сказала она Родни, вернувшись домой, было очень печально.

А Родни, словно сознательно не желая ничего понимать, спросил:

— Мне показалось, ты говорила, они счастливы вместе?

— Ну-у, да-а, по-своему.

Родни заметил, что, с его точки зрения, Лесли Шерстон сумела добиться успеха, взявшись за безнадежное дело.

— Она конечно же ведет себя необычайно самоотверженно. И — только подумать — собирается родить еще ребенка.

Услышав это, Родни встал и медленно подошел к окну. Он стоял и смотрел в окно точно так же — только теперь Джоан подумала об этом, — как Лесли.

Прошло несколько минут, прежде чем он поинтересовался:

— Когда?
— В августе,— ответила Джоан.— По-моему, чистое безумие с ее стороны.
— Думаешь?
— Милый мой, рассуди сам. Они еле сводят концы с концами. С маленьким ребенком забот будет больше.
— Лесли двужильная,— уверенно произнес Родни.
— Но можно и надорваться, взвалив на себя слишком много. Вид у нее и без того нездоровый.
— Она выглядела нездоровой, когда уезжала отсюда.
— Но она ужасно постарела. Легко сказать, что это, видите ли, чрезвычайно важно для капитана Шерстона.
— Она так сказала?
— Да. Сказала, что это чрезвычайно важно.
— Наверное, это правильно,— задумчиво сказал Родни.— Шерстон из тех, для кого важно, что о них думают. Когда судья огласил приговор, он сник, словно проколотый воздушный шар. Смотреть на него было жалко, но и противно. Шерстону совершенно необходимо восстановить тем или иным способом уважение к себе. Но это тяжелая работа.
— Но все-таки, по-моему, еще один ребенок...

Родни не дал ей договорить. Он отвернулся от окна, и его побелевшее от злости лицо напугало Джоан.

— Она его жена, не так ли? У нее было только два выхода — бросить его совсем и забрать детей или вернуться и тогда уж быть ему настоящей женой. Вот так она и поступила, а Лесли во всем идет до конца.

И Джоан тогда спросила: стоит ли так волноваться? А Родни ответил, что, конечно, нет, но ему осточертел расчетливый, осторожный мир, где, прежде чем что-то сделать, все заранее взвешивают и никогда не рискуют! И она сказала, что, хочется надеяться, он не говорит этого своим клиентам, а Родни ухмыльнулся и ответил, что ей не стоит беспокоиться, потому что он всегда и всем советует не доводить дело до суда!

Глава 7

Ничего удивительного, что в ту ночь Джоан приснилась мисс Гилби. Мисс Гилби в тропическом шлеме шла рядом с ней по пустыне и говорила назидательным тоном:

«Тебе следует уделять побольше внимания ящерицам, Джоан. Естествознание у тебя хромает».

На что она, вполне естественно, отвечала:

«Да, мисс Гилби».

А мисс Гилби продолжала:

«Не притворяйся, что не понимаешь, о чем я говорю. Ты все отлично понимаешь. Дисциплина, дорогая моя».

Когда Джоан проснулась, ей с минуту казалось, что она снова в Святой Анне. Комната на самом деле немного напоминала школьную спальню. Просторно, железные кровати, гигиеничные стены.

Вот ужас, вспомнила Джоан, предстоит пережить еще один день.

Что ей сказала во сне мисс Гилби? Дисциплина.

Ну что ж, стоит задуматься. Глупо, что накануне она без всякой причины пришла в такое болезненное состояние. Она должна навести порядок в своих мыслях, разложить все по полочкам и разобраться, раз и навсегда, с этой самой агорафобией.

Сейчас, в гостинице, она чувствует себя совершенно нормально. Может, разумнее совсем не выходить на улицу?

Но от подобной перспективы сердце у нее екнуло. Целый день в полумраке нюхать бараний жир и парафин, целый день ничего не читать, изнывать без дела.

Чем занимаются заключенные в камерах? Возможно, делают упражнения и шьют почтовые мешки или что-то в этом роде. Иначе, решила Джоан, они бы посходили с ума.

Но ведь еще существует одиночное заключение... и там люди лишались рассудка.

Одиночное заключение — день за днем, неделя за неделей.

В чем дело, почему ей кажется, что она здесь уже много недель?

А на самом деле сколько? Два дня?

Два дня! Невероятно. Как там у Омара Хайяма:¹

Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет².

Что-то похожее. Почему она не может ничего толком вспомнить?

¹ Омар Хайям (?—1123) — персидский поэт, математик и философ, автор рубаи, переведенных на английский язык филологом Эдвардом Фицджералдом.

² Рубаи 414. (Пер. О. Румера).

Нет-нет, достаточно. Ее попытки вспомнить и прочитывать стихи не принесли успеха — ни малейшего. Дело в том, что в поэзии много грустного. Горечь, заставляющая задуматься о возвышенном...

О чем это она? Естественно, чем более возвышенны мысли, тем лучше. А она относит себя к людям очень даже возвышенным...

У тебя всегда была рыба кровь...

Почему голос Бланш прорвался сквозь ее мысли? Весьма вульгарное и нелепое замечание... вот именно, как и сама Бланш! Что ж, вероятно, такой она видится людям вроде Бланш, тем, кто позволяет себе отдаваться страстям. Не стоит порицать Бланш за ее откровенность, уж так она устроена. В детстве это не было заметно — хорошенькая, воспитанная девочка, но за этим всегда скрывалась грубость.

Придумала — рыба кровь! Ничего подобного. Бланш пошло бы на пользу, если бы у нее самой кровь была похолоднее!

Ведь она, судя по всему, прожила жизнь, достойную сожаления.

И еще какого сожаления!

Что она сказала? «Можно всегда подумать о собственных грехах!»

Бедняжка Бланш! Но она добавила, что у Джоан это не отнимет много времени. Значит, она понимает, что они разные. И хотела сказать, что Джоан быстро наскучит пересчитывать собственные добродетели. (Видимо, правда, что в своих добродетелях мы не сомневаемся!) А что же она говорила еще?

Что-то довольно странное...

Ах, да. Насчет того, можно ли узнать о себе что-то новое, если день за днем ничего не делать, а только думать...

Идея по-своему любопытная.

Вообще-то, весьма любопытная.

Однако Бланш призналась, что ей самой не хотелось бы пробовать...

Она сказала это... почти... испуганно.

Интересно, размышляла Джоан, можно ли узнать о себе что-то новое?

Конечно, я не привыкла думать о себе...

Я никогда не относилась к тем женщинам, которые целиком сосредоточены на собственной персоне.

...Любопытно, как я выгляжу со стороны?

...Я имею в виду не вообще, а в частности.

Она попробовала вспомнить что-нибудь из того, что ей говорили другие...

Например, Барбара:

— Но у тебя, мама, слуги первоклассные. Ты об этом заботишься.

Неплохая, между прочим, оценка, подтверждающая, что дети искренне считают ее распорядительной, хорошей хозяйкой. И это — справедливо: она всегда умело и успешно занималась домом. И слуги любили ее, во всяком случае, выполняли все ее распоряжения. Пускай они не выказывали особого сочувствия, когда Джоан мучилась от головной боли или ей нездоровилось, но этого от них и не требовалось. А что ей заявила как-то раз та превосходная кухарка, когда она сделала ей замечание, — что-то вроде того, что она не может работать, если ее никогда не поощряют — что-то весьма странное...

— Всегда говорите, если вышло не так, мэм, и ни словечка приятного, когда хорошо, — знаете, даже стараться нет настроения.

Джоан хладнокровно ответила:

— Но вы же должны понимать — вам ничего не говорят, потому что все хорошо и все довольны.

— Наверное, так, мэм, но у меня нет настроения. Ведь я же тоже человек и очень старалась, когда готовила рагу по-испански, которое вы попросили, хотя с ним ужасная возня, а я сама не люблю составные блюда.

— Рагу вышло превосходное.

— Да, мэм, я тоже так подумала, раз вы его доели в столовой без остатка, но мне-то ни словечка не сказали.

— Вам не кажется, что это довольно глупо? — рассердилась Джоан. — Ведь вас наняли за хорошие деньги, чтобы вы готовили...

— Верно, мэм, заработок меня очень устраивает.

— ...Таким образом, вам должно быть ясно, что и вы устраиваете меня как хорошая кухарка. Если что-то не так, я всегда замечаю.

— Верно, мэм.

— И это, очевидно, вас обижает?

— Да нет же, мэм, и давайте больше не будем об этом, а я отработаю месяц как положено и уйду.

Слуги, подумала Джоан, вечно недовольны. Такие

ранимые и обидчивые. Конечно, все они обожали Родни просто потому, что он мужчина. Услужить Хозяину они были готовы всегда. А Родни иногда узнавал о них самые неожиданные вещи.

— Не цепляйся к Эдне,— мог он сказать ни с того ни с сего.— Ее молодой человек встречается с другой девушкой, и это совершенно выбило ее из колеи. Вот почему она роняет предметы, дважды подает овощи и все путает.

— Откуда ты знаешь, Родни?

— Эдна сказала мне сама утром.

— Просто невероятно, что она поделилась с тобой.

— Видишь ли, я вообще-то спросил у Эдны, что случилось. Заметил, что глаза у нее красные, будто она плакала.

Родни, подумала Джоан, необыкновенно добрый.

Однажды она сказала ему:

— Мне казалось, ты, давно практикующий юрист, должен был устать от людских дрызг.

А Родни объяснил:

— Да, так могло быть. Но на деле иначе. Я думаю, только доктору неприглядная сторона человеческого бытия знакома больше, чем деревенскому семейному адвокату. Но это лишь усугубляет сочувствие ко всему роду человеческому: такому уязвимому, столь сильно подверженному страху, подозрительности и алчности и в то же время бесконечно самоотверженному и отважному. Вероятно, возможность сострадать большому числу людей и помогает смириться.

У Джоан чуть не сорвалось с языка:

«Смириться? Что ты имеешь в виду?» — но она почему-то промолчала. Лучше не спрашивать, подумала она. Лучше не уточнять.

Надо сказать, иногда ее беспокоили отдельные проявления этого легко пробуждающегося в Родни чувства сострадания.

Взять, к примеру, историю с закладной старого Ходдесдона.

Джоан узнала об этом не от Родни, а от словоохотливой жены племянника Ходдесдона и вернулась домой все-речь озабоченная.

Неужели правда, что Родни взял ссуду из собственных накоплений?

Родни разозлился. Вспыхнув, он сердито спросил:

— Кто проболтался?

Джоан объяснила, а потом поинтересовалась:

— А почему он не мог получить деньги обычным способом?

— С сугубо деловой точки зрения ссуда недостаточно подстрахована. Сейчас трудно получить деньги под ферму.

— Тогда почему ты дал ему денег?

— О, я не беспокоюсь. Ходдесдон вообще-то отличный фермер. Его подкосила нехватка средств и два неурожайных года подряд.

— Но факт остается фактом — дела у него плохи, и он вынужден добывать деньги. По-моему, дело это весьма ненадежное.

И тут Родни совершенно ни с того ни с сего вышел из терпения.

Он разве не достаточно ясно ей объяснил, в каком положении оказались фермеры по всей стране? Она, видимо, не понимает, какие у них трудности, сколько препятствий им приходится преодолевать и до какой степени недальновидна политика правительства? Вскочив на ноги, он сделал подробное сообщение о положении в сельском хозяйстве Англии, а затем с пристрастием и гневом расписал конкретные трудности старого Ходдесдона.

— Такое может случиться с каждым. И не важно, насколько этот фермер сметливый и работающий. Это могло бы случиться со мной, окажись я на его месте. Недостаток средств и невезение. И в любом случае, извини, Джоан, тебя это не касается. Я не вмешиваюсь в домашние дела и в воспитание детей. Там твоя епархия. Тут — моя.

Она была обижена — больно обижена.

Чтобы Родни говорил с ней так резко — это было совсем на него не похоже. Они впервые едва не поссорились.

И все из-за какого-то надоедливового старика Ходдесдона. Родни совсем потерял голову из-за старого дурака. По воскресеньям он прогуливался с ним и возвращался, переполненный сведениями о видах на урожай, болезнях скота и прочих не достойных обсуждения предметах.

Он и гостей мучил теми же разговорами.

Вот именно, Джоан вспомнила, как во время пикника у них в саду заметила, что Родни с миссис Шерстон сидят на скамейке и болтают, болтают, болтают.

Они просидели там столько, что ей стало любопытно, о чем таком они говорят, и она подошла. Ведь Родни в

самом деле был необычайно воодушевлен, и Лесли Шерстон явно внимала ему с неподдельным вниманием.

И тут выяснилось, что он рассуждает о молочных коровах и необходимости повышать число племенных пород.

Тема, едва ли занимавшая Лесли Шерстон, которая не разбиралась в подобных делах и не интересовалась ими. И все же она слушала терпеливо, не сводя глаз с воодушевившегося, оживленного Родни.

Джоан осторожно сказала:

— Послушай, Родни, ты наверняка наскучил миссис Шерстон такими разговорами. (Шерстоны тогда только переехали в Крейминстер, и они недавно познакомились.)

Родни сник и, смущаясь, попросил у Лесли:

— Простите.

Но Лесли Шерстон ответила, как всегда, быстро и решительно:

— Вы ошибаетесь, миссис Скюдмор. Мне очень любопытно слушать мистера Скюдмора.

И глаза у нее так сверкнули, что Джоан отметила про себя: «Надо же, а она с норовом...»

А дальше получилось так, что к ним подбежала, чуть-чуть запыхавшись, Мирна Рэндолф, которая воскликнула:

— Родни, дорогой, ты должен сыграть со мной в следующем сете. Мы тебя ждем.

И с эдакой царственной грацией, какую может позволить себе только общепризнанная красотка, вытянула вперед обе руки, подняла Родни и с улыбкой потащила за собой на теннисный корт. Хотел он этого или нет!

Повиснув на нем, Мирна на ходу заглядывала ему в лицо.

А Джоан сердито подумала, что все это, конечно, очень мило, но мужчинам обычно не нравятся вертихвостки, которые вот так вешаются им на шею.

И вдруг с холодным любопытством предположила, что вообще-то ведь могут вдруг и понравиться!

Она заметила, что Лесли Шерстон наблюдает за ней. Сейчас Лесли была совсем не похожа на женщину с норовом. Наоборот, у нее был такой вид, словно она очень сочувствовала ей, Джоан. Что было, мягко говоря, совершенно неуместно.

Джоан повернулась на узкой постели. Почему она опять вспомнила эту Мирну Рэндолф? А, ну да, потому что стала думать о том, какое она сама производит впечатление на

других. Мирна, надо полагать, ее не любила. Что ж, это как раз хорошо. Девица, которая готова, дай только волю, разбить семью!

Ладно, ладно, какой смысл злиться и волноваться из-за этого сейчас.

Ей следует встать и позавтракать. Может, для разнообразия заказать яйцо-пашот?¹ Ужасно опротивел жесткий, как подметка, омлет.

Однако индус остался глух к ее чаяниям.

— Приготовить яйцо в воде? Вы иметь в виду сварить?

Нет, она не имеет в виду сварить, объяснила Джоан. В гостиницах, она знала по опыту, яйца всегда варят вкрутую. Она попыталась растолковать индусу, в чем состоит искусство приготовления яиц-пашот. Тот замотал головой.

— Выпускать яйцо в воду — яйцо вытекать. Я приготовить для мемсаиб хорошую яичницу.

Итак, Джоан получила хорошую яичницу из двух яиц, основательно прожаренную и с двумя затвердевшими, плотными, белесыми желтками. Вообще-то, решила она, омлет все-таки лучше.

Завтрак длился недолго. Она поинтересовалась, не слышно ли чего насчет поезда, но никаких новостей не было.

Вот так, все ясно и понятно. Ей предстоит еще один бесконечно длинный день.

Но сегодня она, по крайней мере, разумно им распорядится. Она поступала неправильно, просто проводя кое-как время.

Она — пассажир, ожидающий поезда на железнодорожной станции, и это, вполне естественно, заставляет ее нервничать и дергаться.

Предположим, она будет рассматривать данную ситуацию как период отдыха и... да, с а м о д и с ц и п л и н ы. Своеобразного аскетизма. Именно так это называется у католиков. Они становятся аскетами и возвращаются в мир духовно обновленными.

Отчего бы и мне, решила Джоан, не почувствовать себя духовно обновленной.

В последнее время она, возможно, вела жизнь слиш-

¹ Яйцо-пашот — яйцо, сваренное без скорлупы в специальной посуде.

ком вялую, расслабленную. Слишком приятную, слишком ровную.

Гневливая мисс Гилби словно стояла рядом с ней и гудела таким памятным, в диапазоне духовых, голосом: «Дисциплина!»

Только на самом-то деле она говорила это Бланш Хаггард. Ей она посоветовала (не слишком, право, любезно с ее стороны):

«Не будь такой самодовольной, Джоан».

Это было некрасиво. Потому что Джоан вовсе не была самодовольной, во всяком случае, по-глупому самодовольной.

«Думай побольше о других, милочка, а о себе — поменьше».

Что ж, она всегда так и поступала — всегда думала о других. О себе она вообще почти не думала, уж, во всяком случае, в первую очередь. Эгоисткой она не была никогда — заботилась о детях, о Родни.

Аврелия!

Почему она вдруг вспомнила об Аврелии?

Почему увидела так ясно лицо старшей из дочерей — ее вежливую, чуть-чуть высокомерную улыбку.

Аврелия, без всякого сомнения, не способна была оценить мать по достоинству.

Слова, которые она могла иногда наговорить, очень язвительные слова, еще как задевали. Нельзя сказать, чтобы она грубила, но все же...

А что же тогда?

Это ее сдержанное изумление, поднятые брови. То, как она невозмутимо удалялась из комнаты.

Аврелия конечно же была к ней привязана, все дети были к ней привязаны...

А были ли?

Были ли дети привязаны к ней — или она была им совершенно безразлична?

Джоан привстала со стула, а затем опустила опять.

Откуда берутся подобные мысли? Почему она об этом задумывается? Такие опасные, неприятные мысли. Надо выкинуть их из головы... постараться не думать об этом...

Голос мисс Гилби... пиццикато.

«Не стоит отгонять от себя мысли, Джоан, моя милочка! Ты не должна видеть только внешнюю сторону вещей, потому что так проще и из желания уберечь себя от боли».

Может, она поэтому хочет отогнать тяжелые воспоминания? Чтобы не причинять себе боли?

Потому что они разумеется болезненны...

Аврелия...

Была ли привязана к ней Аврелия? По крайней мере, хорошо ли относилась к матери?

Все дело в том, что Аврелия была необычная девочка — холодная, рассудочная. Вообще-то говоря, из троих детей именно Аврелия заставила родителей узнать, что такое настоящее волнение.

Замкнутая, послушная, спокойная Аврелия. Какое они испытали потрясение!

Какое потрясение испытала Джоан!

Она вскрыла конверт, совершенно не догадываясь о том, что внутри. Адрес был нацарапан безграмотно, коряво, и ей показалось, что письмо от кого-то из ее подопечных пенсионеров.

Джоан читала, но смысл слов не сразу доходил до нее:

«Вы должны знать, что ваша старшая дочь путается с доктором из санатория. Целоваться в лесу позор, с этим надо покончить».

Джоан уставилась на замусоленный листок бумаги, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Какая мерзость... гнусность...

Она слышала об анонимных письмах. Но никогда прежде не получала их. От этого в самом деле мутит.

Ваша старшая дочь — Аврелия? Неужели Аврелия? Путается (до чего же гадкое словечко) с доктором из санатория. С доктором Каргилом? Этим прославленным выдающимся специалистом, который достиг крупных успехов в лечении туберкулеза, мужчиной, который старше Аврелии по меньшей мере лет на двадцать, мужем очаровательной, хотя и больной жены?

Что за бред!

И в эту минуту сама Аврелия вошла в комнату и спросила со сдержанным интересом, потому что Аврелия никогда не была чрезмерно любопытна:

— Что-то случилось, мама?

Джоан, зажав в трясущейся руке листок, едва нашла в себе силы, чтобы ответить.

— Я не думаю, что стоит тебе это показывать, Аврелия. Это... так отвратительно.

Голос у Джоан дрожал. Аврелия, удивленно вскинув тонкие брови, спросила:

— Что-то в письме?

— Да.

— Обо мне?

— Тебе лучше не читать, детка.

Однако Аврелия пересекла комнату и спокойно вынула листок из ее руки.

С минуту она читала, а затем, вернув письмо, произнесла задумчиво и отстраненно:

— Да, не слишком приятно.

— Приятно? Да это просто омерзительно, глубоко омерзительно! Людей следует наказывать за подобную ложь.

— Письмо гадкое, но это не ложь,— тихо сказала Аврелия.

Комната сделала сальто и завертелась, завертелась... Джоан с усилием выдавила из себя:

— Что ты... о чем ты?

— Не стоит поднимать такой шум, мама. Мне жаль, что ты вот так об этом узнала, но рано или поздно все равно бы пришлось...

— Ты хочешь сказать, что это правда? Что *ты* и... доктор Каргил...

— Да.— Аврелия кивнула.

— Но ведь это позор... это неприлично. Взрослый мужчина, женатый мужчина... и ты, молоденькая девушка...

— Не стоит разыгрывать здесь деревенскую мелодраму. Ничего похожего нет. Все получилось само собой. Жена Руперта больна, больна уже много лет. Мы... мы просто стали не безразличны друг другу. Больше ничего.

— Вполне достаточно!

Джоан было что сказать по этому поводу, и она не пожалела слов.

Аврелия молча пожала плечами и дала буре отбушевать. Под конец, когда Джоан выдохлась, она ответила:

— Мне совершенно понятна твоя точка зрения, мама. Наверное, на твоём месте я ощущала бы то же самое, хотя, думаю, не стала бы говорить многое из того, что сказала ты. Но факт остается фактом. Мы с Рупертом друг другу необходимы. И хотя я чувствую себя виноватой, не представляю, что ты тут можешь изменить.

— Изменить? Я поговорю с твоим отцом — немедленно.

— Бедный папа. А стоит ли волновать его?

— Я уверена, он найдет выход.

— Вот уж он-то точно не будет знать, как поступить.

Но ужасно разволнуется.

Так наступило поистине разрушительное время.

Аврелия, ураган вокруг которой не затихал, держалась стойко и внешне безмятежно.

И совершенно непреклонно.

Джоан твердила Родни снова и снова:

— Меня не покидает ощущение, что у нее это только поза. Не похоже, что Аврелия на самом деле во власти сильного чувства.

Но Родни только качал головой.

— Ты не понимаешь Аврелию. Для нее главное не эмоции, а разум и сердце. Но если уж она любит, то любит так глубоко, что едва ли это у нее когда-нибудь пройдет.

— Ой, Родни, а по-моему, то, что ты говоришь, сушья чепуха! Ведь я все-таки знаю Аврелию лучше, чем ты. Я ее мать.

— Но это вовсе не означает, что ты знаешь о ней все. Аврелия намеренно хочет казаться сдержанной — на всякий случай, нет, скорее по необходимости. Чувствуя сильно, она на словах приуменьшает свое ощущение.

— Для меня это чересчур сложно.

— Хорошо, тогда поверь мне. Это и вправду так.

— А мне все-таки кажется, что ты склонен переоценивать обычное для девочек глупое увлечение. Аврелия фантазерка и любит выдумывать...

Родни не дал ей закончить.

— Джоан, милая моя, не стоит успокаивать себя, твердя то, во что ты сама не веришь. Аврелия всерьез увлечена Каргилом.

— В таком случае, это неблагоприятно с его стороны... ужасно неблагоприятно...

— Да, именно таким будет общий приговор. Но поставь себя на место бедняги. Жена, которая уже никогда не выздоровеет, и щедрое сердце Аврелии. Живость и свежесть ее ума, которые сулят ему радость и счастье.

— Он старше ее на двадцать лет!

— Знаю, знаю. Будь он хотя бы лет на десять моложе, искушение было бы меньшим.

— Он наверняка чудовище... настоящее чудовище.

Родни вздохнул.

— Нет, он не чудовище. Он приятный и очень благородный человек, который страстно любит свою профессию и сделал выдающуюся работу. К тому же он неизменно проявлял доброту и порядочность по отношению к жене.

— Ну вот, теперь ты хочешь сделать из него святого.

— Вовсе нет, Джоан. А вообще многие из святых были подвержены страстям. У большинства из них в жилах текла кровь, а не водица. Да, Каргил мужчина. Мужчина, который вполне способен влюбиться и страдать. А возможно и разбить свою собственную жизнь, свести к нулю дело, которому он посвятил себя. Это не от него зависит.

— А от кого?

— От нашей дочери. От того, насколько она окажется волевой и дальновидной,— произнес Родни задумчиво.

— Мы должны забрать Аврелию отсюда,— решительно заявила Джоан.— Что, если отправить ее в круиз? По северным столицам или на греческие острова — что-нибудь в этом роде.

Родни улыбнулся.

— Ты предлагаешь лекарство, которое прописывали твоей школьной подруге Бланш Хаггард? Ей, если помнишь, оно не помогло.

— Думаешь, Аврелия примчится назад из какого-нибудь иностранного порта?

— Сомневаюсь, что она вообще уедет.

— Чепуха. Мы настоим.

— Джоан, родная, пожалуйста, постарайся оценить ситуацию трезво. Нельзя силой заставить послушаться молодую, но уже взрослую женщину. Мы не сможем ни запереть Аврелию в ее комнате в Крейминстере, ни заставить уехать, да мне, откровенно говоря, не хотелось бы ни того, ни другого. Все это временные меры. Аврелию способны убедить лишь доводы, к которым она отнесется с уважением.

— То есть?

— Реальность. Правда.

— А почему бы тебе не сходить к нему, к Руперту Каргилу. Пригрози ему скандалом.

Родни опять вздохнул.

— Я опасюсь, очень опасюсь необдуманных шагов.

— Что ты имеешь в виду?

— Что Каргил все бросит, и они уедут вместе.

— Разве это не будет означать конец его карьеры?

— Несомненно будет. Не думаю, что такое поведение сочтут несовместимым с его профессиональной деятельностью, но он совершенно уронит себя в глазах общества — ведь у него не совсем обычные обстоятельства.

— Тогда, конечно, если он это ясно осознает...

— Он немного не в себе сейчас, Джоан. Ты вообще-то хоть чуть-чуть понимаешь, что такое любовь? — теряя терпение, спросил у нее Родни.

Что за странный, однако, вопрос! Она ответила сердито:

— Нет, что такое подобная любовь, слава богу, не понимаю...

И тогда Родни повел себя совсем уж неожиданно. Он улыбнулся ей, очень ласково сказал: «Бедная крошка Джоан», поцеловал и ушел как ни в чем не бывало.

Все-таки хорошо, что он тогда с сочувствием отнесся к ее переживаниям из-за этой ужасно неприятной истории, вспоминала Джоан.

Да, беспокойное было времечко. Аврелия замкнулась в себе и ни с кем не разговаривала, иногда даже не отвечала матери.

Я стараюсь повлиять на девочку, говорила себе Джоан, но что можно сделать, если она даже не хочет слушать?

Бледная, силясь оставаться вежливой, Аврелия просила:

— Послушай, мама, может быть, не стоит продолжать? Разговоры, разговоры, разговоры. Я тебя понимаю, но неужели ты не способна усвоить простую истину: все, что бы ты ни говорила и ни делала, бесполезно.

Так и шло до тех пор, пока однажды в сентябре Аврелия, побледнев еще больше, не сказала им обоим:

— Я решила поставить вас в известность. Мы с Рупертом считаем, что дольше так продолжаться не может. Мы уезжаем вместе. Я надеюсь, жена даст ему развод. Но если и не даст, это ничего не изменит.

Джоан начала было бурно возражать, но Родни ее остановил:

— Будь добра, Джоан, позволь разобраться мне. Аврелия, я хочу поговорить с тобой. Пойдем ко мне в кабинет

— Ну в точности директор школы, да, папа? — Аврелия изобразила что-то похожее на улыбку.

— Я мать Аврелии, я настаиваю. — не утерпела Джоан

— Прошу тебя, Джоан. Я хочу поговорить с Аврелией наедине. Будь любезна, оставь нас.

В голосе Родни было столько спокойной решимости, что Джоан повернулась, чтобы выйти из комнаты. Задержала ее Аврелия, негромко, но отчетливо попросив:

— Не уходи, мама. Я не хочу, чтобы ты уходила. Ты должна слышать все, что скажет папа.

Ну что ж, решила Джоан, это показывает, что быть матерью все же что-то значит.

Как странно Аврелия и ее отец смотрят друг на друга: подозрительно, оценивающе, недружелюбно — будто два врага на сцене.

Потом Родни слегка улыбнулся и заключил:

— Ясно. Испугалась!

Аврелия отвечала спокойно и чуть-чуть удивленно:

— Я не понимаю, о чем ты, папа.

Вдруг Родни почему-то сказал:

— Жаль, ты не мальчик, Аврелия. Вероломством ты иногда поразительно напоминаешь твоего двоюродного дедушку Генри. Он как никто умел затемнить уязвимые места в деле, которое вел сам, в деле противника ловко выставил напоказ.

— В моем деле нет уязвимых мест,— поспешила заверить его Аврелия.

— А я докажу тебе, что есть,— настаивал Родни.

— Я уверена, ты не поведешь себя так неприлично и неразумно, Аврелия,— решительно вмешалась Джоан.— Мы с твоим отцом этого не допустим.

И тут Аврелия ухмыльнулась и посмотрела не на мать, а на отца, будто бы Джоан обращалась не к ней, а к нему.

— Прошу тебя, Джоан, не вмешивайся,— снова попросил Родни.

— Мне кажется,— вставила Аврелия,— что мама имеет право говорить то, что думает.

— Спасибо, Аврелия,— поблагодарила ее Джоан.— Я с тобой совершенно согласна. Мое дорогое дитя, ты должна отлично понимать, что все твои планы совершенно неосуществимы. Ты молода, романтична и видишь мир в немного искаженном свете. Ты несомненно пожалеешь впоследствии о столь необдуманном шаге. И еще подумай о горе, которое ты причинишь мне и отцу. Ты думала об этом? Я убеждена, что ты не хочешь доставить нам боль — мы всегда так горячо любили тебя.

Аврелия слушала терпеливо, но не отвечала. Она пристально всматривалась в лицо Родни.

Когда Джоан замолчала, Аврелия все еще смотрела на отца, и губы ее по-прежнему кривились в чуть заметной ухмылке.

— Итак, папа,— обратилась она к Родни,— у тебя есть, что добавить?

— Я не добавлю,— ответил Родни,— я изложу собственное мнение.

Аврелия взглянула на него с интересом.

— Аврелия, ты понимаешь, что такое супружеская жизнь? — спросил Родни.

Аврелия слегка вытаращила глаза, помолчала, а потом спросила:

— Ты хочешь объяснить мне, что супружество есть таинство?

— Нет,— ответил Родни.— Для меня не существенно, таинство это или нет. Но тебе я хочу объяснить, что это контракт.

— О? — удивилась Аврелия.

Она казалась теперь немного, совсем немного, озадаченной.

— Брак,— продолжал Родни,— это контракт, который заключают двое людей, взрослых людей, обладающих определенными правами и ясно осознающих, на что они оба идут. Это своего рода партнерство, и каждый из партнеров берет на себя особые обязательства, состоящие в том, чтобы соблюдать условия контракта, а это и означает поддерживать друг друга в самых различных обстоятельствах: в болезни и в здравии, в горе и в радости, в богатстве и в бедности. Оттого, что слова эти произносят в церкви, в присутствии священника, они не перестают быть контрактом, подобным любому соглашению, достигнутому двумя людьми по доброй воле. И то, что не все из возложенных на себя сторонами обязательств подлежат рассмотрению в суде, вовсе не означает, что они меньше связывают. Надеюсь, ты согласна, что это справедливо?

Помолчав, Аврелия сказала:

— Возможно, когда-то так и было. Но в наше время все изменилось, многие не венчаются в церкви и не повторяют слов вслед за священником.

— Может быть. Но восемнадцать лет тому назад Руперт Каргил связал себя клятвой, произнесенной в церк-

ви, и я уверяю тебя, что тогда он верил в нее и собирался ей следовать.

Аврелия пожала плечами.

Родни продолжал:

— Согласна ли ты, что Руперт Каргил заключил такой контракт, пускай и не оформленный юридически, с женщиной, которая является его женой? В то время он признавал, что опасность бедности и болезни существует, и прямо сказал, что ни то, ни другое не повлияет на прочность брачных уз.

Аврелия еще больше побледнела.

— Не понимаю, к чему ты клонишь? — спросила она

— Я хочу, чтобы ты признала, что супружество — не только возвышенные чувства и мысли, но и обычный деловой контракт. Ты признаешь это или нет?

— Признаю.

— А Руперт Каргил предлагает разорвать такой контракт при твоём попустительстве?

— Да.

— Не принимая в расчет прав и преимуществ другой стороны?

— У нее все будет нормально. Она не очень-то любит Руперта. Ее заботит только собственное здоровье и...

Родни решительно перебил ее:

— Меня не интересуют твои домыслы. Я хочу, чтобы ты признала факты.

— Домыслы ни при чем.

— Неправда. Ты понятия не имеешь, о чем думает и что ощущает миссис Каргил. Ты выбираешь то, что удобней тебе. А я добиваюсь от тебя, чтобы ты признала, что у нее есть права.

Аврелия упрямо откинула назад голову.

— Отлично. У нее есть права.

— В таком случае, ты понимаешь, что делаешь?

— Ты все сказал, папа?

— Нет, еще кое-что оставил напоследок. Ты понимаешь, не так ли, что Каргил занимается весьма важной и нужной работой, что его методы лечения туберкулеза принесли ему признание, что в медицинском мире он весьма заметная фигура и что, как это ни печально, личная жизнь человека может повлиять на его карьеру. Это означает, что работе Каргила, которой он занимается во благо человечества, будет не только нанесен значительный ущерб, но что,

возможно, она вовсе сойдет на нет из-за того, что вы с ним задумали вдвоем.

— Ты хочешь убедить меня в том, что мой долг — отказаться от Руперта, ради того, чтобы он продолжал приносить пользу человечеству? — спросила Аврелия с издевкой.

— Нет,— ответил Родни.— Я беспокоюсь только о нем...— Голос его неожиданно стал взволнованным.— Можешь мне поверить, Аврелия, что мужчина, который не занимается той работой, какой он хочет заниматься, работой, для которой он создан,— неполноценный мужчина. Могу дать тебе голову на отсечение, что, заставив Каргила отказаться ради тебя от любимого дела, ты однажды поймешь, что человек, которого ты любишь, несчастлив, неудовлетворен, постарел прежде времени, устал, ко всему равнодушен и живет не в полную силу. И если тебе кажется, что твоя любовь, или вообще любовь женщины, сможет заменить ему все остальное, то, скажу тебе прямо, ты просто сентиментальная дуреха.

Родни замолчал. Он откинулся в кресле. Провел рукой по волосам.

— Это ты так думаешь,— сказала Аврелия,— а откуда мне знать...— Она запнулась и начала сначала: — Откуда мне знать...

— Что это правда? Я отвечу тебе, что таково мое мнение и что я сужу по своему опыту. Я разговариваю с тобой, Аврелия, не только как отец, но и как мужчина.

— Да,— сказала Аврелия.— Я понимаю...

Родни заговорил опять, усталым, хрипловатым голосом.

— Решать тебе, Аврелия. Ты должна обдумать все, что я тебе сказал, согласиться с моими доводами или не принимать их. Я верю в то, что у тебя есть мужество и здравый смысл.

Аврелия медленно подошла к двери. Остановилась, взялась за ручку, обернулась.

Джоан испугала горечь, с какой она произнесла:

— Не надейся, что когда-нибудь я буду благодарна тебе, папа. По-моему... по-моему, я ненавижу тебя.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

Джоан хотела броситься за ней, но Родни жестом остановил ее.

— Оставь ее,— сказал он.— Оставь. Ты не понимаешь? Мы победили. .

Тем все и закончилось, вспоминала Джоан.

Аврелия бродила по дому молчаливая, отвечала односложно, если к ней обращались, а первой вообще старалась не заговаривать. Она худела и бледнела.

Через месяц она сказала, что хочет поехать в Лондон, чтобы учиться там в школе секретарей.

Родни сразу же согласился. Аврелия уехала, даже не сделав вид, что ей грустно с ними расставаться.

Вернувшись спустя три месяца навестить домашних, она держалась уже нормально, и, судя по ее рассказам, лондонская жизнь пришлась ей по вкусу.

Джоан успокоилась и поделилась своей радостью с Родни.

— Видишь, оказалось, все дело не стоило и выведенного яйца. Я ни секунды не сомневалась, что у нее это не серьезно — глупая девичья фантазия, не более того.

Родни взглянул на нее, улыбнулся и сказал:

— Бедная крошка Джоан.

Джоан всегда злилась, когда он так говорил.

— Согласись, что эта история доставила немало горя.

— Да,— подтвердил Родни,— конечно, доставила. Но не тебе, правда, Джоан?

— Что ты хочешь сказать? Все, что касается детей, задевает меня гораздо больше, чем тебя.

— Неужели? — удивился Родни.— Странно...

Правда, подумала Джоан, отношения у Аврелии и Родни стали довольно прохладными. Прежде они были большими друзьями. Теперь же остались взаимно вежливы, и не более того. И напротив, с матерью дочь вела себя очень мило, хотя, как всегда, достаточно сдержанно и независимо.

Наверное, предположила Джоан, покинув родные стены, она стала больше ценить меня.

Ей хотелось, чтобы Аврелия приезжала почаще. Ее рассудительность, думала она, способствует порядку в доме.

Барбара повзрослела, и поладить с ней стало непросто.

Джоан все чаще огорчалась из-за того, каких она себе выбирает друзей. Дочь оказалась на редкость неразборчивой. В Крейминстере было полным-полно приятных девочек, но Барбара, будто ей назло, не желала дружить ни с одной из них.

...Они ужасно скучные.

— Глупости, Барбара. Я уверена, что и Мери, и Элисон очаровательные веселые девочки.

— Они гадкие. Они носят банты.

Джоан озадаченно смотрела на нее.

— Послушай, Барбара, как тебя понимать? Какое это имеет значение?

— Имеет. Это как символ.

— По-моему, дорогая, мы обсуждаем какие-то глупости. Есть еще Памела Грейлинг — мы с ее мамой были большими подругами. Почему бы тебе не встречаться с ней почаще?

— Ой, мама, она такая противная, ну совсем не симпатичная.

— Знаешь, а по-моему, все они славные девочки.

— Да, славные такие зануды. И потом, не все ли равно, что думаешь ты?

— Ты грубишь, Барбара.

— Ну я хочу сказать, что не тебе же с ними дружить. Поэтому важно то, что думаю я. А мне нравятся Бетти Эрл и Примроуз Дин, а ты вечно воротишь нос, если я приглашаю их к нам.

— Честно говоря, детка, они обе довольно невоспитанные. Отец Бетти устраивает эти никому не нужные автобусные экскурсии и вообще он некультурный.

— Зато богатый.

— Богатство — это еще не все, Барбара.

— В общем-то, вопрос в том, могу я сама выбрать себе друзей или нет.

— Конечно, можешь, детка, но ты должна позволить мне помогать тебе. Ты же еще так неопытна.

— Это значит, что не могу. Меня просто бесит, что я не могу делать ничего, что мне нравится! Наш дом — настоящая тюрьма.

Именно тут Родни вошел и спросил:

— Что за тюрьма?

— Дом — тюрьма! — крикнула Барбара.

И вместо того, чтобы отнестись к ее словам серьезно, Родни прыснул со смеху и говорит:

— Бедная малышка Барбара — с ней обращаются как с рабом на плантации.

— Да, именно так.

— Вот и прекрасно. Я одобряю обращение с дочерьми как с рабынями.

И Барбара, обняв его, выпалила:

— Родной мой папочка, ты такой... такой ~~чужак~~. Я никогда не могу на тебя долго злиться.

— Я надеюсь, что...— начала было Джоан с возмущением.

Но Родни захохотал, а когда Барбара ушла из комнаты, сказал:

— Не воспринимай все слишком серьезно, Джоан. Молоденьким кобылкам иногда необходимо чуть-чуть побрякаться.

— Но у нее такие ужасные подруги...

— Короткий период, когда привлекает все яркое. Пройдет. Не волнуйся, Джоан.

Легко сказать «не волнуйся», с возмущением подумала она.

Что было бы с ними со всеми, если бы она не волновалась? Родни все-таки слишком беззаботен, он не способен понять, что такое материнские чувства.

Но беспокойство из-за подружек Барбары померкло когда на горизонте замаячили молодые люди, к которым она испытывала симпатию.

Это были Джордж Хармон и еще более неподходящий молодой Уилмор — не просто сотрудник юридической фирмы-конкурента (бравшейся за самые сомнительные юридические дела в городе), но еще выпивоха, болтун и любитель поиграть на бегах. Именно с молодым Уилмором Барбара исчезла из городской ратуши во время рождественского благотворительного бала, а явившись после пяти пропущенных танцев, чуть смущенно, но независимо поглядывала в сторону матери.

Они, видите ли, сидели на крыше, а это, объяснила Джоан Барбаре, позволяют себе только на все готовые девчонки, и поэтому она безмерно огорчена.

...Не будь такой старомодной, мама. Это нелепо.

— Я вовсе не старомодная. И позволь сказать тебе, Барбара, что многие прежние представления возвращаются. Девушки не ведут себя с молодыми людьми так же вольно, как десять лет назад.

— Послушай, мама, можно подумать, кто-то решил, что я отправилась с Томом Уилмором на уик-энд.

— Не болтай, Барбара, я не желаю этого обсуждать. Я слышала, что ты была с Джорджем Хармоном в «Собаке и утке».

— Мы устроили небольшую вылазку, прошлись по пабам.

— Знаешь, ты еще слишком мала для таких развлечений. Мне совсем не нравится, что девушки теперь пьют спиртные напитки.

— Я выпила только пива. Вообще-то, мы играли в дартс¹.

— И все равно ничего хорошего, Барбара. Более того, я не стану терпеть это. Мне не нравятся ни Джордж Хармон, ни Том Уилмор, и я не желаю больше видеть их обоих у нас дома, ты поняла?

— О'кей, мама, это твой дом.

— И вообще, мне непонятно, что ты в них нашла.

Барбара пожала плечами.

— Сама не знаю. Просто они симпатяги.

— Допустим, но я не разрешаю приглашать их к нам, слышишь?

Именно поэтому Джоан и была раздосадована, когда однажды воскресным вечером Родни притащил молодого Хармона к ним ужинать. С ее точки зрения, он проявил непростительную мягкотелость. Она напустила на себя холодность, и юноша чувствовал себя неловко, несмотря на искреннее дружелюбие Родни и усилия, приложенные им, чтобы гость чувствовал себя как дома. Джордж Хармон то говорил слишком громко, то мямлил, хвастал, и тут же стыдливо затихал.

В тот же вечер, попозже, Джоан учинила Родни допрос с пристрастием.

— Разве ты не знал, что я не велела Барбаре приглашать его к нам?

— Знал, Джоан, но это твоя ошибка. Барбаре не хватает здравого смысла. Она плохо разбирается в людях. Не отличает показного от настоящего. Встречаясь с людьми в незнакомой обстановке, она не может их трезво оценить. Вот почему ей необходимо видеть их в привычном для нее окружении. Молодой Хармон был в ее глазах лихим соблазнителем, а не глуповатым хвастунишкой, который слишком много пьет и лодырничает.

— Я могла ей все это объяснить!

Родни улыбнулся.

¹ Дартс — дротик, игра, особенно популярная в пабах: небольшие дротик бросают в разграфленный пробковый круг на стене

— Джоан, милая, все наши доводы — для молодежи пустой звук.

Джоан смогла убедиться в правоте его слов, когда Аврелия в очередной раз ненадолго приехала домой.

На этот раз приглашен был Том Уилмор. Столкнувшись с высокомерной неприязнью Аврелии, Том показал себя полнейшим слабаком.

Спустя некоторое время Джоан уловила обрывок разговора двух сестер.

— Он тебе не понравился, Аврелия?

И Аврелия, презрительно передернув плечами, ответила:

— По-моему, он чудовище. Ты, Барбара, совершенно не разбираешься в мужчинах.

После этого Уилмор исчез со сцены, а вероломная Барбара однажды фыркнула: «Том Уилмор? Ой, он чудовище». Искренне и убежденно.

Джоан организовывала теннисные соревнования и приглашала в дом гостей. Барбара упорно не желала ни в чем участвовать.

— Что за суета, мама. Вечно тебе надо кого-то сюда зазывать. Я терпеть не могу гостей, к тому же ты приглашаешь одних зануд.

Обидевшись, Джоан сердито сказала, что она умывает руки и больше не намерена развлекать Барбару.

— Я просто не понимаю, чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы меня оставили в покое.

Барбара в самом деле самый трудный ребенок, пожаловалась Джоан Родни. Родни согласился, чуть нахмурившись.

— Если бы она хотя бы объяснила, чего ей надо,— недоумевала Джоан.

— Она сама не знает. Барбара слишком молода.

— Именно поэтому и следует решать за нее.

— Нет, моя милая, ей предстоит выбрать свой собственный путь. Дай ей свободу, позволь приглашать друзей, если она хочет, но не стоит ничего организовывать. Это отталкивает молодежь.

Очень по-мужски, подумала Джоан не без досады. Оставить все как есть и не принимать решений! Черт возьми, Родни всегда был ужасно нерешительным, теперь она это поняла окончательно. Это ей приходится быть за все в ответе! И тем не менее все вокруг наперебой твердят, что юриста толковей его не найти.

Джоан вспомнила тот вечер, когда Родни, вычитав в местной газете объявление о свадьбе Джорджа Хармона и Примроуз Дин, спросил ехидно:

— Объект твоего пылкого увлечения, а, Бэбс?

Барбара вполне добродушно рассмеялась.

— Знаю. Джоан мне ужасно нравился. Но он очень противный, правда? Да, да, очень.

— Мне этот молодой человек всегда казался на редкость неинтересным. Понять не могу, что ты в нем нашла?

— Сейчас я и сама не понимаю.— О грехах, прости-тельных в семнадцать, Барбара рассуждала теперь с высоты своих восемнадцати.— Но знаешь, папа, я ведь всерьез любила его. Я опасалась, что мама разлучит нас, и собиралась с ним сбежать, а если бы вы с ней остановили меня, то я бы засунула голову в духовку, чтобы покончить с собой.

— Джульетта¹, да и только!

Надувшись, Барбара сказала:

— Но я ведь серьезно, папа. В конце концов, если не можешь чего-то стерпеть, остается только себя убить.

И тут Джоан, у которой больше не было сил молчать, решительно вмешалась:

— Не говори таких ужасных вещей, Барбара. Ты сама не понимаешь, о чем говоришь!

— Я и забыла, что ты здесь, мама. Ты-то уж, конечно, никогда бы не совершила ничего такого. Ты всегда сдержанна и рассудительна, что бы ни случилось.

— Надеюсь.

Джоан сделала над собой усилие, чтобы не отругать ее. Когда Барбара ушла, она сказала Родни:

— Ты не должен поощрять пустую болтовню.

— Девочке полезно выговориться.

— Уверена, она никогда не наделает глупостей, о которых тут болтала.

Родни промолчал, и Джоан взглянула на него удивленно.

— Надеюсь, ты не допускаешь...

— Нет-нет, ни в коем случае. Она повзрослеет, станет разумней. Но у Барбара невероятно тонкая кожа, она очень неуравновешенная, и мы с тобой, Джоан, обязаны об этом помнить.

¹ Джульетта — героиня трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (1594—1595).

— Это так странно!

— Да, для нас, умеющих все разложить по полочкам. Но не для Барбары. Она предельно чистосердечна и импульсивна. Живет настоящим и не умеет смотреть на вещи со стороны и с юмором. Она не по годам сексуальна...

— В самом деле, Родни! Можно подумать, ты излагаешь в уголовном суде какое-нибудь кошмарное дело.

— В кошмарных уголовных делах фигурируют живые люди, не забывай об этом.

— Верно. Но хорошо воспитанные девочки вроде Барбары не могут...

— Чего не могут, Джоан?

— Давай не будем ссориться?

Родни вздохнул.

— Да-да, разумеется. Но мне бы очень хотелось, очень, чтобы Барбара познакомилась с каким-нибудь хорошим парнем и влюбилась в него без оглядки.

И после этого, словно угадав его желание, юный Уильям Рэй прибыл из Ирака на родину погостить к тетушке, леди Хэрриот.

Джоан впервые увидела Уильяма примерно через неделю после его приезда. Однажды днем, когда Барбары не было дома, его проводила к ней в гостиную служанка. Джоан сидела за письменным столом и, с удивлением подняв голову, увидела высокого здоровяка с выступающим подбородком, очень розоволицего и голубоглазого.

Порозовев еще сильнее, Билл Рэй промямлил себе под нос, что он племянник леди Хэрриот и зашел... э-э-э... чтобы занести ракетку мисс Скюдмор, которую та забыла позавчера.

Джоан, мигом прикинув, что и как, вежливо его поблагодарила.

Барбара такая рассеянная, сказала она. Повсюду забывает свои вещи. Ее сейчас нет, но, вероятно, она вот-вот появится. Мистер Рэй вполне мог бы ее дожидаться и выпить чаю.

Мистер Рэй, похоже, не возражал, поэтому Джоан позвонила в колокольчик, велела приготовить чай, а потом осведомилась о его тетушке.

Здоровья леди Хэрриот хватило минут на пять, после чего беседа застопорилась. Мистер Рэй даже и не пытался придать ей живость. Он оставался все таким же розовым, сидел, будто кол проглотил, и, судя по выражению лица,

сильно мучился. Вовремя подоспевший чай принес ему временное облегчение.

Джоан из кожи вон лезла, чтобы как-то поддержать разговор, и тут, к ее счастью, Родни чуть раньше вернулся из конторы. Он подоспел как нельзя кстати. Расспросил об Ираке, разговорил юношу, задав ему несколько самых простых вопросов, и вскоре болезненная застенчивость Билла Рэя куда-то исчезла. Через некоторое время он стал самим собой. Затем Родни увел его к себе в кабинет. Лишь около семи Билл наконец откланялся, да и то не слишком охотно.

— Хороший парень,— заключил Родни.

— Да, неплохой. Застенчивый.

— Верно. Но я не думаю, что он всегда так стесняется.

— Как долго он у нас просидел!

— Больше двух часов.

— Ты, наверное, безумно устал, Родни.

— Нет, нет, я получил удовольствие. У этого мальчика хорошая голова и свой взгляд на вещи. Философский склад ума. Да, мне он понравился.

— Ты, кажется, тоже ему понравился, не зря же он проболтал с тобой столько времени.

С лукавым видом Родни объяснил:

— Он застрял не потому, что хотел поговорить со мной. Ждал, пока вернется Барбара. Слушай, Джоан, неужели ты так и не научилась распознавать любовь? Бедняга страшно смущался. Потому и был красный как помидор. Видимо, ему стоило огромных усилий заставить себя к нам прийти, и вот наконец явился — а дамы и след простыл. Да, типичный пример любви с первого взгляда.

Когда Барбара примчалась домой ужинать, Джоан сказала:

— Приходил один из твоих приятелей, Барбара, племянник леди Хэрриот. Принес твою ракетку.

— А, Билл Рэй? Значит, он ее нашел. Позавчера она куда-то исчезла.

— Он посидел у нас немного.

— Жаль, мы с ним разминулись. Я ходила в кино с Крэбсами. Ну и дурацкий же фильм! Вам не очень надоел Билл?

— Нет,— ответил Родни.— Мне он понравился. Мы обсудили ближневосточную политику. Вот тебе, я думаю, это бы надоело.

— Мне нравится слушать про всякие необычные места. Я бы очень хотела попутешествовать. Осточертело все время торчать в Крейминстере. Билл хотя бы не такой, как остальные.

— Ты могла бы поискать себе работу.

— Ой, работать! — Барбара сморщила нос. — Пап, я такая лентяйка. Мне не нравится работать.

— Боюсь, в этом отношении ты не сильно отличаешься от большинства людей, — заметил Родни.

Барбара бросилась к нему и обняла.

— Зато ты слишком много работаешь, я всегда говорила. Мне тебя жалко! — Затем, отпустив отца, она сказала. — Позвоню Биллу. Он предлагал ползать вместе по вершинам Марседена...

Родни смотрел ей вслед, пока она шла к телефону, стоявшему в глубине холла. Это был необычный взгляд, в нем сквозила тревога.

Ему понравился Билл Рэй, да, безусловно, сразу понравился. Почему же тогда он выглядел таким обеспокоенным, когда Барбара объявила, что они с Биллом помолвлены и хотели бы побыстрее пожениться, чтобы она могла уехать в Багдад вместе с ним?

Билл был молод, со связями, с собственными деньгами и имел хорошие виды на будущее. Так почему Родни возражал и предлагал продлить помолвку? Почему он ходил хмурый, растерянный, озадаченный?

А потом, уже перед самой свадьбой, эта неожиданная настойчивость, с какой он доказывал, что Барбара еще слишком молода!

Что ж, Барбара не пожелала ничего слушать, а спустя полгода, после того как она вышла за своего Билла и уехала в Багдад, Аврелия тоже объявила, что помолвлена с биржевым маклером по имени Эдвард Харрисон-Уилмот.

Эдвард оказался скромным, приятным мужчиной тридцати четырех лет, к тому же был прекрасно обеспечен

Итак, думала Джоан, все, похоже, устроилось как нельзя лучше. Родни помалкивал насчет помолвки Аврелии, но когда Джоан на него надела, сказал:

— Да-да, это хорошо. Он человек приличный

После свадьбы Аврелии Джоан и Родни остались в доме одни.

Тони, отучившись в сельскохозяйственном колледже,

провалил экзамены, доставив тем самым им немало хлопот, и в конце концов уехал в Южную Африку, где в Родезии одному из клиентов Родни принадлежала большая апельсиновая плантация. Тони присылал им бодрые, хотя и не слишком подробные письма. А как-то раз сообщил, что обручился с барышней из Дурбана¹. Джоан ужасно огорчало, что ее сын собирается жениться на девушке, которую они вообще никогда не видели. У невесты ко всему не было денег, и вообще, сказала она Родни, что они о ней знают? Совсем ничего.

Родни ответил, что решать будет Тони, а им остается лишь надеяться на лучшее. Судя по фотографии, которую прислал сын, девушка приятная, к тому же, видимо, готова помочь ему начать в Родезии небольшое собственное дело.

...Только представь, что они проведут там всю жизнь и почти не будут приезжать домой. Надо было заставить Тони работать на фирме, я же говорила!

Родни, улыбнувшись, заметил, что он не мастер заставлять.

— Нет, в самом деле, Родни, ты должен был настоять. Он бы вскоре смирился. Так всегда бывает

Да, согласился Родни, верно. Но риск чересчур велик.

Риск? Джоан сказала, что не понимает, о чем он толкует. При чем тут риск?

Родни объяснил, что существовал риск сделать мальчика несчастливым.

Джоан ответила ему, что все эти рассуждения про счастье порой выводят ее из терпения. Такое ощущение, что никто вообще не способен думать о чем-либо другом. Жизнь не состоит из сплошного счастья. Есть кое-что и поважнее.

— Что именно? — поинтересовался Родни.

— Ну, чувство долга, например, — после минутного раздумья ответила она.

Родни возразил ей, что становиться юристом из чувства долга совершенно не обязательно.

Начав злиться, Джоан ответила, что Родни отлично понимает, что она имела в виду. Долг Тони — радовать отца, а не доставлять ему огорчения.

¹ Дурбан — город и порт в Южно-Африканской Республике на побережье Индийского океана.

— Тони не огорчал меня.

Но неужели, воскликнула Джоан, Родни не огорчает, что его единственный сын живет бог знает где, на краю света, и они не имеют возможности видеть мальчика?

— Да,— согласился Родни со вздохом.— Должен признаться, что чрезвычайно скучаю без Тони. Еще бы, столько лет иметь подле себя такого чудесного, жизнерадостного паренька. Да, я скучаю...

— Вот я и говорю. Ты должен был проявить твердость.

— Но, Джоан, это ведь его жизнь. Не наша. Наша худо-бедно идет к завершению, я имею в виду активный период.

— Да... пожалуй... с этим я в общем-то согласна.— Помолчав немного, она добавила: — Что ж, мы прожили хорошую жизнь. И она пока продолжается.

— Я рад это слышать.

Он улыбался ей. У Родни была приятная улыбка, немного насмешливая. Иногда казалось, он улыбается тому, чего никто, кроме него, не замечает.

— Все дело в том, что мы очень друг другу подходим.

— Верно, ссорились мы не слишком часто.

— И с детьми нам повезло. Не дай Бог, они бы дурно себя проявили, были бы несчастными или что-нибудь еще в этом роде.

— Смешная ты, Джоан,— сказал Родни.

— Но, Родни, это на самом деле было бы ужасно огорчительно.

— Не думаю, что ты бы долго огорчалась, Джоан.

— Пожалуй.— Она немного поразмыслила.— Конечно, я очень уравновешенная. Знаешь, я считаю — долг человека не поддаваться обстоятельствам.

— Достойная и удобная позиция.

— Ведь так приятно чувствовать себя победителем,— заметила она, улыбаясь.

— Да.— Родни вздохнул.— Да, должно быть, очень приятно.

Джоан, рассмеявшись, легонько похлопала его по руке.

— Не скромничай, Родни. Ни у одного юриста в округе нет практики обширней, чем твоя. Клиентов стало больше, чем во времена дяди Генри.

— Да, фирма процветает.

— И капитал вырос с появлением нового партнера. Разве ты не рад, что у тебя есть новый партнер?

Родни кивнул.

— О да, нам нужна молодая кровь. Мы с Олдерменом оба постарели.

Да, подумала Джоан, это правда. Темные волосы Родни заметно отливают серебром.

Джоан поднялась и взглянула на часы.

Утро бежало быстро, а беспорядочные тяжелые мысли, которые столь упорно ей досаждали, пока не возвращались.

Что ж, выходит, дисциплина — девиз, которому стоит следовать. Подчинить мысли определенному порядку, вспоминать только о приятном и о хорошем. Именно так она и поступила сегодня, и вот, пожалуйста, — утро на исходе. Часа через полтора ей подадут ленч. Может, стоит все-таки прогуляться неподалеку от гостиницы. Встряхнуться немного перед тем, как употреблять горячую тяжелую пищу.

Джоан сходила в свою комнату, надела двойную фетровую шляпу и вышла на улицу.

Арабский мальчик стоял на коленях, обратив лицо к Мекке¹, отвешивал поклоны и высоким гнусавым голосом тянул молитву.

Индус, незаметно появившись за спиной у Джоан, пояснил наставительно:

— Он совершать дневную молитву.

Джоан кивнула. Информация показалась ей не особенно содержательной. Она и сама видела, чем занимается мальчик.

— Он говорит, Аллах очень помогать, очень добрый.

— Я знаю, — сказала Джоан, направляясь к путанице из колючей проволоки, огораживавшей железнодорожную станцию.

Она припомнила, как наблюдала за усилиями шести или семи арабов, пытавшихся сдвинуть с места увязший в песке старый «форд», толкая его в разные стороны, и как ее зять, Уильям, объяснил ей, что свои целенаправленные, но бесплодные усилия они сопровождают обнадеживающими словами: «Аллах милостив».

У Аллаха нет выхода, подумала Джоан, поскольку лишь

¹ Мекка — город в Саудовской Аравии, где, по преданию, родился пророк Мухаммед, священный город мусульман. Место паломничества.

чудо способно освободить машину, которую они раскачивают кто куда!

Самое интересное, что все были веселы и довольны. «Инсаллах», говорили они, «если угодно Господу», и потому не считали нужным напрягать умственные способности, дабы удовлетворить свои желания. Такой образ мыслей не казался Джоан правильным. Человек должен обдумывать и составлять планы на будущее. Впрочем, для тех, кто живет в дыре вроде Тель-Абу-Хамида, это, быть может, и не обязательно.

Если остаться тут надолго, то, возможно, спутаешь все дни недели ..

Так, надо сообразить, сегодня четверг... да, четверг, а я приехала сюда в понедельник вечером.

Она уже приблизилась к колючей проволоке и заметила сразу за ней человека в форме и с винтовкой. Он стоял, прислонившись к ящику, и, по всей видимости, караулил станцию или границу.

Часовой задремал, и Джоан решила не ходить дальше, чтобы он случайно не пристрелил ее спросонья. Такое вполне возможно в Тель-Абу-Хамиде.

Она ускорила шаг, слегка изменив направление, чтобы обойти вокруг гостиницы. Таким образом она убьет время и избежит риска испытать снова это странное ощущение агорафобии (если это агорафобия).

Все-таки, подумала Джоан с удовлетворением, утро прошло удачно. Она перебрала в уме все, чем должна быть довольна. Брак Аврелии и славного Эдварда, такого солидного, надежного человека, и притом весьма обеспеченного. Лондонский дом Аврелии — настоящая сказка, и в двух шагах от «Хэрродса». Замужество Барбары. Женитьба Тони, увы, не самая удачная — по сути дела, они ничего о ней не знают — да и сам Тони не такой примерный сын, как хотелось бы. Тони должен был остаться в Крейминстере и поступить на фирму Олдермена, Скюдмора и Уитни. Жениться на хорошей английской девушке, любительнице сельской жизни, и пойти по стопам отца.

Жаль Родни — голова седеет, а заменить некому.

Беда в том, что Родни не проявил характера. Он обязан был настоять на своем. Твердость — вот без чего никак нельзя обойтись. Интересно, подумала она, где был бы сейчас сам Родни, не прояви я твердости? На душе у нее немного потеплело при мысли о собственной дальновид-

ности. Увяз бы в долгах, скорее всего, выклянчивал бы ссуды, как фермер Ходдесдон. Хотелось бы знать, ценит ли Родни то, что она для него сделала...

Джоан посмотрела вперед, на размытую линию горизонта. Странное ощущение расплывчатости, проталин. Конечно, вспомнила она, мираж!¹

Да, именно так, мираж... похоже на лужи в песке. Мираж представлялся ей совсем другим — в воображении всплывали деревья, города — нечто более зримое.

Но даже такой не особо впечатляющий эффект возникновения воды был все же любопытен — он давал возможность почувствовать... реальность. А что такое реальность?

Мираж, думала Джоан, мираж. Звучит весомо. О чем это она думала? А, конечно, о Тони, о том, до чего неслыханно эгоистично и необдуманно он повел себя.

Повлиять на Тони всегда было крайне трудно.

С виду мягкий, покорный, он тихо, с милой улыбкой делал все по-своему. Тони никогда не был привязан к ней так, как должен быть привязан сын к матери. Говоря откровенно, он всегда больше любил отца.

Она вспомнила, как Тони, семилетний малыш, среди ночи вошел в гостиную, где спал Родни, и объявил спокойно и деловито:

«По-моему, папа, мне попалась поганка вместо съедобного гриба, у меня ужасно болит живот, и, наверное, я умру».

Оказалось, что поганка, как и грибы вообще, ни при чем. У мальчика был острый аппендицит, и его в тот же день прооперировали. Но ей до сих пор непонятно, почему ребенок разбудил Родни, а не ее. Было бы куда естественней, если бы Тони пришел к матери.

Да, с Тони было нелегко во многих отношениях. Ленился в школе. Кое-как занимался спортом. Он был очень хорошеньким ребенком, и Джоан с удовольствием брала его всюду с собой, но ему это не особенно нравилось и, к ее досаде, он умел в буквальном смысле испариться именно тогда, когда она искала его.

Защитная окраска — так называла это Аврелия,

¹ Мираж — оптический обман, возникающий в результате своеобразного преломления световых лучей в различных по плотности и температуре слоях воздуха, как, например, видение оазиса, корабля и т.п. в пустыне.

вспомнила Джоан. «Тони гораздо лучше нас умеет использовать защитную окраску», — говорила она.

Джоан не слишком отчетливо понимала, какое значение она вкладывала в эти слова, но они все же исподволь обижали ее...

Она взглянула на часы. Прогулка не должна чрезмерно ее разгорячить. Пора вернуться в гостиницу. Утро выдалось чудесное, никаких приключений, никаких неприятных мыслей, никакой агорафобии...

В самом деле, вдруг возмущился внутренний голос, ты говоришь будто больничная сиделка. Что с тобой, Джоан Скюдмор? Ты больная, умственно неполноценная?

Чем ты гордишься и почему так насторожена? Что особенного в том, чтобы нормально провести хорошее утро?

Джоан успела вернуться в гостиницу и очень обрадовалась, увидев консервированные груши, которые ей подали для разнообразия.

После ленча она пошла к себе и прилегла.

Если бы удалось поспать до чая...

Однако ни о каком сне не могло быть и речи. Голова работала четко. Она лежала с закрытыми глазами, тревога и страх не покидали ее, будто она чего-то ожидала... была начеку, готовилась защититься от затаившейся где-то рядом опасности. Даже ее мышцы непроизвольно напрягались.

Я должна расслабиться, думала Джоан, должна расслабиться.

Но расслабиться не получалось. Тело стало деревянным, скованным. Сердце билось немного быстрее, чем обычно. В целом ощущение было ей чем-то знакомо. Она сосредоточилась и наконец нашла верное сравнение — как в приемной у дантиста.

Ожидание чего-то заведомо неприятного, желание убедить себя, что это не так, заставить себя не думать о предстоящем и уверенность, что пытка ближе с каждой минутой...

Но какая пытка... чего она ждет?

Что должно случиться?

Ящерицы, решила она, скрылись в щели... потому что приближается буря... затишье... перед бурей... ожидание... ожидание...

Господи Боже, опять мысли путаются.

Мисс Гилби... дисциплина... самопознание...

Самопознание! Надо углубиться в себя. Кажется, полезно что-то повторять... Что именно? Что это? Теософия? Буддизм...¹

Нет-нет, надо придерживаться собственной веры. Подумать о Господе. О любви к Господу. Господь... Отче наш, сущий на небесах!²

Ее собственный отец, с его квадратной, ровно подстриженной капитанской бородкой, внимательными голубыми глазами, любил, чтобы и в доме был порядок, как на корабле. Благодушный солдафон, типичный отставной адмирал. И мать, высокая, худая, нескладная, неряха, такая добрая, что люди готовы были ей все простить, даже если она их бесконечно раздражала.

Мать ходила в гости в странных перчатках, мятой юбке и шляпке, косо припиленной к копне седых, с металлическим блеском, волос, и совершенно не подозревала, что выглядит как-то не так. А адмирал всегда обрушивал свой гнев на дочерей и никогда на жену.

...Вы почему, девочки, не можете присмотреть за матерью? Как позволили ей выйти из дому в таком виде? Не допущу эдакой распущенности! — рычал он.

И три дочери покорно отвечали:

— Да, папа. — А потом, уже между собой: — Он прав, но что с этим можно поделать!

Джоан конечно же очень любила мать, но любовь не мешала ей видеть, что это чрезвычайно безалаберная женщина, чья беззаботность и добросердечие не могут замечать порядка и основательности.

Когда после ее смерти Джоан разбирала бумаги, она с большим удивлением прочитала письмо отца, написанное в день двадцатой годовщины их свадьбы.

Я глубоко опечален, что не могу быть сегодня с тобой, сердце мое. Но мне бы хотелось сказать тебе в этом письме о том, что для меня означала на протяжении всех этих лет твоя любовь и заверить тебя, что сейчас ты мне еще дороже, чем прежде. Любовь твоя — счастье всей моей жизни, и я благодарю Господа за нее и за тебя...

¹ Буддизм — одна из мировых религий, возникшая в Древней Индии в VI—V веках до н.э., основателем которой считается принц Сиддхартха Гаутама, прозванный Буддой, т.е. «Просветленным».

² Начало молитвы, которой научил Иисус своих учеников. Евангелие от Матфея, гл. 6; ст. 9.

Ей почему-то никогда не приходило в голову, что отец испытывал к матери подобное чувство...

В декабре будет двадцать пять лет, как мы с Родни женаты, вспомнила Джоан. Серебряная свадьба. Как было бы приятно, если бы он написал мне такое письмо...

Она сочинила письмо в уме.

Милая моя Джоан... я почувствовал, что должен написать тебе о том, скольким я обязан тебе... и сколько ты для меня значишь... Ты даже не представляешь, я уверен, что твоя любовь счастье всей моей жизни...

Почему-то, решила Джоан, прервав это упражнение для ума, звучит не слишком убедительно. Невозможно вообразить, что Родни напишет письмо... как бы он ее ни любил... как бы ни любил...

К чему так упрямо твердить об этом? Почему у нее какой-то странный озноб? О чем она думала до этого?

Ну разумеется! Джоан сразу пришла в себя. Она предполагала заняться духовным обновлением. А вместо этого стала думать о земных делах — об отце и матери, которых уже давным-давно нет на свете.

Умерли, оставили ее одну.

Одну в пустыне. Одну в такой противной, похожей на тюрьму комнате.

Где не о чем подумать, кроме себя самой.

Она вскочила. Зачем валяться, если невозможно уснуть?

Она возненавидела эти высокие комнаты с крохотными, затянутыми газом окошками. Стены обступают тебя. Заставляют чувствовать себя ничтожной, похожей на насекомое. Ей захотелось в большую, просторную гостиную с веселыми яркими занавесками и пылающим очагом, и чтобы было много людей... людей, которых можешь навесить ты, которые навесят тебя...

О, поезд ведь должен скоро прийти... он обязан скоро прийти. Или машина, или что-нибудь...

— Я не могу тут находиться, — произнесла Джоан вслух. — Я не могу находиться здесь!

(Говорить с собой, подумала она, очень плохой признак.)

Она выпила чаю и вышла на улицу. Сидеть неподвижно и думать больше нет сил.

Она выйдет и прогуляется, а думать не будет.

От мыслей одно расстройство. Взглянуть хотя бы на тех, кто здесь живет: индус, арабский мальчишка, повар. Возможно не сомневаться, что эти никогда не думают.

«Иногда я сидеть и думать, а иногда просто сидеть...»

Кто это сказал? Что за восхитительный образ жизни! Она не будет думать, будет просто ходить. Неподалеку от гостиницы — на всякий случай...

Сделает большой круг. Раз, еще раз. Как животное. Унизительно. Да, унизительно, но что поделаешь. Приходится за собой очень, очень следить. Иначе...

Иначе — что? Она не знает. Понятия не имеет.

Она не должна думать о Родни, она не должна думать об Аврелии, она не должна думать о Тони, она не должна думать о Барбаре. Она не должна думать о Бланш Хаггард. Она не должна думать о пунцовых бутонах рододендрона. (Ни в коем случае не должна думать о пунцовых бутонах рододендрона!) Она не должна думать о поэзии...

Она не должна думать о Джоан Скьюдмор. Но это я сама! Нет, не я. Да, я...

Если тебе не о чем подумать, кроме себя самой, то что ты узнаешь о себе?

— Я не хочу знать! — сказала Джоан вслух.

Звук собственного голоса удивил ее. Чего она не хочет знать?

Сражение, подумала она, я веду безнадежное сражение.

Но против кого? Против чего?

Не имеет значения, решила она. Не хочу знать...

Надо запомнить. Хорошее выражение.

Странное какое-то чувство, будто кто-то идет рядом с ней. Кто-то, кого она хорошо знает. И если повернуть голову... что ж, она поворачивала голову, но никого не оказалось. Совсем никого.

И все же ощущение, что кто-то есть, не покидало ее. Джоан испугалась. Родни, Аврелия, Тони, Барбара — никто из них не поможет ей, никто не сможет помочь ей, никто из них не захочет помочь ей. Им всем безразлично.

Она вернется в гостиницу и отделается от того, кто шпионит за ней.

Индус стоял у решетчатой двери. Джоан немного пошатывало. То, как он уставился на нее, рассердило ее.

— В чем дело? — спросила она. — Что случилось?

— Мемсаиб выглядит нехорошо. Может, у мемсаиб лихорадка?

Вот именно. Так и есть. У нее лихорадка! Как глупо, что она сама не догадалась.

Она поспешила войти в дом. Надо измерить температуру, найти хинин. У нее где-то был хинин.

Достав термометр, она сунула его под язык.

Лихорадка... ну разумеется, это лихорадка! Сумятица в мыслях... неоправданные страхи... дурные предчувствия. участвовавшее сердцебиение.

Физическое состояние — ничего больше.

Джоан вынула термометр, посмотрела: 98,2¹. Если только совсем чуть-чуть выше нормы.

До вечера она кое-как дотянула. Теперь тревога за себя ододела ее не на шутку. Солнце тут ни при чем, лихорадка ни при чем, значит, все дело в нервах.

Всего лишь нервы, как принято говорить. Она и сама говорила так о других. Что ж, раньше она не понимала. Зато теперь поняла. В самом деле, всего лишь нервы! Нервы — это проклятие! Как ей нужен сейчас доктор, хороший, участливый доктор, и больница, и добрая, умелая сиделка, которая будет при ней неотлучно. «Миссис Скьюдмор нельзя оставлять одну». А в ее распоряжении есть лишь тюрьма с белеными стенами посреди пустыни, полуграмотный индус, дурачок-араб и повар, который с минуты на минуту подаст ей рис с консервированным лососем, бобы в томатном соусе и яйца вкрутую.

Все не так, решила Джоан, совершенно неподходящее лечение в моем случае...

Поужинав, она пошла к себе в комнату и поискала баночку с аспирином. Оставалось шесть таблеток. В отчаянии Джоан приняла все шесть. На завтра ничего не оставалось, но она чувствовала, что необходимо предпринять хоть что-то. Больше никогда, сказала она себе, не отправлюсь в дорогу без какого-нибудь подходящего снотворного.

Раздевшись, Джоан с замирающим сердцем улеглась в постель.

Как ни странно, заснула она мгновенно.

В ту ночь ей приснилось, что она в большой тюрьме с

¹ По Цельсию это примерно 36,8°.

петляющими коридорами. Она хотела выбраться и не могла найти дорогу, хотя отдавала себе отчет в том, что знает ее...

«Ты обязана вспомнить,— убеждала она себя искренне,— обязана вспомнить...»

Утром Джоан проснулась разбитая, но спокойная.

«Ты обязана вспомнить»,— сказала она себе.

Встала, оделась и позавтракала.

Чувствовала себя вполне прилично, возможно, была совсем немного на взводе, но не более того.

Вероятно, скоро все начнется сначала, подумала она. Ничего не поделаешь.

Джоан неподвижно сидела на стуле. Скоро она выйдет, но не сразу. Не стоит стараться думать о чем-то конкретном — и стараться не думать тоже не стоит. И то и другое слишком утомительно. Она позволит себе плыть по течению.

Приемная Олдермена, Скюдмора и Уитни — белые наклейки на папках с делами. «Владение покойного сэра Джаспера Фоулкса». «Полковник Этчингэм Уилмс». Похоже на театральную бутафорию.

Питер Шерстон отрывает голову от стола и смотрит весело и приветливо. Как он похож на мать, нет, не совсем, у него глаза Чарлза Шерстона. Такой живой, сообразительный, хитрый взгляд. Я бы не стала особенно доверять ему на месте Родни, подумала она.

Забавно, что она тогда об этом подумала!

Шерстон совсем опустил голову после смерти Лесли. Все и оглянуться не успели, как он умер от пьянства. Детей взяли родственники. Третий ребенок, девочка, умерла через полгода после рождения.

Джон, старший мальчик, поступил в Лесной институт. Он был теперь где-то в Бирме. Джоан вспомнила Лесли и ее льняные чехлы с ручной росписью. Если Джон пошел в мать и любит смотреть, как все быстро растет, то он должен быть очень доволен. Она слышала, дела у него идут хорошо.

Питер Шерстон пришел к Родни и попросил взять его на службу.

— Мама говорила, что вы наверняка мне поможет, сэр.

Славный парень, открытый, улыбчивый, шустрый,

всегда готов услужить — более приятный из двух братьев, всегда казалось Джоан.

Родни был рад взять мальчика к себе. Возможно, Питер в какой-то мере сумел бы заменить ему собственного сына, который сбежал на край света, бросив родных.

Со временем Родни и стал смотреть на него как на сына. Питер часто заходил к ним домой и всегда был внимателен к Джоан. Простой, с приятными манерами, но без отцовской угодливости.

И вот однажды Родни вернулся домой взволнованный и огорченный. На все ее расспросы он нетерпеливо отвечал, что все в порядке, в полном порядке. А примерно через неделю упомянул вскользь, что Питер уволился, решил наняться на авиационный завод.

— Ой, Родни, ты же прекрасно к нему относился! И нам обоим он так нравился!

— Да, он славный.

— Так в чем же дело? Ленился?

— Нет-нет, он толковый и отлично ладит с цифрами.

— В отца?

— Да, в отца. Но молодых привлекают всякие новшества... возможность летать и тому подобное.

Джоан его не слушала. Собственный вопрос подсказал догадку. Питер Шерстон ушел слишком внезапно.

— Родни, а ничего плохого не случилось?

— Плохого? Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... ну, как с его отцом. Рот у него как у Лесли, но глаза бегают точь-в-точь, как у Шерстона. Ой, Родни, я поняла. Он что-то натворил?

— Вышла маленькая неприятность,— медленно проговорил Родни.

— Со счетами? Питер взял деньги?

— Я бы не хотел говорить об этом, Джоан. Пустяки.

— Вороватый, в отца! Все-таки странная вещь наследственность, верно?

— Очень странная. И похоже, срabатывает не в том направлении.

— Ты имеешь в виду, что он мог пойти в Лесли? Но она тоже была не особенно деловая.

— А по-моему, очень даже деловая. Взялась за работу и отлично справилась,— сказал Родни сухо.

— Бедняжка.

— Мне неприятно, что ты ее вечно жалеешь,— с досадой заметил он.

— Но, Родни, с твоей стороны это жестоко. Лесли прожила такую невеселую жизнь.

— Мне не кажется.

— И потом, ее смерть...

— Мне бы не хотелось, чтобы ты обо всем этом рассуждала...

Он отвернулся.

Все боятся рака, подумала Джоан. Избегают этого слова. Называют как-то иначе — злокачественное образование, серьезная операция, неизлечимое заболевание, что-то внутреннее. Даже Родни не любит упоминать об этой болезни. Потому что, кто знает — каждый двенадцатый, кажется так? — умирает от рака. Причем недуг часто поражает самых здоровых людей. Тех, кто никогда ничем не болел.

Джоан вспомнила тот день, когда она узнала новость от миссис Ламберт на Маркет-сквер.

...Вы слышали, моя милая? Бедная миссис Шерстон!

— А что с ней?

— Умерла! — Со смаком. А потом, понизив голос: — Я думаю, что-то внутреннее... Операция была бесполезна... Ее мучили жесточайшие боли, я слыхала. Но держалась мужественно. За две недели до конца еще работала, но потом ее были просто вынуждены держать на морфии. Жена моего племянника встретила ее всего шесть недель тому назад. Вид у несчастной женщины был совершенно больной, худа, точно палка, но в остальном такая же, как всегда: смеялась, шутила. Мне кажется, люди просто не верят, что не смогут выздороветь. Да, невеселую она жизнь прожила, бедняжка. Я бы рискнула сказать — отмучилась...

Джоан поспешила домой, сообщить Родни, а Родни спокойно ответил ей, что да, он знает. Он душеприказчик Лесли, объяснил он, так что ему сообщили сразу же.

Имущества после Лесли Шерстон осталось немного. А то, что имелось, следовало разделить между мальчиками.

Строка, взбудоражившая Крейминстер, содержала указание перевезти тело в этот город для захоронения. «Так как,— говорилось в завещании,— там я была очень счастлива».

Итак, Лесли Аделина Шерстон обрела вечный покой на кладбище при церкви Святой Марии в Крейминстере.

Странное желание, удивлялись одни: ведь именно в Крейминстере ее мужа обвинили в незаконном присвое-

нии банковских фондов. Другие, напротив, находили его вполне естественным. До того, как начались неприятности, Лесли жила здесь счастливо и потому, вполне естественно, вспоминала о здешних местах как о своего рода утерянном рае.

Бедная Лесли, да и история всей семьи трагическая, потому что Питер, выучившись на пилота-испытателя, разбился насмерть.

Родни был просто убит. Как ни странно, он был склонен винить себя в смерти Питера.

— Но, Родни, в самом деле, я не понимаю, почему ты так решил? Ты тут совершенно ни при чем.

— Лесли прислала сына ко мне, она думала, я возьму парня на работу и помогу ему.

— Но ты именно так и поступил.

— Знаю.

— Питер совершил проступок, ты не стал его наказывать, сам возместил ущерб, разве не так?

— Да, верно. Но дело не в этом. Ты разве не понимаешь, почему Лесли прислала его ко мне? Потому что понимала, что Питер слабый, что он унаследовал ненадежность Шерстона. Джон не вызывал опасений. Она доверила мне присматривать за Питером, исправлять его недостатки. В нем все так странно смешалось. Хитрость Чарлза Шерстона и мужество Лесли. Армделы написали мне, что он был у них лучшим пилотом и управлял самолетами как настоящий волшебник — так они выразились. Знаешь, мальчик добровольно вызвался испытать в воздухе новое устройство. Было известно, что это опасно. Вот как он погиб.

— Что ж, должна сказать, это весьма достойно, в самом деле весьма достойно.

Родни сдержанно усмехнулся.

— О да, Джоан. Но разве ты произнесла бы эти слова так равнодушно, если бы погиб твой собственный сын? Тебе было бы легче, если бы Тони погиб достойно?

Джоан оторопела.

— Но Питер не был нашим сыном. Это же совершенно другое.

— Я думаю о Лесли... о том, что чувствовала бы она.

Джоан беспокойно заерзала на гостиничном стуле.

Почему мысли о Шерстонах не оставляют ее с тех пор

как она здесь? У нее есть другие друзья, друзья, которые значили для нее куда больше, чем любой из Шерстонов.

Она никогда особенно не любила Лесли, просто сочувствовала ей. Бедная Лесли лежит под мраморной плитой.

Джоан вздрогнула. Мне холодно, подумала она. Холодно. Кто-то ходит по моей могиле.

Но она же думала о могиле Лесли Шерстон!

Здесь холодно, решила она, холодно и мрачно. Выйду на солнце. Не хочу больше оставаться тут.

Кладбище, могила Лесли Шерстон. И пунцовый, крупный бутон рододендрона, выпавший из петлицы Родни.

Ломает буря майские цветы...

Глава 9

Джоан чуть ли не бегом бросилась на солнце.

Она сразу зашагала быстро, почти не взглянув на груду жестянок и на кур.

Так лучше. На теплом солнышке.

Тепло... Ей уже не холодно.

Она отделалась от всего этого...

Но что значит «отделалась от всего этого»?

Тень мисс Гилби, внезапно возникшая рядом, решительно потребовала: «Наведи порядок в своих мыслях, Джоан. Выражайся яснее. Определи поточнее, от чего ты убегаешь».

Она не знала. Она просто понятия не имела.

Какой-то страх, какая-то постоянная грозная опасность.

Что-то, что всегда было... подкарауливало... а она могла только прятаться, вертеться и крутиться...

Слушай, Джоан Скъюдмор, сказала она себе, ты ведешь себя крайне глупо...

Пустые слова. С ней что-то случилось. Точно не агорафобия (правильно она произносит название или нет? Неприятно, что она не уверена), потому что на этот раз она стремилась вырваться из этих холодных, обступивших ее стен — вырваться на открытое пространство к солнечному свету. Сейчас, снаружи, она чувствует себя лучше.

Выбраться! Выйти на солнце! Отделаться от этих мыслей!

Она пробыла там долго. В этом помещении с высокими потолками, напоминавшем мавзолей.

Могила Лесли Шерстон. Родни...

Лесли... Родни...

Выбраться...

Солнце...

Так холодно — в той комнате...

Холодно и одиноко ..

Джоан ускорила шаг. Уйти подальше от этой отвратительной гостиницы-мавзолея. До того мрачной, до того тесной...

В таком месте вполне могут обитать призраки.

Что за дурацкая идея — здание новое, можно сказать, образцовое, выстроено всего два года назад.

В новых зданиях призраки не водятся, это известно всем.

Да, если в гостинице есть призраки, значит, она, Джоан Скъюдмор, привезла их с собой.

Вот это уже очень неприятная мысль...

Она зашагала еще быстрее.

В любом случае, решила она твердо, сейчас со мной никого нет. Я совершенно одна. Здесь и встретиться-то не с кем.

Как... кто это был... Стенли и Ливингстон? Встретились в дебрях Африки.

Вы — доктор Ливингстон, я полагаю¹.

Здесь не может случиться ничего похожего. Здесь у нее есть шанс встретиться только с одним человеком — с Джоан Скъюдмор.

Вот забавная мысль!

Познакомьтесь: Джоан Скъюдмор. Рада с вами познакомиться, миссис Скъюдмор.

В самом деле — идея любопытная...

Познакомиться с собой...

Познакомиться с собой...

О, Господи, она боится...

Она ужасно боится...

¹ Имеется в виду историческая легенда о том, как известный путешественник Генри Стенли (1841—1904), разыскав в 1871 году в дебрях тропической Африки затерявшегося там и ослабевшего от болезни знаменитого естествоиспытателя, врача и миссионера Дэвида Ливингстона (1813—1873), снял шляпу и вежливо спросил: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

Она уже почти бежала. Бежала вперед, хотя ноги плохо ее слушались. Мысли тоже слушались плохо, как ноги. Я боюсь .

О, Господи, я так боюсь .

Если бы тут был кто-нибудь еще. Кто-нибудь был со мной ..

Бланш, подумала она. Мне бы хотелось, чтобы Бланш была здесь.

Да, Бланш именно тот человек, который ей нужен.

Не те, кто ближе ей и дороже. Не кто-то из друзей.

Только Бланш.

Бланш — у нее душа нараспашку. Бланш сердобольная. Бланш добрая. Бланш невозможно удивить или испугать.

И, между прочим, Бланш думает о ней хорошо. Бланш считает, что она добилась успеха в жизни, Бланш любит ее.

Больше ее никто не любит ..

Ну вот и она — вот та самая мысль, что все время преследовала ее. То, о чем знала настоящая Джоан Скюдмор, знала всегда.

Ящерицы, выскальзывающие из щелей...

Правда...

Маленькие частички правды выскальзывают, точно ящерицы, и лепечут:

«Вот и я. Ты меня знаешь. Ты хорошо меня знаешь. Не притворяйся, что не знаешь».

И она знала, вот что ужаснее всего.

Могла узнать каждую из них.

Ухмыляющуюся, насмехающуюся над ней.

Такие маленькие обрывки правды. Они открывались ей с тех самых пор, как она здесь оказалась. Ей оставалось лишь собрать все воедино.

Всю историю ее жизни — подлинную историю Джоан Скюдмор...

Которая поджидала ее тут...

Раньше у нее не возникало потребности думать об этом. Было так легко заполнять жизнь чем-то несущественным, пустяками, не оставлявшими времени для самокопания.

Что сказала Бланш?

«Если бы тебе пришлось несколько дней думать только о себе, интересно, что нового ты бы узнала?»

И как высокомерно, как самоуверенно, как глупо прозвучал ее ответ:

«А разве можно узнать о себе что-то новое?»

«Иногда, мама, мне кажется, ты ни о ком ничего не знаешь...»

Так сказал Тони.

Как Тони был прав!

Она ничего не знала о своих детях, ничего не знала о Родни. Она любила их, но не понимала.

А должна была понимать.

Тех, кого любишь, надо понимать.

Ты не понимала, потому что было куда проще верить во все то легкое и приятное, что тебе хотелось принимать за правду, и не огорчать себя истинной правдой.

Как с Аврелией и страданиями, что пережила дочь.

Она не желала признавать, что Аврелия страдает...

Аврелия, которая всегда ее презирала...

Аврелия, которая видела ее насквозь с самых ранних лет.

Аврелия, которая была сломлена и обижена жизнью и которая, быть может, так и осталась несчастной.

Но держалась она мужественно...

Вот чего не хватало самой Джоан. Мужества.

«Мужество еще не все», — сказала она.

А Родни спросил: «Разве?..»

Родни оказался прав...

Тони, Аврелия, Родни — все они ее обвинители.

А Барбара?

Что случилось с Барбарой? Почему доктор был так уклончив? Что все они от нее скрывали?

Что натворило это дитя — эта пылкая, порывистая девочка, выскочившая замуж за первого же мужчину, который сделал ей предложение, чтобы удрать из дому.

Да, это была чистейшая правда — именно так поступила Барбара. Она чувствовала себя несчастной в семье. А была она несчастлива потому, что Джоан пальцем о палец не ударила, чтобы дочке было хорошо рядом с ней.

У нее не хватало для Барбары ни любви, ни понимания. Уверенно и эгоистично она решала сама, что нужно дочери, не обращая ни малейшего внимания на ее вкусы и желания. Друзья Барбары не находили в их доме гостеприимства, она осторожно отводила их. Неудивительно, девочка воспользовалась случаем, чтобы сбежать в Багдад. Она вышла за Билла Рэя поспешно, сгоряча, без любви (как думал Родни). И что же случилось потом?

Роман? Несчастливый роман? С этим майором Ридом, возможно. Да, это объясняет их смущение, когда Джоан упомянула его имя. Видимо, этот Рид из тех мужчин, решила она, что способны соблазнить неразумное, не успевшее повзрослеть дитя.

А потом, растерявшись, впад в один из тех приступов отчаяния, к которым была склонна с самого раннего детства — Джоан помнила эти срывы, когда Барбара теряла чувство меры, — она попыталась... да, скорее всего именно так... лишить себя жизни.

И она была тяжело больна, очень тяжело, опасно больна.

Интересно, знал ли Родни? Он, естественно, попробовал уговорить ее не спешить в Багдад.

Нет, Родни не мог знать. Он бы ей сказал. Впрочем, может, и не сказал бы. Но он сделал все от него зависящее, чтобы не отпустить ее.

Однако она была решительно настроена ехать. Она сказала, что просто не переживет, если не увидит бедного ребенка.

Разумеется, это был искренний порыв.

Только... был ли он искренен до конца?

Разве ее не увлекала мысль о путешествии, новизна, возможность увидеть другой мир? Разве не выглядел заманчиво образ любящей матери? Разве не воображала она себя эдакой чуткой порывистой женщиной, бросившейся по первому зову к больной дочери и растерявшемуся зятю? Как им повезло, говорили они, что Джоан примчалась так стремительно.

Вообще-то они совсем ей не обрадовались! Если честно, они растерялись. Они предупредили доктора, сами держали язык за зубами, делали все возможное, чтобы она не пронюхала. Они не хотели, чтобы Джоан знала, потому что не доверяли ей. Барбара не доверяла ей. Скрыть от матери — вот о чем она всегда заботилась в первую очередь.

Какое облегчение дети испытали, когда она объявила, что должна возвращаться. Они не показали вида, вежливо протестовали, предлагали ей побыть еще немного. Но как только она всего на одну минуту задумалась о том, чтобы действительно остаться, Уильям поторопился ее отговорить.

Вот, по сути дела, единственное, чем оказался полезен ее поспешный бросок на Восток, — он странным обра-

зом сблизил Барбару и Уильяма, объединивших свои усилия, чтобы избавиться от нее и сохранить свою тайну. Забавно, если ее визит все же окажется не напрасным. Барбара, вспомнила Джоан, все еще слабая, часто умоляюще глядела на Уильяма, и тот, откликаясь на ее призыв, находил объяснения сомнительным моментам, ускользая от бестактных вопросов Джоан.

И Барбара смотрела на него благодарно... преданно.

Они стояли на платформе, провожали ее. И Джоан запомнила, как Уильям держал Барбару за руку, а Барбара чуть прислонилась к нему.

«Держись, милая,— вот что он хотел показать.— Потерпи, осталось совсем чуть-чуть, она уезжает...»

А после того как поезд отошел, они вернулись в свое бунгало в Алвайя и поиграли с Мопси, потому что оба они обожали Мопси, эту чудесную малышку, ужасно смешную копию Уильяма, и Барбара сказала: «Слава богу, она уехала, и мы можем делать дома что хотим».

Бедняга Уильям, он так любит Барбару и, должно быть чувствовал себя ужасно несчастным, однако его преданность и нежность выдержали испытание.

«Не волнуйся о ней! — сказала Бланш.— У нее все будет в порядке. У них ведь ребенок, да и вообще...»

Добрая Бланш убеждала Джоан не поддаваться волнению, которого та совсем не испытывала.

У Джоан на уме не было ничего, кроме спесивого, с оттенком снисхождения, презрения к старой подруге.

«Благодарю тебя, Господи, что я не такая, как эта женщина».

Да, она даже осмелилась молиться...

А теперь, в эту минуту, отдала бы что угодно, чтобы Бланш была с ней!

Бланш с ее простодушным, неназойливым милосердием, ее полнейшей неспособностью осудить любое живое существо.

Она молилась тогда, в той гостинице, набросив на себя покров лицемерия.

Сможет ли она помолиться сейчас, когда, похоже, у нее не осталось и жалких лохмотьев, чтобы прикрыться?

Джоан споткнулась и упала на колени.

Господи, взмолилась она, помоги мне ..

Я схожу с ума, Господи...

Не дай мне сойти с ума...

Не позволяй мне больше думать...
Тишина...
Тишина и солнечный свет...
И удары ее собственного сердца...
Господь, подумала она, покинул меня...
Господь мне не поможет...
Я одна... совсем одна...
Эта ужасная тишина... это страшное одиночество .
Крошка Джоан Скюдмор... глупая, ничтожная, претенциозная крошка Джоан Скюдмор...
Совершенно одна в пустыне.
Христос, подумала она, был один в пустыне.
Сорок дней и сорок ночей...
...Нет, нет, это невозможно, никто этого не вынесет...
Тишина, солнце, одиночество...
Страх снова вернулся к ней... страх необъятного пустого пространства, где человек остается один на один с Богом.
Она поднялась с колен.
Надо вернуться в гостиницу, назад в гостиницу.
Индус... арабский мальчик... куры... пустые жестянки...
Присутствие человека.
Джоан дико озиралась по сторонам. Никаких признаков гостиницы, никаких признаков маленького станционного домика-пирамиды, и даже никаких холмов вдалеке.
Она, должно быть, ушла дальше, чем прежде, так далеко, что вокруг не осталось знакомых примет.
Джоан стало страшно. Она перестала понимать, в какой стороне гостиница...
Холмы конечно же не могли никуда исчезнуть, но вдоль всего горизонта ползли низкие облака...
Холмы? Облака? Отличить невозможно.
Она заблудилась, окончательно заблудилась...
Нет, если пойти к северу... правильно, к северу.
Солнце...
Солнце прямо у нее над головой... определить направление по солнцу нельзя...
Она заблудилась... заблудилась... ей ни за что не отыскать дороги...
Не выдержав, Джоан опять побежала.
Сперва в одну сторону, потом, все больше пугаясь, в

другую. Она металась, не помня себя, в полном отчаянии.

Потом закричала, запричитала, стала звать на помощь .

На помощь...

На помощь...

Меня не услышат, поняла она, я слишком далеко. .

Пустыня поглотила ее голос, превратила в едва слышное блеянье. Как овца, подумала она, как овца...

Он покоит и направляет овец своих...

Господь — Пастырь мой.....

Родни... зеленые пастбища... долина за Хай-стрит. .

Родни, молила она, помоги мне, помоги...

Но Родни уходил от нее по платформе, выпрямив плечи, откинув голову... наслаждаясь мыслью о нескольких неделях свободы... чувствуя себя в эту минуту снова молодым.

Он не мог ее слышать.

Аврелия... Аврелия... возможно, Аврелия ей поможет?

Я твоя мать, Аврелия, я всегда все для тебя делала...

Нет, Аврелия спокойно выйдет из комнаты, бросив небрежно: «Едва ли я смогу чем-то помочь...»

Тони, ей поможет Тони.

Нет, и Тони не сможет помочь. Он в Южной Африке.

Это очень далеко отсюда...

Барбара... Барбара очень больна... Барбара отравилась.

Лесли, вспомнила она. Лесли бы помогла мне. Но Лесли умерла. Она страдала и умерла...

Плохо... никого нет...

Джоан снова бежала, в ужасе не понимая, куда бежит.

Пот струился по ее лицу, шее, по всему телу...

Это конец, подумала она...

Христос, вспомнила она... Христос...

Христос явится ей в пустыне...

Христос укажет ей путь к зеленой долине.

Поведет ее вместе с овцами...

Заблудшую овцу...

Раскаявшуюся грешницу...

Долиною смертной тени...

(Никакой тени — только солнце...)

К доброму свету. (Но солнце совсем недоброе...)

Зеленая долина... зеленая долина... она должна найти зеленую долину...

Которая начинается прямо за Хай-стрит, посреди Крейминстера.

Начинается прямо в пустыне...

Сорок дней и сорок ночей.

Только три дня прошло, Христос пока еще здесь.

Господь, молила она, помоги мне...

Христос...

Что там?

Там, вдалеке, справа — такое крохотное пятнышко у горизонта!

Это гостиница... она не заблудилась... она спасена...

Спасена...

Ноги у нее подкосились, она тяжело рухнула на землю...

Глава 10

Джоан постепенно пришла в сознание...

Она чувствовала себя совершенно разбитой и больной...

Но она была спасена. Гостиница стояла на месте. Скоро, когда ей немного полегчает, она поднимется и доберется до нее.

А пока лучше посидеть спокойно и все обдумать. Обдумать подробно и больше не обманывать себя.

Ведь Господь все же ее не покинул...

Она не испытывает больше этого ужасного чувства одиночества...

Но я должна подумать, сказала она себе, должна подумать. Должна во всем разобраться. Именно для этого я и оказалась здесь — чтобы разобраться...

Понять, раз и навсегда, что за женщина Джоан Скьюдмор...

Вот за этим ей и пришлось прийти сюда, в пустыню. Этот яркий беспощадный свет откроет ей, кто она. Откроет ту истину, которую она не хотела замечать, правду, которую она на самом деле давно знала.

Один ключ она вчера нашла. Возможно, с этого лучше и начать. Кажется, именно тогда ее и охватило впервые ощущение необъяснимой паники?

Она читала вслух стихи — вот с этого и пошло.

Весна цвела — был от тебя вдаль я.

Так звучит строка, напомнившая ей о Родни, и она сказала: «Но ведь сейчас ноябрь...»

В точности как Родни сказал в тот вечер: «Но ведь сейчас октябрь...»

Вечером того дня, когда он поднялся на Эшлдаун с Лесли Шерстон — оба они сидели молча, и их разделяли фута четыре, не меньше. И кажется, она еще подумала, что это не очень-то по-дружески.

Но теперь-то она понимает, а должна была понять уже тогда, почему они сидели поодаль.

Они сидели так потому, разумеется, что не решались придвинуться ближе...

Родни — и Лесли Шерстон...

Не Мирна Рэндолф, никакая не Мирна Рэндолф. Она намеренно сочинила миф о Мирне Рэндолф, потому что знала, что за этим ничего нет. Она использовала Мирну Рэндолф как дымовую завесу, чтобы скрыть то, что было на самом деле.

И отчасти потому — будь честной сейчас, Джоан, — отчасти потому, что ей легче было смириться с Мирной Рэндолф, чем с Лесли Шерстон.

Самолюбие ее меньше страдало, когда она думала, что Родни увлекся Мирной Рэндолф — до того прелестной и соблазнительной, что не устоял бы любой.

Но Лесли Шерстон — Лесли, не красивая, не молодая, одетая кое-как. Лесли с ее усталым лицом и смешной кривоватой улыбкой. Признать, что Родни способен полюбить Лесли — да еще так горячо, что, сам себе не доверяя, держится от нее на расстоянии в четыре фута, — вот это было невыносимо.

Такое непреодолимое взаимное притяжение, такое отчаянное неудовлетворенное желание — сила страсти, какую ей не довелось испытать...

Вот это и чувствовали они оба тогда, сидя на Эшлдауне, — и она это поняла и именно потому ушла поспешно и в растерянности, не желая хоть на миг признаться себе, что догадалась...

Родни и Лесли сидели молча и не глядели друг на друга, потому что не осмеливались...

Лесли, любившая Родни так преданно, что ей захотелось быть похороненной в городе, где он жил...

Родни, который произносит, глядя на мраморную плиту:

«Так странно думать, что Лесли Шерстон лежит под этой холодной мраморной плитой». — И падающий бутон рододендрона — пунцовая вспышка.

«Кровь сердца,— сказал он.— Кровь сердца».

И потом:

«Я устал, Джоан. Я устал.— И еще, загадочно: — Все не могут быть мужественными...»

Он думал тогда о Лесли. О Лесли и о ее мужестве.

«Мужество — еще не все...»

«Разве?»

И нервный срыв у Родни — смерть Лесли была его причиной.

Он лежал в Корнуолле, ко всему безразличный, слушал чаек, молча улыбался...

Пренебрежительный мальчишеский голос Тони:

«Ты хоть что-нибудь знаешь о папе?»

Она не знала. Не знала ровно ничего! Потому что решительно не желала знать.

Лесли смотрит в окно, объясняя, почему она хочет родить ребенка от Шерстона.

Родни, тоже глядя в окно, произносит:

«Лесли во всем идет до конца».

Что видели тогда эти двое?

Видела ли Лесли яблони и анемоны у себя в саду? Видел ли Родни теннисный корт и пруд с золотыми рыбками? Видели ли они оба неброский, ласкающий глаз деревенский пейзаж, открывавшийся с вершины Эшлдауна, и лес, шумевший на ближнем холме...

Бедный Родни. Бедный, усталый Родни...

Родни с его доброй, насмешливой улыбкой, Родни, который называет ее бедная крошка Джоан... всегда готовый понять, простить, ни разу не предавший ее...

Но и она ведь всегда была ему хорошей женой, разве нет?

Она тоже в первую очередь думала о нем.

Думала?

Родни, глядящий на нее с мольбой, его грустные, неизменно грустные глаза.

Родни, который говорит ей: «Откуда мне было знать, что я до такой степени возненавижу кабинетную работу?» — и, глядя на нее в упор, спрашивает: «А откуда ты знаешь, что я буду счастлив?»

Родни, вымаливающий у нее жизнь, которая была бы ему по душе, жизнь фермера.

Родни, который стоит у окна своего кабинета в базарный день, наблюдая за стадом.

Родни, обсуждающий с Лесли Шерстон коров молочной породы.

Родни, который говорит Аврелии: «Если мужчина не занят любимым делом, то это не настоящий мужчина».

Вот что она, Джоан, сделала с Родни...

Потрясенная, она лихорадочно пыталась защищаться от того нового, что узнала о себе.

Она ведь верила, что так будет лучше! Ей приходилось делать то, что она считала практичным! У них росли дети, она заботилась о них. Ее побуждения не были сугубо эгоистическими.

Но дух протеста смолк.

Разве она не поступала как эгоистка?

Разве не ей вовсе не нравилось жить на ферме? Ей хотелось, чтобы у детей было все самое лучшее — но что значит лучшее? Разве Родни не имел права решать наравне с ней, что нужно или не нужно детям?

Разве не его слово должно было стать решающим? Разве не отцу положено выбирать, какой жизнью жить его детям, а матери заботиться об их благополучии, во всем поддерживать его?

Жизнь на ферме, говорил Родни, полезна для детей...

Тони бы она наверняка нравилась.

Родни позаботился о том, чтобы Тони занимался любимым делом.

«Я не умею заставлять», — сказал он.

Но она, Джоан, не побоялась заставить Родни...

Внезапно с мучительной болью она подумала: «Но я люблю Родни. Я люблю Родни. Это вышло не из-за того, что я его не любила...»

Но именно это, вдруг отчетливо поняла Джоан, и делало ее поступок совершенно непростительным.

Она любила Родни и тем не менее так с ним обошлась.

Если бы она ненавидела его, было бы куда понятней.

Если бы она была к нему безразлична, это не имело бы особого значения.

Но она любила мужа и, любя, отобрала у него право, данное ему при рождении, — право выбрать тот образ жизни, какой был ему близок.

Не раздумывая воспользовалась испытанным женским оружием — дитя в колыбели, дитя в утробе и лишила того, чего не вернешь. Частицы мужской сущности.

Потому что по доброте своей он не захотел с ней бо-

роться, не захотел побеждать, оставаясь, вопреки всему, всю свою жизнь мужчиной...

Родни, повторяла она... Родни...

И твердила: мне ему этого не вернуть... я ничем не за-
меню... не смогу ничего сделать...

Но я люблю его, я на самом деле его люблю...

И я люблю Аврелию, Тони и Барбару...

Я всегда их любила...

(Но недостаточно — таков был ответ — недостаточно...)

Она думала: Родни... Родни, неужели я ничего не
могу сделать? Ничего не могу изменить?

Весна цвела — был от тебя вдали я...

Да, думала она, разлучил надолго... после той весны...
той весны, когда мы полюбили друг друга...

Я осталась, где была, — Бланш права — я выпускница
школы Святой Анны. Живу без затей, стараюсь не заду-
мываться, довольна собой, опасаюсь всего, что способно
причинить боль...

Ни капли мужества...

Но что я смогу изменить? — спрашивала она себя. — Что
исправить?

И она решила: я могу прийти к нему. Я могу сказать:

«Я виновата. Прости меня...»

Да, я могу так сказать: «Прости меня. Я не понимала.
Я просто не понимала...»

Джоан встала. Ноги с трудом слушались ее, были буд-
то чужие.

Она побрела медленно, с трудом, как старуха.

Шаг... еще шаг... одна нога... потом другая...

Родни, думала она, Родни...

Какой разбитой она себя чувствовала, какой беспомощ-
ной...

Это был долгий путь, очень долгий.

Индус выбежал ей навстречу из гостиницы, сияя. Он
размахивал руками, жестикулировал:

— Хорошие новости, мемсаиб, хорошие новости!

Джоан тупо смотрела на него.

— Мемсаиб видеть? Поезд приходить! Поезд стоять на
станции. Вы уезжать вечером.

Поезд? Поезд, который отвезет ее к Родни.

(Прости меня, Родни... прости меня...)

Джоан услышала, что она смеется... дико... неестественно... Индус с удивлением тарасился на нее. Она взяла себя в руки.

— Поезд,— сказала она,— пришел как раз вовремя...

Глава 11

Просто как во сне, подумала Джоан. Да, все было как во сне.

Она зашла за загородку из колючей проволоки вместе с арабским мальчиком, который тащил ее чемоданы и визгливо что-то кричал по-турецки высокому толстому подзрительного вида мужчине, который оказался начальником станции.

А дальше ее уже ожидал такой знакомый спальный вагон и проводник в униформе шоколадного цвета.

И табличка «Халеб — Стамбул»¹.

Связующая нить между этим забытым Богом местом в пустыне и цивилизацией!

Вежливое приветствие по-французски, ее купе открыто настежь, постель готова — есть и подушка, и простыни...

Возвращение к цивилизации...

Внешне Джоан снова казалась спокойной и уверенной в себе путешественницей, той самой миссис Скъюдмор, что покинула Багдад меньше недели назад. И лишь она знала о поразительных, пугающих переменах, которые происходили у нее внутри.

Поезд, как она и сказала, подоспел вовремя. Как раз в тот миг, когда последние барьеры, старательно возведенные ею самой, были сметены волной страха и одиночества.

Ей явилось видение — как случалось с другими людьми в давние времена. Видение. Собственное видение... И хотя сейчас она снова могла показаться со стороны вполне заурядной путешествующей англичанкой, которая погружена в мелкие дорожные заботы, ее ум и сердце все еще находились в смятении, вызванном тишиной и солнечным светом.

На вопросы индуса она отвечала односложно.

— Почему мемсаиб не приходит к ленчу? Ленч быть

¹ Халеб — арабское название сирийского города Алеппо.

готов. Ленч такой хороший. Я выходить и не видеть мемсаиб. Уже скоро пять часов. Поздно для ленча. Мемсаиб пить чай?

Да, сказала Джоан, она выпьет чаю.

— Но где гулять мемсаиб? Я выходить и нигде не видеть мемсаиб. В какую сторону ходить мемсаиб?

Она зашла далеко, объяснила Джоан. Дальше, чем обычно.

— Туда опасно ходить. Очень опасно. Мемсаиб заблудиться. Не знать, в какую сторону ходить. Можно ходить не туда.

Да, подтвердила Джоан, она ненадолго сбилась с дороги, но, к счастью, потом пошла в нужном направлении. А теперь она выпьет чаю и отдохнет. В котором часу отправится поезд?

— Поезд отправляться восемь тридцать. Иногда ждать, пока подходить конвой. Но сегодня никакой конвой не приходить. Вади совсем плохой — много-много воды течь вот так — ух-хх!

Джоан кивнула.

— Мемсаиб очень устать. Может быть, у мемсаиб лихорадка?

Нет, сказала Джоан, лихорадки у нее нет — сейчас.

— Мемсаиб выглядеть другой.

Что ж, подумала она, мемсаиб стала другой. Возможно, это отразилось на ее внешности. Она пошла к себе в комнату и посмотрела на себя в засиженное мухами зеркало.

Заметны ли какие-то изменения? Она определенно выглядела старше. Под глазами круги. Потное лицо покрыто желтоватой пылью.

Джоан умылась, провела гребенкой по волосам, попудрилась, подкрасила губы и посмотрела на себя снова.

Да, она определенно изменилась. Чего-то не хватало в лице, которое так серьезно смотрело на нее. Чего-то... может быть, самодовольства?

До чего же нестерпимо самодовольным существом она была. Она все еще ощущала непередаваемое отвращение к себе, впервые испытанное там, в пустыне, духовное опустошение.

Родни, подумала она, Родни...

Только это имя повторяла она про себя с нежностью...

Она цеплялась за него, как утопающий. Высказать Родни все-все, что накопилось в душе. Только это, казалось

ей, и имело смысл. Вместе они начнут все заново, насколько это возможно по прошествии стольких лет. Она скажет: «Я глупая и неудачница. Ты, с твоей мудростью и добротой, научи меня, как жить».

И еще попросит прощения. Потому что Родни многое должен ей простить. И вот что еще удивительно в нем — он не возненавидел ее. Ничего странного, что он был так всеми любим, что дети обожали его (даже Аврелия, прятаясь с некоторых пор любовь за показной неприязнью), что слуги готовы были разбиться в лепешку, чтобы ему угодить, что у него повсюду были друзья. Родни, подумала она, ни разу в жизни не обошелся ни с одним человеком дурно...

Джоан вздохнула. Она ужасно устала и ощущала боль во всем теле.

Она выпила чаю и пролежала в постели до тех пор, пока не пришло время пообедать и пойти к поезду.

Сейчас она не чувствовала ни волнения, ни страха, ни желания чем-то занять себя или отвлечься. Ящерицы перестали выскакивать и пугать ее.

Она встретилась с собой и узнала себя...

И теперь ей хотелось только отдохнуть, полежать, не напрягая воображения, но чтобы оно пускай нечетко, но неустанно рисовало добродушное загорелое лицо Родни...

И вот она наконец в поезде и уже выслушала многословный рассказ кондуктора о происшествии на ветке, протянула ему паспорт и билеты, а он уверил ее, что телеграфирует в Стамбул и закажет для нее другое место в Симп-лонском Восточном экспрессе. Еще Джоан поручила ему отправить из Алеппо телеграмму Родни.

ЗАДЕРЖАЛАСЬ ДОРОГЕ ВСЕ ХОРОШО ЦЕЛУЮ ДЖОАН

Родни получит телеграмму прежде, чем поймет, что она запаздывает.

Итак, все устроилось, и больше ей не о чем хлопотать, не о чем беспокоиться. Она может отдыхать, точно утомившийся ребенок.

Пять дней тишины и покоя, пока «Тавр»¹ и Восточный

¹ «Тавр» — экспресс назван по названию Таврских гор — горного хребта на юге плоскогорья Малой Азии. Их прорезает железная дорога, идущая от сирийского города Алеппо к Стамбулу.

экспресс спешат на запад, с каждым днем приближая ее к Родни, который простит ее.

В Алеппо они прибыли утром. Поскольку сообщение с Ираком было прервано, Джоан до сих пор была единственным пассажиром в поезде, но теперь он заполнился до отказа. Предварительные заказы на спальные места отменяли, переносили, путали. Звучали резкие слова, закипало возмущение, велись споры — и все на разных языках.

Джоан ехала первым классом, а в экспрессе «Тавр» купе были старыми, двухместными.

Дверь скользнула в сторону, и вошла высокая женщина в черном. За ее спиной кондуктор, свесившись из окна, принимал чемоданы из рук носильщиков.

В купе набралось много чемоданов — дорогих чемоданов с монограммами¹.

Высокая женщина говорила с проводником по-французски. Она указывала ему, куда уложить вещи. Наконец он ушел. Женщина, повернувшись к Джоан, улыбнулась ей заученной, не имеющей национальности улыбкой.

— Вы англичанка, — сказала она.

Говорила она с едва уловимым акцентом. У нее было бледное, исключительно подвижное лицо и удивительные светло-серые глаза. Ей, должно быть, лет сорок пять, решила Джоан.

— Прошу простить меня за шумное вторжение. Отправлять поезд в такую рань настоящее зверство, и я помешала вам отдыхать. Эти вагоны старые, в новых — купе одноместные. Но что поделаешь, — она опять улыбнулась, и улыбка у нее стала очень милой и почти детской, — мы не станем друг другу особо досажать. До Стамбула всего два дня, а я легкий попутчик. Если буду слишком много курить, вы мне скажете. А теперь поспите, а я пойду в вагон-ресторан, его как раз прицепляют, — в подтверждение этих слов женщину слегка качнуло, — и дождусь там завтрака. Еще раз прошу меня извинить за причиненное беспокойство.

— Ничего страшного, — ответила Джоан. — К этому надо быть готовой, когда отправляешься в путешествие.

¹ Монограмма — орнаментальное переплетение начальных букв имени и фамилии.

— Мне кажется, вы симпатичная, это хорошо, значит, мы наверняка поладим.

Женщина вышла, и, пока она задвигала дверь, Джоан услышала, как друзья кричат ей с платформы: «Саша, Саша!» — и обрывки разговора на каком-то языке, который ей не удалось распознать.

Джоан тем временем окончательно проснулась. Пропав ночь, она чувствовала себя отдохнувшей. Ей всегда хорошо спалось в поездах. Она встала и оделась. Когда поезд покинул Алеппо, она уже почти привела себя в порядок. Собравшись, она вышла в коридор, мимоходом кинув быстрый взгляд на наклейки, прилепленные к чемоданам соседки.

Княгиня Хохенбах Салм.

В вагоне-ресторане она увидела, как ее новая знакомая завтракает, оживленно беседуя с маленьким толстым французом.

Княгиня приветливо помахала ей и указала место рядом с собой.

— А вы энергичная, — заметила она. — Я бы на вашем месте еще поспала. Итак, месье Бодье, продолжайте. То, что вы рассказываете, весьма интересно.

Княгиня беседовала по-французски с месье Бодье, по-английски с Джоан, достаточно бойко по-турецки с официантом и, время от времени, не менее бегло по-итальянски с меланхолического вида офицером.

Вскоре толстый француз покончил с завтраком и, вежливо откланявшись, удалился.

— Как хорошо вы владеете языками, — восхитилась Джоан.

На продолговатом бледном лице опять промелькнула улыбка, на этот раз грустная.

— А почему бы и нет? Знаете, я сама русская. Была замужем за немцем, много жила в Италии. Я говорю на восьми, девяти языках — на одних хорошо, на других — не слишком. Ведь общаться приятно, вы не находите? Все люди интересны, а мы живем на этой земле так недолго! Надо обмениваться идеями, опытом. В мире не хватает любви, я всегда это говорю. Саша, уверяют меня друзья, есть люди, которых невозможно любить — турки, армяне, ливанцы. А я не согласна. Я люблю всех. Çağın, l'addition!¹

¹ Официант, добавки! (фр.)

Джоан слегка вздрогнула, потому что последняя реплика практически слилась с предыдущей.

Служащий вагона-ресторана явился без промедления и был необыкновенно учтив, поэтому Джоан решила, что ее спутница, должно быть, важная персона.

Все утро и первую половину дня их поезд полз по долинам, а потом медленно забирался на Тавр.

Саша сидела в своем углу, читала, курила и время от времени отпускала неожиданные, а порой шокирующие замечания. Джоан пришла в восхищение от этой необычной женщины, принадлежавшей к совсем другому миру, мыслившей совершенно иначе, чем все, с кем она встречалась прежде.

Сочетание сдержанности и доверительности произвело на нее неотразимое впечатление.

Неожиданно Саша сказала:

— Вы не читаете. И не занимаетесь рукоделием. Не вяжете. Это не похоже на англичанку. И тем не менее вы очень похожи на англичанку, да, выглядите совершенно по-английски.

Джоан улыбнулась.

— Вообще-то мне нечего читать. Я застряла в Тель-Абу-Хамиде из-за аварии на линии и перечитала все, что захватила с собой.

— Но вас это не беспокоит. Вы не попытались раздобыть что-нибудь в Алеппо. Нет, вы готовы просто сидеть и смотреть в окно на горы и при этом не видите их,— вы смотрите на что-то, что видите только вы, разве не так? Вы сильно переживаете что-то или уже пережили. У вас горе? Или большая радость?

Джоан, смутившись, нахмурилась.

Саша захохотала.

— Ой, это так по-английски. Вы считаете неприличными вопросы, которые совершенно естественны для русских. Невероятно! Если бы я спросила у вас, где вы были, в каких отелях жили, какими любовались пейзажами, чем занимаются ваши дети, если они у вас есть, много ли вам приходилось путешествовать и знаете ли вы в Лондоне хорошего парикмахера,— то на эти вопросы вы бы с удовольствием ответили. Но если я спрошу о чем-то, что вдруг придет мне в голову: не случилось ли у вас горя, верен ли вам муж, со многими ли мужчинами вы спите, какой самый красивый поступок вы совершили в жизни, созна-

тельно ли верите в Бога,— все это испугает вас и возмутит, а они ведь куда интереснее других, nicht war?¹

— Я думаю,— медленно сказала Джоан,— что мы очень сдержанный народ.

— Да-да. У англичанки, недавно вышедшей замуж, даже нельзя поинтересоваться, намерена ли она рожать. То есть, во всяком случае, нельзя поинтересоваться за столом во время ленча. Нет, ее следует отвести в сторонку, чтобы спросить об этом шепотом. И тем не менее если ребенок уже родился и лежит в колыбельке, то осведомиться о нем вполне прилично.

— Видите ли, это ведь очень личное, правда?

— Нет, не нахожу. Позавчера я встретила с подругой, которую не видела много лет. Она венгерка. Митци, говорю я ей, ты замужем, не так ли, причем несколько лет, и у тебя нет ребенка, почему? Она отвечает мне, что не может понять, почему! Пять лет они с мужем стараются изо всех сил! Что, спрашивает она, можно тут поделывать? И поскольку мы находимся на званом обеде, все начинают давать советы. Да, и поверьте, много весьма дельных. Кто знает, может быть, какой-то поможет?

Джоан сочла пример не слишком убедительным.

Однако внезапно она ощутила, что в ней нарастает желание открыть свое сердце этой дружелюбной забавной иностранке. Она смертельно захотела поделиться с попутчицей недавно пережитым опытом. Словно должна была сама себя убедить в его реальности...

— Вы правы,— начала она неторопливо,— я прошла через очень тяжелое испытание.

— Ах вот как? Какое именно? Мужчина?

— Нет, нет, ни в коем случае.

— Я рада. Чаще всего виновником бывает мужчина и, честно говоря, это в конце концов надоедает.

— Я оказалась совершенно одна — в гостинице в Тель-Абу-Хамиде, местечко гадкое — мухи, консервные банки, кругом колючая проволока, а внутри темно и мрачно.

— Так кажется из-за жары, но я понимаю, о чем вы.

— Мне было не с кем поговорить, я быстро прочитала все книги и пришла... пришла в очень странное состояние.

— Да-да, такое случается. То, что вы рассказываете, очень интересно. Продолжайте.

¹ Не правда ли? (нем)

- Мне стали открываться всякие вещи — о себе самой. То, чего я не знала раньше. Или, скорее, то, что знала, но в чем не хотела себе признаваться. Я не смогу вам точно объяснить ..

— Наверняка сможете. Это просто. Я пойму.

Сашин интерес был естествен, неподделен, и Джоан вскоре совершенно разоткровенничалась. Поскольку для Саши разговоры о личных отношениях были чем-то совершенно обыденным, то и она чувствовала себя легко.

Она, все реже умолкая, описывала свое напряжение, страхи и охватившую ее в итоге панику.

— Вероятно, вам это покажется нелепым, но я решила, что окончательно заблудилась, что я осталась одна, что Господь покинул меня...

— Да-да, такое бывает, я сама это испытала. Темнота, страх...

— Нет, не темнота, свет — слепящий свет и нигде скрыться.

— И все же мы с вами имеем в виду одно и то же. Вас испугал свет, потому что вы долго скрывались в глубокой тени. А меня — темнота, помешавшая мне найти собственный путь, я заблудилась в ночи. Но страх один — сознание собственной ничтожности и опасение, что Господь лишил тебя своей любви.

— А потом,— продолжала Джоан,— это случилось... будто чудо. Я все увидела. Себя и то, какой я была. Все мое глупое притворство, все предрассудки исчезли. Было так .. так, словно я родилась заново...

Она с беспокойством посмотрела на собеседницу. Саша опустила голову.

— И я поняла, что должна делать. Я должна вернуться домой и начать все сначала.... Построить новую жизнь...

Наступила тишина. Саша задумчиво смотрела на нее и что-то в выражении ее лица насторожило Джоан. Вспыхнув, она сказала:

— О, я понимаю, мои слова звучат слишком мелодраматично и высокопарно...

Саша перебила ее:

— Нет, вы меня не поняли. Ваш опыт был настоящим, такое переживали многие, святой Павел¹, другие

¹ Павел (10?—67) — христианский апостол, автор ряда «Посланий» в Новом Завете, по преданию проповедовавший в этом районе Малой Азии и принявший мученическую смерть в Риме

святые и простые смертные и грешники. Это очищение. Озарение. Когда душа познает собственную горечь. Да, все это реально, так же реально, как пообедать или почистить зубы. Но я не знаю... я все равно не знаю...

— Я чувствую, что была очень несправедлива, причиняла зло тем... тем, кого люблю ..

— Да, вы раскаиваетесь.

— И я не могу дождаться возвращения, возвращения домой, я имею в виду. Мне так много надо сказать ему, объяснить.

— Объяснить кому? Мужу?

— Да, он всегда был так добр, так терпелив. Но не был счастлив. Я не сделала его счастливым.

— И вам кажется, что сейчас у вас это получится?

— Мы, по крайней мере, могли бы объясниться. Он должен знать, как я перед ним виновата. Он может мне помочь сделать... даже не знаю, как объяснить...— Слова богослужения зазвучали у нее в голове.— «Начать с этой минуты новую жизнь».

— Так поступали святые,— сказала Саша серьезно.

Джоан посмотрела на нее.

— Но я... я не святая.

— Да, именно это я и имела в виду.— Саша помолчала, а потом продолжила уже другим тоном: — Простите, что я так сказала. Возможно, я не права.

Джоан была немного озадачена.

Саша зажгла очередную сигарету и жадно курила, глядя в окно.

— Не знаю,— сказала Джоан растерянно,— почему я вам все это рассказываю...

— Ну разумеется потому, что вам надо с кем-то поделиться — облегчить душу, вы ведь об этом думаете и поэтому хотите поговорить.

— Обычно я очень сдержанная.

— И очень этим гордитесь, как все англичане,— с довольным видом заметила Саша.— О, вы такой своеобразный народ, очень своеобразный. Такие скромные, так стыдитесь своих достоинств, готовы признать, подчеркнуть свои недостатки.

— По-моему, вы немного преувеличиваете,— возразила Джоан.

Она вдруг ощутила себя истинной уроженкой Британии, не имеющей ничего общего с этой экзальтированной

бледнолицей женщиной, которая сидела в противоположном углу купе и с которой всего несколько минут назад она поделилась своими самыми сокровенными переживаниями.

— Вы пересаживаетесь на Симплонский Восточный экспресс? — поинтересовалась она светским тоном.

— Нет. Я ночую в Стамбуле, а затем еду в Вену. Не исключено, что там и умру, но, возможно, и нет,— объяснила Саша беспечно.

— Вы хотите сказать,— удивилась Джоан,— что у вас предчувствие?

— Ни в коем случае.— Собеседница расхохоталась.— Ничего подобного! Мне должны там сделать операцию. Очень сложную. Такие операции заканчиваются успешно не слишком часто. Но в Вене хорошие хирурги. Тот, к кому я еду,— очень знающий, еврей. Я всегда говорила, что глупо уничтожать всех евреев в Европе. Они прекрасные доктора и хирурги и весьма одарены творчески.

— О Господи,— охнула Джоан,— мне так жаль.

— Что я могу умереть? Но какое это имеет значение? Когда-то все равно придется умереть. А может, и не умру. Я решила: если выживу, уйду в один монастырь, о котором я слышала, с очень строгими порядками. Там не разрешено говорить, надо все время думать и молиться.

Воображение Джоан отказывалось рисовать углубленную в себя, навеки умолкнувшую Сашу.

— Скоро, когда начнется война, всем нам придется много молиться,— вдруг сказала Саша угрюмо.

— Война? — изумилась Джоан.

Саша утвердительно кивнула.

— Ну да, война обязательно будет. В следующем году или через год.

— Ну что вы,— удивилась Джоан,— мне кажется, вы ошибаетесь.

— Да нет, у меня есть очень хорошо осведомленные друзья, это они мне сказали. Все решено.

— Но где война — против кого?

— Везде. Все народы будут втянуты в нее. Мои друзья думают, что Германия победит быстро, но я с ними не согласна. Победа не будет молниеносной. Я знакома со многими англичанами и американцами и знаю, что их голыми руками не возьмешь.

— На самом деле,— сказала Джоан,— никто не хочет войны

Она произнесла это неуверенно.

— А почему же тогда существует «Гитлер югенд»?¹

— Но многие из моих друзей бывали в Германии, и им показалось, что в нацистском движении есть много положительного,— простодушно призналась Джоан.

— О-ля-ля! — воскликнула Саша.— Посмотрим, как они заговорят через три года.

Она выглянула в окно, потому что поезд, постепенно сбавив ход, остановился.

— Смотрите, мы подъехали к Киликийским воротам². Красиво, правда? Давайте выйдем.

Они вышли из вагона и остановились, глядя вниз, сквозь громадную прореху в горной цепи на голубые, окутанные дымкой долины...

Близился закат, и воздух был удивительно свежим и неподвижным.

«До чего красиво...» — подумала Джоан.

Ей захотелось, чтобы Родни оказался рядом и тоже любовался всем этим великолепием.

Глава 12

Виктория...

Джоан почувствовала, как сердце у нее застучало от волнения.

Приятно было вернуться домой.

На секунду ей показалось, что она и не уезжала. Англия, ее родина. Славные английские носильщики... Не слишком славный, но зато очень английский туманный денек!

Не романтичный, не красивый, но зато милый ее душе вокзал Виктория несколько не изменился: знакомый вид, знакомый запах!

Ох, подумала Джоан, я рада, что вернулась.

Такое долгое утомительное путешествие через Турцию и Болгарию, Югославию, Италию и Францию. Таможенники, проверки паспортов. Разные униформы, раз-

¹ «Гитлер югенд» (нем «Гитлеровская молодежь») — фашистская молодежная организация, существовавшая в Германии в 1926—1945 годах

² Киликийские ворота — горный проход в Таврских горах. В течение столетий связывал Анатолию со Чредиземноморским побережьем.

ные языки. Она устала, да, именно устала, от иностранцев. Даже эта своеобразная русская дама, которая ехала с ней от Алеппо до Стамбула, и та под конец утомила ее. С ней было любопытно, замечательно, хотя бы просто потому, что она была совсем другая. Но когда они уже ехали вдоль Мраморного моря¹ к Хайдарпаше², Джоан очень захотелось с ней распрощаться. Во-первых, она испытывала неловкость из-за того, что поделилась, не раздумывая, сокровенными мыслями с совершенно чужим человеком. А во-вторых, по какой-то непонятной причине рядом с Джоан почувствовала себя на редкость провинциальной. Не самое приятное открытие. Что толку было твердить себе, что она, Джоан, ни в чем ей не уступает! Она понимала, что это неправда. Ей было неловко сознавать, что Саша, несмотря на всю свою простоту, — аристократка, а она принадлежит к среднему классу — типичная жена деревенского адвоката. Что ни говори, ощущение глупое...

Но, так или иначе, все позади. Она опять дома, на родной земле.

Ее никто не встретил, потому что больше она не телеграфировала Родни, не сообщала даты приезда.

Джоан не покидала уверенность, что ей лучше встретиться с мужем дома. Она хотела сделать ему признание сразу, не откладывая в долгий ящик. Так, решила она, будет проще.

Ведь не просить же, в самом деле, прощения у изумленного мужа прямо на перроне вокзала Виктория!

Не стоит делать это на платформе, среди толпы, спешащей к таможенным стойкам.

Нет, она спокойно переночует на Гросвенор-сквер³, а завтра уедет в Крейминстер.

Не повидать ли ей сперва Аврелию? Она может позвонить ей из отеля.

Да, решила Джоан, так она и поступит.

С собой у нее была только ручная кладь, которую уже проверили в Дувре, так что в сопровождении носильщика она направилась прямо в отель.

¹ Мраморное море — море между Европой и Азией, соединяющееся проливом Босфор с Черным морем и проливом Дарданеллы — с Эгейским.

² Хайдарпаша — вокзал в Стамбуле, откуда отправляются поезда в Анатолию, а также Сирию и Ирак.

³ Гросвенор-сквер — большая площадь в центральной части Лондона

Приняв ванну, Джоан переоделась и позвонила Аврелии. К счастью, дочь оказалась дома.

— Мама? Я понятия не имела, что ты вернулась.

— Я приехала сегодня.

— Папа в Лондоне?

— Нет, я не сообщила ему, когда вернусь. Он бы поехал меня встречать, а это ни к чему, утомительно, он и без того очень занят.

Джоан почудилось, что в голосе Аврелии слышится едва уловимое изумление, когда та сказала:

— Да, наверное, ты права. Он все время очень занят.

— Ты часто с ним виделась?

— Нет. Папа приезжал в Лондон на один день три недели назад, и мы вместе позавтракали. А что ты делаешь вечером? Может быть, пообедаем где-нибудь?

— Я бы предпочла, чтобы ты приехала сюда, дорогая. Если не возражаешь. Я немного утомлена с дороги.

— Еще бы. Хорошо. Я приеду.

— А Эдварда не возьмешь с собой?

— У него сегодня деловой обед.

Джоан положила трубку. Сердце опять колотилось быстрее, чем обычно. «Аврелия... моя Аврелия», — подумала она.

Какой бесстрастный и ровный у нее тон... спокойный, сдержанный, равнодушный.

Через полчаса к ней в номер позвонили, чтобы сообщить, что приехала миссис Харрисон-Уилмот, и Джоан спустилась вниз.

Мать и дочь приветствовали друг друга по-английски сдержанно. Джоан подумала, что Аврелия хорошо выглядит. И не слишком худая. Джоан даже ощутила приступ гордости, пока шла с дочерью в обеденный зал гостиницы. Аврелия в самом деле была хороша: изящная, изысканная.

Они уселись за столик, и Джоан, встретившись с дочерью взглядом, на секунду пришла в замешательство.

Взгляд был до того холоден, до того безразличен...

Аврелия, как и вокзал Виктория, не изменилась.

Это я изменилась, подумала Джоан, но она об этом не догадывается.

Аврелия расспросила о Барбаре и о Багдаде. Джоан рассказывала всякие истории, которые приключались с ней по дороге домой. Но разговор отчего-то не клеился. Раз-

говор не получался доверительным Аврелия расспрашивала о Барбаре небрежно Вопросы личного свойства она, вероятно, находила нескромными. Но ведь не могла же она знать правду Просто проявляла свою обычную деликатность и не хотела показаться любопытной.

А вообще-то, неожиданно подумала Джоан, откуда мне знать, что с Барбарой все было именно так? Не исключено, что я это все напридумывала. У меня нет никаких конкретных доказательств.

Ей не хотелось об этом думать, но сама мысль пугала ее: что, если она из тех, кто воображает то, чего нет...

— Эдвард вбил себе в голову, что рано или поздно начнется война с Германией,— говорила Аврелия своим ровным голосом.

Джоан встрепелась.

— То же самое утверждала одна дама в поезде. Она была в этом уверена. Она вращается в высших кругах и, судя по всему, хорошо осведомлена. Но мне как-то не верится. Гитлер ни за что не осмелится развязать войну.

— Не знаю .— задумчиво произнесла Аврелия.

— Никто не хочет войны, детка.

— Но люди иногда получают то, чего не хотели.

— По-моему, такие разговоры очень опасны. Не стоит внушать окружающим вредные идеи,— решительно заявила Джоан.

Аврелия улыбнулась.

Они еще немного поболтали о том о сем. После обеда Джоан зевнула, и Аврелия сказала, что не станет ее дольше задерживать — мать наверняка устала.

Джоан сказала: да, еще как.

Назавтра, пробежавшись с утра по магазинам, Джоан успела на поезд, отходивший в Крейминстер в два тридцать. Это означало, что она окажется там около четырех. И будет поджидать Родни дома, к чаю .

Она с удовольствием смотрела в окно вагона. Пейзаж не особенно привлекателен в это время года — голые деревья, мелкий морозящий дождик, но все такое знакомое, родное. Багдад с его людными базарами, ярко-голубыми с золотом куполами мечетей казался до того далеким и нереальным, словно его вовсе и не было. И это долгое неправдоподобное путешествие, долины Анатолии¹, снега

¹ Анатолия — старое название Малой Азии

и горные пейзажи Тавра, скалистые вершины, длинный спуск сквозь ущелья к Босфору, стамбульские минареты¹, смешные воловьи повозки на Балканах, Италия, синее Адриатическое море, так сверкавшее, когда они покидали Триест, Швейцария и Альпы в сумерках, чередой разнообразнейших видов и сцен, и вот все завершается — путь к дому мимо притихших деревень...

Будто я и не уезжала, думала Джоан. Будто никогда не уезжала..

Она снова почувствовала, что запуталась, не способна разобраться в собственных мыслях. Вчерашняя встреча с Аврелией огорчила ее — безразличные глаза дочери смотрели на нее равнодушно, без интереса. Аврелия, подумала она, не заметила произошедшей во мне перемены. А почему, собственно говоря, она должна была что-то заметить?

Ведь внешне Джоан не изменилась.

— Родни... — произнесла она с нежностью.

Ощущение тепла вернулось к ней, а вместе с ним сожаление, жажда любви и прощения...

Нет, все верно, решила она... я начинаю новую жизнь...

У станции Джоан взяла такси. Агнес открыла ей и изумилась, обрадовалась.

Хозяин, сказала Агнес, будет доволен.

Джоан поднялась в спальню, сняла шляпу и снова спустилась. Комната показалась ей пустоватой, но это потому, что в ней не было цветов.

Я должна срезать завтра лавровых веток, подумала она, и купить гвоздик в магазине на углу.

Она походила немного туда-сюда, ожидая, тревожась.

Надо ли говорить Родни о ее догадке насчет Барбары? Ведь не исключено, что все-таки ..

Ну конечно же это неправда! Она все придумала! Нафантазировала, и все из-за пустой болтовни этой дурехи Бланш Хаггард — нет, Бланш Донован. Все-таки как ужасно выглядит Бланш — старая, опустившаяся

¹ Минарет (*араб*) — высокая башня многогранной или цилиндрической формы, необходимая принадлежность мусульманской мечети, с вершины которой правоверных призывают к молитве

Джоан притронулась рукой ко лбу. У нее появилось ощущение, что ее мозг превратился в калейдоскоп. Был у нее в детстве такой калейдоскоп, и он нравился ей, она смотрела, затаив дыхание, как цветные стекляшки крутятся и вертятся, прежде чем сложиться в рисунок..

Что с ней творилось?

Эта чудовищная гостиница и странное состояние, в которое она пришла в пустыне.. Насочиняла целую кучу неприятных вещей — что ее не любят дети, что Родни был влюблен в Лесли Шерстон (конечно же не был — что за чушь! Бедная Лесли). И даже сожалела, что убедила мужа отказаться от совершенно нелепой идеи насчет фермерства. В самом деле, ведь она проявила тогда мудрость и дальновидность...

О Господи, почему она так запуталась? Все, о чем она думала, во что поверила.. это неприятно...

И все же правда это или нет? Ей не хотелось, чтобы это было правдой.

Она должна решить, должна решить...

Что решить?

Солнце, подумала Джоан, солнце палило. От солнца случаются галлюцинации..

Бежать по пустыне... упасть на четвереньки.. молиться..

Неужели то — правда?

Или это?

Безумие, совершеннейшее безумие, что она поверила. Какое утешение, какая радость возвратиться домой в Англию и почувствовать себя так, словно она и не уезжала. Словно ничего не изменилось...

Конечно, не изменилось.

Калейдоскоп крутится... вертится...

Складывается то один узор, то другой...

Родни, прости меня — я не понимала...

Родни, я здесь, я вернулась домой!

Какой узор? Какой? Ей придется выбрать.

Джоан услышала, как открывается входная дверь — звук, который был ей так хорошо знаком...

Родни вот-вот придет.

Какой узор? Какой узор? Быстро!

Дверь распахнулась. Родни вошел. Он остановился, удивленный.

Джоан поспешила к нему навстречу. Она не сразу заг-

лянула ему в лицо. Дать ему время, подумала она, дать ему время...

Потом сказала беспечно:

— А вот и я, Родни... я вернулась домой...

Эпилог

Родни Скъюдмор устроился в небольшом, невысоком кресле, а его жена разливала чай, звякала ложечками и оживленно болтала о том, как ей приятно быть снова дома, как она рада, что тут все без изменений и что он даже себе не представляет, до чего отраднo вернуться в Англию, и в Крейминстер, и в родные стены!

Между оконными рамами, тычась о стекло то снизу, то сверху, важно жужжала обманутая необычно теплым началом ноября большущая муха.

Ж-жж, ж-жж, ж-жж,— не унималась муха.

День, день, день,— звенел голос Джоан Скъюдмор.

Родни улыбался и кивал головой.

Звуки, думал он, звуки...

Для одних значат много, для других — ничего.

Он ошибся, решил он, подумав, что Джоан какая-то необычная, когда она только приехала. Она точно такая, как всегда. Все точно так, как всегда.

Вскоре Джоан поднялась наверх распаковать вещи, а Родни прошел через холл к себе в кабинет, где его дожидались кое-какие захваченные с собой бумаги.

Но для начала, отперев правый верхний ящик стола, он достал оттуда письмо Барбары. Отправленное авиапочтой, оно пришло за несколько дней до отъезда Джоан из Багдада.

Это было длинное, написанное мелким почерком письмо, и он уже знал его почти наизусть. И тем не менее, он перечитал его с начала до конца, задержавшись немного на последней страничке.

... Теперь, милый папа, я рассказала тебе все. Подозреваю, что о многом ты сам догадался. Ты не должен обо мне беспокоиться. Я поняла, что чуть было не совершила преступной глупости. Запомни, мама ничего не знает. Было трудно ее обмануть, но доктор Маккуин разыграл все как по нотам и Уильям не подкачал. Я просто не знаю, что бы делала без него, он все время был рядом, готовый отразить

любое мамино нападение. Я пришла в отчаяние, когда она телеграфировала, что выезжает. Я уверена, мой родной, что ты пробовал ее задержать, но остановить ее невозможно, и я думаю, что по-своему она проявила доброту, но, естественно, перекроила всю нашу жизнь на свой лад, и это просто сводило нас с ума, а я была слишком слабой, чтобы сопротивляться! Я только сейчас начинаю чувствовать, что Мопси опять моя! Она просто прелесть. Мне бы хотелось, чтобы ты увидел ее. Ты любил нас, когда мы были младенцами, или полюбил позже? Родной мой папочка, я бесконечно счастлива, что у меня есть такой отец, как ты. Не беспокойся обо мне. У меня теперь все хорошо.

Любящая тебя
Бэбс.

Родни с минуту размышлял, держа письмо в руке. Он бы с радостью сохранил его. Оно для него много значило — письменное свидетельство того, что дочь надеется на него и доверяет ему. Но профессиональный опыт не раз доказывал ему, что хранить письма опасно. Если он внезапно умрет, а Джоан, разбирая бумаги, найдет письмо, это причинит ей ненужную боль. Не стоит обижать и разочаровывать ее. Пусть будет счастлива и чувствует себя безопасно в созданном ею для самой себя светлом и понятном мире.

Родни пересек кабинет и бросил письмо в огонь. Да, подумал он, у нее теперь все хорошо. У детей все хорошо. Больше других он всегда боялся за Барбару, неуравновешенную, излишне чувствительную. Что ж, кризис наступил, и она выкарабкалась: пускай не невредимая, но живая. И понимает, что Мопси и Билл — ее истинная жизнь. Отличный парень Билл Рэй. Родни надеялся, что он не слишком сильно страдал.

Да, у Барбары все будет нормально. И у Тони все нормально в его апельсиновых рощах в Родезии, далековато, но зато нормально, и его молодая жена, кажется, подходит ему. У Тони никогда не было больших огорчений — возможно, и не будет. Он воспринимает мир светло.

И у Аврелии все теперь в порядке. Об Аврелии Родни всегда думал с гордостью, а не с сочувствием. Аврелия с ее здравым умом и твердым характером. Острая на язык. Крепкая, как скала, негибкая: какое неподходящее имя они ей дали.

Он сражался с Аврелией и победил, победил с помо-

щью единственного оружия, которому готов был подчиниться ее трезвый рассудок, оружия, которое ему было так неприятно использовать. Логика, холодные, безжалостные доводы, и она согласилась с ними.

Но простила ли дочь отца? Скорей всего, нет. Но это не имеет значения. Пускай он и утратил любовь Аврелии, но зато она его по-прежнему уважает, а ведь в конце концов, полагал Родни, для негибимо прямолинейных натур вроде нее последнее куда важнее.

Вечером накануне свадьбы, обращаясь к любимейшему своему ребенку, от которого его теперь отделяла пропасть, он сказал:

— Надеюсь, ты будешь счастлива.

— Я постараюсь стать счастливой,— ответила Аврелия твердо

Такова была Аврелия: ни героизма, ни сожалений о прошлом, ни жалости к себе. Продуманное отношение к жизни и умение обходиться без посторонней помощи.

Они больше от меня не зависят, все трое, думал он.

Отодвинув в сторону скопившиеся на столе бумаги, Родни подошел к креслу, которое стояло справа от камина. Он прихватил с собой договор об аренде Мэссингэма и со вздохом принялся снова читать его с самого начала.

«Землевладелец отдает, а арендатор получает все строения на ферме, землю и дома, расположенные на...»

Он перевернул страницу.

«...не снимать больше двух урожаев зерновых с любого участка предоставленной земли, не оставив ее на лето под паром (сведенный овцами урожай турнепса и рапса, выращенный на тщательно очищенной и обработанной почве, приравнивается к содержанию под паром), а также...»

Опустив руку, Родни поискал глазами кресло напротив.

Именно там сидела Лесли, когда он говорил с ней о детях и доказывал, что для них лучше быть подальше от Шерстона. Мать обязана, сказал он, в первую очередь думать о детях.

Она думает, ответила Лесли, и ведь Шерстон как-никак их отец.

Отец, отсидевший в тюрьме, возразил он, бывший заключенный Существует общественное мнение, детей

подвергнут остракизму¹, нельзя лишать их нормального существования, это эгоизм, они ни в чем не виноваты. Ее долг помнить обо всем этом. У мальчиков, настаивал Родни, жизнь не должна быть ничем омрачена. И начало у этой жизни должно быть справедливым.

И Лесли сказала:

— Вот именно. Он — их отец. Важнее не то, что они принадлежат ему, а то, что он принадлежит им. Мне бы хотелось, конечно, чтобы их отец был другим, но тут уж ничего не поделаешь.

И еще она сказала:

— Разве правильно начинать жизнь, прячась от реальности?

Что ж, ему, разумеется, были ясны ее соображения. Но он думал иначе. Он всегда хотел, чтобы у его детей было все самое лучшее, — и они с Джоан не жалели для этого сил. Лучшие школы, самые солнечные комнаты в доме — они отказывали себе кое в чем, чтобы это стало возможным.

Но им никогда не приходилось делать нравственный выбор. Не было ни позора, ни бесчестия, ни провала, ни отчаяния, ни стыда: ничего, что бы заставило их задаться вопросом: «Как нам поступить — уберечь их или лучше, чтобы они разделили все это с нами?»

А Лесли не сомневалась, как лучше. Любовь к детям не помешала ей переложить часть груза на их хрупкие, неокрепшие плечи. Это был не эгоизм, не попытка облегчить себе ношу, она просто не хотела ограждать их даже от самой тяжелой действительности.

Да, Родни казалось, что она ошибается. Но он, как всегда, не мог отказать ей в мужестве. Мужества ей хватало сполна. Хватало и на тех, кого она любила.

Он запомнил, как Джоан сказала в тот осенний день, когда он уходил на работу:

«Мужество? Да, конечно, но мужество — это еще не все».

А он спросил:

«Разве?»

¹ Остракизм — в древнегреческих городах-государствах, особенно Афинах, признание к изгнанию опасных для государства лиц путем голосования с помощью черепка — «остракона»; в переносном смысле «изоляция, изгнание».

Лесли сидела в его кресле, чуть приподняв левую бровь и опустив правую, левый уголок ее рта немного кривился, голову она положила на бледно-голубую подушку, отчего ее волосы казались... какими-то... зеленоватыми.

«У вас волосы не каштановые. Они зеленые».

Это были единственные за все время слова, в которые Родни вложил что-то личное. Он никогда особенно не задумывался о том, как она выглядит. Усталая, это понятно, больная — но тем не менее сильная — да, физически сильная. Однажды ни с того ни с сего он подумал, что она могла бы вскинуть на плечо мешок картошки, как мужчина.

Мысль не сказать чтобы романтическая, да и вообще романтических воспоминаний, связанных с Лесли, у него не осталось. Правое плечо выше левого, левая бровь поднята вверх, правая опущена вниз, уголок рта немного кривится, когда она улыбается, каштановые волосы, которые отливают зеленью на фоне бледно-голубой подушки...

Не слишком много, подумал он, чтобы подпитывать любовь. А что такое любовь? Ради всего святого, что такое любовь? Мир и покой, которые снизошли на него, когда она сидела в его кресле, откинув зеленоватую голову на голубую подушку? Или то, как она вдруг сказала:

— Вы знаете, я думала о Копернике...¹

Коперник? При чем тут, скажите на милость, Коперник? Монах, которого осенила идея... идея, заключавшаяся в том, что у Земли другие очертания, и который оказался достаточно изворотлив и находчив, чтобы поладить с сильными мира сего и изложить свою теорию в такой форме, что в нее поверили.

Почему Лесли, чей муж сидел в тюрьме и которая вынуждена была сама растить детей и заботиться об их пропитании, проведя рукой по волосам, произнесла: «Я думала о Копернике».

Однако именно с тех пор замирало всегда у Родни сердце при упоминании имени Коперника, и потому он повесил на стену старинную гравюру с изображением монаха, словно говорившего ему: «Л е с л и».

Он подумал, что должен был все-таки признаться ей в своей любви. Хотя бы сказать.

¹ Коперник Николай (1473—1543) — польский астроном, основатель гелиоцентрической теории строения нашей планетарной системы.

Но было ли это на самом деле так уж необходимо? В тот день на Эшлдауне, когда они грелись на октябрьском солнце. Вместе — он и она — и одновременно порознь. Горечь и отчаянная тяга друг к другу. Их разделяли четыре фута, потому что придвинуться ближе было опасно. Она это понимала. Он подумал смущенно: «Это расстояние между нами подобно электрическому полю... заряженному желанием».

Они не глядели друг на друга. Он смотрел вниз на поле и ферму, прислушиваясь к едва слышному гудению трактора и любуясь только что вспаханным полем. А Лесли вглядывалась в даль, туда, где был лес.

Они оба напоминали людей, увидевших землю обетованную, оказавшуюся для них недоступной. Я должен был сказать тогда, что люблю ее, думал Родни.

Но ни один из них ничего не сказал — только Лесли пробормотала:

— «Не увядает солнечное лето...»

И все. Одна избитая строка. И он даже не понял, что она имела в виду.

А может, и понял. Да, все-таки понял.

Спинка кресла исчезла. И лицо Лесли. Он не мог ясно вспомнить ее лицо — только этот смешно кривившийся уголок рта.

И тем не менее последние шесть недель она сидела там каждый вечер, разговаривая с ним. Фантазия — не более того. Вымышленная Лесли, в чьи уста он вкладывал слова, усадив ее в кресло. Он заставлял ее произносить то, что ему хотелось услышать, и она соглашалась, но губы ее смеялись, словно она потешалась над тем, как он с ней обходится.

Это были, решил Родни, шесть очень счастливых недель. Он смог повидаться с Уоткинсом и Миллзом, провел на редкость приятный вечер с Харгрейвом Тейлором — у него всего несколько друзей, не слишком много. Чудесная прогулка по холмам в воскресенье. Слуги отлично его кормили, ел он, как ему нравилось, не спеша, приставив книгу к сифону с содовой. После ужина иногда заканчивал кое-какую работу, а потом выкуривал трубку и, наконец, чтобы не становилось вдруг одиноко, усаживал в кресло придуманную Лесли — для компании.

Верно, ту Лесли он придумал, но не было ли где-то неподалеку настоящей?

«Не увядает солнечное лето »

Родни вернулся к договору об аренде.

«.. и будет отвечать за вышеназванную ферму, никогда не нарушая правил хозяйствования».

Я и в самом деле толковый юрист, сказал он сам себе с удивлением.

А потом, перестав удивляться (достаточно равнодушно): «Мне повезло».

Возделывать землю, думал он, тяжелое, рвущее сердце занятие

Но, Господи, как же я устал!

Родни давно не ощущал себя таким усталым.

Дверь отворилась, и вошла Джоан.

— Ой, Родни, ну зачем читать в темноте!

Проходя мимо него, она включила свет. Он улыбнулся и поблагодарил.

— Так глупо, милый, портить глаза, если достаточно всего лишь щелкнуть выключателем. Не знаю, что бы ты без меня делал,— с чувством добавила она, усаживаясь.

— Заимел бы кучу дурных привычек,— сказал Родни, улыбнувшись добродушно, насмешливо.

— Ты помнишь,— спросила Джоан,— как ты вдруг захотел отказаться от предложения дяди Генри и стать фермером?

— Да, помню.

— Ты не радуешься сейчас, что я тебе не позволила?

Родни смотрел на нее и восхищался ее неутомимой бодростью, молодой стройной шеей, гладким миловидным лицом. Жизнерадостная, уверенная, преданная. Джоан всегда была мне хорошей женой, подумал он.

Он подтвердил негромко:

— Да, радуюсь.

— У всех бывают порой неразумные идеи,— заметила Джоан.

— Даже у тебя?

Он пошутил, но с удивлением увидел, что она нахмурилась. Промелькнувшее на ее лице сомнение было подобно ряби на гладкой поверхности воды.

— Случается, нервы сдают, все видится в мрачных тонах.

Родни изумлялся все сильнее. Он не мог представить себе, чтобы Джоан нервничала или впадала в уныние. Желая поменять тему, он сказал:

— Знаешь, я немного завидую твоему путешествию на Восток.

— Да, было интересно. Но мне бы не хотелось жить в таком месте, как Багдад.

— А я бы с удовольствием посмотрел на пустыню. Это должно быть захватывающе — пространство и яркий ослепительный свет. Свет особенно привлекает меня. Видеть ясно...

Джоан не дала ему закончить, сказав с омерзением:

— Отвратительно, просто отвратительно — полнейшая пустота!

Она обвела комнату пристальным, беспокойным взглядом. Будто животное, которое хочет спрятаться, — показалось Родни.

Но ее лоб тут же разгладился.

— Подушки совсем старые, выгорели. Надо купить новую вон для того кресла, — заметила она.

Родни вздрогнул, но быстро справился с собой.

Что ж, собственно, почему бы и нет? Подушка выгорела. Лесли Аделина Шерстон покоится на кладбище под мраморной плитой. Фирма Олдермена, Скьюдмора и Уитни идет в гору. Фермер Ходдесдон надеется получить очередную ссуду.

Джоан прохаживалась по комнате, проверяла, не скопилась ли где пыль, расставляла книги в шкафах, двигала фигурки на каминной полке. За прошедшие шесть недель комната отчего-то и вправду стала выглядеть облезлой и немного неопрятной.

— Каникулы закончились, — буркнул себе под нос Родни.

— Что? — повернулась к нему Джоан. — Что ты сказал?

— Разве я что-то сказал? — обескураженно глядя на нее, спросил он.

— Мне показалось, ты сказал: «Каникулы закончились». Ты, наверное, задремал, и тебе приснилось, что дети собираются в школу.

— Да, — подтвердил Родни. — Я, должно быть, задремал.

Джоан стояла, поглядывая на него с сомнением. Потом поправила картину на стене.

— Что это? Что-то новое?

— Да. Купил как-то на распродаже у Хартли.

— О! — Джоан взглянула на картину с интересом. — Коперник? Наверное ценная?

— Понятия не имею.— Родни пожал плечами. И повторил задумчиво: — Не имею ни малейшего понятия...

Что ценно, а что — нет? Существует ли такое понятие, как память?

«Вы знаете, я думала о Копернике...»

Лесли, этот ее проходимец-муж, пьянство, нищета, болезнь, смерть.

«Бедная миссис Шерстон, такая невеселая жизнь».

Но, думал он, Лесли не была печальной. Она прошла сквозь разочарование, и нищету, и болезнь, подобно тому, как мужчина преодолевает болота, идет за плугом, переправляется через реки: неумоимо, с нетерпением, чтобы добраться туда, куда стремится...

Родни задумчиво смотрел на жену своими усталыми, добрыми глазами.

Такая бодрая, ловкая, деловитая, такая уверенная в себе и удачливая. Ей не дашь больше двадцати восьми, решил он.

И вдруг ему стало до боли жаль ее.

Он произнес с огромным сочувствием:

— Бедная крошка Джоан.

Она посмотрела на него. Она сказала:

— Почему бедная? И никакая я не крошка.

— А вот и я, бедная крошка Джоан. Кто со мной — сюда, или я — одна,— как всегда насмешливо поддразнил ее Родни.

Она внезапно кинулась к нему и, с трудом переводя дух, выговорила:

— Я не одна. Я не одна. У меня есть ты.

— Да,— подтвердил Родни.— У тебя есть я.

Подтвердил, хотя знал, что это неправда. Он подумал: «Ты одна и останешься одна навсегда. Но, Господи, сделай так, чтобы ты никогда об этом не догадалась!»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

РОМАНЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПОД ПСЕВДОНИМОМ МЭРИ УЭСТМАКОТТ

В период с 1930 по 1965 год Агата Кристи опубликовала шесть романов под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Эти романы обычно принято считать «дамскими», или, как еще их называют, «любовными», и все же это не совсем обычные, в понимании этого слова, образчики подобного жанра. Они несомненно ближе к прозе Дафны Дюмурье, нежели Барбары Картленд, и заслуживают этого названия в той же мере, что и произведения Джейн Остен или Айрис Мердок. Эти шесть романов Мэри Уэстмакотт — ничуть не слабее детективных романов Агаты Кристи, а по мнению многих критиков и превосходят их.

В своей автобиографии Агата Кристи рассказывает о том, как пришла к их написанию:

«Вначале меня увлекал просто процесс работы над книгой, — может быть, отчасти потому, что, не ощущая себя настоящей писательницей, я всякий раз поражалась тому, что написала вещь, которую опубликовали. А потом сочинительство стало просто работой. Очередная книга выходила в свет, а от меня уже ждали следующей. Но вечное стремление делать что-нибудь, что не было бы собственно работой, профессией, не покидало меня; впрочем, произойди это, жизнь вмиг стала бы ужасно скучной.

И вот теперь мне захотелось сочинить что-нибудь непохожее на детектив, и не без некоторых угрызений я взялась писать обычный роман под названием «Хлеб великанов», посвященный главным образом музыке. В процессе работы я то и дело сталкивалась со своим невежеством в области разных технических деталей. Тем не менее прессу он получил неплохую, да и тираж для «начинающего автора» разошелся вполне сносно. Я

ведь писала под именем Мэри Уэстмакотт, и никто не знал, что она — это я. Я хранила эту тайну целых 15 лет».

Романы Мэри Уэстмакотт весьма неоднозначны по качеству, но все они легко и с интересом читаются. Лучшие из них по-настоящему драматичны, в них увлекательно решаются задачи, порожаемые самой жизнью. К сожалению, эти книги оказались в тени ее детективной беллетристики, но сама Агата конечно же знала их истинную цену и очень огорчалась недостаточному интересу к ним в литературных кругах.

В настоящем собрании сочинений издательство «Артикул» попыталось исправить эту несправедливость.

«Хлеб великанов»

Опубликованный в марте 1930 года, «Хлеб великанов» представляет собой довольно большой роман (почти вдвое больше детективных романов Кристи). На первый взгляд кажется, что это книга о музыке, но на самом деле она более многопланова. В основе ее размышления о таланте и своего рода хронология и анализ становления человеческой личности.

Именно здесь она обнаруживает дар подлинного романиста, способного создавать полнокровные характеры, не гоняясь за требованиями сюжета. Вообще-то «Хлеб великанов» в известной мере автобиографичен. В более поздних романах Мэри Уэстмакотт вполне очевидна чисто внешняя автобиографичность, но в «Хлебе великанов» информация о личности писательницы лежит в глубинной основе повествования, и информация эта не фактологической, а психологической, духовной природы.

В романе ей удается создать целую галерею характеров, но все вертится вокруг одного — главного героя, или антигероя, Вернона Дейра. Поражает необычайная легкость, с которой Кристи исследует различные стороны человеческой натуры, а также передает чувства и настроение всех без исключения персонажей.

Кроме того, удивляет точность, с которой Кристи, не смотря на собственное «глубокое невежество в области технических деталей», описывает одержимость главного героя музыкой. Ей удастся создать абсолютно достоверный образ композитора — достоверный не только потому, что Вернон с легкостью перечисляет соответствующие имена — Прокофьева, Шенберга, Стравинского, — но и потому, что его собственная музыка, экспериментальная и даже авангардная, обрисована чрезвычайно убедительно.

Роман написан ровно и гладко, что называется, на одном дыхании. И если отношение автора к некоторым из героев и можно назвать романтическим, то сентиментальностью оно не грешит ни в коей мере, да и романтичность не следует понимать лишь как неадекватное видение жизни. Дважды в романе цитируется Достоевский — и оба раза вполне оправданно. Роман изобилует весьма необычными сюжетными ходами и психологическими ситуациями. Например, в конце романа, когда Вернон, попав в кораблекрушение, может спасти из двоих только одного человека, должен выбирать между двумя любимыми людьми.

Вышел в Англии в 1930 году.

Перевод под редакцией Е. Чевкиной выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

«Неоконченный портрет»

Второй роман, под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, вышел в 1934 году и назывался «Неоконченный портрет».

Несомненно основной задачей, которую ставила перед собой миссис Кристи в этой книге, было отражение несколько беллетризованного и слегка гипертрофированного собственного «я». Повествование ведется от лица Лэрреби, художника-портретиста, встретившего главную героиню, Селию, в тот момент, когда та уже была готова свести счеты с жизнью. Благодаря ему она соглашается отложить осуществление своего замысла. Художник потрясен историей, рассказанной ему Селией, и берется за ее портрет. При этом из соображений, которые становятся понятны лишь в конце романа, он предпочитает создавать этот портрет при помощи слов, а не красок.

История Селии удивительно похожа на историю самой Агаты, как она излагается в «Автобиографии», написанной сорок лет спустя. Причем некоторые эпизоды буквально совпадают. Роман, совершенно очевидно, является художественно переработанной, более подробной и значительно более эмоционально изложенной версией первой трети биографии писательницы. Образы матери и бабушки Селии явно списаны с матери юной Агаты Миллер и ее бабушки. Мужчины в жизни Селии — это мужчины из жизни Агаты, причем муж Селии, Дермут, явно Арчи Кристи.

Описывая в «Неоконченном портрете» несколько лет своей жизни после крушения первого брака, миссис Кристи воссоздает собственный портрет, возможно, пытаясь понять самое себя и собственные поступки.

Второй муж Агаты Кристи, Макс Мэллоуэн, после прочтения ее «Автобиографии» писал: «Этот роман нельзя отнести к числу ее лучших произведений, поскольку он — смесь реальных и воображаемых людей и событий. Лишь избранные знают, сколь многое вошло в сюжет книги из реальной жизни, но образ Селии — это едва ли не самый точный портрет самой Агаты». Поэтому вполне можно считать Селию признанным автопортретом Агаты, причем гораздо более искренним и глубоким, чем тот, который она представила читателям в «Автобиографии». Пользуясь камуфляжем художественного текста, она смогла открыть такие стороны собственной личности, какие ни за что бы не вынесла на публику в более документальном жанре.

«Неоконченный портрет» — наиболее слабый из всех романов Уэстмакотт, хотя он довольно занимателен и неплохо читается, а описанные в нем попытки женщины разобраться в себе самой безусловно интересны. Самое ценное в нем — это описание Агаты Кристи как типичной представительницы среднего класса, жены и матери, и в то же время описание ее актерского воплощения образа этой самой жены и матери. Перед нами характер весьма уравновешенный, но все же состоящий из крайностей и нередко ими определяемый. В одной из глав Лэрреби говорит, что о Селии, как и все, кто живет в основном в своем внутреннем мире, оставалась странным образом не восприимчивой к влиянию извне. И совершенно не приспособленной в том, что касалось реальной жизни. Заметим, что примерно то же говорит в «Автобиографии» и Агата Кристи — разумеется, об Агате Кристи.

Роман вышел в Англии в 1934 году.

Перевод Е. Шальневой впервые опубликован в книге: *Агата Кристи. Неоконченный портрет*, Россия—Великобритания, 1993. Для настоящего издания перевод выправлен и заново отредактирован.

«Вдали весной»

Написанный буквально за три дня, третий из серии романов под псевдонимом Мэри Уэстмакотт вызвал бурю восторженных откликов. Этот небольшой (даже по агатовским меркам) роман буквально пронизан эмоциями. Все вертится вокруг главной героини — преуспевающей англичанки лет пятидесяти, отправившейся в гости к дочери, муж которой служит в Департаменте общественных работ в Ираке. Застрыв из-за наводнения в маленькой гостинице в Тель-Абу-Хамиде на турецкой границе, она на одном дыхании прочитывает обе книжки, взятые

с собой в дорогу, пишет кучу писем, а затем поддается незнакомой прежде рефлексии.

Она всегда считала себя хорошей женой, чуткой и заботливой матерью. Но, всерьез задумавшись о собственной жизни и семье, приходит к выводу, что за ее внешней мягкостью и рассудительностью таятся разрушительные силы и ее истинное отношение к самым дорогим для нее людям на самом деле совсем не такое, как ей казалось.

Большую часть повествования составляют мысли и воспоминания главной героини, в которых она совершенно по-иному интерпретирует прошлое: дружбу мужа с другой женщиной, его профессиональные неудачи, его юношеские мечты. События из жизни миссис Скъюдемор, в отличие от биографии героини «Неоконченного портрета», имеют мало общего с событиями жизни самой Агаты Кристи. Скорее, это духовная или эмоциональная автобиография, что для читателя, впрочем, не особенно важно. Джоан Скъюдемор — это в высшей степени достоверный образ женщины, чей душевный кризис, порожденный тишиной, одиночеством, солнцем пустыни и возрастом, показан с большой выразительностью и известной долей мудрости.

Концовку романа не назовешь ни счастливой, ни печальной, поскольку как назвать — счастьем или несчастьем — самообман, с одной стороны, а с другой — познание самой себя. Самой миссис Кристи, кстати, ведомо и то, и другое.

Название романа взято из сонета Шекспира:

Нас разлучил апрель цветущий, бурный,
Все оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.

Но более точно суть романа передают строки современника Шекспира, Френсиса Кроулза: «Никто не рожден для самого себя — живущий для себя не живет ни для кого». Дилемма, так просто и непритязательно изложенная Кристи в этом романе, состоит в необходимости и невозможности разделить себя, свой мир, свою сущность и свой интеллект с теми, кого любишь.

Роман получил хорошую критику. Так, известная американская писательница Дороти Хьюз в своей рецензии для «Нью-Йорк таймс» на американское переиздание романа замечает: «Ни одна история меня так не трогала. «Вдали весной» — это шедевр, который станет классикой». Признает достоинства романа и Роберт Барнард: «Кристи сумела взглянуть на собственную социальную среду трезвым взглядом Мэри Уэстма-

котт. Ее главный персонаж — властная представительница среднего класса, хладнокровная, несколько назойливая, эмоционально неразвитая — показан как носитель худших черт среднего класса. Это весьма искусное исследование». Разумеется, персонаж изображен с куда большей симпатией и сочувствием, чем можно понять из вышеприведенного комментария. А известный критик, Джессика Манн, замечает, что «создается впечатление, что роман повествует о некоем человеческом типе, если не о конкретном человеке, которого Агата хорошо знала и ненавидела». Другие были убеждены, что роман, на глубинном уровне, вообще о самом авторе.

Опубликован в Англии в 1944 году.

Перевод Т. Бердиковой выполнен специально для настоящего издания и публикуется впервые.

А. Тутов

СОДЕРЖАНИЕ

ХЛЕБ ВЕЛИКАНОВ. <i>Роман</i>	5
НЕОКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ. <i>Роман</i>	279
ВДАЛИ ВЕСНОЙ. <i>Роман</i>	527
Библиографическая справка	680

Издательство «Артикул»
осуществляет издание Собрания сочинений
АГАТЫ КРИСТИ
в 20 томах

В настоящее время вышли из печати
и имеются в наличии
1—9, 11-17, 20(1), 22, 23 тома
Готовятся к выходу 10, 20(2), 20(3), 20(4), 24 тома

Информацию по приобретению уже
вышедших томов и вопросам оптовых
поставок можно получить по
телефону издательства:
(095) 289-30-37

В Москве
все вышедшие тома
можно приобрести в магазинах:

«БИБЛИО-ГЛОБУС»
ул. Мясницкая, 6
проезд: ст. метро «Лубянка»

«МОСКВА»
ул. Тверская, 8
проезд: ст. метро «Тверская»

Иногородным читателям,
желающим оформить подписку и получить
любые из вышедших томов по почте,
следует обращаться по адресу:

ПКП «Техника — Быт — Сервис»
390000, Рязань, почтамт, а/я 12
Тел. (0912) 76-15-87

Кристи А.
К-82 Собрание сочинений. Т.22.
Хлеб великанов: Роман; Неоконченный портрет: Роман; Вдали весной: Роман. Пер. с англ./ Сост. А. Титов. — М.: Артикул-принт, 2000. — 686 с.

ISBN 5-93776-002-6 (т.22)

В двадцать второй том Собрания сочинений Агаты Кристи вошли романы, написанные под псевдонимом Мэри Уэстмакотт: «Хлеб великанов» (1930), «Неоконченный портрет» (1934), «Вдали весной» (1944).

УДК 820 Кристи 2+820-31
ББК 84(4Вел)

Агата Кристи

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцать второй

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А. Титова

Литературный редактор *Е. Чевкина*
Компьютерная верстка *Т. Носова*
Научный редактор *В. Мурат*
Корректор *О. Наренкова*

ИД № 00803 от 20.01.2000

Подписано в печать 24.01.2000. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 39,41. Уч.-изд. л. 39,82.
Тираж 28 000 экз. (2-й завод 14 001—21 000 экз.). Заказ № 1924

Издательство «Артикул-принт»
129081, Москва, Полярная, 9-4

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГУПП «Детская книга» Роскомпечати. 127018, Москва, Сушевский вал, 49

ISBN 5-93776-002-6

9 785937 760029 >